КОНЕВ

Сергей Михеенков

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

КОНЕВ Сергей Михеенков

ЖЗЛ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Иван Степанович Конев (1897—1973) был одним из тех молодых советских полководцев, которые сокрушили самую мощную в 30—40-х годах XX века военную силу в Европе — армию Третьего рейха. Этого военачальника отличало умение готовить и проводить крупномасштабные фронтовые операции, в том числе по окружению и уничтожению огромных вражеских группировок. Ни одна из операций, проводимых Коневым, не повторяла другую. В книге рассказывается о жизни выдающегося полководца, о неудачах первых боёв и блестяще проведённых сражениях Великой Отечественной войны, о взаимоотношениях Конева со Сталиным, Жуковым и Хрущёвым и его послевоенной деятельности, в том числе участии в возведении Берлинской стены и подавлении Венгерского восстания. Впервые публикуются редкие документы из семейного архива Коневых.

- Сергей Михеенков
  -
  - Глава первая.
  - Глава вторая.
  - Глава третья.
  - Глава четвёртая.
  - Глава пятая.
  - Глава шестая.
  - Глава седьмая.
  - Глава восьмая.
  - Глава девятая.
  - Глава десятая.
  - Глава одиннадцатая.
  - Глава двенадцатая.
  - Глава тринадцатая.
  - Глава четырнадцатая.
  - Глава пятнадцатая.
  - Глава шестнадцатая.
  - Глава семнадцатая.
  - Глава восемнадцатая.
  - Глава девятнадцатая.
  - Глава двадцатая.
  - Глава двадцать первая.
  - Глава двадцать вторая.
  - Глава двадцать третья.
  - Глава двадцать четвёртая.

- Глава двадцать пятая.
- Глава двадцать шестая.
- Глава двадцать седьмая.
- Глава двадцать восьмая.
- Глава двадцать девятая.
- Глава тридцатая.
- Глава тридцать первая.
- Глава тридцать вторая.
- Глава тридцать третья.
- Глава тридцать четвёртая.
- Глава тридцать пятая.
- Глава тридцать шестая.
- Глава тридцать седьмая.
- Глава тридцать восьмая.
- Глава тридцать девятая.
- ПРИЛОЖЕНИЕ.
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ МАРШАЛА И.С. КОНЕВА
- БИБЛИОГРАФИЯ
- ИЛЛЮСТРАЦИИ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24

- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68

- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105

- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

○ 7

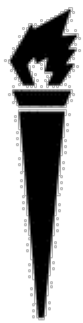
Сергей Михеенков
КОНЕВ.
СОЛДАТСКИЙ МАРШАЛ

Жизнь замечательных людей

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1644

(1444)

«Молодая гвардия», 2013

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но всё же, всё же, всё же…
Александр Твардовский

И всюду, где это возможно, так хочется сохранить людей, дойти с ними, с живыми, до победы.

И.С. Конев. Из книги «Сорок пятый»

ОТ АВТОРА

Благодарен обстоятельствам и людям, доброй помощью, советами и хлопотами которых появилась эта книга.

Наталии Ивановне Коневой, дочери маршала И.С. Конева, сохранившей архив отца и помогавшей мне весь период, который ушёл на сбор материалов и написание книги.

Анне Васильевне, Елене Гелиевне Коневым и Дарий Николаевне Бажановой, внучкам героя этой книги, которые консультировали меня, всячески способствовали работе над рукописью, читали некоторые главы и вносили поправки и дополнения.

Библиотечным и музейным работникам Калуги, Тарусы, Жукова, Москвы, которые предоставляли мне необходимую литературу и информацию.

Глава первая. ВОЛОГОДСКАЯ ДЕРЕВНЯ ЛОДЕЙНО

Когда бываешь в родных краях прославленного человека, судьба которого тебя волнует особенно, всегда пристально вглядываешься в черты его родины и пытаешься разглядеть в них нечто такое, что, кажется, и дало тот внутренний толчок, который помог выйти твоему герою, как говаривали совсем недавно, на широкую дорогу жизни.

У маршала Ивана Степановича Конева, как, впрочем, и у большинства крестьянских детей, родина довольно скромная — тихая северная деревня Лодейно. Когда-то, в пору детства нашего героя, она относилась к Щёткинской волости Никольского уезда, в то время входившего в Северо-Двинскую губернию. Потом, когда начались деления и переделы, связанные то с одной властью, то с другой, уезд и родная деревня Ивана Конева попеременно отходили то к Вологодской губернии, то к Вятской. Теперь Лодейно принадлежит Подосиновскому району Кировской области. Вот и спорят вологодские с вятскими, кому же из них приходится истинным земляком прославленный полководец XX столетия, кому он роднее. Подолью масла в огонь и я. Когда весной 1945 года в Южной Саксонии, где тогда стоял штаб 1-го Украинского фронта, маршал диктовал свою биографию писателю Борису Полевому, то начал буквально следующим: «Родился я в деревне Лодейно на Вологодчине…» Вот так и выпало из памяти маршала Конева северо-двинское его происхождение. Правда, как часто случается, всё своим мудрым ладом умиротворил поэт, причём здешний, подосиновский, — М. Рыбин:

Вологодские, вятские — Все мы крови одной, Наши судьбы солдатские Перевиты войной.

Лодейно же деревня, как уже было сказано, довольно обычная. Таких по речке Пушме когда-то стояло много. Слава богу, что Лодейно и по сей день жива, шумит, рожает детей, трудится и кормится как может. И особо хранит в своей памятливой душе образ одного из своих сыновей, который когда-то в смутный период истории России выпорхнул из родительского гнезда. Судьба его приласкала своей и доброй, и недоброй лаской, возложив на его плечи тяжкий груз ответственности за судьбы миллионов людей, которых он посылал на смерть, чтобы их потомки могли жить на своей земле хозяевами, в мире и довольстве.

Однажды, уже после войны, в стенах МХАТа в разговоре маршала с народной артисткой СССР Ангелиной Степановой зашла речь о его родине. Чуткая к слову актриса поразилась чистоте и богатству речи Конева, его особым интонациям, в которых чувствовался русский север, своеобразие, исконность. Её удивило ещё и то, что с годами он нисколько не растерял этот свой особый северный, родовой дар.

— Моя родина, — ответил Конев, — там, где не было крепостного права и не ступала нога завоевателя. Мы сохранили свободный и вольный язык славян, которые жили под Великим Устюгом.

Суровый северный край. Некогда Устюгский удел Ростово-Суздальского, а затем великого Владимиро-Суздальского княжества. Когда-то Устюг стоял несокрушимой крепостью на древнем торговом и военном пути новгородцев по реке Сухоне — вниз, к хлебородным землям. Устюгская земля дала России знаменитого путешественника и открывателя новых земель Семёна Дежнёва, воина, покорителя Приамурья Ерофея Хабарова, исследователя Камчатки Владимира Атласова.

О своей родной деревне Конев вспоминал так: «…вологодская деревня, высокие дома с подклетями, рубленные из толстых брёвен. Колодезные журавли. Корыта для пойки лошадей и коновязи чуть ли не под каждым окном. Это для проезжавших подводчиков, останавливавшихся на ночлег или постой. Деревня наша была большая, лежала на большаке, ведущем из Котельнича в город Великий Устюг. По этому большаку непрерывно в оба конца, в особенности зимой, ходили длинные обозы с хлебом вглубь страны и с водкой для всех казёнок[1] в обратную сторону. Вот этот оживлённый тракт в значительной степени и определял жизнь нашей деревни».

Речка Волосница, на которой стоит Лодейно, неподалёку расходится вширь и образует небольшой залив. Можно предположить, что когда-то он был полноводнее. Именно здесь, на этом плёсе и его берегах, как утверждают местные старожилы, их предки ладили лодьи.

В переписи 1895 года по Вологодской губернии значится буквально следующее: «Деревня Лодейно. Пушемско-Николаевского прихода Щёткинской волости Никольского уезда». В более ранних письменных источниках она упоминается в связи с событиями X—XII веков как место жительства угро-финнов. Когда новгородцы начали заселять земли Поюжья, то есть бассейн реки Юг, здесь, по всей вероятности, произошла ассимиляция народов. Из этой уникальной историко-культурной плавильни на берега рек Юг, Сухона, Вятка и их притоков вылилось

удивительно красивое, самобытное и мужественное племя людей, веками пахавших свою землю, растивших на ней хлеб, строивших прочные и просторные жилища из кондовой сосны, защищавших порубежье от лихих и беспокойных соседей. Русский север. Суровый быт накладывал отпечаток и на характер здешних жителей, веками выковывая в нём чувство собственного достоинства, свободолюбие, стойкость и умение поставить общее, общинное, государственное выше личного.

Дом, в котором родился Иван Конев, в середине XIX века построил его дед, тоже Иван Степанович. Дед имел прозвище — Епишня. Происхождение прозвища таково. В русских деревнях детей, рано оставшихся без отца, называли не по отчеству, а по имени матери. Мать Ивана Конева-1 звали Епифа-нией. А её детей — Епишня.

Дом Коневых в Лодейно стоит до сей поры. Теперь в нём музей маршала.

Иван Епишня был человеком предприимчивым. И землю пахал, и лес валил, и извозом занимался, и торговлишку вёл. Его стараниями в Лодейно была построена школа для крестьянских детей. Тогдашняя Россия, в особенности сельская, детей рожала щедро. Не исключением был и Русский Север. Вот и у Ивана Степановича Конева-1 было четверо: трое сыновей и одна дочь.

Сыновья поднялись, и все трое, каждый в свой срок, отслужили службу в царской армии. Старшие вернулись в звании унтер-офицеров. Младший угодил на войну, в самое пекло, участвовал в знаменитом Брусиловском прорыве.

В феврале 1897 года Степан Иванович Конев высватал за себя крестьянскую девушку Евдокию Степановну Мергасову. 15 декабря того же года у молодых родился первенец. В фондах музея маршала Конева хранится копия выписки из метрической книги. Привожу документ целиком: «Выпись из Метрической книги на 1897 год. Часть 1-я, о родившихся. Мужескаго пола. 106. Рождения декабря 15. Крещения 16. Звание, имя, отчество и фамилия родителей и какого вероисповедания: Деревни Лодейной крестьянин Степан Иванов Конев и законная его жена Евдокия Степанова, оба православнаго исповедания. Звание, имя, отчество и фамилия восприемников: деревни Подволочья крестьянский сын Иван Степанов Мергасов. Кто совершил таинство крещения: Священник Пётр Жуков и диакон Виктор Нечаев».

К тому времени, когда в семье Степана Ивановича и Евдокии Степановны появился первенец мужского пола, в Лодейно мужиков с фамилией «Конев» насчитывалось уже тридцать девять. Иван оказался сороковым.

Вторым ребёнком Коневых стала девочка. Назвали её Марией. Но день её рождения был омрачён смертью матери. Такое прежде случалось довольно часто. Женщины умирали родами. Воспитательницей Ивана и его младшей сестры Маши, как говорили в деревне, нянькой, стала тётка, младшая сестра отца Клавдия Ивановна. Судьба повторялась в роду Коневых: родители Степана Ивановича, Клавдии Ивановны и двоих их братьев умерли рано, и Степан Иванович, ещё неженатый, остался с малолетними братом и сестрой на руках, заменив им и отца, и мать.

Первым другом Ивана в детстве был его дядюшка, Григорий Иванович Конев, младший брат отца. Этот Григорий Иванович был всего на несколько лет старше своего племянника. Все детские забавы дядюшка и племянник делили вместе. Как и Иван, Григорий рано остался сиротой. И его тоже воспитывала Клавдия Ивановна, в замужестве Мергасова. Одному из них она доводилась тёткой, а другому сестрой. Но обоим, по самой своей сути, — матерью.

Был у Вани Конева и ещё один дядя — Фёдор Иванович. Отслужив в царской армии в уланском полку, он поступил в полицию, состоял в должности местного урядника и обязанности свои исполнял исправно и с завидным рвением, которое порой смущало сельчан, в том числе и Коневых.

Что такое детство в деревне? Воля! Рядом лес, река. Грибы, ягоды. Пескариные места и щучьи заводи. Река Пушма невелика, но и не мала. Чем-то похожа на среднерусскую реку Угру. И размерами, и берегами, и своими рыбными омутами. Но и домашние обязанности были частью детства будущего маршала. С шести лет Иван был приучен к труду. Когда взрослые, в том числе и дядя Григорий, уходили, к примеру, на полевые работы, на сенокос или в лес, заготавливать на зиму дрова, его оставляли домовничать. Что значит домовничать в крестьянском дворе? В первую очередь, конечно, сторожить дом. Одновременно приглядывать за домашним хозяйством. А что значит — приглядывать? Нет, это вовсе не глядеть со стороны. Убраться в доме, подмести полы, прибраться во дворе. Выпустить из курятника кур, покормить их, поставить воды. Вынести месива свиньям. Почистить за ними. Встретить с полей корову. А если запаздывает домой хозяйка, то и подоить её. Вечером загнать в хлев овец. Наносить воды, дров. Начистить картошки. Если пошёл дождь, убрать всё, что может намокнуть, под крышу. Хозяйство…

Но детство есть детство. Проказничали.

Однажды дядя Григорий сказал племяннику:

— Вань, хочешь я тебя летать научу? Как тут не согласиться?

Северные дома высокие. Дядя спустил племянника на полотенце в окно и начал раскачивать.

— Ну как? Летаешь? — кряхтя от напряжения, спрашивал дядя, раскачивая племянника всё сильнее и выше, так что тот вскоре стал подлетать к обрезу кровли, к самым причелинам.

— Летаю!

И Ванька полетел…

Вечером, когда царапины немного подсохли, а синяки проявились во всей своей лиловой красе, отцу он объяснял, что упал, выгоняя из огорода соседского козла.

Дом Коневых стоял на бойком месте, *на юру,* как говаривают в здешних краях. Служил он не только хозяевам, но и проезжим подводчикам. А потому, в бойкую пору, когда по большаку на Великий Устюг и обратно шли обозы, превращался в самый настоящий постоялый двор.

Подводчики — народ простой. Но интересный. И разговоры у них были интересные. Всё же бывали они в разных краях, многое успевали повидать, о многом слыхивали. Многое могли рассказать.

Иногда в доме на юру останавливались постояльцы побогаче — приказчики, лесоторговцы. Вот тогда уж самовар на стол! Иван бежал в местную лавку за баранками и сахаром, за махоркой и водкой. Приказчики — те хоть и выглядели как настоящие господа, но почти все были из вчерашних крестьян. Курили махорку, чай пили вёдрами. Да и речи вели всё о том же. Вот, бывало, засидятся за полночь, захмелеют и — пошли языками чесать, рассказывать разные были и небылицы, сказки да побасёнки. У иного речь цветистая, заковыристая, с прибаутками да шутками, так что не сразу и поймёшь, к чему он клонит. За извилистой дорогой пути не видать… Особенно нравились Ивану истории о войне. Дух захватывало, когда кто-нибудь из постояльцев заводил рассказ о том, как служил солдатом в полку: «А вот как отдали меня, братцы мои, в полк, а полк наш стоял там-то, тут я жизнь повида-а-ал!.. Плюй в ружьё, да не мочи дула!.». — «А на войне ж ты бывал?» — спрашивали его. «А как же!» — отвечал тот, будто только и ждал этого вопроса. И начиналась какая-нибудь удивительная или страшная история о Русско-турецкой войне или походе генерала Скобелева в Закаспийскую область, чтобы усмирить непокорных текинцев. В то время ветеранам Шипки было по пятьдесят лет, а участникам Ахалтекинской экспедиции и того меньше. Только что отгремела Русско-японская война, и в местную казёнку заходили инвалиды в распахнутых шинелях, чтобы опрокинуть стакан-другой за здоровье государя императора и за упокой души героя Порт-

Артура адмирала Макарова.

Заметил Иван, что над теми, кто не послужил в солдатах, посмеивались, порой зло: «Грешно чужою кровью откупаться». Или: «Служить, так не картавить, а картавить, так не служить, как говорил Суворов-батюшка». Поглядывали приказчики на стройного парня, говорили и ему: «Вот вырастешь, и тебя под красну шапку отдадут…»

И деревенский мальчик, слушая эти истории, очень похожие на те, которые он знал по книжкам, понимал, что на свете есть другая жизнь, более интересная. И «красна шапка» казалась ему вовсе не тяготой судьбы, а почти что счастьем — пропуском в новую и необычную солдатскую жизнь, где гремят ружейные залпы, ухают пушки, звучит булат, визжит картечь, и с гулом летит конная лава, чтобы смять атаку противника… Эх, сказка, а не жизнь!

Когда Иван и дядя Григорий подросли, отец стал их брать в лес, на лесозаготовки. Конев вспоминал: «Зимний лесоповал — нелёгкое мужское дело. Сосны огромные. Надо её подрубить, свалить в нужную сторону, обрубить сучки, распилить, поднять на сани и отвезти к речке Пушме…» По реке лес сплавляли до деревни и дальше, смотря по надобности. Но прежде сплачивали, связывали в плоты, чтобы не растерять лес и труды всей зимы на водном пути. «Работа не для мальчика, — рассказывал Конев Борису Полевому, — что верно, то верно. Однако работа научила нас многому. Так, благодаря колу и ваге, которыми мы приподнимали и перекатывали брёвна, я понял, что такое рычаг первого рода, задолго до того, как узнал о нём в школе на уроке физики».

Вначале Иван окончил сельскую трёхклассную церковноприходскую школу. Она находилась в четырёх верстах от Лодейно в деревне Яковлевская Гора. В школу ходил вместе с Григорием. Соседи, глядя на них, с улыбкой говорили: дядя с племенником, как чёрт с мельником… В классе Иван оказался недорослком, на год моложе своих однокашников. Учителем в сельской школе был, как вспоминал Конев, человек уже пожилой, прекрасный педагог, любивший своё дело и особенно один предмет — чтение. Вот на чтение Иван сразу и нажал. Тем более что учитель, почувствовав страсть мальчика к военной истории, начал приносить ему книги из своей библиотеки, так как школьную Иван Конев, освоив грамоту, перечитал довольно быстро.

«После первого класса, — как писал Борис Полевой в своей книге «Полководец», — соседи уже заставляли его читать письма, а то и старые газеты, которые завозил в глушь из города какой-

нибудь подводчик».

Церковно-приходскую школу Иван окончил успешно в 1906 году. При выпуске ему вручили Похвальный лист. А учитель от своего имени присовокупил к тому листу прекрасное издание комедии «Ревизор» Николая Васильевича Гоголя с очень значительной надписью: «За выдающиеся успехи и примерное поведение».

— Учись, учись, Ваня, — напутствовал учитель лучшего своего воспитанника. — Образованный человек сможет больше послужить своему Отечеству. А что может быть выше служения своему народу?!

Кто знает, возможно, именно эта надпись, сделанная старым приходским учителем, и его напутственные слова разбудили в мальчике то здоровое честолюбие, которое и повлекло его к дальнейшей учёбе и стараниям как можно лучше исполнять дело, которое поручено и на которое наставила судьба и детская мечта.

Следующей ступенью в учении было Пушемско-Никольское четырёхклассное земское училище. Находилось оно в селе Щёткине, в десяти верстах от Лодейно. «Десять вёрст пешком отмахать зимой туда и обратно — не шутка, — вспоминал Конев. — Но тяга к учению была сильная». Вскоре при училище был открыт приют, и Ивана, хорошо успевающего по всем предметам, сразу же приняли на полное обеспечение. Учителем в земском училище был либерал, толстовец, страстный любитель литературы Илья Михайлович. В Щёткине при выпуске, который состоялся в 1910 году, Иван был отмечен Похвальным листом. «Сейчас вот вспоминаю моих учителей, — рассказывал маршал в 1945 году Борису Полевому, — и сельского кузнеца, и ветерана Алёшку-турка, всех вспоминаю с большой благодарностью. Общение с такими людьми обогащает душу, а это ох как надо было в те глухие времена!»

Конев вспоминал о своей привязанности к кузнечному делу. Жил в Лодейно кузнец Алёша Артамонов. Человек мастеровой. Что угодно мог выковать из бесформенной заготовки. Известное дело, в деревне кузнец да конюх — первые люди. Однажды подался Алёша в Ярославль, устроился там на завод. На курсах выучился грамоте. Пристрастился к чтению. Больше всего Алёша любил читать исторические романы, былины. Хотя почитывал и разные брошюрки, так сказать, о текущей жизни. Одну из таких брошюрок в его вещах обнаружили полицейские, и Алёша был выслан из губернского города по месту жительства «по причине неблагонадёжности». Алёша вернулся в родное Лодейно, открыл кузню. Дела его шли неплохо. Семью кормил. И по-прежнему в свободные вечера читал исторические романы. Некоторые из них

знал почти наизусть. Вот почему деревенская ребятня, кроме того, что в кузне можно было постучать молотком по мягкому раскалённому металлу, так и крутилась вокруг кузнеца. Ошинует Алёша колесо, загонит на место новые втулки, отправит в путь очередного подводчика, сядет на лавке у горна, прикурит от раскалённой заготовки и начинает очередную свою сказку. О походах князя Олега в Греческую землю, о Петре Великом, об Иване Грозном, о Суворове и адмирале Нахимове, о находчивом и неунывающем русском солдате, которому сам чёрт не брат и который может и суп сварить из топора, и выйти из самого безвыходного положения героем, и всегда весел и счастлив! Как вспоминал Конев, самого положительного мнения из всех российских правителей Алёша-кузнец был о Петре Великом. Потому что тот, кроме всего прочего, чем обязан заниматься царь, был добрым кузнецом и заботился о могуществе России, а в первую очередь об армии и флоте.

Рассказы Алёши-кузнеца проникали в самую душу Вани, будили воображение. Хотелось поскорее вырасти, набрать тот гвардейский рост, при котором его непременно примут в Преображенский гренадерский полк, выдадут красивую форму, винтовку, подсумок с патронами…

Жил в деревне и ещё один Алёша. Этот носил прозвище Турка. Человек он был вроде бы зряшный, частенько запивал, не больно хозяйственный. Но замечателен был другим. Он был старый солдат. А именно о таких складывали в народе сказки и писали в книгах. Алёшка Турка отмахал на царской службе свои двадцать пять лет и вернулся на родину. Самым главным событием его службы была война с турками. Бои у Плевны. Шипкинский перевал. Попал Алёша в самое пекло тех событий. Любил рассказывать о том, что довелось повидать, пережить. Человек он был с юмором, и подчас невозможно было понять в его рассказах, где он шутит, а где, сквозь слезу, говорит самую что ни на есть душевную правду. Очень часто ребятишки уговаривали Алёшу Турку рассказать о том, как он однажды всю атаку провисел на колу. А дело было так…

Изготовился их батальон к наступлению. Командиры поставили задачу, наметили ориентиры. Алёше с товарищами предстояло идти мимо болгарской деревни. И вот пошли. Чтобы спрямить путь, он решил не обходить усадьбу, а перелезть через забор. Забор оказался прочный. И вот, перелезая его, Алёша зацепился ремнём ранца за кол и повис. Ремень крепкий, не так себе. Росточка солдат был не богатырского, болтался-болтался, ничего не вышло, так и провисел всю атаку на колу. Начальство его смекалки и рвения быть первым в атаке не оценило и

приказало пропустить сквозь строй под шомполами.

По праздникам Турка облачался в свою солдатскую гимнастёрку, надраивал медаль и шёл в казёнку, где опрокидывал рюмку-другую-третью и, захмелев, плёлся домой. Если навстречу попадалась ребячья ватага, останавливал её:

— Стройсь! Равняйсь! Кругом марш! Эх, сено-солома, курицыны дети!

Ребятня охотно выстраивалась во фрунт, изумляя Алёшу Турку и переполняя его гордостью за то, что он был когда-то солдатом и служил под началом самого генерала Скобелева…

Было в этом старом деревенском чудике нечто такое, что не просто влекло к нему мальчишек, а заставляло их потом с особым чувством брать в руки книжки о подвигах отцов и дедов, о походах русского войска в дальние страны, чтобы помочь братьям по вере и крови защититься от бусурман и притеснителей.

После окончания земского училища отец Степан Иванович устроил сына табельщиком по приёмке леса. Табельщик — должность на лесозаготовке серьёзная. Надо не только знать грамоту и быстро считать, но и быть добросовестным, ответственным. Тут впервые парня стали величать по имени и отчеству — Иваном Степановичем.

Но быстро закончился рабочий сезон, табельщик на лесоскладе оказался не нужен. Лес начали вязать в плоты и гнать вниз по реке Пушме к Яхреньге, где река впадала в более полноводную реку Юг, и уже мощный Юг, вобрав в себя силу притоков, нёс плоты к Великому Устюгу.

Вот по этому водному пути в один из дней и проводил Степан Иванович своего сына Ивана Степановича *в люди.* Судьба Конева до определённого времени ничем особым не отличалась от судьбы его сверстников, которые с котомкой за плечами отправлялись из родительского дома в большую жизнь с надеждой устроить её так, чтобы не только себя обеспечить, но и помогать семье. В пути Иван, чтобы не быть нахлебником, помогал плотогонам. Благо и эту работу он знал. До Архангельска путь неблизок. В берестяном коробе, собранном в дорогу няней Клавой, лежали чистая косоворотка, пара белья и письмо отца своему брату и дяде Ивана Конева Дмитрию Ивановичу Коневу. Дядя работал в архангельском порту грузчиком. Жил, как и все портовые люди, которым приходилось тяжёлым физическим трудом зарабатывать свою копейку, небогато, но племянника принял с добром, по-родственному, дал угол и помог устроиться в порту по прежней специальности — табельщиком. Но долго в портовых табельщиках при хорошем заработке Коневу ходить не пришлось.

Глава вторая. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

1916 год. Уже два года шла война, которая впоследствии войдёт в историю войн как Первая мировая. Газеты пестрили тревожными сообщениями с фронтов. Дядя Дмитрий Иванович поглядывал на племянника с беспокойством. Потери обеих сторон росли. Старый солдат Дмитрий Иванович хорошо понимал, что вот-вот начнут призывать и Иванов год. В связи с военными действиями в стране росли цены на продукты питания и другие товары. Приходилось потуже затягивать пояса. Как и всегда, нестроения в государстве особенно тревожным эхом отдавались в глубине простого народа.

— На рать сена не напасёшься, — ворчал Дмитрий Иванович, снова и снова заглядывая в казённую бумажку, доставленную на имя Ивана Степановича Конева 1897 года рождения и подписанную местным воинским начальником.

— Что это, дядя? — спросил Иван, а у самого уже колыхнулось внутри.

— Судьба твоя. Вот что. Иди и помни: то, что иному по уши, удалому по колено. Коневы никогда перед врагом не дрожали. Отец тебе сказал бы то же.

И пошёл Иван на войну. Но вначале была учёба. Запасной полк.

Из Вологды команду новобранцев отправили в Моршанск. Борис Полевой об этом периоде службы Конева, который теперь бы назвали курсом молодого бойца, написал следующее: «Здесь новобранец показал себя грамотным и дисциплинированным. Ему не пришлось, как бывало с иными рекрутами, засовывать в голенища сапог сено и солому, чтобы отличать правую ногу от левой. Но он никак не мог свыкнуться с самодурством ефрейтора. Не сразу усвоил, что ефрейтор, например, может заставить тебя чистить сапоги, и тяжело переживал, еле сдержался, когда рядом с ним ефрейтор влепил его однодеревенцу в ухо».

По поводу «однодеревенца» Борис Полевой, возможно, допустил неточность. Если Конев призывался в Архангельске, то рядом с ним вряд ли были его земляки из Лодейно. Что же касается «в ухо», то, конечно, человеку, родившемуся и выросшему в краю, где не любили ломать шапку перед господами, не терпели любых притеснений, трудно было привыкнуть к новым отношениям между командиром и подчинённым. Можно себе представить, как хотелось Ивану

Коневу ответно засветить в ухо первому своему армейскому начальнику в чине ефрейтора. Но служба ему понравилась, и он понял, что, для того чтобы стать в армии кем-то, надо вначале многое претерпеть, многое подавить в себе. В книге «Маршал Конев — мой отец» дочь маршала Наталия Ивановна Конева пишет: «Во время отдыха в санатории “Барвиха” мама записала рассказ отца о событиях дореволюционных. Эта запись с небольшими сокращениями публикуется впервые. “В мае 1916 года я был досрочно призван в царскую армию. Через полгода призвали и моего отца, в ополчение. Призывной пункт находился в городе Никольске. (Значит, призывался Конев не в Архангельске. Повестку ему, по всей вероятности, в Архангельск переслали из уездного Никольска соседней Вологодской губернии. — *С. М.)* Я был парнем крепким, сильным, физически развитым, и меня решили определить во флот, что меня вполне устраивало, но уже на вторые сутки меня отправили в пехоту, в 212-й полк под Моршанск. Тут я прошёл свои армейские 'университеты': то ефрейтор приказал сапоги ему чистить, то сосед по казарме оплеуху норовил влепить, то с температурой 40 отправили на покос, нужно было запасать сено для армейских нужд. Но служба в армии многому и научила. Я освоил все ружейные и строевые приёмы. Однажды в часть, где я служил, наведались офицеры, чтобы отобрать людей в школу прапорщиков. Меня отобрали в артиллерию, определив во 2-ю запасную тяжёлую артиллерийскую бригаду…”»

Так Конев впервые оказался в Москве.

Николаевские казармы находились на знаменитой Ходынке. Здесь дислоцировалась 2-я Гренадерская артиллерийская бригада. С началом военных действий бригада отбыла на Юго-Западный фронт, а в казармах разместилась учебная команда бригады. Здесь же, на Ходынском поле, был устроен артиллерийский полигон, и поэтому местные долго называли это поле Военным. После октября 1917 года Военное поле стали именовать Октябрьским. Там же располагался аэродром Московского общества воздухоплавания. В небе над Военным полем и Николаевскими казармами закручивал свою «мёртвую петлю» поручик П.Н. Нестеров. С 1926 года это место стало Центральным аэродромом имени М.В. Фрунзе.

В учебной команде Иван Конев засел за книги. Дело в том, что специальность разведчика-наблюдателя требовала многих знаний, в том числе необходимо было быстро производить геометрические и тригонометрические вычисления. Приходилось консультироваться с товарищами, которым артиллерийская наука давалась легче, с офицерами, засиживаться в учебном классе по

ночам.

В архиве маршала, бережно хранимом дочерью Наталией Ивановной, сохранился учебник 1913 года, издательства «В. Березовский. Комиссионеръ военно-учебныхъ заведений. С.-Петербургъ, Колокольная улица, дом 14». Это учебник для пехотных учебных команд, руководство для унтер-офицеров. В разделе «Обязанности нижних чинов» рукой Конева синим карандашом отчёркнуты два абзаца. Приведу их полностью, так как суть, заключённую в них, конечно же, просеяв через сито семейного воспитания и тех нравственных ценностей, которые он вырастит в себе сам посредством дальнейшего образования и самообразования, Конев пронесёт через всю свою жизнь.

«Каждый нижний чин должен всегда и везде иметь бравый и молодцеватый вид, держать себя с достоинством, быть трезвым, с посторонними вежливым, не вмешиваться в ссоры, не участвовать в сборищах, драках, буйствах и в каких бы то ни было уличных беспорядках».

«Не посещать вовсе клубов, маскарадов, публичных танцевальных вечеров, ресторанов, буфетов и других заведений, где производится продажа спиртных напитков и пива (кроме станционных и пароходных буфетов 3-го класса)».

Пройдёт двадцать восемь лет. Бывший унтер-офицер 2-й тяжёлой артиллерийской бригады, Маршал Советского Союза Конев, стройный и подтянутый, выйдет на Парад Победы и прошагает по брусчатке Красной площади во главе 1-го Украинского фронта. В руке будет сиять сабля, на груди ордена, и среди них орден Победы.

Второй пункт руководства для унтер-офицеров, настойчивое следование ему, погубит его первую семью. Однако и ему он будет следовать всю жизнь. Но об этом чуть позже.

На Юго-Западный фронт Конев отбыл в 1917 году. Он был зачислен на должность унтер-офицера 2-го отделения артдивизиона. 2-я Гренадерская тяжёлая артиллерийская бригада имела трёхбатарейный состав: первая и вторая батареи были вооружены шестидюймовыми гаубицами; третья — 42линейными полковыми пушками образца 1910 года. Бригада считалась одной из лучших на своём участке фронта. Вскоре она была включена в состав так называемых «частей смерти». «Части смерти», или «ударники», имели даже особую форму и знаки различия. К примеру, офицеры и солдаты на фуражках и папахах носили кокарду в виде так называемой адамовой головы со скрещенными мечами и лавровым венком. Такая же эмблема носилась на погонах и в петлицах. Погоны и петлицы обшивались серебряным галуном. А на рукав нашивался чёрно-красный угол. Эти знаки

различия впоследствии были упразднены приказом главковерха Н.В. Крыленко № 979 от 9 декабря 1917 года.

В дивизион большевики приносили листовки и газеты. Чаще всего они тут же шли на цигарки. Но иногда батарейцы просили молодого фейерверкера почитать им какую-нибудь статью. Газеты Конев стал почитывать ещё в Москве. Как он признавался Борису Полевому, уже в учебной команде он начал кое-что понимать и о многом задумываться. Простым солдатам по душе пришёлся лозунг большевиков: «Фабрики — рабочим, земля — крестьянам, власть — трудящимся».

В 1965 году в Барвихе на даче в беседе с Константином Симоновым Конев, перечисляя свои воинские должности и особо делая упор на то, что «пять лет командовал полком и в общей сложности семь лет дивизией», сказал не без гордости:

— А начал солдатом! Практически прошёл все военные ступени, которые существуют.

Первая воинская специальность Конева — фейерверкер — не раз помогала ему в дальнейшем, а однажды спасла жизнь. Под Витебском в июле 1941-го, в самый разгар летних боёв, ему пришлось стать к панораме противотанковой пушки, которую солдаты позднее прозвали «Прощай, Родина». Он выстрелил удачно. В противном случае о Коневе, как о маршале Победы, эту книгу писать бы не пришлось. Выстрелил и попал в немецкий танк. Но об этом рассказ впереди.

Рассказ Конева Борису Полевому существенно отличается от того, что после войны записала за маршалом жена Антонина Васильевна. Запись была сделана в Барвихе, где Конев беседовал с Константином Симоновым. И датирована тем же 1965 годом. Дальнейшая судьба унтер-офицера Конева складывалась так:

«Однажды мне в руки попала газета “Русское слово”. Помещённые в ней материалы были восприняты как правда, которую от нас долго скрывали: о нравах царского двора, о царице-немке, о Распутине, об упадке, который охватил Россию[2]. Газету “Правда” тоже иногда добывал и внимательно читал. Временное правительство готовило военные действия на юго-западном направлении. Стали готовить вооружение, оно, кстати, было английское. Вооружённые и оснащённые части отправляли под Тернополь. Наш дивизион задержали под Киевом, там нас стали обучать, повышать нашу боеготовность. А в это время в Киеве захватила власть Украинская рада. Ночью гайдамаки произвели налёт на наши части и всех русских разоружили. Я прятал шашку и наган под полушубком — мне за это здорово попало. Все командиры перешли на сторону гайдамаков. Наш дивизион был настроен революционно, многие поддерживали

большевиков, поэтому Рада приняла решение дивизион расформировать и отправить на родину».

Не правда ли, рассказ Конева служит прекрасным комментарием для некоторых страниц романа Михаила Булгакова «Белая гвардия».

Можно предположить, что рассказ Конева, записанный женой Антониной Васильевной, и есть подлинная история унтер-офицера Конева. В 1965 году уже свободно можно было говорить о многом. В 1930-е же и 1940-е годы признание вроде: «Все командиры перешли на сторону гайдамаков» — могло послужить поводом для обвинений и ареста.

В Киеве тяжёлый артдивизион задержался, по всей вероятности, по причине того, что летнее наступление, намечавшееся на южном участке фронта, провалилось. В основном из-за разложения, охватившего в то время армию. И дивизион, на всякий случай, чтобы сохранить хотя бы материальную часть, был оставлен в Киеве.

Вооружённое восстание в Киеве вспыхнуло вслед за восстанием в Петрограде. Власть в городе большевики захватили почти мгновенно. Но затем, 28 октября, отряд юнкеров и казаков окружил Мариинский дворец и арестовал находившийся там ревком в полном составе. Весть об этом мгновенно облетела город. Солдаты взбунтовались и атаковали казармы Николаевского военного училища, овладели артиллерийскими складами, гарнизонной гауптвахтой и выпустили арестованных революционно настроенных солдат. К 14 ноября повстанцы (против Временного правительства) победили. Но тем временем Центральная рада стянула к Киеву верные войска, сформированные из солдат, настроенных националистически. Это были гайдамаки Петлюры и так называемые «вольные казаки». Центральная рада декларировала образование Украинской народной республики, а себя объявила верховным органом. Начались расправы над красногвардейскими отрядами. Рада не признала законности Октябрьской революции в Петрограде и власти большевиков. В начале декабря в Киеве начали разоружать красногвардейские отряды и подразделения, совсем недавно подчинявшиеся Временному правительству, а теперь симпатизирующие большевикам.

Маршал Конев очень скупо и туманно пишет эту страницу своей биографии. Возможно, потому, что дивизион, в котором он в то время служил, входил в состав гвардейского Кирасирского полка или был прикомандирован к нему. Полк отказался «украинизироваться», имел несколько стычек с «местными» подразделениями и вскоре был заподозрен в подготовке

восстания против Центральной рады. Вернуться в Россию, охваченную большевистским восстанием, гвардейцы не могли, оставаться во враждебной среде стало невозможно, и собрание офицеров Кирасирского полка приняло решение о самороспуске. 10 декабря 1917 года был издан последний приказ (№ 343) по полку: «…полк категорически отказался украинизироваться, что по единому решению офицеров и кирасир было бы явно недопустимым для старого русского гвардейского полка. Наша полковая Святыня — Штандарт — после отказа полка украинизироваться был заблаговременно вывезен за пределы Украины. Когда Господу Богу угодно, мы соберёмся вокруг своего Штандарта и снова станем на стражу чести нашей дорогой великой родины — России, истерзанной войной и междоусобными распрями. Соберёмся тогда все, как один, и снова будем служить так же честно, как 200 лет служили наши деды и как мы служили до сегодняшнего, последнего дня нашего горячо любимого родного полка, просуществовавшего 215 лет…» Последним шефом полка был император Николай II. Офицеры вскоре собрались на Дону. Они были сведены в 3-й лейб-эскадрон под командованием штаб-ротмистра Вика. В январе 1919 года полк (полковник Коссиковский), в который был включён эскадрон лейб-гвардейцев, вступил в бой. Через месяц был сильно потрёпан при встрече с конницей Будённого у станицы Ерголыкской. 2 ноября 1920 года в составе полка 3-й эскадрон погрузился на транспорт «Крым» и покинул родные берега. В эмиграции объединение 3-го лейб-эскадрона насчитывало 32 человека. С приходом Гитлера к власти в Германии и началом Второй мировой войны лейб-гвардейцы вошли в Русский корпус. Но Гитлер так и не решился послать русских белогвардейцев на Восточный фронт. Конечно же, многого из этого Конев не знал. Но упоминать в анкетах название и свою, пусть даже косвенную причастность к полку, который до последних дней сохранял преданность царю, было бы безумием. Во-первых, невозможно было бы сделать карьеру в новой армии. А армейская служба Ивану Коневу сразу понравилась. А что во-вторых… Впрочем, всё остальное было уже не важно: желание служить, стать командиром оказалось всепоглощающим.

На фотографиях той поры Конев всегда с шашкой, которую носит по-кавалерийски. И рост у него был вполне гвардейский — 180 сантиметров, и русые волосы, и глаза голубые, что было непременным условием для вступления в гвардейский Кирасирский полк. Но теперь это осталось позади. И об этом не стоило напоминать никому, даже себе. Начиналась новая жизнь, более интересная и захватывающая.

Глава третья. РЕВОЛЮЦИЯ НА МЕСТАХ

Зимой 1917/18 года бывший фейерверкер дивизиона тяжелых орудий особого назначения возвратился в родную деревню. На жизнь он уже смотрел иначе.

«В наших краях в то время ещё существовали земские управы, — вспоминал потом маршал Конев. — Пришлось начинать революцию на местах. Все мы, солдаты, вернувшиеся из армии, большевистски настроенные, взялись за организацию советской власти в своей Щёткинской волости Никольского уезда. Не скажу, что всё шло гладко, но у нас было большое желание произвести революционные преобразования, и нам удалось найти правильную линию, хотя теоретически мы были народ слабо подготовленный. Говоря откровенно, всю нашу премудрость получили мы тогда из весьма популярной книжки, из “Азбуки коммунизма” под редакцией Бухарина и Преображенского».

Запомните название этой «популярной книжки», мы к ней ещё вернёмся, ибо именно её коммунистические постулаты отравят семейную жизнь (в первой семье), а отчасти и здоровье Конева.

В беседе с Борисом Полевым Конев вскользь признался, что, когда возвращался домой, мечтал пожить в тишине, отдохнуть. Но беспокоило и другое. Он знал, каково сейчас в деревне. Вот несколько сообщений из уже упомянутой популярной в народе газеты «Русское слово», тираж которой в то время превышал 700 тысяч экземпляров. То, что люди узнавали из этой восьмиполосной газеты, потом передавалось из уст в уста.

«В Нерехте совет крестьянских депутатов вынес следующее постановление о земле: “Частная собственность на землю в пределах Российской республики отменяется навсегда. Земля со всеми водами и недрами должна быть достоянием всего народа. Все граждане и гражданки имеют равное право на пользование землёй, при условии обработки её личным трудом, в пределах свыше трудовой нормы. Каждый должен получить в пользование столько земли, сколько он может обработать силами своей семьи”».

«Симбирск. В Белозерье Карсунского уезда крестьяне отобрали безвозмездно у помещиков землю, оставив в их распоряжении по 100 десятин каждому. Из этих 100 десятин помещики могут оставить себе для личной обработки, а остальную землю обязаны сдать в аренду не дороже 6-ти руб. за

десятину. Обобраны также церковные земли».

«Саратов. Между дачниками, владеющими земельными участками около города, и крестьянами происходят недоразумения. Крестьяне доказывают, что дачники не имеют права распоряжаться землёй. Они требуют, чтобы дачники свои участки запахали и засеяли».

«Витебск. Получены сведения, что в велижском казённом лесничестве крестьяне арестовывают и смещают лесную стражу и задерживают сплав леса».

«Сарапул Вятской губ. Крестьяне села Берёзовки Бирского уезда не разрешают сарапульской городской управе вывезти из села закупленную для нужд города муку в количестве 800 мешков».

«Кременчуг. В Пироговской волости Кременчугского уезда волосной комитет арестовал крупного помещика Устимовича. Причиной ареста послужило то обстоятельство, что в 1905 году по доносу Устимовича охранкой было арестовано и сослано несколько крестьян за аграрные беспорядки. Постановление об аресте подписал устимовский священник Григорий Легей-да. На следующий день священника нашли повесившимся. Самоубийца оставил записку, в которой как причину самоубийства указывает на постановление об аресте Устимовича, которое он подписал под давлением волостного комитета».

«Самара. В селе Верхней Ожлянке под влиянием священника и приверженцев старой власти началась анархия. Командированный комиссар, при участии благоразумной части населения и прибывших в отпуск солдат, организовал волостной комитет. Жизнь вошла в норму.

В селе Красном Борще и Пролейке священники в проповедях проводят мысль о кратковременности переворота, неизбежности возврата к прежним порядкам и восстанавливают население против колонистов. Командирован комиссар для восстановления порядка».

С тяжелыми и противоречивыми мыслями возвращался Конев на родину, хотя в глубине души был искренне уверен в справедливости власти большевиков, в том, что именно она принесёт народу, его землякам желанную свободу, возможность трудиться и пользоваться плодами своего труда.

Конев сошёл с поезда, огляделся. Вздохнул с облегчением, почувствовав, наконец, вокруг себя то родное, о чём давно тосковал. Забросил за спину вещмешок и зашагал по знакомому просёлку. Где-то там, в снежной тишине, за километрами, заметёнными снегами, в таких же снегах лежала его родная деревня Лодейно. Вскоре позади услышал храп лошади.

Оглянулся. А из широких саней, застланных сеном, его уже окликнул подводчик:

— Садись, солдат. — Голос вроде знакомый. А может, это потому, что давно не слышал родного вологодского говорка, и вот теперь каждого встречного-поперечного готов признать за родню.

Опрокинулся в сено, и поплыли над головой облака высоких сосен с шапками застарелого снега на могучих лапах.

— Ну, как тут живёте? Как новая власть? — спросил подводчика, которому и самому не терпелось поговорить с попутчиком, тем более с солдатом.

— Что ж, живём, в долг не просим, — уклончиво ответил тот. — А что до новой власти… Она, может, и правильная. Свой брат, мужик, в волостных начальниках. Да только не крепко она на ногах стоит, эта самая советская власть. Ноги у неё дрожат.

— Это как же? С чего ей, нашей власти, дрожать? Власть народная, на своей, народной земле…

— Так-то оно так, — опять неопределённо согласился подводчик, — да только подламывают ей ноги, этой самой новой власти. Может, и ничего, устоит. А может… Так что это ещё вопрос.

— Какой вопрос? В Петрограде всё уже и решилось. Или ты не слыхал?

Мужик усмехнулся:

— Слыхал, слыхал. В Петрограде ухнуло, а у нас отозвалось… Но что из этого выйдет, ещё на воде писано. Моё дело сторона. Мне что ни поп, то батька. Моё дело крестьянское — пахать да сеять. В Питере, может, и ясно всё как божий день, а у нас края лесные, глухие… Многие на новую власть своё мнение имеют. Ты, служивый, вижу, большевик? Или агитатор?

— Да нет. Пока ещё просто сочувствующий.

— Ну что ж, и это тоже должность. По нынешним-то временам. Только я тебе вот что скажу. Парень ты молодой. Подумай, кому сочувствовать. А лучше пока осмотрись. Там и ясно станет, сочувствовать этой власти или пока подождать.

Лошадь шла ходко. Добрая, сытая, она легко несла широкие пошевни. Упряжь тоже добротная. Должно быть, подумал Конев, и дом у него такой же прочный, основательный, с вековым духом дедовской сосны. И хозяйство под стать. В хлевах скотина, в чулане хлеб, замороженные бараньи туши да кули намороженных на всю зиму пельменей. А город голодает…

Начал расспрашивать подводчика дальше. Но тот, оглянувшись, только покачал головой:

— Здорово ж тебе, служивый, агитаторы голову заклумили. Вот скоро приедешь в своё Лодейно и сам всё увидишь.

Увидел. Услышал. Стал больше понимать, что столица — это одно. Там — сила. Там и на штыках власть можно поднять и удержать. А тут…

Дома обнял отца, няню Клаву. Заметил, как они оба постарели. Родня радовалась его возвращению. Особенно сестра Мария. Когда дядюшка Григорий вышел из комнаты при всём своём параде, Иван ахнул: у того на груди сияли серебром четыре Георгиевских креста. В душе позавидовал ему. Не пришлось самому повоевать за Отечество и отличиться в настоящем деле. А Григорий — полный герой! Только что-то глаз у дядюшки невесел…

Коневы жили дружно, большой семьёй. Затопили баню. Когда разделись, Иван увидел на исхудавшем теле Григория свежие, ещё не побелевшие шрамы. А тот, перехватив его взгляд, сказал:

— Вот мои кресты, Ваня. Тут их, как видишь, больше. — И вдруг спросил: — Ты у нас человек образованный. Вон сколько книжек привёз. Скажи, за что мы воевали?

— Боюсь, что война ещё не окончена.

Отец слушал их молча. Смотрел на сына, вспоминал себя в его годы. Но на душе было невесело. Новая власть слабая. Ни в волости, ни в уезде порядка нет. Всяк норовит на свой интерес полоза поставить… Но молодые своё будущее волят связать именно с ней, с новой властью, склоняются к большевикам. Вот и Иван наслушался армейских агитаторов, начитался газет…

Как в воду смотрел Степан Иванович Конев. Утром сын встал затемно. Побросал в свой солдатский вещмешок ещё сырое, с вечера выстиранное заботливой Клавдией бельё, связал шпагатом нужные книжки и, дождавшись первого же подводчика, ехавшего по Никольскому большаку, отправился в уездный город.

В Никольске солдату, который хорошо разбирался в текущей политике и правильно мыслил по поводу роли и места в этой политике партии большевиков, дали поручение: подобрать надёжных людей в Щёткинской волости, избрать там исполнительный комитет. И Иван Конев кинулся в новую для себя работу. Вскоре он с другими земляками, разделявшими его взгляды, в основном бывшими солдатами, побывал во всех деревнях и сёлах, переговорил с людьми. Созвали волостной съезд, избрали исполком. Время безвластия на родине заканчивалось. Его землякам тоже хотелось поскорее навести порядок, вот только не знали ещё крестьяне, какой он будет, этот большевистский порядок.

Маршал Конев вспоминал: «Затем меня избрали делегатом на уездный съезд Советов, где я был избран в уездный исполнительный комитет и оставлен в городе Никольске на

постоянную работу. Никольский уезд был очень большой, связь плохая, и ни одного шоссе, ни одной порядочной дороги. Страшное захолустье. Но мы выявляли в волостях актив: солдат, вернувшихся с фронта, и представителей передовой интеллигенции, которые примкнули к большевикам…»

В 1918 году в Никольске, во многом по инициативе Ивана Конева, был создан «боевой революционный отряд». Конева назначили его начальником. Всю жизнь в своём архиве он будет хранить дорогую его сердцу юношескую фотографию: первый состав того революционного отряда. На фотографии молодые никольцы, почти театральные нарочитые позы, обнажённые шашки, винтовки с примкнутыми штыками и револьверы в руках, у ног пулемёт «гочкиса» на станке с заправленной лентой. В лицах уверенность, энтузиазм. Они ещё не знали, что впереди их ждёт жестокая война, кровавая междоусобная битва, с которой не все вернутся домой, в родной уезд и милые сердцу деревни и сёла.

«Отрядов Красной гвардии тогда не было, — вспоминал маршал Конев. — Красной армии тогда ещё не существовало, а вооружённая сила была необходима, нужны были надёжные люди, которые были бы способны продолжать революцию. Мы набирали в отряд людей наиболее преданных, готовых активно бороться за идеи Октября, в первую очередь тех солдат, которые уже проявили себя, показали своё отношение к революции конкретными делами. На первых порах в отряде было двадцать пять человек, а в последующем — около ста человек. С этим отрядом я выехал в волости. Чутьё мне подсказывало, что, подавляя восстание, нельзя действовать грубой силой — ведь многие из восставших ещё не разобрались, что за события произошли в России, что такое революция».

1918 год для Советской России был годом смут и трагедий. Весной активизировали свою работу в деревне левые эсеры. Борьба за Наркомат земледелия в правительстве молодой Советской России между большевиками и левыми эсерами, которые возглавляли Наркомзем и не желали его уступать, вылилась в противостояние на местах.

Некоторые военные историки и публицисты, касаясь биографии Конева периода его комиссарской молодости в родном Никольске, говорят о его работе в «военной комиссии, ответственной за продразвёрстку и борьбу с кулачеством». На самом деле, из публикаций об этом периоде жизни и деятельности будущего маршала невозможно совершенно определённо понять, что же входило в его обязанности как военного комиссара Никольского уезда. Продотрядником Конев

не был. Он не отнимал «излишки» хлеба у своих земляков. Поскольку продразвёрстка была введена советской властью позже, в начале января 1919 года «в критических условиях Гражданской войны и разрухи». Но ещё в марте 1917 года Временное правительство ввело хлебную монополию, предполагавшую передачу всего урожая хлеба за вычетом установленных норм потребления наличные и хозяйственные нужды. «Хлебная монополия» была затем подтверждена Декретом Совета народных комиссаров от 19 мая 1918 года. В уездах по всей России началась борьба с «мешочничеством», то есть спекулянтами хлеба. В условиях, когда цены на продовольствие устанавливали чиновники, а инфляция рубля приобретала катастрофические размеры, крестьяне склонны были придерживать хлеб. Известно, что, когда рубль нестабилен, народ начинает приобретать валюту. Самой твёрдой валютой в 1918 году стал хлеб. Свободную торговлю советские законы запрещали. Продовольственные управы на первых порах не справлялись с потоком поступающего из деревень хлеба, кассы не имели денег, чтобы расплатиться со сдатчиками. Крестьяне почувствовали себя обманутыми новой властью и начали продавать действительные излишки хлеба и вообще продовольствия перекупщикам и мешочникам. Государство же, при том, что и транспорт в этот период испытывал кризис, не могло наладить перевозки зерна туда, где в нём остро нуждалось население. В результате в городах возникли очереди за хлебом, сахаром, чаем и табаком. Теперь атмосфера кануна Гражданской войны (зима—весна 1918 года), её причин нам особенно понятна, так как мы совсем недавно пережили подобное. Как заметил один из отечественных историков, исследователь периода первой русской революции: «Поднималась волна русского мешочничества». По набитому тракту от Котельнича на Великий Устюг и далее на Сольвычегодск, к северным землям Архангельской губернии потянулись обозы и одиночные повозки новых ушкуйников, промышлявших незаконной куплей-продажей хлеба. В тот год родилась пословица: плохо с хлебом, зато хорошо с голодом. И голод в некоторых губерниях начался. Новая власть поняла, что она на грани катастрофы. Именно в этот период местные органы власти стали организовывать отряды так называемых «легионов свободы» или «голодной гвардии», которые изымали у спекулянтов припрятанные до лучших времён или вывозимые за пределы губернии или уезда партии зерна. Ситуацию подхлестнула в сторону её катастрофического обострения активизация левых эсеров. Справедливости ради стоит заметить, что именно левые эсеры, которые считались большими знатоками крестьянского

вопроса и которые в первый период революции были едины с большевиками, предложили идею «хлебной монополии», а затем её реализовывали по всей стране.

В Никольске же в то время существовала и ещё одна серьёзная проблема. Наряду с новыми органами власти параллельно продолжала существовать и зачастую реально заправляла делами старая земская управа. В земстве заседали сторонники прежнего режима и гнули свою линию. Как говорится, бог своё, а чёрт своё. Хотя, где бог, а где чёрт, мы, размышляя о том времени и исследуя его страницу за страницей, до сих пор разобраться не можем.

Весной 1918 года Конев был назначен уездным военным комиссаром Никольского уезда Вологодской губернии. Земляк маршала Геннадий Михайлович Пинаев вспоминал: «Иван Степанович в унтер-офицерской школе получил специальность артиллериста-вычислителя, поэтому умел пользоваться угломерными инструментами. Вот он и решил вдвоём с помощником под видом уездного землемера провести личную разведку и установить силы и расположение бунтующих. Так на тарантасе они объехали эти волости, выяснили, что активных бунтарей мало, поддержки населения нет, поэтому открывать боевые действия нет необходимости, достаточно лишь арестовать зачинщиков. Что и было затем сделано. Меня в этой истории поразил тот факт, что двадцатилетний комиссар, имеющий в своём распоряжении сотню солдат и два пулемёта “максим”, не воспользовался удобным моментом показаться лихим рубакой-командиром, огнём и мечом защищающим родную советскую власть, а сам, рискуя своей жизнью, пошёл в расположение врага и этим предотвратил неизбежное, кажется, кровопролитие. В этом эпизоде проявился тот Конев, которого потом любили солдаты и офицеры…»

Но не всё было так безоблачно. Эсеры, активно действовавшие в волостях, в основном среди зажиточных крестьян и хозяев, в базарные дни присылали в Никольск своих агитаторов и эмиссаров, распространяли листовки, подстрекали народ к неповиновению новой власти, к срыву запланированных мероприятий, в том числе поставок продовольствия городу. В листовках недвусмысленно угрожали: скоро, мол, возьмём власть, а эту развешаем на фонарях… Отряд Конева действовал. Но пулемёты пока молчали. Даже когда случался повод открыть огонь, чтобы сломить волю и наглость противника. Противника молодой комиссар видел, но им был его земляк, вологодский мужик. Нет, не сразу заполыхала по русской земле эта кровавая метель — брат на брата. Не сразу…

Как рассказывает военный историк Григорий Макаров, «весной 1918 года в деревне Дурово Конев был сильно избит крестьянами и чудом спасся, вывезенный из деревни товарищами по команде, вынужденными крестьянами к отступлению». Если это и так, то в драке Конев был безоружным, а это означает, что он пытался договориться с местными без кровопролития. В любом случае перед нами встаёт из прошлого не жестокий продотрядник, хладнокровно выгребавший у крестьян последние зёрна пшеницы, а человек, наделённый властью и употребляющий свою власть с искренним желанием наладить в уезде новую, справедливую жизнь.

Весной 1918 года Конев вступил в ВКП(б). Очевидно, к этому времени он окончательно решил связать свою судьбу с новой властью, со строительством в молодой Советской республике вооружённых сил, новой армии.

Летом 1918 года Иван Конев поехал в Москву. Его избрали делегатом на V Всероссийский съезд Советов. Вместе с ним на съезд ехал и ещё один делегат — уездный агроном от партии левых эсеров. Это характеризовало расклад сил, существовавший на тот период в политической жизни Никольского уезда Вологодской области. Любопытны впечатления Конева, которые он вынес из той поездки в Москву: «Мне помнится выступление на съезде одного из лидеров левых эсеров, Марии Спиридоновой[3]. Нужно прямо сказать, оратор она была неплохой, говорила здорово. В чём только она не обвиняла большевиков, как только не клеймила Ленина. Вся наша фракция большевиков была возмущена её речью. Мы шумели, не давали ей говорить… Я наблюдал, как держал себя Ленин. Он сидел с краю за столом президиума и был совершенно спокоен. Иногда улыбался, покачивал головой, когда она бросала явно клеветнические обвинения. <…> 6 июля левые эсеры убили немецкого посла Мирбаха и подняли мятеж против Советской власти… Когда мы утром пришли на заседание, Большой театр был оцеплен войсками. У входа стояли латышские стрелки и несколько броневиков. Мы выходили на заседание большевистской фракции через сцену, а надо сказать, что сцена Большого театра — это такой лабиринт, что, не зная там всех переходов и выходов, трудно оттуда выбраться, поэтому на всех поворотах стояли наши товарищи — члены большевистской фракции и, указывая путь, говорили: “Немедленно отправляйтесь на заседание фракции в здание Коммунистического университета — на Большой Дмитровке”. И мы — бегом по Петровке на Большую Дмитровку. Заседание вёл М.И. Калинин. Михаил Иванович обрисовал обстановку, сложившуюся в результате

выступления левых эсеров, сообщил о том, что убит немецкий посол, блокирован Кремль, что идёт борьба за московский почтамт, а под конец сообщил о том, что решением Центрального Комитета вся фракция большевистской партии съезда, партийная организация Москвы, весь рабочий класс столицы мобилизованы на разгром контрреволюционного мятежа левых эсеров».

Воспоминания маршала хорошо передают атмосферу того периода русской революции, когда чаша весов вдруг заколебалась и почва, казалось, начала уходить из-под ног у большевиков.

«Мне было поручено охранять Каланчёвскую площадь, теперешнюю Комсомольскую, три вокзала[4], с тем чтобы воспрепятствовать подходу враждебных мятежных сил в Москву. Задача эта была почётной и ответственной, но сил для её выполнения у меня было мало: всего два станковых пулемёта и максимум человек сорок бойцов. Впрочем, мы выполнили задачу довольно успешно».

«На V съезде Советов была принята первая Конституция Советской России, показавшая всему миру, куда большевики ведут народ. Тогда же было принято решение создать регулярную Красную армию *для* защиты молодой Республики Советов. Я уже сказал, что мы, солдаты-фронтовики, теоретически не были сильны, но у нас за плечами был тяжёлый опыт войны, и классовым чутьём мы поняли значение принятой Конституции, умом и сердцем поверили, что правда там, где Ленин, где партия большевиков».

Вернувшись из Москвы в родной Никольский уезд, уже без своего компаньона «уездного агронома от партии левых эсеров», Конев теперь твёрдо знал, кто враг новой власти, в которой он искренне видел власть рабочих и крестьян, на что способен этот враг и как с ним надо бороться.

Вслед за мятежом левых эсеров в Москве, словно по мановению дирижёрской палочки в вышколенном оркестре, вспыхивают восстания против большевиков в Ярославле, Петрограде, Витебске, Жиздре, Симбирске, Казани, сотнях уездных городов и посёлках. Одновременно активизирует свои действия чехословацкий корпус. Чехословаки повсюду, где они в это время находятся (эшелоны растянуты от Самары до Владивостока), открыто, с оружием в руках выступают против советской власти. При этом союзниками их становятся все, кто против большевиков, от социалистов-революционеров до монархистов. Страны Антанты после подписания Советской Россией «похабного» (В.И. Ленин), но объективно необходимого молодому государству Брестского мира, фактически утратили столь выгодного в войне против Германии союзника и, более того,

обнаружили вдруг в Советской России нового союзника Германии. Некоторые историки и публицисты склонны рассматривать эсеровский мятеж как тщательно спланированную акцию. Эсер Блюмкин, «человек Троцкого» или, как его ещё называют в некоторых публикациях, «агент по особым поручениям Троцкого», убил германского посла фон Мирбаха, и этот кровавый акт мгновенно вверг Россию в кровавую мировую бойню. Возникли сразу несколько фронтов, внешних и внутренних.

В этих непонятных и до сей поры смутных хитросплетениях международной и внутренней политики Иван Конев и сотни тысяч таких Иванов, вятских, вологодских, смоленских, самарских и калужских, были простыми солдатами, которые в трудную для своего Отечества минуту вынуждены были взять в руки оружие и идти драться за свою свободу, за волю, за землю, за всё то, что было обещано им, их семьям и всему народу. Они защищали то, что только-только обретали, а потому дрались за свою химеру с особой яростью.

Конев вспоминает: «…враги Советской власти, белогвардейцы и английские интервенты высадились в Архангельске и начали продвигаться по Северной Двине к югу, — уезд был объявлен на осадном положении».

Но биографы Конева называют среди прочего и ещё один мотив, который вскоре увлёк молодого комиссара в пучину Гражданской войны.

В тот год, когда Конев комиссарствовал в родном Никольском уезде, в Подосиновце были расстреляны четверо священников из местных приходов. Одна из кировских газет в 2008 году об этой истории писала так: «Расстреляли их явно и нагло, словно напоказ подосиновским и шолгским обитателям. Известно, что каратели прибыли именно из Никольска, но находились ли они в прямом подчинении Ивана Степановича или центральная власть прислала из губернии своих нукеров-уполномоченных, история умалчивает».

Что ж, помолчим и мы. Хотя следует заметить, что факты дальнейшей биографии нашего героя и черты его характера никак не соприкасаются с этим чудовищным расстрелом.

Комиссарить Коневу не нравилось. Земляки косились. Народ кругом лихой, отчаянный. Вот почему Конев так энергично взялся за новое дело — формирование коммунистических отрядов для отправки на фронт. Ему самому хотелось туда.

«Эта работа проходила тоже не без трудностей. Иногда доходило до того, что, пробравшись, скажем, на уездный пересыльный пункт или сборно-пересыльный пункт,

левоэсеровские пропагандисты, а также анархисты организовывали провокационные выступления. Они заявляли: “Хватит, повоевали! Пора передохнуть!” В связи с острой необходимостью организовать оборону уезда, а также чтобы предотвратить выход английских интервентов и белогвардейцев на его территорию, мы одну задругой проводили партийные мобилизации».

Но его влекло то, что он уже почувствовал и полюбил. Конев рвался к воинской службе. Он уже тогда знал, что родной Никольск в той дороге, которую он выбрал, всего лишь небольшой полустанок с короткой стоянкой в несколько минут.

Глава четвёртая. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

В то время Никольский уезд отошёл к Северо-Двинской губернии, поэтому своё желание убыть на фронт с ближайшей же отправлявшейся командой Конев должен был решать с губернским военным комиссаром. Северодвинцы формировали и пополняли Шестую, северную армию. Но в это время жаркие бои шли на востоке — в Ярославле и на Урале. Ещё весной 1918 года был создан Ярославский военный округ. В него входили Владимирская, Костромская, Нижегородская, Петроградская, Псковская, Тверская и Ярославская губернии. Военным комиссаром Ярославского округа стал Михаил Васильевич Фрунзе. Именно ему Конев подал рапорт с просьбой отправить на фронт в составе первой же команды. Окружной комиссар, прочитав рапорт настойчивого уездного комиссара, решил познакомиться с ним лично. Вскоре состоялась встреча Конева и Фрунзе.

Бравый вид русоволосого высокого и стройного комиссара из глубинки, его армейская выправка, отточенные движения и лаконичные ответы не могли не подтолкнуть Фрунзе к мысли о том, что такие сейчас действительно нужнее на фронте, в действующих войсках, а не в тылу

— Ну что же, пойдёте на фронт, если так настаиваете, — ответил Фрунзе, не отходя от карты, на которой были обозначены очаги восстания, направления ударов и передвижение войск. — Смотрите, сколько их теперь, фронтов. И везде нужны военные люди, преданные революции.

Конев стоял неподвижно, время от времени поглядывая на карту. Фрунзе перехватил его взгляд. Спросил:

— А военную карту читать умеете?

— Так точно, — ответил Конев.

— Хорошо. Думаю, что на фронт вы попадёте очень скоро. Формируйте отряд земляков. С ним и поедете. Командуйте. Желаю удачи. — И Фрунзе пожал Коневу руку.

В эти дни Конев познакомился с секретарём губкома Дмитрием Фурмановым. Вскоре судьба, а точнее, революционная необходимость пошлёт на фронт и его. Фурманов станет комиссаром Чапаевской дивизии, начальником политотдела Туркестанского фронта, комиссаром Красного десанта на Кубани. А потом, когда Гражданская война утихнет, уйдёт в литературу, в творчество, напишет свои знаменитые книги «Чапаев» и «Мятеж»,

которые встанут в один ряд с такими советскими шедеврами, как «Железный поток» Александра Серафимовича и «Как закалялась сталь» Николая Островского. Вспоминая Фурманова спустя многие годы, Конев скажет: «Дмитрий был одним из тех, кому хотелось подражать». Должно быть, знакомство и общение с Фурмановым окончательно сформировали у Конева представление о том, каким должен быть комиссар.

На защиту новой власти из многих внутренних губерний и уездных городов России отправились тысячи добровольцев и бойцов, подлежащих призыву. Выступили со своими отрядами и три уездных военных комиссара: будущий герой Гражданской войны легендарный Василий Иванович Чапаев и два будущих Маршала СССР — Кирилл Афанасьевич Мерецков и Иван Степанович Конев. Двоих последних судьба ещё сведёт.

Вначале Конев попал в Сольвычегодск. Но вскоре его всё же направили на Восточный фронт, в Третью армию. Дали маршевую роту. Рота заняла оборону близ Вятки. Первое наступление Верховного правителя Сибири адмирала Колчака к тому времени было отбито. Но белогвардейские части, вооружённые и экипированные англичанами, казаки, поддержавшие мятеж, эсеры и прочие партии и всяческие ватаги неясного происхождения, выступившие против большевиков, проводили перегруппировку своих сил, накапливались перед фронтом, чтобы на этот раз прорвать красную оборону и хлынуть в столицы и крупные города центра России.

«Там меня сразу назначили в артиллерию, в запасную батарею Третьей армии. Эта запасная батарея, — рассказывал впоследствии Конев, — по теперешним понятиям была больше, чем полк. В ней числилось около двух тысяч солдат и командиров, имелась большая партийная организация, около 200 коммунистов. Вскоре меня выбрали секретарём. Я почувствовал, что здесь меня могут опять задержать, поэтому, отправившись в политотдел с докладом о состоянии партийной организации и о задачах коммунистов батареи, решил снова проситься на фронт. Мне были предложены сразу три назначения: комиссаром артиллерийского полка, комиссаром пехотного полка и комиссаром бронепоезда. Причём было сказано, что политотдел предпочёл бы, чтобы я пошёл комиссаром бронепоезда, потому что бронепоезда в условиях гражданской войны являлись большой ударной и маневренной силой. Их роль была особенно велика в наступлении.

Я был назначен комиссаром бронепоезда, который сформировался из уральских рабочих и матросов-балтийцев — народ по-революционному боевой, но по части дисциплины не

особенно сплочённый. Так что предстояло поработать по-настоящему, сделать бронепоезд действительно боевой ударной силой».

«По части дисциплины» красногвардейцы, особенно на первых порах, сильно уступали своим неприятелям. Что же касалось матросов-балтийцев, то это была особая каста военных. Оставшись без кораблей (многие из них на палубу никогда и не ступали, а попали в водоворот событий из тыловых частей и учебных команд), эти вольные люди революции, не привязанные ни к земле, ни к родине, где бы им какой-нибудь подводчик из земляков мог заронить в душу свои сомнения и свою печаль о житье-бытье, исполняли любую работу, которая могла бы служить «делу революции». На пехотных командиров «главный костяк революционного Петрограда» посматривал свысока, а на комиссаров с недоверием. Как правило, у матросов были свои вожаки. Но юному комиссару Коневу, во многом благодаря своей армейской подтянутости, уму и постоянству, удалось сплотить команду бронепоезда, подтянуть дисциплину, прекратить пьянки и вольности, наладить боевую и политическую учёбу. А начал Конев свою комиссарскую работы с… личной гигиены стрелков и артиллеристов бронепоезда. Первой заботой Конева стало то, чтобы вся команда, без исключения, по утрам умывалась и чистила зубы. И вольным людям революции, уставшим от пьянства и стрельбы, это комиссарское нововведение понравилось.

Бронепоезд № 102 относился к типу лёгких бронепоездов, но название носил достаточно тяжёлое — «Грозный». Три вагона, обшитых стальными листами различной толщины, паровоз, обеспеченный такой же защитой, артиллерийская башня. Вооружение и оснастку имел соответствующую своему типу: две бронеплощадки; на каждой из них по четыре короткоствольных 76,2-миллиметровые пушки образца 1902 года и 12 бортовых пулемётов «максим», кроме того, одно орудие в башне, обеспеченной поворотным механизмом, так что оно могло вести огонь под любым углом; вагон-канцелярия, вагон-клуб и вагон для личного состава. Экипаж бронепоезда состоял из взвода управления, взводов броневагонов и башенных стрелков, а также отделений бортовых пулемётов, взвода тяги и вагонов. Толщина брони колебалась от 10 до 15 миллиметров. Бронепоезд, в зависимости от необходимости и поставленной боевой задачи, мог цеплять по несколько пустых платформ, на каждой из которых помещалась стрелковая рота десанта. На одной заправке мог двигаться до 120 километров при максимальной скорости 45 километров в час. В качестве паровозного топлива

использовались уголь, мазут или дрова. Учитывая то, что Гражданская война, особенно начальный её период, была схваткой на дорогах, а вернее, за дороги, за основные коммуникации, по которым перебрасывались войска, боеприпасы и хлеб, бронепоезда играли подчас исключительную и решающую роль.

Командовал бронепоездом С.Н. Иванов, бывший морской офицер. Так же, как и комиссар, он был артиллеристом. В Кронштадтской крепости командовал одной из артиллерийских батарей.

Из воспоминаний маршала Конева: «Бронепоезд, ведя огонь из орудий и пулемётов, врывался на станцию, прокладывал путь огнём, а пехотные цепи, охватывающие его справа и слева, овладевали этой станцией и близлежащими населёнными пунктами. Боевое взаимодействие бронепоезда и пехоты во времена Гражданской войны не раз приводило к успеху. Так мы взяли Ишим. Однако атаковать Омск не смогли, потому что река Иртыш была для бронепоезда серьёзной преградой. Всё же подступы к Иртышу мы атаковали совместно с пехотой, а потом взяли да и дерзнули — по льду проложили рельсы и так переправили бронепоезд через Иртыш.

На подступах к Чите пришлось вести бой не только с белогвардейцами атамана Семёнова, но и с японскими самураями.

И сейчас вижу поле боя под Гонготой: цепи белогвардейцев и японских солдат, атакующих нас при поддержке двух своих бронепоездов, атаку нашей кавалерии под командованием Н.А. Каландаришвили[5]. Бывший ссыльный революционер Каландаришвили был одним из руководителей партизан Восточной Сибири, создал кавалерийский отряд, который сыграл важную роль в борьбе с Колчаком. В частности, вместе с другими отрядами он преградил путь Колчаку к Иркутску. Потом отряд Каландаришвили был переброшен в Забайкалье на разгром атамана Семёнова. Вот он-то как раз и участвовал в атаке на станцию Гонгота.

Когда кавалеристы при поддержке нашего бронепоезда начали крепко нажимать на белогвардейцев, на выручку им подоспели японцы. Нужно было принимать ответственное решение — бить японцев или нет (а приказано было в бой с ними не ввязываться). Однако обстановка требовала вступить в бой с японцами, так как они перешли в наступление при поддержке двух бронепоездов. Мы японцам продвинуться не дали, отбросили их. И Гонгота была взята».

События, о которых вспоминал маршал Конев, относились к

апрелю 1920 года. Народно-революционная армия Дальневосточной республики и отряды красных партизан дрались с Дальневосточной армией (забайкальские казаки генерал-лейтенанта Г.М. Семёнова и белогвардейские подразделения бывшей армии Колчака). К тому времени на фронте создалось такое положение, когда Дальневосточная армия, занимая крупные города и ключевые железнодорожные станции Чита, Карымская, Сретенск, Нерчинск, опасно разделяла Дальневосточную республику на две части. Для того чтобы пробить «читинскую пробку», войска Дальневосточной республики провели несколько операций. Та, о которой рассказывает Конев, была первой. Войска Дальневосточной армии под командованием генерал-лейтенанта Г.М. Семёнова насчитывали около 20 тысяч штыков и сабель при 496 пулемётах, 78 орудиях и двух бронепоездах. Однако половину сил Семёнов вынужден был держать на Восточном фронте в районе Сретенска и Нерчинска, так как отряды красных партизан нажимали с тыла. Западнее Читы действовали около девяти тысяч штыков и сабель при 255 пулемётах, 31 орудии и двух бронепоездах. Здесь же стояли части 5-й пехотной дивизии японцев — 5200 штыков и сабель при 18 орудиях. Войска Народно-революционной армии ДВР (главком Г.Х. Эйхе, член Военного совета Н.М. Гончаров) имели около 9800 штыков и сабель при 72 пулемётах и 24 орудиях. Их поддерживал огнём бронепоезд «Грозный». 10 апреля началась атака на Читу. Эйхе направил свои войска двумя колоннами. Одна из них двинулась с севера, в обход, через Яблоневый хребет и подошла к окраинам Читы. Одновременно главные силы, которые вёл красный командир В.И. Буров, атаковала в направлении станции Гонготы. Операция была неудачной. Чита ещё до конца июля 1920 года будет оставаться за Дальневосточной армией. Но действия бронепоезда при взятии Гонготы, видимо, были успешными. Красивой и стремительной оказалась атака конников Каландаришвили. Потому и запомнилась Коневу.

Осенью войска Народно-революционной армии ДВР наконец дожали Дальневосточную армию в Забайкалье. Белые испытывали нехватку оружия и боеприпасов. В октябре 1920 года начали эвакуацию в Приморье. Там находилась их база снабжения. Бои продолжались до конца октября, в ходе которых войска ДВР и отряды красных партизан заняли станцию Даурия. Забайкалье стало частью Дальневосточной советской республики.

Именно в этот период у комиссара бронепоезда Конева вспыхнул и озарил его жизнь новым смыслом яркий роман с Анной Волошиной. Конев полюбил всем сердцем, и ему тогда казалось, что на всю жизнь.

Анна Ефимовна Волошина родилась 30 августа 1901 года в селе Торчин Каменец-Подольской губернии. Для Ивана Конева встреча с Анной была первым сильным чувством. Для Анны нет. У неё уже была семья. До революции она работала в услужении в господском доме. Там у неё случился роман с хозяином. Она родила от него дочь. Вихрь Гражданской войны всколыхнул все основы, и то, что вчера казалось незыблемым и вечным, в один миг обесценилось. Земля, недвижимость, накопленное богатство… Всё стало прахом перед валом наступавших частей красногвардейцев и партизан. Новая власть оказалась неприемлемой для тех, кто до революции имел всё. И эта часть русских людей, в своё время не ушедших вместе с отступающей Дальневосточной армией, вскоре начала покидать родину. Уезжали в основном в Харбин, в Китай.

Китайский Харбин был в то время русским городом. Он и основан был русскими в 1898 году как посад при железнодорожной станции Трансманьчжурской магистрали. Старые кварталы до сих пор носят черты архитектуры, типичные для уездных городов старорусской Сибири. Наряду с китайской в городе существовала и русская администрация. До революции в Харбине размещалась штаб-квартира Заамурского пограничного корпуса пограничной стражи Министерства финансов. В 1917 году в городе проживало более ста тысяч человек, из них 40 тысяч русских. После Октябрьской революции Харбин начал наводняться иммигрантами из Советской России, которые по разным причинам бежали от новой власти, — дворяне, чиновники, офицеры. Затем начался новый поток — белогвардейцы и казаки из разбитых частей Дальневосточной армии. В 1924 году в Харбине проживало уже около ста тысяч русских. Впоследствии многие из них уехали в Европу или Америку.

Кем был тот, кто стал первым мужем Анны Волошиной, неизвестно. Может, чиновник. Может, офицер. Может, из купеческого сословия. Из семейных преданий известно только, что, уезжая в Харбин, он умолял Анну, которую страстно любил, ехать с ним. Но сердце её, как писали в старых романах, уже принадлежало другому. Избранником её стал комиссар бронепоезда «Грозный». Ехать за границу Анна отказалась. Не остановило её и то, что муж забирал с собой их дочь Варвару. Впоследствии Анна Ефимовна пыталась разыскать свою дочь, но поиски результата не дали. Ходили слухи, что отец увёз Варвару в Америку.

В книге «Маршал Конев — мой отец» Наталия Ивановна Конева пишет: «Никто не знает подробностей этой любовной

истории, известно лишь, что Анна заслушивалась пылкими речами молодого комиссара, высокого, русоволосого, с яркими голубыми глазами. Вокруг него всегда люди, он умеет их выслушать и готов оказать помощь. Анне он кажется очень образованным, начитанным. Не осталась незамеченной и его физическая сила: на воскресниках легко таскает тяжести, видно, привык это делать в родном краю, где и крестьянствовал, и сплавлял лес, и работал в Архангельском порту. Романтический герой, да и только. Впоследствии она как-то сказала: “Он — мой Вронский”. <…> В 1921 году отец заболел тифом, болел очень тяжело, целый месяц провалялся в госпитале, ну а Анна выхаживала его, отпаивала клюквенным морсом, приносила домашнюю еду — и выходила, спасла. Он был ей страшно благодарен и решил, что, когда поправится, будет просить её стать его женой. Анна была привлекательной девушкой — энергичной, обаятельной».

Семейную жизнь Коневы строили в соответствии с новой моралью, которая не предполагала обязательной регистрации брака. Кроме того, как известно, всякая революция — это расшатывание сложившихся веками устоев семьи, отношений между мужем и женой, их взаимных обязательств. «Азбука коммунизма» Бухарина и Преображенского внушала молодёжи той поры свободу в семейных отношениях, вольно раскрепощала женщину, в том числе и от многих обязательств по отношению к мужу и детям. Анне «Азбука…» новой жизни очень понравилась. Конев, воспитанный в рамках старой культуры и впитавший в подсознание иные отношения между мужем и женой, где основой основ была верность, преданность мужу, вскоре понял, что «любовная лодка», да что там любовная — семейная, даёт течь. С годами эта течь увеличивалась и сделалась необратимой. В конце концов семья распалась. Как всегда в таких случаях, трудно искать причины, а тем более первопричины разлада. Молодой командир не мог уделять достаточно времени молодой красавице жене, а Анна Ефимовна, натура артистическая, утончённая, не сумела в достаточной степени посвятить себя домашним заботам и мужу.

В 1921 году Конев вернулся в Забайкалье, теперь уже на должность комиссара 2-й бригады 2-й Верхнеудинской стрелковой дивизии. Дивизия усиленно готовилась к боям. Но с ней Коневу в бой пойти не довелось. В феврале того же 1921 года его срочно вызвали в Верхнеудинск за новым назначением — комиссаром стрелковой дивизии. А буквально через несколько дней он уже ехал в пассажирском вагоне в Москву. В нагрудном кармане его гимнастёрки лежала выписка из протокола

партийной конференции о том, что он, комиссар 2-й Верхнеудинской стрелковой дивизии, избран делегатом X съезда РКП(б). Соседом по купе оказался комиссар партизанской бригады и тоже делегат съезда Александр Булыга. Почти месяц паровоз тащил состав до столицы. В пути комиссары подружились. Спустя годы Конев прочитает роман Александра Фадеева «Разгром» и на фотографии автора узнает своего друга-дальневосточника. Как оказалось, Булыга — это партизанская кличка Александра Фадеева[6].

«Оба мы были молоды, — писал маршал Конев о первой встрече с Фадеевым в своих мемуарах («Сорок пятый»). — Мне шёл двадцать четвёртый, ему — двадцатый, симпатизировали друг другу, испытывали взаимное доверие. Он нравился мне своим открытым, прямым характером, дружеской простотой, располагавшей к близким и простым товарищеским отношениям. Эта дружба, завязавшаяся во время долгого пути через Сибирь, окрепла на самом съезде».

Они не раз ещё встретятся. В самое тяжёлое время битвы за Москву Фадеев приедет на Калининский фронт вместе с группой писателей. Вскоре в московских газетах появятся его очерки, рассказывающие о том, как дерутся войска генерала Конева. Они не раз будут встречаться и на войне, и после войны. В том числе и на премьерных спектаклях МХАТа, восхищаться игрой несравненной Ангелины Степановой, второй жены Фадеева.

А тогда, в 1921-м, они попал и сперва не на съезд, а снова на войну. За несколько дней до открытия X съезда большевистской партии в Кронштадте, главной базе Балтийского флота, вспыхнул мятеж. Матросы, солдаты гарнизона и примкнувшее к ним население военного городка выдвигали в основном экономические требования. Не доверяя большевикам, они выбросили лозунг: «Власть Советам, а не партиям!» В ходе мятежа появились и политические требования. В своей резолюции восставшие потребовали освобождения из заключения всех представителей социалистических партий, проведения перевыборов Советов и исключения из них всех коммунистов, предоставления свободы слова, собраний и союзов всем партиям, обеспечения свободы торговли, разрешения кустарного производства собственным трудом, позволения крестьянам свободно пользоваться своей землёй и распоряжаться продуктами своего хозяйства, то есть требовали ликвидации продовольственной диктатуры. Временный революционный комитет восставших возглавил матрос С.М. Петриченко, писарь с линкора «Петропавловск». В своём воззвании кронштадтцы писали:

«Товарищи и граждане! Наша страна переживает тяжёлый момент. Голод, холод, хозяйственная разруха держат нас в железных тисках вот уже три года. Коммунистическая партия, правящая страной, оторвалась от масс и оказалась не в состоянии вывести её из состояния общей разрухи. С теми волнениями, которые последнее время происходили в Петрограде и Москве и которые достаточно ярко указали на то, что партия потеряла доверие рабочих масс, она не считалась. Не считалась и с теми требованиями, которые предъявлялись рабочими. Она считает их происками контрреволюции. Она глубоко ошибается. Эти волнения, эти требования — голос всего народа, всех трудящихся».

Третьего марта Петроград и Петроградская губерния были объявлены на осадном положении. Начались аресты заложников. Арестована была и семья бывшего генерала Козловского, командовавшего артиллерией крепости. Через несколько дней 7-я армия под командованием М. Тухачевского начала осаду Кронштадта. С.М. Петриченко, которому удалось избежать ареста и расстрела, впоследствии писал: «Стоя по пояс в крови трудящихся, кровавый фельдмаршал Троцкий первый открыл огонь по революционному Кронштадту, восставшему против владычества коммунистов для восстановления подлинной власти Советов».

Первый штурм был отбит. Во втором штурме приняли участие делегаты только что открывшегося в Москве X съезда РКП(б). Среди них были комиссары Конев и Фадеев. Конев, как артиллерист, во время штурма находился на косе Лисий Нос, где была установлена батарея тяжёлых орудий. Батарея вела огонь по крепости, поддерживая атаку ударного коммунистического батальона, в котором было много делегатов съезда. Большинство восставших погибли. Около восьми тысяч ушли по льду в Финляндию. Остальные сдались и ответили за всех: 2103 человека были расстреляны. Репрессии органов ЧК в отношении участников мятежа были очень жестокими. Потери среди штурмовавших крепость тоже оказались большими. Сейчас в Санкт-Петербурге рядом с Троицким собором Александре-Невской лавры находится братская могила, на плите надпись: «Памяти жертв Кронштадтского мятежа. 1921».

После возвращения из Москвы Конев был снова направлен на Дальний Восток, но теперь уже на должность комиссара штаба Народно-революционной армии Дальневосточной республики. Штаб НРА ДВР находился в Чите. Летом 1921 года в должность командующего войсками ДВР вступил Василий Константинович Блюхер.

В этот период Блюхер со своим штабом пытался сформировать из разрозненных подразделений Красной армии и отрядов регулярные части, которые смогли бы решать любые тактические задачи на поле боя. В первую очередь необходимо было выстроить централизованную систему подчинения и управления. Для этого следовало ликвидировать партизанщину, при которой каждый командир партизанского отряда был и батькой, и атаманом, и верховной властью. Доклад, с которым выступил в июне 1921 года Блюхер, характеризует не только ситуацию, существовавшую в тот период в НРА ДВР, но и самого Блюхера. Вот краткие выдержки из него: «В расплывшемся болоте штабов почти отсутствуют работники, преданные интересам революции. Должности заняты опытными, прекрасно подготовленными техническими специалистами, по оценке своей почти исключительно принадлежащими к группе… бывших офицеров каппелевских и семёновских частей. В армию они пошли ввиду своего безвыходного положения… При материальной необеспеченности и отсутствии идейной связи с армией они являются богатым материалом для японского шпионажа». И далее: «Необходимы строгие меры… чтобы армия не разлагалась и могла оказаться боеспособной».

Герой Гражданской войны, кавалер ордена Красного Знамени № 1 Василий Константинович Блюхер был незаурядной личностью, обладал высокими качествами командира и организатора. В короткие сроки с помощью своего штаба и преданных командиров он сумел создать боеспособную армию, а на её основе сформировал Приморский военный округ.

Летом 1921 года обстановка на Дальнем Востоке начала накаляться. Активизировались отряды казаков генерала Семёнова, возобновили свои претензии японцы, а с юга начала вторжение орда барона фон Унгерна.

Роман Фёдорович (настоящее имя Роберт-Николай-Максимилиан) фон Унгерн-Штернберг — фигура в истории Гражданской войны довольно экзотическая. Родился он в 1885 году в городе Грац в Австрии. Другие биографы родиной «забайкальского крестоносца» называют Ревель (ныне Таллинн). По линии отца унаследовал кровь древних рыцарей Меченосцев и баронский титул. Мать — русская. Детство провёл в Ревеле. Окончил петербургский Морской корпус. Моряком не стал. После окончания Морского корпуса отправился добровольцем на Русско-японскую войну, желая поступить рядовым в пехотный полк. Война вскоре окончилась, и Унгерн вернулся домой, награждённый памятной медалью. Пребывание на Дальнем Востоке перевернуло всю его жизнь. Он окончил Павловское

пехотное училище. А уже через год в чине хорунжего служил в 1-м Аргунском полку Забайкальского казачьего войска. В этот период увлёкся изучением Монголии. Началась Первая мировая война, и Унгерн отправился на Запад. Воевал во 2-й армии генерала А.В. Самсонова. Армия попала в окружение, а командующий застрелился. Унгерн был ранен, но плена избежал. За время пребывания на фронте он получил пять орденов: Георгиевский крест, орден Святой Анны двух степеней, орден Святого Станислава и орден Святого Владимира. Дослужился до есаула. Воевал под началом полкового командира П.Н. Врангеля, который впоследствии о своём бывшем подчинённом скажет, что такие, как Унгерн, — это «типы, созданные для войны в эпоху потрясений». В том же 1 -м Аргунском служил и будущий атаман Забайкальского войска Г М. Семёнов. После Февральской революции 1917 года Унгерн и Семёнов были посланы А.Ф. Керенским в Забайкалье для формирования добровольческих частей из народностей, населявших те дикие края. После Октябрьской революции Унгерн служил под началом атамана Семёнова, который произвёл его в генерал-лейтенанты. В 1920 году, когда колчаковщина пошла на убыль, Унгерн отделился от Семёнова и ушёл за границу, захватил Ургу (ныне Улан-Батор) и на некоторое время осел там. Монголы приняли его как нового Чингисхана. Он собрал их в войско, обучил и бросил на китайцев, которые в то время оккупировали монгольские земли. И разбил их войска, имевшие численное превосходство в десятки раз, с такой жестокостью, что монголы, буряты, корейцы, татары, башкиры, бургуты, харачены и солдаты других национальностей и народностей, которых в Конно-Азиатской дивизии насчитывалось шестнадцать, действительно признали в нём того, кто пришёл карать и освобождать… Затем Унгерн взял в жёны одну из дочерей китайского императора, стал носить жёлтый шёлковый халат с генеральскими погонами и много часов проводить в беседах с ламами в буддийских монастырях. В нём, параллельно с увлечением воинственным буддизмом, зрела мысль освободительного похода на Запад с целью «восстановления Срединного Царства и народов, соприкасающихся с ним, до Каспийского моря, и тогда только начать восстановление Российской монархии, если народ к тому времени образумится, а если нет, надо его покорить…». Биографы отмечают противоречивость натуры «нового Чингисхана», его жестокость и даже садистские наклонности. Но последнее, возможно, вымысел с целью истолковать упрощённо некоторые поступки этой загадочной личности. Говорят, когда в начале 1960-х годов Хрущёв узнал, что правительство ФРГ направляет в

Москву в качестве посла некоего Унгерна, то отреагировал бурно-отрицательно: «Нет! Был у нас один Унгерн, и хватит!»

В 1921 году фон Унгерн-Штернберг со своей Конно-Азиатской дивизией пересёк границу ДВР и начал опустошать русские сёла и станции, двигаясь вдоль железной дороги. Этот поход действительно чем-то напоминал набег древних монголов, которые предавали огню и мечу всё на своём пути.

Блюхер предпринял несколько атак на летучие отряды Конно-Азиатской дивизии «нового Чингисхана». Сам Цаган-Бурхан (Бог Войны) в одной из схваток был ранен. В августе в стане Унгерна вспыхнул мятеж. Монголы предали своего Цаган-Бурхана. Они связали его и бросили в палатке, а сами ускакали в разные стороны, чтобы он не догнал и не покарал их. Через несколько часов Унгерн был схвачен красноармейцами.

«Забайкальского крестоносца» судили показательно шумно, по записке самого Ленина, приказавшего расстрелять его в любом случае. Главным обвинителем на процессе, состоявшемся в Новониколаевске (ныне Новосибирск), был Е. Ярославский-Губельман. Во время суда обвинитель, должно быть, желая подчеркнуть чуждое пролетариату происхождение барона, неосторожно спросил его: «Чем отличился ваш род на русской службе?» — «Семьдесят два убитых на войне», — ответил подсудимый. На суде так же, как и во время допросов, Унгерн вёл себя с величайшим достоинством и хладнокровием, уже зная свой исход. В тот же день суд приговорил его к расстрелу. Приговор привёл в исполнение председатель Сибирской ЧК И. Павлуновский собственноручно. Перед расстрелом фон Ун-герн-Штернберг зубами сломал на мелкие кусочки Георгиевский крест, который всё время носил на груди, и проглотил его.

Конно-Азиатская дивизия как боевое подразделение перестала существовать, но остатки её ещё долго беспокоили большевиков. Некоторые отряды ушли в Приморье.

В феврале 1922 года Народно-революционная армия под командованием В.К. Блюхера атаковала укреплённые позиции белогвардейцев у станции Волочаевка. Генерал Молчанов, командовавший обороной белых, называл свой укрепрайон «Дальневосточным Верденом», считая его неприступным. Вспоминая последние, решающие бои на Дальнем Востоке, маршал Конев тепло отзывался о бывшем своём командующем: «Блюхер был замечательный организатор. Он объединил усилия своих красноармейских частей с усилиями партизанских отрядов, действовавших на Дальнем Востоке, преодолел элементы партизанщины, анархии, сконцентрировал всё, чтобы добиться поставленной цели. Авторитет Блюхера был непререкаем[7]. Его

отличительной чертой была способность охватить обстановку на Дальнем Востоке в целом: и оперативно-тактические детали, и конкретные задачи, решение которых ведёт к победе. Это особенно проявилось в знаменитом штурме Волочаевска. Близ станции Волочаевка есть высоты, возвышающиеся над окружающей местностью. Блюхер правильно оценил, что эти высоты — "шверпункт" операции: пока их не возьмёшь, не овладеешь станцией Волочаевка. Оценив обстановку, изучив противника, Блюхер умело спланировал операцию, тщательно, скрупулёзно её готовил, выбирал момент удара, знал, каким полкам, под чьим командованием, какие задачи ставить. Операция под Волочаевкой — это, если хотите, операция прорыва сильно укреплённой обороны противника, и здесь Блюхеру помог солдатский опыт Первой мировой войны и опыт штурма Перекопа. Высоты под Волочаевкой были взяты двусторонним штурмом красноармейцев и партизан, которые продвигались по снегу, в мороз, под ожесточённым огнём белогвардейцев. Сблизились с ними до рукопашного боя и разгромили. <…> Весь Дальний Восток был освобождён от белогвардейцев и интервентов. Ленин обратился с приветственной телеграммой к рабочим и крестьянам освобождённых областей и городов Владивостока. Мне выпала честь зачитать эту телеграмму Ильича на съезде. Помню, как японский представитель в ДВР демонстративно поднялся и ушёл со съезда, поняв, что японцам на советском Дальнем Востоке не быть. Вспоминая сейчас то время, видишь наше прошлое ещё более значительным».

Эта цитата — прекрасная характеристика самого Конева, иллюстрация того, как умел он видеть в человеке главное и ценить его за это, опуская второстепенное, на что, по большому счёту, действительно можно закрыть глаза.

В октябре 1922 года НРА ДВР вошла во Владивосток. А через месяц Народное собрание ДВР приняло решение о добровольном вхождении республики в состав Советской России. Президиум ВЦИК тут же ратифицировал это соглашение — Дальний Восток стал неотделимой частью РСФСР.

Вольно или невольно, красный командир Василий Константинович Блюхер, его штаб, командиры дивизий, полков, командиры партизанских отрядов и комиссары, а также рядовые бойцы Красной армии сохранили Дальний Восток для России.

За всеми действиями белогвардейских формирований, за каждым серьёзным шагом казачьих формирований атамана Семёнова и земской рати барона Дитерихса, особенно на последнем этапе сражений в Приморье, явно просматривались иностранные интересы, в особенности Японии.

Японские войска вступили в пределы Советской России в апреле 1918 года, заняли Владивосток и по Транссибирской магистрали гарнизонами обосновались в Верхнеудинске, Хабаровске, Имане. Выбили их оттуда в 1921 году. А с островов Северного Сахалина они ушли только в 1925 году.

Вместе с японцами Владивосток заняли англичане и американцы. Канадцы в апреле 1921 года высадились на остров Врангеля и хозяйничали там ровно два года.

Войска США по Транссибирской магистрали гарнизонами стояли от Владивостока, через Верхнеудинск и Иман до Мысовска. Сохранились фотографии, где доблестные янки в стальных шлемах браво маршируют по булыжной мостовой Владивостока под звёздно-полосатыми знамёнами. Кроме того, с сентября 1921 года по август 1924 года американцы пребывали на острове Врангеля. На Чукотку их влекли дешёвая пушнина и золото. Золото там можно было добывать открытым способом и в очень больших количествах.

Франция ввела свои войска во Владивосток в августе 1918 года вместе с США. Так же вместе с американцами и англичанами в 1920 году французы отсюда и ушли.

Эвакуация войск вовсе не означает эвакуацию интересов. Там, откуда уходят солдаты, остаются различные эмиссары, агентурная разведка.

В семейном архиве Коневых хранится старая папка с надписью «1923 г., Никольск-Уссурийск». В папке собраны собственные записи, выписки из прочитанных книг. В ней то, что казалось комиссару Коневу главным в военном строительстве. В тот год он был назначен военкомом 17-го Приморского стрелкового корпуса, который дислоцировался на Дальнем Востоке. До корпуса сразу после бронепоезда была бригада, потом 2-я Верхнеудинекая дивизия, откуда его перевели на должность комиссара штаба Народно-революционной армии ДВР, когда армией командовал В.К. Блюхер. Какие же мысли и какие идеи волновали тогда, в начале 1920-х годов, комиссара Конева?

«Взамен технической подготовки я выдвигаю усовершенствование сердца, потому что ведь не пушки и не ружья сражаются, а человек». (Полковник французской армии Кардр.)

«Переживаемая эпоха характеризуется наибольшим обострением классовых противоречий внутри страны и вовне — борьбой между сильными государствами за рынки, владение колониями, господство над морями. Эти обострения временно сглаживаются, заглушаются, но неминуемо повлекут за собой величайшие потрясения, взрыв новых войн».

«Групповая тактика и применение автоматического оружия, с

его массовым и разрушительным действием, требуют большой военной выучки, самостоятельности, полного самообладания, моральной устойчивости и готовности бороться за идею советской власти…»

«…значение имеет в мирное время дисциплина, порядок в повседневном укладе: вовремя подъём, выход на занятия, вовремя сон, отдых в обед. Нужно рационально использовать свои силы и приучать солдат к сознательному автоматизму привычек, выносливости всех походных тягот и соблюдению дисциплины в бою».

«Строй, конечно, не должен являться воспроизведением старых печальных традиций плацпарадности. Строем мы занимаемся и теперь, и не без увлечения. Строй нами понимается не как механическая, самодовлеющая форма, оторванная от общей воспитательной работы. Этот взгляд должен быть изменён. Строй должен иметь воспитательное значение: постоянное разумное упражнение в сомкнутом строю, в равнении, в приёмах, он вырабатывает точность и правильность движений, напряжённость внимания, чувство времени, но, кроме того, он, что важнее, вырабатывает умение, когда нужно, ограничивать свою волю, согласовывать свои движения и действия с движениями и действиями товарищей; он вырабатывает чувство локтя, единства, без которого не может быть коллективного действия. Стройным должен быть не только строй, вся военная жизнь насквозь должна быть проникнута стройностью».

«Взаимоотношения начальника и подчинённого должны покоиться целиком на основе единства целей, долга и товарищества. Тут важную роль играет принцип, положенный начальником в основу взаимоотношений с подчинённым. Прежде всего, не должны нарушаться права красноармейца как гражданина. Нужно устранить пережитки старого, принесённого в Красную Армию в форме денщичества и личного использования солдат. Это есть яркий образчик нарушения прав гражданина. Нужно добавить, что в этом вопросе у нас нет особенно чёткой линии: наши отношения являют крайности, с одной стороны — грубость, цуканье, с другой — панибратство и фамильярность, всё это отражается на внутреннем единстве в части и на дисциплине. Необходима искренность, простота в обращении, способность вовремя прийти на помощь солдату советом и делом (ибо кому больше дано, с того больше спросится); важен личный пример выдержанности и дисциплинированности. Напротив, афиширование и дешёвая популярность, бьющая на внешний эффект, послабления, демонстрация своего рвения перед подчинёнными, желание выставить себя покровителем и

защитником там, где это выгодно, вот что должно жёстко изгоняться из взаимоотношений начальников и подчинённых в рядах Красной Армии».

Любопытно в этих записках то, что Конев по-прежнему называет своих подчинённых «солдатами», а не «красноармейцами» или «бойцами Красной Армии». Это слово в применении к рядовому красноармейцу вернётся в армию в 1943 году с возвращением погон и Георгиевской ленты.

Многие странички «Военного дневника», как называет листки из папки 1923 года дочь маршала Наталия Ивановна Конева, посвящены прочитанным книгам. Размышления о тех впечатлениях, которые оставил только что прочитанный роман или специальная книга о военном искусстве. Мысль о том, что «культура избавляет от рабства», засела в голове комиссара Конева настолько, что он повторяет её в нескольких местах. «Обучить красноармейца грамоте, расширить его общеобразовательный кругозор, что достигается школьными и внешкольными занятиями, клубной кружковой работой, которые призваны развивать навыки самодеятельности, самотворчества, поднять культурный уровень, избавить от вековых предрассудков, как то невежества и раболепства».

«…красноармейцу недостаточно знать про Керзона, надо приобщить его к культурному быту, научить бережному отношению к народному достоянию и опрятности. С этой целью с помощью шефов заготовить для красноармейцев сапожные щётки, мазь для сапог, зубные щётки и порошок, носовые платки».

«Нужно вести работу над общим образованием красноармейцев для того, чтобы общим образованием закреплялась политработа, а то красноармеец знает про политику, но не знает явлений природы, в этом случае политика может быстро улетучиться из его головы. Для того, чтобы ликвидировать культурную отсталость в армии, можно привлечь шефов. В армию необходимо присылать преподавателей-естественников, математиков, географов, предоставлять учебные пособия и книги, приглашать артистические труппы».

Можно предположить, что во время одной из поездок к шефам Конев и познакомился с будущей своей женой Анной Волошиной.

В 1923 году, 1 мая, у Коневых родилась дочь. Назвали её Тамарой. Но поскольку это День международной солидарности трудящихся, в повседневной жизни в семье девочку чаще называли Майей. А когда пришла пора оформлять метрики, то со слов родителей урождённую Тамару записали Майей. Майя Ивановна Конева проживёт очень яркую жизнь, всегда будет

тянуться душой к отцу и ненамного переживёт его. Об этом будет рассказано в своё время.

Но именно здесь уместно упомянуть такую подробность. Дочь у Коневых родилась в Никольске, который вскоре назовут Никольском-Уссурийским, чтобы этот дальневосточный городок не путали с городом Никольском Вологодской области. Вот так Ивана Конева на краю Российской земли окликнула родина. Коневы занимали тогда несколько комнат в бывшем доме городского головы. В собрании семейных приданий семейства Коневых хранится такая легенда: в этом доме до революции проживала семья генерал-губернатора Приамурского края. После того как белогвардейские войска покинули Дальний Восток, в Харбин уехал и бывший генерал-губернатор со своим семейством. Но в доме остался повар, которого то ли забыли, как Фирса из чеховского «Вишнёвого сада», то ли он сам не пожелал ехать на чужбину. Так вот Анна Васильевна Конева, дочь Майи-Тамары и внучка маршала, рассказала, что оставшийся в доме генерал-губернаторский повар «научил мою бабушку блестяще готовить, чем все успешно пользовались до самой смерти её в 1980 году…»

Глава пятая. КОМАНДИР

В 1924 году, когда Конев служил начальником политотдела и комиссаром 17-й Нижегородской стрелковой дивизии, он познакомился с командующим войсками Московского военного округа прославленным конником, героем Гражданской войны Климентом Ефремовичем Ворошиловым. В штабе Московского военного округа проводилось совещание, на котором обсуждалась проблема введения в Красной армии единоначалия. Идею единоначалия предложил Центральному комитету РКП (б) М.Ф. Фрунзе, который в то время занимал должность заместителя председателя Реввоенсовета СССР и наркома по военным и морским делам, а с апреля одновременно начальника штаба Красной армии и начальника Военной академии. На совещании Конев выступил по очень актуальной в тот период теме, касающейся дисциплины, а также организации и порядка перехода армейских подразделений к нормальной боевой и политической подготовке в мирный период. Ворошилову очень понравилось выступление комиссара Конева. После выступления он подошёл к нему и сказал:

— Ты, оказывается, комиссар со строевой жилкой. Как ты думаешь, если нам перевести тебя на командную работу?

— Не возражаю, — ответил Конев.

Ворошилов, конечно же, заметил, какой радостью вспыхнули глаза комиссара.

— Предварительно пошлём на курсы высшего командного состава при Военной академии, а там… Там — как сам себя по кажешь.

Вот что об этом периоде своей жизни рассказывал сам Конев: «В 1925 году я был уже на Курсах усовершенствования высшего начальствующего состава (КУВНАС) при Военной академии, готовивших командиров Красной Армии.

На эти курсы прибыло немало боевых комиссаров — участников Гражданской войны, в том числе П.С. Рыбалко, будущий танковый командарм, Логинов, который во время Отечественной войны был у меня заместителем по тылу на Северо-Западном фронте, и ряд других товарищей.

Ещё на Дальнем Востоке в штабе армии и корпуса я учился у бывшего полковника Генерального штаба русской армии Андриана Андриановича Школина. Это был замечательный человек, он, офицер царской армии, ещё до революции был

большевиком. Сидел в царской тюрьме, в Александровском централе, и только революция освободила его. В последующем он партизанил на Дальнем Востоке. На Дальнем Востоке в период, когда командовал там В.К. Блюхер, начальником его штаба был Токаревский, старый генштабист, — на ВАКе он оказался преподавателем группы артиллерии. Партия привлекла к обучению красных командиров не только близких нам бывших офицеров, которые уже служили в Красной Армии, но и тех, кто принял Октябрьскую революцию не сразу. В академии лекции по тактике отлично читал профессор А.И. Верховский[8], бывший военный министр в правительстве Керенского; интересны и полезны были лекции по стратегии профессора А.А. Свечина[9] — он был начальником информационного отдела ставки Николая II, генштабистом. Я учился в группе профессора Лигнау — большого знатока пехоты.

Учился я отлично. Взял всё, что один год мог мне дать».

Учился будущий маршал, победитель Манштейна, Шернера и других полководцев Третьего рейха действительно блестяще. С азартом. Командовать подразделением — это не агитировать за самый справедливый в мире строй и не прививать бойцам правила гигиены. Здесь требовалось иное искусство, которое создавалось веками, кровью побеждённых и восторгом победителей.

После успешного окончания Курсов усовершенствования высшего командного состава (КУВНАС) при Военной академии им. М.В. Фрунзе Конева назначили командиром стрелкового полка. Вернее, он сам попросился на полк. По сути дела, сделав такой выбор, он вынужден был пойти на понижение. Снял с петлиц ромбы, прикрепил шпалы. Сохранилась фотография середины 1930-х годов, где Конев, командир 50-го стрелкового полка 17-й Нижегородской дивизии. Ему чуть больше тридцати пяти лет. Красивое лицо с правильными чертами, светлые глаза. В петлицах три шпалы. Всё ещё впереди.

Весной 45-го Борис Полевой, записывая биографию Конева, спросил маршала:

— А почему именно на полк, Иван Степанович?

— А потому, что полководец начинается в полку. И как жалеют потом те, кто когда-то этой истиной пренебрёг. Прыгать через ступеньку в жизни вообще не стоит. Ну, а в военной деятельности перешагнуть через полк, по-моему, вовсе нельзя.

В 17-й стрелковой Нижегородской дивизии Конев получил тот самый полк, в котором служил комиссаром. И командовал им пять лет.

Конев и его поколение, к счастью для Советской России,

успели научиться у генералов и полковников старой русской армии многому. Их, бывших, расстреляют в 1937—1938 годах. А в 1920-е и начале 1930-х годов они ещё преподавали в военно-учебных заведениях Красной армии. Они владели военной наукой, той наукой, какой добывали свои победы Суворов, Кутузов, Румянцев, Багратион, и, будучи талантливыми педагогами и наставниками, знали, как её привить лучшей части красных командиров. В конце концов, кроме Красной, другой русской армии в России не существовало.

Много лет спустя, уже после смерти Сталина, маршал Конев в беседе с Константином Симоновым о репрессиях 1930-х годов будет говорить с горечью. А о своих учителях — с восхищением. Но не скажет, как они погибли. За плечами уже будет жизнь, наполненная романтикой Гражданской войны (и с ней не хотелось расставаться), победами в Великой Отечественной войне, послевоенной службой, в которой чисто военное дело, армейская работа тесно переплеталась с политикой. Прошлое настигало. Но в нём виделось больше хорошего. Потому что служил он Родине, забывая порой и о семье, и о собственных нуждах и здоровье.

Поколение Конева, Рокоссовского, Жукова было особенным поколением. Конечно, если бы в кровавой смуте 1920-х и 1930-х годов сгинули и они, то армиями и фронтами под Смоленском, Москвой и на Курском выступе командовали бы другие полководцы. И кто-нибудь другой, не хуже Рокоссовского, провёл бы Сталинградское сражение. И кто-нибудь другой, а не Жуков, но с той же непреклонной волей, граничащей с жестокостью к собственным войскам, отогнал бы немцев от Москвы. И кто-нибудь другой, а не Конев, так же блестяще завершил бы Корсунь-Шевченковскую операцию, задушив в огромном «котле» колоссальную по численности и вооружению группировку противника. Но судьба выбрала именно их.

А он, маршал, понимал: расстрелянных уже не вернуть. Так же, как и погибших на полях сражений. Лежали они в разных могилах. Над одними стояли обелиски, к ним носили цветы. Над другими шумели, колосились травы забвения. И это жгло душу. Но говорить об этом было не принято. Да и не хотелось.

…Год учёбы в Москве пролетел как одно мгновение. То, что Конев слышал на лекциях, преломлялось в его сознании через опыт боёв, тех или иных операций, участником которых ему довелось быть. Строгий аналитик, он снова и снова прокручивал память-киноплёнку, на которой были запечатлены и эпизоды смелых рейдов их бронепоезда, и белогвардейские контратаки, и гибель товарищей, и неожиданные решения командующего

Особой Дальневосточной армией Блюхера, его многоходовой манёвр, который всегда приносил успех.

И вот — снова войска. Полк. Маршал Конев размышлял: «Полк учит, полк воспитывает, полк по-настоящему готовит кадры. Комполка — организатор боя, он обязан правильно использовать артиллерию, полностью и до отказа дать огонь, а не штык, использовать танки, использовать поддержку сапёров и даже авиацию, запросив решения высших инстанций. Он хозяин на поле боя, в организации боя. Вот кто такой командир полка, вот почему я с большим желанием пошёл на эту должность. Командовал полком пять лет. Многие говорили, что “засиделся”, предлагали всякого рода должности, намекали, иногда даже иронизировали… Я учил полк и учился у полка. Проводил занятия сам, очень сложные, продолжающиеся непрерывно днём и ночью, с выходом в поле, с отрывом от базы, учил полк маршам и походам, боевой стрельбе и тактике, взаимодействию…»

Основным пулемётом стрелкового полка в то время был станковый пулемёт «максим». Однажды Конев вдруг понял, что недостаточно полно владеет тактико-техническими данными этого вида оружия. И вот, когда жизнь в палаточном городке замерла и службу несли только дозоры, комполка пригласил к себе в штабную палатку начальника боепитания. Пригласил не одного, а… с пулемётом. Бывший офицер русской армии, опытный оружейник, тот быстро ввёл командира полка в курс дела. Ночи напролёт они разбирали и собирали «максим», обсуждали его боевые характеристики. Не раз выезжали на стрельбище. Во время первых же инспекторских стрельб комполка сам лёг в пулемётный окоп, заправил ленту в приёмник и выполнил задачу на «отлично».

Московским военным округом, в который входили все войсковые подразделения, дислоцированные в Нижнем Новгороде и окрестностях, а значит, и 17-я стрелковая дивизия с 50-м полком Конева, командовал в тот период Иероним Петрович Уборевич. Впервые они познакомились ещё на Дальнем Востоке. Вообще, надо заметить, дальневосточники, оказавшись потом волею судьбы в других округах, легко сходились, дружили и в любом случае чувствовали нечто большее, чем просто служба. Во время Великой Отечественной войны дальневосточные корни тоже давали о себе знать. Берлин и Прагу маршал Конев будет штурмовать с дальневосточниками — генералами Рыбалко и Курочкиным.

Уборевич сразу выделил из массы командиров комполка Конева, подтянутого, аккуратного, с отменной выправкой. Надо сказать, что Конев обладал и ещё одним достоинством, которое

всегда ценилось в войсках. Он умел подать и себя, и свою работу, и боевую выучку своих подчинённых — командиров и бойцов.

В 1932 году Нижний Новгород был переименован в Горький — в честь первого пролетарского писателя, которого очень уважал и любил Сталин. Название «Нижегородская» исчезло из наименования 17-й стрелковой дивизии. Какое-то время её пытались именовать Горьковской, но новое название не прижилось.

В тот же год Конев снова отбыл в Москву для продолжения образования.

Дочь маршала Наталия Ивановна бережно хранит записи отца, сделанные им во время учёбы, когда он слушал лекции Шапошникова, Свечина, Верховского, Лигнау. Вот некоторые фрагменты этих записей.

«Ныне действующей Академии Генерального штаба тогда ещё не было, и высший комсостав осваивал сложные проблемы вождения войск в Особой группе Академии им. Фрунзе.

<…> у нас к тому времени уже складывались собственные взгляды, определялись методы практического решения боевых задач. Новое в теории зарождалось не только в академии, но и в войсках, на опытных учениях и манёврах.

Мы изучали и разрабатывали вопросы глубокого боя и глубокой операции. Это была принципиально новая теория вождения массовых, технически оснащённых армий.

В ходе глубокой операции решались задачи прорыва обороны противника с одновременным ударом на всю её тактическую глубину, взлом фронта противника и немедленный ввод эшелона подвижных войск — танковых, механизированных корпусов для развития тактического успеха в успех оперативный».

Забегая вперёд, отметим, что в июле 1941-го, командуя 19-й армией, Конев станет свидетелем того, как захлебнутся глубокие прорывы танковых корпусов в обороне немцев, усиленной короткими контрударами. Командуя войсками Западного и Калининского фронтов, он будет отражать удары танковых и моторизованных клиньев фельдмаршала фон Бока и генерала Моделя. И многому у них научится. Уже в 1943-м под Белгородом и Харьковом он проведёт одну из своих самых блестящих операций, а потом, в 1944-м и 1945-м, доведёт тактику глубокого манёвра на охват противника до совершенства. В каждом из сражений будет участвовать всё большее количество войск и вооружения, техники и иных военных ресурсов, и каждое из них будет завершаться всё большим разгромом противника.

Конев пишет о своих однокашниках, не нюхавших пороха, с мягкой иронией. В перерывах между занятиями они яростно

спорили в коридорах о том, как лучше обороняться, как лучше нанести удар, каким флангом бить.

«В Особой группе внешне всё выглядело иначе, — отмечал маршал, — спокойней, солидней, значительней, но хорошо помню, что за сдержанностью скрывался накал страстей: сильные, умудрённые войнами люди, склонившись над картами, решали военную задачу с таким напряжением ума, точно в этом весь смысл бытия».

Конев дал очень точный психологический рисунок атмосферы, царившей в Особой группе. Во время этих занятий курсанты и преподаватели учились друг у друга. «Склонившись над картами», они мысленно «перевоёвывали» те боевые операции, которые совсем недавно разрабатывали или непосредственно выполняли во главе отрядов, полков, дивизий и дивизионов.

Конев налёг на учёбу с таким прилежанием, с такой жадностью, что по окончании курса получил предложение остаться на преподавательской работе.

«После моего доклада о Мартовской операции 1918 года, — вспоминал маршал, — профессор военной истории Коленковский рекомендовал командованию оставить меня преподавателем академии….Шапошников после моих настоятельных просьб и доводов согласился, что моё место — в строю…»

Именно тогда, в конце 1930-х, в Особой группе слушателей Военной академии им. М.В. Фрунзе, в самый канун войны будущий маршал твёрдо уяснил одну из главных заповедей полководца: каждая операция должна глубоко и всесторонне прорабатываться, каждым манёвр войск должен иметь мотивировку и просчитываться на несколько шагов вперёд, а также обеспечиваться манёвром других родов войск и тылами. Однажды на очередном занятии по тактике Борис Михайлович Шапошников сказал: «Не вытряхивайте свои дивизии из рукава, реально рассчитывайте марши. Ваши солдаты идут ночью, в осеннее время, вы этого не учитываете и не представляете себе, какими придут войска к полю боя…» Конев тут же записал эти слова и запомнил их на всю жизнь. И всю войну потом поверял ими свои действия. И тому же учил подчинённых. Ох как непросто будет овладеть этой теорией на практике! Какими колоссальными потерями будет оплачен опыт 1941 и 1942 годов! Но молодые маршалы и генералы Сталина всё-таки освоят науку побеждать и переиграют опытных фельдмаршалов Гитлера в самой жестокой, самой масштабной и кровопролитной и самой маневренной войне XX века.

Глава шестая. РАССТРЕЛЫ. 1937 ГОД И ДРУГИЕ

По окончании академии Конева направили в Белорусский военный округ командиром 37-й стрелковой дивизии. Она была расквартирована в Речице. Именно с ней Конев участвовал в Белорусских манёврах 1936 года и получил высокую оценку командующего войсками округа И.П. Уборевича. В феврале 1965 года в беседе с Константином Симоновым Конев признается, что в Белорусский военный округ его «забрал» Уборевич.

Дивизия Конева в составе «синих» стояла в обороне. «Эта оборона была многополосной, глубокоэшелонированной, — вспоминал маршал, — с системой траншей, ярко выраженными батальонными районами и противотанковой системой огня. Это было новое. Система противотанкового огня была организована и на переднем крае, и в тактической зоне обороны, и по всей оперативной глубине».

Строя оборону с противотанковыми рубежами, Конев, как он рассказывал потом Константину Симонову, отказался от «принятого тогда метода рыть одиночные ячейки и организовал целый укреплённый район с отрытием траншей и ходов сообщения, с возможностью полного маневрирования внутри этого района, не поднимая головы выше уровня земли».

— Мы оборудовали такой командный пункт, — не без гордости вспоминал те учения маршал Конев, — что на него приводили потом тогдашнего начальника штаба французской армии генерала Гамелена. Генерал был в группе иностранных наблюдателей. И вот пришёл генерал Гамелен и осматривал образцовый командный пункт. КП французу понравился. Понравилось и то, как командир дивизии расположил и обустроил боевые линии своих полков.

Первую правительственную награду — орден Красной Звезды — Конев получил в августе 1936 года. В мирное время. За прекрасную боевую выучку вверенного ему подразделения. Но в воздухе тогда уже пахло войной.

Командующий округа И.П. Уборевич явно симпатизировал молодому и перспективному комдиву, называл его «Суворов». Хорошее образование, ярко выраженная командирская жилка, здоровые народные корни, что в те годы было немаловажно. Вскоре Уборевич перевёл Конева во 2-ю Белорусскую дивизию, которая считалась, как сейчас говорят, элитной. «Это была особая дивизия, — рассказывал Иван Степанович, — на положении

гвардейской. Она была лучше других экипирована, полностью укомплектована, на всех учениях, манёврах и парадах всегда представляла Белорусский военный округ. К тому же 2-я Белорусская дивизия находилась на главном, минском, оперативном направлении». Понятно, что Уборевич хотел иметь во главе такой дивизии хорошего и надёжного командира.

В это время Конев отрабатывал со своими полками взаимодействие с танковыми частями. Стрельбы — только боевыми патронами и снарядами. Характерно следующее: учились в основном наступательному бою, к обороне практически не готовились. Ни обороняться, ни отступать не собирались. Этого требовала тогдашняя военная доктрина. Бить, как тогда говорили, врага на его территории и малыми силами. Очень скоро Красная армия будет пожинать горькие и катастрофически богатые плоды этой доктрины на бескрайних полях сражений и поражений 1941 года. За первые пять месяцев войны наши потери одними только пленными составили 3 800 000 человек — 70 процентов всей численности Красной армии на 22 июня 1941 года.

В те дни, когда Конев водил по белорусским полигонам свою 2-ю стрелковую дивизию, в Минске и окрестностях квартировал кавалерийский корпус, которым командовал другой будущий маршал будущей великой войны — Георгий Константинович Жуков. Одновременно Жуков занимал должность начальника минского гарнизона.

Конева и Жукова связывали непростые отношения. Но попробую предположить, что осложнялись они больше окружением того и другого, а затем, в качестве второй волны, историками и публицистами, вольно рассуждающими о войне, а заодно и о сложностях взаимоотношений главных её действующих лиц.

Вспоминая белорусский период предвоенной службы, Конев, к примеру, сказал буквально следующее: «…наши добрые отношения завязались во времена, когда мы вместе служили в Белорусском военном округе». О том же, как развивались взаимоотношения этих двух полководцев, которым суждено было стать маршалами, бравшими в 1945-м Берлин, мы ещё поговорим.

В июле 1937 года, когда политическая атмосфера в стране была накалена до предела и при этом источник высокой температуры был обнаружен именно в войсках, Конева прямо с партийной конференции Белорусского военного округа вызвали к телефону. Звонил заместитель начальника Главного политического управления Булин[10]: срочно прибыть в Москву к наркому обороны К.Е. Ворошилову.

У Конева с наркомом были хорошие, деловые отношения. Благодаря Ворошилову он теперь занимался любимым делом, потихоньку, не спеша, но последовательно, с ощущением твёрдой почвы под ногами, осваивал военную науку и в теории, и на полигонах, одновременно поднимался по служебной лестнице. Не ловчил, не обходил трудности по мелководью да вброд, всё давалось потом и постоянной кропотливой работой, работой и работой. Идеи партии принимал, борьбу её понимал. О том, что считал неправильным, помалкивал. На партийных собраниях вёл себя так, как подобает командиру, горячих на слово обрывал, хорошо зная, чем это может кончиться.

И вот — звонок. Из Москвы. От наркома. Что он мог означать? А означать он мог в то время всё что угодно.

Ещё весной, 29 мая, по «делу Тухачевского» был арестован командарм 1-го ранга И.П. Уборевич. Вместе с ним другие военачальники РККА: комкоры А.И. Корк, Р.П. Эйдеман, Б.М. Фельдман, В.М. Примаков, В.К. Путна, командарм 1-го ранга И.Э. Якир. 11 июня Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР в составе В.В. Ульриха, Маршалов Советского Союза В.К. Блюхера и С.М. Будённого, командармов Я.И. Алксниса, Б.М. Шапошникова, И.П. Белова, П.Е. Дыбенко и Н.Д. Каширина рассмотрело дело о военно-фашистском заговоре и приговорило его участников к расстрелу. Газеты тех дней пестрили заголовками и информационными сообщениями о ходе следствия и новых показаниях заговорщиков. «Военно-политический заговор против советской власти, стимулировавшийся и финансировавшийся германскими фашистами». «Органами Наркомвнудела раскрыта в армии долго существовавшая и безнаказанно орудовавшая, строго законспирированная контрреволюционная фашистская организация, возглавлявшаяся людьми, которые стояли во главе армии». Однажды Коневу в руки попала довольно популярная тогда «Литературная газета»: «И вот страна знает о поимке 8 шпионов: Тухачевского, Якира, Уборевича, Эйдемана, Примакова, Путны, Корка, Фельдмана…» В конце коллективного письма известных писателей, инженеров человеческих душ, негодующее: «Мы требуем расстрела шпионов!» Конев пробежал длинный список подписавших: Вс. Иванов, Вс. Вишневский, Фадеев, Федин, Алексей Толстой, Павленко… Завёрстанное рядом, такое же негодующее, письмо ленинградских писателей: Слонимского, Зощенко…

Шпионов расстреляли на следующий же день после обнародования приговора, то есть 12 июня. Но газеты *требовали* казни ещё неделю. Белорусским военным округом командовал командарм 1-го ранга Иван Панфилович Белов. Во время

судебных слушаний Белов находился в зале заседания в качестве члена Военного совета при наркоме обороны. Позже, когда Конев был уже за тысячи километров от Минска, на Дальнем Востоке, до него дошли слухи, что командующий округом крайне неосторожно повёл себя на заседании Военного совета 21 ноября 1937 года: заявил, что чистка, проводимая в войсках среди комсостава, отрицательно сказывается на ходе боевой и политической подготовки, что многие части практически парализованы.

Слухи оказались верными. Ивана Панфиловича Белова, что называется, прорвало: он заявил, что «было много перестраховочных представлений, было много слухов, когда люди сводили счёты, когда принимали за врага не того, кого надо. Люди, которых ни в партийном, ни в другом порядке не оценивали с плохой стороны, берутся органами НКВД». Герою Гражданской войны, бывшему главкому Туркестанской республики и командующему Бухарской группой войск РККА, вероятно, простили бы и «перестраховочные представления», и «слухи», и то, что «принимали за врага не того, кого надо», но последняя фраза, сказанная им в запале об «органах НКВД», погубила Белова. Позже, уже в январе 1938 года, Конев узнает, что командарм 1-го ранга Белов арестован. История с Уборевичем повторится. Белова расстреляют 29 июня 1938 года.

И вот — звонок из Москвы. Так брали многих. Чтобы не будоражить войска и семьи, не поднимать шума в гарнизонах, командармов, комкоров и комбригов вызывали в Москву, а там, на вокзале, их ждали машины с вежливыми офицерами сопровождения…

На всякий случай Конев спросил о цели вызова и… что иметь с собой. Булин ответил:

— Обо всём узнаете на месте. Захватите с собой пару белья. Больше ничего.

Семья в то время жила с ним в Минске. Пришёл домой, сказал жене о срочном вызове в Москву. Анна Ефимовна побледнела. Конев решил тему не развивать, но, уезжая, попрощался так, как если бы уезжал навсегда.

Внучка маршала Анна Васильевна Конева, вспоминая семейные предания, рассказывала мне зимой 2010 года:

— Бабушка говорила, что в те дни дед спал с пистолетом под подушкой. Чтобы успеть застрелиться, если придут за ним…

Ехал в поезде и перебирал в памяти недавнее прошлое: что могло быть такого, за что…

Был один эпизод. Как же, был. Ещё когда служил в 37-й дивизии…

Однажды начальник политотдела дивизии Медовый пришёл к нему возбуждённый и начал такой разговор: в Азово-Черноморском крае бдительные органы раскрыли заговор врагов, что немедленно необходимо созвать комиссаров частей для того, чтобы, во-первых, это обсудить и всячески одобрить, а во-вторых… Во-вторых, не исключено, что подобные элементы скрываются и в их дивизии, маскируясь под честных командиров и преданных партийцев… Медовый был настолько уверен в том, что совещание комиссаров с такой повесткой дня необходимо, что отмахнуться от него просто так было невозможно. Пришлось созваниваться с армейским комиссаром Булиным, который тогда руководил Политуправлением Белорусского военного округа. Конев вспомнил, как заволновался вдруг Антон Степанович и не осмелился принять какое-либо решение. Чуть позже пришла шифровка: Булин связался с начальником Политуправления РККА Я.Б. Гамарником — тот не рекомендовал подобные мероприятия. Но Гамарник вскоре застрелился и посмертно был объявлен врагом народа.

Много лет спустя Иван Степанович прочитает «откровения» бывшего своего заместителя Медового: «С полной ответственностью заявляю, что Конев на протяжении многих лет был интимно очень близок к Булину и последний покрывал очень много безобразий Конева… В моей постановке усмотрел желание заниматься сенсациями и категорически запротестовал против созыва комиссаров… Конев при помощи Булина переведён на Восток…»

Письмо-донос было из ЦК ВКП(б) переслано в Политуправление РККА. Попало в руки Л.З. Мехлиса. Но тут решающую роль сыграла позиция нового начальника Политуправления П.А. Смирнова. Смирнов прочитал письмо и наложил следующую резолюцию: «Сообщить т. Шубу[11], что Конева мы проверяли. Пока сомнений не вызывает, работает хорошо. 25/XII-37. Смирнов». Мехлис отстал от Конева. Но только на время.

Ничего этого тогда Конев не знал. Даже того, что судьба спасает его, вызволяя из Белорусского военного округа.

Глава седьмая. КОМАНДИР ОСОБОГО «МОНГОЛЬСКОГО» ЭКСПЕДИЦИОННОГО КОРПУСА

В Москве на Белорусском вокзале его уже ждала машина. Конев сразу взглянул на фуражку, на петлицы встречающего и вздохнул с облегчением: это был человек из секретариата К.Е. Ворошилова. Но, поздоровавшись, на всякий случай спросил:

— Куда едем?

— В Наркомат, — коротко ответил тот.

В Наркомате его проводили к Ворошилову О том, что было потом, пусть расскажет сам Конев: «После выяснения ряда вопросов К.Е. Ворошилов спросил меня, знаю ли я Дальний Восток. Я ответил, что знаю, воевал там, прошёл до Владивостока включительно. Знаю ли я Монголию? Ответил, что Монголию немного знаю: наша 2-я Верхнеудинская дивизия находилась на границе с Монголией и Маньчжурией, когда там развёртывались бои за освобождение Забайкалья от банд Семёнова, я хорошо представляю себе весь район, особенно восточную часть Монголии, её бескрайние степи, характер её местности. К тому же 2-я Верхнеудинская дивизия принимала участие в ликвидации банд Дитерихса. Ворошилов тогда сказал: “Нам нужно послать в Монголию представителя — советником при Монгольской Народной Армии. Как вы смотрите, если мы вас назначим на эту должность? Справитесь ли вы с ней?”

Для меня, разумеется, этот вопрос был неожиданным, но я сразу понял, что отказываться не имею права, и заявил: “Справлюсь, товарищ народный комиссар, я согласен на это назначение”.

Ворошилов был в высшей степени удовлетворён таким ответом, и у него вырвалась реплика: “А говорят, что у нас нет кадров. Очень хорошо, товарищ Конев, что вы сразу согласились поехать в Монголию и выполнить это ответственное поручение. Сегодня состоится заседание Политбюро. Я доложу на Политбюро о вашем согласии, и вопрос о вашем отъезде будет окончательно решён”».

Конечно, Конев мгновенно понял, что это не простое повышение, а то, которое, в случае если он выполнит порученное ему задание, определит его будущее. Так и произошло. И так потом, на протяжении всей службы в войсках, Конев, получая

приказ любой сложности, будет по-солдатски отвечать: «Есть», без долгих размышлений и колебаний.

Конев: «Действительно, вечером состоялось решение Политбюро о моём назначении. Меня известили, что в Монголию вместе со мной едет делегация. После этого сообщения я был вызван в Кремль к Сталину с тем, чтобы получить от него личные указания в связи с предстоящей командировкой. Сталин объяснил обстановку, складывающуюся в Монголии. Он сказал, что в связи с наступлением японцев в Маньчжурии у них подготовлен и план захвата Монгольской Народной Республики, а задача советских войск — не допустить захвата Монголии японскими войсками, не допустить выхода японцев к границам Советского Союза в районе озера Байкал и не дать им перерезать нашу дальневосточную магистраль. Далее мне было сказано, согласно договору о дружбе между Монгольской Народной Республикой и Советским Союзом, поставить вопрос об опасной угрозе, нависшей над Монголией, и о готовности Советского Союза оказать Монголии необходимую военную помощь».

На восточных рубежах СССР обстановка в этот период резко осложнилась. Потерпев фиаско в схватке с Красной армией и советской дипломатией в 1920-е годы, японцы пошли по другому пути. У юго-восточных границ Монголии из остатков своих военных ресурсов, дислоцированных на материке, они изготовили «троянского коня» — марионеточное государство Маньчжоу-Го, укрепили его, вооружили, оснастили самой новейшей на тот период военной техникой. Вскоре Маньчжоу-Го предъявило территориальные претензии к МНР. Начались пограничные конфликты с Монголией. Угрозы простирались значительно дальше и глубже монгольских границ. Терпеть такого соседа стало опасно. В 1936 году Германия и Япония заключили «Антикоминтерновский пакт», после чего в отношении союзников СССР японцы начали наглеть в открытую. Квантунская армия, дислоцированная на материке, неподалёку, могла решить «монгольскую проблему» в результате одной стремительной операции. 7 июля 1937 года началась война между Японией и Китаем. Японцы быстро продвигались вглубь Китая. Под угрозой оказалась единственная коммуникация — Транссибирская магистраль, которая связывала европейскую часть СССР с её дальневосточными областями и краями. Армия МНР насчитывала чуть больше 17 тысяч штыков. Реальной силы она не представляла. Спасти ситуацию, то есть преградить японцам путь в Монголию, могли только советские войска. Пока Конев был в дороге, в штаб Забайкальского военного округа пришла секретная директива за подписью Сталина: «Первое. Пакт о взаимной

помощи (имеется в виду Пакт от 1936 года между СССР и МНР. — *С. М.)* гарантирует нас от внезапного появления японских войск через МНР в районе Байкала, повторяю, Байкала, от перерыва железнодорожной линии у Верхнеудинска (ныне Улан-Удэ. — С. М.) и от выхода японцев в тыл дальневосточным войскам. Второе. Вводя войска в МНР, мы преследуем не цели захвата Монголии и не цели вторжения в Маньчжурию или Китай, а лишь цели обороны МНР от японского вторжения, а значит, и цели обороны Забайкалья от японского вторжения через МНР».

В Забайкальском военном округе спешно разрабатывали операцию по вводу войск в Монголию. После Гражданской войны, когда здесь сходились в кровавой рубке красногвардейские отрады и казачьи формирования атамана Семёнова, а также орды самозваного правителя Монголии барона фон Унгерна, это была первая крупная операция.

Забайкальским военным округом командовал командарм 2-го ранга Михаил Дмитриевич Великанов. Задача командующего была принять прибывающие с запада войска, а затем обеспечить их продвижение через границу по старинному тракту Кяхта—Улан-Удэ и далее вглубь Монголии. Из частей, дислоцированных в Забайкалье, а также из прибывающих войск в спешном порядке формировался 57-й Особый экспедиционный корпус. Возглавил его комдив Иван Конев. Иногда группировку Конева в документах той поры называли Группой усиления монгольской армии. Когда 17-тысячную армию МНР, состоящую в основном из лёгкой кавалерии и пехотных подразделений, вооружённых стрелковым оружием, усиливают 30 тысячами, 280 бронемашинами, 265 танками, 107 самолётами различных типов, сотнями орудий, тысячами пулемётов, то такую объединённую группировку правильнее было бы именовать иначе. Но её назвали 57-м Особым «монгольским» корпусом. Правда, определение принадлежности взяли в кавычки.

Марш из Улан-Удэ на Кяхту начался 20 августа. В авангарде шли 36-я дивизия и 32-я мотомеханизированная бригада. Неделю спустя на монгольский аэродром в Баян-Тумене совершили посадку 52 советских самолёта. 28 августа механизированная колонна 36-й дивизии и 32-й бригады пересекли монгольскую границу и по тракту Кяхта—Улан-Батор двинулись вглубь Монголии.

Разведка тем временем сообщала, что Квантунская армия находится в местах постоянной дислокации в состоянии готовности, но приказа выступить не получала. Конев торопил войска. Вперёд! Вперёд! Можно было предположить, что японская разведка тоже не дремала, и марш советского экспедиционного

корпуса на Улан-Батор секретом уже не являлся. Теперь важно было выиграть время. Опередить японцев, выйти к коммуникации Калган — Улан-Батор и тем самым отрезать для японцев всякую возможность для вторжения.

Третьего сентября передовые части экспедиционного корпуса достигли города Саин-Шанда, через который проходила дорога на Улан-Батор из Калгана. К 9 сентября 1937 года Особый корпус закончил сосредоточение и занялся обустройством на новом месте.

Разведка доносила: части Квантунской армии не двинулись с места. Марш корпуса комдива Конева оказался настолько стремительным, что японцы, явно опаздывая с выступлением, решили остаться на месте, потому что иное теряло всякий смысл. Этот бросок в Монголию впечатлил не только японцев, но и самих участников марша. Впоследствии, во время Великой Отечественной войны, Конев не раз будет применять нечто подобное — например, чтобы перехватить важнейшие коммуникации или чтобы закрыть образовавшийся «котёл» и покончить с очередной группировкой окружённого противника. Дочь маршала Наталия Ивановна не раз повторяла мысль о том, что Конев и как человек, и как полководец *постоянно формировал себя.*

После завершения похода, в Москве, докладывая Главному военному совету, Конев более отчётливо прояснил обстановку, сложившуюся в тот период в Монголии и вокруг неё. Стилистика, характерная для того времени, в данном случае не важна. «Известно, что опоздание с вводом войск РККА в МНР на 8— 10 дней могло изменить обстановку не в нашу пользу, так как банда шпионов и японских агентов Гэндэн, Дэмид, Даризап готовила переворот в МНР 9 сентября, в этот же день должен был состояться переход границы японскими войсками».

Конев всегда, в любых обстоятельствах и при всех правителях был честным и верным солдатом своего Отечества. В тот период он, комдив, скорее всего, не был посвящен в тайны большой политики. В Монголии шла ожесточённая борьба за власть. Всё это происходило на фоне обострения международной обстановки. Монгольская государственность не могла устоять перед мощными и агрессивными соседями. Рано или поздно японские, китайские или советские войска должны были войти в Улан-Батор в качестве либо союзников, либо завоевателей. Первый заместитель премьер-министра МНР Хор-логийн Чойбалсан и его сторонники сделали ставку на союз с Москвой. Вскоре были арестованы премьер-министр МНР Пэлжидийн Гэндэн, министр обороны Гэлэгжорижайн Дэмид и другие противники введения в

республику войск Красной армии. Сталин, естественно, поддержал Чойбалсана. Корпус Конева, совершив стремительный марш вглубь Монголии и заняв важнейшие пункты и коммуникации, мгновенно изменил всю стратегическую обстановку на Дальнем Востоке в пользу Улан-Батора, а точнее — Москвы.

Корпус Конева был мощнейшим подвижным соединением, усиленным двумя авиационными полками, двумя мотоброневыми и одной механизированной бригадой, которые имели 545 броненединиц — танков и бронеавтомобилей. Ничем подобным Квантунская армия на тот момент не располагала. Можно себе представить, какие лица были у японских генералов, когда разведка донесла о марше русских, о численности группировки и, главное, о темпах движения потенциального противника.

В эти дни напряжённого маршманевра, когда стало понятно, что график движения выдерживается с опережением и что отставших и потерь удалось избежать, комдив Конев в какой-то момент действительно почувствовал себя потомком Суворова. Среди любителей и почитателей русской военной истории бродит такой анекдот: однажды, когда Александр Васильевич Суворов после предательства союзников-австрийцев оказался запертым со своим войском в Мутенской долине и русским грозила гибель, он вышел вечером из своей палатки к солдатам. Те сидели у костров, доедали свою кашу, чинили амуницию, порядком изношенную в походе, и точили о камни штыки и сабли. Все понимали, в каком положении они оказались. Поглядывали на вершины перевала Рингенкопф. Если бы можно было перебраться через перевал, они не только спаслись бы от во много раз превосходящей их армии французов, поджидающих их у выхода из долины, но и оказались бы в тылу у них. Суворов понял настроение солдат и, глядя на озарённые закатным солнцем вершины перевала Рингенкопф, вдруг воскликнул: «А что, ребятушки, махнём-ка мы через эту горку! Вот они там ох…т!» Там — это во французском стане, и в австрийских штабах, и в Петербурге, где тоже считали их положение гибельным. Слышал ли этот анекдот комдив Конев, нет ли, неизвестно. Но он знал о Суворове всё и восхищался переходом русской армии через Альпы. Однажды, много позже описываемых событий, выступая перед слушателями Военной академии им. М.В. Фрунзе, он сказал следующее (запись сделана кем-то из присутствующих): «Даже в годы Великой Отечественной войны у меня не было, пожалуй, таких напряжённых двух суток, как те, осенью 1937 года. Солдаты наши совершили поистине невозможное. Всё происходило в пустыне, где нет ни дерева, ни травинки, где ветры валят человека с ног, где нет дорог, где в

лощинах между холмами машины вязнут по самые оси, а на холмах земля порой так тверда, что лопата звенит о неё, как о камень… Когда я смотрю в музее знаменитую Сурикове кую картину “Переход Суворова через Альпы”, мне представляются на ней вместо тех суворовских орлов-гренадеров… наши красноармейцы, что совершили свой славный форсированный марш по монгольскому бездорожью».

Пройдут годы, Красная армия и союзные армии США, Великобритании, Франции покончат с германским фашизмом на западе, и, планируя операцию по разгрому Квантунской армии Японии, советские штабы примут решение идти в Центральную Маньчжурию именно по этому маршруту, прорвав оборону противника на Хингане.

Войска пришли на голое место, в продутую калёными ветрами дикую степь, похожую больше на пустыню. Вот-вот наступит зима. В истории войн, начиная с Крестовых походов, было много примеров, когда победы, одержанные в битвах и даже войнах сводили на нет и даже превращали в поражение именно непривычные географические и климатические условия и погода. Конев хорошо знал историю. До ближайшей железнодорожной станции, откуда осуществлялся подвоз, сотни километров и — ни одной дороги. Но водители грузовиков, которым была поставлена задача обеспечить корпус всем необходимым в условиях суровой здешней зимы, выполнили его приказ.

Конев: «Учитывая, что в пустыне земля сухая, мы решили вырыть землянки и укрыть в них войска. Организовали соответствующий подвоз, проложили военные дороги, на военных дорогах — этапы. Войска быстро приспособились к сложным условиям зимовки и находились в полной боевой готовности».

Семья комдива в то время жила в Минске. В ноябре пришло письмо с известием, которого он со страхом ждал всякий раз, когда получал очередную весточку от жены: умер отец. Степан Иванович Конев давно болел. И вот земные сроки его истекли…

Ездил ли Конев на похороны отца, неизвестно.

В Москве он появился ровно через год, как покинул её, — в июле 1938 года. Снова прибыл по вызову наркома К.Е. Ворошилова. Главный военный совет заслушивал доклад командира 57-го Особого «монгольского» корпуса.

Ворошилов встретил Конева очень тепло. Ещё бы, ведь это его, наркома обороны, выдвиженец так лихо провёл операцию и фактически занял Монголию. Буквально выхватил выгоднейший плацдарм из-под носа у японцев. Поэтому Коневу было предоставлено столько времени, сколько ему потребуется для обстоятельного доклада. Но, как признался впоследствии

маршал, на заседании регламентом он «не злоупотреблял, докладывал примерно минут сорок пять».

После доклада к нему снова подошёл Ворошилов, пожал руку и сообщил, что он, комдив Конев, приглашён на обед к Сталину

Конев: «Сталин обстоятельно расспрашивал меня, его интересовали кое-какие подробности и частные проблемы, например, организация быта комсостава, расспрашивал он и об обычаях монгольского народа. Я обстоятельно всё изложил, подчеркнул, что командиры находятся целый год в Монголии без семей (жилья нет, привезти семьи некуда), что эту проблему надо решать, привезти семьи командиров, а в связи с этим позаботиться о школах, обслуживании и т. д., и добавил, что можно было бы привлечь членов семей к выполнению целого ряда бытовых дел, скажем, к работе военторга, но пока всё очень трудно — никого не найдёшь. Многое делаем сами, силами комсостава. Привёл пример, что я, будучи командиром корпуса, сам себе стираю бельё, мою полы и выполняю другую домашнюю работу».

Сталин выслушал комдива, при этом внимательно и с некоторым даже любопытством смотрел на него. Ворошилов характеризовал Конева положительно. Действительно, храбрый, решительный командир, не скрывает трудностей, однако своими обязанностями, которые свалились на него как снег на голову, не тяготится и теперь желает обустроить места дислокации войск на хорошем уровне. А это значит, что о возвращении в обустроенный Минск, где осталась его семья, даже не мечтает. Вот такие командиры ему нужны. И спросил:

— Что же вы предлагаете? Какой нашли выход?

— Есть выход, товарищ Сталин.

— Какой?

— Надо создать в основных гарнизонах банно-прачечные отряды, — предложил Конев и услышал, как кто-то из сидящих рядом усмехнулся.

В глазах сидевших напротив читалось: эх ты, Конев, монгольский ты комдив, нашёл о чём говорить… Сталин на насмешки внимания не обратил.

— Потом, нужно обязательно ввести женщин в систему бытового обслуживания, военторга, столовых и так далее, — продолжал комдив.

— Что ж, правильно, — кивнул Сталин и обратился к наркому пищевой промышленности: — Микоян, запишите: для Особого корпуса в течение буквально месяца надо мобилизовать три тысячи девушек из близлежащих центральных районов — Москвы, Иваново-Вознесенска и других. Столовые, магазины,

военторг в военных городках Особого корпуса, расквартированного в Монгольской Народной Республике, должны работать в самом ближайшем будущем.

«Через месяц я действительно встречал девушек, — вспоминал Конев. — Забегая вперёд, должен сказать, что они у меня недолго в банно-прачечных отрядах проработали. Через три-четыре месяца все вышли замуж за командиров, и мне пришлось вновь ввозить девушек для поддержания банно-прачечных отрядов и столовых военторга».

Что ж, зато была решена другая проблема, не менее важная. В данном случае приехавшие в Особый корпус девушки, можно сказать, самим своим появлением послужили повышению и улучшению морального климата в гарнизонах.

Когда Конев докладывал на Главном военном совете, Сталин вдруг задал ему вопрос, которого он совершенно не ожидал:

— Говорят, вы в Монголии запрещаете пить нашим командирам?

С юных лет Конев испытывал почти отвращение к спиртному. С годами, правда, это отношение претерпело некоторую эволюцию: в сущности, хороший крепкий напиток или вино — это благо, но — в умеренных дозах, в качестве лекарства и как средство общения. В Монголии же, когда корпус остался в промёрзшей пустыне, в землянках, когда благом считалась железная печка, охапка дров и горячий чай, всё остальное быстро начала заменять водка. И Конев ввёл жесточайший режим её потребления.

— Запрещаю, товарищ Сталин, — ответил Конев. Сталин понял, что Конев ответил прямо, как солдат, не

кривя душой. Но ответ его не удовлетворил. И он сказал:

— Может быть, не рекомендуете, скажем так…

— Не рекомендую, товарищ Сталин.

— Ну, это другое дело.

За успешно проведённую Монгольскую операцию Конев был награждён орденом Красного Знамени. А заместитель премьер-министра МНР маршал Чойбалсан вручил командиру Особого корпуса РККА высший орден республики имени Сухэ-Батора.

Осенью из Москвы пришёл приказ: передать дела своему заместителю комиссару Коровникову и прибыть за новым назначением.

С Иваном Терентьевичем Коровниковым Конев успел подружиться. Знал: передаёт налаженное хозяйство в надёжные и добросовестные руки. Расставаясь, два Ивана с искренней надеждой сказали друг другу, что судьба, возможно, сведёт их вместе. И точно, свела. В декабре 1944 года из резерва Ставки в

состав 1-го Украинского фронта маршалу Коневу передали 59-ю общевойсковую армию под командованием генерала Коровникова. Армия генерала Коровникова в составе 1-го Украинского фронта принимала участие в Сандомирско-Силезской, Нижнесилезской и Пражской стратегических операциях.

Глава восьмая. КОМАНДУЮЩИЙ 2-Й ОСОБОЙ КРАСНОЗНАМЁННОЙ

Дальневосточная одиссея Конева продолжалась. Уже в звании комкора он снова едет по знакомой дороге, по которой когда-то продвигался с боями на бронепоезде «Грозный». На этот раз в Хабаровск. Здесь размещался штаб Второй Отдельной краснознамённой армии.

Назначение комкора Конева на новую должность происходило на фоне если не трагедии, то драмы, некоторые эпизоды которой и их последствия оказались довольно мрачными. Пока Конев со своим корпусом зарывался в землю, прикрывая юго-восточные границы МНР, японцы активизировались у озера Хасан. Судьбе так было угодно, что и эта короткая война («События… немногих дней»), и выводы, сделанные по её итогам в Москве, и кадровые перестановки среди высшего командного состава РККА непосредственно коснулись Конева.

«Совершенно секретно

ПРИКАЗ

Народного комиссара обороны СССР № 0040

4 сентября 1938 г. г. Москва

31 августа 1938 г. под моим председательством состоялось заседание Главного военного совета РККА в составе членов Военного совета: тт. Сталина, Щаденко, Будённого, Шапошникова, Кулика, Локтионова, Блюхера и Павлова, с участием Председателя СНК СССР тов. Молотова и зам. народного комиссара внутренних дел тов. Фриновского.

Главный Военный совет рассмотрел вопрос о событиях в районе озера Хасан и, заслушав объяснения комфронта тов. Блюхера и зам. члена Военного совета КДфронта[12] тов. Мазепова, пришёл к следующим выводам:

1. Боевые операции у озера Хасан явились всесторонней проверкой мобилизационной и боевой готовности не только тех частей, которые непосредственно принимали в них участие, но и всех без исключения войск КДфронта.

2. События этих немногих дней обнаружили огромные недочёты в состоянии КДфронта. Боевая подготовка войск, штабов и командно-начальствующего состава фронта оказались на недопустимо низком уровне. Войсковые части были

раздёрганы и небоеспособны; снабжение войсковых частей не организовано. Обнаружено, что Дальневосточный театр к войне плохо подготовлен (дороги, мосты, связь).

Хранение, снабжение и учёт мобилизационных и неприкосновенных запасов, как фронтовых, так и в войсковых частях, оказались в хаотическом состоянии.

Ко всему этому обнаружено, что важнейшие директивы Главного военного совета и народного комиссара обороны командованием фронта на протяжении долгого времени преступно не выполнялись. В результате такого недопустимого состояния войск фронта мы в этом сравнительно небольшом столкновении понесли значительные потери — 408 человек убитыми и 2807 человек ранеными[13]. Эти потери не могут быть оправданы ни чрезвычайной трудностью местности, на которой пришлось оперировать нашим войскам, ни втрое большими потерями японцев.

Количество наших войск, участие в операциях наших авиации и танков давало нам такие преимущества, при которых наши потери могли быть намного меньшими.

И только благодаря расхлябанности, неорганизованности и боевой неподготовленности войсковых частей и растерянности командно-политического состава, начиная с фронта и кончая полковым, мы имеем сотни убитых и тысячи раненых командиров, политработников и бойцов. Причём процент потерь командно-политического состава неестественно велик — 40%, что лишний раз подтверждает, что японцы были разбиты и выброшены за пределы нашей границы только благодаря боевому энтузиазму бойцов, младших командиров, среднего и старшего командно-политического состава, готовых жертвовать собой, защищая честь и неприкосновенность территории своей великой социалистической Родины, а также благодаря умелому руководству операциями против японцев тов. Штерна и правильному руководству тов. Рычагова действиями нашей авиации.

Таким образом, основная задача, поставленная Правительством и Главным военным советом войскам КДфронта — обеспечить на Дальнем Востоке полную и постоянную мобилизационную и боевую готовность войск фронта, — оказалась невыполненной.

3. Основными недочётами в подготовке и устройстве войск, выявленными боевыми действиями у озера Хасан, являются:

а) недопустимо преступное растаскивание из боевых под разделений бойцов на всевозможные посторонние работы.

Главный военный совет, зная об этих фактах, ещё в мае с.г.

своим постановлением (протокол № 8) категорически запретил разбазаривать красноармейцев на разного рода хозяйственные работы и потребовал возвращения в части к 1 июля с.г. всех бойцов, находящихся в таких откомандировках. Несмотря на это, командование фронта ничего не сделало для возвращения в свои части бойцов и командиров, и в частях продолжал существовать громадный некомплект в личном составе, части были дезорганизованы. В таком состоянии они и выступили по боевой тревоге к границе. В результате этого в период боевых действий пришлось прибегать к сколачиванию из разных подразделений и отдельных бойцов части, допуская организационную импровизацию, создавая невозможную путаницу, что не могло не сказаться на действиях наших войск;

б) войска выступили к границе по боевой тревоге совершенно неподготовленными. Неприкосновенный запас оружия и прочего боевого имущества не был заранее расписан и подготовлен для выдачи на руки частям, что вызвало ряд вопиющих безобразий в течение всего периода боевых действий. Начальник управления фронта и командиры частей не знали, какое, где и в каком состоянии оружие, боеприпасы и другое боевое снаряжение имеются. Во многих случаях целые арт. батареи оказались на фронте без снарядов, запасные стволы к пулемётам заранее не были подогнаны, винтовки выдавались непристреляными, а многие бойцы и даже одно из стрелковых подразделений 32-й дивизии прибыли на фронт вовсе без винтовок и противогазов. Несмотря на громадные запасы вещевого имущества, многие бойцы были посланы в бой в совершенно изношенной обуви, полубосыми, большое количество красноармейцев было без шинелей. Командирам и штабам не хватало карт боевых действий;

в) все рода войск, в особенности пехота, обнаружили не умение действовать на поле боя, маневрировать, сочетать движение и огонь, применяться к местности, что в данной обстановке, как и вообще в условиях Дальнего Востока, изобилующего горами и сопками, является азбукой боевой и тактической выучки войск.

Танковые части были использованы неумело, вследствие чего понесли большие потери в материальной части.

4. Виновниками в этих крупнейших недочётах и в понесённых нами в сравнительно небольшом боевом столкновении чрезмерных потерях являются командиры, комиссары и начальники всех степеней КДфронта, и в первую очередь — командующий КДФ маршал Блюхер.

Вместо того, чтобы честно отдать все свои силы делу

ликвидации последствий вредительства и боевой подготовки КДфронта и правдиво информировать наркома и Главный военный совет о недочётах в жизни войск фронта, т. Блюхер систематически, из года в год, прикрывал свою заведомо плохую работу и бездеятельность донесениями об успехах, росте боевой подготовки фронта и общем благополучном его состоянии. В таком же духе им был сделан многочасовой доклад на заседании Главного военного совета 28—31 мая 1938 г., в котором он скрыл истинное состояние войск КДФ и утверждал, что войска фронта хорошо подготовлены и во всех отношениях боеспособны.

Сидевшие рядом с Блюхером многочисленные враги народа умело скрывались за его спиной, ведя свою преступную работу по дезорганизации и разложению войск КДфронта. Но и после разоблачения и изъятия из армии изменников и шпионов т. Блюхер не сумел или не захотел по-настоящему реализовать очищение фронта от врагов народа. Под флагом особой бдительности он оставлял вопреки указаниям Главного военного совета и наркома незамещёнными сотни должностей командиров и начальников частей и соединений, лишая таким образом войсковые части руководителей, оставляя штабы без работников, неспособными к выполнению своих задач. Такое положение т. Блюхер объяснил отсутствием людей (что не отвечает правде) и тем самым культивировал огульное недоверие ко всем командно-начальствующим кадрам КДфронта.

5. Руководство командующего КДфронтом маршала Блюхера в период боевых действий у озера Хасан было совершенно неудовлетворительным и граничило с сознательным пораженчеством. Всё его поведение за время, предшествующее боевым действиям, и во время самих боёв явилось сочетанием двуличия, недисциплинированности и саботирования вооружённого отпора японским войскам, захватившим часть нашей территории. Заранее зная о готовящейся японской провокации и о решениях Правительства по этому поводу, объявленных тов. Литвиновым послу Сигемицу, получив ещё 22 июля директиву народного комиссара обороны о приведении всего фронта в боевую готовность, тов. Блюхер ограничился отдачей соответствующих приказов и ничего не сделал для проверки под готовки войск для отпора врагу и не принял действенных мер для поддержки пограничников полевыми войсками. Вместо этого он совершенно неожиданно 24 июля подверг сомнению законность действий наших пограничников у озера Хасан. Втайне от члена Военного совета т. Мазепова, своего начальника штаба т. Штерна, зам. наркома обороны т. Мехлиса и зам. наркома внутренних дел т. Фриновского, находившихся в это

время в Хабаровске, т. Блюхер послал комиссию на высоту Заозёрная и без участия начальника погранучастка произвёл расследование действий наших пограничников. Созданная таким подозрительным порядком комиссия обнаружила “нарушение” нашими пограничниками Маньчжурской границы на 3 метра и, следовательно, “установила” нашу “виновность” в возникновении конфликта на оз. Хасан.

Ввиду этого т. Блюхер шлёт телеграмму наркому обороны об этом мнимом нарушении нами Маньчжурской границы и требует немедленного ареста начальника погранучастка и других “виновников в провоцировании конфликта” с японцами. Эта телеграмма была отправлена т. Блюхером также втайне от перечисленных выше товарищей.

Даже после получения указания от Правительства о прекращении возни со всякими комиссиями и расследованиями и о точном выполнении решений Советского Правительства и приказов наркома т. Блюхер не меняет своей пораженческой позиции и по-прежнему саботирует организацию вооружённого отпора японцам. Дело дошло до того, что 1 августа с.г. при разговоре по прямому проводу тт. Сталина, Молотова и Ворошилова с т. Блюхером тов. Сталин вынужден был задать ему вопрос: “Скажите, т. Блюхер, честно, есть ли у вас желание по-настоящему воевать с японцами? Если нет у вас такого желания, скажите прямо, как подобает коммунисту, а если есть желание, я бы считал, что вам следовало бы выехать на место действия”.

От всякого руководства боевыми действиями т. Блюхер самоустранился, прикрыв это самоустранение посылкой наштафронта тов. Штерна в район боевых действий без всяких определённых задач и полномочий. Лишь после неоднократных указаний Правительства и народного комиссара обороны о прекращении преступной неразберихи и устранении преступной дезорганизации в управлении войсками и только после того, как нарком назначил тов. Штерна командиром корпуса, действующего у озера Хасан, специального многократного требования применения авиации, от введения в бой которой т. Блюхер отказывался под предлогом опасения поражений корейского населения, только после приказания т. Блюхеру выехать на место событий т. Блюхер берётся за оперативное руководство. Но при этом более чем странном руководстве он не ставит войскам ясных задач на уничтожение противника, мешает боевой работе подчинённых ему командиров, в частности командование 1-й армии фактически отстраняется от руководства своими войсками без всяких к тому оснований; дезорганизует работу фронтового управления и тормозит разгром находящихся

на нашей территории японских войск. Вместе с тем т. Блюхер, выехав к месту событий, всячески уклоняется от установления непрерывной связи с Москвой, несмотря на бесконечные вызовы его по прямому проводу народным комиссаром обороны. Целых трое суток при наличии нормально работающей телеграфной связи нельзя было добиться разговора с т. Блюхером.

Вся эта оперативная “деятельность” маршала Блюхера была завершена отдачей им 10 августа приказа о призыве в 1-ю армию 12 возрастов. Этот незаконный акт явился тем непонятней, что Главный военный совет в мае с.г., с участием т. Блюхера и по его же предложению, решил призывать в военное время на Дальнем Востоке всего лишь 6 возрастов. Этот приказ т. Блюхера провоцировал японцев на объявление ими всей мобилизации и мог втянуть нас в большую войну с Японией. Приказ был немедля отменён наркомом.

На основании указаний Главного Военного совета

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. В целях скорейшей ликвидации всех выявленных крупных недочётов в боевой подготовке и состоянии войсковых частей КДФ, замены негодного и дискредитировавшего себя в военном и политическом отношении командования и улучшения условий руководства, в смысле приближения его к войсковым частям, а также усиления мероприятий по оборонной подготовке Дальневосточного театра в целом, — Управление Дальневосточного Краснознамённого фронта расформировать.

2. Маршала т. Блюхера от должности командующего войсками Дальневосточного Краснознамённого фронта отстранить и оставить его в распоряжении Главного военного совета РККА.

3. Создать в войсках Дальневосточного фронта две отдельные армии, с непосредственным подчинением народному комиссару обороны:

а) 1-ю Отдельную Краснознамённую армию в составе войск согласно приложению № 1, подчинив Военному совету 1-й армии в оперативном отношении Тихоокеанский флот.

Управление армии дислоцировать — т. Ворошилов. В состав армии включить полностью Уссурийскую область и часть областей Хабаровской и Приморской. Разграничительная линия со 2-й армией — по р. Бикин;

б) 2-ю Отдельную Краснознамённую армию в составе войск согласно приложению № 2, подчинив Военному совету 2-й армии в оперативном отношении Амурскую Краснознамённую флотилию.

Управление армии дислоцировать — г. Хабаровск. В состав

армии включить Нижне-Амурскую, Хабаровскую, Приморскую, Сахалинскую, Камчатскую области, Еврейскую автономную область, Корякский, Чукотский национальные округа;

в) личный состав расформировываемого фронтового управления обратить на укомплектование управлений 1-й и 2-й Отдельных Краснознамённых армий.

4. Утвердить:

а) командующим 1-й Отдельной Краснознамённой армией — комкора тов. Штерна Г. М., членом Военного совета армии — дивизионного комиссара тов. Семеновского Ф. А., начальником штаба — комбрига тов. Попова М. М.;

б) командующим 2-й Отдельной Краснознамённой армией — комкора тов. Конева И. С, членом Военного совета армии — бригадного комиссара тов. Бирюкова Н. И.[14], начальником штаба — комбрига тов. Мельника К. С.[15]

5. Вновь назначенным командующим армиями сформировать управления армий по прилагаемому проекту штатов №…

6. До прибытия в Хабаровск командующего 2-й Отдельной Краснознамённой армией комкора тов. Конева И.С. во временное командование вступить комдиву тов. Романовскому.

7. К формированию армий приступить немедленно и закончить к 15 сентября 1938 года.

8. Начальнику управления по комначсоставу РККА личный состав расформировываемого управления Дальневосточного Краснознамённого фронта использовать для укомплектования управлений 1-й и 2-й Отдельных Краснознамённых армий.

9. Начальнику Генерального штаба дать соответствующее указание командующим 1-й и 2-й армиями о распределении между армиями складов, баз и проч. фронт, имущества. Иметь в виду при этом возможность использования начальников родов войск РККА и их представителей, находящихся в данное время на Дальнем Востоке, для быстрого выполнения этой работы.

10. Военному совету 2-й Отдельной Краснознамённой армии к 1 октября с.г. восстановить управления 18-го и 20-го стрелковых корпусов с дислокацией: 18 ск — Куйбышевка и 20 ск — Биробиджан.

На восстановление этих корпусных управлений обратить расформировываемые управления Хабаровской оперативной группы и 2-й армии КДфронта.

11. Военным советам 1-й и 2-й Отдельных Краснознамённых армий:

а) немедля приступить к наведению порядка в войсках и обеспечить в кратчайший срок их полную мобилизационную готовность, о принятых мероприятиях и проведении их в жизнь

Военным советам армий доносить народному комиссару обороны один раз в пятидневку;

б) обеспечить полное выполнение приказов народного комиссара обороны №№ 071 и 0165 — 1938 г. О ходе выполнения этих приказов доносить через каждые три дня, начиная с 7 сентября 1938 г.

в) категорически запрещается растаскивание бойцов, командиров и политработников на различного вида работы.

В случаях крайней необходимости Военным советам армий разрешается, только с утверждения народного комиссара обороны, привлекать к работам войсковые части, при условии использования их только организованно, чтобы на работах были целые подразделения во главе со своими командирами, политработниками, сохраняя всегда полную их боевую готовность, для чего подразделения должны своевременно сменяться другими.

12. О ходе формирования управлений командующим 1-й и 2-й Отдельными Краснознамёнными армиями доносить мне по телеграфу шифром 8, 12 и 15 сентября.

Народный комиссар обороны СССР Маршал Советского Союза
К. ВОРОШИЛОВ
Начальник Генерального штаба РККА командарм 1 ранга
ШАПОШНИКОВ».

* * *

Я не напрасно привёл этот документ целиком, обременив таким образом книгу излишне длинной цитатой. Этот документ ярко характеризует обстановку на Дальнем Востоке и в Забайкалье, в которую окунулся наш герой. Кроме всего прочего, он свидетельствует ещё и том, что тактика ведения военных действий, которыми добывались лихие победы в период Гражданской войны, ушла в прошлое. Вместе, как бы это жестоко ни прозвучало, с героями Гражданской войны. В поле выходила мобильная армия, насыщенная боевой техникой, обладающей большой огневой мощью. Уже не людские массы, а манёвр, быстрота его, взаимодействие всех родов войск решали успех операции. И далеко не случайно эта самая короткая в XX веке война выдвинула в первые ряды отличившихся молодых полководцев. В РККА начало задавать тон уже новое поколение командиров. Эпоха Блюхера, Тухачевского, Будённого и Ворошилова уходила в прошлое. Иногда вместе со своими носителями. К сожалению, Сталин, который к тому времени стал

в СССР полновластным диктатором, понял это с большим опозданием, после того как «кавалеристы» завалили несколько фронтов уже в другой войне — с гитлеровской Германией.

Что же касается непосредственно героя нашего повествования, то следует сказать, что явно неуклюжие действия вчерашнего кумира многих комдивов и комкоров той поры принесли разочарования и Коневу. Константин Симонов в книге «Глазами человека моего поколения» на основании бесед с маршалом Коневым написал буквально следующее: «Блюхер, по его мнению, был к тридцать седьмому году человеком с прошлым, но без будущего, человеком, который по уровню своих знаний, представлений недалеко ушёл от Гражданской войны и принадлежал к той категории, которую представляли собой к началу войны Ворошилов, Будённый и некоторые другие бывшие конармейцы, жившие не современными, а прошлыми взглядами. Представить себе, что Блюхер справился бы в современной войне с фронтом, невозможно. Видимо, он с этим справился бы не лучше Ворошилова или Будённого. Во всяком случае, такую небольшую операцию, как хасанские события, Блюхер провалил. А кроме того, последнее время он вообще был в тяжёлом моральном состоянии, сильно пил, опустился».

После этих слов Конева Симонов сделал ремарку: «Я уже сейчас, записывая это, подумал о том, что этот, последний момент мне не кажется достаточно убедительным, потому что в той обстановке, которая создалась к тридцать восьмому году — ко времени хасанских событий, когда Блюхер чувствовал себя уже человеком с головой, положенной под топор, трудно судить его за неудачное проведение операции».

«Не кажется достаточно убедительным» и это позднее резюме Симонова, так как сделал он его в годы, когда модно, да и выгодно было говорить о кровавом сталинском топоре. А вот суждения маршала Конева, пусть даже по-своему и ошибочные, о пьянстве и намёке на бытовую разнузданность командующего КДФ, кажутся вполне искренними. Конев всю жизнь не терпел пьянство, а на службе считал преступно-недопустимым.

Из вышеприведённого документа также видно, как основательно готовились дальневосточные армии к предстоящей войне. Впереди был Халхин-Гол.

Вскоре после назначения комкор Конев прибыл к новому месту службы. Войска 2-й Особой армии были разбросаны на довольно обширной территории. Хабаровский край, Камчатка, Чукотка с островом Врангеля, Якутия. По площади — среднее европейское государство. Хозяйство гарнизонов и частей в местах их постоянной дислокации, по признанию самого Конева,

оказалось «в запущенном состоянии, некоторые части не устроены на зимних квартирах, плохо размещены». Военные занятия и уровень боеготовности, состояние вооружения и снаряжения, техники и конского состава в таких подразделениях и гарнизонах, как правило, было на том же уровне. Вдобавок ко всему волна массовых арестов командиров и комиссаров высшего состава фактически обезглавила некоторые подразделения.

Граница с Китаем проходила по Амуру от Кумры до Хабаровска. Маньчжурию контролировали японские войска. На многочисленных островах на Амуре часто происходили стычки вплоть до перестрелок. Японцы появлялись возле Хабаровска, в районе протоки Казакевича.

За два года до этого, а именно 25 ноября 1936 года, в Берлине Япония и Германия заключили договор, так называемый «Антикоминтерновский пакт», который обязывал стороны применять самые суровые меры против тех, «кто внутри или вне страны прямо или косвенно действует в пользу Коммунистического Интернационала». В случае необходимости эту статью можно было трактовать довольно произвольно. Пакт был дополнен секретным соглашением о совместных действиях против СССР. 6 ноября 1937 года к пакту присоединилась Италия. 24 февраля 1939 года — Венгрия и марионеточное государство Маньчжоу-Го. В марте того же 1939-го — Испания, а затем Болгария, Финляндия, Румыния, Дания. Постепенно оформлялся военный союз. Тон в нём задавали Германия и Япония. Вскоре стало очевидным, что миром всё это не кончится.

Территории влияния для Второй Особой армии достались трудные. Достаточно сказать, что на отдалённых Сахалине и Камчатке гарнизонов не было. Японцы же поглядывали на эти земли с вожделением. Так уж сложилось исторически, что, как только в России начинаются нестроения, мятежи и смуты, Япония сразу же начинает подплывать на своих судах к этим нашим полуостровам и островам.

Разведка доносила, что японцы наглеют не только в нейтральных водах, что их сейнеры заплывают в советские территориальные воды и ведут незаконный лов рыбы. По островам шарит пешая разведка. Комкор Конев решил эту проблему радикально: на Камчатку была переброшена 101-я стрелковая дивизия комбрига Городнянского[16], а на Сахалин введена 79-я дивизия комбрига Макаренко. Архивные источники свидетельствуют о том, что, к примеру, 79-я дивизия формировалась спешным порядком, можно предположить, что создавалась она для прикрытия островов. Комбриг Иван Алексеевич Макаренко затем станет генералом, во время Великой

Отечественной войны будет командовать 12-й Амурской, а затем 82-й гвардейской стрелковой дивизиями, закончит войну в Австрии. С Авксентием Михайловичем Городнянским Конев встретится на фронте летом 1941-го. Под Смоленском они окажутся в одной сводной батальонной цепи, которую поднимут, чтобы контратакой выправить тяжёлое положение. Дивизия Городнянского входила в состав 16-й армии генерала Рокоссовского и обеспечивала стык между своей и 19-й армией Конева. Немцы ударили в стык и прорвались, угрожая флангам и тылам. Но об этом немного позже.

А тогда, на Дальнем Востоке, перед ними стояли японцы.

Связь с Петропавловском-Камчатским Конев осуществлял по радио. Очень часто командующий получал от начальника камчатского гарнизона такую шифровку: в территориальных водах появились японские рыболовецкие судна, высылаю наперехват боевые катера. Через час новое сообщение: подошли японские боевые корабли, предъявили ультиматум — мы незаконно разместили на островах свои войска, требуют немедленно вывести войска на материк, в противном случае угрожают открыть огонь из корабельных орудий и высадить на острова десант. Конев отвечал, стараясь выдерживать спокойный тон: Авксентий Михайлович, японцы вас недооценивают, полагая, что у вас слабые нервы… Но сразу же приказывал привести войска в полную боеготовность. Городнянский радировал: готовы. Во время таких обострений Конев иногда прибывал в Петропавловск и наблюдал в бинокль японскую эскадру, которая наводила на город стволы главного калибра.

На Сахалине, после того как там обосновалась 79-я стрелковая дивизия, стало поспокойнее. Дивизия эта в 1945-м примет участие в боевых действиях против Квантунской армии. Расформируют её спустя многие десятилетия, когда государство и армия станут другими, — в 1995 году.

Граница по Амуру была территорией особого напряжения. После поражения на озере Хасан летом 1938 года японцы готовились к более масштабному вторжению. Как известно, на Амуре много островов. Демаркационная линия, проходившая по фарватеру рек Амура и Уссури, оставляла за СССР сотни островов. И если раньше это были просто «покосные места», где местные жители заготавливали сено для домашнего скота и занимались земледелием, то впоследствии на них были оборудованы укрепрайоны большой мощности. После расширения Хабаровского аэропорта над островом Большой Уссурийский проходила посадочная глиссада. Кроме того, здесь же находились дачные участки хабаровчан. Несмотря на это, в 2004 году

тогдашние власти Российской Федерации передали Китаю 174 квадратных километра островной территории. В 1930-е годы и начале 1940-х за эти острова гибли советские бойцы и командиры, пограничники и красноармейцы. Маршал Конев вспоминал: «…японцы пытались захватить острова или проливы, даже делали попытки высадить небольшие десанты, чаще всего в протоке Казакевича. Так что конец 1938-го и весь 1939 год я всё время был в состоянии боевого напряжения. За все годы службы, сначала в Монголии, а затем на Дальнем Востоке, у меня, разумеется, не было ни одного выходного дня. Я не ездил в отпуск, и даже не возникал вопрос о том, что я могу поехать отдохнуть».

Интенсивная работа, полукочевой образ жизни, конечно же, не шли на пользу ни семейным отношениям, ни собственному здоровью. Всё это: и нестроения в семье, и пренебрежение заботой о регулярном питании и отдыхе — развилось в хроническую болезнь — язву желудка. Но первое Конев старался заглушать работой, работой и работой. А второе… Тогда ещё организм был молод и молодость была лучшим лекарством от всех недугов.

За полтора года службы в должности командующего 2-й ОКА Конев дважды отлучался из расположения армии: оба раза в Москву, куда выезжал по вызову наркома обороны для доклада на Главном военном совете о мобилизационной готовности армии.

В марте 1939 года в Москве открылся XVIII съезд ВКП(б). Конев принял участие в его работе как делегат от Хабаровской партийной организации. На съезде его избрали в члены Центрального комитета партии. В итоговом документе ставилась задача «усиления борьбы за предотвращение войны, активной поддержки народов, оказавшихся под угрозой порабощения, укрепления деловых отношений со всеми странами, выступающими против фашистской агрессии». Вместе с тем указывалось на необходимость «всемерно повышать обороноспособность страны, держать в боевой готовности советские Вооружённые Силы». Это касалось Конева непосредственно.

«Перед выборами руководящих органов партии я был приглашён на заседание Совета старейшин, — вспоминал Иван Степанович. — Когда началось обсуждение моей кандидатуры, Сталин спросил, как я оцениваю деятельность Мехлиса, начальника Главпура, и какое у меня к нему отношение? Я ответил, что оцениваю его деятельность отрицательно, потому что он ведёт неправильную линию по отношению к командирским кадрам. Прямо, открыто сказал, что он завёл на

командиров и политработников чёрные списки. Это недостойно. Сталин задал второй вопрос, спросил, какие у меня взаимоотношения со Штерном. Штерн был командующим 1-й ОКА. Ответил, что личные отношения нормальные, а по службе — плохие, так как товарищ Штерн хотел бы командовать всем Дальним Востоком, а я считаю, что его претензии необоснованные. Интересно, что даже такая деталь не ускользнула от Сталина. Это показательно. Он хорошо знал кадры, знал и взаимоотношения. Счёл необходимым в присутствии всех задать такой вопрос, я ответил прямо, как надлежит коммунисту».

Весьма характерный эпизод. И для Сталина. И для Конева. Столкнулись два характера. Сталин предложил одному из своих командармов довольно жёсткий, как сказали бы теперь, тест. Он давно присматривался к молодому комкору Что тот скажет в ответ? О сложных взаимоотношениях двух дальневосточных командармов Сталин уже был наслышан. После низложения «царька» Дальнего Востока Блюхера Сталин на время разделил властные полномочия в самом отдалённом своём гарнизоне. Но события складывались так, что командование снова необходимо было сконцентрировать в одном штабе. Конев действительно ответил прямо. Он и потом, когда судьба будет подтаскивать к плахе или к черте, за которой могла последовать немилость того, от кого зависела не только карьера, но и сама жизнь и жизнь близких, будет отвечать прямо.

А в лице же Мехлиса Конев нажил злейшего врага на многие годы. Через три года Иван Степанович скажет Сталину о нецелесообразности присутствия в войсках комиссаров. Сталину было странно это слышать от бывшего комиссара. Может быть, поэтому он его не только выслушал, но и, по сути дела, последовал его совету.

После войны Главный маршал авиации А.Е. Голованов расскажет писателю Феликсу Чуеву вот какую историю: «Осенью 1942 года в моём присутствии в разговоре с Верховным Конев поставил вопрос о ликвидации института комиссаров в Красной армии, мотивируя тем, что этот институт сейчас не нужен. Главное, что сейчас нужно в армии, доказывал он, это единоначалие.

— Зачем мне нужен комиссар, когда я и сам им был! — говорил Конев. — Мне нужен помощник, заместитель по политической работе в войсках, чтобы я был спокоен за этот участок работы, а с остальным я и сам справлюсь. Командный состав доказал свою преданность Родине и не нуждается в дополнительном контроле, а в институте комиссаров есть

элемент недоверия нашим командным кадрам.

Рассуждения командующего фронтом, его уверенный тон произвели впечатление на Сталина, и он, как это часто бывало в подобных случаях, стал выяснять мнения по *комиссарскому* вопросу среди высшего командного состава Красной армии, особенно прислушиваясь к мнению командующих армиями, командиров корпусов и дивизий. Большинство поддерживало Конева, и вскоре решением Политбюро институт комиссаров в армии упразднили, отметив, что он сыграл положительную роль в начальный период войны».

Надо заметить, что к этому времени комиссар Конев уже стал командиром Коневым, а командир мыслит несколько другими категориями, да и повседневные заботы, обязанности и тревоги были уже иными. И когда он сколачивал 2-ю Особую краснознамённую армию, когда наводил порядок в дивизиях и полках, где зачастую процветали пьянство, неподчинение командирам, воровство, он, конечно же, в первую очередь рассчитывал на помощь командиров. Многие командиры в это время оказались изъяты из армии, а точнее, арестованы органами НКВД, осуждены как враги народа, как японские шпионы и диверсанты. В лучшем случае они томились в лагерях, в худшем — были расстреляны.

В июле 1938 года начальник Управления по начсоставу РККА Е.А. Щаденко заготовил за подписью Ворошилова адресованную Военным советам округов директиву следующего содержания:

«Во исполнение решения Главного военного совета об очищении армии от бывших белогвардейцев, предлагаю:

1. К 15 августа (КБФ, ЗабВО, СибВО, САВО — к 1 сентября) проверить командный, политический и начальствующий состав, ранее служивший в белых армиях Колчака, Деникина и других и уволить в запас РККА всех активных участников борьбы против Советской власти, бывших офицеров и занимавших офицерские должности военных чиновников, унтер- офицеров, а также рядовых добровольцев белой армии.

Вопрос об увольнении служивших по мобилизации рядовыми в белых армиях, в настоящее время являющихся комначсоставом, разрешать в отношении каждого персонально, с учётом его работы в РККА, политической надёжности и деловых качеств.

Лиц, занимающих должности до командира батальона включительно и им равных, уволить приказами Военных советов округов по статье 43 пункту “а” и “б”.

…на остальных представить списки в Управление по комначсоставу.

2. Одновременно проверить всех бывших эсеров,

меньшевиков, анархистов, дашнаков, муссаватистов, боротьбистов и членов других антисоветских партий и лиц, не доказавших своей активной работой безусловную преданность партии Ленина—Сталина и социалистической Родине, и уволить в за пас, а на высший комсостав представить списки».

Однако эта бумага так и не ушла в войска. Ворошилов проект директивы не подписал. На титульном листе пометка: «НКО не подписал. Е. Щаденко». Новая волна репрессий смела бы весь командный состав Красной армии. Следователи вытащили бы всех: и бывших прапорщиков из кухаркиных сыновей, и фельдфебелей из зажиточных крестьян.

Буквально накануне приезда Конева в Хабаровск по Дальнему Востоку прокатилась волна репрессий по так называемому делу «дальневосточной правотроцкистской шпионской диверсионно-вредительской организации». Автором этой грандиозной трагедии был полпред НКВД по Дальнему Востоку Люшков[17]. Во всех областях края были «выявлены» «участники» и «шпионы». В том числе и среди военных. Поскольку Люшков обладал особым нюхом, идя по следу бывших белогвардейцев, последние, настоящие и мнимые, а также все, похожие на них, были вычищены под метлу. В том числе и из штабов воинских частей, из дивизий и полков. Вот цифры, которыми исчисляются ведомственные подвиги полпреда НКВД на Дальнем Востоке: с ноября 1937-го по май 1938 года уволено — 1867 человек; арестовано — 642 человека. Когда Люшков бежал к японцам, он назвал им другие цифры: в тюрьмы и лагеря отправлено 1200 командиров и политработников и три тысячи младших командиров. Видимо, хотел показать себя ярым борцом с большевизмом и СССР. Как отмечают исследователи репрессий на Дальнем Востоке, за эти годы «три-четыре раза сменились руководители всех сфер управления края и областей, включая органы НКВД, были обезглавлены вооружённые силы региона». В июне 1938 года на Дальний восток прибыли ещё два «красных коршуна»: Лев Мехлис и Михаил Фриновский — «для проведения чистки руководства Тихоокеанского флота, погранвойск и местного НКВД». Волна репрессий снова захлестнула край. Повышению обороноспособности войск эти акции, конечно же, не способствовали. И Конев вынужден был молчаливо наблюдать за тем, как парили эти нездешние птицы над флотом и сухопутными войсками, над погранзаставами и военными городками.

Но его прорвало в Москве, когда сам Сталин спросил о Мехлисе. Давайте попробуем предположить, что всего, что было на сердце, при всей своей прямоте, Конев не сказал. Возможно, и сказал бы, если бы Сталин пошёл дальше. Но дальше Сталин не

пошёл. Видимо, ему было достаточно того, что он услышал. А может, он пожалел молодого комкора, который вдруг начал говорить слишком откровенно, что он думает о человеке, которому Сталин безмерно доверял? Помните, чем закончились откровения для командующего войсками Минского военного округа командарма 1-го ранга Белова? Помнил и Конев. И, возможно, Сталин понял его. Сказать тому, кто в то время обладал уже исключительной властью в стране о «чёрных списках», — это сказать многое. Льстецы мели хвостами. Гордецы молчали или валили лес в лагерях. Коневу было уже за сорок. Не юнец, на молодость такое высказывание не спишешь. Возможно, он почувствовал, что крылья «красных коршунов» застят небо уже и над его головой? Его биография и его послужной список казались безупречными. Но когда за дело брался такой человек, как Люшков… В любой момент могла выплыть история первого мужа-эмигранта Анны Ефимовны и её исчезнувшая дочь, следы которой терялись то ли в Харбине, то ли в Америке. Да и сам он не всегда вёл себя безупречно с точки зрения отношения к врагам партии. В 1918-м в Никольске сквозь пальцы смотрел на активность старой земской управы. А за что его пощадили, не добили кольями дуровские мужички? Да ещё гвардейский Кирасирский полк, который потом появился на Дону… Такой, как Люшков, всё выведает.

Сталин к тому времени уже приметил Конева и внимательно следил за его работой в войсках, отмечая его профессиональный рост. Доносы поступали. И он их прочитывал. И некоторым тут же давал ход. Но не позволял людям из НКВД трогать тех, кто ему был нужен, кто был надёжен, и в первую очередь профессионально. Сталин был хорошим селекционером, и это подтвердит война.

После съезда Конев вернулся в Хабаровск. Но вскоре получил из Москвы за подписью наркома обороны Ворошилова пакет со следующим предписанием: Дальний Восток — единый театр военных действий, поэтому в оперативном отношении разумнее было бы объединить все находящиеся в пределах края войска под единым командованием; в связи с этим образуется Дальневосточный военный округ и его командующим назначается командарм 2-го ранга Штерн. А комкору Коневу предлагалось принять должность командующего Забайкальским военным округом.

Главные события 1939 года на Дальнем Востоке снова миновали Конева. Новая короткая война с японцами, теперь уже на реке Халхин-Гол, была более кровавой. Для советско-монгольских войск она стала победной. Штерн возглавил

фронтовое управление, которое координировало их действия. А 57-й Особый корпус, тот самый, «монгольский», коневский, на который в период решающих боёв была возложена главная задача, возглавил тогда ещё мало кому известный комкор Георгий Константинович Жуков. Корпус был усилен ещё несколькими стрелковыми дивизиями, артиллерией и танками и стал именоваться 1-й армейской группой. Штерн и Жуков вскоре удостоились звания Героя Советского Союза.

Общепризнанно, что результаты мощных атак, которые испытала японская армия на Халхин-Голе, очень сильно подействовали на правительство Японии. После подписания пакта о ненападении между СССР и Германией в Японии разразился правительственный кризис. Правительство Хиранумы Киити-ро ушло в отставку. Восторжествовала так называемая «морская партия», которая развернула свои вооружённые силы в сторону Юго-Восточной Азии и островов Тихого океана. Сталин ликовал. Ведь это неминуемо вело Японию к столкновению с США. Динамика официальных взаимоотношений СССР и Японии была такова:

— 15 сентября 1939 года правительства обеих стран подписали соглашение о перемирии;

— 13 апреля 1941 года заключён советско-японский пакт о нейтралитете.

Надо заметить, что обе стороны соблюдали условия этих договорённостей до конца лета 1945 года. Когда в декабре 1941-го группа армий «Центр» стояла у ворот Москвы и замерзала в её выстуженных полях, Гитлер яростно потребовал от Японии вторгнуться в пределы СССР на Дальнем Востоке. Но японские танки и пехотные дивизии остались в районах сосредоточения и не двинулись вперёд ни на шаг. Впечатления, полученные в мае—августе 1939 года, оказались сильны. Японцы народ впечатлительный.

Седьмого декабря 1941 года, буквально через двое суток после начала контрнаступления советских войск под Москвой, японцы атаковали американскую морскую базу Пёрл-Харбор и тем самым вовлекли США в ряды основных участников Второй мировой войны.

Сталин снова будет ликовать — из пассивного заокеанского наблюдателя США сразу превратились в активного союзника не только Англии, но и СССР

Глава девятая. ЗАБАЙКАЛЬЕ

В начале апреля 1940 года Конев был вызван в Москву. Главный военный совет заслушивал доклады по итогам боёв только что закончившейся Советско-финляндской войны. Результаты Зимней войны, как её тогда называли, были нерадостными.

И эта война пронеслась мимо Конева. Те, кто хлебнул там пороха, рассказывали о боях скупо, неохотно.

Правда, всех порадовала поездка на полигон, где шли испытания новых танков. Т-34 даже с виду казались мощнее лёгких танков и танкеток, которые стояли на вооружении в бронетанковых частях. Легко маневрировали. И вооружение у них было более мощным. Конев познакомился тогда с конструктором этой боевой машины М.И. Кошкиным. На полигоне Конев оказался рядом с Жуковым и начальником артиллерии Красной армии командармом 2-го ранга Н.Н. Вороновым. Разговорились. Обсудили только что увиденное. И необычный внешний вид, и маневренность, и вооружение танка впечатляли. Боевые командиры, они сразу увидели новую машину в поле, в войсках.

После Москвы — Чита. Штаб Забайкальского военного округа. Дела Конев принял у комбрига Фёдора Никитича Ремезова[18], который тоже получил новое назначение — командующим Орловским военным округом.

В то лето Конев носил уже другие знаки различия — три звезды в петлицах нового образца. Звёзды он получил с новым званием — генерал-лейтенант.

В конце лета в округе проводились плановые большие тактические учения с боевой стрельбой. Учения — экзамен не только для бойцов, но и для командиров, и, возможно, для командиров в первую очередь. В Забайкалье в качестве инспектора прибыл заместитель наркома обороны маршал Г.И. Кулик. Учения проводились в летних лагерях под Иркутском.

К тому времени в Забайкальском военном округе собралась целая когорта военачальников, обладавших глубокими знаниями и опытом управления войсками. Тогда на территории округа формировалась 16-я общевойсковая армия под командованием генерала М.Ф. Лукина[19]. Летом того же 1940 года была развёрнута 1-я армия генерала П.А. Курочкина[20]. С Лукиным, плечом к плечу, Конев будет стоять в 1941-м под Смоленском, а потом под Вязьмой. С Курочкиным встретит Победу. Одним из

стрелковых корпусов в армии Лукина командовал В.Я. Колпакчи. 78-й стрелковой дивизией — полковник А.П. Белобородое[21].

Маршал Кулик уехал из Читы удовлетворённым состоянием войск инспектируемого округа.

О чём разговаривали они в ту раннюю забайкальскую осень, когда здешняя природа на мгновение, словно чувствуя впереди скорое увядание, преображается, и сопки сияют золотом и багрецом. Ведь не всё же время они думали о службе. Оба вступили уже в зрелый возраст. Кулик в тот год переживал пик своей воинской славы. В 1939 году он успешно координировал действия Украинского и Белорусского фронтов, осуществлявших операцию по присоединению Западной Белоруссии и Западной Украины к СССР. После этого сразу же включился в работу по подготовке войск к Советско-финляндской войне. Как заместитель начальника Генерального штаба РККА по артиллерии сделал всё возможное, чтобы артиллерийское наступление проложило дорогу пехоте и танкам на главных направлениях. По итогам Зимней войны получил Звезду Героя Советского Союза. Вскоре был переаттестован в звании Маршала Советского Союза. Жизнелюб, любитель выпить и хорошо поесть, он, должно быть, и в Забайкалье не терял времени даром. Вот только компания у него на этот раз подобралась неподходящая. Конев воздерживался от алкоголя, да и есть приходилось исключительно то, что предписывали врачи. Язва желудка нет-нет да и напоминала о себе приступами острой боли. Те, кто общался с Куликом, отмечали его невоздержанность и даже болтливость, когда он хмелел. Ругал Берию, Сталина. Тогда Кулик ещё был членом ВКП(б), партбилет у него отнимут в апреле 1945 года, в дни, когда наши фронты будут добивать остатки немцев и принимать капитуляцию последних гарнизонов от побережья Балтийского моря до Вены. Но, словно наперёд зная свою судьбу, не дорожа ни партбилетом, ни маршальскими звёздами, Кулик ругал партию. Ругал за то, что допустила террор НКВД против высшего командного состава Красной армии, что лезла в личную жизнь.

Первой женой Кулика была Лидия Яковлевна Пауль, немка по происхождению. Отец её был крепким хозяином, крестьянствовал на Дону. Центральная контрольная комиссия ВКП(б) вынесла Кулику выговор «за контрреволюционную связь с мироедом». Так и записали. Пришлось развестись. Однажды на курорте Кулик познакомился с одной из московских красавиц, блиставших в тогдашнем свете, Кирой Ивановной Симонич, сербкой, дочерью обрусевшего графа Симонича, который когда-то служил в контрразведке, за что и был расстрелян ЧК в 1919 году. Братья Киры Ивановны тоже были расстреляны. Мать и сестры уехали из

страны, когда ещё можно было уехать свободно. В 1939 году исчезла и Кира Ивановна. О её судьбе Кулик так ничего и не узнал. Уже после войны, в годы «хрущёвской оттепели» стало известно, что Киру Ивановну Кулик (она была законной женой маршала) арестовали сотрудники НКВД прямо на улице, увезли на Лубянку и вскоре тайно расстреляли. За что? «Вела свободный образ жизни и была знакома с иностранцами». Вскоре после возвращения из поездки по Забайкалью Кулик женился на школьной подруге своей дочери Ольге Яковлевне Михайловской. Разница в возрасте — тридцать два года. На свадьбе присутствовал Сталин. Дочь от первого брака Ольгу, которая жила с ним, Кулик вскоре выдал замуж за лётчика генерала А.С. Осипенко, Героя Советского Союза, который до этого был женат на Полине Осипенко. В 1943 году у Кулика родилась внучка Наташа. Война не принесла маршалу блистательных побед. В 1947 году его, а также генералов В.Н. Гордова и Ф.Т. Рыбальченко арестовали «по обвинению в организации заговорщицкой группы для борьбы с советской властью», а по сути дела за пьяные разговоры, в которых он материл Сталина, выливая при этом и свою желчь за собственные неудачи в годы войны (ни одной успешной операции, одни провалы). В 1950 году всех троих расстреляли.

В мемуарах маршалов и генералов о Кулике не найдёшь ни строчки, которая бы характеризовала этого военачальника положительно. Необразованный, малоорганизованный, снял с производства перед самой войной столь необходимые 45-миллиметровые и 76,2-миллиметровые противотанковые орудия. Выступал против оснащения войск реактивной установкой БМ-23 («катюша»). Вместе с Мехлисом продавил через наркомат идею размещения основных войсковых складов в непосредственной близости к границе. Был одним из ликвидаторов крупных механизированных объединений и танковых корпусов. При том, что в 1938 году вместе с группой командиров высокого ранга обратился с письмом к Сталину, в котором требовал прекратить волну репрессий против командных кадров РККА, любимым его изречением при постановке задачи подчинённым было: «Тюрьма или ордена!» Словом: или грудь в крестах, или голова в кустах. Голову его реабилитировали в 1956 году, а в 1957 году восстановили посмертно в звании Маршал Советского Союза и вернули все государственные награды.

Конева ждала другая судьба. Медленное восхождение. День за днём. От битвы к битве. От поражений первых месяцев войны к победам. Да и семейная жизнь у него шла так себе. Но ничего менять он в ней не хотел. Во многом винил себя. Анна Ефимовна

женщина красивая, обаятельная, жизнелюбивая. А он — с утра до ночи в штабе, в гарнизонах, в летних лагерях, на учениях. «Мой Вронский» остался в прошлом. Конев любил детей и старался делать всё, чтобы они ни в чём не нуждались, учились, получили хорошее образование, были счастливы.

Неизвестно, о чём Конев и Кулик разговаривали в свободные минуты в те сентябрьские забайкальские дни. В своих мемуарах Конев не написал о Кулике ничего.

В декабре 1940 года командующие военными округами и начальники штабов прибыли в Москву. Новый нарком обороны маршал С.К. Тимошенко проводил не только совещание высшего командного состава своего ведомства, но и большую военно-стратегическую командную игру. Участвовали штабы округов и армий. С докладами выступили генералы, которые тогда ходили в героях. За их плечами были ещё две войны. Они делились опытом и своим оперативным искусством. О наступательной операции в условиях современной войны докладывал командующий Киевским Особым военным округом генерал Г.К. Жуков. О танковом манёвре в ходе наступательной операции говорил командующий Западным военным округом генерал Д.Г. Павлов. Пройдёт совсем немного времени, каких-нибудь полгода с небольшим, и один из них подпишет санкцию на арест и предание суду Военного трибунала другого — за трусость, бездействие и паникёрство, создание возможности прорыва фронта противником «в одном из главных направлений». Начальник Генерального штаба генерал К.А. Мерецков сделал доклад по общим вопросам. Были заслушаны доклады командующих округами: Ленинградским — генерала П.Г. Понеделина и Московским — генерала И.В. Тюленева. Заключительное слово взял маршал С.К. Тимошенко. Из выступлений стало совершенно очевидно, что угроза надвигается с запада и что теперь противником РККА станут Германия и её союзники.

Предоставлено было слово и генералу Коневу. Он заявил, что необходимо пересмотреть статьи и положения уставов, которые устарели и уже не удовлетворяют реалиям, в которых находятся и должны действовать вооружённые силы страны. Тактика современной войны, её приёмы значительно ушли вперёд, а уставы, оставшись прежними, действительно сдерживали развитие управления войсками в современном бою. Конев особое внимание уделил боевому порядку войск в наступлении, затем остановился на проблеме построения противотанковой обороны. Завершил он своё выступление по-комиссарски, в духе времени: «Я ставлю вопрос об обязательном изучении истории партии,

изучении географии как обязательного предмета для командного состава. А у нас ещё существует такое положение, когда изучение марксизма-ленинизма поставлено в зависимость от настроения. Мы не можем позволить, чтобы наши командиры были политически неграмотными, в таком случае они не могут воспитывать бойцов Красной Армии. Изучение истории партии, изучение марксизма-ленинизма является государственной доктриной и обязательно для всех».

К этому фрагменту выступления командующего Забайкальским военным округом можно отнестись как к общему месту. А можно и задуматься. На смену вычищенным из войск командирам, особенно старшего состава, пришли люди, не обладающие необходимыми знаниями, малокультурные. Что впоследствии скажется. Вот о чём говорил Конев. Командиры полков и батальонов не изучали географию, то есть не владели знаниями выше уровня трёхклассной церковно-приходской школы. Что уж говорить о топографии и умении читать карту. Если определение «марксизм-ленинизм», к примеру, заменить определением «патриотизм» (а в то время это было тождественно), то Конев завершил своё выступление очень верно. (Что же касается необходимости, по словам Конева, обязательного изучения командирами военной истории и географии, то вынужден рассказать одну печальную историю, которой совсем недавно довелось быть свидетелем. В разговоре с генералом, выпускником Военной академии им. М.В. Фрунзе уже постсоветского курса, затронули тему войны. Оказалось, из всех советских полководцев времён Великой Отечественной войны он знает только троих: Жукова, Рокоссовского и Конева. Термина «Великая Отечественная война» он не признаёт. В беседе всякий раз вежливо поправлял меня — «Вторая мировая…» Правда, позже я узнал, что мой собеседник генерал не командный — торгует оружием. Дело, конечно, тоже нужное. Только в нашей беседе он это почему-то скрыл. Иные времена — иные генералы…)

После совещания состоялась оперативно-стратегическая игра на западном театре военных действий и на юге. И совещание, и игра проводились в обстановке особой секретности. Участники её даже записей в эти дни не вели — не рекомендовалось. Маршал Конев отметил: «Игра прошла очень интересно. Из неё были сделаны правильные выводы, Сталин счёл необходимым лично провести разбор, пригласив в Кремль её участников. После совещания и военной игры в армии произошли кадровые перестановки. В частности, в январе 1941 года начальником Генерального штаба был назначен генерал армии Г.К. Жуков.

Кроме того, в этот же период были произведены изменения в руководстве округами. Меня с Забайкальского военного округа перевели командующим Северо-Кавказским округом, а на моё место был назначен Курочкин, командующий 17-й армией».

Фраза Конева о том, что по итогам игры были сделаны «правильные выводы», звучит неубедительно. Особенно теперь, когда часть архивов того периода открыта и можно понять, что усвоили тогда маршалы и генералы из уроков конца 1930-х годов в войнах на востоке и на севере, а также из штабных игр, а чем пренебрегли. Играя на картах в декабре 1940-го в Москве, они ещё не знали, что основные уроки они получат летом и осенью уже следующего года, что армию им придётся создавать заново, заново перевооружать, да и учиться воевать они будут у немецких «преподавателей» — в полях под Смоленском, под Москвой и Сталинградом. Научатся. Но оплатят уроки большой кровью.

В связи с новым назначением нарком обороны маршал Тимошенко пригласил Конева к себе. Поговорили. В конце разговора, после традиционного: «Мы рассчитываем на вас», Тимошенко произнёс довольно многозначительную фразу, смысл которой Конев до конца разгадал только в июне следующего года:

— Будете представлять ударную группировку войск, в случае необходимости — нанести удар.

Теперь, когда много пишется и говорится о том, что Сталин со своими маршалами готовил армию к нападению на Германию задолго до 22 июня, слова тогдашнего наркома обороны, его последняя фраза, сказанная генералу Коневу при назначении того на округ второго эшелона, действительно приобретают несколько иной смысл. Ведь именно таким порядком, в затылок фронту первого эшелона (Воронежского фронта) весной—летом 1943-го Ставка расположит Степной фронт с целью не только остановить, и не столько остановить, а ударить вперёд. И именно Степной фронт, с его свежими армиями, корпусами и частями прорыва, станет тем бронебойным снарядом, который проломит несокрушимую до той поры броню немецкой обороны на южном фасе Курской дуги и откроет возможность выхода на оперативный простор на Белгородском и Харьковском направлениях.

Сталин молчал на совещании. Молчал и во время игры. Он вёл свою игру. Опытный политик и стратег, он слабо разбирался в вопросах тактики, и это не было его слабой стороной. Он торопился и чувствовал, что не успевает. Не успевает перевооружить армию, сформировать танковые корпуса, дать своим «соколам» новые самолёты, которые бы не уступали скоростным «мессершмиттам» и манёвренным «юнкерсам». Не успевал сделать необходимые кадровые перестановки.

Главная игра была впереди.

Глава десятая. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ

Штаб Северо-Кавказского военного округа находился в Ростове-на-Дону Конев прибыл туда в конце января 1941 года.

Что в это время происходило на западе?

Гитлер тонко почувствовал, какие семена нужно бросить в германскую почву, чтобы они буйно проросли и принесли ему и его партии плоды. Семена были брошены, и вскоре они дали всходы…

Ещё в марте 1939 года Германия оккупировала Чехословакию. 7 апреля итальянцы, заручившись поддержкой Гитлера, вторглись в Албанию. 1 сентября немецкие части без объявления войны перешли польскую границу и начали наступление вглубь страны, наращивая силы вторжения и, следовательно, свой удар. Через два дня Великобритания и Франция объявили Германии войну. Европа снова запылала. Германские люфтваффе уничтожили польские самолёты на аэродромах, а довольно значительные по количеству штыков и танков наземные войска были разгромлены молниеносными ударами. Полки не успели даже развернуться для организации противостояния. Польскую кампанию вермахт провёл за один месяц. 17 сентября на территорию Польши с востока и юго-востока вошли части Красной армии. Марш был бескровным и неглубоким. На границе с Восточной Пруссией, по Бугу и в Галиции, советские войска остановились. Зимой 1939/40 года между Германией и Францией, которые формально находились в состоянии войны, шли вялые перестрелки по линии Мажино. Историки потом назовут это «Странной войной». А на севере тем временем началась настоящая война. 30 ноября советские ВВС бомбили столицу Финляндии Хельсинки. Начались бои на линии Маннергейма между войсками РККА и Финляндии. Советско-финляндская война длилась всю зиму. 13 марта при посредничестве Германии СССР и Финляндия подписали перемирие. К СССР отошли некоторые спорные территории, в том числе Карельский перешеек и город-крепость Выборг. Перемирие оказалось недолгим. В апреле 1940 года германские войска высадились в Норвегии. Вторжение немцев и итальянских войск началось 10 мая. Блицкриг удался странам Оси и на этот раз: через четыре дня без боя сдался Париж, а 22 июня Франция была

вынуждена подписать капитуляцию. Почти вся территория Франции была оккупирована, армия разбита. Одновременно захвачена Дания. Началось вторжение в Бельгию. При этом разгромлен Британский экспедиционный корпус. В результате молниеносной войны был создан плацдарм для решающей атаки на Британские острова. 12—13 августа 1940 года германские люфтваффе совершили массированные налёты на Англию. Начальная стадия операции «Морской лев» прошла успешно. В феврале шли упорные бои между итальянцами и англичанами в Африке. Британские королевские ВВС потопили половину итальянского флота. Одновременно германский подводный флот начал топить корабли и суда под британским флагом во всех морях. В феврале того же 1940 года в Триполи высадился германский экспедиционный корпус «Африка». Англия перенесла бои с Германией за тысячи километров от своего побережья. 31 марта командующий Африканским корпусом немецкий генерал Роммель нанёс удар в Ливии. Англичане и их союзники были опрокинуты и обращены в бегство. Впереди у Роммеля уже виднелись Александрия и Нил. Но Гитлер остановил своего генерала. Танки нужны были в другом месте, более важном. Ещё 18 декабря 1940 года Гитлер утвердил план «Барбаросса» — блицкриг в России. Вторжение планировалось на середину мая. Но потом было отложено на несколько недель.

Начальником штаба Северо-Кавказского округа в то время был генерал В.М. Злобин, членом Военного совета И.П. Шекланов, а заместителем командующего — генерал М.А. Рейтер[22]. Конев в курс дел вошёл сразу. Провёл оперативную штабную игру на картах. Северо-Кавказский округ, как он обмолвился впоследствии, «не был приграничным». Но на всякий случай, не делясь ни с кем своими предположениями и опасениями, он в первые же дни объехал его, с целью «изучения территории как возможного театра военных действий». «В результате этих поездок, — вспоминал маршал, — я пришёл к выводу, что Северо-Кавказский военный округ не готовился к войне. А война, как известно, пришла потом и на эту территорию».

По результатам поездки Конев подготовил доклад и срочно направил его наркому обороны. Одновременно приказал войскам приступить к строительству оборонительных рубежей на наиболее важных оперативных направлениях.

Семью Конев перевёз в Ростов.

Страна готовилась к войне. В округе шло формирование нескольких новых стрелковых и кавалерийских дивизий, комплектовались техникой и вооружением танковые бригады, авиадивизии, артиллерийские подразделения. Части

формировались уже по новым штатам. И эта суматошная спешка, и новые штаты, и новое вооружение свидетельствовали о многом.

О стиле работы командующего округом в тот предгрозовой период рассказал в своих мемуарах генерал Н.М. Хлебников[23], который в 1940 году служил начальником артиллерии Северо-Кавказского округа. За последний год в округе сменилось несколько командующих. Конев был четвёртым. С ним они ушли на фронт. Что же отличало нового командующего от его предшественников?

«Мы, старший комсостав Северо-Кавказского военного округа, тотчас почувствовали твёрдый характер и целевую направленность нашего нового командующего. Дело в том, что при его предшественнике генерал-лейтенанте Ф.И. Кузнецове мы несколько засиделись в учебных классах и тактических кабинетах.

Фёдор Исидорович Кузнецов много лет преподавал в Военной академии им. М.В. Фрунзе общевойсковую тактику. Дело это он знал и любил, и постепенно общевойсковая тактика стала главенствующим предметом во всех частях округа. Причём тактикой занимались преимущественно в кабинетах и классах на ящиках с песком. В поле, на практические занятия, войска выводились редко.

Такая постановка дела не могла не сказаться на других, тоже весьма важных вопросах боевой подготовки. Учебный процесс в войсках строго выверен и рассчитан по часам, дням и месяцам, эта регламентация является результатом длительного коллективного опыта. И если, например, артиллеристы перерасходуют время, отпущенное им на освоение общевойсковой тактики, значит, они поневоле должны будут сокращать часы занятий по другим предметам — изучению материальной части орудий или артиллерийско-стрелковой подготовке.

За полвека армейской службы мне случалось встречать командиров с различного рода увлечениями. У одного это была тактика, у другого — конное дело, у третьего — стрельба из личного оружия. Все они искренне стремились передать свою увлечённость подчинённым, однако никакая любовь к одному, пусть даже важному виду боевой подготовки, не может оправдать срыв общеармейского регламента занятий. Подобные “флюсы” в ту или иную сторону неизбежно отрицательно влияют на боевую готовность войск.

Так и у нас, в Северо-Кавказском округе, до прихода нового командующего И.С. Конева. Он тотчас же организовал большие окружные учения с выходом в поле. Наглядно, в обстановке, максимально приближённой к боевой, отрабатывалось взаимодействие войск, маршевая и стрелковая, в том числе

артиллерийско-стрелковая подготовка, проверялось умение всех звеньев командного состава действовать в обороне и наступлении. В поле, в движении все твои промахи видны как на ладони, и нам, привыкшим решать боевые задачи в тактических кабинетах, на ящиках с песком, на миниатюрной, сто раз изученной местности, пришлось туговато.

Учение предполагалось завершить прорывом заранее подготовленной, построенной по всем правилам военно-инженерного искусства обороны “противника”. Мне как старшему артиллерийскому начальнику наступающей стороны командующий приказал обеспечить атаку пехоты и танков огневым валом.

— Двойной огневой вал! — подчеркнул Конев. — Поведёте его в ста метрах впереди боевых порядков наступающей пехоты.

Я, естественно, забеспокоился. Ведь это будет реальный массированный артиллерийский огонь.

В разговоре с командующим я пробовал сослаться на отсутствие такого опыта у артиллерийских и пехотных командиров, на молодых солдат — недавних призывников и на другие причины. Но Иван Степанович был неумолим.

— Где же ещё они наберутся опыта? — спросил он. — На вой не? Не слишком ли дорого обойдётся нам такой опыт?

Разумеется, он был прав. Если в боевых условиях огневой вал пройдёт передний край противника в значительном отрыве от следующей за ним пехоты, атака может захлебнуться. Оборона успеет «ожить», её огонь остановит и отбросит пехоту.

Есть в этом деле и другая сторона — психологическая. В современной войне, в массовых многомиллионных армиях далеко не каждый солдат — герой. Большинство армии состоит из обыкновенных людей. Естественный для человека страх смерти помогает преодолеть моральная и физическая закалка, полученная ещё в дни мирной службы. Если солдат приучен к рёву и грохоту войны, его не смутят танки, переваливающие через окоп, он будет верить артиллеристам, сопровождающим его огневым валом в атаке, он будет разумно и хладнокровно реагировать на всё, подчас весьма сложные перипетии боя, самостоятельно решать свою личную боевую задачу, тем самым способствуя выполнению задачи общей.

Основы такой выучки закладываются в мирные дни, в обстановке максимально приближённой к боевой, на полевых учениях, подобных учению, которое проводил генерал-лейтенант Конев в Северо-Кавказском военном округе.

— Время для подготовки у вас есть, — сказал он мне в заключение разговора. — Покажите всё, на что способны

артиллеристы.

И началась напряжённая подготовительная работа. Командиры отдела боевой подготовки во главе с полковником Н.Д. Павловым отправились в войска.

В погожий день поздней осени на кубанских полях после различного рода маршей и манёвров разыгрался решительный бой. “Красные” при поддержке танков атаковали оборону “синих”.

С наблюдательного пункта командующего я видел боевую работу артиллерийских групп. Всё шло по плану. Десятки батарей обрабатывали передний край “синих”. Дыбилась от взрывов земля, летели в воздух брёвна разрушаемых дзотов и блиндажей. Взвилась ракета — двинулись в атаку танки, поднялась пехота. Вот она подходит к переднему краю “синих”, пора переносить огонь на следующий рубеж. Команда подана, огневой вал покатился в глубину обороны. Но кто-то из артиллеристов запоздал переменить установку прицела, и один снаряд разорвался на прежнем рубеже, в непосредственной близости от пехоты.

Я бросился к телефону. Жертв не было. Доложил об этом командующему. Он бросил коротко: “Накажите разгильдяя!” — и продолжал наблюдать за полем боя.

Учение закончилось успешно, неприятный этот случай, разумеется, фигурировал на разборе, но не повлиял на общую высокую оценку командующим боевой работы артиллеристов.

Впоследствии, в годы Великой Отечественной войны, я много раз был свидетелем, как реагировал Иван Степанович Конев на ту или иную ошибку подчинённых. Он никогда не обвинял в ней весь коллектив. Он находил конкретных виновников, разбирался во всём и, если было необходимо, крепко наказывал».

Некоторые военные публицисты и историки в своих исследованиях и различных публикациях настаивают на том, что советские генералы и их штабы учились воевать у противника. Доля правды тут, несомненно, есть. Так же, как солдат в бою порой использует трофейное оружие, генерал, да и ротный командир зачастую применял тактику и приёмы боя врага, чтобы эффективно противостоять ему. Враг ведь тоже многому научался у наших отцов и дедов. Война есть война. Важен результат, а способы и средства его достижения — дело второе. Артиллерийское наступление как тактический приём взаимодействия артиллерии, танков и пехоты генерал Конев со своими командирами и бойцами отработал на полигоне в самый канун войны. Другое дело, что применять его некоторое время не представлялось возможным. Но настанет час, когда войска генерала, а потом маршала Конева пойдут вперёд, и успешная

работа артиллерии, массирование её огня на участках прорыва станут важнейшим условием успеха очередной операции.

В мае 1941 года Конева вызвали в Москву. Принял его заместитель начальника Генерального штаба генерал В.Д. Соколовский и вручил директиву о развёртывании на базе войск округа 19-й общевойсковой армии. Встретился с наркомом обороны С.К. Тимошенко. Семён Константинович передал следующие указания: срочно формировать армию по новым штатам, получать вооружение и снаряжение и под видом учений перебросить её на Украину в район Белой Церкви, где занять рубеж: Белая Церковь, Смела, Черкассы. Передислокацию завершить до конца мая. Когда Конев поинтересовался, какая задача ставится армии, услышал вполне определённый и лаконичный ответ:

— Армия должна быть в полной боевой готовности, и в случае наступления немцев на юго-западном театре военных действий, на Киев, нанести фланговый удар и загнать немцев в Припятские болота.

С этим Конев и отбыл в Черкассы, где расположился штаб 19-й армии.

Следует заметить, что в этот период встречи Конева и Сталина были весьма редкими. Сталин следил за службой одного из перспективных своих генералов. Но пока не приближал. В журнале посещений Сталина в его кремлёвском кабинете за 1940 год Конев упоминается трижды. Все три визита приходятся на апрель. В 1941 году Конев был у Сталина всего один раз, 18 сентября, вместе с Шапошниковым и Василевским. Этот вызов в Кремль был связан с назначением его командующим войсками Западного фронта. Для сравнения: в 1942 году Конев посетил кремлёвский кабинет Сталина 14 раз. Верховный главнокомандующий стал в нём нуждаться именно тогда, когда на фронтах стало особенно худо, когда началось напряжённое противостояние, обмен мощными ударами, в ходе которых стало очевидным, что часть золотого довоенного генералитета для работы в условиях реальной войны попросту не годится. Именно во время подмосковного противостояния, Ржевского сражения, Сталинградской битвы Сталин оценил и начал выделять из генеральской шеренги Жукова, Конева, Рокоссовского, Ватутина. Но это произойдёт через год.

Войска перебрасывались в обстановке строжайшей секретности. Даже штаб Конева не располагал точной информацией о конечной цели манёвра на северо-запад, не говоря уже о дальнейших задачах. Уже под Белой Церковью в состав 19-й армии вошёл 25-й стрелковый корпус генерал-майора

Честохвалова. Войска вышли в указанные районы и расположились компактно в палаточных городках. «За три недели до начала войны, — не без гордости впоследствии вспоминал маршал Конев, — заранее отмобилизованная, вновь сформированная 19-я армия выдвигалась согласно директиве Генштаба на Украину. Хорошие были войска, как казаки, прекрасный русский народ, мужественные воины».

Восемнадцатого июня Конев прибыл в штаб Киевского военного округа, как он потом пояснил, «для того, чтобы сориентироваться в обстановке и решить целый ряд вопросов материально-технического обеспечения войск армии». Его армия не входила в состав Киевского Особого военного округа, а значит, и на довольствие её здесь надо было ещё устраивать.

К командующему округом генералу М.П. Кирпоносу Конев не попал. Ему сообщили, что тот болен. Беспокойство росло. А дальше я приведу цитату из воспоминаний маршала Конева. Она достаточно отчётливо характеризует обстановку неопределённости, осторожности и, в некоторой степени, растерянности, которая в те дни царила в штабе Киевского Особого военного округа. Никто не осмеливался брать на себя ответственность признать очевидное, чтобы принять все меры к недопущению того разгрома, который начнётся уже спустя трое суток. «Отправился к начальнику штаба М.А. Пуркаеву[24].

Я хорошо его знал ещё по Московскому военному округу, когда командовал 17-й дивизией, а он был заместителем начальника штаба Московского округа. Но, к сожалению, от него я не получил ясной картины обстановки. Тогда я направился к члену Военного совета Вашугину. Беседа носила дружеский характер, но узнать от него что-либо новое мне также не удалось. <…> Впоследствии я узнал, что в первые дни неудачных боёв на Юго-Западном направлении он покончил жизнь самоубийством. <…> Не прояснили ситуацию ни мой давний приятель, заместитель командующего войсками округа Всеволод Яковлев, с которым я вместе учился в Военной академии имени Фрунзе, ни генерал-майор А.И. Антонов, заместитель начальника штаба по материально-техническому обеспечению. И вот, проходя из кабинета в кабинет по коридорам и холлам прекрасного здания штаба Киевского военного округа <…>, я неожиданно столкнулся с полковником Иваном Христофоровичем Баграмяном. Он в то время был начальником оперативного отдела штаба округа и спешил на доклад к М.А. Пуркаеву. <…> Через полчаса, когда Иван Христофорович вернулся, мы вместе с ним в его кабинете заслушали донесение начальника разведотдела. Как только разведчик открыл карту юго-западной

границы округа, бросилась в глаза большая плотность условных знаков, нарисованных синим карандашом, а синим цветом, как известно, обозначают противника… Видно было, что на границе Советского Союза сосредоточивается большая немецкая группировка: моторизованные дивизии, корпуса, штабы, сосредоточение танков, авиации; на карте были зафиксированы и пролёты вдоль нашей границы немецких самолётов. Никаких сомнений быть не могло — это развёртывалась ударная группировка противника для наступления. Я задал Ивану Христофоровичу и начразведки один вопрос: “Знает ли об этом Москва, нарком обороны и Генеральный штаб?” — “Да, знает, — был ответ, — мы ежедневно докладывали об этом в Москву”. И добавил, что, видимо, завтра или послезавтра Военный совет и штаб округа выедут на передовой командный пункт в район Тернополя, будут там в полной боевой готовности.

У меня, как и у каждого военного, мог быть только один вывод: да, это война».

Конев срочно вернулся в штаб армии и отдал распоряжение о приведении войск в полную боевую готовность. Связался по телефону с начальником Генерального штаба Жуковым, доложил о том, что наблюдал в Киеве, и попросил разрешения срочно выехать в штаб округа в Ростов. Жуков выслушал его спокойно, выезд в Ростов разрешил, но предупредил, чтобы постоянно был на связи.

В Ростов Конев прибыл вечером 20 июня. Весь следующий день занимался делами округа. Выслушал доклады об обстановке на границе. Проанализировав информацию, отдал необходимые распоряжения для приведения войск в полную боеготовность. «В ночь на 22 июня, — вспоминал маршал, — находился у себя на квартире. В два часа ночи 22 июня раздался звонок по ВЧ. Жуков сообщил, что положение угрожающее, дал команду привести в готовность все средства противовоздушной обороны Ростова. “Командующим округа оставьте Рейтера, своего заместителя, а сами немедленно вылетайте в армию, быть там в полной боевой готовности”».

Рано утром, в четыре часа, Си-47 вылетел из Ростова и взял курс в сторону Черкасс. Видимость была плохой, начался сильный дождь. Пилот опасался потерять визуальную связь с землёй и пошёл на бреющем. На борту, кроме командующего, находились член Военного совета 19-й армии комиссар Шекланов и начальник особого отдела армии Королёв. Вскоре внизу показалась широкая лента Днепра, и пилот потянул вдоль реки.

Около пяти утра Конев был уже в штабе армии. Спросил у начштаба, знает ли он о том, что произошло на границе. Ни

начальник штаба, ни кто другой ещё не знали, что началась война. И Конев отдал приказ: боевая тревога! Спустя несколько минут доложил в Генштаб, что подразделения 19-й армии находятся в состоянии полной боевой готовности. «Весь первый день войны штаб армии получал информацию из Генштаба о положении на фронтах. Этот день прошёл для нас спокойно, противник не бомбил район расположения армии, кроме железнодорожного моста через реку Днепр. Видимо, сосредоточение 19-й армии не было установлено противником. На второй или третий день нарком обороны С.К. Тимошенко вызвал меня по ВЧ и приказал всей армии форсированным маршем следовать в район Киева. Поставил задачу: занять оборону по рубежу бывшего Киевского Ура, по реке Тетерев и далее по периметру этого укреплённого района».

В тот же день Конев прибыл в Киев с головной группой армейского управления и с удивлением обнаружил, что войск ни в Киеве, ни в укрепрайоне нет. Сам Киевский укрепрайон в весьма запущенном состоянии: ни вооружения, ни обеспечения. Особо важные объекты охранялись небольшим числом бойцов-резервистов. Конев не увидел у них даже винтовок. Когда головные колонны дивизий начали втягиваться в район Киевского Ура, Конева вызвали к ВЧ: звонил нарком обороны.

— Севернее, на Московском направлении, создалась угрожающая обстановка, — сказал Тимошенко. — Противник развивает наступление на Смоленск. Может ли ваша армия передвигаться бегом?

— В каком смысле, товарищ нарком? — спросил Конев.

— Срочно поворачивайте колонны в сторону погрузочных станций и перебрасывайте их на Западное направление — в районы Рудни, Орши, Смоленска. Как только управление армии прибудет на Западный фронт, лично получите дальнейшие указания в штабе фронта.

Никакого плана перевозки, никакого графика погрузки и движения. Конев знал, чем это могло закончиться. Но приказ есть приказ. Война рушила все правила, планы и расчёты.

В первые эшелоны Конев приказал погрузить управления дивизий, средства обеспечения, тыловые части. Главные силы пришлось отправлять к месту назначения по мере их подхода к станциям погрузок. Станциями погрузок были определены: Золотоноша, Дарница, Фастов. Немецкая авиация, следя за движением эшелонов, тут же накинулась на эти коммуникационные узлы, стараясь их разрушить и, таким образом, парализовать движение по железной дороге. Состав, в котором находилось полевое управление 19-й армии и сам

командующий, тоже был обстрелян парой истребителей. Произошло это на станции Рудня. К счастью, всё обошлось благополучно. Зенитки, установленные на открытых платформах, открыли ураганный огонь, и «мессершмитты» ушли.

Как только головные эшелоны закончили разгрузку, Конев отдал приказ начальнику штаба Рубцову выдвинуть полевое управление в район леса близ станции Рудня, а сам направился разыскивать штаб Западного фронта. Ясности не было. Где противник? Какой рубеж занимать дивизиям армии? Какая задача определена 19-й армии? Где соседи справа и слева?

Такой войны ни в штабах, ни в окопах не ожидали.

Глава одиннадцатая. ВИТЕБСК. ИЮЛЬ 1941-го

Ранним утром 9 июля 1941 года две штабные машины выехали из дачного посёлка Гнездово, что в нескольких километрах от Смоленска. Какое-то время они пробирались просёлком, маскируясь в зарослях придорожных ракит. Наконец, выехали на шоссе, миновали небольшой лес и помчались в сторону Витебска. В головной ЗИС-101 сидел генерал-лейтенант Конев.

Он прислушивался к дальним раскатам артиллерийской канонады, которая подкатывалась к городу с запада и северо-запада, и перебирал в памяти то, что увидел вчера и сегодня в Смоленске и в штабе фронта. Адъютант Лобов, сидевший рядом с водителем, время от времени беспокойно поглядывал в окно, щурился в прозрачную, будто умытую, синеву неба, ещё прохладную, пронизанную свежестью минувшей ночи, ловил в зеркало заднего обзора идущую следом машину командующего артиллерией генерала Камеры[25].

Судя по тому, что противник активизировался на Витебском и Оршанском направлениях, размышлял Конев, судьба «котлов» под Белостоком и Минском[26] решена. Тимошенко, конечно же, понимает всю сложность положения. Несколько часов назад в одной из просторных дач пригородного посёлка Гнездово, которую приспособили под штаб фронта, командующий войсками Западного фронта чётко и лаконично изложил задачу для 19-й армии:

— Соберите всё, что имеется под рукой, товарищ Конев, и отбросьте немедленно противника от Витебска. За Двину. С подходом армии организуйте устойчивую оборону в междуречье Западной Двины и Днепра. Вот здесь. — Тимошенко указал на карте полосу обороны, которую должна занять и в короткие сроки укрепить 19-я армия.

— У меня и дивизии-то нет, товарищ маршал, поэтому… Тимошенко поднял на командарма тяжёлый взгляд и сказал:

— Знаю. Одновременно подумайте, как лучше разгромить соединения Тридцать девятого корпуса немцев.

Приказ есть приказ. Спорить бессмысленно.

— Так точно, товарищ маршал, подумаю.

— И не только думайте, но и действуйте. Не теряйте времени. Ситуация на фронте меняется быстро. — И Тимошенко кивнул на запад, где не утихала ни на минуту канонада.

В приказе, полученном в штабе фронта, говорилось: «Развёртывание и сосредоточение соединений произвести в Яновичи, Добромысль, Турово, Малиновка не позднее 5 июля»{1}.

В Смоленске всю ночь полыхали пожары. Немецкие самолёты непрерывно бомбили железнодорожную станцию и другие объекты. Пожарные команды и бригады добровольцев тушили дома, заводские цеха, разбирали завалы, вытаскивали тела погибших — в основном детей и женщин.

На фронте дела складывались хуже некуда. Немцы, думал Конев, по всей вероятности, прервали оперативную паузу: «котлы» под Белостоком и Минском, возможно, уже ликвидированы, так что немецкие танки не сегодня завтра будут здесь.

19-й армии предстояло схватиться с XXXIX корпусом. Конев вспомнил очертания линии фронта, обозначенной на карте маршала синими и красными стрелками, и вдруг понял, что немцы, скорее всего, намереваются создать в треугольнике Витебск—Орша—Смоленск очередной «котёл». Вот в него-то и может угодить группировка армий резерва Ставки: 20-я, 21-я, 22-я и его 19-я.

После разговора с командующим фронтом он зашёл в оперативный отдел штаба Западного направления, где ему более подробно обрисовали картину на участке фронта, который передавался 19-й армии. Оборону под Витебском пока удерживал 26-й механизированный корпус. Но Конев знал, что, как только займут оборону его дивизии, корпус будет отведён в тыл, в резерв Ставки. Так что оставалось надеяться только на себя. В оперативном отделе его предупредили, что в пути необходимо соблюдать осторожность, немецкие самолёты патрулируют шоссе. И он подумал: шоссе в нашем ближнем тылу, а патрулирует его авиация противника… Многое было странным в этой войне, выходило за рамки той теории, которой они, от рядового бойца до генерала РККА, к тому времени владели, как им казалось, в совершенстве. Объяснение этому предстояло искать здесь, в полях под Витебском.

Теперь он смотрел в мутноватое окно своего ЗИСа, перебирал в мыслях номера дивизий, прикидывал, сколько времени понадобится для того, чтобы все 360 эшелонов с его 19-й армией смогли прибыть на место, разгрузиться и развернуться в боевой порядок. Пока прибыли 130…

— Воздух! — неожиданно прервал его мысли адъютант.

Водитель стал притормаживать, видимо, рассчитывая успеть развернуться и укрыться в лесу

В своих мемуарах И.С. Конев рассказал об этом эпизоде так:

«На командном пункте фронта я пробыл примерно около часа, а затем выехал двумя машинами в Витебск. Я — впереди, на ЗИС-101, за мной — командующий артиллерией генерал Камера. Как только мы выехали из леса на шоссе Смоленск-Витебск, нас сразу атаковала пятёрка “хейнкелей”. Они патрулировали шоссе. Я, шофёр Яковенко и адъютант Лобов едва успели выскочить в кювет, как вспыхнула и взорвалась машина. Все пожитки, походное обмундирование и снаряжение тут же сгорели. Видя, что самолёты противника делают второй заход, я сделал перебежку и залёг в кювете. Утро было замечательное, солнечное, раннее. Видимость изумительная. На зелёном фоне генеральские шевроны и красные лампасы были отчётливо видны. Самолёты сделали пике, пошли на новый заход…

Меня обдало комьями земли и оглушило. Я оказался между двумя воронками. Ранен я был легко, несколько мелких осколков попало в бедро. Адъютант Лобов был тяжело контужен, пришлось его тут же отправлять в госпиталь. Шофёр Яковенко, раненный в шею, остался в строю. Вот так началась моя служба на Западном фронте.

После обстрела, добыв полуторку, мы вместе с шофёром вернулись в штаб армии в Рудню, где я выслушал доклад начальника штаба Рубцова. Затем с группой офицеров и членом Военного совета Шекланoвым снова выехал в Витебск, чтобы разобраться в обстановке и установить связь с генералом Е.А. Могилевчиком».

Генерал-майор Евдоким Андреевич Могилевчик командовал 69-м стрелковым корпусом. В него входили: 153-я стрелковая дивизия полковника Н.А. Гагена, 229-я стрелковая дивизия генерал-майора М.И. Козлова и 233-я стрелковая дивизия полковника Г.Ф. Котова. Дивизии окопались на участке фронта от Витебска до Орши. На тот период корпус подчинялся штабу 20-й армии генерал-лейтенанта П.А. Курочкина. Армия держала оборону от Могилёва до Витебска. Северным её соседом была 22-я армия, в которую входил 62-й стрелковый корпус, 174-я и 186-я стрелковые дивизии. Командовал 22-й армией генерал-лейтенант Ф.А. Ершаков. Она занимала оборону на участке от Витебска на север до Дриссы (ныне Верхнедвинск).

Корпуса и дивизии 19-й армии по решению Ставки должны были образовать второй эшелон обороны фронта на участке Невель—Витебск—Орша—Могилёв. В армию генерала Конева входили: 34-й стрелковый корпус (38-я, 129-я, 158-я, 171-я стрелковые дивизии из районов Черкассы, Белая Церковь); 25-й стрелковый корпус (127-я, 134-я, 162-я стрелковые дивизии и 394-й корпусной артиллерийский полк из районов Ржищев,

Золотоноша, Лубня); 67-й стрелковый корпус (102-я, 132-я, 151-я стрелковые дивизии из района Корсуня) и 25-й механизированный корпус (50-я и 55-я танковые дивизии и 219-я мотодивизия из районов Тараща, Стеблев, Богуслав). Судьба этих дивизий сложится по-разному. Некоторые прославят в боях знамёна своих полков и имена командиров, получат звания гвардейских и дойдут до Победы. Другие будут разбиты и прекратят своё существование. Третьи, тоже разбитые, будут отведены во второй эшелон, пополнятся маршевыми ротами и батальонами и снова отправятся на передовую. Одна из них попадёт в окружение под Витебском уже через несколько недель, пять других — в октябре окажутся в гигантском «котле» под Вязьмой и разделят судьбу десятков других советских дивизий.

Ещё 25 июня армиям второго эшелона согласно директиве Ставки предписывалось:

«а) обрекогносцировать и приступить к подготовке оборонительного рубежа главной полосы обороны по линии Сущево, Невель, Витебск, Могилёв, Жлобин, Чернигов, р. Десна, р. Днепр до Кременчуга.

б) быть готовым по особому указанию Верховного командования к переходу в контрнаступление…»

19-ю общевойсковую армию на фронте называли казачьей. Поскольку Конев формировал её сам, то хорошо знал командиров корпусов, дивизий и полков. Рядовой состав в основном призывался из казачьих станиц. Годы спустя, после войны, уже будучи маршалом, Конев с благодарностью будет вспоминать свою 19-ю: *«…казаки, прекрасный русский народ, мужественные воины…»*

Итак, Конев, имея приказ комфронта контратаковать противника, со своим штабом срочно выехал в Витебск. Войска тем временем всё ещё находились в пути. Не так-то просто перебросить на расстояние даже в сто—двести вёрст такое количество живой силы, вооружения, снаряжения, техники, лошадей, боеприпасов и продовольствия.

За несколько дней до этого немецкий генерал-полковник Гот, командующий войсками 3-й танковой группы, поставил задачу: LVII моторизованному корпусу овладеть Полоцком, XXXIX — Витебском. В авангарде моторизованного корпуса, нацеленного на Витебск, шла 7-я танковая дивизия. Вторым эшелоном двигалась 20-я танковая дивизия.

Под Лепелем немцев остановили курсанты Лепельского артиллерийско-миномётного училища, Виленского пехотного училища, пограничники и артиллеристы 193-го противотанкового дивизиона. Бой длился почти сутки. В ночь на 3 июня курсанты

взорвали мост через реку Уллу и отошли восточнее.

Три дня удерживала яростные атаки немецкой 20-й танковой дивизии 50-я стрелковая дивизия. Во время боя пропал без вести командир дивизии генерал-майор В.П. Евдокимов. Остатки дивизии отошли к Витебску. Немецкую 7-ю танковую дивизию западнее Бешенковичей остановила 153-я стрелковая дивизия. Гот в своих мемуарах потом вспоминал: «7-я танковая дивизия имела задачу внезапным ударом с ходу овладеть Витебском. Но сначала в районе Бешенковичи, а затем в районе севернее Дубровки она натолкнулась на сопротивление противника. По-видимому, южнее Витебска силы противника значительны, в связи с чем продвижение здесь приостановлено и может быть возобновлено лишь после обхода города с севера…»

В боестолкновение с противником вошли войска первого эшелона. 6 июля в контратаку пошли советские механизированные корпуса. 7-й из района Бешенковичей и 5-й из района Орши. Нацелены они были на Лепель. Одновременно в том же направлении авиаудар нанесли бомбардировочные и штурмовой полки. Началось танковое сражение. Исход его для наших танковых частей оказался трагичным. Немцы, уступавшие по количеству танков, но обладавшие хорошей манёвренностью, быстро поняли замысел нашего командования, выставили мощную противотанковую оборону, выбили танки и сразу же контратаковали. В результате: тяжёлые потери в людях и технике, целые дивизии оказались отрезанными от тылов. Конечная цель атаки — Лепель — так и осталась где-то за лесом, за полем, за рекой…

Противник, между тем, быстро провёл частичную перегруппировку и снова начал атаковать.

Конев с офицерами своего штаба продолжал путь по шоссе в сторону Витебска. Вскоре встречный поток беженцев и бегущих в тыл бойцов разбитых частей стал настолько плотным, что водитель заглушил мотор. Вода в радиаторе закипала от частых остановок и пережидания. «Движение наших машин в направлении Витебска, — как впоследствии вспоминал маршал, — совершенно исключалось. Шоссе было забито. Я решил с офицерами штаба навести на шоссе порядок, дал команду всех военных задержать, организовывать подразделения пехоты, отдельно собирать артиллеристов, танкистов и направлять всех обратно к Витебску. К моему удивлению, от Витебска в сторону Рудни двигались даже танки — несколько тяжёлых КВ и несколько Т-26».

«К моему удивлению…» — это, конечно, слишком мягко сказано, не по-коневски. Хотя, возможно, годы смягчили крутой

характер генерала и маршала Великой Отечественной войны, которого по твёрдости натуры и напористости в достижении поставленной цели часто сравнивают с Г.К. Жуковым. Их всегда ставят в один ряд. И по праву. Да и судьба их слишком часто, и в довольно сходных обстоятельствах, сводила вместе. Одного в народе называют Маршалом Победы. Другого — Солдатским Маршалом. И то и другое определения верны. И то и другое — имеют свою глубинную историю и своё нравственное обоснование. Спорить с этим, конечно же, можно сколько угодно, и спорщиков на сём поприще у нас предостаточно, но вот опрокинуть народное признание, народную любовь, в чём-то, может быть, завышенную, пожалуй что, невозможно. Миф всегда выше и прекраснее своего героя, исторической правды и тех обстоятельств, в которых герой действовал и прославился. Но именно в этом, не поддающемся логике, а порой и здравому смыслу, и кроется суть мифа как исторического жанра! Миф постепенно отделяется от телесной оболочки своего первоисточника и существует уже в ином измерении, в иной памяти. Эта память не оценивается ни достоинством медалей, ни качеством и величиной рубинов и алмазов в орденах, ни количеством названных именем героя мифа улиц, ни величиной материальных памятников в виде монументов. Миф не нуждается в документальном подтверждении. И потому неуязвим. Он абсолютен и совершенен в самом своём существовании. Потому что созидается самим народом на прочной нравственной основе. И нет постамента прочнее.

Конечно, это невольное попутное отступление в полной мере не относится к герою нашего повествования. Хотя легенды о Коневе уже живут. А они-то и служат основой будущего мифа.

Можно представить себе, какие чувства в душе всколыхнулись, когда командарм увидел толпы бегущих бойцов и командиров. И тут уж пистолет сам собой вылетел из генеральской кобуры.

«Особенно странно было видеть отступающие танки новых образцов. Три таких танка двигались на Рудню якобы на ремонт. Буквально угрожая оружием (просунув револьверы в люки механиков-водителей), мы остановили эти танки, кстати, они оказались исправными, и взяли их под контроль. Таким путём удалось к вечеру собрать около батальона пехоты, батарею 85-мм зенитных орудий и батарею 122-мм пушек армейской артиллерии».

Что ж, война есть война. На ней слабовольные бегут от тех, чья воля твёрже. Бегущие гибнут чаще, а потомки лишь многие годы спустя начинают находить нравственное оправдание их

смерти. Долг и жалость начинают свой трудный спор, и второе зачастую становится первым…

Вскоре в штат стрелковых дивизий введут заградотряды, чтобы командирам и политработникам не останавливать бегущие войска, «просунув револьверы в люки механиков-водителей». И генералам незачем будет стоять на дорогах, ведущих в тыл, и, срывая голос, останавливать своих дрогнувших солдат. Заградотряды будут выполнять свою миссию жестокой необходимости более эффективно. Солдаты знали: командира с пистолетом в руке можно обежать стороной, а заградотряд, который перехватывал позади обороняющихся войск все дороги, перекрёстки и тропы, вряд ли обойдёшь. Правда, как свидетельствуют недавно рассекреченные документы, чаще всего заградотрядам придётся всё же драться на передовой, а не стрелять в своих, как это нам пытались внушить совсем недавно с экранов телевизоров прославленные наши режиссёры.

«Подойдя к Витебску с востока, мы увидели пожары в отдельных местах. К западу от Витебска никакого движения не обнаруживалось. По всем признакам Витебск не был немцами занят, а пожары возникли при отходе наших войск. Из здания обкома партии валил густой дым, не могло быть и речи о том, чтобы связаться по ВЧ со штабом Западного фронта и доложить обстановку. На центральной площади я увидел людей. Окликнул. Оказалось, что это остатки 37-й Горьковской стрелковой дивизии, которая была разбита в приграничном сражении. Уцелел в этой битве работник штаба майор Рожков с группой тыловиков. Он прибыл на грузовой машине в Витебск и, обнаружив, что войск в городе нет, сформировал из местных жителей-осоавиахимовцев роту и приказал ей занять мост через Западную Двину, а сам остался организовывать оборону в центре города.

Нужно отдать должное бесстрашному майору… Он всерьёз решил оборонять город и даже разведку организовал. Когда посланные мной офицеры к утру прибыли в Витебск, Рожков доложил, в частности, что к рассвету немцы подошли к Витебску и пытаются форсировать Западную Двину. Часть войск неприятеля — подвижные механизированные и танковые подразделения — по западной стороне реки проследовали к северо-западу.

К сожалению, удержать Витебск не удалось».

Обстановка складывалась таким образом, что судьба Витебска решалась не в городе. Хотя и город оставлять без боя было и бессмысленно, и стыдно. Очевидно, маршал, когда обдумывал свои мемуары, это прекрасно понимал. Но не мог он, в тот момент генерал без армии, вспоминая горькие дни 1941-го,

просто написать: *«…удержать Витебск не удалось».*

Если верить памяти Конева, а не верить у нас нет никаких оснований, всю ночь с 9 на 10 июня он с офицерами штаба провёл на одном из холмов на восточной окраине города. Командарм надеялся, что вот-вот подойдут прибывшие части его армии. И тогда немцев, которые замешкались перед мостом через Западную Двину, можно будет контратаковать.

Радист постоянно выходил на связь. Новости были неутешительными. Основная часть войск армии всё ещё находилась в пути. Однако в район Лиозно прибыла 220-я мотострелковая дивизия. Командарм отдал приказ командиру дивизии форсированным маршем двигаться в направлении Витебска. И вот к полуночи в тылу послышался рокот танковых моторов. Конев увидел, как беспокойно закрутили головами автоматчики охраны. Беспокойство было понятным: не обошёл ли их противник, что-то подозрительно затих правый берег. Вскоре прибыл офицер связи и доложил:

— Товарищ командующий, прибыл танковый батальон и артполк двести двадцатой дивизии.

Командарм с офицерами штаба сразу же начал готовить прибывшие подразделения к атаке. Из города прибежал связной от майора Рожкова: сводная рота 37-й стрелковой дивизии и витебских добровольцев смята атакой противника, немцы заняли аэродром и приближаются к западной окраине Витебска. Майор Рожков не мог удержать авангарды 20-й танковой дивизии противника, но дело своё сделал: задержал немцев до подхода основных сил, дал время на то, чтобы развернуть боевые порядки.

В 1945-м в беседе с Борисом Полевым Конев снова вспомнил того небритого злого майора, окопавшегося со своей ротой у моста через Западную Двину.

— Потерял я тогда из виду того майора Рожкова. Простить себе не могу. Фамилию его запомнил, а имени и отчества не знаю. Узнавал потом, наводил справки. Нет, затерялись его следы. А жаль, очень жаль. Достойный офицер. А главное, в этой дивизии я когда-то полком командовал. Эх, какой был полк!..

Этот внезапно появившийся в Витебске майор Рожков, как собирательный образ русского офицера, который принял решение стоять до конца, должно быть, преследовал Конева все четыре года войны. Как будто сам капитан Тушин сошёл со страниц толстовского романа «Война и мир» и в Витебске вышел навстречу командующему 19-й армией генерал-лейтенанту Коневу, чтобы укрепить его дух.

И здесь уместно вновь обратиться к мемуарам маршала.

«Город и вся прилегающая местность были мне прекрасно

видны. Начали подходить части 220-й дивизии. Я принял решение развернуть дивизию, включив в неё собранные на шоссе подразделения. <…> Головные части 220-й дивизии, танковый батальон (танки Т-26), а также артиллерийский полк расположились по шоссе, ведущему на Смоленск.

Я поставил задачу — взять Витебск, закрепиться по реке Западная Двина с тем, чтобы преградить немцам путь по шоссе. Оно имело очень важное оперативное значение. Приказал развернуть артиллерию, произвёл разведку. Одна из батарей развернулась на высотке, где я сам находился. Артиллеристы вскоре начали пристрелку по немецким батареям, которые вели огонь с северо-западной окраины Витебска. Немцы тотчас же открыли ответный огонь. Первый снаряд — перелёт, второй — недолёт. Говорю командиру батареи: “Дорогой друг, имей в виду, направление немцы выбрали правильное, следующий удар будет по вашему наблюдательному пункту”. Приказываю ему сейчас же сместиться вправо или влево, изменить положение, потому что немец накроет, попали в вилку. А сам кубарем метров на пятьдесят откатился в ложбинку. И вот немцы дают следующую очередь — беглым несколько снарядов — прямо по наблюдательному пункту, по стереотрубе, телефонам и по самому командиру батареи. От него ничего не осталось, от наблюдателя тоже.

Далее мне самому пришлось командовать этой батареей, вести огонь по немецким орудиям, пока не прибыл командир дивизиона…»

Пора отступить на некоторое расстояние от витебских событий июля 1941-го и немного порассуждать о следующем.

Читая воспоминания полководцев и солдат, исследования историков и расследования исторических публицистов, порой наталкиваешься на эпизоды, в которых рассказывается о том, что некоторые генералы и старшие офицеры боялись одного духа передовой и запаха пороха. Не стану называть имён, цель настоящей книги иная. Скажу лишь, что ни у одного из авторов не обнаружил ничего подобного в рассказах о Коневе. О нём написано много. Писали об этом полководце в своих воспоминаниях и друзья, боевые товарищи, и недруги. И много чего о нём порассказали. К этому мы ещё вернёмся. Но в отсутствии храбрости, которой должен обладать солдат на войне, в недостатке твёрдости, решительности и умении владеть собой в самых крайних обстоятельствах его не упрекнул никто.

Фрагменты воспоминаний маршала приводятся из книги «Записки командующего фронтом». (М.: Военное издательство, 1991). Следует отметить, что первоначально 1941 год в его

«Записках…» начинался более поздним периодом, а именно, серединой сентября, когда Конев был назначен командующим войсками Западного фронта. А витебские страницы были надиктованы в 1972 году. Они вошли в посмертное издание первой книги его мемуаров.

Мемуары Конева отличаются точностью деталей, живостью эпизодов. Сдержанностью. Нет в них вольности размышлений. Правда, историки не раз упрекали маршала в забывчивости. Так что, как и в любых других мемуарах, вольности в них тоже есть. Собеседник он, видимо, был хороший. Вспоминал масштабно, словно разрабатывал очередную армейскую или фронтовую операцию, легко брал тему и, не рассеиваясь на мелочи, вёл её к финалу. Но для беседы ему требовалась хорошая компания. С ним любили встречаться писатели. Должно быть, и он их любил.

Под Витебском в июле 1941-го Коневу пришлось побывать и комбатом, и истребителем танков. Выжить в буквальном смысле слова помогли навыки, полученные когда-то в артиллерийской батарее.

Витебское сражение продолжалось. Командующий 20-й армией генерал-лейтенант Курочкин вновь и вновь бросал свои войска на Лепель. Но 5-й и 7-й мехкорпуса были обескровлены настолько, что продолжать наступление уже не могли. На северном крыле оборонительного рубежа наступило затишье. Механизированные корпуса, на которые возлагались основные надежды, остановить дальнейшее продвижение немецких войск вглубь страны не смогли, сами же были настолько истрёпаны, что выводились из боя. Иногда это были жалкие остатки, чудом избежавшие окружения и полного разгрома.

Именно в этот период в дело вступила 220-я мотострелковая дивизия.

В три часа ночи, согласно приказу Конева, части дивизии атаковали немцев в левобережной части города. Через несколько часов боя противник был потеснён до аэродрома и пригородной деревни Улановичи. Два батальона 653-го мотострелкового полка форсировали реку и высадились на правом берегу Северной Двины, которая делит город на две части.

К исходу дня 10 июля дивизия генерал-майора Хоруженко[27] вместе с подразделениями только что прибывшего 25-го корпуса форсировала Западную Двину и продвинулась на несколько километров вперёд. Однако в районе Городка они наткнулись на встречную атаку немецкой 18-й мотодивизии и вынуждены были отойти. На следующий день Конев читал донесение командира 220-й дивизии. Оно наиболее полно характеризует драматизм витебского противостояния.

«К вечеру под давлением превосходящих сил противника батальоны отошли на восточный берег. В первый день дивизия понесла большие потери. 11 июля ночью дивизия занимала рубеж по восточному берегу реки.

811-й стрелковый полк (сосед) отошёл в лес, открыв фланг дивизии, вечером и ночью были попытки самовольного ухода бойцов с боевых позиций.

В первый день боя убит командир 137-го танкового полка подполковник Смирнов.

Подполковник Савинов был отстранён от должности командира 673-го полка за невыполнение задачи — взятия аэродрома. Командиром полка назначен полковник Вронский».

Герман Гот в своих мемуарах спустя годы напишет: «Форсирование Западной Двины на участке между Бешенковичами и Уллой тремя дивизиями XXXIX танкового корпуса, а также овладение Витебском имели решающее значение для всей операции…»

А вот какие записи сделал в тот день начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии (ОКХ) Франц Гальдер: «11 июля 1941 года, 20-й день войны. Обстановка на фронте: <…> Имеющиеся сведения о противнике позволяют заключить, что на его стороне действуют лишь наспех собранные части. Установлено, что отошедшие остатки разбитых дивизий были поспешно пополнены запасниками (частью необученными) и немедленно снова брошены в бой. В Невеле создан большой сборный пункт по формированию маршевых батальонов из остатков разбитых частей, откуда в дивизии, действующие на фронте, направляются совершенно неорганизованные массы людей без офицеров и унтер-офицеров. Учитывая это обстоятельство, становится ясным, что фронт, в тылу которого уже нет никаких резервов, не может больше держаться. Создание противником новых высших штабов (штабы армий), без сомнения, означает попытку избежать полного развала и сохранить по крайней мере костяк армии с помощью энергичных командных инстанций. Эти вновь созданные штабы никак не могут взять в свои руки управление войсками и посылают в эфир отчаянные радиограммы, пытаясь установить связь со своими дивизиями. Я не разделяю мнения о том, что противник перед фронтом группы армий “Центр” отходит…»

И в тот же день новая запись: «Танковая группа Гота отразила в районе Витебска яростные контратаки противника с юго-востока. Южнее Витебска 12-я и 7-я танковые дивизии, преодолевая сопротивление противника, вышли к шоссе Орша — Витебск. На северном фланге танковой группы Гота наши войска,

переправившиеся через Западную Двину, ведут бои с противником, стремясь выйти на оперативный простор». И буквально на следующий день Гальдер делает такую запись: *«Главком* вызвал меня по телефону. Фюрер не доволен медленным продвижением войск правого крыла группы армий “Север” и требует направить 19-ю танковую дивизию на север с целью окружения противника.

Я заявил главкому следующее. Я вовсе не придерживаюсь мысли о необходимости ускорить наступление 2-й и 3-й танковых групп в Восточном направлении. Мне представляется, что Готу наверняка придётся направить значительную часть своих сил на север, чтобы ударить в тыл вновь появившейся 19-й армии и невельской группе…»

Тон записей начальника Генштаба сухопутных войск Германии, как мы видим, заметно меняется. Сказывается явное осложнение ситуации под Витебском.

Буквально накануне немцы захватили секретные документы, которые, наконец, открыли перед ними реальную картину и расстановку сил на Витебско-Смоленском направлении. Командующий группой армий «Центр» в своём дневнике, недавно опубликованном на русском языке, записал: «12/7/41. Захваченный секретный пакет открыл нам глаза на то, что русские подтянули к фронту ещё одну армию в составе шести дивизий, включая танковую, и бросили их в бой в районе Витебска. Из этого следует, что противник собирается удерживать свои позиции на Днепре: взятый в плен лётчик подтвердил эти сведения». А вот запись Гальдера по поводу этого же эпизода: «На основании захваченного русского приказа установлено, что восточнее Витебска выгрузилась новая 19-я русская армия в составе шести дивизий. Дивизии, номера которых перечислены в приказе, действовали прежде перед фронтом группы армий “Юг”. Приказ датирован 8.7. В нём говорится об организации противовоздушной обороны в районе выгрузки войск».

Командующий 3-й танковой группой генерал Гот по поводу истории «захваченного русского приказа» в своих воспоминаниях, написанных после войны и отбытия срока в тюрьме, рассказывает более подробно: «Сведения о противнике продолжали уточняться. Из приказа, найденного у одного пленного русского офицера-зенитчика, стало известно, что в Витебске и к востоку от него выгружается 19-я армия русских в составе шести дивизий, прибывших с юга России, с задачей обеспечить оборону узкого, ограниченного с юга Днепром и с севера Западной Двиной участка между Оршей и Витебском. XXXIX танковому корпусу удалось прорваться к местам выгрузки дивизий противника. По

данным воздушной разведки, на железнодорожных станциях восточнее Смоленска и Невеля образовались большие скопления поездов, так как многие эшелоны не могли своевременно разгрузиться».

Тем временем, не дожидаясь подхода основных сил своей армии и уже понимая, что, по всей вероятности, её так и не удастся собрать воедино и развернуть фронтом лицом к противнику, Конев действовал, опираясь на те силы, которыми располагал на тот момент. Частями 220-й стрелковой дивизии и другими подразделениями прибывавшего 25-го стрелкового корпуса прикрыл шоссе на Смоленск, откуда продолжали идти к фронту его войска. Одновременно из последних сил удерживались позиции в самом городе. Армия запаздывала с сосредоточением и развёртыванием в боевой порядок. И это грозило тем, что противник, прорвав оборону и выйдя на оперативный простор, мог смять колонны полков и дивизий ещё на марше. Дивизии вынуждены были вступать в бой там, где их застал противник. Запись Гальдера, приведённая выше, по поводу того, что «вновь созданные штабы» русских «посылают в эфир отчаянные радиограммы, пытаясь установить связь со своими дивизиями», судя по всему, основана на донесениях службы радиоперехвата. Немецкая радиоразведка, которая, как известно, работала довольно эффективно весь период войны, перехватывала радиограммы передатчика штаба 19-й армии. Штарм запрашивал в эфир местонахождение частей и дивизий, переподчинённых ему буквально в последние часы. Большинство из них так и не отозвались.

К примеру, 25-му стрелковому корпусу, который включал в себя три дивизии и согласно приказу командующего должен был занять оборону в районе Городок, озеро Лосвидо, Слобода, Будница, Борок, придавалась ещё 186-я стрелковая дивизия. Однако ни командир корпуса генерал-майор С.М. Честохвалов, ни сам Конев так и не установили с ней связь. То же самое произошло со 153-й и 50-й стрелковыми дивизиями. 38-я стрелковая дивизия прибыла только 16 июля, уже под Ярцево, куда к тому времени отошли остатки 19-й армии — та её истаявшая в непрерывных боях часть, которая избежала окружения или смогла вырваться из кольца.

Но пока ещё в районе Витебска армия твёрдо стояла на своём рубеже, а отдельные её подразделения атаковали вперёд. 501-й полк 162-й стрелковой дивизии после ночного марша с ходу вступил в бой и выбил противника из района Улановичей и с северной окраины Витебска. Одновременно части 134-й стрелковой дивизии успешно переправились на правый берег

Западной Двины.

Противник отреагировал мгновенно. В небо были подняты эскадрильи пикирующих бомбардировщиков Ю-87. Они мощно обработали порядки наступавших и вскоре обратили их в бегство. Такое, особенно в начале войны, с нашими войсками происходило часто. Ветераны, вспоминая фронт, признавались, что многие стороны войны они постигли непосредственно на передовой, ко многому привыкали, но только к одному невозможно было привыкнуть — к бомбёжке пикирующих бомбардировщиков.

Заместителем командира 25-го стрелкового корпуса генерал-майора Честохвалова в то время был комбриг Александр Васильевич Горбатов[28], которого война ещё вынесет своим непредсказуемым течением в первые ряды советских боевых командиров. Он напишет интересные, честные воспоминания — прекрасный образец мемуарной литературы о Великой Отечественной войне.

В 1964 году главный редактор «Нового мира» А.Т. Твардовский будет публиковать их на страницах своего журнала. «Какая судьба! Какой нравственный человек!» — скажет он об авторе. Выход книги генерала Горбатова «Годы и войны» (название дал Твардовский) в Воениздате в 1965 году станет событием и в общественной, и в военной мысли, и в литературе.

«Однажды утром, — спустя годы писал генерал Горбатов, — я услышал далёкую канонаду в стороне Витебска, обратил на неё внимание командира корпуса и получил разрешение поехать для выяснения обстановки. На шоссе я встретил небольшие группы солдат, устало бредущих на восток. Получая на вопросы: “Куда? Почему?” — лишь сбивчивые ответы, я приказывал им вернуться назад, а сам ехал дальше. Всё больше видел я военных, идущих на восток, всё чаще останавливался, стыдил, приказывал вернуться. Предчувствуя что-то очень нехорошее, я торопился добраться до командира полка: мне надоело останавливать и спрашивать солдат — хотелось поскорее узнать, что здесь случилось.

Не доехав километра три до переднего края обороны, я увидел общий беспорядочный отход по шоссе трёхтысячного полка. В гуще солдат шли растерянные командиры различных рангов. На поле изредка рвались снаряды противника, не причиняя вреда. Сойдя с машины, я громко закричал: “Стой, стой, стой!” — и после того, как все остановились, скомандовал: “Всем повернуться кругом”. Повернув людей лицом к противнику, я подал команду: “Ложись!” После этого приказал командирам подойти ко мне. Стал выяснять причину отхода. Одни отвечали, что получили команду, переданную по цепи, другие отвечали: “Видим, что все отходят, начали отходить и мы”. Из группы

лежащих недалеко солдат раздался голос: “Смотрите, какой огонь открыли немцы, а наша артиллерия молчит”. Другие поддержали это замечание.

Мне стало ясно, что первой причиной отхода явилось воздействие артогня на необстрелянных бойцов, второй причиной — провокационная передача не отданного старшим начальником приказа на отход. Главной же причиной была слабость командиров, которые не сумели остановить панику и сами подчинились стихии отхода.

В нескольких словах разъяснив это командирам, я приказал им собрать солдат своих подразделений и учесть всех, кто отсутствует.

— Если у вас окажутся солдаты из других подразделений, подчините их себе, запишите фамилии. И немедленно окапывайтесь на этой линии!

Одного из комбатов я спросил, где командир полка. Получил ответ: утром был в двух километрах отсюда в сторону Витебска, слева от шоссе, а теперь — неизвестно. Я проехал ещё километра полтора вперёд, дальше пошёл пешком. Ни справа, ни слева не было никого. Наконец я услышал оклик и увидел военного, идущего ко мне. Это был командир 501-го стрелкового полка Костевич; из небольшого окопчика невдалеке поднялись начальник штаба полка и связной-ефрейтор. На мой вопрос командиру полка: “Как вы дошли до такого положения?” — он, беспомощно разведя руками, ответил: “Я понимаю серьёзность случившегося, но ничего не мог сделать, а потому мы решили здесь умереть, но не отходить без приказа”.

На его груди красовались два ордена Красного Знамени. Но, недавно призванный из запаса, он был оторван от армии много лет и, по-видимому, совершенно утратил командирские навыки. Верно, он действительно был способен умереть, не покинув своего поста. Но кому от этого польза? Было стыдно смотреть на его жалкий вид.

Понимая, что о возвращении полка на прежнюю позицию нечего и думать, пригласил командиров идти со мной, посадил их в машину и привёз в полк. Указал Костевичу место для его НП, посоветовал, как лучше расположить батальоны и огневые средства. Приказал разобраться в подразделениях и установить связь с НП батальонов. В лесу, справа от шоссе, я нашёл корпусной артиллерийский полк и обнаружил, что его орудия не имеют огневых позиций, а у командиров полка, дивизионов и батарей нет наблюдательных пунктов. Собрав артиллеристов, пристыдил их и дал необходимые указания, а командира артиллерийского полка связал с командиром стрелкового полка

Костевичем и установил их взаимодействие. Кроме того, Костевичу приказал выслать от каждого батальона взвод в боевое охранение, на прежнюю линию обороны, а командиру артиллерийского полка произвести пристрелку.

Возвратившись, доложил подробно командиру корпуса о беспорядке в передовых частях, но, к своему удивлению, увидел, что на него это произвело не больше впечатления, чем если бы он услышал доклад о благополучной выгрузке очередного эшелона… Такое отсутствие чувства реальности меня удивило, но не обескуражило. Я решил действовать сам. Переговорил с командиром 162-й стрелковой дивизии, спросил его — знает ли он о случившемся в подчинённом ему 501-м стрелковом полку? Он не знал. Пришлось обратить его внимание на ненормальность положения, когда я ему докладываю о подчинённых ему частях, а не он мне. Вызвал к себе командующего артиллерией корпуса и спросил его: где находится и что делает корпусной артполк? Он ответил, что артполк стоит на огневой позиции за обороняющимся 501-м полком 162-й дивизии на Витебском направлении.

— Уверены вы в этом?

— Да, мне так доложили, — промолвил он уже с сомнением в голосе.

— Вам должно быть очень стыдно. Вы не знаете, в каком положении находится непосредственно подчинённый вам корпусной артполк. Нечего и говорить, что вы не знаете, как выполняют артиллерийские полки дивизии свою задачу. А вам положено контролировать работу всей артиллерии корпуса!

Командир корпуса слышал мои разговоры, но не вмешивался в них.

После 13 часов снова послышалась канонада с того же направления. Позвонил командиру 162-й стрелковой дивизии, спросил его, слышит ли он стрельбу, а если слышит, то почему он ещё не выехал в 501-й стрелковый полк. Не ожидая ответа, я добавил:

— Не отвечайте сейчас. Доложите мне обо всём на шоссе, в расположении пятьсот первого стрелкового полка, я туда выезжаю.

На этот раз не было видно отходящих по шоссе групп, хотя снаряды рвались на линии обороны полка. Я уже льстил себя надеждой, что полк обороняется, и подумал: оказывается, не так много нужно, чтобы полк начал воевать! Но, внимательно осмотрев с только что прибывшим командиром дивизии участок обороны, мы присутствия полка нигде не обнаружили. Комдив высказал два предположения: первое, что полк, возможно, хорошо

замаскировался, и второе — что полк занял свою прежнюю позицию, в трёх километрах впереди. Решили оставить машины на шоссе и пошли вперёд по полю к редкому берёзовому перелеску. Когда мы, пройдя около километра, стали подниматься на бугор, сзади раздались один за другим три выстрела и мимо нас прожужжали пули.

— Вероятно, наша оборона осталась сзади, — сказал мой адъютант. — Они думают, что мы хотим сдаться противнику, вот и открыли по нам огонь.

Мы вернулись и пошли на выстрелы. Нам навстречу, как в прошлый раз, поднялся из окопчика командир полка Костевич, а за ним верные ему начальник штаба и ефрейтор.

— Это мы стреляли, — сказал командир полка смущённо. — Не знали, что это вы.

Он доложил, что полк снова отошёл, как только начался артобстрел. “Но не по шоссе, а вон по той лощине, лесом”. Костевич невнятно оправдывался, уверяя, что не мог заставить полк подчиниться его приказу. На этот раз я оставил его на месте, пообещав возвращать к нему всех, кого догоним.

По лощине пролегала широкая протоптанная полоса в высокой и густой траве — след отошедших. Не пройдя и трёхсот шагов, мы увидели с десяток солдат, сушивших у костра портянки. У четверых не было оружия. Обменявшись мнением с командиром дивизии, мы решили, что он отведёт эту группу к Костевичу, потом вызовет и подчинит ему часть своего дивизионного резерва, чтобы прикрыть шоссе, а я с адъютантом поеду по дороге и буду возвращать отошедших.

Вскоре мы стали догонять разрозненные группы, идущие на восток, к станциям Лиозно и Рудня. Останавливая их, я стыдил, ругал, приказывал вернуться, смотрел, как они нехотя возвращаются, и снова догонял следующие группы. Не скрою, что в ряде случаев, подъезжая к голове большой группы, я выходил из машины и тем, кто ехал впереди верхом на лошади, приказывал спешиваться. В отношении самых старших я переступал иногда границы дозволенного. Я сильно себя ругал, даже испытывал угрызения совести, но ведь порой добрые слова бывают бессильны.

В тот же день командир 162-й стрелковой дивизии доложил, что вызванным батальоном прикрыл шоссе и укрепил этот участок силами возвратившихся групп…»

Приведённые выше воспоминания в то время заместителя командира 25-го стрелкового корпуса комбрига Горбатова прекрасно характеризуют обстановку в окрестностях Витебска на линии обороны дивизий 19-й армии. 501-й стрелковый полк,

который бросал свои позиции при первых разрывах снарядов противника… А ведь это тот самый полк, который с марша в первую же ночь, когда в Витебск вступили авангарды 20-й танковой дивизии генерал-майора Ганса Цорна, по приказу Конева успешно контратаковал и очистил от противника северный район Витебска и Улановичи, а затем переправился на правый берег Западной Двины. На рассвете налетели немецкие пикировщики. Батальоны не выдержали и начали отход. Отход пехоты, сопровождаемый налётами самолётов противника, при том, что собственная авиация, как непременный фактор прикрытия с воздуха, в небе не появилась вообще, — такой отход быстро превращается в бег. И остановить его, как свидетельствует комбриг Горбатов, не так-то просто.

Вот что такое 1941 год. Вот кто такие командиры 1941 года. Были среди них те, кто шёл вместе с солдатами, не только оправдывая их драп, но и отнимая надежду вообще выбраться к своим. А были и другие, кто останавливал поддавшихся панике и поворачивал их назад, возвращал бегущих не только к брошенным позициям, но и к вере в то, что врага можно остановить и бить, а потом, истощив его силы, повернуть вспять.

Мы ещё вернёмся к некоторым деталям воспоминаний комбрига Горбатова.

Двенадцатого июля 1941 года Конев получил из штаба главного командования Западного направления сразу два приказа.

«Сов. секретно. Коневу Ершакову

Главнокомандующий *приказал:*

1. 12.7.41 атаковать совместно с Ершаковым противника в районе Витебск и отбросить его за линию дороги Полоцк, Витебск.

Ершакову удар нанести с 8.00 12.7 в направлении ст. Село; Коневу — Витебск, ст. Княжица.

Подкрепить удар Конева 1—2 батальонами танков.

2. В 8.00 даётся задание ВВС прикрыть район действий атакующих войск.

3. Штаб Коневу иметь в Якубовщина и наладить управление.

4. Войска привести в порядок.

5. Т. Коневу учесть, что 134 сд выгрузилась в районе Смоленск, 127 сд — выгрузилось 14 эшелонов в районе Смоленск.

О ходе действий доносить каждые 3 часа.

Маландин».

На документе отметка: «Исх. № 1012. 12.7.3.00. 12.7.7.05»{2}

И второй документ:

«Боевой приказ

главнокомандующего
Войсками Западного направления
№060
на наступление
(12 июля 1941 г.)

1. Противник, сосредоточив 8 и 39 танковые корпуса в витебском и до танкового корпуса могилёвском направлениях, форсировал р. Зап. Двина и Днепр и развивает наступление на Велиж и Горки.

2. Задача фронта совместными действиями 22, 19 и 20 армий, во взаимодействии с авиацией, уничтожить прорвавшегося противника и, овладев гор. Витебск, закрепиться на фронте Идрица, Полоцкий УР, Сиротино, ст. Княжица, Шилки, Орша и далее по р. Днепр.

Начало наступления 8.00 13.7.41 г.

3. 22 армии, прочно удерживая занимаемый фронт на своём правом крыле и Полоцкий УР, перейти в наступление силами 214 и 186 сд с 56 гап, 390 гап, 102 птд и 46 сад с фронта ст. Войханы, Городок и, нанося удар в направлении Витебск, к исходу дня выйти на рубеж Сиротино, ст. Княжица, где прочно закрепиться.

Граница слева — (иск.) Велиж, Улановичи, Бешенковичи.

4. 19 армии, сдерживая прорвавшиеся группы противника в направлении Велиж, силами 7 мк, 162 сд и 220 мд, 399 гап, 11 сад наступать с рубежа Шумовщина, Вороны в направлении Витебск с задачей овладеть гор. Витебск. К исходу дня выйти на рубеж Ворошилы, Пушкари, где закрепиться и прочно оборонять этот рубеж.

Граница слева — Ярцево, ст. Заболотинка, Бешенковичи (все пункты включительно для 20 армии).

5. 20 армии активными действиями на левом фланге уничтожить прорвавшегося на восточный берег р. Днепр противника и прочно закрепиться на рубеже Богушевское, р. Днепр. Силами 5 мк, 153 сд с 57 тд (без 115 тп), 23 ад, имея основную группировку на своём правом фланге, нанести удар в на правлении Островно, содействуя тем успешному наступлению 19 армии. К исходу дня выйти и закрепиться на рубеже Павловичи, Шилки, Богушевское.

Граница слева — прежняя.

6. 13 армии в прежних границах уничтожить части противника, прорвавшиеся на восточный берег р. Днепр, и прочно оборонять рубеж.

7. 21 армии перейти в наступление силами 63 ск (61, 167 и 154 сд) и 42 и 503 ап, 696 гап, 13 сад и с фронта Рогачёв, Жлобин в направлении Бобруйск и 232 сд на Шацилики, Паричи с задачей

овладеть гор. Бобруйск и районом Паричи. Одновременно наступлением 102 и 187 сд из района Таймоново, Шапчицы на направлении Комаричи, Быхов уничтожить группировку противника, действующую в Быховском направлении.

117 сд для обеспечения Рогачёвско-Жлобинского направления выдвинуть на восточный берег р. Днепр на фронт Рогачёв, Жлобин.

8. ВВС фронта. Задачи:

1) В 7.30 13.7 нанести удар с воздуха по противнику, в районах Городок, Островно, Витебск, действуя главным образом по артиллерии и танкам противника.

2) Наблюдением с воздуха своевременно вскрыть очаги сопротивления противника на пути движения наших войск и немедленно их подавлять.

3) Прикрыть наземные войска от ударов воздушного противника.

4) Дальнебомбардировочный корпус использовать для ударов по противнику в районе Городок, Витебск, Бешенковичи и Шклов.

5) Авиацию армий полностью направить для ударов во взаимодействии с наземными войсками.

Главнокомандующий Западным направлением Маршал Советского Союза С. Тимошенко

Член Военного совета

Начальник штаба Западного направления

Генерал-лейтенант Маландин»[3].

Как видно из боевого приказа маршала Тимошенко, задачи армиям витебского оборонительного рубежа ставились масштабные. Казалось бы, всё в них предусмотрено, всё учтено. Даже прикрытие наземных войск от ударов воздушного противника. При внимательном рассмотрении расстановки сил и развития событий невольно приходишь к выводу, что этот красивый приказ написан больше для истории, чем для его непосредственных исполнителей, то есть для генералов Курочкина, Конева, Ершакова, Кузнецова, Герасименко. Исследователи истории Великой Отечественной войны зачастую придерживаются крайних точек зрения. Полярность мнений и подходов в определённой степени хороша. То бранили Сталина — он-де, вязал по рукам и ногам маршалов и генералов, не давая им заблаговременно отмобилизовать вооруженные силы и страну для встречи агрессора. То вероломство противника, нарушившего все договора и пакты. То своих генералов. То своих солдат. То военную доктрину вперемешку с большевизмом. Витебское сражение напомнило забывчивым суть старой русской пословицы: сила силу ломит. Немцы в тот период были сильнее.

Размышляя о причинах неудач лета и осени 1941 года, нельзя не брать во внимание то очевидное обстоятельство, что РККА, её зачастую наспех сколоченным, переброшенным из тыла дивизиям, противостояли лучшие на тот период дивизии вермахта и С.С. На полигонах Франции, Бельгии, Греции, Польши, на Балканах и во фьордах Норвегии германские войска отработали тактику блицкрига, до совершенства довели приёмы и тактику боя, способы взаимодействия пехоты, танков, артиллерии и авиации. Противник, вышедший к линии Невель, Витебск, Орша, Гомель, был хорошо вооружён, действовал уверенно, дерзко, эффективно применяя танки, авиацию, противотанковую и тяжёлую артиллерию. Противостоять такому противнику было непросто. Но — противостояли! Вот почему группа армий «Центр» не пришла к Москве до наступления холодов, как планировали гитлеровские штабы и мечтали немецкие рядовые солдаты; к русской столице захватчики подошли по расхлябанным дорогам глубокой осени, растеряв в пути значительную часть техники, вооружения, снаряжения и, самое главное, тех надёжных и опытных солдат, которым, казалось, не сможет противостоять ни одна армия мира. Вот фрагмент из воспоминаний немецкого танкового аса из 3-й танковой группы Отто Кариуса: «8 июля в нас попали. Мне впервые пришлось выбираться из подбитой машины. Это произошло возле полностью сожжённой деревни Улла. Наши инженерные части построили понтонный мост рядом со взорванным мостом через Двину. Именно там мы вклинились в позиции вдоль Двины. Они вывели из строя нашу машину как раз у края леса на другой стороне реки. Это произошло в мгновение ока. Удар по нашему танку, металлический скрежет, пронзительный крик товарища — и всё! Большой кусок брони вклинился рядом с местом радиста. Нам не требовалось чьего-либо приказа, чтобы вылезти наружу. И только когда я выскочил, схватился рукой за лицо, в придорожном кювете обнаружил, что меня тоже задело. Наш радист потерял левую руку. Мы проклинали хрупкую и негибкую чешскую сталь, которая не стала препятствием для русской противотанковой 45-мм пушки. Обломки наших собственных броневых листов и крепёжные болты нанесли больше повреждений, чем осколки и сам снаряд».

История показала, что чем ближе немцы продвигались к Москве, тем чаще им приходилось выбираться из подбитой машины…

Получив второй приказ, Конев, конечно же, понял, в каком положении находится его армия, а точнее, те подразделения, которые после прибытия и изнурительного марша от места разгрузки до района сосредоточения оказались в его

распоряжении. Противник начал обтекать их группировку с флангов. А это грозило окружением. И тем не менее командарм упорно продолжал выполнять боевой приказ.

Противник по-прежнему атаковал, маневрировал, парируя контрудары советских частей, искал слабые места в обороне, чтобы снова нанести удар, который мог бы стать решающим. Небольшие группы немецких танков и мотоциклистов прорывались то на одном участке, то на другом.

Один из таких прорывов, в который неминуемо начали втягиваться основные силы противника, произошёл на Суражско-Велижском направлении. Конев контратаковал немцев силами 25-го стрелкового корпуса. Однако с 25-м корпусом произошла примерно та же история, что и с 501-м полком.

На этот раз причиной сумятицы и, как следствие, поражения наших войск стало замешательство, а на языке приказов той поры — трусость командира корпуса. Эпизод ярко и честно описан генералом, а в те дни комбригом Горбатовым.

Опасность, угроза гибелью действуют на людей по-разному. Некоторые теряют самообладание или впадают в состояние прострации. Инстинкт самосохранения подавляет в них всё остальное. Служебные, командирские обязанности, долг, честь — всё это, как едкой кислотой, мгновенно разъедает желание выжить — во что бы то ни стало, любым способом. Других, наоборот, экстремальные обстоятельства максимально мобилизуют, делают сверхэнергичными, заставляют соображать мгновенно и принимать точные и единственно верные решения. К таким командирам принадлежал генерал Конев.

Разведка уже доносила, что немецкий 39-й моторизованный корпус генерал-полковника Рудольфа Шмидта прорвал оборону 25-го стрелкового корпуса, что авангарды 7-й и 20-й немецких танковых дивизий достигли Демидова и Велижа. Одновременно 12-я танковая дивизия противника прорвалась к шоссе Витебск—Орша, затем вышла на шоссе Витебск—Смоленск и, угрожая непосредственно Смоленску, овладела Рудней. Прорыв 12-й танковой дивизии генерал-майора Гарпе вбил клин между 19-й и 20-й советскими армиями, вначале нарушив, а затем и прервав их взаимодействие.

Буквально накануне этих событий командующие армиями встретились, обсудили создавшееся положение, наметили план взаимодействия. Обменялись офицерами связи. И Коневу, и Курочкину нужно было выполнить невыполнимый приказ штаба Западного направления, подписанный маршалом Тимошенко. О возможности отхода не проронили ни слова.

А линия фронта, изменяясь буквально каждый час, уже

свидетельствовала о том, что Витебск не вернуть и фронта по Днепру и Западной Двине не восстановить. Угроза нависла над Смоленском.

Глава двенадцатая. ПЕРВЫЕ СРАЖЕНИЯ. ИТОГИ

Витебское и Смоленское сражения были для генерала Конева и его армии первыми сражениями в Великой Отечественной войне, и поэтому о них стоит рассказать подробнее. Будущий маршал, победитель Манштейна, начинал формироваться здесь, на позициях по Западной Двине и Днепру летом 1941-го.

Второй стратегический эшелон РККА, который, по первоначальным замыслам Ставки, должен был развивать успех армий, дислоцированных под Минском и Белостоком, вынужден был сдерживать натиск подвижных соединений группы армий «Центр» на линии Полоцк—Витебск—Жлобин—Адреаполь—Ярцево—Ельня. Западный фронт словно заново возродился.

Армии первого эшелона оказались частично разгромленными, частично окружёнными в Белостокско-Минском «котле». Они распались на группы численностью иногда до полка, иногда до батальона и меньше. Некоторые из этих групп, несмотря на полную обречённость на гибель или пленение, продолжали драться изолированно. Одним в ходе этих отчаянных боёв выпадала удача пробиться к своим, на восток. Они шли по дорогам и лесам, минуя немецкие заслоны. Такие группы, как правило, уже не представляли опасности для противника, а для своих зачастую были просто обузой. Сломленные морально, они, поставленные в оборону, не выдерживали очередного артналёта или появления вражеской авиации, бросали позиции и бежали дальше на восток. Вирус страха и паники действовал, как чума, угрожая распространиться и на войска второго стратегического эшелона. Катастрофа под Белостоком и Минском открыла путь противнику к Смоленску, историческим воротам на Москву

В число семи общевойсковых армий второго стратегического эшелона, который теперь, в соответствии с изменившейся ситуацией на фронте, должен был остановить врага, входила и 19-я армия генерал-лейтенанта Конева.

Именно она оказалась в самом невыгодном положении в момент немецкого наступления. Ставка не ожидала, что на западе дела пойдут настолько скверно, что Минский оборонительный район падёт так быстро, и поэтому фактически оказалась неготовой встретить немцев на рубеже Гомель—Могилёв—Орша—Витебск—Невель—Великие Луки. Только часть армий была развёрнута в боевой порядок, окопалась на своих рубежах, обеспечив себя тылами и подвозом. Но противник, наткнувшись

на их твёрдую оборону, не стал упорствовать на этих труднопробиваемых участках и начал искать более слабые места.

Четвёртого июля были арестованы и отданы под суд командующий войсками Западного особого военного округа генерал Павлов, работники его штаба и командующий 4-й армией генерал Коробков. За катастрофу под Минском и Белостоком должен был кто-то ответить. По представлению посланного в войска Мехлиса виновных нашли быстро. Фронт перестал существовать.

Но в эти же дни, дни череды катастрофических неудач и поражений, виновных искали везде.

В архиве Министерства обороны РФ в Подольске хранится любопытный документ — «Справка о действиях 19 армии Западного фронта». Документ издан под грифом «Сов. секретно» 24 июля 1941 года и передан члену Военного совета Западного направления… Но вот кому? Дело в том, что именно 24 июля в штабе Западного фронта произошла смена караула: армейского комиссара 1-го ранга тов. Мехлиса Л.З., отозванного в Москву, сменил бывший первый секретарь компартии Белоруссии П.К. Пономаренко. И тот и другой фигуры в советской истории фактурные, большевики до мозга костей. Донесения на своих начальников в Москву строчили регулярно, за что, видимо, их и держали при высоких штабах всю войну. По всей вероятности, начальник штаба 19-й армии генерал-майор Рубцов подготовил справку по просьбе (приказу) Мехлиса. Но читал её уже Пономаренко. Этот был помягче своего предшественника, и некоторые заключения и выводы настоящего документа своего логического развития не получили. В любом случае Пантелеймон Кондратьевич узнал о произошедшем под Витебском и Рудней десять дней назад чуть больше, чем было изложено в боевых донесениях, поступавших оттуда. Вынужденно привожу обширные цитаты из этой справки — ведь, как говорили древние, чёрт в мелочах. Документ характеризует не только ход боевых действий, но и атмосферу, царившую в штабах. Стиль и орфографию документа даю в подлиннике, сопровождая некоторыми комментариями.

«I. 19 армия к началу боёв под Витебском

9.7.41 г. 19 армия получила задачу не допускать захвата Витебска противником, овладеть Витебском, отбросить противника на запад и выйти на западный берег р. Зап. Двина.

К моменту получения этой задачи командующий 19 А в своём

распоряжении имел:

25 ск — штаб Яновичи.

162 сд — 501 сп и *Уг* 67 гап, сосредоточивающиеся в районе Колышки.

134 сд — 629 сп без одного батальона, 738 сп и 156 орб, сосредоточивающееся в районе Понизовье, Силуяново.

Управление 34 ск, сосредоточивающееся в районе Рудня.

1/5 35 гап 158 сд.

Таким образом, на Витебском направлении войск 19 армии не было вовсе.

В связи с этим армии был подчинён 23 мк, сосредоточившийся в районе Стасьев и имевший в качестве реальной силы одну 220 мед (фактически едва сформированное по штатам мед соединение без танков и машин при неполном оснащении артиллерией).

Около 17-18 час. 9.7 частям 25 ск и 23 мк было приказано форсированными маршами выдвигаться:

134 сд — Прудники, Татарские (от района сосредоточение Понизовье, Силуянова — 60 км),

220 емд — в район 5 км ю.-в. Витебск (30 км).

Войска в ночь с 9 на 10.7 были выдвинуты в район Витебск. Опергруппа штарма 19, двигавшаяся по шоссе Смоленск—Витебск, начиная ст. Рудня, наблюдала настоящую картину отхода войск. Всё то, что двигалось по шоссе, задерживалось заградотрядом у Рудня и опергруппой по пути движения. (Как видим, заградотряды, эта жестокая неизбежность в обстоятельствах хаоса и паники, были созданы значительно раньше знаменитой директивы Ставки ВГК от 5.9.1941 о формировании заградительных отрядов на Брянском фронте. — *С. М.)* Пехота приводилась в порядок и возвращалась обратно, артиллерия становилась на огневые позиции на месте или с продвижением в сторону Витебска, автомашины использовались для подвоза частей 220 мед и огнеприпасов, танки возвращались под Витебск.

Таким образом удалось усилить 220 мсб артиллерией, снабдить артиллерию огнеприпасами и ускорить выдвижение пехоты в сторону Витебска. Помимо нескольких огневых барьеров, поставленных на участке шоссе от Королёве до Витебска, 220 мсб удалось усилить полутора полками тяжёлой артиллерии.

В ночь с 9 на 10.7 восточная сторона Витебска оборонялась 150 вооружёнными рабочими и 10—15 танками. Жел.-дор. мост был захвачен и удерживался немцами. Западная часть Витебска горела. (Надо отметить, что, организуя наступление, немцы

всегда особо заботились о сохранности мостов, о том, чтобы Красная армия, отступая, не успевала или не могла вывести мосты из строя. Захватом мостов занимались особые разведывательно-диверсионные команды из спецподразделения абвера «Бранденбург-800». Можно предположить, что подобным подразделением в Витебске был захвачен также и аэродром. — *С.М.)*

С 3.00 10.7 220 мсб завязала бой с противником и имела успех в центре, где ей удалось переправиться одним полком на западный берег р. Зап. Двина и разгромить штаб германского соединения (убито 6 офицеров и один генерал). (Упоминания о гибели немецкого генерала не обнаружено ни в отечественных, ни в немецких источниках. Не подтверждают факта гибели генерала и мемуары немецких солдат и офицеров, широко публикуемых в последнее время. Таким образом, данное утверждение начштаба можно отнести на счёт обычных приписок, широко распространённых в армии. — *С.М.)*

На флангах успеха не было. Противник держал Улановичи на правом фланге и аэродром на левом. В Улановичи противник форсировал р. Зап. Двина и занял Улановичи полком пехоты. На аэродроме бой вёлся за каждое здание.

Утром 10.7 с юга к излучине р. Зап. Двина подошёл полк 229 сд и упрочил левый фланг 220 мсд.

Однако это успешное продвижение войск продолжалось лишь до вечера. Во второй половине дня 10.7 появилась авиация, усилилась сопротивляемость войск противника, начались контратаки.

В ночь с 10 на 11.7 полк 229 мед отошёл от излучины на 1 — $1^1/_2$ км, поставив под угрозу фланг 220 мед, которая, в свою очередь, отвела полк с западного берега на восточный. Назревала угроза правому флангу 220 мед со стороны Улановичей.

Командующий приказал 162 сд атаковать и овладеть Улановичи, и отбросить противника на зап. берег р. Зап. Двина.

501 сп (162) сосредоточился к 22.00 10.7 в районе Сеньки. Получив боевую задачу, два батальона 501 сп с похода двинулись на Улановичи и после 10— 12 км марша в 3.30 11.7 атаковали противника в Улановичи. Бой начался успешно, противник дрогнул и побежал, бросая на поле боя пулемёты и другое оружие. Улановичи были захвачены. Но с рассветом налетела авиация и наступление приостановилось. Батальоны залегли, а затем начали отход. До 1.00 11.7 батальоны, седлая шоссе, удерживали Кирп (5 км сев.-вост. Витебска на шоссе). Батальоны были усилены одной ротой из Сенькова. В 19.00 11.7 из района Витебск по шоссе на Велиж двинулась мотопехота немцев. До

22.00 501 сп вёл бой с противником и затем начал отход.

501 сп дрался без дивизионной артиллерии и противотанкового дивизиона, которые ещё не подошли. (О том, как офицеры штаба корпуса возвращали на боевые позиции бегущий 501-й стрелковый полк, рассказал в своих воспоминаниях комбриг Горбатов. — *С.М.)*

134 сд к началу боя у Улановичи частью сил переправилась на сев. берег р. Зап. Двина, частью сил осталась на южн. берегу. В таком положении она была атакована мотомехсоединениями противника при поддержке авиации. В результате всё то, что было на южном берегу, рассеялось, а из северной группы два батальона до сих пор дерутся в составе 22 армии.

Управление 162 и 134 сд выдвинулись на северный берег р. Зап. Двина и кружными путями перебрались в район Вязьма, где сейчас и находятся.

Штаб 25 ск подвергся атаке, был рассеян, потерял радиостанцию и в настоящее время его местопребывание установить невозможно.

Остальные части 25 ск — 720 сп в течение 12—13.7 вёл бой под Колышки, 515 сп — под Яновичи, два батальона 162 сд под командованием начарта 162 сд полковника Алексеева — под Демидовым.

Так, вводимые по частям с похода части 134 и 162 сд, были не столько разбиты, сколько рассеяны авиацией и мотомехчастями противника в течение 10—13.7.

Та же участь постигла 127сд 25 ск, 38,129 и 158 сд 34 ск. Начиная с 16.7. и по настоящее время, эти дивизии дерутся под Смоленском: 38 сд — 29 сп — под Смоленском, 48 сп — под Ярцево; 158 сд — пятью батальонами без артиллерии — под Смоленском; 129 сд — так же одним полком — под Смоленском; 127 сд — одним полком совместно с 158 сд — под Смоленском.

II. Причины, вызвавшие вступление в бой дивизий 19 армии по частям

Переброска армии с Украины на Западный фронт затянулась на долгое время вследствие:

1. Медленности движения эшелонов благодаря загрузке железной дороги;

эшелоны двигались тремя потоками:

а) Киев, Брянск, Рославль, Смоленск;

б) Киев, Орёл, Курск, Вязьма;

в) Киев, Москва, Вязьма.

2. Вынужденным переносом районов выгрузки и всё большим удалением их от районов сосредоточения. Первоначально район выгрузки был установлен ст. Голынка, Лиозно. Постепенно ст. выгрузки относилась на восток. Последним районом выгрузки был Смоленск, Ельня, Починок, удалённый от первоначального выгрузочного района на 100—150 км.

Один полк 127 сд был сосредоточен в Рославле и сейчас, вероятно, дерётся в составе группы Качалова.

Отдельные части 34 ск выгружены и оказались за ст. выгрузки последнего выгрузочного района.

Первые эшелоны 19 армии появились на ст. Рудня 4—5.7, последние выгружались в двадцатых числах юго-вост. от Смоленска.

3. Развитием хода событий на фронте, повлекшим за собой необходимость немедленного ввода в бой частей 19 армии в том виде, в каком они были.

Таковы основные причины ввода в бой войск армии по частям.

III. Боеспособность войск 19 армии

1. Войска 25 ск были отмобилизованы к моменту выступления в поход.

Войска 34 ск находились лишь в состоянии усиленной боевой готовности. Дивизии были доведены лишь до состава 12 000,[29] но не отмобилизованы.

На походе дивизии 12-тысячного состава испытывали огромные трудности из-за отсутствия транспорта и были неманевроспособны. Они не могли поднять положенного им количества боеприпасов, не могли возить миномёты и т. д.

2. Артиллерия подошла поздно по той причине, что в район Киева артиллерия подошла первым эшелоном и первой заняла огневые позиции в районах будущего расположения войск. По этой причине артиллерия оказалась в хвосте при погрузке, так как районы её ОП[30] находились в большом удалении от ст. Артиллерия потратила много времени на подход к ж.-д. станциям.

IV. Поведение войск в бою

Войска армии дрались частями, группами, без артиллерийского оснащения. Дрались неплохо, но быстро

истощались в бою, не имея резервов. Бой под Витебском, под Улановичи, бои под Смоленском показали, что войска смело идут в бой, дерутся и уничтожают танки, атакуют штыком пехоту, одерживают первоначальный успех, но не имеют сил для развития и даже закрепления достигнутого успеха — это одна сторона.

Вторая — отсутствие тылов не позволяет питать бой огнеприпасами. Бой прожорлив, огнеприпасы истощаются быстро, особенно в том случае, когда к началу боя их имеется менее положенного. А отдельные полки вступили в бой, не имея при себе положенного боекомплекта. Вступили в бой с $^1/_2$—$^1/_4$ боекомплекта, с малым запасом горючего. Потому боеприпасы истратились быстро, что парализовало наступательный порыв. Затруднение с горючим и боеприпасами — постоянное явление.

Воздействие авиации противника на боеспособность войск очень велико. Одно появление авиации буквально парализует боеспособность войск. С появлением авиации войска перестают драться и не остаются на месте, войска разбегаются в поисках укрытия, оставляют поле боя. Противник, пользуясь этим, продвигается вперёд (Смоленск — 129 сд, 29 сп 38 сд, 127 и 158 сд, Витебск — 220 мед, 501 сп и т. д.). Самое большое количество самолётов, коим располагала армия, это было 10 пб и 5 истребителей в боях под Витебском. Повлиять таким количеством самолётов на изменение воздушной обстановки, конечно, нельзя.

Войска не умеют бороться с авиацией противника, не умеют вести себя под ударами авиации. Войска не отдают себе отчёта в том, что потери от авиации при умелом поведении войск незначительны, минимальны.

V. Вопросы управления

1. Войска исключительно плохо владеют радиосредствами, управление по радио с помощью шифра — мука, а радиосигналами пользоваться не умеют. Лишь в самое последнее время, когда все убедились, что радио — основное техническое средство в бою, начинают появляться известные признаки радиокультуры. Кроме того, я заметил, что корпуса 34 и 25 к радио прибегают очень неохотно из-за того, что немцы будто бы очень быстро засекают рации и обрушиваются на районы расположения раций авиацией.

Практика работы штарма и корпусов это не подтвердила. Если противник штабы и обнаруживает, то не по рации, а по беспорядку, творящемуся в районе расположения штабов.

2. Частая и необоснованная смена командных пунктов без разрешения высшей инстанции и без извещения её о перемене П.К. Этот недостаток, вернее, это безобразие относится цели ком и полностью и в первую очередь к штарму 19.

Внезапный и к тому же необоснованный скачок 9.7. под Витебск из Рудни привёл к потере связи со штафронтом и поставил под угрозу связь с 25 ск.

Второй случай — скачок из Рудня на ст. Кардымово, приостановленный распоряжением штафронта, также на сутки прервал связь со штафронтом. Лишь малое расстояние позволило держать непрерывную делегатскую связь штарма 19 Б. Плоская с Гнездово.

Подобные скачки производили и штабы 34 ск, и штаб 7 мк.

3. Штабы дивизий, корпусов располагаются всё же очень далеко от войск. Поэтому штабы сд и ск не имеют непосредственных данных о положении войск, дерущихся на фронте. Эти данные доходят до них через вторые и третьи руки, теряют свежесть и правдивость, вследствие чего затрудняется быстрое вмешательство высших инстанций в ход боя.

4. В состав 19 армии последовательно включались 153, 186 и 50 сд. Однако, несмотря на самые добросовестные поиски, ни одной из этих дивизий найти не удалось. Как впоследствии оказалось, 186 сд была придана в момент, когда она уже частью сил отошла на север, а частью сил разбежалась.

153 сд была обнаружена лишь в виде отдельных групп. 50 сд в указанном пункте не оказалось.

5. В приказах продолжает иметь место неблагополучие с расчётом времени и пространства. Желание как можно быстрее выполнить поставленную задачу часто заменяет здравый смысл и войскам ставятся явно непосильные задачи.

Например, в приказе 19 армии 158 сд, связь с которой была только делегатами, была поставлена задача в 21.00 начать наступление и к утру достигнуть района, удалённого от исходного положения на расстояние 9 км.

В общем необходимо сказать, что управление осуществляется очень нервно, рывками.

Я это объясняю тем, что такой командной инстанции, как штарм 19, приходилось действовать вслепую. Отсутствие авиации и наземных средств разведки исключало возможность своевременного добывания данных о противнике, а следовательно, и осуществление заблаговременных боевых мероприятий на основе более или менее достоверных данных о противнике. В практике получалось, что события надвигались внезапно. Данные о противнике получались или от войск, уже

вступивших в бой, или от органов местной власти или НКГБ, или от бежавших с поля боя бойцов и командиров. О Витебске первые данные были получены от бежавших командиров 186 сд.

Генерал-майор Рубцов. 24.7.41 г.».{4}

* * *

Очевидно, начальник штаба 19-й армии счёл, что почва под ногами его непосредственного командира, генерал-лейтенанта Конева, зашаталась. Ещё бы, только что было арестовано и отдано под суд всё командование Западного фронта во главе с генералом армии Павловым, в том числе и начальник штаба фронта генерал Климовских. Это обстоятельство и побудило генерала Рубцова, на всякий-то случай, покритиковать и себя, и свой оперативный отдел, да и командующего, за то, что «управление осуществляется очень нервно, рывками».

Трудно не нервничать, когда приказы, исходящие из штаба фронта, рассчитаны на то, что их будут выполнять полнокровные дивизии, усиленные артиллерией и танками. А когда тебе якобы *переподчиняют* дивизию, а её невозможно найти ни в эфире, ни в поле…

К счастью, справка генерала Рубцова в руки Мехлису не попала. Бог миловал.

Документ, однако, прелюбопытный, даже в гигантском океане документов Великой Отечественной войны редкий, а самое главное, именно он, быть может, как никакие другие, отражает реальную картину событий периода Витебского сражения 1941 года. Читая его, невольно задумываешься: как наши отцы и деды вообще держались против танковых и моторизованных частей 3-й танковой группы Гота?! И ведь держались основательно! Жгли немецкие танки, уничтожали пехоту. Верно заметил кто-то из военных историков: Битва за Москву началась не в октябре и не под Нарофоминском, Можайском и Тулой. Она началась летом, здесь, на Белорусской и Смоленской землях. При этом документы и факты опровергают бытующую версию о тотальном беге Красной армии и массовой сдаче в плен. Не было такого. Были поражения, были окружения, пленение целых группировок, но — в ходе кровопролитных, упорнейших боёв, которые ослабляли вермахт, наносили ему, как впоследствии оказалось, невосполнимый урон и в живой силе, и в технике.

Об аресте руководства Западного фронта первого состава не забывал и Конев, и другие командиры. Приказ НКО № 02500 об обвинительном приговоре Павлову и его штабу был зачитан

старшим офицерам от командира полка и выше 28 июля. Но и до этого в войсках знали об аресте штаба фронта. И понимали, чем это закончится в условиях военного времени. Понимали и то, что подобное может произойти и на их участке обороны, и с ними самими.

Много позже, когда закончится война, минует эпоха, маршал Конев будет листать дело Берии и обнаружит среди прочих некоторые документы, касающиеся непосредственно его самого, в ту пору командующего 19-й армией Западного фронта. Вот один из доносов:

«СПРАВКА

Командующий СКВО

генерал-лейтенант Конев Иван Степанович.

Конев Иван Степанович, 1897 года рождения… русский, из зажиточных крестьян, рабочий… В Красной Армии с 1918 года. Член ВКП(б) с 1918 года.

По имеющимся официальным материалам, И.С. Конев характеризуется как активный защитник и покровитель врагов народа…

Конев старался выдвигать и представлять к наградам и орденам впоследствии арестованных и разоблачённых органами НКВД врагов народа…

Конев в автобиографии скрывает, что его отец кулак, что его родной дядя Ф.И. Конев являлся долгое время урядником, издевался над крестьянами, был в 1929 году арестован органами НКВД, при аресте пытался покончить жизнь самоубийством.

Начальник 3-го управления НКО СССР майор безопасности Михеев

16 июля 1941 года».

* * *

Вот уж поистине — у каждого своя работа. Кто-то на передовой дрался с врагом, родную землю от иноземного завоевателя защищал. А кто-то, вдали от передовой, в тиши кабинета отыскивал *врагов* и писал на них бумаги, инициируя принятие *действенных мер*.

Разведка между тем доносила об отходе частей на флангах. Да что там отходе, офицеры связи рассказывали о бегстве войск. Не выдерживали казачки танковых атак и налётов пикирующих бомбардировщиков, когда позиции не были прикрыты достаточным количеством средств ПТО и ПВО.

Именно в тот период, когда Конев собирал по дорогам группы

бойцов из разбитых под Минском частей, чтобы влить их в те немногочисленные батальоны, которые подходили из тыловых районов и со станций разгрузки, с ходу вступая в бой с целью отбить у противника Витебск, закрыть важнейшую коммуникацию, дорогу на Смоленск, — в это самое время на северном крыле 19-й армии произошла катастрофа.

В районе Сураж-Витебский оборону держали подразделения 25-го стрелкового корпуса. Командовал корпусом генерал-майор Честохвалов. Опасность, как известно, действует на людей по-разному: в одних она мобилизует способность быстро соображать и правильно действовать, у других отнимает остатки самообладания. Судя по воспоминаниям комбрига Горбатова, с командиром корпуса произошло последнее. Видимо, реальность войны, на которую попал генерал Честохвалов, настолько сильно подействовала на него, что заниматься боевой работой он попросту не мог, а затем и вовсе произошёл срыв, который повлёк за собой следующее.

Документы — самые красноречивые свидетели истории. И дело историка и исследователя их добывать и открывать для читателей. А уж оценить их искушённый читатель сможет сам. Так что мне остаётся всего лишь процитировать документ, хранящийся в Подольском архиве и озаглавленный очень обыденно-просто: «Письмо главного военного прокурора Носова В. на имя заместителя Наркома обороны СССР, армейского комиссара 1 ранга тов. Мехлиса Л.З.»[{5}]. Письмо датировано 27 сентября 1941 года. В этот период (после расстрела Павлова и его штаба) всё, что предназначалось *под расстрел,* адресовалось исключительно Мехлису…

«10—20 июля сего года части 25-го ск, занимавшие оборону в районе города Витебск, Сураж-Витебский, позорно разбежались, открыли дорогу противнику для продвижения на восток, а впоследствии, попав в окружение, потеряли большинство личного состава и материальную часть.

Произведённым по поводу этого следствием установлено следующее: 25-й ск в составе 127-й, 134-й и 162-й сд в конце июня 1941 года из города Сталино — Донбасс был переброшен в район Киева, куда прибыл к 1 июля.

Из Киева по приказу командующего 19-й армией корпус переброшен в район Смоленска для занятия обороны по реке Западная Двина в районе города Витебска и города Сураж-Витебский, протяжением около 70 километров.

Погрузка и отправка частей по железной дороге из Киева проходила 2—4 июля. Руководство погрузкой и продвижением частей отсутствовало; в результате чего прибытие эшелонов не

согласовывалось с предстоящим выполнением боевых задач, в связи с чем прибывающие части вводились в бой без организованного сосредоточения. 10 июля штаб корпуса расположился в лесу севернее города Витебска у села Мишутки. (Конев вспоминал: «Отдельные эшелоны 19-й армии загнали даже на Валдай; в связи с рассредоточением движения и разрушением железнодорожных узлов приходилось менять маршруты и перебрасывать эшелоны вместо Смоленска—Витебска к Валдаю». 6 июля 1941 года заместитель начальника 3-го Управления НКО СССР Ф.Я. Тутушкин докладывал В.М. Молотову: “Имеют место случаи направления эшелонов не по назначению. Эшелон со штабом 19-й армии и управлением 25 с.к. вместо следования на ст. Рудня через Конотоп был направлен на ст. Гомель. Виновники этого остались ненаказанными. 26 июня с.г. с Кировского (г. Ленинград) завода были направлены на ст. Орша два эшелона танков № 7/3016 и 7/3017. Эти эшелоны несколько дней перегонялись в треугольнике Витебск—Орша—Смоленск и не разгружались. 30 июня эшелон № 7/3016 был в Смоленске, а эшелон № 7/3017 — в г. Витебске. Где эти транспорты находятся в настоящее время, АБТУ сведений не имеет”». Вот такие истории происходили тогда сплошь и рядом. — *С.М.)*

На 11 июля в районе расположения корпуса находились: 442-й кап, 263-й отд. бат. связи, 515-й, 738-й СП и 410-й лап 134-й сд, 501-й СП 162-й сд, 1-й стр. батальон и дивизион гаубичного артиллерийского полка 127-й сд.

Несколько правее от штаба корпуса в районе села Прудники располагался штаб 134-й сд, в составе которой здесь находились два батальона 629-го СП, два батальона 738-го СП, батальон связи, зенитный арт. дивизион, один дивизион гаубичного арт. полка.

По приказанию штакора два батальона 501-го сп 162-й сд заняли оборону на западном берегу реки Западная Двина, севернее города Витебска. Части 134-й сд в составе 2-х батальонов 629-го сп и одного батальона 738-го сп заняли оборону по западному берегу Западной Двины в районе села Прудники, между городами Витебском и Сураж-Витебский. Остальные части находились на восточном берегу реки Западная Двина.

Днём 11 июля на участке обороны, занимаемой двумя батальонами 501-го СП, мотомехчасти противника неизвестной численности (разведка отсутствовала) прорвались через Западную Двину на шоссе Витебск—Смоленск и Витебск—Су-раж. Указанные два батальона 501-го СП, не имея надлежащего руководства, в панике разбежались. Охваченный паникой

“окружения”, в ночь на 12 июля начал менять своё месторасположение штаб корпуса.

К 16.00 12 июля командир корпуса генерал-майор Честохвалов с группой штабных командиров и батальоном связи, бросив часть автомашин, прибыл на КП 134-й сд в село Прудники. Их прибытие сразу внесло панику в части дивизии, так как прибывшие, в том числе и сам Честохвалов, панически рассказывали о якобы нанесённых немцами потерях частям 162-й сд, бомбёжке их с воздуха и т. п. К 17.00 в тот же день генерал-майор Честохвалов сообщил, что мехчасти противника прорвались в районе Витебска и движутся по шоссе Витебск—Сураж, “штаб окружён”. Приказал корпусным частям отходить на восток, бросив на произвол находившиеся в обороне на западном берегу Западной Двины части 134-й сд. Только командир 134-й сд комбриг Базаров и комиссар дивизии Кузнецов, вопреки указанию командующего корпусом, остались на месте в районе села Прудники и руководили находившимися в обороне частями 629-го и 728-го сп, помогая им обратно переправиться через реку Западная Двина, а затем выходить из окружения. (К счастью, всегда находились храбрые и умные командиры, которые не терялись в самых тяжелейших ситуациях и «вопреки указанию командующего» спасали положение, людей и удерживали порученный им участок фронта. Но чаще всего они погибали, по сути дела, преданные своим командованием, брошенные на произвол судьбы и на растерзание противнику. Правда, при этом дорого брали с противника за свою гибель. А нам, их сыновьям и внукам, есть одно утешение, что они умерли честными людьми, солдатами, не бросившими оружия и не потерявшими самообладания перед лицом смерти. До сих пор поисковые отряды ищут в тех местах следы комбрига Базарова и комиссара Кузнецова, которые числятся без вести пропавшими. — *С.М.)*

После указания командира корпуса Честохвалова об отступлении началось паническое бегство на восток. Первыми побежали штаб корпуса и 2-й эшелон штаба 134-й сд, возглавляемый начальником штаба дивизии подполковником Светличным, который с 9 июля на КП отсутствовал — “отстал” и только к моменту отхода 12 июля прибыл в село Прудники. Автомашины без руководства в панике неслись на восток в направлении Яновичи. Паническое бегство штабных командиров губительно отразилось на частях и местных советских органах, которые бросали всё и бежали на восток, ещё не видя никакого противника и даже не слыша стрельбы.

13 июля штаб корпуса остановился у местечка Яновичи, но 14 июля переехал в лес у села Понизовье, бросив всякое управление

частями корпуса и потеряв связь со штабом армии. По примеру штаба корпуса разбегались воинские части, не оказывая никакого сопротивления противнику, бросая материальную часть и снаряжение. 14 июля, боясь дальше двигаться без прикрытия и охраны, командир корпуса Честохвалов выделил несколько командиров и приказал собрать хотя бы небольшую группу войск, разбросанных в окружности по просёлочным дорогам, чтобы под их прикрытием организовать дальнейшее отступление на восток.

К исходу дня 14 июля в лесу были сосредоточены: 515-й СП, 410-й лап, батальон 738-го сп 134-й сд, два дивизиона 567-го лап 127-й сд, один батальон 395-го сп 162-й сд и мелкие подразделения других частей, всего около 4000 человек, вооружённых винтовками, пулемётами, фанатами, артиллерией, миномётами с запасами боеприпасов.

В штабе корпуса находились: 1) командир корпуса генерал-майор Честохвалов; 2) военком бригадный комиссар Кофанов; 3) начальник политотдела полковой комиссар Лаврентьев; 4) начальник штаба полковник Виноградов; 5) помощник начальника штаба полковник Стулов; 6) начальник особого отдела старший лейтенант госбезопасности Богатько и другие, около 30 человек.

Из штаба 134-й сд — начальник политотдела батальонный комиссар Хрусталёв, начальник артиллерии подполковник Глушков и другие. Сюда же в лес 14 июля вечером прибежал переодетым в гражданское платье, без личного оружия, начальник штаба 134-й сд подполковник Светличный. (Удивительный документ! Одна только фраза о «гражданском платье» подполковника Светличного чего стоит! Да, по-разному воевали в этой войне. И не всегда верной была фраза: кому какая судьба… Судьбу на фронте, как это ни странно, некоторые могли и выбирать. Комбриг Базаров и комиссар Кузнецов судьбу не выбирали. Она выбрала их и поставила руководить людьми в трудный момент и на самом трудном участке. Как они погибли, какой смертью, установить пока не удалось. В.К. Базаров имел звание комбрига. Известно, что перед войной по разным причинам не были аттестованы 196 комбригов. 41 из них был репрессирован. 15 освобождены перед самой войной или в первые дни войны. По аттестации 1940 года комбриг мог получить звание генерал-майора или полковника. Среди сидевших Базаров не числится. Известно, что в период боёв на оз. Хасан и Халхин-Гол он в звании полковника командовал 4-й стрелковой дивизией в составе 39-го стрелкового корпуса 1-й Приморской армии. Там у него произошёл серьёзный конфликт с Мехлисом. Базаров был арестован. Но вскоре освобождён. Судя по биографии, офицер он

был боевой и человек бесстрашный, раз не побоялся повздорить с Мехлисом. 134-й стрелковой дивизией командовал с сентября 1939 года, так что дивизию знал хорошо. — *С.М.)*

Командир корпуса Честохвалов принял решение: не ожидая подхода остальных частей корпуса, продолжать отходить на восток, продвигаясь только лесами и только ночью, не входя в соприкосновение с противником, категорически запрещая стрелять в немцев. Трусость командования корпуса доходила до крайности. По приказанию командира корпуса полковник Виноградов пытался застрелить водителя одной из автомашин колонны, у которого случайно произошёл гудок от замыкания. Тут же лично побил сигнальные рожки во всех автомашинах, чтобы не повторился случайный гудок и не выдал противнику местонахождение колонны штаба. Так двигались 14, 15 и 16 июля. Пройдя 60—70 километров, сосредоточились в лесу у села Букино.

16 июля в этом лесу командир корпуса Честохвалов провёл совещание начсостава и приказал бросить всё имущество, оставить только носимое при себе. Были брошены: личные вещи начсостава, две рации, смазочные материалы, масса противогазов, пулемётные диски и коробки, документы, часть обоза, лошади и другое имущество. Здесь же Честохвалов объявил дальнейший маршрут отступления на восток по направлению на село Овсянкино. Движение из Букино намечалось двумя колоннами в 20.00 16 июля, причём колонна 10—12 легковых автомашин штаба корпуса вместе с броневиком охранения должна была двигаться в хвосте правой колонны. Для разведки по намеченному маршруту в 18.00 был выслан конный отряд в 25 человек. Однако командир корпуса не стал ждать результатов разведки, изменил своё прежнее решение и в 19.00 приказал колоннам двигаться по намеченному маршруту, а сам с колонной штабных автомашин бросил части позади и уехал по направлению на село Овсянкино. При въезде в село Рыпшево в 23.00 колонна штаба была встречена окриками: “Стой!” и беспорядочной стрельбой незначительного отряда немецкой разведки, по словам очевидцев, разведчиков было около 10 человек.

Возглавлявший автоколонну на первой машине начальник штаба корпуса полковник Виноградов, не останавливая машины, проехал и выскочил за село. Следовавший за ним во второй машине командир корпуса генерал-майор Честохвалов остановил автомашину, бросил личное оружие, поднял руки и пошёл к немцам. Находившийся с ним в машине начальник инженерной службы штаба корпуса подполковник Егоров выскочил из машины

и бросился в другую сторону, через огороды в лес. То же сделали остальные командиры и политработники штаба корпуса; и стрелок автоброневика, и водители, следовавшие на своих машинах, бросили машины, документы и всё, что было, без единого выстрела разбежались по кустам. (Конечно, стрелок бронеавтомобиля в этой ситуации должен был открыть огонь. Но поведение его по-человечески можно понять. Если командиры не приняли бой и начали разбегаться, да к тому же машины комкора и других начальников запечатали со всех сторон дорогу, ни проехать вперёд, ни развернуться, и уж если генерал побежал к немцам с поднятыми руками, что делать простому бойцу? Бежать следом за генералом? Стыдно. Присягу Родине принимал. Да и в плен идти страшно. Так что осталась одна дорога — в лес. Вот почему нельзя бегать от противника ни генералам, ни офицерам. Офицер побежал — за ним вся рота, батальон. Генерал побежал — за ним дивизия, корпус, армия… — С. *М.)*

Полковник Виноградов, проехав 1 — 1,5 км за село, побоялся ехать дальше, бросил машину и с шофёром ушёл в лес, а оттуда одиночным порядком пробирался в сторону частей Красной Армии из так называемого “окружения”. Разбежавшиеся от машин комиссары Кофанов и Лаврентьев, полковники Виноградов и Стулов и другие штабные командиры, зная, что по этой дороге движутся части корпуса и могут попасть в засаду немцев, не предупредили об этом командиров частей. (В марте 1942 года Особый отдел Западного фронта вернулся к событиям полугодовой давности и провёл тщательное расследование причин поражения под Смоленском летом—осенью 1941 года. Под следствием оказались генералы и старшие офицеры 16-й, 19-й и 20-й армий, в том числе, кстати, и командир 34-го стрелкового корпуса Рафаил Павлович Хмельницкий, на которого ещё в конце августа 1941 года Конев оформил представление главкому Западного направления Тимошенко. 14 июля 1942 года военный трибунал Западного фронта вынес приговор, по которому почти все, находившиеся под следствием командиры дивизий и полков, были осуждены по ст. 58-1-Б УК РСФСР и расстреляны как изменники Родины. Лишь Рафаил Павлович выскользнул из-под расстрельной пули. Он снова ушёл в порученцы к маршалу Ворошилову. Так что, как можно предположить, большинство из тех, кто указан в этом документе, свою военную биографию закончили во рву перед дулами винтовок комендантского взвода. Комбрига Базарова и его верного комиссара Кузнецова давно уже не было в живых. Вот и подумай, где лучше умереть? В бою с врагом или во рву с колпаком из мешковины на голове… — *С. М.)*

17 июля, когда части подошли к указанному месту, немцы, подтянув силы, встретили их сильным огнём. (Можно предположить, что не все из кортежа комкора Честохвалова «разбежались по кустам». Кто-то всё же сдался или был захвачен немцами в плен и допрошен. Ведь откуда-то они узнали, что следом за колонной легковых штабных машин следует основная колонна корпуса. Для того чтобы подтянуть силы, противнику требовалось время и, самое главное, точная информация о том, кто, в каком количестве и в каком направлении движется следом за штабной колонной. — *С. М.)* Командиры соединений по своей инициативе вступили в бой, длившийся 2—3 часа, потеряв 130 человек убитыми и ранеными, под прикрытием артиллерии 410-го и 567-го лап, вывели свои части обратно в лес.

18 июля группа командиров штаба корпуса, разбежавшихся у села Рыпшево от немецкой разведки, в количестве 12—13 человек под руководством помощника начальника штаба корпуса подполковника Стулова, подошла к находившимся в лесу частям корпуса. Эти части возглавлял помощник начальника штаба 134-й сд подполковник Светличный и начальник политотдела дивизии Хрусталёв. Подполковник Светличный обратился к Стулову и находившимся с ним командирам штаба корпуса с предложением присоединиться к частям и возглавить руководство по выводу их из окружения. Полковник Стулов и находившиеся с ним командиры штаба корпуса отклонили это предложение и заявили, что меньшей группой им легче будет пробраться на сторону советских войск, и через пару дней ушли одиночным порядком. (К вопросу о полемике вокруг имени генерала армии Павлова. Правильно ли поступил Сталин, приказав, по сути дела, казнить штаб Западного фронта и других генералов, допустивших гибель армий под Минском и Белостоком. Паника в войсках — болезнь заразная. Как с ней бороться? В это время бежал не только 25-й корпус, но и 34-й. Генерал-лейтенант Хмельницкий тоже «наступал» на восток впереди своих войск. Но ему повезло. Его кортежу не встретились десять немецких разведчиков и не крикнули: «Стой!» Бегущие войска, парализованные страхом, надо было как-то останавливать. Так появлялись жестокие приказы и самый известный из них приказ № 227. Так появлялись заградотряды. Добрых генералов на войне не было. И быть не должно. Потому что чем добрей генерал, тем больше льётся крови в его войске. Судя по вялой реакции на доклад комбрига Горбатова по поводу бездействия артиллерии, Честохвалов был добрым генералом. Правда, потом это душевное качество не помешало ему приказать своему начальнику штаба застрелить ни в чём не повинного водителя автомашины. В отношении офицера

штаба он, должно быть, не посмел бы требовать немедленной казни. А кто для него, не бывшего ни солдатом, ни командиром роты, солдат? Да никто, фронтовая дорожная пыль, не больше. Так что жестокие приказы были соразмерной обстоятельствам того времени необходимостью, тоже, разумеется, жестокой. Другое дело, что иногда под колесо военного трибунала попадали и те, кто вдруг поддавался общей панике и не находил в себе сил преодолеть мгновение ужаса и противостоять обстоятельствам так, как предписывал Устав. Такие офицеры могли бы воевать, обрести веру в свои силы в последующих боях. Но, к несчастью, не пережили лета 1941-го. — С. *М.)*

Находясь в окружении, под влиянием трусости, некоторые командиры и политработники, чтобы скрыть свою принадлежность к командному составу Красной Армии, посрывали знаки различия и петлицы, обменяли своё воинское обмундирование на гражданские костюмы, а часть из них даже уничтожила личные и партийные документы. Начальник политотдела корпуса полковой комиссар Лаврентьев уничтожил партийный билет, обменял своё комсоставское обмундирование на рваный костюм “заключённого”, отпустил бороду, повесил котомку за плечи и, как трус и бездельник, несколько дней двигался за частями, ничего не делая, деморализуя личный состав своим внешним видом. Когда ему предложили военное обмундирование, он отказался и одиночным порядком в своём костюме “заключённого” пошёл на восток. (Трудно осуждать малодушных. Но можно представить, какими глазами он смотрел на своих бойцов, которым только вчера читал передовицы из «Правды» и «Красной звезды», которым делал замечания и журил на партийных собраниях. И — как смотрели на него они. Что говорили между собой. Что думали. Вид комиссара, переодетого в зэка, сил им на той страшной дороге не прибавлял. — *С.М.)*

Также одиночным порядком пробирались военком корпуса бригадный комиссар Кофанов, полковник Стулов, начальник особого отдела корпуса старший лейтенант госбезопасности Богатько. Последний вместе со своей машинисткой, переодевшись в костюмы колхозников, выдавая себя за “беженцев”, пробирались в город Вязьму. (Ну, этот хотя бы машинистку свою не бросил. Если вывел её, то уже многое ему можно простить. — *С.М.)*

Подполковник Светличный, возглавивший части 134-й сд после бегства работников штаба корпуса, несмотря на наличие достаточного количества огневых средств и людей, продолжая преступную “тактику” командования штаба 25-го ск, вёл части только ночью и только лесами. Категорически запрещал вступать в соприкосновение с противником. (Рассказы фронтовиков,

побывавших в окружении, свидетельствуют о том, что в данном случае подполковник Светличный поступал совершенно правильно. Ведь для него главным было — вывести людей из окружения. Ввязываться в драку с заведомо сильнейшим противником в тех обстоятельствах было равносильно самоубийству. — *С.М.)* Всё время восхвалял мощь немецкой армии, утверждая о неспособности Красной Армии нанести поражение немцам. Боясь, чтобы стук повозок не демаскировал местонахождение частей дивизии, и столкнувшись с трудностями ночных передвижений, Светличный 19 июля сего года приказал бросить в лесу повозки, лошадей, другое имущество, как “ненужное”. (С точки зрения интенданта, для которого повозка и противогаз дороже человеческой жизни, прокурор Носов, конечно же, прав, сгущая краски вокруг брошенного имущества. Что же касается восхваления мощи немецкой армии, то, скорее всего, подполковник, не сдержавшись, материл командование и всю Красную армию за то, что происходило вокруг. В любом случае видно, что подполковник Светличный действовал как мог, выводил людей, не поддался ни синдрому генерала Честохвалова, ни синдрому комиссара Лаврентьева. Позор таких командиров заключался не в том, что они срывали петлицы и переодевались в рваньё, чтобы скрыть свою принадлежность к РККА, — хотя с этого и начинается предательство, — а в том, что они бросили своих солдат, отреклись от обязанностей командовать своими подчинёнными, а значит, отвечать за них. Подполковник Светличный, даже в этом тенденциозном документе, который явно подводит его под действие приказа № 270 от 16 августа 1941 года, предстаёт всё же стойким командиром. Но беда в том, что именно такие, потом, по выходе из окружения, и попадали под дуло военного трибунала. — *С.М.)*

В тот же день он разбил оставшиеся части на три отряда: 1-й отряд — из состава 515-го сп с батареей полковой артиллерии и артиллерии 41-й лап под командованием капитана Цулая; 2-й отряд — из состава 378-го сп с полковой артиллерией и дивизионом 567-го лап, командир отряда капитан Соловцев. В 3-й отряд вошли остальные части дивизии с двумя батареями 410-го лап под командой подполковника Светличного.

По приказанию Светличного в ночь на 20 июля отряды выступили по намеченному им маршруту на восток: 1-й и 2-й отряды левой колонной под общим командованием начальника артиллерии дивизии подполковника Глушкова, а 3-й отряд под руководством Светличного — справа. Никакой разведки и связи между отрядами во время движения организовано не было. (Документ явно составлен так, чтобы на убой отправить всех — и

виновных, и тех, кому можно было доверить воевать дальше, пусть с понижением в должности и звании. Видимо, в тот период нужны были козлы отпущения. С Честохвалова не спросишь. Базаров и Кузнецов, скорее всего, погибли. С таких, как Хмельницкий, как оказалось, тоже не спросишь… Подполковники Светличный и Глушков ответят за всё и за всех. — *С.М.)*

Пройдя 10—12 километров, правая колонна, заметив впереди выпущенную противником ракету, по приказанию Светличного повернула обратно к исходному положению. Сам подполковник Светличный уехал от частей.

Началась паника и бегство.

Весь день 20 июля части 3-го отряда находились без руководства и без связи с 1-м и 2-м отрядами. Только к вечеру из лесу явился подполковник Светличный и начали подходить одиночные бойцы и командиры из 1-го и 2-го отрядов без оружия. (Вот чем заканчивается попытка дневного марша. — С. *М.)*

По выяснении оказалось, что во время движения в ночь на 20 июля руководители 1-го и 2-го отрядов, услышав вдалеке шум моторов, посчитали их за танки противника. В испуге начальник артиллерии 134-й дивизии подполковник Глушков приказал бросить материальную часть отрядов, а людям спасаться, кто как может. (Значит, связь между 1-м и 2-м отрядами всё же была. Либо они двигались вместе. Бумага, составленная прокурором, очень противоречива, похожа больше на комиссарское донесение. Оно и понятно, ведь адресован документ товарищу Мехлису. — *С.М.)*

21 июля была выделена группа бойцов, одно орудие — вручены Глушкову, и приказано забрать оставленную им материальную часть. («Приказано…» Значит, кто-то приказывал в колонне, командовал, наводил порядок. Прокурор, заметьте, это опускает как несущественное. А это-то как раз и важно для восстановления полной картины событий. — *С.М.)* Однако и на сей раз он струсил, бросил людей и лошадей, а сам скрылся в лесу и больше к частям не подходил.

В результате преступной трусости подполковников Светличного и Глушкова в ночь на 20 июля сего года части 134-й сд, находившиеся в окружении, потеряли: около 2000 человек личного состава (разбежавшиеся из 1-го и 2-го отрядов), часть из них попала в плен к врагу; два дивизиона артиллерии, две батареи полковой артиллерии, много артиллерийских снарядов, более 10 пулемётов, около 100 лошадей и вооружение — оставлено немцам.

27 июля сего года подполковник Светличный с небольшой группой 60—70 человек прорвался на сторону частей Красной

Армии, оставил в окружении 1000 человек личного состава, раненых и остатки имущества 134-й сд, которые возглавил начальник 5-го отдела (Служба тыла. — *С. М.)* штаба 134-й сд капитан Баринов, и находился с ними в лесу до прибытия генерал-лейтенанта Болдина, под руководством которого они вышли из окружения 11 августа…»

Цитируемый документ — произведение уникальное. К тому же оно напрямую связано с биографией нашего героя. Во-первых, речь идёт о подразделениях 19-й армии. Во-вторых, группа генерала Болдина, так называемая «лесная дивизия», вышла из окружения 11 августа 1941 года в полосе обороны 19-й армии, и, судя по мемуарам И.В. Болдина, командарм 19-й тепло встретил вырвавшихся из окружения.

Уже через несколько дней имя генерала Болдина Конев прочитал в знаменитом приказе № 270 от 16 августа. Приказу этому суждено было стать одним из самых знаменитых и, как теперь говорят, судьбоносных, своего рода символом 1941 года. Как и многие другие циркуляры, которые числятся по этой категории, он теперь, на расстоянии лет и поколений, кажется противоречивым и спорным. Действительно, сегодня трудно подсчитать, сколько судеб он унёс на тот свет, а скольким бойцам и командирам сохранил жизнь, совесть и честь. Как это ни странно, но глубинную суть его выразил генерал Карбышев, который перед смертью сказал таким же, как и он, пленным красноармейцам и командирам: «Помните о родине, и мужество вас не покинет».

Приказ читался во всех штабах и подразделениях. И касался он больше командиров и комиссаров, чем рядовых бойцов. В нём есть такие слова: «Зам. командующего войсками Западного фронта генерал-лейтенант Болдин, находясь в районе 10-й армии около Белостока, окружённой немецко-фашистскими войсками, организовал из оставшихся в тылу противника частей Красной Армии отряды, которые в течение 45 дней дрались в тылу врага и пробились к основным силам Западного фронта. Они уничтожили штабы двух немецких полков, 26 танков, 1049 легковых, транспортных и штабных машин, 147 мотоциклов, 5 батарей артиллерии, 4 миномёта, 15 станковых пулемётов, 3 ручных пулемёта, 1 самолёт на аэродроме и склад авиабомб. Свыше тысячи немецких солдат и офицеров были убиты. 11 августа генерал-лейтенант Болдин ударил немцев с тыла, прорвал немецкий фронт и, соединившись с нашими войсками, вывел из окружения вооружённых 1654 красноармейца и командира, из них 103 раненых». Но это в констатирующей части приказа. Пункт первый содержит следующее: «Командиров и политработников, во

время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров. Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава». Текст приказа № 270 рождался, по всей вероятности, из таких документов, как «письмо» главного военного прокурора Носова на имя товарища Мехлиса. А само письмо, как нетрудно понять, родилось по тем же известным мотивам, которые во времена уже послевоенного поколения рождали письма «по просьбе трудящихся».

Дело в том, что военные историки, краеведы и поисковики, которые тщательным образом исследовали тему «лесной дивизии», утверждают, что на самом деле это подразделение сформировал не генерал Болдин, а заместитель по политчасти командира 91-й стрелковой дивизии 52-го стрелкового корпуса 24-й армии (третий стратегический эшелон) полковой комиссар Николай Алексеевич Шляпин. 24—25 июля дивизия неудачно контратаковала противника в районе Ярцева на реке Вопи, понесла большие потери и вынуждена была отойти на восточный берег Вопи. Часть дивизии осталась за рекой. С ними остался и полковой комиссар Шляпин. Именно он собрал по лесам по ту сторону фронта разбежавшихся красноармейцев, сплотил мелкие группы, пробивавшиеся на восток, превратив сброд в подразделение РККА с твёрдой дисциплиной.

Писатель Василий Гроссман сохранил в своём журналистском блокноте 1941 года запись рассказа самого комиссара Шляпина, которая была недавно опубликована. В ней история создания «лесной дивизии» записана из первых уст сразу после прорыва из окружения. Когда дивизия отступила за Вопь, оставшиеся на позициях артиллеристы и бойцы стрелковых рот пытались организовать прорыв в районе деревни Мамоново. Но были окружены танками, которые быстро разделались с орудиями. Оставшиеся в живых ушли в лес. Шляпин собрал около 120 человек. Начал движение не на восток, где их поджидали немецкие заслоны, а на запад, вглубь лесов, чтобы там «лучше организоваться». По пути встретили ещё несколько разрозненных групп. Одна из них была довольно многочисленной. Как оказалось, это были части 134-й стрелковой дивизии (25-й стрелковый корпус) 19-й армии. До 7 августа, когда с запада подошла группа генерала Болдина, насчитывавшая до 100 человек, «лесная дивизия», разбитая на батальоны (их было пять), роты и взводы, совершила несколько боевых операций. Был

сформирован штаб, политотдел, прокуратура, создана партийная организация. Когда в «лесной дивизии» появился генерал — заместитель командующего Западным фронтом, комиссар передал командование ему. А дальше произошла обычная история — имя настоящего героя было отодвинуто в сторону и на первый план выступила случайно оказавшаяся в нужном месте нужная фигура… Предполагаю, что генерал Болдин и сам в первый момент не понял, что произошло. Но потом с подменой смирился. А после, в мемуарах, следуя сюжету героической части приказа № 270, рассказал о подвигах «лесной дивизии», уже не упоминая своего боевого товарища комиссара Шляпина. Он знал, что тот не схватит его за рукав: в октябре 1941-го под Брянском Н.А. Шляпин в звании бригадного комиссара погиб, когда выводил из окружения группу бойцов и командиров. Многие из этой группы вышли к своим.

Выход группы Болдина—Шляпина из окружения зафиксирован донесением политотдела 19-й армии от 12 августа 1941 года: «10 августа 1941 г. в штаб армии явились 2 представителя от группы генерал-лейтенанта т. Болдина, находящейся в тылу противника. Командующий 19-й армией генерал-лейтенант т. Конев принял решение — перейти в наступление, прорвать оборону врага и соединиться с группой т. Болдина…»{6}

В своих мемуарах генерал Болдин пишет о том, что Конев об этой операции не проронил ни слова. Действительно, ни в надиктованных воспоминаниях, ни в интервью, ни в разговоре с боевыми товарищами и с теми, кому доверял, маршал о Болдине и его группе даже мельком не упомянул. А ведь генерал Болдин вскоре станет заместителем Конева, когда того назначат командующим войсками Западного фронта и Болдин будет играть некоторую роль в прорыве из Вяземского окружения в октябре 1941-го. Значит, не стоило упоминать. Иногда, особенно когда изучаешь советский период истории, значение имеет не только то или иное слово, но и молчание.

О Хмельницком же Конев упоминает несколько раз. Когда обстановка под Витебском осложнилась до предела и штаб 19-й армии из Рудни распоряжением штаба фронта был перебазирован в район станции Кардымово, по пути в 34-й стрелковый корпус Конев встретился с генералом Ерёменко, который в то время был заместителем командующего войсками Западного фронта и отвечал за Витебское направление. «Он сказал, что уже побывал в 34-м корпусе и недоволен действиями комкора Хмельницкого, — вспоминал Конев. — В резкой форме Ерёменко совершенно необоснованно обвинил меня в том, что я лично не сумел

остановить противника, который прорывается к Смоленску, обходя Витебск северо-западнее и одновременно обходя Оршу. Разговор был неприятный. Я дал Ерёменко отпор, заявив, что, если он считает необходимым, чтобы я лично пошёл в атаку, в этом отношении затруднений не будет, но для меня сейчас важно взять в руки управление прибывшими частями».

На той дороге они, два генерала, посмотрели друг другу в глаза и заговорили уже спокойнее. Они прекрасно понимали, что происходит вокруг. А через несколько минут на дороге появились немецкие танки и штабные машины были накрыты их огнём.

Здесь уместно предоставить слово самим свидетелям и участникам этой истории. А.И. Ерёменко вспоминал: «Мы с командующим армией выехали в передовые части. Он — под Витебск, я — на правый фланг, под Сураж, где действовала одна стрелковая дивизия. Связи с этой дивизией уже не имелось, так как она вела бой в окружении. В районе Колышки я встретил стрелковый и артиллерийский полки другой дивизии, которые имели приказ выдвигаться на Сураж. Гитлеровцы тем временем уже захватили этот населённый пункт, продвинулись к городу Велиж и заняли его. Правый фланг 19-й армии оказался открытым. Я приказал стрелковому и артиллерийскому полкам прикрыть рубеж Понизовье, Колышки, чтобы не допустить удара противника по открытому флангу армии, сам же вернулся в штаб, чтобы выяснить, как подходят войска.

Генерал-майор Рубцов доложил мне, что получен приказ, в котором для развёртывания 19-й армии указывался новый рубеж, отнесённый вглубь на 50—60 км. Приказ вносил страшную путаницу в управление войсками, так как некоторые дивизии уже вступили в бой, а теперь их нужно было отводить.

Я был удручён этим непонятным решением. Без всяких на то оснований врагу оставлялась территория в 50—60 км глубиной.

Телефонной связи со штабом фронта не было, и я, не медля ни секунды, выехал туда. Ещё не взошло солнце, как я уже был у маршала Тимошенко. Он только что лёг спать, но я его разбудил и доложил о странном приказе.

— Андрей Иванович, — сказал маршал, — видимо, произошло какое-то досадное недоразумение, прошу вас, поезжайте быстрее обратно и восстановите положение.

Я немедленно выехал в район Рудни…

Передвижение штабов, да частично и войск, происходило главным образом по магистрали Витебск—Смоленск, поэтому перехватывать части было легко.

Однако штаб 34-го стрелкового корпуса мы перехватить не сумели. Командир корпуса, оставив части под Витебском, отошёл

со штабом на 60 км, как и было приказано. (Обратите внимание, как мудро писали свои мемуары маршалы. Даже такой прямой человек, как Ерёменко. Имя Хмельницкого, командира 34-го стрелкового корпуса, он не называет. Почему? Хмельницкий с лёгкостью, без последствий, вышел сухим из воды. Андрею Ивановичу дорогу он не переходил. Дело прошлое… А может, маршал Ерёменко, да и наш герой хорошо знали, к примеру, что Хмельницкий успешно служит по другому ведомству? Никудышный вояка и армейский генерал, он прекрасно выполнял приказы Лаврентия Павловича Берии… Вот тогда всё встаёт на свои места. — *С.М.)*

Мы выбрали свой передовой командный пункт в одном километре северо-западнее Рудни, в 150 м от шоссейной дороги на Витебск. Оперативная группа 19-й армии находилась в стороне от Смоленска на удалении 18—19 км.

…Солнце уже стояло совсем низко над горизонтом, когда в районе Рудни появились немецкие танки. Шли они по дороге в направлении города, вблизи которого был мой командный пункт. Услыхав стрельбу, не похожую на стрельбу полевой артиллерии, я послал офицера связи на легковой машине вперёд, чтобы выяснить, что там происходит. В 3 км от моего командного пункта на повороте шоссе он столкнулся в упор с немецкой танковой колонной, впереди которой на легковой машине ехали три фашистских офицера.

Офицер связи, будучи находчивым человеком, выскочил из машины, бросил ручную фанату в машину фашистов и, нырнув в высокую рожь, бегом направился обратно, чтобы предупредить нас об опасности.

Танки противника на некоторое время задержались возле подбитой машины, затем снова двинулись в Рудню.

Пока офицер связи добрался до нас, вражеские танки вышли в район командного пункта. Они обстреливали дорогу и обочины. Над нашими головами то и дело проносились немецкие самолёты, бомбившие и обстреливавшие местность, лежащую на пути движения танков.

Мы находились в густом кустарнике в ложбине, в стороне от дороги. Машины и люди были отлично укрыты густой рожью, а выезд с командного пункта на шоссе был сделан далеко в стороне.

Когда вражеские танки оказались в полукилометре от Рудни, из города навстречу танкам, не подозревая об опасности, выехали две военные легковые машины. Сидевшие в них люди, заметив танки, вышли из машины и побежали к позициям противотанковой батареи, расположенным на подступах к городу.

Несколько пушек немедленно открыли огонь по танкам. Головной танк остановился, следовавшие за ним танки стали разворачиваться вправо и влево, открыв огонь по нашей батарее, но она продолжала стрелять, задерживая их продвижение. Люди, организовавшие борьбу артиллерии с танками, сели в машины и, свернув с шоссе, поехали по просёлочной дороге.

Позже выяснилось, что в машинах ехали командующий 19-й армией генерал-лейтенант И.С. Конев и начальник политотдела армии бригадный комиссар А.М. Шустин, который был в этом бою ранен. Они направлялись в передовые части, попутно предполагая заехать и на наш командный пункт. Выехав из города и неожиданно натолкнувшись на вражеские танки, И.С. Конев быстро организовал отпор танкам.

На подступах к Рудне головные танки вновь задержались, открыв прицельный огонь по станции и городу. Остановилась и развернулась следовавшая за танками колонна мотопехоты. Заработали станковые пулемёты. Немецкие автоматчики двигались прямо на нас.

Оставалась единственная возможность: выбраться на север. Впереди было открытое пространство метров 150—200. Я сказал шофёру Демьянову, чтобы он сделал несколько резких поворотов в сторону, пока мы не въедем в рожь. Со мною ехали Хирных и Пархоменко, остальные тоже приготовились к отходу, кто на машинах, кто на мотоциклах, кто пешком.

Фашисты никак не думали, что у них под носом находится командный пункт заместителя командующего фронтом. Орудия танков и пулемёты не были повёрнуты в нашу сторону, и наш манёвр удался. Вслед нам раздалось несколько автоматных очередей. Спаслись все. Генерал Конев, считая меня погибшим, донёс об этом в штаб фронта…»

Наблюдавший дуэль между танками и артиллеристами, которыми командовал командарм 19-й армии, Ерёменко, в свою очередь, доложил в штабе фронта о вероятной гибели генерала Конева.

«У шоссе, идущего от Витебска на Рудню, — вспоминал Иван Степанович, — я увидел брошенную 45-мм пушку с несколькими снарядами, а возле неё артиллериста. Чтобы поставить орудие на более выгодную позицию, мы вытянули его с обочины прямо на шоссе. Пока мы эту операцию проводили, подполковник Чернышёв, мой адъютант для поручений, вёл наблюдение в бинокль, и он вдруг докладывает: “Товарищ командующий, из леса выходят на шоссе немецкие танки”.

Смотрю, действительно, танки с крестами и свастикой. Тогда я встал к орудию, прицелился за первого номера, а тому парню-

артиллеристу скомандовал: “Огонь!” Пальнул из пушки — и попали в передний танк. Облако дыма… Немцы, однако, быстро пришли в себя и стали разворачивать танки. Пришлось ретироваться, сперва на машине, она была под рукой, а когда машина, как назло, застряла у деревни Рудни на огороде, — бросить её и перебегать, укрываясь от огня за домами. Начальника политотдела, бывшего со мной, ранило в руку… Перемахнули через забор, по овражку вверх, а за ним на высотке стоял наш бензовоз. Откуда-то подоспела легковая машина, в неё мы втащили раненого и под огнём по шоссе отправили его в штаб армии. Сам я на бензовозе перевалил через высотку, нашёл ещё какую-то машину и к вечеру добрался в свой штаб армии, находившийся на станции Кардымово. Приехал, а мне докладывают: “Получено донесение, что вы убиты… Сообщил генерал Ерёменко. Он видел, как немецкие танки развернулись и вели огонь по командарму Коневу”».

Как видите, два генерала вспоминают один и тот же случай по-разному. Но, скорее всего, Конев в деталях точнее. Посудите сами, почему «противотанковая батарея, расположенная на подступах к городу», не открыла огонь до того, как к ней подбежали офицеры штаба армии и сам командующий? Так что вряд ли соответствует действительности картина, нарисованная заместителем командующего Западным фронтом, — «несколько пушек немедленно открыли огонь по танкам». Противотанковые пушки, скорее всего, были брошены своими расчётами. Конев, старый артиллерист, конечно же, умел обращаться с «сорокапяткой» — самой распространённой в наших войсках пушкой. Из описания последовательности событий, произошедших в тот день на шоссе Витебск—Смоленск, следует, что Конев успел всех своих офицеров расставить по местам в орудийном расчёте. При этом он знал, что лучше его никто выстрелить по танку не сможет, поэтому обязанности наводчика принял на себя. Обстоятельства, в которых оказались командарм и его офицеры, подтверждают, что артиллеристов в тот момент рядом не было, вернее, был только один.

Эпизод можно комментировать с разных точек зрения. С одной стороны, не дело командарма стрелять из ПТО по немецким танкам. Его дело организовать свою армию так, чтобы по танкам палили те, кому это положено по штату. Как говорил Наполеон, храбрость генерала и храбрость ротного фельдфебеля не одно и то же. Но это был 1941 год. На шоссе была не горстка автоматчиков, которая, как мы помним, до смерти смутила командира 25-го стрелкового корпуса генерала Честохвалова, при том что за его спиной ехал бронеавтомобиль с пулемётом, —

дорогу автомобилю командарма 19-й армии преградила танковая колонна. И Конев сработал за первого номера расчёта «сорокапятки» не хуже штатного артиллериста. Это и в генерале надо ценить.

Витебское сражение научило Конева многому. И не только управлению войсками, но и управлению генералами. Уже под Смоленском он написал представление главкому Западного направления маршалу Тимошенко: «Командир 34 СК (стрелкового корпуса) генерал-лейтенант Хмельницкий в бою показал неустойчивость, плохо руководил войсками, снят с занимаемой должности. Предан суду. 27.07.1941»{7}.

К сожалению, командиры корпусов 19-й армии показали полную неспособность руководить войсками в условиях военных действий. Можно предположить, что имел в виду Конев под словом «неустойчивость». Цену слову он знал и, видимо, только в последний момент сдержал себя, и в документе, таким образом, не появилось слово «трусость».

Первые бои научили Конева ценить хороших, толковых командиров, которые не боялись передовой, хорошо знали, в каком состоянии пребывают их батальоны, роты и взводы, на что способны и не способны.

За годы войны через все пять фронтов с Коневым пройдут его боевые товарищи, генералы, полковники, которые к концу войны тоже станут генералами. Среди них генерал Н.Ф. Лебеденко. В августе 1941-го Лебеденко командовал 91-й стрелковой дивизией, которая входила в состав 19-й армии. А в начале января 1944-го генерал Лебеденко, командуя 50-й стрелковой, которая тоже из бывшей 19-й, коневской, смоленского состава, одним из первых ворвётся в Кировоград. 50-я дивизия в то время будет драться в составе 7-й гвардейской армии 2-го Украинского фронта. Генерал П.А. Курочкин, стоявший с ним плечом к плечу на витебском рубеже (20-я армия), в период завершающей фазы Великой Отечественной войны будет командовать 60-й общевойсковой армией 1-го Украинского фронта. Генерал П.С. Рыбалко, командующий 3-й гвардейской танковой армией. На завершающем этапе войны в дни Берлинской наступательной операции именно его танки, смяв глубоко-эшелонированную оборону, первыми ворвутся в логово врага. Генерал А.С. Жадов, командир 5-й гвардейской общевойсковой армией. Они станут добрыми и преданными друзьями. После войны, оставшись уже не у дел, маршал и генерал будут вспоминать своих молодцов-гвардейцев, храбро дравшихся на Днепре и во время Львовско-Сандомирской наступательной операции, под Берлином и Прагой.

Генерал Честохвалов пропал без вести. Останки его до сих

пор безуспешно пытаются отыскать поисковые отряды. Послужной список Честохвалова, где мелькают такие записи, как «сотрудник информационного отдела штаба…», «делопроизводитель штаба армии…», «военком автомотополка…», «помощник военкома 14-й сд…», показывает, что будущий генерал пошёл в гору сразу, как только в стране начали расстреливать военных: командир стрелковой дивизии (1937 год), а затем командир стрелкового корпуса (1938-й). Нетрудно сделать вывод, что командование такой довольно крупной войсковой единицей, как стрелковый корпус, после должности делопроизводителя и помощника военкома было ему не по плечу.

Таким же воином, как мы уже убедились, оказался и другой генерал — Хмельницкий. В его послужном списке тоже мелькают записи вроде: «агитатор в Харькове…», «секретарь члена РВС Первой конной…», «порученец наркома по военным и морским делам…», «порученец наркома обороны СССР». На должность командира самого сильного и многочисленного в РККА 34-го стрелкового корпуса он попал, видимо, случайно. Надо же было как-то оправдать доверие: в 1940 году его аттестовали сразу генерал-лейтенантом. Случай не рядовой. Судьба прищучила его под Витебском в 1941-м. Командарм, в подчинение которого поступил корпус, оказался человеком сугубо военным, требовательным, не из придворных ворошиловцев. Правда, и Рафаил Павлович сумел в критический момент сгруппироваться: от ответственности каким-то непостижимым образом всё-таки отвертелся. По всей вероятности, помог богатый опыт, приобретённый за годы безупречной службы в Красной армии и, конечно же, связи. Неудавшегося командира корпуса спас его патрон и покровитель маршал К.Е. Ворошилов. Генерал Хмельницкий стал его порученцем и в Центральном штабе партизанского движения вскоре занял должность снабженца. Потом снабженца сделали генералом для особых поручений при заместителе наркома обороны СССР. Была и такая должность. В конце войны Рафаил Павлович занимался (ну чем мог заниматься в конце победной войны такой расторопный и удачливый?!) трофеями. Вот уж воистину: кому война, а кому мать родна…

Война очищает. И под Смоленск Конев прибыл уже без Честохвалова и Хмельницкого.

Глава тринадцатая. НА ЯРЦЕВСКИХ ВЫСОТАХ. АВГУСТ—СЕНТЯБРЬ 1941-го

Смоленское сражение началось 10 июля. Длилось ровно два месяца. 19-я армия в день начала Смоленского дела 1941 года атаковала противника в Витебске и окрестностях. Первые бои и первые серьёзные потери.

Об этих днях Конев вспоминать не любил. Маршал написал две книги мемуаров. «Сорок пятый» — об операциях войск 1-го Украинского фронта. И «Записки командующего фронтом. 1943—1944». Любопытная деталь: осенью 1941 года Иван Степанович Конев вступил в должность командующего войсками Западного фронта, вскоре был назначен командующим Калининским фронтом, а в мемуарах об этих важнейших периодах — ни строчки. 1941 и 1942 годы, самые трудные и для Красной армии, и *для* генерала Конева как командующего войсками Западного и Калининского фронтов. Случайной такая купюра в мемуарах быть не могла. В те годы, когда маршал писал и диктовал свои мемуары, а потом публиковал их, ветеранам позволялось вспоминать победное. Написанное в этом ключе поощрялось по категории наиболее достойного и правдивого, много издавалось и переиздавалось, цитировалось. О Вязьме и Рославле, о Ржеве, Холме и Великих Луках старались не вспоминать. И стихи Александра Твардовского «Я убит подо Ржевом…» воспринимались как неофициальный народный гимн-эпитафия над заросшим курганом, где с зимы 1942-го по осень 1943-го были зарыты, наспех, между боями, несколько армий: 19-я, 20-я, 16-я, 24-я, 33-я, 32-я, 39-я…

Справедливости ради, замечу, что воспоминания о боях под Витебском и Смоленском, а также об октябрьской катастрофе под Вязьмой Иван Степанович всё же оставил. Есть и страницы разрозненных воспоминаний и интервью, посвященных Смоленскому сражению. Правда, они очень скупы, конспективны. Перечитывая «Записки…» и те разрозненные публикации, которые хронологически к ним тяготеют, вдруг ловишь себя на мысли о том, что Конев всё же не любил писать о поражениях. И об ошибках. А кто о них любит писать? Тем более что за спиной такие победы! Да и не поощрялось тогда каяться в ошибках и сыпать соль на раны, и свои, и своих непосредственных начальников и подчинённых. Великая Победа, доставшаяся

великой народной кровью, к тому времени начала каменеть и бронзоветь. Конев же не принадлежал к тем персонажам нашей истории, которые могли испортить общую обедню и нарушить согласованный хор миллионов. Он был послушным, дисциплинированным солдатом. Хотя все свои поступки мерил не только воинским уставом, но и человеческой совестью и офицерской честью. Позже мы не раз ещё убедимся в этом.

Понятное дело, что мемуары полководцев, если бы они не прошли через чистилище Главпура и цензуры, могли быть человечней, правдивей и, таким образом, ценней для нас, потомков победителей в этой великой войне. Кабы не обнизил, как говаривали старые солдаты, так бы не быть пуле в земле, а кабы не обвысил, так прямо бы в лоб…

А теперь обратимся к мемуарам противника. Герман Гот, командующий 3-й танковой группой: «11 июля пять дивизий северного крыла 2-й танковой группы форсировали Днепр и на узком участке и в последующие дни стремительно развивали успех, имея целью выйти на рубеж Ельня (80 километров юго-восточнее Смоленска) — Ярцево».

На фронте в районе севернее Смоленска происходило следующее. 19-я и 20-я армии генералов Конева и Курочкина вели почти непрерывные встречные бои, стремительно истощая и противника, и собственные силы. Тем временем генерал Лукин со своей 16-й армией оборонялся в районе Смоленска.

В конце концов немецкие 2-я и 3-я танковые группы блокировали, а затем захватили Смоленск. Противник пытался замкнуть кольцо окружения вокруг основной группировки 16-й и 19-й советских армий. Но активными действиями небольшой по численности боевой группы генерала Рокоссовского и левофланговых подразделений 19-й армии кольцо постоянно размыкалось, и в результате основные силы 16-й и 20-й армий и части 19-й армии вырвались из окружения. Сводный отряд под командованием полковника И.К. Лизюкова, усиленный пятнадцатью танками, удерживал переправу через Днепр у села Соловьёва и не позволял противнику ликвидировать коридор, по которому колонны войск отходили из-под Смоленска. Немцы пытались организовать здесь такой же классический «котёл», как и под Минском. На этот раз у них ничего не вышло. Хотя часть наших войск всё же оказалась в окружении.

Войска Западного фронта с 21 по 31 июля потеряли 105 723 человека. Армия Конева — 18 248 человек; из них убитыми — около четырёх тысяч человек, пропавшими без вести — около восьми тысяч человек и около шести тысяч составили санитарные потери.

Сейчас много спорят, принесло ли Красной армии Смоленское сражение июля—августа 1941 года, пусть не победу, но хотя бы какие-то реальные результаты. И реальные результаты, и победы сражение на Смоленской дуге, конечно же, принесло. Правда, при этом унесло много жизней. Но таяла и германская армия. И если учесть, что потенциал вермахта после понесённых потерь восполнялся лишь отчасти, то бои и сражения, подобные Смоленскому, были для Красной армии настоящими большими победами. Немцы оказались более чувствительными к потерям. Герман Гот в своих мемуарах, рассказывая о летних боях под Смоленском, признаётся, что в штабе 3-й танковой группы считали 19-ю армию разгромленной, что после боёв под Витебском она уже не в состоянии собраться в сколько-нибудь реальную силу. Но на новом рубеже под Ярцевом и Духовщиной его танки снова были встречены дивизиями и подразделениями 19-й армии, «…обстановка развивалась не так, как предполагали в штабе 3-й танковой группы, — вспоминал немецкий генерал. — Все данные указывали на то, что противник не намерен использовать преимущества, которые предоставляют ему обширные просторы страны, а наоборот, несмотря на понесённые потери, он чувствовал себя достаточно сильным, чтобы контрударами и упорным сопротивлением на оборонительных рубежах остановить вторжение в его страну». Немцы ожидали, что разгромленные дивизии 19-й, а также 16-й и 20-й армий Западного фронта, прикрывавшие под Смоленском Московское направление, в панике побегут и рассеются. Но Ставке и генералам удалось удержать войска и сохранить целостность фронта даже после явных неудач и череды крупных и локальных поражений. Эхо Белостока и Минска ещё отдавалось, но уже затихало… «Тогда ещё создавалось впечатление, — писал генерал Гот, — что севернее Днепра представляется возможность осуществить окружение войск противника, численность которых была пока неизвестна. При этом можно было рассчитывать на взаимодействие со 2-й танковой группой, которой, в соответствии с приказом командующего 4-й армией, предстояло достигнуть Ельни и высот восточнее Ярцева. Так возникло решение прекратить преследование с далеко идущей целью и преградить дорогу на восток войскам противника, находящимся севернее Смоленска. Никто не предполагал, что это решение на целые месяцы приостановит широко задуманную операцию 3-й танковой группы».

«Широко задуманную операцию 3-й танковой группы», которая являлась частью общего наступления немецких войск на Восточном фронте, приостановило не просто неудачное решение

штабов, а советские войска. Мемуарист, а в 1941 году генерал вермахта, командующий 3-й танковой группой, так и не сумевший растерзать севернее Смоленска 19-ю армию генерала Конева, сетует на то, что его доблестным дивизиям в те дни не хватало горючего для заправки танков. Причём горючее кончилось именно в тот момент, когда сопротивление русских было сломлено и «путь на восток оказался свободным…». Как там, в русской-то пословице: не в том сила, что кобыла сива, а в том, что не везёт… На нехватку горючего немцы будут и в дальнейшем списывать многие свои неудачи и поражения. Что тут говорить, ехал-ехал и вдруг остановился — бензин кончился! Кто же в этой ситуации больший глупец?

Впервые на востоке немцы явно почувствовали, что их железная кобыла не везёт именно здесь, под Смоленском.

Первым городом, отбитым у наступавших германских войск прекрасно спланированной и столь же блестяще проведённой масштабной контратакой, был городок Ярцево Смоленской области. Это произошло 19 июля 1941 года. В наступлении участвовала часть сил 38-й стрелковой дивизии полковника М.Г. Кириллова и 44-го стрелкового корпуса комдива В.А. Юшкевича.

Затем Ярцево снова было захвачено противником, а потом снова отбито, и так несколько раз городок переходил из рук в руки.

Семнадцатого августа началась Духовщинская наступательная операция Красной армии. Она стала одной из серии масштабных атак на позиции противника. К тому времени немецкие войска в результате стойкости советских войск и непрерывных контратак были остановлены. 23 июля Гитлер уточнил задачу начальнику Генерального штаба сухопутных войск генералу Ф. Гальдеру: «…в основном имеются три цели:

1. Район Ленинграда. Важен как промышленный центр и с точки зрения военных действий на море. Цитадель большевизма.

2. Район Москвы. 3. Украина с её промышленными центрами и нефтяные районы восточнее Украины», «…после окончания боёв в районе Смоленска 2-я и 3-я танковые группы должны разойтись одна вправо, другая влево, чтобы оказать поддержку войскам групп армий “Юг” и “Север”. Группа армий “Центр” должна вести наступление на Москву силами одних пехотных дивизий…»

Однако сопротивление советских войск, которые в немецких штабах преждевременно посчитали разбитыми и рассеянными, а также твёрдый фронт, возникший севернее и восточнее Смоленска по реке Вопи, заставили Гитлера внести в первоначальные планы и приказы существенные коррективы: приостановить наступление на Москву и перейти на центральном

участке Русского фронта к обороне.

Красная армия воспользовалась остановкой немецких войск и самонадеянностью командования и нанесла ряд ударов. В целом масштабного наступления не получилось. Целью контрудара армий Западного и Брянского фронтов было уничтожение 2-й танковой группы Гудериана, которая неожиданно круто повернула на юг и совместно со 2-й полевой армией начала катастрофически опасно обтекать Киевский укрепрайон и угрожать окружением войск Юго-Западного фронта. Но некоторые операции, учитывая мощь и опыт противника, были проведены блестяще.

Конев доложил в штаб Западного фронта план Духовщинской операции 16 августа. Военный совет фронта план наступления утвердил. Действия 19-й армии были частью фронтовой операции, разработанной штабом маршала Тимошенко. Одновременно с наступлением в районе Духовщины войска Резервного фронта под командованием генерала Жукова проводили Ельнинскую наступательную операцию. Обе они закончатся в сентябре. Потери обеих сторон были примерно равны. Немцы уступят Ельню, Ярцево, Батурине и другие населённые пункты. Продвижение фронтов окажется незначительным. Немцы удержат оборону, но потеряют нечто боль-шее — уверенность в том, что война в России завершится, как обещал фюрер, быстро и триумфальной победой в Москве. Под Ельней и Духовщиной Красная армия впервые в этой войне не просто контратаковала, а наступала, освобождая территорию, захватывая важные коммуникационные узлы и опорные пункты и нанося противнику значительные потери в живой силе и вооружении.

Основная роль в наступлении войск Западного фронта в районе Духовщины и Ярцевских высот предназначалась двум армиям: 19-й и 30-й генерал-майора В.А. Хоменко. Обе армии имели по три стрелковых дивизии, что примерно приравнивалось к корпусу. Следует отметить, что немецкий пехотный корпус по численности превосходил армию генерала Конева периода боёв под Духовщиной в августе—сентябре 1941-го примерно вдвое.

Севернее наступала 29-я армия генерал-лейтенанта И.И. Масленникова. Южнее действовали 16-я армия генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского и 20-я генерал-лейтенанта М.Ф. Лукина, прикрывая район Ярцева и днепровских переправ.

Немцы в это время имели перед фронтом 19-й и 30-й армий до трёх пехотных и одну танковую дивизию. Одна мотодивизия находилась во втором эшелоне в качестве резерва.

Боевой приказ командующего войсками Западного фронта №

01 от 15 августа 1941 года маршала Тимошенко, в частности, предписывал: «…концентрическим ударом 30 и 19 армий в общем направлении Духовщина окружает и уничтожает духовщинскую группу пр-ка и выходит своим центром на рубеж Старина, Духовщина, Ярцево». На рассвете 16 августа кавалерийская группа Доватора смяла редкие боевые охранения немцев и пошла по тылам, уничтожая тыловые объекты и базы снабжения в районах Велиж, Демидов, Духовщина.

Состав 19-й армии в день наступления был таков: 166-я, 91-я, 50-я, 64-я, 89-я, 162-я стрелковые и 101-я танковая дивизии. Армию поддерживала с воздуха 43-я смешенная авиадивизия, три гаубичных артиллерийских полка, две батареи «катюш», артполк ПТО, инженерные части.

Утром 17 августа, оставив на фронте Потелица—Приселье усиленную 162-ю стрелковую дивизию, Конев бросил свои дивизии в атаку

Это было второе наступление на Духовщину на Смоленском направлении. Первое, начавшееся 8 августа, ощутимых результатов не дало. На отдельных участках войска продвинулись до десяти километров и вынуждены были перейти к обороне. Бои отличались особым упорством и ожесточённостью. Поэтому главным их итогом стали огромные потери с обеих сторон.

Конев впервые именно здесь почувствовал себя командующим армией. Войска удалось развернуть в боевой порядок, наладить связь и взаимодействие артиллерии, танков и пехоты, подтянуть тылы и обеспечить подвоз. Теперь он чувствовал, как дивизии и полки перемещаются в соответствии с указаниями штабов, как штабы реагируют на изменение обстановки. Сказать, что командарм часто бывал в войсках, на передовой, — это отделаться банальной расхожей фразой, которая, пожалуй, подходит к большинству военачальников. Но для Конева наблюдательные пункты командиров дивизий, полков и даже батальонов станут тем свежим воздухом, которым он будет дышать всю войну.

На рассвете 17 августа 1941 года генерал Конев стоял в окопе, оборудованном под передовой наблюдательный пункт одного из стрелковых полков, и смотрел в бинокль на то, как в утренней туманной дымке, смешанной с густой копотью только что отгремевшей артподготовки, поднялись и пошли вперёд стрелковые цепи.

— Артиллеристы, кажись, хорошо отработали, товарищ генерал-лейтенант. Смотрите, на том берегу тихо. — Командир стрелкового полка заметно волновался. Ещё бы, сам командарм прибыл на участок его полка и наблюдает, как действуют

батальоны.

А батальоны действовали умело и успешно. Вскоре один из комбатов по телефону доложил: роты переправились через реку, достигли первой линии окопов, вошли в соприкосновение с противником. Спустя несколько минут новое сообщение: сопротивление противника по мере продвижения вперёд постепенно возрастает.

Когда Конев к полудню вернулся в свой штаб в село Вадино, ему доложили: оборона противника прорвана сразу на нескольких участках, в некоторых местах прорыва части первого эшелона продвинулись на десять километров, захвачено много трофеев.

В эти дни фельдмаршал фон Бок записал в своём дневнике: «9-я армия докладывает, что противник ворвался в расположение наших войск на левом крыле VIII корпуса. 161-я дивизия истекает кровью и находится на пределе возможностей». На следующий день, 20 августа, командующий группы армий «Центр» снова с беспокойством подводит результаты первых трёх суток боёв: «Прорыв на фронте 161-й дивизии оказался настолько серьёзным, что Гот, который временно принял на себя командование 9-й армией из-за болезни Штрауса, вызвал на подмогу свои последние резервы — 7-ю танковую и 14-ю моторизованную дивизии».

Конев получил данные авиаразведки: из тыловых районов, где противник держал свои резервы, к фронту движутся колонны войск и бронетехники. Сразу же на танкоопасных участках были созданы противотанковые районы. Дороги, переправы и броды минированы, переброшены резервы противотанковой артиллерии. Контрудар немцев натолкнулся на заранее подготовленную оборону.

До сих пор некоторые исследователи, говоря о Смоленском сражении 1941 года, продолжают утверждать, что немцы в тот период не располагали танками, что танковые группы были направлены на север и на юг, чтобы помочь сдвинуться с места двум другим группам армий, которые тоже были остановлены контратаками и упорной обороной Красной армии. Но ведь танками в вермахте располагали и некоторые пехотные дивизии. Кроме того, моторизованный разведбат каждой немецкой пехотной дивизии имел бронетранспортёры и лёгкие танки. А тут — целая дивизия, 7-я танковая. Она действовала именно против атакующей 19-й армии Конева.

Немцы подтянули свои резервы, произвели перегруппировку и контратаковали. Бой произошёл 20 августа возле деревень Задняя и Потелица. Местами немцам удавалось прорваться через

линии 19-й армии. Группы танков углублялись в тыл. Но там их встречали на новых рубежах огнём противотанковых пушек, связками гранат, бутылками с зажигательной смесью. Бреши, пробитые танковыми атаками, тут же заделывали резервами, огнём артиллерии и штурмовой авиации. Вечером бой затих. Немцы отошли. В предполье перед окопами первой линии противник оставил 37 танков и бронетранспортёров, сотни трупов своих солдат. За три дня непрерывных боёв перед позициями 19-й армии противник потерял около 80 танков. Данные взяты из донесений штаба армии штабу Западного фронта. Правда, в приказе Военного совета Западного фронта № 03/ОП, который в те дни зачитывали в войсках, значится другая цифра немецких потерь — 130 танков. Что ж, надо понимать: приказ о первых значительных победах должен был воодушевлять войска на новые победы, формировать в каждом бойце и командире личное мужество и уверенность в том, что врага можно бить в любом бою. В своих воспоминаниях маршал Конев, рассказывая о боях на Смоленской дуге, повторит эту цифру, правда, со ссылкой на вышеназванный приказ: «…войска 19-й армии в этих боях уничтожили 130 танков, много орудий и миномётов, враг потерял тысячи человек убитыми и ранеными. “Дни лёгких побед врага уже миновали”, — такой был вывод». И далее: «Я привожу эти выдержки из приказов как подтверждение того, что советские войска в июле—августе 1941 года не только выдержали натиск врага на московском направлении, но и нанесли ему серьёзные ответные удары. Хотя немецко-фашистской группе армий “Центр” и удалось за эти два месяца продвинуться на восток до Днепра на 170 километров, но это был не тот успех, на который рассчитывало гитлеровское командование. Непрерывное нарастание сопротивления советских войск, их героическая борьба спутали все карты неприятеля и снизили темпы его наступления до 6—7 километров вместо планировавшихся 30 километров в сутки. Группа армий “Центр” была вынуждена перейти к обороне».

Оборону, однако, немцы держали прочно. 22 августа Гальдер записал в своём дневнике: «9-я армия отразила перед своим фронтом сильные атаки противника. Серьёзные потери понесла 7-я танковая дивизия (30 танков потеряно безвозвратно)».

Безвозвратная потеря танка означала только одно: он повреждён настолько, что отремонтировать его, даже в тылу, в заводском цеху, невозможно — сожжён или взорван и его разнесло по частям.

Читая приказы штаба армии и боевые донесения тех дней, сразу обращаешь внимание на характер и стилистику боёв, в

которых уже чувствовался определённый почерк и оперативное искусство командующего. Массирование огневых средств на участке прорыва. Использование полковой артиллерии во время наступления пехоты, ведение огня с открытых позиций прямой наводкой в тот момент, когда батальоны уже поднялись и пошли, а огневые точки противника вдруг начинают оживать. Вот тут-то и необходимо было подавлять их огнём миномётов и лёгких 45-миллиметровых пушек, которые, по приказу командарма, передвигались вперёд вместе с боевыми порядками рот и батальонов. Среди приказов есть довольно жестокие: Конев приказывал беспощадно расправляться с теми командирами и начальниками, которые не используют малокалиберную и полковую артиллерию и тем самым ставят под губительный удар противника свои стрелковые подразделения.

В период боёв на подступах к Духовщине Конев впервые применил на практике то, за что когда-то, во время учений, удостоился поощрения командования: на танкоопасных направлениях и участках приказал создать противотанковые районы.

Один из таких районов усилил батареями 122-миллиметровых пушек, разместив огневые не линейно, как это было принято прежде и к чему привыкли немцы, а уступами в глубину. На другом участке развернул зенитный полк, один из лучших в армии, кадровый, обеспечив его бронебойными снарядами. Первые же бои показали, насколько удачной оказалась глубокая, заранее подготовленная оборона, обеспеченная артиллерией и стойким пехотным охранением. Зенитки поражали немецкие танки с дальних дистанций, когда они ещё шли колоннами или только-только начинали развёртываться в боевой порядок. Впоследствии маршал вспоминал о тех боях: «Я доложил командующему фронтом Тимошенко об итогах боя под Духовщиной. Тимошенко поблагодарил меня и заявил, что к нам в армию приедет специальная комиссия. Из Москвы прибыли представители из артиллерийской академии, из Генштаба, из штаба Западного фронта, осмотрели поле боя, пересчитали подбитые немецкие танки и орудия. Подбито было 113 танков врага. Продвижение войск 19-й армии было довольно значительным, мы продвинулись на 15—16 километров и уже были на подступах к Духовщине. К моменту, когда на фронте, занимаемом 19-й армией, сложилась такая благоприятная обстановка, через штаб фронта мне позвонил Сталин. Он поинтересовался итогами наступления и спросил: “Не сумеете ли вы взять Духовщину? В Духовщине находится штаб 9-й немецкой армии”. Я ответил:

“Немец оказывает бешеное сопротивление, всё время подбрасывает свежие силы. Группировка немцев очень сильная”. Тогда Сталин спросил: “А вы можете обстрелять Духовщину из артиллерии?” Я ответил: “Могу. Духовщина находится как раз в пределах досягаемости нашей дальнобойной армейской артиллерии”. “Очень будет хорошо, если вы обстреляете Духовщину и будете непрерывно держать её под огнём”. Я принял к исполнению этот приказ».

В эти дни в газетах и сводках Совинформбюро публиковалось много материалов и сообщений об удачных действиях 19-й армии. В августе—сентябре из Москвы в 19-ю армию прибыл писательский десант: М. Шолохов, А. Фадеев, Евг. Петров. Эта встреча известных писателей с генералом Коневым и его солдатами впечатлила и тех и других. Вскоре в журнале «Огонёк» появился очерк Евгения Петрова. Михаил Шолохов написал несколько очерков: «По пути к фронту», «Первые встречи». Многие впечатления и наблюдения, привезённые Шолоховым из поездки под Духовщину, впоследствии стали эпизодами, легли в основу характеров героев романа «Они сражались за родину», рассказов «Наука ненависти» и «Судьба человека».

Маршал вспоминал неожиданный приезд писателей так:

«Наша встреча в эти очень тяжёлые дни была, как я считаю, полезной и для меня и для них. Для них она была полезна тем, что они увидели кусочек войны, а для меня тем, что я почувствовал: страна правильно понимает, как нелегко нам приходится, и вот лучшие её писатели приходят к нам, солдатам, идут на передовую, в боевые порядки. Не скрою, в те дни это было для меня большой моральной поддержкой. Кроме всего прочего, это создавало уверенность, что передовая наша интеллигенция готова до конца разделить нашу участь и, веря в окончательную победу, выдержать тот страшный натиск немцев, который уже привёл их на дальние подступы к Москве».

В книге «Михаил Шолохов. Летопись жизни и творчества», составленной Т. Кузнецовой, запись за август—сентябрь 1941 года самая подробная:

«*1941 , конец августа — начало сентября*

С командировочным предписанием № 239 и пропуском № 27224/89 полковой комиссар М.А. Шолохов вместе с бригадным комиссаром А. Фадеевым и старшим батальонным комиссаром Евг. Петровым прибыл на Западный фронт, в расположение штаба 19-й армии, которой командовал Конев, в 229 дивизию генерала Козлова. В сосновых лесах восточнее деревни Вадино, в трех километрах от переднего края, во время боёв под Духовщиной провёл на боевых позициях несколько дней. Встречался в

землянке с военкорами А. Бусыгиным, М. Штительманом, И. Котенко, Г. Кацем, А. Софроновым, А. Оленичем-Гнененко. Беседовал с лейтенантом Наумовым, сержантом Беловым и бойцом А. Недзельским. Опубликовал в № 100 солдатской газеты 19-й армии “К победе” статью “Пленные”. Присутствовал при допросе Вернера Гольдкампа, немецкого ефрейтора. (Статья была написана по свежим следам этого допроса.)

Из воспоминаний И. Котенко, бывшего сотрудника армейской газеты “К победе”: “…К нам, армейским газетчикам, Михаил Шолохов и Александр Фадеев зашли на второй или третий день пребывания в нашей армии. Было это недалеко от смоленской деревни Вадино. Ал. Бусыгин (он дружил с писателями) попросил их написать что-нибудь для газеты. <…>

Уже к концу второго дня у секретаря редакции Михаила Штительмана лежали готовые статьи. Особенно заинтересовали “Пленные” Шолохова. О героизме советских солдат мы и сами писали, а вот о военнопленных не довелось…” *(Котенко И.* На главном направлении).

Софронов А.В. “…Осень 1941 года. В ту пору я находился в одном из московских госпиталей. Помнится, ко мне в госпиталь приезжали мои друзья, с которыми мы вместе служили в газете 19-й армии 'К победе'. Друзья рассказывали о приезде в нашу редакцию Михаила Шолохова, Александра Фадеева и Евгения Петрова. Они в подробностях передавали долгие беседы с нашими армейскими журналистами, среди которых было и несколько ростовских писателей. Таким образом, Михаил Александрович хорошо знал обстановку, сложившуюся осенью 1941 года на Западном фронте” *(Софронов А.В.* Шолоховское. М.: Современник, 1973)».

Солдатам передовой линии фронта М.А. Шолохов подарил томик романа Л. Толстого «Война и мир» с надписью:

«Друзья мои! Ни шагу назад! Пусть слава Бородина вдохновит вас на ратные подвиги. Верю, реять Красному знамени над рейхстагом.

До встречи в Берлине!

Ваш М. Шолохов».

Там же, в шолоховской летописи, говорится о том, что по приезде с фронта в Москву Шолохов передал Сталину записку:

«Дорогой тов. Сталин!

Сегодня я вернулся с фронта и хотел бы лично Вам сообщить о ряде фактов, имеющих немаловажное значение для дела обороны нашей страны.

Прошу принять меня.

М. Шолохов.

2 сентября 1941 г.»..

Состоялась ли встреча, о которой просил прибывший из-под Духовщины писатель, неизвестно. В списке посетителей кремлёвского кабинета Сталина Шолохов не значится.

Конев любил писателей. Боготворил их труд. Умел с ними дружить, и это качество сохранил на всю жизнь. До последних дней был страстным книгочеем. Толк в литературе знал. И обе дочери его, Майя и Наталия, получат филологическое образование и посвятят свою жизнь русскому языку и литературе.

А тогда, в конце августа под Духовщиной, его обрадовала встреча с товарищем юности Александром Фадеевым, которого он знал ещё комиссаром партизанской бригады Александром Булыгой, знакомство с автором «Тихого Дона» и «Поднятой целины» Михаилом Шолоховым, одним из авторов «Золотого телёнка» Евгением Петровым. Судя по очеркам, фронтовым зарисовкам и статьям, знакомство с командармом на писателей произвело такое же доброе впечатление.

Но на этот раз пишущая братия явно перестаралась. Главный редактор газеты «Красная звезда» Давид Ортенберг любил рассказывать в редакции вот какой случай.

Когда войска Западного и Резервного фронтов контратаковали ельнинскую и духовщинскую группировки немецких войск, по командировке «Красной звезды» на этот участок фронта были направлены несколько бригад корреспондентов и писателей. Наступление шло успешно. Начиная с 20 августа в газете каждый день стали появляться статьи и корреспонденции примерно под такими заголовками: «Успешные бои частей командира Конева», «Новые успехи частей командира Конева», «Части командира Конева продолжают развивать успех». Случались дни, когда в один номер завёрстывали по два материала: «Части командира Конева продолжают громить врага» и «Славные коневцы разгромили вражескую дивизию». Так продолжалось до 28 августа. В своей книге «Июнь—декабрь сорок первого» Ортенберг так и напишет: «28 августа. Этот день мне запомнился…» Накануне в «Красной звезде» вновь прошёл развёрнутый материал, в котором сообщалось: «Весть об успехах частей командира Конева разнеслась по всему фронту. Главнокомандующий войсками Западного направления Маршал Советского Союза С. Тимошенко и член Военного совета Н. Булганин издали специальный приказ, в котором поздравляют бойцов и командиров, нанёсших крупное поражение врагу». Приказ маршала Тимошенко, разумеется, лёг и на стол Сталину. Приказ завершали слова: «Товарищи! Следуйте примеру 19-й армии! Смело и решительно развивайте

наступление!» Бдительный редактор Ортенберг вычеркнул номер армии и написал: «…частей командира Конева». Дело в том, что в печати и в радиосообщениях допускалась необходимая редактура для соблюдения режима секретности.

Ортенберг: «Всё это, надо полагать, было понятно читателю. Если что и было неясным, так эти самые “командир Конев”, “части командира Конева”. Что это? Дивизия, корпус, армия, фронт? И кто такой этот командир Конев? Майор, полковник, генерал? Зашифровывали Конева и его армию, понятно, в целях сохранения военной тайны, хотя я не очень был уверен, что немецкая разведка не знала, кто именно воюет под Духовщиной. <…>

Кстати, сам Конев, конечно, знал, почему мы не обозначали его чин, армию, и всё же спустя некоторое время, когда мы вновь встретились, он в шутливой форме мне напомнил, поздоровавшись: “Командир Конев!” Больше того, в середине 1944 года, когда я служил начальником политотдела 38-й армии, входившей в состав 1-го Украинского фронта, и вновь встретился с командующим фронтом Коневым, теперь уже маршалом, он, вспомнив, вероятно, мой приезд к нему в 19-ю армию и публикации “Красной звезды”, не без подначки весело сказал:

— Что, будем вместе служить в частях командира Конева?.. Вернусь, однако, к событиям августа сорок первого года.

Итак, мы продолжали день за днём освещать ход сражения 19-й армии. <…> Всё как будто правильно. Но 28 августа на моём редакторском столе зазвонил кремлёвский телефон. Меня предупредили:

— Сейчас с вами будет говорить Сталин.

И тут же я услышал его голос, со знакомым акцентом. Поздоровавшись, Сталин произнёс всего одну фразу:

— Довольно печатать о Коневе. И повесил трубку.

Можно представить себе моё изумление. Почему довольно? Что случилось? Я помчался в Генштаб. Там сказали, что у Конева всё в порядке. Кинулся в ГлавПУР. Там сразу не смогли сказать ничего. Только ночью начглавпура позвонил и всё объяснил: оказывается, иностранные корреспонденты, ссылаясь на “Красную звезду”, чрезмерно раздули эту операцию, стали выдавать её за генеральное контрнаступление Красной Армии, а, как показали события, условий для перехвата нами стратегической инициативы тогда ещё не было. В то время когда мы восторгались успехами Конева, на других фронтах наши войска оставили Днепропетровск, Новгород, Таллин, Гомель…»

Маршал Рокоссовский в своих послевоенных мемуарах оценивал бои на Смоленской дуге более скромно.

Обычно результаты боёв принято оценивать цифрами потерь. 19-я армия в августе—сентябре 1941-го здесь, на Ярцевских высотах и на позициях по рекам Вопь, Лойня и Царевич, отдала за каждого убитого немецкого солдата почти пятерых своих. Но в этих боях, не только армиями Западного и Резервного фронтов, но и всей Красной армией, было добыто иное — в войсках появилась уверенность в собственных силах. Именно в этих боях, под Ельней, родилась советская гвардия. Поколебленный в ходе летних боёв боевой дух Красной армии был восстановлен и впредь возрастал от сражения к сражению, от битвы к битве.

Двадцать третьего августа немцы сделали ответный ход: на северном участке группа армий «Центр» атаковала позиции 22-й армии генерала Ершакова. Спустя двое суток были захвачены Великие Луки. 29 августа немцы овладели Торопцом.

Тем временем 19-я, 30-я и 29-я армии Западного фронта продолжали атаковать вперёд. Одновременно Резервный фронт 30 августа начал Ельнинскую наступательную операцию, успешно завершив её 6 сентября взятием Ельни. Противник был вынужден оставить Ельнинский выступ.

Фон Бок уже не мог так свободно маневрировать резервами, потому что их попросту не осталось. 26 августа он сделал запись в дневнике: «Гот, временно занимающий пост командующего 9-й армией, давая оценку сложившемуся положению, упомянул о больших потерях, которые понесла его армия в оборонительных сражениях, и сказал, что, если ситуация не изменится, армии скоро придётся плохо». В эти дни он предупредил командующего 4-й полевой армией фельдмаршала фон Клюге, что, если удержать Смоленск не удастся, 4-й армии также придётся отступать.

Но и Западный фронт исчерпал свой наступательный ресурс. Все резервы были буквально сожжены в гигантской топке под названием Смоленская дуга.

Десятого сентября пушки под Смоленском начали остывать. Ставка приказала фронтам прекратить наступление.

Удачные действия командарма 19-й армии были замечены и по достоинству оценены в Ставке.

Одиннадцатого сентября Сталин назначил маршала Тимошенко командующим Юго-Западным направлением. Там, в районе Киева, назревали крупные события. Маршал Будённый назначался командующим войсками Резервного фронта. А на Западный, по предложению генерала армии Жукова, решено было назначить командарма, особо отличившегося в ходе Смоленского сражения, — генерал-лейтенанта Конева, с присвоением ему звания генерал-полковник.

Сталин, как опытный стратег, мгновенно почувствовал характер новой войны и понял, что, для того чтобы выстоять в ней и победить, на высших командных должностях в действующей армии нужны другие люди. Кавалеристы уже выработали свой ресурс. Армия нуждалась в других маршалах, способных быстро реагировать и мыслить на поле боя иначе. Других маршалов у Сталина в то время не было. Но были другие генералы. И он начал искать их и находить в войсках, продвигать и даже опекать, зачастую прощая серьёзные ошибки, в надежде на то, что завтра они, его молодые генералы, наученные опытом летних боёв, принесут ему победы, которые и определят ход войны, а затем и её финал.

На огромном фронте, протянувшемся от Балтийского моря до Чёрного, прихотливые пути истории свели именно здесь, под Смоленском, троих генералов, которые впоследствии станут символами победы в Великой Отечественной войне. В середине августа генерал-лейтенант Рокоссовский возглавил 16-ю армию. Когда сосед справа, 19-я армия, атаковала Духовщину на Смоленском направлении, 16-я армия наступала на Ярцево на том же направлении. Генерал армии Жуков тем временем выполнял приказ Ставки по ликвидации Ельнинского выступа. Через несколько лет они, все трое, получат маршальские погоны и закончат войну командующими войсками основных фронтов. Три маршала — три богатыря Красной армии.

Глава четырнадцатая. ГИБЕЛЬ ФРОНТОВ. ВЯЗЬМА — ОКТЯБРЬ 1941-го

Наверное, это был самый сложный, самый трагичный период в истории Великой Отечественной войны. Да и в жизни Конева тоже. Немецкие танковые клинья, прорвавшие оборону наших войск и смявшие, разметавшие за несколько суток в жесточайшей схватке армии Западного и Резервного фронтов, оказались в нескольких десятках километров от пригородов Москвы. Командующего войсками Западного фронта генерал-полковника Конева, допустившего серьёзные просчёты в ходе боёв на Ржевском и Вяземском направлениях и фактически утратившего связь с рассечёнными на части и окружёнными армиями, обречёнными на уничтожение, ожидала участь генерала Павлова.

Однажды кто-то из иностранных журналистов в интервью, где речь шла о Берлинской операции, во время которой танки 1-го Украинского фронта первыми ворвались в столицу фашистской Германии, спросил маршала, что, видимо, эти события и были *высшей точкой его военной судьбы…*

— Нет, — ответил маршал. — Какая же это высшая точка? Высшая точка моей военной судьбы — это Москва, Московское сражение, когда терпели поражение от немцев, потом погнали их от Москвы.

Высшей точкой судьбы, таким образом, для Конева был не успех, не слава, а ответственность, исполнение долга на грани невозможного. Дни жесточайшего противостояния, когда на подмосковных рубежах решалось, кто кого.

Окрылённый относительным успехом под Духовщиной, внеочередной звездой в петлицы и новым назначением, Конев принялся готовить свои армии и соединения к предстоящим боям.

На центральном участке советско-германского фронта установилось временное затишье.

По плану «Барбаросса» немецкие войска должны были войти в Москву 1 октября.

Ещё 4 августа Гитлер прилетел в Борисов, в штаб группы армий «Центр», и провёл там совещание. Фюрер слушал доклады своих фельдмаршалов и генералов, командующих армиями и танковыми группами, и решал с ними главный вопрос: где, на каком участке Русского фронта сосредоточить основные усилия

— наступать на Москву или всё же вначале взять Киев? Он заявил:

— Я рассчитывал, что группа армий «Центр», достигнув рубежа Днепр — Западная Двина, временно перейдёт здесь к обороне, однако обстановка складывается так благоприятно, что нужно её быстро осмыслить и принять новое решение. На втором после Ленинграда месте по важности для противника стоит юг России, в частности Донецкий бассейн, начиная от района Харькова. Там расположена вся база русской экономики. Овладение этим районом неизбежно привело бы к краху всей экономики русских… Поэтому операция на Юго-Восточ ном направлении мне кажется первоочередной, а что касается действий строго на восток, то здесь лучше временно перейти к обороне.

Экономической концепции войны воспротивился главный на тот момент оппонент Гитлера фельдмаршал фон Бок. Командующий группой армий «Центр» хорошо понимал, что главная цель — разбить русские армии, истребить Красную армию как таковую — не достигнута. Русские ускользнули и из-под Минска, и из-под Смоленска, что ничего не даст и поворот танковых групп на юг и на север. Фон Бока и его сторонников из числа фронтовых генералов, реально оценивавших обстановку, беспокоило, кроме вопросов тактики, главное: пока Красная армия не разбита, продвигаться вглубь России опасно; необходимо навязать противнику, его основным силам, решающее сражение. Основные же силы русских, поданным разведки, концентрировались на фронте группы армий «Центр».

— Наступление на восток в направлении Москвы будет предпринято против основных сил противника, — заявил фон Бок. — Разгром этих сил решил бы исход войны.

Окончательное решение, тем не менее, осталось за Гитлером, и оно было экономическим: «Важнейшей задачей до наступления зимы является не захват Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на реке Донец и блокирование путей подвоза русскими нефти с Кавказа. На севере такой задачей является окружение Ленинграда и соединение с финскими войсками». В результате этого решения 2-я армия и 2-я танковая группа пошли с Московского направления на Киевское.

Решение Гитлера вызвало неоднозначную реакцию среди немецкого командования. Командующий 3-й танковой группой генерал Гот поддержал это решение и впоследствии аргументировал его в своих мемуарах: «Против продолжения наступления на Москву в то время был один веский аргумент оперативного значения. Если в центре разгром находившихся в

Белоруссии войск противника удался неожиданно быстро и полно, то на других направлениях успехи были не столь велики. Например, не удалось отбросить на юг противника, действовавшего южнее Припяти и западнее Днепра. Попытка сбросить прибалтийскую группировку в море также не увенчалась успехом. Таким образом, оба фланга группы армий “Центр” при продвижении на Москву подверглись опасности оказаться под ударами, на юге эта опасность уже давала о себе знать…»

Мемуары немецких генералов нам, русским людям, всегда надо читать особенно внимательно, если не сказать осторожно. О неуспехах южного и северного крыла Восточного фронта Гот говорит свысока. Но при этом не бог весть какими оказались успехи и в центре. При том, что Гитлер отдал основные ударные силы, танковые корпуса, именно группе армий «Центр». Мемуарист Гот словно забыл, что генерал Гот почти весь июль, август и первую половину сентября практически топтался на стокилометровом участке — вперёд-назад — перед 19-й и 16-й армиями советских генералов Конева и Рокоссовского и добился при этом не особенно большого успеха. Но потерял своих верных ветеранов, целые батальоны, полки и почти целиком одну дивизию (161-ю пехотную), которых потом будет так не хватать в октябре—декабре на подступах к Москве и к Калинину.

Фон Бока на совещании поддержал командующий 2-й танковой группой Гейнц Гудериан. Его порядком изувеченной под Ельней и Рославлем танковой группе предстоял 400-километровый марш-бросок с Московского направления на Киевское. Всегда имевший своё мнение в вопросах тактики, он высказался против решения Гитлера:

— Бои за Киев, несомненно, означают крупный тактический успех. Однако вопрос о том, имеет ли этот тактический успех также и крупное стратегическое значение, остаётся под сомнением.

В «Воспоминаниях солдата» Гудериан написал по поводу дискуссии и окончательного решения Гитлера: «Теперь всё зависело от того, удастся ли немцам добиться решающих результатов ещё до наступления зимы, пожалуй, даже до наступления периода осенней распутицы».

Вскоре последовал стремительный удар Гудериана во фланг и тыл Юго-Западного фронта, который привёл к разгрому советских войск на Украине и открыл немцам путь в Крым и на Кавказ. И тут фюрер снова почувствовал непобедимость немецкого солдата, его сверхволю и способность решать на поле боя в России любые задачи. «Убеждённость Гитлера в неполноценности всех славян была так глубока, — пишет

исследователь Московской битвы и автор книги «Укрощение “Тайфуна”» Лев Безыменский, — что он не допускал и мысли о возможности серьёзного сопротивления со стороны Красной армии». 6 сентября 1941 года он подписал директиву № 35 — приказ о наступлении на Москву. Фон Бок понял, что сбывается его мечта. Должно быть, в какой-то момент именно он больше, чем кто-либо другой из немцев, почувствовал себя Наполеоном. 16 сентября фон Бок отдал войскам группы армий «Центр» приказ о подготовке операции по захвату советской столицы. Фюрер план одобрил и дал ему символичное кодовое название — «Тайфун».

По замыслам немецкого командования «Тайфун» должен был стать завершающей стадией «Барбароссы». План «Тайфун», разработанный штабами с особой тщательностью, учитывал, казалось, всё.

Немецкая группировка насчитывала 1 800 000 солдат и офицеров. Их вооружение: более 14 000 орудий и миномётов, 1700 танков. В ближних тылах для обеспечения группировки, изготовившейся к броску на Москву, были сосредоточены многочисленные склады с боеприпасами, горючим, продовольствием, медикаментами и обмундированием. 2-й воздушный флот — 1290 самолётов различных типов — занял наиболее удобные аэродромы и базы. Некоторые зарубежные историки называют цифры, которые значительно выше общепринятых. К примеру, американский исследователь Второй мировой войны Дэвид Гланц утверждает, что в последний и решающий бой Гитлер послал на Москву 3350 танков и 2770 самолётов. С учётом трофейной техники и вооружения, а также частей, формально принадлежавших в этот период группам армий «Север» и «Юг», но действовавших в полосе наступления центральной группировки, возможно, так оно и было.

Получив в распоряжение такой ресурс, равного которому за всю историю войн не имел ещё ни один военачальник, фон Бок, до этой поры довольно осторожный, готов был броситься вперёд даже с открытыми флангами. Ему казалось, что такую махину не остановит никто. Разведка подогревала его мечты: главная группировка советских войск стоит непосредственно перед ним, а дальше — пустота.

Под Вязьмой фельдмаршал готовил основным силам Красной армии новый Верден.

Читая немецкие документы того периода и дневники фон Бока, Гальдера, Гудериана, мемуары офицеров, командовавших в период московских боёв полками, батальонами и ротами, а также воспоминания рядовых солдат вермахта и СС, невольно

приходишь к мысли, что все они не вполне отдавали себе отчёт в том, с кем имеют дело.

Гигантской группировке фон Бока, которой предстояло исправить историческую ошибку Наполеона, а именно — разбить русские войска и с триумфом войти в Москву — противостояли три фронта: Западный (генерал-полковник Конев), Резервный (маршал Будённый) и Брянский (генерал-полковник Ерёменко).

По данным Института военной истории, силы советских фронтов насчитывали 1 250 019 человек.

В центре обороны стояли армии Конева. Их было шесть: 16-я (генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский), 19-я (генерал-лейтенант М.Ф. Лукин), 20-я (генерал-лейтенант Ф.А. Ершаков), 22-я (генерал-майор В.А. Юшкевич), 29-я (генерал-лейтенант И.И. Масленников), 30-я (генерал-майор В.А. Хоменко).

Согласно решению Ставки, к осени был практически завершён переход к системе небольших армий в пять, максимум шесть дивизий без корпусных управлений. По штату от 29 июля 1941 года дивизии, в свою очередь, тоже были уменьшены почти на 30 процентов и теперь имели в своём составе 11 634 человека. К 17 сентября из стрелковых дивизий изъяли вторые артполки. В распоряжении командира дивизии для огневой поддержки полков оставался один артполк при 16 орудиях калибра 76 миллиметров и восьми — 122 миллиметра. Сократилось также количество автомобильного и гужевого транспорта. Таким образом, к началу осеннего немецкого наступления на Москву советская стрелковая дивизия, укомплектованная по полному штату, в полтора раза уступала немецкой пехотной по всем основным показателям, а по орудиям и миномётам — более чем в два раза.

Кроме того, многие дивизии с августа практически не выходили из боёв, проводя частные наступательные операции, и не имели даже сокращённого штата.

Когда Конев объехал свои войска и на месте ознакомился с обстановкой, когда воочию увидел то, о чём докладывали командармы, — растрёпанные в летних боях дивизии, маршевые роты, поступающие из тыла необученными и безоружными, лейтенантов, командующих батальонами, сержантов из числа резервистов на должностях взводных командиров, когда выяснилось, что многие бойцы не знают материальной части винтовки, что не хватает специалистов — пулемётчиков, миномётчиков, артиллеристов, — когда новый комфронта понял, на какое хозяйство его определила Ставка, он с присущей ему энергией принялся наводить порядок. Уже 19 сентября был издан приказ по фронту о переходе на сокращённые штаты и полном укомплектовании подразделений. Приходилось идти на самые

радикальные меры, чтобы повысить боеспособность войск. К примеру, были расформированы 170-я и 98-я стрелковые дивизии, а их остатками и матчастью доукомплектовали дивизии 22-й армии, которая особенно нуждалась в пополнении и оснащении.

«Мне было ясно, что войска Западного фронта ослаблены, — вспоминал маршал, — имеют недостаточную численность, были полки, которые насчитывали всего 120 человек, в некоторых дивизиях осталось по 7—8 орудий. Мы испытывали недостаток в артиллерии, в противотанковых средствах, даже бутылок с горючей смесью не хватало, а в то время они были основным средством борьбы с танками. Были и такие части, где недоставало стрелкового оружия. К моменту, когда я принял фронт, запасный полк, например, совсем не имел винтовок. Дело не в том, что кто-то этого не предусмотрел, а в том, что немцы разгромили ряд складов, находившихся на территории Белорусского военного округа, и оружие приходилось доставлять с центральных складов, которые были от Москвы на большом удалении».

К сожалению, противник не позволил Западному фронту произвести полную перегруппировку с целью создания прочной обороны на ржевско-вяземском рубеже, прикрывавшем Москву. Некоторые меры, предпринятые и Ставкой, и штабом Западного фронта, слишком запоздали. К примеру, из тыловых районов для пополнения частей Западного фронта с 3 по 7 октября под Вязьму, Ржев, Сычёвку и Спас-Деменск прибыли 47 маршевых рот и три роты специалистов. Потребность в них была огромной. Но многие дивизии, которые в них всё это время остро нуждались, оказались либо уже в бою, либо уже были смяты и в лучшем случае отходили на запасные позиции, в худшем — дрались в окружении.

Четырнадцатого сентября 1941 года Сталин срочно вызвал Конева в Ставку. Новый комфронта прервал свою поездку по армиям и дивизиям и прибыл в Москву.

«Встреча со Сталиным происходила в присутствии членов Государственного Комитета Обороны, — вспоминал Конев, — Сталин предложил мне доложить о состоянии фронта и о положении войск. Однако в ходе дальнейшей беседы обсуждению подвергся ряд вопросов, непосредственно не относившихся к фронтовым делам, — это были общие вопросы строительства Советской Армии. Обсуждался также вопрос о награждении командиров орденами, не следует ли создать отдельные ордена для командиров частей, соединений, командующих армиями и фронтами, а также офицерского состава. Сталин спросил, как я смотрю на то, чтобы установить ордена Кутузова и Суворова.

Конечно, я поддержал это предложение, поддержали его и присутствовавшие члены Государственного Комитета Обороны. Сталин тут же поручил начальнику тыла Советской Армии А.В. Хрулёву разработать статут полководческих орденов, которыми во время войны стали награждать офицеров и генералов Советской Армии».

Эти воспоминания маршала появились уже после «Записок командующего фронтом». Прошли годы, и стало возможным кое-что (пока ещё немногое) осмыслить по-новому. И не важно, что, видимо, по инерции маршал называет Красную армию Советской армией. Суть в другом.

Самое тяжкое своё поражение Конев испытал именно тогда, под Москвой, когда ему был передан Западный фронт.

Конечно, когда только что назначенного на должность комфронта, прибывшего с передовой, где не хватало винтовок и бутылок с горючей смесью, в Ставке начали спрашивать, что он думает по поводу учреждения орденов Суворова и Кутузова, ему ничего другого не оставалось, как отвечать по существу заданного вопроса и надеяться, что разговор всё же вернётся к более насущному. Но надежда оказалась тщетной: «Ставка на этом совещании не обсуждала со мной задачи фронта, ничего не было сказано об усилении фронта войсками и техникой, не затрагивался вопрос и о возможности перехода фашистских войск в наступление. Генеральный штаб также не дал никакой ориентировки».

Конев вернулся в штаб фронта в Касню. На душе было неспокойно. Начальник штаба фронта генерал Соколовский тут же подал донесения авиационной и агентурной разведки: противник, прикрываясь вялыми действиями на фронте своей обороны, производит активную перегруппировку в своём тылу; установлен подход к фронту новых частей, в том числе танковых и моторизованных, в частности, в районе Духовщи-ны на стыке 19-й и 16-й армий, в районе Задня-Кардымово и на левом крыле 20-й армии. Армейская и дивизионная разведки подтверждали эти данные.

В ту же ночь штаб подготовил директиву для командармов: активизировать непрерывную боевую работу всех видов разведки на всех участках; действовать сильными разведотрядами, главным образом ночью; держать противника в постоянном напряжении, проникать в его тыл, дезорганизовывать работу штабов; уточнить группировку противника, стыки подразделений, резервы перед фронтом армий.

«В то же время был осуществлён ряд мероприятий, связанных с усилением обороны, — рассказывал Конев. — К ним относится,

в первую очередь, переход на траншейную оборону. Войска Западного фронта напряжённо строили инженерные укрепления, “залезали в землю”. Кстати, траншеи впервые появились именно на Западном фронте. До этого в Красной Армии была разработана несколько другая организация инженерных сооружений с так называемыми ячейками — отдельными окопами для одного солдата, с нею мы вступили в войну. Война показала, что это неправильно, невыгодно, и полагаться на то, что каждый солдат, каждый воин должен знать свой манёвр, нельзя, особенно когда солдат находится в тяжёлой обстановке, не видит никакой поддержки. Кроме того, метод одиночных ячеек не даёт командиру возможности контролировать действия солдат. А когда солдат находится в траншее, он видит поведение других солдат, они могут его поддержать, он сам может оказать помощь. К тому же в траншеях незаметны всякого рода передвижения, а если это траншеи с хорошо развитыми ходами сообщения в глубину, то манёвр осуществляется буквально под землёй, он чрезвычайно выгоден для организации борьбы с наступающим противником».

Учитывая опыт августовских боёв, Конев приказал создавать противотанковые районы. День и ночь работали оперативные группы штабов дивизионного и армейского уровня, выявлялись направления наиболее реальных ударов противника, создавалась система артиллерийско-миномётного и ружейно-пулемётного огня. Бойцы на какое-то время стали землекопами, плотниками, лесорубами. Как вспоминал маршал, «…командармы получили приказ создать прочную оборону с выводом войск в резерв».

Конев-мемуарист очень деликатен. Нет в его книгах попытки перевоевать какое-то сражение или бой задним числом и навязчивой идеи поиска виновных. Вот и здесь он словно мимоходом говорит о создании прочной обороны *с выводом войск в резерв*. Что это означало? А означало это то, что войска обучались манёвру отступления, отходу на резервные позиции. Второе: как бы ни было тяжело на передовой, командиры частей и соединений получили приказ комфронта создавать собственные резервы. И резервы создавались. Вскоре это поможет некоторым дивизиям и полкам вырваться из окружения с минимальными потерями, более успешно действовать во время обороны и в момент прорыва.

Имел некоторый резерв и командующий: дивизии, которые были особенно ослаблены и нуждались в пополнении и вооружении, он приказал вывести во второй эшелон и пополнять их по мере поступления из тылов маршевых подразделений. Вооружали их тем, что поступало из оружейных артмастерских, а

также передавали новую технику, винтовки и автоматы, выделенные Ставкой для оснащения и усиления Западного фронта. Однако доставка основных грузов, обещанных фронту, — пушки, гаубицы, миномёты, грузовики, пулемёты, автоматы, винтовки, гранаты и бутылки с КС, — как говорят военные, задерживалась.

Поскольку новой техники и вооружения поступало мало, Конев приказал отремонтировать и поставить в строй всю покалеченную, но вывезенную с поля боя технику, особенно танки и артиллерийские орудия, миномёты. Ремонтировалось и стрелковое вооружение. Особенно не хватало пулемётов — чтобы перекрыть надёжным огнём особенно беспокойные и опасные участки обороны.

«Несмотря на принятые меры, плотность обороны и в противотанковом отношении, и в артиллерийском была явно слабой, — рассказывал Конев. — Ощущался острый недостаток стрелкового вооружения».

В конце 1970-х годов в одной из деревень, входившей в 1941 году в Смоленскую область, мне удалось отыскать бывшего старшину, воевавшего под Вязьмой и попавшего там в плен. Ефим Трифонович Половой осенью 1941-го призывался уже на четвёртую войну. Сейчас бы такого назвали профессиональным солдатом. Таковым он, по существу, и был. На призывной пункт он прибыл в форме, в которой полгода назад вернулся домой из похода в составе наших войск в Западную Белоруссию. Затем, когда из запасного полка их маршевый батальон прибыл на передовую, он, кроме кадровых офицеров, командиров рот, был единственным, кто имел военную форму Возможно, именно поэтому ему дали винтовку. Большинство были вооружены винтовками старого образца, по три-четыре винтовки на отделение, из них половина учебные, с рассверленными и кое-как заклёпанными патронниками. Когда стали приближаться к передовой, всем выдали по тридцать патронов, даже тем, у кого не было винтовок, и по три запала для гранат образца 1914 года. «Когда те запалы раздавали, — вспоминал Ефим Трифонович, — я спросил: а где же, мол, гранаты? Там, сказали, на передовой, там и гранаты, и винтовки, и пулемёты. На передовой, сказали, всё получите. Получили…» А получил Ефим Трифонович 8 октября 1941 года контузию и осколок в бедро размером с ладонь, который ему вытащили уже в лагерном лазарете. Чудом выжил в плену. Вернулся в родную деревню и всю жизнь вспоминал свой единственный бой под Вязьмой, который начался утром на рассвете 8 октября и закончился для него пополудни того же дня.

За неделю до немецкого наступления начальник Генерального штаба маршал Шапошников позвонил по бодо:

«Шапошников: — В связи с переходом к временной обороне Верховный главнокомандующий считает необходимым взять от вас в свой резерв две дивизии. Дивизии должны быть достаточно укомплектованы и с артиллерией. Какие дивизии вы можете выделить?

Конев: — Докладываю: ни одной дивизии укомплектованной нет. Все дивизии, выведенные в резерв, слишком малочисленны. Укомплектование ещё не прибыло. Могу выполнить через пять дней по прибытии пополнения.

Шапошников: — Кто командует этими дивизиями? В какой численности эти дивизии и какие номера этих дивизий?

Конев: — Могу выделить с большим ущербом для фронта 64-ю СД и 1-ю МСД. 1-й командует Герой Советского Союза Лизюков, 64-й — полковник Грязнев. Прошу взамен этого 10-ю ТД не расформировывать, а сформировать и сделать её мотострелковой дивизией».

Шапошников попросил охарактеризовать выделяемые дивизии: численный состав стрелковых полков и танкового полка 1-й мотострелковой дивизии. Как оказалось, он насчитывал 45 танков. Правда, все танки были старых образцов.

Любопытная деталь. Во-первых, диалог начальника Генштаба и комфронта демонстрирует проблему, которая в первый период войны буквально по рукам и ногам связывала командный состав Красной армии, — несамостоятельность в принятии тех или иных решений, полное отсутствие командирской инициативы. (Впоследствии этот стиль работы Ставки и Генштаба исчезнет.) Шапошников действует как офицер по особым поручениям Верховного главнокомандующего. Ни больше ни меньше. И, во-вторых, Конев, хорошо понимая ситуацию и то, что отказать он не может, пытается затянуть сроки передачи дивизий. Можно предположить, что он ожидал: немцы ударят раньше, чем истечёт пятидневный срок. Затем, когда его дипломатия не удалась, делает ещё одну попытку хоть что-то выторговать: оставить ему 10-ю танковую, пополнить её и реорганизовать в мотострелковую.

Но в разговоре с маршалом Шапошниковым Конев отступает до определённого рубежа. Более того, несколько дней назад со смутной душой возвратившийся из Ставки, где ожидал иного, более конкретного разговора о предстоящих боях, комфронта обрушивает поток информации на начальника Генерального штаба в надежде на то, что отреагирует хотя бы он, не просто профессиональный военный, а маршал, понимающий всю сложность обстоятельств, сложившихся в секторе Вяземской

обороны.

«Шапошников: — Я считаю, что вы мало выделили стрелковых дивизий, можно выделить больше. Какую, кроме 64-й, можете дать в резерв Ставки?

Конев: — Из стрелковых дивизий выделить больше никого не могу, так как все остальные дивизии исключительно малочисленные. Прошу утвердить названные мною 1-ю МСД и 64-ю дивизии. У нас это лучшие дивизии. И они дрались крепко. Всё, что могу сделать для их укомплектования, сделаю из внутренних ресурсов, но чего-либо значительного из людского пополнения наскрести не смогу. Ваши указания — побольше выделить резервов — сейчас выполнить не сумею. Армии занимают широкие фронты, плохо укомплектованы, имеют недостатки пулемётного и артиллерийского вооружения; на ряде участков фронт обороны вытянут в линию, не имея вторых эшелонов в полках и дивизиях. Есть полки, имеющие численность 130—200 человек. Ваши указания приму к исполнению и всё, что позволит обстановка, вытяну в резерв. Докладываю, что положение 22-й армии немного улучшилось, но ещё стабильность не достигнута. Поэтому резерв на правом фланге иметь крайне необходимо, но сейчас создать их не имею возможности. Сегодня приказал 243-ю стрелковую дивизию 29-й армии, находящуюся в армейском резерве, ввести в бой на направлении Ивашков на участке 22-й армии с тем, чтобы ликвидировать группу противника, переправившуюся на восточный берег реки Западная Двина. Прошу ускорить присылку нам пополнения. Повторяю, что фронт у нас очень жидкий. Всё».

В двадцатых числах сентября из штаба в Касне в Москву были направлены ещё несколько документов, которые подтверждали предыдущие сообщения — противник вот-вот атакует в ближайшие несколько дней.

Конев не ошибался.

Двадцать четвертого сентября по ту сторону фронта в Смоленске в штабе группы армий «Центр» состоялось последнее оперативное совещание всех командующих пехотных армий и танковых групп. На совещание из Берлина прибыли главнокомандующий сухопутными войсками Германии фельдмаршал Браухич со своим начальником штаба генералом Гальдером. 26 сентября командующие армиями и танковыми группами получили приказ о наступлении: 4-я полевая армия и 4-я танковая группа должны наносить удар по обеим сторонам шоссе Рославль—Москва, затем, наступая по линии шоссе Смоленск-Москва, замкнуть кольцо вокруг Вязьмы. Их действия дополняло наступление частей 9-й полевой армии и 3-й танковой

группы. Подвижные части этих соединений должны были выйти восточнее верховьев Днепра и соединиться с подразделениями 4-й танковой группы. Тем временем части 4-й и 9-й армий, которые расположены между ударными группировками, наносят сковывающие удары в районе Ярцево—Ельня. А на южном крыле 2-я полевая армия получила задачу наступать в направлении Сухиничи—Мещовск с обходом Брянска с северо-запада. 2-я танковая группа должна была наступать на Севск—Орёл и во взаимодействии с частями 2-й полевой армии окружить и уничтожить советские войска в районе Брянска.

Словно предвидя это, 26 сентября Конев вновь направил Сталину и Шапошникову донесение:

«Главковерху товарищу Сталину.

Нач. Генштаба товарищу Шапошникову.

26.9.41 года, 15.30.

Данными всех видов разведки и опросом пленного фельдфебеля лётчика-истребителя устанавливается следующее:

1. Противник непрерывно подводит резервы из глубины по жел. д. Минск—Смоленск—Кардымово и по шоссе Минск—Смоленск—Ярцево—Бобруйск—Рославль.

2. Создает группировки: против Западного фронта на фронте 19, 16 и 20-й армий в районе Духовщины, Ярцева, Соловьёвской переправы, ст. Кардымово, Смоленска и против Резервного фронта в районе Рославля, Спас-Деменском на правлении.

3. По показаниям пленного лётчика, противник готовится к наступлению в направлении Москвы, с главной группировкой вдоль автомагистрали Вязьма—Москва. Противник подтянул уже до 1000 танков, из них около 500 в районе Смоленска—Починок. Всего для наступления будет подтянуто противником, по данным пленного лётчика, до 100 дивизий всех родов войск. (Последнее показание лётчика показалось нам малоправдоподобным, но впоследствии это подтвердилось. Действительно, противник сосредоточил на Московском направлении до 80 дивизий, так что пленный ошибся не очень намного. — *И. К.)*

4. Начало наступления 1 октября. Руководить операцией на Москву будет Кейтель и Геринг, прибытие которого на днях ожидается в Смоленске. Авиация для этой операции перебрасывается из-под Ленинграда и Киева. Войска перебрасываются из Германии и киевского направления (показания пленного лётчика).

5. Наши фронтовые резервы подтягиваются на Ярцево-Вяземское направление, район станции Дорогобуж и севернее. Создаются противотанковые рубежи. Фронтовые резервы ограничены: всего четыре СД и три ТБР. Прошу сообщить, будут

ли даны фронту дополнительные резервы, в каком количестве и когда?

Конев, Лестев, Соколовский».

Независимо от ответа из Москвы и не дожидаясь его, штаб Западного фронта издаёт срочный приказ. Его сразу же передают в штабы 16-й, 19-й, 20-й, 22-й, 29-й и 30-й армий:

«Имеющимися данными, противник создает сильную группировку танков, авиации, пехоты в районах Духовщина, Смоленск, Задня, Ярцево, имея в виду в ближайшие дни перейти в наступление в общем направлении — Вязьма.

Приказываю:

1. Усилить бдительность и всеми видами разведки вскрыть группировку и направление ударов противника.

2. Подготовить артиллерию для контрподготовки.

3. Тщательно продумать и подготовить вопросы противотанковой обороны, а также частных и общих контратак.

4. Подготовить противовоздушную оборону для отражения атак авиации противника.

5. Получение и мероприятия донести… Конев, Лестев, Соколовский.

26.9.41 года».

Последний приказ перед бурей предписывал командармам: «Жёсткой обороной в тактической полосе разбить наступающего противника».

«Тайфун» взревел под Ярцевом, Рославлем и Глуховом и двинулся на Москву 30 сентября 1941 года наступлением 2-й танковой группы Гудериана на позиции советских войск в районе Брянска и Орла. 2 октября за час до рассвета обращение Гитлера зачитали солдатам группы армий «Центр», стоявшим перед обороной Западного и Резервного фронтов: «Солдаты Восточного фронта! <…> Мир ещё не видел ничего подобного! Территории, которые на сегодняшний день завоевали немцы и союзные нам войска, в два раза превышают территорию нашего рейха… <…> Сегодня начинается последнее величайшее и решающее сражение этого года. Эта битва должна поставить на колени не только противника, но и зачинщика всей войны — Англию. Ибо, разгромив противостоящего противника, мы лишим Англию последнего её союзника на континенте. Вместе с тем мы устраним опасность не только для нашего рейха, но и для всей Европы, опасность нашествия гуннов…»

Гуннами командовали два советских генерала и маршал — Конев, Ерёменко и Будённый. Под их рукой в тот период находилась, как однажды процедил сквозь зубы один из немецких историков, «последняя из советских воинских масс войск —

отступавшие от границы остатки войск и мобилизованное ополчение». Немец не нашёл в себе сил даже на то, чтобы назвать наши фронты войском, при этом в скобках заметил, что необходимый профессионализм Красная армия наберёт только к 1944 году. (Тогда кто же бил-громил доблестные германские войска на Волге в районе Сталинграда зимой 1942/43 года? Кто их опрокинул на Курской дуге летом 1943 года и отбил Белгород и Харьков? И кто преодолел «линию Пантера Вотан» на Днепре осенью 1943 года?) Похоже, обращение Гитлера к солдатам Восточного фронта, которые должны были в октябре 1941-го исполнить сценарий «Тайфуна», на немцев действует до сих пор: «…этот враг, — напутствовал фюрер изготовившихся к броску на Москву своих верных ветеранов и молодых солдат, прибывших в качестве пополнения в дивизии группы армий «Центр», — состоит в основном не из солдат, а из бестий».

По приказу Ставки войска Западного фронта были сосредоточены на двух важнейших направлениях: на Вязьму и на Ржев. Именно там была сконцентрирована главная ударная мощь группировки. Ржевское операционное направление было усилено двумя резервными дивизиями, Вяземское — тремя стрелковыми, одной кавалерийской и тремя танковыми бригадами. Эти резервы были накоплены и сосредоточены для нанесения контрудара.

В какой-то момент у Конева возникли сомнения по поводу намерений противника ударить именно здесь, по оси Минского шоссе. Глубина обороны в районе Вязьмы достигала 55 километров, войска располагались в несколько эшелонов. Но на других участках, где, по мнению Ставки, наступление противника оставалось маловероятным, оборона была вытянута и строилась в один эшелон. На каждую дивизию здесь приходилось до 13—15 километров фронта. И если на предполагаемых участках прорыва было сосредоточено до 38 орудийных стволов, определены и подготовлены рубежи последовательного сосредоточения огня, то в местах пассивной обороны стояло по 10—12 орудий на километр фронта.

Сомнения усилились, когда 27 сентября в штаб на утверждение был доставлен план обороны 16-й армии. Конев знал Рокоссовского, доверял ему и как соседу — в августе их армии дрались бок о бок, — и как подчинённому — 16-я теперь стояла на реке Вопи и седлала Минское шоссе. И вот Рокоссовский предложил вариант отвода войск в глубину в случае развития событий по непредусмотренному варианту.

Как быть? Идти наперекор требованиям Ставки и директивам Генштаба, которые требуют жёсткой обороны? Жёсткой! Такого даже уставы не предусматривают, нет такого термина в уставах.

Но кто он такой, две недели назад назначенный на должность командующего, чтобы напоминать об уставных требованиях Ставке и Генштабу?

План Рокоссовского Конев принял частично, наложив следующую резолюцию: «Рокоссовскому. Ваш план обороны не отражает задачи упорной обороны, напротив, предусмотренное планом перекатывание эшелонов от рубежа к рубежу имеет признаки только подвижной обороны. Отход 112 сд на р. Вопь открывает фланг 50 сд.

Кроме того, построение обороны 38 сд в три эшелона ведёт к возможности последовательного разгрома этих эшелонов и ослабляет силу сопротивления первого эшелона на наиболее подготовленных позициях по р. Вопь.

Приказываю:

1. Вести упорную оборону на занятом частями рубеже, опираясь на р. Вопь. <…> Драться упорно. Всякое понятие подвижной обороны исключить…»

Теперь можно только гадать, что заставило Конева отвергнуть в общем-то разумный план одного из своих подчинённых. С другой стороны, можно предположить, что план Рокоссовского Коневу понравился, но он, комфронта, не мог позволить маневрировать одной из своих шести армий и подвергать опасности фланги соседей. А перестраивать всю оборону под новую концепцию уже не оставалось времени.

Беспокоило Конева и ещё одно довольно серьёзное обстоятельство. Армии Резервного фронта частично стояли фронтом слева, южнее Ельни, прикрывая район Спас-Деменска и Кирова по оси Варшавского шоссе. Взаимодействие с южным соседом было слабое. Успокаивало то, что значительная часть войск Резервного фронта стояла вторым эшелоном в затылок его дивизиям. Позже выяснится, что это не так…

Немцы атаковали 2 октября на рассвете. День «Т» начался мощной артподготовкой. Затем в наступление пошли танки и лёгкая бронетехника с пехотой. В небе повисла штурмовая и бомбардировочная авиация. Сразу по нескольким командным пунктам, в том числе и по месту расположения штаба Западного фронта, были нанесены бомбоштурмовые удары. Связь с некоторыми частями и соединениями нарушилась и не была восстановлена уже никогда, вплоть до окончательного разгрома.

Вопреки ожиданиям, противник ударил в наименее защищенное место — в стык 30-й и 19-й армий. Вторым эшелоном, надёжно прикрывая стык, все эти дни напряжённо готовилась к обороне недавно сформированная 49-я армия генерал-лейтенанта И.Г. Захаркина — полнокровные кадровые

дивизии. Но буквально накануне начала операции «Тайфун» по приказу Генштаба армия почти в полном составе была снята с обустроенных и пристрелянных позиций и начала грузиться в эшелоны для отправки на юг, в район Харькова.

3-я танковая группа Гота ударила из района севернее Духовщины и совместно с пехотными дивизиями 9-й полевой армии Штрауса повела наступление на Сычёвку, явно угрожая правому флангу 19-й армии Лукина, внезапно оказавшемуся открытым. Танковый клин начал охватывать Вязьму с севера, а затем, оттеснив и частично смяв войска 30-й армии Хоменко, и с северо-востока.

Исследователи вяземской катастрофы 1941 года говорят о том, что в полосе прорыва шириной до 16 километров удар наносила группировка, состоявшая из восьми дивизий. На их пути оказались 162-я стрелковая дивизия и примыкавшие к ней справа и слева два стрелковых полка.

Одновременно были атакованы порядки Резервного фронта на участке, прилегающем к Варшавскому шоссе. 4-я танковая группа при поддержке пехотных частей 4-й полевой армии, прорвав оборону войск маршала Будённого, вышла на шоссе. Часть сил ринулась к Юхнову, а часть начала загибать основание клина в сторону Спас-Деменска, охватывая Вязьму и всю группировку находившихся здесь войск с юга и юго-востока. Возникла реальная угроза окружения основных сил Западного и Резервного фронтов. Немецкий историк Пауль Карель в одной из своих книг, посвященных походу Гитлера на Москву, об этом наступлении не без восхищения сказал: «Это был, наверное, самый выверенный план за всё время войны, и всё в нём работало как часы».

С атакованных участков командармы сообщали о прорыве и попытках латания брешей резервами и усиленным огнём артиллерии. С каждым часом положение становилось всё хуже.

19-я армия. Лукин сообщает о том, что обозначился прорыв на его правом фланге, на стыке с 30-й армией. Принял меры по воспрещению охвата своего правого крыла, оказавшегося оголённым. Перебрасывает резервные части и артиллерию со слабо атакованных участков. «Связи с 30-й армией не имею».

30-я армия. Хоменко докладывает: противник силой до двух пехотных полков при поддержке большого количества танков и до 120 самолётов прорвал оборону 162-й и 242-й стрелковых дивизий. Полки дерутся изолированно. Противник наносит бомбовые удары по городу Белый и железнодорожной станции Канютино. «Прошу помочь авиацией фронта».

В 18.00 три группы пикирующих бомбардировщиков по 14—

16 машин нанесли удар по командному пункту Конева в Касне. В налёте также участвовали бомбардировщики Ю-88, они сбросили несколько бомб весом в тонну каждая. Одной из таких бомб разнесло в щепки здание, в котором располагался оперативный отдел, управление ВВС фронта и шифровальное отделение. Десятки убитых и раненых. Среди погибших 20 офицеров штаба, из них три полковника.

Третьего октября по приказу Конева Лукин (19-я армия) и Ершаков (20-я армия) контратаковали частью своих сил в направлении Сафоново и Красный Холм.

16-я армия. Рокоссовский сообщает, что его дивизии продолжают удерживать район Минского шоссе. Противник контратакован и отброшен на исходные. «Перед фронтом армии противник имел свыше двух пд в первом и до восьми пд и двух тд во втором».

Рокоссовский твердил об этих танковых и пехотных дивизиях второго эшелона из сводки в сводку, и эти бодрые, победные данные сбивали с толку штаб фронта. Главный же удар противник развивал севернее автострады, в районе Холм-Жирковского. На фронте 16-й армии немцы лишь демонстрировали наступление, сковывая силы с расчётом, что противник не осмелится ослабить этот участок и перебросить часть войск в район прорыва. В своих мемуарах маршал Рокоссовский довольно сдержанно рассказывает об этих боях. Основное место в воспоминаниях о вяземской истории занимают описания того, как управление 16-й армии, получив приказ Конева, плутало по окрестностям Вязьмы, потом едва не попало под огонь немецких танков в самой Вязьме, а затем с боями пробивалось к Можайску.

Сведения, поступавшие от командармов, складывались в довольно противоречивую картину. Наметился явный прорыв в направлении на Белый и на станцию Канютино. Но одновременно Рокоссовский настаивает на том, что вдоль Минского шоссе противник накопил во втором эшелоне огромное количество войск, и их состав и конфигурация построения свидетельствуют в пользу того, что это и есть главная ударная группировка.

Противоречивость сведений, неясность ситуации, а также, возможно, нерешительность комфронта способствовали тому, что вскоре поправлять положение оказалось почти невозможным.

Фронтовые резервы по-прежнему находились в районах сосредоточения близ Вязьмы. «Судя по всему, — пишет в своей книге «Вяземская катастрофа 41-го года» историк Лев Лопуховский, — окончательно командующий Западным фронтом определился в обстановке лишь в ночь на 3 октября и в

соответствии с планом операции принял решение на контрудар. К этому времени обстановка на канютинском направлении ухудшилась. Наша авиация обнаружила колонну противника глубиной 20 км головой у Крутицы — уже в 42 км от переднего края».

Никакой армии, никаких войск во втором эшелоне на этом направлении не оказалось.

Утром 3 октября в 5.00 в штабы 19-й и 30-й армий ушёл приказ, согласно которому объединённая группировка этих двух армий, стык которых проломило бронированное копьё «Тайфуна», должна была произвести частичную перегруппировку и контратаковать прорвавшегося противника. Основная роль в намечавшемся контрударе возлагалась на фронтовой резерв, сведённый в объединённую группировку. Командование этой группировкой Конев возложил на своего заместителя генерал-лейтенанта И.В. Болдина.

Болдина он спас месяц назад, когда тот выводил из окружения свою группу, пробираясь к Смоленску от самой границы. Теперь он, герой приказа № 270, ходил у него в заместителях. 11 августа, говорилось в приказе, подписанном Сталиным, «генерал-лейтенант Болдин ударил немцев с тыла, прорвал немецкий фронт и, соединившись с нашими войсками, вывел из окружения вооружённых 1654 красноармейца и командира, из них 103 раненых». На самом деле, как мы помним, всё обстояло не совсем так. Но теперь они были рядом, два генерала, на которых Ставка и судьба возложили огромную ответственность за судьбу фронта, Москвы и России. И теперь Болдин должен был спасти фронт.

Ударная группа состояла из одной стрелковой, одной кавалерийской и одной мотострелковой дивизии (69 танков), а также трёх бригад, в которых насчитывалось 172 танка. Удар оперативной группы генерала Болдина должны были поддерживать войска 30-й армии.

Из донесений генерала Болдина, сохранившихся в архиве Министерства обороны РФ, видно, что наше командование, к сожалению, даже к исходу 3 октября не имело представления, насколько серьёзная угроза нависла над войсками и судьбой фронта. Болдин доносил в штаб фронта о «танковых группах силами 15 и 40 танков», прорвавших оборону 30-й армии и вышедших в район севернее Вязьмы. Реальность была стократ (в буквальном смысле этого слова и этого числа) страшнее.

Части оперативной группы Болдина не смогли сосредоточиться для согласованного удара, а потому, выдвигаясь навстречу противнику, вступали в бой по мере соприкосновения с

ним, то есть разрозненно, «пачками». К тому же опергруппа не располагала достаточным количеством противотанковой и зенитной артиллерии. Действовать пришлось одновременно на двух направлениях.

Немецкая разведка быстро определила состав и положение оперативной группы генерала Болдина. 4 октября на боевые порядки контратакующих частей обрушил всю свою мощь 8-й авиакорпус группы армий «Центр». В этот же день в воздух была поднята и наша авиация. Разгорелись ожесточённые воздушные схватки.

Особенно яростные бои группы Болдина развернулись в районе Холм-Жирковского. Поля, политые кровью русских солдат 1812 года, вновь стали местом жесточайшего встречного сражения.

Политрук Солдатов из 128-й танковой бригады повёл в бой два танка К.В. Навстречу нашим танкам вышли до десятка немецких средних танков. Бой длился около двадцати минут. Было подбито пять танков противника. КВ вышли из боя без потерь. При этом, как сказано в боевом донесении, «экипажи двух вражеских танков бросили машины, не заглушив моторы, бежали».

Свою задачу — перехватить большак Батурино—Холм-Жирковский и занять важнейшие переправы через Днепр — оперативная группа генерала Болдина выполнить не смогла. Упорные бои в районах её действий продолжались до 5 октября, порой затихая, а потом снова вспыхивая с прежней яростью.

Четвертого октября Холм-Жирковский дважды переходил из рук в руки.

Тем временем генерал Лукин храбро и стойко отражал новые и новые атаки на своём фронте. Против него действовало до семи пехотных дивизий при поддержке 150 танков. Пока противнику не удавалось пробить или опрокинуть порядки его дивизий. 5 октября 19-я армия продолжала удерживать свои рубежи к северу от Минского шоссе.

В этот же день, 4 октября, с южного крыла пришло известие, смысл которого потряс всех офицеров штаба Западного фронта: противник, частично смяв и рассеяв, а частично оттеснив войска 33-й и 43-й армий Резервного фронта, сделал глубокий прорыв в районе Спас-Деменск, Ельня.

«Прорыв противника в этом направлении создал исключительно трудную обстановку и для 24-й и 43-й армий Резервного фронта, и для Западного фронта, — вспоминал Конев. — Наши 20, 16, 19-я армии оказались под угрозой охвата с обоих флангов. В такое же положение попадала 32-я армия Резервного

фронта. Обозначилась угроза выхода крупной танковой группировки противника с юга со стороны Резервного фронта в район Вязьмы в тыл войскам Западного фронта и с севера из района Холм-Жирковского».

Когда стало очевидным, что действия оперативной группы Болдина не дали желаемого результата, что танковые бригады завязли в боях на подступах к коммуникации Батурино—Холм[31], прочно осёдланной противником, и днепровским переправам, когда Военный совет Западного фронта окончательно понял, что «мелкие группы» немецких танков, о которых докладывали и командармы, и Болдин, на самом деле основная ударная группировка, разрезавшая линию обороны севернее Минского шоссе и опасно охватившая правый фланг 19-й армии, когда на всё это легла новость о прорыве под Спас-Деменском и Ельней и расчленении Резервного фронта, Конев позвонил в Ставку. Единственное, что ещё могло спасти войска и предотвратить катастрофу, — не медля отвести войска в глубину обороны, пусть с потерями, но вывезти, эвакуировать тяжёлую технику и вооружение и развернуть её на новом рубеже в районе Гжатска, вырвать дивизии из-под гусениц немецких танков, спасти армии от уничтожения и плена.

«В связи с создавшимся положением я 4 октября доложил Сталину об обстановке на Западном фронте и о прорыве обороны на участке Резервного фронта в районе Спас-Деменска, а также об угрозе выхода крупной группировки противника в тыл войскам 19, 16 и 20-й армий Западного фронта со стороны Холм-Жирковского, — продолжал Конев. — Сталин выслушал меня, но не принял никакого решения. Связь по ВЧ оборвалась, и разговор прекратился. Я тут же связался по бодо с начальником Генерального штаба маршалом Шапошниковым и более подробно доложил ему о прорыве на Западном фронте в направлении Холм-Жирковский и о том, что особо угрожающее положение создалось на участке Резервного фронта. Я просил разрешения отвести войска нашего фронта на гжатский оборонительный рубеж. Шапошников выслушал доклад и сказал, что доложит Ставке. Однако решения Ставки в тот день не последовало. Тогда командование фронта приняло решение об отводе войск на гжатский оборонительный рубеж, которое 5 октября было утверждено Ставкой. В соответствии с этим мы дали указание об организации отхода войскам 30, 19, 16 и 20-й армий».

Фразу Конева по поводу того, что Сталин выслушал его тревожный доклад, «но не принял никакого решения», историки потом интерпретировали как растерянность Верховного.

Что ж, возможно, Сталин на какое-то мгновение и растерялся.

Он же тоже человек. Но, как теперь стало известно, Сталин сразу же позвонил Жукову в Ленинград:

— У меня к вам только один вопрос, — сказал Верховный, — не можете ли сесть на самолёт и приехать в Москву? Ввиду осложнения на левом крыле Резервного фронта в районе Юхнова Ставка хотела бы с вами посоветоваться о необходимых мерах.

Директиву на отвод войск Конев получил только в ночь с 5-го на 6 октября. Почти сутки Ставка решала, что предпринять! Время — даже часы и минуты — работало в тот период не на Красную армию. Той же директивой Западному фронту передавались 31-я и 32-я армии. Но теперь они были не в помощь Военному совету фронта. Теперь, когда предстояло снимать дивизии с позиций из-под огня противника и отводить их под непрерывным обстрелом артиллерии, они были только обузой.

«Ставка, к сожалению, с большим опозданием подчинила Западному фронту 31-ю и 32-ю армии Резервного фронта. Будь это сделано до начала сражения, мы могли бы их использовать в качестве второго эшелона…» — рассказывал Конев.

«Выполняя приказ, войска фронта, главным образом 19-я и 20-я армии, не имея сильного нажима наступающего противника с фронта, прикрывая свои фланги, начали последовательно отходить от рубежа к рубежу. Первый промежуточный рубеж был намечен на Днепре, где были подготовлены позиции Резервным фронтом.

Принимая решение на отход, я хорошо представлял себе все трудности его выполнения… Отход — самый сложный вид боевых действий. Требуется большая выучка войск и крепкое управление. На опыте мы постигали это искусство. Невольно в связи с этим вспоминаются слова Льва Толстого. В своих записках о Крымской войне[32] он писал, что “необученные войска не способны отступать, они могут только бежать”. Очень метко и правильно сказано. К сожалению, надо признать, что до войны наши войска очень редко изучали этот вид действий, считая отход признаком слабости и несовместимым с нашей доктриной. Мы собирались воевать только на территории врага. И вот теперь, во время войны, за это крепко поплатились.

Должен заметить, что отход наших войск проходил в трудных условиях. Поскольку артиллерия и все обозы Западного фронта… имели только конную тягу, то оторваться от противника войска были не в силах, так как превосходство в подвижности было на стороне врага.

7 октября 1941 года танковые и моторизованные корпуса противника подошли к Вязьме: 56-й с северного направления — от Холм-Жирковского, а 46-й и 40-й с южного направления — от

Спас-Деменска.

8 этой сложной обстановке выполнить манёвр отхода было очень трудно. Быстро продвигавшиеся гитлеровские моторизованные корпуса отрезали пути отхода. Вследствие этого к 7 октября в окружении оказались 16 дивизий из 19, 20 и 32-й армий Западного фронта, а также остатки дивизий 24-й армии Резервного фронта и понесшие большие потери части группы Болдина. Соединения 30-й армии, понеся тяжёлые потери, так как они приняли на себя основную силу удара превосходящих сил противника, отдельными группами отходили к востоку через леса, западнее Волоколамска. 8 октября я отдал приказ окружённым войскам пробиваться в направлении Гжатска…

Принимая решение на выход из окружения, мы ставили задачу ударными группировками армий прорвать фронт противника в направлении Гжатска, севернее и южнее шоссе Вязьма—Москва, не соединяя армии в одну группировку и не назначая сплошного участка прорыва. Нашей целью было не позволить врагу сужать кольцо окружения и, имея обширную территорию, маневрировать силами, сдерживать активной борьбой превосходящие силы противника. Конечно, борьба в окружении — сложная форма боя, и, как показал опыт войны, мы должны были готовиться к такому виду действий, чего, к сожалению, перед войной не делалось. В манёвренной войне такая форма борьбы не является исключением, её не исключает и современное военное искусство».

К сожалению, и замедленная реакция Ставки и Генштаба на донесения Конева, и действия самого Конева в период Вяземского сражения 1941 года выстраиваются в цепь последовательных ошибок, результатом которых стало неминуемое — окружение армий, гибель, пленение сотен тысяч, катастрофа.

Военный историк Борис Соколов в одной из своих книг, размышляя о вяземской трагедии 1941 года, пишет: «Ошибкой Конева было то, что он отказался от попытки собрать окружённые войска в один кулак и, создав мощную ударную группировку при поддержке оставшихся на ходу танков и всей находящейся под рукой авиации, с привлечением сил ПВО Москвы, попытаться на узком фронте разорвать ещё неплотное кольцо окружения. Вместо этого получились удары растопыренными пальцами. 19-й и 32-й армии было приказано пробиваться в зависимости от обстановки либо на Сычёвку, либо на Гжатск, а 20-й армии, как сообщает Конев, “было дано указание пробиваться в юго-западном направлении, с выходом на тылы немецкой группировки, которая к этому времени главными силами выдвигалась в район Вязьмы”. Очевидно, над командующим Западным фронтом всё ещё довлела

идея проведения контрударов с целью нанесения хотя бы частичного поражения противнику, чтобы тем самым облегчить отход остальных войск фронта на новые рубежи. На практике “активная борьба” и “маневрирование” оказавшихся в “котле” советских армий привели к тому, что они оказались под ударом основных сил группы “Центр” и были уничтожены. Из окружения не вышел почти никто».

Что ж, суд истории, а тем более историков строг.

* * *

В 1966 году, к 25-летию битвы под Москвой, к печати готовился сборник воспоминаний её участников. По этикету тех лет основу книги должны были составлять тексты главных действующих лиц, то есть маршалов и генералов.

Представляю, как непросто было составителям: взять интервью, если герой по какой-либо причине не может написать воспоминания сам, литературно обработать их, а потом согласовать с другими участниками сборника, чтобы не случилось, не дай-то бог, нелепицы, когда один вспомнит о том, что было или чего не было, не так, как все остальные…

С особым вниманием Жуков читал статью Конева. В притухшую топку соперничества двух маршалов обстоятельства бросили свежую охапку дров…

Жуков сделал ряд существенных замечаний. Первое: что Иван Степанович напрасно не включает в число окружённых 16-ю армию. И это справедливо: вне кольца оказалось только её полевое управление во главе с Рокоссовским. Второе: Жуков отводил упрёк Конева по поводу того, что «во всём виновата Ставка, Генеральный штаб и соседний Резервный фронт». Жуков настаивал: «…соотношение сил давало возможность вести успешную борьбу с наступающим противником, во всяком случае, избежать окружения и полного разгрома…». Третье: Жукова буквально взорвала фраза Конева: «Бежать было некуда — сзади Москва». «Как известно, — написал Георгий Константинович 15 августа 1966 года в своём письме в Воениздат, — сражение методом бегства не ведётся. И тогда, когда назревает тяжёлая обстановка (угроза окружения), опытный полководец должен отвести войска на тыловой рубеж, где вновь оказать врагу организованное сопротивление». Четвёртое: на упрёк Конева в адрес Резервного фронта, что «прорыв противника на участке Резервного фронта дал возможность врагу выйти глубоко в тыл Западного фронта», автор письма, как мне кажется, справедливо

возразил: «Такую же претензию мог бы предъявить Коневу и Будённый. А что касается резервов на этом направлении — это вина Конева, не меньшая, чем Будённого. Оба они не предусмотрели расположения резервов на угрожаемых участках».

Что ж, эта история ещё раз убеждает нас в том, что с последними залпами война не заканчивается.

Не все упрёки маршала Жукова маршалу Коневу состоятельны. Не все справедливы. К примеру, Конев совершенно прав, говоря об отсутствии роли Ставки и Генштаба в организации координации действий трёх фронтов, прикрывавших Московское направление, о том, что на сутки было задержано разрешение на отход войск Западного фронта. Ведь некоторым дивизиям, полкам, группам, да и просто одиночным красноармейцам и командирам нескольких минут не хватило для того, чтобы пройти мимо немецкого поста, выскользнуть по ещё свободному коридору из кольца, избежать смерти, плена и горькой участи пропавшего без вести.

Очень противоречивыми оказались и эпизоды «Воспоминаний и размышлений», где Жуков повествует о днях его прилёта из Ленинграда в Москву и назначения на новую должность командующего войсками Западного фронта.

Но об этом мы поговорим в другой главе.

Глава пятнадцатая. О ТОМ, КАК ЖУКОВ СПАС КОНЕВА

В ночь на 6 октября штабная группа во главе с Коневым и членом Военного совета фронта Н.А. Булганиным прибыла в штаб Резервного фронта, который размещался в блиндажах и землянках в лесу восточнее Гжатска. Однако на КП маршала Будённого не оказалось. Семён Михайлович ночевал в уютном домике на окраине города. Подходы к домику охраняли автоматчики и танк КВ.

Вот тут-то и узнал Конев: то, что произошло с его войсками в районе Вязьмы, попросту не могло не произойти. Штаб Конева был уверен, что за порядками 19-й и 30-й армий, надёжно прикрывая их стык и обеспечивая оперативную глубину обороны, стоит кадровая 49-я армия Резервного фронта. В штабе Западного фронта сетовали лишь на то, что ни Ставка, ни Генштаб не обеспечили взаимодействия двух группировок, вынужденных действовать практически на одном рубеже. Но оказалось, что дела обстоят ещё хуже. Наконец-то стало ясно, почему не был поддержан удар оперативной группы Болдина.

«…как выяснилось в разговоре с Будённым, — рассказывал Конев, — 49-я армия к этому времени уже была погружена в эшелоны и отправлена на Юго-Западное направление. Таким образом, 49-я армия, находившаяся на вяземском оборонительном рубеже за сутки до наступления главных сил группы армий “Центр”, за сутки, повторяю, была снята и переброшена на юг. Никаких войск Резервного фронта на рубеже Гжатск—Сычёвка не оказалось».

Вот когда стали окончательно понятны и причины катастрофы, и её масштабы.

Некоторые исследователи вяземских событий октября 1941-го склонны не доверять откровениям маршала Конева. Аргумент один: как это так, мол, командующий фронтом, и не знал, что происходит в ближнем тылу его войск? Оставим это под вопросом. Документов и свидетельств, подтверждающих то, что маршал Конев, вспоминая бои под Вязьмой, о чём-то важном, касающемся передислокации 49-й армии Резервного фронта, запамятовал, в архивах до сих пор не обнаружено. Нет никаких, даже косвенных свидетельств, подтверждающих, что Конев говорил неправду.

Вообще история с переброской 49-й армии, если рассматривать её в общем контексте событий, выглядит довольно

двусмысленной. Посудите сами: в самый канун немецкой атаки, и именно там, где намечен основной прорыв и ввод в дело главных сил (3-я танковая группа генерала Гота), построенная глубокоэшелонированная оборона ослабляется отводом целой армии. Причём кадровой, хорошо укомплектованной и оснащённой. При этом немецкое командование выстраивает свои атакующие части практически в один эшелон, без резервов, как будто наперёд зная, что никаких войск в глубине обороны русских нет, что главная задача — прорвать передовые линии, а там всё пойдёт как по маслу. Так и произошло. К исходу второго дня наступления танки Гота углубились в оборону Западного фронта на 50—60 километров. Фронт был прорван на стыке 19-й и 30-й армий. В образовавшуюся брешь шириной до 40 километров хлынули моторизованные и пехотные дивизии, части усиления. Они стремительно развивали удар и вскоре охватили части 19-й, 16-й и 20-й армий, выйдя им во фланг и в тыл. 49-й армии не оказалось именно там, где она нужна была в эти дни более всего.

Конев пытался импровизировать и оперативной группой Болдина в районе Холм-Жирковского и днепровских переправ, и группой генерала Лебеденко[33] в районе города Белый. Но ни Болдин, ни Лебеденко, ни Рокоссовский с его полевым управлением, отведённым к Вязьме для организации контрудара во фланг группировке противника, прорвавшейся севернее Минского шоссе, выполнить запоздалые приказы не смогли.

Надо признать, что приказы и распоряжения, исходившие в дни сражения под Вязьмой и из Москвы (Ставка, Генштаб), и из Касни, а потом и из Красновидова, катастрофически запаздывали. Порой они просто отставали от реальных событий. В то время как немецкие штабы работали на опережение.

Уже в Красновидове, в штабе Западного фронта, произошло то, что впоследствии будет очень разноречиво описано в мемуарах главных его действующих лиц.

Маршал Василевский, в то время заместитель начальника Генерального штаба, вспоминал: «Для помощи командованию Западного и Резервного фронтов и для выработки вместе с ними конкретных, скорых и действенных мер по защите Москвы ГКО направил в район Гжатска и Можайска своих представителей — К.Е. Ворошилова и В.М. Молотова. В качестве представителя Ставки туда же отбыл вместе с членами ГКО и я… 5 октября 1941 года мы прибыли в штаб Западного фронта, размещавшийся непосредственно восточнее Гжатска. Вместе с командованием фронта за пять дней нам общими усилиями удалось направить на Можайскую линию из состава войск, отходивших с Ржевского,

Сычёвского и Вяземского направлений, до пяти стрелковых дивизий».

В те же дни, как уже известно, Сталин отзывает из-под Ленинграда Жукова и посылает его… И вот здесь вопрос: куда и кем он посылает самого надёжного и исполнительного своего генерала?

Маршал Жуков, в то время генерал армии (из первой редакции «Воспоминаний и размышлений»): «Подъезжая на рассвете к полустанку Обнинское (105 километров от Москвы), увидел двух связистов, тянувших кабель со стороны моста через реку Протва, и спросил:

— Куда тянете, ребята, связь?

— Куда приказано, туда и тянем, — ответил простуженным голосом солдат громадного роста с густо заросшей бородой.

Пришлось назвать себя и сказать, что я ищу штаб Резервного фронта и С.М. Будённого.

Подтянувшись, тот же солдат ответил:

— Извините, мы вас в лицо не знаем, так и ответили. Штаб фронта вы уже проехали. Он два часа тому назад прибыл и остановился в домиках в лесу на горе, налево за мостом. Там охрана вам покажет, куда ехать.

— Ну, спасибо, друг, выручил, а то пришлось бы долго разыскивать, — ответил я солдату.

Развернувшись обратно, через 10 минут я был в комнате Мехлиса, у которого находился начальник штаба фронта генерал Боголюбов. Мехлис говорил с кем-то по телефону и кого-то распекал.

На вопрос: “Где командующий?”, начальник штаба фронта Боголюбов ответил:

— Неизвестно. Днём он был в 43-й армии. Боюсь, чего бы плохого не случилось с Семёном Михайловичем.

— А вы приняли меры к его розыску?

— Да, послали офицеров, но офицеры ещё не вернулись.

— Что известно из обстановки? — спросил я генерала Боголюбова.

Мехлис, обращаясь ко мне, спросил:

— А вы с какими задачами к нам?

— Приехал к вам по поручению Верховного разобраться в обстановке, — ответил я.

— Вот, видите, в каком положении мы оказались? Сейчас собираю неорганизованно отходящих. Будем на сборных пунктах довооружать и формировать из них новые части.

Из разговора с Боголюбовым я ничего не узнал о положении войск Резервного фронта и о противнике. Сел в машину и поехал

через Малоярославец, Медынь в сторону Юхнова, имея в виду, что там, на месте, скорее выясню обстановку. <…>

Всю эту местность, где развернулись события, я знал хорошо, так как в юные годы она была вдоль и поперек исхожена мной. В 10 километрах от Обнинского, где сейчас остановился штаб Резервного фронта, моя деревня Стрелковка Угодско-Заводского района, а там ещё находится моя мать, моя сестра и её четверо детей. Невольно возник вопрос: а что будет с ними, если туда придут фашисты? Как поступят они с матерью, сестрой и племянниками командующего фронтом?

Конечно, расстреляют или сожгут живыми. Видимо, надо послать адъютанта вывезти их из деревни в Москву, которую мы будем защищать до последнего вздоха, но врагу не сдадим, нет, не сдадим!

Проехав до центра города Малоярославец, я не встретил ни одной живой души. Не то люди ещё спали, не то уже бежали дальше, в тыл страны. В центре, около здания райисполкома, увидел две легковые машины типа “Виллис”.

— Чьи это машины? — спросил я у спавшего шофёра. Шофёр, проснувшись и часто заморгав, ответил:

— Это машина Семёна Михайловича, товарищ генерал армии.

— Где Семён Михайлович?

— Отдыхает в помещении райисполкома.

— Давно вы здесь? — спросил я у шофёра, который окончательно проснулся.

— Часа три стоим, не знаем, куда нам ехать.

Войдя в райисполком, я увидел дремлющего С.М. Будённого, видимо, более двух-трёх суток не бривщегося и осунувшегося.

С Семёном Михайловичем мы тепло поздоровались. Было видно, что он многое пережил в эти трагические дни.

— Ты откуда? — спросил Будённый.

— От Конева, — ответил я.

— Ну, как у него дела? Я более двух суток не имею с ним никакой связи… Вот сижу здесь и не знаю, где мой штаб.

Я поспешил порадовать Семёна Михайловича:

— Не волнуйся, твой штаб на 105 километре от Москвы, в лесу налево, за железнодорожным мостом через реку Протва. Там тебя ждут. Я только что разговаривал с Мехлисом и Боголюбовым. У Конева дела очень плохи. У него большая часть фронта попала в окружение, и хуже всего то, что пути на Москву стали для противника почти ничем не прикрыты.

— У нас не лучше. 24-я и 32-я армии разбиты, и фронта обороны не существует. Вчера я сам чуть не угодил в лапы

противника между Юхновом и Вязьмой. В сторону Вязьмы вчера шли большие танковые и моторизованные колонны, видимо, с целью обхода с востока.

— В чьих руках Юхнов? — спросил я Семёна Михайловича.

— Сейчас не знаю, — ответил Будённый. — Вчера там было до 2 пехотных полков народных ополченцев 33-й армии, но без артиллерии. Думаю, что Юхнов в руках противника.

— Ну, а кто же прикрывает дорогу от Юхнова на Малоярославец?

— Когда я ехал сюда, — сказал Семён Михайлович, — кроме трёх милиционеров, в Медыни никого не встретил. Местные власти из Медыни ушли.

— Поезжай в штаб фронта, — сказал я Семёну Михайловичу, — разберись с обстановкой и доложи в Ставку о положении дел на фронте, а я поеду в район Юхнова. Доложи Сталину о нашей встрече и скажи, что я поехал в Калугу. Надо разобраться, что там происходит».

Из этого фрагмента можно понять, что Жуков прибыл в штаб Резервного фронта в качестве представителя Ставки. Однако, размышляя о родине и родственниках, оставшихся в Стрелковке, он сокрушается о том, как могут поступить фашисты «с матерью, сестрой и племянниками командующего фронтом». Именно командующего фронтом…

В этой редакции у автора много путаницы и противоречий, а порой и неточностей. К примеру, Георгий Константинович пишет, что по дороге он наткнулся на 17-ю танковую бригаду, которой командовал его соратник по Халхин-Голу И.И. Троицкий. От него якобы Жуков узнал, что Юхнов занят немцами. В «Воспоминаниях и размышлениях» приводится даже диалог бывших боевых товарищей по Халхин-Голу Но правда состоит в том, что полковник И.И. Троицкий в это время служил в должности начальника штаба 61-й танковой дивизии Забайкальского фронта и продолжал служить в Забайкалье до конца Великой Отечественной войны. А 17-й танковой бригадой командовал майор Н.Я. Клыпин, талантливый командир и храбрый человек, Герой Советского Союза. Ошибочно назван «полковником Смирновым» и командир 312-й стрелковой дивизии, в то время сражавшейся под Малоярославцем, полковник А.Ф. Наумов. Перечень неточностей можно продолжать, но суть в другом. В том, как изобразил в своих мемуарах Маршал Победы историю генерала Конева.

Маршал Жуков: «В районе Калуги меня догнал на машине офицер штаба Резервного фронта и вручил телефонограмму начгенштаба Шапошникова, в которой было сказано: “Верховный

Главнокомандующий приказал Вам немедленно прибыть в штаб Западного фронта. Вы назначаетесь командующим Западным фронтом”.

Развернув машину, мы тотчас же поехали в обратном направлении — в штаб Западного фронта. Утром 10 октября я прибыл в штаб Западного фронта, который теперь располагался в 3—4 километрах северо-западнее Можайска.

<…> В штабе работала комиссия Государственного Комитета Обороны в составе: Молотова, Ворошилова, Василевского, — разбираясь в причинах катастрофы войск Западного фронта. Я не знаю, что докладывала комиссия Государственному Комитету Обороны… Во время комиссии ГКО и моего разговора с ней вошёл Булганин и сказал, обращаясь ко мне:

— Только что звонил Сталин и сказал: как только прибудешь в штаб, чтобы немедля ему позвонил.

Я позвонил, по телефону ответил лично Сталин:

— Мы решили освободить Конева с поста командующего фронтом. Это по его вине произошли такие события на Западном фронте. Командующим фронтом решили назначить вас. Вы не будете возражать?

— Нет, товарищ Сталин, какие же могут быть возражения, когда Москва в такой смертельной опасности, — ответил я Верховному.

— А что будем делать с Коневым?

— Оставьте его на Западном фронте моим заместителем. Я поручу ему руководство группой войск на Калининском направлении. Это направление слишком удалено, и мне нужно иметь там вспомогательные управления, — доложил я Верховному.

— Хорошо. В ваше распоряжение поступают оставшиеся части Резервного фронта, можайской линии и резервы Ставки, которые находятся в движении к можайской линии обороны. Берите скорее всё в свои руки и действуйте.

— Хорошо. Принимаюсь за выполнение указаний, но прошу срочно подтягивать более крупные резервы, так как надо ожидать в ближайшее время наращивания удара немцев на Москву.

Войдя в кабинет, где работала комиссия, я передал ей свой разговор со Сталиным. Разговор, который был до моего прихода, возобновился. Конев обвинял Рокоссовского в том, что он не отвёл 16-ю армию, как было приказано, в лес, восточнее Вязьмы, а отвёл только штаб армии. Рокоссовский сказал:

— Товарищ командующий, от вас такого приказания не было. Было приказано отвести штаб армии в лес восточнее Вязьмы, что

и выполнено.

Лобачёв (член Военного совета 16-й армии):

— Я целиком подтверждаю разговор командующего фронтом с Рокоссовским. Я сидел в это время около него.

С историей этого вопроса, сказал я, можно будет разобраться позже, а сейчас, если комиссия не возражает, прошу прекратить работу, так как нужно проводить срочные меры. Первое: отвести штаб фронта в Алабино; второе: товарищу Коневу взять с собой необходимые средства управления и выехать для координации действий группы войск на Калининское направление; третье: Военный совет фронта через час выезжает в Можайск к командующему можайской обороной Богданову, чтобы на месте разобраться с обстановкой на Можайском направлении. Комиссия согласилась с моей просьбой и уехала в Москву».

В более поздней редакции мемуаров, найденной в архиве Жукова, Георгий Константинович выправил эту историю, и теперь она преподносится в таком виде: «Меня вызвали к телефону. Звонил Сталин:

— Ставка решила освободить Конева с поста командующего и назначить вас командующим Западным фронтом. Вы не возражаете?

— Какие же могут быть возражения!

— А что будем делать с Коневым? — спросил Сталин.

За разгром противником Западного фронта, которым командовал Конев, Верховный намерен был предать его суду. И лишь моё вмешательство спасло Конева от тяжёлой участи. Надо сказать, что до Курской битвы Конев плохо командовал войсками, и ГКО неоднократно отстранял его от командования фронтом».

Тут Жуков, конечно же, излишне пристрастен. Несправедливость его оценки опровергается следующим фактом: за успешные действия в период Московского сражения 1941/42 года командующий войсками Калининского фронта был награждён орденом Кутузова 1-й степени и медалью «За оборону Москвы». Жуков, о чём он неоднократно говорил и сам, был награждён только медалью. Так что Государственный Комитет Обороны достаточно высоко оценил командные способности генерал-полковника Конева.

Константину Симонову история отстранения Конева от командования войсками Западного фронта и спасения от расстрела будет пересказана Жуковым ещё более красочно: «Сталин был в нервном настроении и в страшном гневе. Говоря со мной, он в самых сильных выражениях яростно ругал командовавших Западным и Брянским фронтами Конева и Ерёменко и ни словом не упомянул при этом Будённого,

командовавшего Резервным фронтом. Видимо, считал, что с этого человека уже невозможно спросить. Он сказал мне, что назначает меня командующим Западным фронтом, что Конев с этой должности снят и после того, как посланная к нему в штаб фронта правительственная комиссия сделает свои выводы, будет предан суду военного трибунала.

На это я сказал Сталину, что такими действиями ничего не исправишь и никого не оживишь. И что это только произведёт тяжёлое впечатление в армии. Напомнил ему, что вот расстреляли в начале войны командующего Западным фронтом Павлова, а что это дало? Ничего не дало. Было заранее хорошо известно, что из себя представляет Павлов, что у него потолок командира дивизии. Все это знали. Тем не менее он командовал фронтом и не справился с тем, с чем не мог справиться. А Конев — это не Павлов, это человек умный. Он ещё пригодится. Тогда Сталин спросил:

— А вы что предлагаете делать?

Я сказал, что предлагаю оставить Конева моим заместителем. Сталин спросил подозрительно:

— Почему защищаете Конева? Что он, ваш дружок?

Я ответил, что нет, что мы с Коневым никогда не были друзьями, я знаю его только как сослуживца по Белорусскому округу. Сталин дал согласие.

Думаю, что это решение, принятое Сталиным до выводов комиссии, сыграло большую роль в судьбе Конева, потому что комиссия, которая выехала к нему на фронт во главе с Молотовым, наверняка предложила бы другое решение. Я, хорошо зная Молотова, не сомневался в этом».

Запомните эти цитаты, дорогой читатель, к ним мы ещё вернёмся. Ведь взаимоотношения двух генералов, а потом маршалов, станут отдельной историей, довольно сложной и драматичной.

Один из биографов маршала К.К. Рокоссовского по поводу этого эпизода заметил, что «в маршале Жукове погиб талантливый писатель». И правда, порой это всё напоминает рассказ рыбака, который, пересказывая историю о том, какого он поймал леща, всякий раз невольно размахивал руки всё шире и шире…

В действительности всё произошло иначе.

После того как Конев разыскал на окраине Гжатска маршала Будённого и с ужасом узнал об отводе 49-й армии, по приказу Генштаба покинувшей укреплённый рубеж обороны в глубине передовых линий Западного фронта на стыке 19-й и 30-й армий, события развивались следующим образом.

«На новый командный пункт 10 октября прибыли из Ставки Молотов, Ворошилов, Василевский и другие, — вспоминал Конев. — По поручению Сталина Молотов стал настойчиво требовать немедленного отвода войск, которые дерутся в окружении, на гжатский рубеж, а пять-шесть дивизий из этой группировки вывести и передать в резерв Ставки для развёртывания на можайской линии. Я доложил, что принял все меры к выводу войск ещё до прибытия Молотова в штаб фронта, отдал распоряжение командармам 22-й и 29-й армий выделить пять дивизий во фронтовой резерв и перебросить их в район Можайска. Однако из этих дивизий в силу сложившейся обстановки к можайской линии смогла выйти только одна. Мне было ясно, что Молотов не понимает всего, что случилось. Требование во что бы то ни стало быстро отводить войска 19-й и 20-й армий было, по меньшей мере, ошибкой. Но для Молотова характерно и в последующем непонимание обстановки, складывающейся на фронтах. Его прибытие в штаб фронта, по совести говоря, только осложняло и без того трудную ситуацию…

К 10 октября стало совершенно ясно, что необходимо объединить силы двух фронтов — Западного и Резервного — в один фронт под единым командованием. Собравшиеся в Красновидове на командном пункте Западного фронта Молотов, Ворошилов, Василевский, я, член Военного совета Булганин (начальник штаба фронта Соколовский в это время был во Ржеве), обсудив создавшееся положение, пришли к выводу, что объединение фронтов нужно провести немедленно. На должность командующего фронтом мы рекомендовали генерала армии Жукова, назначенного 8 октября командующим Резервным фронтом. Вот наши предложения, переданные в Ставку:

“Москва, товарищу Сталину. Просим Ставку принять следующее решение:

В целях объединения руководства войсками на западном направлении к Москве объединить Западный и Резервный фронты в Западный фронт.

Назначить командующим Западным фронтом тов. Жукова. Назначить тов. Конева первым заместителем командующего Западным фронтом…

Тов. Жукову вступить в командование Западным фронтом в 18 часов 11 октября.

Молотов, Ворошилов, Конев, Булганин, Василевский.

Принято по бодо 15.45. 10.10.41 года”.

С этим предложением Ставка согласилась, и тотчас же последовал её приказ об объединении. Ночью 12 октября мы донесли в Ставку о том, что я сдал, а Жуков принял

командование Западным фронтом».

Заметьте, подписи Жукова на этом документе нет. Текст документа верен, цитируется по подлиннику.

Маршал Василевский, ещё один участник того, в буквальном смысле, судьбоносного совещания в Красновидове и член комиссии, в своих воспоминаниях даёт несколько иную версию назначения командующего войсками Западного фронта: «Вечером 9 октября во время очередного разговора с Верховным было принято решение объединить войска Западного и Резервного фронтов в Западный фронт. Все мы, в том числе и генерал-полковник Конев, согласились с предложением Сталина назначить командующим объединенным фронтом генерала армии Жукова, который к тому времени находился в войсках Резервного фронта».

Значит, Жукова в штабе Западного фронта и вовсе не было.

Кто же тогда спас Конева? Да никто. Потому что никто его и не собирался арестовывать. Потому что стало очевидным: промедли ещё немного, и козлами отпущения станут и сами судьи…

Вот и вся интрига. Не будь впоследствии 1957 года и злополучного пленума ЦК КПСС, Жуков рассказал бы в своих мемуарах о крушении под Вязьмой Западного и Резервного фронтов и своём назначении на должность комфронта совершенно иную историю.

Адъютант Конева Саломахин после войны рассказывал о том, что видел, слышал и что отложилось в памяти о том дне.

Иногда, как вспоминает Саломахин, Конев его звал и он входил в помещение штаба. Запомнил сосредоточенного и мрачного Молотова, который постоянно просил связать его со Сталиным. Ворошилов, напротив, чувствовал себя свободно. Часто выходил во двор, набросив на плечи шинель, разговаривал с командирами, прибывавшими с позиций, с охраной. Увидев Саломахина, подошёл к нему, потрепал по щеке и шутливо сказал:

— Ну что, молоденький, бегим?

Тот ничего не ответил. Молча смотрел на маршала. Он тяжело переживал случившееся.

Когда прибыл генерал Рокоссовский, Ворошилов набросился на него:

— Почему ты здесь? Где твои войска? Тебя правильно тогда посадили! Отвечай!

Рокоссовский спокойно достал из полевой командирской сумки листок с приказом Конева о передаче войск и выдвижении полевого управления армии в район Вязьмы… «Не будь его, —

пишет о том приказе историк Борис Соколов, — Константин Константинович, скорее всего, погиб бы в окружении или попал в плен. Не было бы будущей славы, не было бы Парада Победы, которым он командовал, не быть бы ему Маршалом Польши…»

В гибели под Вязьмой фронтов, прикрывавших Москву, Сталин Конева не винил. Возможно, именно поэтому столь мрачен был в день пребывания в штабе Западного фронта Молотов. И, возможно, поэтому нервная реакция Ворошилова на появление Рокоссовского оказалась такой бурной. В 1965 году маршал Конев рассказывал о событиях тех дней Симонову: «Именно тогда он (Сталин. — С. *М.)* позвонил на Западный фронт с почти истерическими словами о себе в третьем лице: “Товарищ Сталин не предатель, товарищ Сталин не изменник, товарищ Сталин честный человек, вся его ошибка в том, что он слишком доверился кавалеристам, товарищ Сталин сделает всё, что в его силах, чтобы исправить сложившееся положение!”»

Доверился кавалеристам…

Кавалеристами были не только Будённый, Ерёменко и Ворошилов, но и Рокоссовский. Конев же по специальности был артиллеристом.

Вот и причёсывал кавалерист маршал Ворошилов кавалериста генерала Рокоссовского. После боя. Как старший — младшего. Так было принято на фронте.

Сейчас историки говорят, что якобы Конев, понимая, чем всё кончится, намеренно вытащил Рокоссовского из окружения. Вряд ли это так. Хотя события сложились именно в такой сюжет.

Глава шестнадцатая. СЕВЕРНЕЕ МОСКВЫ. ОКТЯБРЬ-ДЕКАБРЬ 1941-го

Ночью 12 октября Военный совет объединённого Западного фронта решил направить Конева на Калининское направление с целью объединения армий и частей, действовавших на правом крыле. Немцы к тому времени окончательно сломили сопротивление наших войск на рубеже Сычёвка—Ржев и устремились на Калинин. Наши же войска, находившиеся в районе Торжка и Калинина, действовали разрозненно, не имея общей задачи. К тому же туда продолжали выходить из-под Сычёвки и Оленина части 22-й, 29-й, 31-й и 30-й армий. Из них предстояло сформировать правое крыло Западного фронта и сомкнуть его с Северо-Западным фронтом. Противник продолжал развивать удар на Торжок и Бежецк с выходом в тыл Северо-Западному фронту и одновременно нашим войскам, действовавшим на Московском направлении. Миссия Конева заключалась именно в том, чтобы предотвратить угрозу развития удара противника на Ярославль.

В Калинин Конев выехал рано утром того же 12 октября. Дорога лежала через Москву. Задержался ли он в Москве, или сразу помчался к месту назначения, неизвестно. Семья его была эвакуирована в Куйбышев.

Вечером он въехал в горящий Калинин. Только что закончилась очередная бомбёжка. Пока разыскивал военкомат, не увидел ни одной зенитки. Да и войск в городе не было. Как вскоре выяснилось, в распоряжении военкома имелся истребительный батальон, сформированный из коммунистов и комсомольцев города. Батальону выдали десяток учебных винтовок, с которыми те несли караульную службу, охраняя особо важные объекты. Когда Конев попросил военкома доложить обстановку, тот мрачно и коротко сказал:

— Войск нет. Город защищать нечем. В городе начинается паника. Кто-то распространяет слухи, что за Волгой в стороне Лихославля высажен парашютный десант, что немцы движутся на Калинин и вот-вот будут здесь. — И указал на окно.

Там, на улице, у входа в военкомат собралась толпа, в основном женщины и дети. Чемоданы, баулы, узлы… Военком пояснил, что это офицерские семьи — требуют немедленной эвакуации в тыл.

— А у меня — ни одного грузовика. Даже лошадей нет. Слух о том, что в Калинин приехало высокое начальство —

генерал! — мгновенно разлетелся по городу, и толпа у военкомата начала расти. Люди негодовали по поводу того, что город брошен войсками, что многие руководители и целые службы благополучно выехали ещё накануне, вывезли свои семьи и даже имущество.

Конев после войны рассказывал, как ему удалось успокоить женщин и детей и заставить их в эту ночь разойтись по домам.

Спустя несколько минут, когда толпа уже готовилась брать военкомат приступом, мимо неё охрана пронесла разобранную солдатскую койку с узлом белья. На крыльцо вышел военком и сказал, что генерал двое суток не спал — это соответствовало действительности — и что он ложится отдыхать, а завтра будут решены все вопросы, касающиеся эвакуации, что члены семей военнослужащих будут отправлены в тыл в первую очередь. Люди начали расходиться.

Однако отдыхать Коневу не пришлось и в эту ночь. Когда толпа разошлась, Конев приказал военкому проводить его в обком партии. Там его встретил секретарь обкома И.П. Бойцов. Секретарь тоже не спал, вместе с членами обкома и активом готовился к партизанской борьбе на оккупированной территории. Западные районы были уже под немцами.

Разговор между Коневым и Бойцовым оказался коротким. Уже через час по тревоге были подняты активисты городской и областной парторганизации. Им поставили задачу эвакуировать население, создать отряды ополчения, подготовить город к обороне.

Позже секретарь Калининского обкома И.П. Бойцов станет членом Военного совета Калининского фронта и какое-то время будет работать вместе с Коневым.

Уже за полночь в обкоме Конева разыскал офицер связи и доложил: на железнодорожную станцию прибывают эшелоны с 5-й стрелковой дивизией, командир дивизии подполковник Телков[34] находится на вокзале и ждёт дальнейших указаний. Конев знал эту дивизию. Её отводили в тыл на пополнение и доформирование, так как в предыдущих боях она понесла большие потери. Однако боеспособности она не потеряла, и по меркам 1941 года была вполне пригодна к выполнению боевой задачи. В полках насчитывалось до 450 штыков. Он тут же отдал распоряжение: пополнять батальоны 5-й стрелковой дивизии за счёт призывного возраста жителей города. Уже через полчаса на мосту через Волгу стояли посты, которые буквально выдёргивали из потока беженцев молодых мужчин. Из них тут же формировали

маршевые роты, вручали оружие и направляли на позиции.

На вокзале Конев встретился с подполковником Телковым. Вид у того был непарадный — осунувшееся, почерневшее от усталости лицо, но подтянут и собран. Доклад подполковника обрадовал: артдивизион имеет несколько орудий и боеприпасы, а утром прибудет эшелон с танками. Эта небольшая, потрёпанная дивизия, первой поступившая в распоряжение Конева в район Калинина, в действительности стоила полнокровной: она дралась с первого дня войны, сохранила свой костяк и сибирский дух.

Прямо с вокзала, отдав необходимые распоряжения подполковнику Телкову, Конев поехал на КП командарма 30-й армии генерала Хоменко. Конев уточнил расположение частей армии, приказал включить в состав армии 5-ю стрелковую дивизию, которая в это время спешно занимала окопы на южной окраине Калинина. Задачей 30-й армии было не допустить прорыва немцев вдоль Московского шоссе на Клин.

Затем Конев выехал в сторону Селижарова и разыскал КП 22-й армии генерала Юшкевича[35]. Здесь, как вскоре выяснилось, обстановка была более или менее спокойной. Изучив на карте конфигурацию обороны армии, Конев приказал командарму срочно, на грузовиках, перебросить 256-ю стрелковую дивизию генерала Горячева[36] в район Калинина и занять пустующий участок фронта по восточному берегу Волги с целью не допустить наступления противника по Бежецкому шоссе на Бежецк и Ярославль.

Генерал-майор Василий Александрович Юшкевич был из тех командармов, которым Конев доверял. Он знал: такие, как Юшкевич, прошедшие жестокую школу жизни, умеют ценить доверие, умеют воевать и держаться до последнего в самых безнадёжных ситуациях.

22-я армия, в августе правофланговый сосед 19-й армии, действуя на Торопецком направлении, попала в окружение и, не растеряв основных сил и вооружения, с боями вышла в район Андреаполя. Вот и теперь, уклоняясь от удара «Тайфуна» и выполняя приказ штаба Западного фронта об отходе, генерал Юшкевич отвёл дивизии из-под Осташкова на Селижарово на заранее подготовленный рубеж и прочно закрепился.

Ещё до приезда в район Калинина заместителя командующего войсками Западного фронта генерала Конева из состава правофланговой группировки были изъяты 5-я, 133-я, 110-я, 119-я и 243-я стрелковые дивизии и переброшены на можайскую линию обороны. После того как немцы замкнули кольцо под Вязьмой и приступили к ликвидации окружённой группировки армий и частей Западного и Резервного фронтов, на

Наро-Фоминском, Малоярославецком и Можайском направлениях войск, способных противостоять «Тайфуну», попросту не оказалось. Существовала реальная угроза захвата Москвы. Если бы окружённые под Вязьмой не продержались сутки-двое-трое, отвлекая на себя основные силы группы армий «Центр», и если бы фон Бок смог выделить для продолжения наступления хотя бы один танковый корпус, они прошли бы к Москве колонной, не съезжая с шоссе.

У Конева была тяжелейшая задача — стабилизировать положение на правом крыле огромного и самого напряжённого в тот период фронта. Тем самым предстояло одновременно решить две задачи: первую — остановить продолжавшие наступление корпуса 3-й танковой группы и 9-й полевой армии; вторую — обеспечить стык с Северо-Западным фронтом.

Именно в эти дни в районе Калинина была ликвидирована брешь и предотвращена угроза широкого охвата Москвы с севера.

Катастрофически не хватало войск, чтобы противостоять танковым атакам противника. Резервы Ставки начали поступать чуть позже. А в середине октября фронт пришлось латать тем, что оказалось под руками: истребительными отрядами, наспех сформированными из калининских добровольцев, батальонами НКВД. К счастью, из-под Сычёвки и Белого продолжали выходить из окружения разрозненные части и отдельные группы разбитых дивизий. Некоторые сохранили оружие и тяжёлую технику. Из них формировали роты и батальоны и сразу же вводили в бой.

Любопытна запись, сделанная фон Боком в своём дневнике 12 октября, именно в тот день, когда Конев, прибыв в Калинин в качестве заместителя командующего войсками объединённого Западного фронта, метался с одного КП на другой, пытаясь организовать взаимодействие армий и дивизий и выстроить линию фронта: «Гудериан пока наступать не может; как и Вейхс (2-я армия), он занят ликвидацией брянских “котлов”.

“Котёл” под Вязьмой “съёжился” ещё больше. Число пленных выросло до огромных размеров. Потери противника в живой силе и технике также очень велики.

Правое крыло наступающей в восточном направлении 4-й армии заняло Калугу. Корпус, находящийся в крайней оконечности северного крыла 9-й армии, достиг позиций противника на западе и на севере от Ржева и прорвал их силами своего правого крыла.

3-я танковая группа заняла Старицу. Сейчас танковая группа напрямую подчинена группе армий и получила от неё приказ двигаться на Торжок, чтобы не позволить русским, противостоящим внутренним крыльям группы армий, отступить

на восток. Одновременно 3-я танковая группа должна захватить Калинин и удерживать Старицу и Зубцов».

К этому времени командиром 3-й танковой группы вместо назначенного на должность командующего 17-й полевой армией генерала Гота Гитлер назначил генерала танковых войск Георга Рейнхардта. 3-я танковая группа в период наступления на Москву была сильна как никогда. В неё входило четыре армейских корпуса. Танковые дивизии этих корпусов располагали большим количеством танков и артиллерии. Любая из армий, которые Конев имел под рукой в районе Калинина, была значительно слабее армейского корпуса танковой группы Рейнхардта.

Когда танки немцев начали продвигаться к Калинину, Конев, мгновенно поняв замысел противника, принял решение отбить их коротким контрударом силами правофланговых частей. В районе Ржева оборону держала 29-я армия генерала Масленникова[37]. Активных действий она пока не вела и, по замыслу Конева, «могла, прикрывшись незначительными силами, перегруппироваться и нанести удар с запада в тыл противнику, наступающему на Калинин». 29-я армия должна была наступать вместе с группой генерала Ватутина и 256-й стрелковой дивизией генерала Горячева. Дивизия уже выходила на исходные. В первый же день, сразу с КП генерала Юшкевича Конев поехал в штаб 29-й. Командарм принял его холодновато. По всей вероятности, Масленников понял, что контратаковать противника — дело слишком опасное и на 99 процентов безнадёжное. А потому приказ Конева он вначале согласовал с наркомом НКВД Лаврентием Берией. Затем позвонил в штаб Западного фронта Жукову. Но Жуков приказ своего заместителя не отменил. В результате Масленникову свою армию всё же пришлось выдвигать к Калинину, но марш был осуществлён не по южному берегу, как приказывал Конев, а по северному. К тому же в район сосредоточения авангарды дивизий первого эшелона подошли с опозданием. В результате согласованного удара не получилось. Противник ворвался в Калинин.

Только спустя годы, изучая дело Берии, Конев узнал истинные причины того, почему же в октябре 1941-го так неудачно действовали подчинённые ему генералы и их войска. То, что Масленников, будучи командующим 29-й армией, сохранял за собой высокую должность заместителя наркома НКВД, Конев прекрасно знал и тогда. Именно это и сдерживало его от мгновенной реакции в адрес слишком независимого командарма. Но неприязненное отношение к своему подчинённому Конев, по всей вероятности, испытывал весь период их совместной службы. Сохранилось оно и после войны.

Злопамятство не было даже слабовыраженной чертой характера Конева. Как все вспыльчивые люди, он быстро забывал то неприятное, что исходило от того или иного человека или было связано с ним, особенно если это был подчинённый. Но генерал Масленников был подчинённым особенным. С первой же встречи в штабе 29-й армии Конев понял, что ему предстоит работать *под присмотром.* Чекиста Масленникова генерал Конев хорошо знал по службе в Белорусском военном округе, где тот в 1937 году занимал должность первого заместителя командующего войсками НКВД округа. Тогда многие командиры полков, дивизий и корпусов спали, держа под подушками табельные револьверы, на случай ареста…

Как только пали Ржев и Калинин, в штабах было зачитано решение Ставки об аресте и предании суду командующего 31-й армией генерал-майора Далматова[38], начальника штаба армии полковника Анисимова, начальника политотдела армии полкового комиссара Медведева. Наверху потребовались козлы отпущения. Их, разумеется, тут же нашли.

Армии Далматова с самого начала не везло. Сказывались и весьма скромные полководческие данные её командующего. Во время немецкого наступления севернее Минского шоссе часть войск была передана в оперативную группу генерала Болдина. 110-ю и 119-ю стрелковые дивизии Жуков перебросил в центр Западного фронта. Поэтому, когда немцы подошли к городу Ржеву, оборонять ржевские позиции оказалось попросту некому. Остатки разрозненных подразделений 31-й армии, теснимые противником, были задержаны заградотрядами стоявшей в затылок 29-й армии. Полевое управление во главе с Далматовым находилось во Ржеве. Оборона города, а также эвакуация имущества и армейских складов была поручена ему. Но никакой обороны, да и эвакуации складов из города не получилось. И без того тяжёлые обстоятельства усугубил взрыв моста — во время авианалёта сдетонировали заряды, заложенные под опоры. Поэтому многое, что уже невозможно было вывезти, уничтожили на месте. Потом следствием будет установлено, что прямой вины генерала Далматова и его штаба в оставлении военного имущества и складов боеприпасов двух армий нет. Военный совет 29-й армии, переподчинивший себе остатки 31-й армии, как оказалось, сам проявил нераспорядительность, допустил паникёрство и неустойчивость своих первых эшелонов, при этом никаких приказов о вывозе военного имущества из Ржева не отдал.

Опытный в таких обстоятельствах заместитель наркома НКВД генерал Масленников ещё до оставления Ржева от имени

Военного совета 29-й армии направил в Военный совет Западного фронта ходатайство о привлечении к судебной ответственности виновных. Ими были назначены Далматов и его заместители. Однако в Генштаб из Главной военной прокуратуры вскоре ушло письмо следующего содержания: учитывая тяжёлые условия на фронте и положительные характеристики на «названных лиц», следствие пришло к выводу, что «оснований для предания их суду нет», и предложило дело о них «решить в дисциплинарном порядке».

Двенадцатого октября полевое управление 31-й армии перешло в резерв Западного фронта и расположилось в районе Торжка. 15 октября по приказу Жукова оно временно было преобразовано в штаб его заместителя генерала Конева, потому что Конев в это время действовал практически в одиночку с несколькими офицерами и личным водителем. Ни начальника штаба, ни оперативного отдела. Позднее при создании 17 октября Калининского фронта по ходатайству Конева Ставка приняла решение о восстановлении полевого управления 31-й армии, которому были подчинены 119-я, 133-я стрелковые дивизии и 8-я танковая бригада. 19 октября командующий фронтом дополнительно включил в состав армии 183-ю стрелковую, 46-ю и 54-ю кавалерийские дивизии, отдельную мотострелковую бригаду, а 133-ю стрелковую дивизию вывел в свой резерв. В тот же день командование армией принял генерал Юшкевич.

Конев действовал решительно и быстро. И вскоре фронт в районе Калинина окреп настолько, что начал беспокоить противника частыми контратаками.

Что касается бывших членов Военного совета 31-й армии первого состава, то они получили новые назначения с понижением в должности: Далматов был назначен командиром 134-й стрелковой дивизии Западного фронта, полковник Анисимов стал командиром 130-й стрелковой дивизии Северо-Западного фронта. Полкового комиссара Медведева Конев оставил в штабе Калининского фронта на должности начальника организационно-инструкторского отдела полевого управления. Все трое служили до конца войны и неоднократно были награждены орденами и медалями.

Зубцов и Погорелое Городище — 110 километров от Калинина — немцы захватили 11 октября. 12 октября заняли Лотошино, Старицу — 65 километров от Калинина — и обширный район на подступах к Калинину, изрытый противотанковыми рвами и окопами. Несколько месяцев инженерные части и жители Калининской области работали здесь с утра до ночи, строили оборону. Все усилия оказались

напрасными. Немецкие танки и мотопехота XXXXI моторизованного корпуса прошли по укрепрайону, не занятому советскими войсками, почти не встречая сопротивления. Но уже к исходу 12 октября вольный марш прекратился. Авангарды уткнулись в оборону неких подразделений, принадлежность которых немецкая разведка долго не могла определить. Это были группы, собранные по приказу Конева из разных подразделений и направленные на передовую.

Калинин в планах немецкого командования занимал особое место: город представлял собой, кроме всего прочего, крупный коммуникационный узел — здесь сходились Октябрьская железная дорога, шоссе Ленинград—Москва и водный путь по Волге с выходом на канал Волга—Москва, а также шоссе, ведущие на Ржев, Волоколамск, Бежецк. С захватом Калинина немцы связывали дальнейшее развитие наступления на Москву, а также на промышленные центры СССР — Ярославль, Рыбинск, Иваново.

Тринадцатого октября 1-я танковая дивизия противника атаковала позиции ополченцев и одного из полков 5-й стрелковой дивизии в районе Рябеево—Мигалово.

Расклад сил в этом бою был таков. 1-я танковая дивизия вермахта атаковала после мощного авианалёта и артподготовки. Дивизия к тому времени имела два танковых полка, два панцергренадерских полка, артполк, разведбатальон, противотанковый батальон, сапёрный батальон и батальон связи, а также части обеспечения. 111 танков, в основном средних типов. Артиллерия — 160 стволов различных калибров. Около 12 тысяч солдат и офицеров. Её поддерживала 6-я танковая дивизия: около 170 танков и два полка мотопехоты, усиленной артиллерией и крупнокалиберными пулемётами.

Кого им противопоставил Конев? Несколько батальонов калининских ополченцев: рабочие заводов и фабрик, служащие учреждений, студенты и курсанты Высшего военно-педагогического института. Рядом с ополченцами — роты курсантов школы младших лейтенантов. Два батальона НКВД. И полк 5-й стрелковой дивизии. Основным оружием оборонявших город были винтовки и бутылки с зажигательной смесью. При этом и того и другого не хватало. Бывшие ополченцы вспоминали, что их собрали на стадионе «Динамо» за несколько часов до немецкой атаки, выдали канадские винтовки системы Росса и по нескольку горстей патронов — 80—100 штук. Ни пулемётов, ни гранат у ополченцев не было.

Вечером немцы заняли западную окраину Калинина. Начались уличные бои, перестрелки через Волгу и схватки за Горбатый мост.

Тем временем Конев гнал сюда, к городу, на атакованный участок, всё, что можно было снять с других участков и что поступало к городу из тыла: 8-ю танковую бригаду, батальоны 256-й стрелковой дивизии и лёгкий артполк, 46-й мотоциклетный полк.

Особенно яростная схватка произошла у Горбатого моста. Немецкие танки попытались с ходу перескочить через Волгу и ворваться в город. Но их встретили огнём. И тогда немцы пошли в обход, через Тверецкий мост. Там их уже ждали артиллеристы 256-й стрелковой дивизии. Оставив у моста четыре горящих танка и несколько грузовиков, колонна повернула назад.

Но соотношение сил было не в пользу обороняющихся. Немцы произвели перегруппировку и после очередного артналёта при поддержке штурмовой авиации начали теснить подразделения 5-й стрелковой дивизии и ополченцев.

Утром 14 октября во фланг немцам из Заволжья ударила 256-я стрелковая дивизия генерала Горячева, с ходу смяла противника и передовыми отрядами захватила железнодорожный мост. В городе шли уличные бои. Немцы, пользуясь численным превосходством, а также тяжёлым вооружением, постепенно отжимали наши войска к реке Тьмаке. Утром 15 октября бои шли уже на восточной окраине Калинина.

Но время было выиграно. За несколько суток по приказу Конева была создана прочная оборона на линии Ленинградского, Московского и Бежецкого шоссе. Поход на Москву, Ленинград и Ярославль через Калининский плацдарм был пресечён именно на этом рубеже. Однако город Калинин пришлось оставить.

До сих пор не утихают споры о чуде под Москвой. Что же произошло с немецкой машиной, отлаженной и настроенной для действий практически в любых условиях? Советские войска трёх фронтов были ликвидированы и пленены в гигантских «котлах» под Брянском, Рославлем и Вязьмой. За полмесяца до «Тайфуна» четвёртый советский фронт был ликвидирован в районе Киева. Всё! Разгром! Виктория! Drang nach Osten наконец-то удался! Впереди столица гуннов, их промышленные районы, наполненные рудой и бесплатной рабочей силой, и — никаких войск!

Командование группы армий «Центр» было практически уверено в успехе предстоящего наступления в районе Валдая. Ни фон Бока, ни командующих 9-й полевой армией генерала Штрауса и 3-й танковой группой генерала Рейнхардта не смущало разделение главных сил группы на несколько направлений. Донесения разведки и показания военнопленных не обещали особых трудностей германским войскам. Противник, согласно разведданным, имел впереди слабо выраженную

очаговую оборону и располагал лишь отдельными частями НКВД и милиции, не прикрытыми ни артиллерией, ни другим тяжёлым вооружением.

То, что произошло дальше и что продлилось до весны 1942 года, стало для немцев большим потрясением.

Уже в октябре 1941-го левое крыло группы армий «Центр» было остановлено на взмахе, а затем его начали щипать и подрубать короткими контратаками и глухой обороной части правого крыла Западного фронта.

После захвата Калинина и остановки в районе восточных окраин города и Волжского водохранилища немецкие 3-я танковая группа и 9-я армия получили приказ атаковать в направлении на Вышний Волочёк. Началась операция по окружению советских войск в районе Валдайской возвышенности. Штаб Конева разгадал манёвр противника, который и дальше пытался действовать широкими охватами, и упредил его. Торжок, который стал первой крупной целью тюрингско-гессенской 1-й танковой дивизии, был основательно укреплён. При подходе к району Торжка немцы были контратакованы. Контратаку они отбили, но вынуждены были остановиться. Спустя сутки боевые охранения советских частей заметили, что немцы начали окапываться. Характер войны изменился.

Конев, внимательно следивший за продвижением противника в направлении Торжка, приказал атаковать немецкую группировку, растянувшуюся по узкому коридору, пробитому её авангардом в северо-западном направлении. Операцию успешно провела 133-я стрелковая дивизия генерала Швецова[39] и части 29-й армии.

Конев всегда радовался встрече с земляками. Издали узнавал вологодский или архангелогородский лёгкий говорок. Интересовался, откуда родом и не случалось ли бывать в Никольске, в Великом Устюге или в его родном Лодейно. А тут оказалось, что командир 133-й стрелковой дивизии свой, вологодский, из-под Кадуя, что на реке Суде.

Василий Иванович Швецов воевал с августа месяца, его дивизия отличилась под Ельней. А теперь, глядя на карту, разложенную перед ними, вздохнул и сказал:

— Не думал, что отступать придётся до родных мест. Лихославль, Бежецк… — Карандаш в его руке скользнул вверх, на северо-восток. — А там уже Устюжна рядом и мой Кадуй. Некуда уже дальше отступать, товарищ командующий.

— Ну вот что, земляк, — сказал Конев, — считайте, что это ваш последний рубеж. Дальше, Василий Иванович, вас родина не пустит.

Задачей 133-й дивизии Швецова было атаковать колонны противника прямо на шоссе, на марше, подрубить основание прорыва, оседлать дорогу и удерживать её, пока не подойдут основные силы.

Бои, которые вскоре произошли на Ленинградском шоссе, в ходе которых были разгромлены авангарды XXXXI моторизованного корпуса противника, местные краеведы и тверские историки считают началом контрнаступления Красной армии на подмосковных рубежах. И действительно, это была первая победа после череды катастроф и неудач.

В трагических неудачах под Вязьмой и в первых успехах под Калинином оттачивался тактический почерк будущего маршала.

Прибыв в Калинин и увидев вокруг неразбериху, безвластие, пустые окопы, подготовленные рубежи, не занятые солдатами, войска, текущие беспорядочными толпами в тыл, панику среди командного состава, Конев понял, что без жестоких приказов не обойтись. В военкомате ему доложили, что из города ушёл отряд сотрудников УНКВД. Куда — неизвестно. Ходили слухи, что в тыл. Ушли 900 милиционеров. Пожарная охрана тоже дезертировала в полном составе. После авианалётов пожары тушили горожане, самоорганизованные команды, дежурившие на улицах, в своих кварталах. Узнав обо всём этом, Конев приказал выставить на дорогах заградительные посты. В первые же сутки заградотрядами было задержано около 1500 дезертиров. В основном это были красноармейцы из разбитых и рассеянных под Вязьмой и Сычёвкой частей. Их тут же опрашивали, формировали в маршевые роты и направляли на линию обороны, заполняя пустоты. Но применялись и крайние меры. Несколько дезертиров из числа задержанных на дорогах, ведущих к Москве, были расстреляны перед строем тех самых маршевых рот, которые отправляли на передовую. Расстреляны без суда и следствия, по законам военного времени.

Шестнадцатое октября. Этот день стал, пожалуй, самым тяжёлым в обороне Москвы. Как известно, в столице началась паника. Из города бежало начальство, вывозило на грузовиках свои семьи, продовольствие и ценности. На Калужской заставе произошли стихийные погромы. Люди останавливали машины с бегущими начальниками, сбрасывали на землю имущество, избивали беглецов, невзирая на их чины и ранги.

А здесь, под Калинином, немцы внезапно пошли в атаку на Торжок. Танковая бригада полковника Ротмистрова[40] из оперативной группы Ватутина замешкалась и вовремя не прибыла на исходные позиции, чтобы развить удар во фланг 1-й танковой дивизии противника, прорвавшейся по Ленинградскому шоссе и

развивавшей удар на Торжок. Ротмистров передоверил выполнение задачи танковому полку майора Егорова, но и тот не выполнил приказа. Тем временем немцы прорвались к селу Марьино и овладели переправой через реку Логовеж. До Торжка им оставалось 20 километров. Ротмистров, уклоняясь от боя, продолжал отводить свою бригаду за Лихославль. Конев, получив донесение об отводе танков от Ленинградского шоссе в тыл, был взбешён и приказал Ватутину немедленно арестовать Ротмистрова и предать суду военного трибунала «за невыполнение боевого приказа и самовольный уход с поля боя с бригадой». Ватутин исполнил приказ Конева по-своему: «Немедленно, не теряя ни одного часа времени, вернуться в Лихославль, откуда совместно с частями 185 сд стремительно ударить на Медное, уничтожить прорвавшиеся группы противника, захватить Медное. Пора кончать с трусостью!» Подкрепление подоспело в самый пик сражения на шоссе, когда стрелковый батальон и артиллеристы уже выдыхались, израсходовав боеприпасы и потеряв больше половины своего состава убитыми и ранеными.

Судьба сложится так, что Конев и Ротмистров почти всю войну, с непродолжительными перерывами, будут служить рядом. Одновременно станут маршалами. Летом 1943-го 5-я гвардейская танковая армия Ротмистрова приказом Ставки будет выведена из состава войск Степного фронта и брошена вперёд, на укрепление дрогнувших позиций Воронежского фронта. Действия армии окажутся неудачными, танковые корпуса в первый же день потеряют большую часть танков и самоходных артиллерийских установок, много экипажей. Но в январе—феврале 1944-го мехкорпуса 5-й гвардейской танковой армии блестяще выполнят приказ командующего войсками 2-го Украинского фронта генерала Конева и замкнут у Звенигородки кольцо вокруг Корсунь-Шевченковской группировки генерала Штеммермана (XI армейский корпус). О Ротмистрове снова заговорят как о способном командире. А ведь тогда, в октябре 1941-го под Калинином, по ходатайству Конева, Ротмистров в два счёта мог пополнить яму расстрелянных согласно приказу № 227.

В эти же дни вполне мог появиться и другой документ — ходатайство на привлечение к ответственности командующего 29-й армией генерала Масленникова. И было за что. Но замахнуться на самого заместителя наркома НКВД Конев, видимо, не осмелился. Хотя спустя годы, вспоминая кризис под Калинином, всё же признался: «На 29-ю армию возлагалась самая ответственная задача — отрезать группировку врага в Калинине от главных сил 9-й немецкой армии и во взаимодействии с 30-й и

31-й армиями разгромить её. Однако командарм Масленников, как видно было из его приказа, понял задачу по-своему. Он предусматривал лишь создание кордона, преграждавшего пути отхода противнику на юго-запад, полагая, что Калинин будет взят войсками других армий. В результате гитлеровцы форсировали Волгу в районе Акишево и, захватив на её левом берегу плацдарм, начали распространяться к северу и северо-востоку, пытаясь прорваться вдоль железной дороги Ржев—Торжок. Для прикрытия этого направления мне пришлось выдвинуть на рубеж Высокое — река Тьма 188-ю стрелковую дивизию из резерва фронта».

Положение командарма Масленникова было особым. И то, что командарм 29-й мог себе позволить приказы штаба фронта понимать и исполнять *по-своему,* не могло не возмущать командующего, отвечавшего за всё Калининское направление. Пройдут годы, закончится великой Победой война. Закончится и эпоха господства в стране всесильного министерства во главе с маршалом Берией. Коневу, которому всегда доставались самые трудные участки всех войн и битв, доведётся быть председателем военного суда над Берией. «Так вот, когда арестовали Берию, — рассказывал Иван Степанович, — то в его сейфе обнаружили несколько подстрекательских донесений командующего 29-й армией, освобождавшей Калинин, сподвижника Берии генерала Масленникова на Конева. Имелось в виду, ошельмовав меня несправедливо, добиться отстранения от командования фронтом. На этих грязных сообщениях была резолюция Сталина: “Не верю, возражаю”».

Конечно, Конев навсегда сохранил чувство благодарности своему бывшему Верховному за веру в него и как в полководца, и как в человека.

Не стану приводить другие примеры, которые для одних — проявление твёрдости характера и свидетельство высоких командирских качеств, для других — доказательство жестокости и начальственного самодурства. В состав той сложной живой субстанции, которую вскоре назовут *русским чудом под Москвой,* входили и они, эти многочисленные истории и эпизоды, также, как и невыполнимые приказы командования. Которые порой всё же выполнялись. Вопреки всему. В сущности, победа под Москвой, это русское чудо и есть — невыполнимые приказы, выполненные вопреки всему. Кто-то же должен был их отдавать.

Уже в 1942-м на фронтах многое изменится. А в 1943-м начнётся, по существу, другая война. Победы и поражения в ней будут предопределяться количеством войск и качеством вооружения, тактикой сторон, их уже можно будет просчитывать и поверять логикой: кратный перевес в живой силе, количество

ствольной артиллерии на километр фронта, авиационная поддержка и прочее…

Под Москвой всё измерялось силой духа противоборствующих сторон.

Глава семнадцатая. КАЛИНИНСКОЕ «СИДЕНИЕ». ОКТЯБРЬ-ДЕКАБРЬ 1941-го

К двадцатым числам октября оборона на правом крыле Западного фронта стабилизировалась. Из тыла и внутренних округов подошли свежие дивизии. Продолжало поступать пополнение — по железной дороге и на грузовиках, а иногда и пешим ходом из запасных полков к фронту шли и шли маршевые роты. Усиливалась огневая мощь дивизий. Войска зарывались в землю, создавая глухую глубокую оборону в несколько эшелонов.

Захватом Калинина немцы сильно затруднили возможность манёвра всему Западному фронту. Труднее стало проводить перегруппировку войск из района Валдая к Москве, осложнилось взаимодействие между центром и северным флангом Западного фронта. Это вынудило командующего войсками фронта генерала Жукова ходатайствовать о создании отдельного фронта в районе Калинина.

Когда Конев докладывал в Генеральный штаб о бое на Ленинградском шоссе, в ходе которого были разгромлены колонны немецкой танковой дивизии, генерал Василевский, принимавший доклад, сказал, что сейчас с ним будет разговаривать товарищ Сталин.

Докладывал Конев прямо в Генштаб, минуя штаб Западного фронта. О первой победе и первых богатых трофеях хотелось доложить самому. Иван Степанович свои успехи преподносить умел. В Москве ещё не утихла паника, в верхах царило настроение подавленности, а тут такое известие… Пытался дозвониться и в Ставку, но дивизионный телефонист смог связаться только с Генштабом. Ему ответил генерал Василевский. Выслушал и тут же предупредил:

— С вами сейчас будет разговаривать товарищ Сталин. Конев ещё плотнее прижал к уху трубку. После небольшой

паузы послышался знакомый глуховатый голос:

— Здравствуйте, товарищ Конев. Мне доложили об успехах в районе Калинина. Это правда?

— Да, товарищ Сталин. Авангарды Сорок первого моторизованного корпуса Третьей танковой группы противника остановлены и опрокинуты атакой наших частей на участке шоссе Калинин—Медное. Захвачены богатые трофеи и пленные. К северо-востоку от Калинина создан сплошной фронт.

— Как работает связь? Вы откуда звоните?

— С дивизионного командного пункта генерала Горячева, товарищ Сталин.

— Пора обзаводиться своим. Ставка приняла решение создать отдельный, Калининский фронт и поручить его вам. Вы не возражаете?

— Нет, товарищ Сталин, не возражаю.

Вспоминая тот разговор с Верховным, маршал Конев писал, что «впервые создавался фронт, управление которым начиналось с единственной реальной личности — командующего фронтом». «Пока в моём распоряжении, — писал маршал, — были лишь офицер для поручений полковник И.И. Воробьёв, адъютант майор А.И. Саломахин и два шифровальщика». А ещё в его непосредственном подчинении был сержант-связист, который всюду за своим генералом носил радиостанцию. «Правда, я поначалу мог опереться на штаб 256-й стрелковой дивизии, на её замечательных офицеров во главе с генералом С.Г. Горячевым. Они оказали мне неоценимую помощь в самые критические дни».

Директива Ставки последовала в тот же день и поступила телефонограммой уже вечером в штаб 259-й стрелковой дивизии, где постоянно находился заместитель командующего войсками Западного фронта, а с этого дня командующий войсками вновь созданного Калининского фронта.

«Командующим Северо-Западным, Западным фронтами. Зам. командующего Западным фронтом т. КОНЕВУ.

17 октября 41 г. 18 час. 30 мин.

В целях удобства управления войсками Калининского направления Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Войска, действующие на Осташковском, Ржевском направлениях и в районе Калинина, выделить в самостоятельный Калининский фронт с непосредственным подчинением его Ставке Верховного Главнокомандования.

2. В состав войск Калининского фронта включить 22, 29 и 30 А Зап. фр., 183, 185 и 246 сд, 46 и 54 кд, 46 мотоциклетный полк и 8 тбр Сев.-Зап. фронта.

3. Командующим Калининским фронтом назначить генерал-полковника Конева. На усиление штаба фронта обратить штаб 10 армии. Штаб фронта развернуть в районе Бежецка.

4. Разгранлинии: с Сев.-Зап. фр. — Пошехонье — Воло-дарск, ст. Остолопово, ст. Академическая, оз. Источино, все для Калининского фронта включительно; с Зап. фронтом — ст. Берендеево, ст. Вербилки, ст. Решетниково, ст. Княжьи Горы, Сычёвка, все для Зап. фр. включительно.

5. Очередная задача фронта — очистить от войск противника район Калинина и ликвидировать во взаимодействии с Западным и Сев.-Зап. фронтами попытки противника обойти Москву с севера.

Ставка Верховного Главнокомандования.

Сталин. Василевский».

* * *

Вскоре из Москвы прибыл член Военного совета фронта корпусной комиссар Д.С. Леонов. Другим членом Военного совета был назначен секретарь Калининского обкома партии И.П. Бойцов. Ставка прислала начальника штаба — генерал-майора И.И. Иванова. ВВС фронта возглавил Михаил Громов[41]. Офицерские кадры прибывали из госпиталей, после ранений. Так, в ходе боёв, создавалось фронтовое управление.

Штаб Калининского фронта обосновался в Змееве близ Калинина. В городе хозяйничали немцы. Но Конев намеренно не стал отводить свой штаб в глубокий тыл. Тем более что северо-восточные кварталы по-прежнему контролировались частями Красной армии.

Связисты быстро наладили телефонную и телеграфную связь. Теперь с Генштабом и Ставкой Верховного главнокомандования можно было разговаривать по прямому проводу и оперативно получать указания.

Развернулись большие инженерно-сапёрные работы по развитию обороны в глубину. Строились противотанковые заграждения на танкоопасных направлениях, создавались противотанковые районы, и в первую очередь в направлении Медного, Ново-Завидова, Бежецка, откуда в любой момент можно было ожидать удара противника.

Подтягивались резервы фронта. Местное население работало на строительстве противотанковых рубежей. Мужчины призывного возраста получали винтовки и тут же становились в строй воюющих подразделений.

Ставка требовала отбить у противника Калинин.

Наступление началось 21 октября.

К этому времени немцы успели подтянуть к городу дополнительные силы и значительно уплотнить оборону по всему периметру калининской дуги. Главной ударной силой противника по-прежнему были танки. Конев же располагал несколькими десятками танков различной модификации. В основном они принадлежали 8-й танковой бригаде полковника

Ротмистрова.

Девятнадцатого октября, за два дня до атаки на Калинин, командующий группой армий «Центр» записал в своём дневнике: «Я сказал Штраусу, что Калинин ещё долго будет оставаться “кровоточащей раной” армии, если в этот район не подойдут сильные пехотные части. Потом я сказал ему, что центры приложения главных военных усилий армии должны находиться по обе стороны от Старицы. Штраус высказал предложение послать “хотя бы один танковый корпус” на север от Калинина в направлении Бежецка. Я ответил, что для этого ещё не настало время, но что он — в соответствии с ранее полученным приказом — должен проводить разведку боем в этом направлении. Ещё слишком рано говорить, куда лучше нацелить остриё наступления 9-й армии — на Бежецк или на Торжок. Так как враг перед фронтом 16-й армии продолжает цепляться за свои позиции, есть большая вероятность того, что объектом наступления 9-й армии останется Торжок». 20 октября: «9-я армия смыкает свои ряды и медленно движется на север. 3-й танковой группе пришлось отозвать свои части, посланные в направлении Торжка, и задействовать их в боях с противником, который со всех сторон атакует Калинин». 21 октября: «Под Калинином русские продолжают атаковать».

Директива, отданная фон Боком своим войскам, действовавшим в районе Калинина, была следующей: «9-я армия и 3-я танковая группа должны *не допустить отвод живой силы противника, стоящей перед северным флангом 9-й армии и южным флангом 16-й армии* (курсив мой. — С. М.), взаимодействуя с этой целью с 16-й армией, а в дальнейшем — уничтожить противника. 3-я танковая группа с этой целью, при удержании Калинина, как можно быстрее достигает района Торжок и наступает отсюда без задержки в направлении на Вышний Волочёк для того, чтобы предотвратить переправу основных сил противника через реку Тверца и верхнее течение реки Мета на восток. Необходимо вести усиленную разведку до рубежа Кашин—Бежецк—Пестово. Надлежит также удерживать линию Калинин—Старица и южнее до подхода частей 9-й армии».

Итак, обе стороны готовились к наступлению.

Двадцатого октября Конев отдал приказ четырём своим армиям о переходе в наступление:

«…2. Войскам Калининского фронта <…> главными силами окружить и уничтожить группировку противника в районе Калинина, между рекой Волгой и Московским морем, и к исходу 21.10 овладеть г. Калинин, не допустить перегруппировки противника для наступления на юго-восток, на Москву…»

Далее командармам расписывался порядок наступления, направление атаки, время и пункты выхода на конечные цели.

Немцы успели основательно подготовиться к обороне. Свои позиции они уступали только перед явным преимуществом противника. Но и отходя, как правило, контратаковали и в большинстве случаев возвращали первоначальные рубежи. Атаки длились несколько дней. К концу октября армии Калининского фронта выдохлись. Продвижение вперёд было незначительным. Конечная цель наступления — освобождение Калинина — не достигнута. Отдельные группы зацепились за юго-восточные и северные окраины города, но, понеся большие потери, вынуждены были отойти на исходные позиции.

Эта книга — попытка написать биографию маршала. Но маршала без солдат не бывает. Солдаты, бойцы, красноармейцы, рядовые, сержанты, старшины, лейтенанты, капитаны — они, по большому счёту, и есть часть биографии маршала. Привожу фрагмент воспоминаний бывшего пулемётчика 185-й стрелковой дивизии В.С. Флёрова[42]. Давайте перенесёмся из ближнего штабного тыла в ту среду, которая непосредственно на местности, в окопах и среди развалин городских кварталов, исполняла приказы командиров и пыталась сделать реальностью замыслы штабов.

Василий Сергеевич Флёров, бывший пулемётчик 26-го пульбата 1319-го стрелкового полка 185-й дивизии: «…Два наших расчёта, прикрывая фланг батальона, участвовали в одном из штурмов городских окраин. Пехотинцы ворвались в город, продвинулись на два-три квартала, и мы затащили станкачи в немецкие окопы. Здесь были огневые точки с укрытиями под домами, несколько отрытых в полный рост окопов в 5—7 метров длиной. Мы установили пулемёт, чтобы можно было вести огонь вдоль улицы. Кругом беспорядочная стрельба: винтовочная — наша, треск автоматов — немцев. Позади частокол разрывов миномётных мин, а впереди хлопки ручных фанат и разрывы снарядов. Я лёг у пулемёта, а братва ринулась осматривать немецкий блиндаж, обследовать соседние ДОТы. Пожар в доме через улицу разгорался, я оттащил пулемёт в тень. Меня всё время грызла мысль о возможной контратаке. Впереди нарастала стрельба, сквозь грохот пробивались крики, по дворам и огородам к нам, размахивая винтовками, бежали солдаты. Обзора справа фактически не было, всё закрывали домишки, сараи, сарайчики и прочие хозяйственные постройки. И тут я увидел нечто, заставившее меня вскочить: дом, обычный маленький деревянный дом городской окраины как бы лопнул изнутри, и из облака не то дыма, не то пыли просунулась лобовая часть немецкого танка.

Немцы бросили в контратаку танки, против которых мы были беспомощны. Я закричал, выпрыгивая из окопа, ко мне бежали солдаты расчёта. Мы подхватили станкач, завернули за дом, перебежали на другую сторону улицы, прикрываясь дымом пожарища, повели огонь в ту сторону, где, сокрушая постройки, ворочался немецкий танк. Выпустили ленту, раздалась команда: “Отходи!” Опять волокли станкач через поле, усеянное мелкими воронками. Мы оглохли от близких разрывов, но пулемёт не бросали, хотя потеряли последнюю, третью коробку с нерасстрелянной лентой. Для нас всё обошлось без потерь, а у соседей из 16 человек осталось только трое…

Никакого опыта уличных боев у нас не было, выбить немцев мы могли, но удержаться не удавалось. После этого стали готовить подручные противотанковые средства: брали пять обычных ручных гранат РГД, у четырёх свинчивали ручки и прикручивали эти гранаты к пятой телефонным проводом. Так получалась связка, которая, попав под гусеницу, могла её перебить и остановить вражеский танк.

29 октября 1-й и 3-й батальоны ночью штурмовали кварталы северо-восточной окраины Калинина. Немцы бросили в контратаку танки и авиацию. Уже днём пришлось отойти на исходные позиции. В этом бою, как рассказывали, командир полка майор Казак личным примером воодушевлял бойцов.

На следующую ночь новая атака — и всё вновь повторилось, опять противник восстановил положение. 2-й батальон, который мы поддерживали, тоже должен был идти в наступление, но приказ отменили, послали другой батальон, а нам приказали спешно заняться изготовлением связок гранат. Как впоследствии выяснилось, командир дивизии получил сведения, что немцы попытаются танками протаранить нашу оборону у шоссе на Бежецк, и наш батальон оставили как резерв командира дивизии, как противотанковый заслон. Но, видимо, немцам было не до наступления на этом участке фронта.

Сковав немцев под Калинином, 185-я стрелковая дивизия, не добившись большого успеха, тем не менее вместе с другими соединениями помогла другим фронтам.

…”Калининское сидение”, как потом называли бойцы почти месяц боёв под Калинином, закончилось. 15 ноября началось новое наступление немецко-фашистских войск на Москву. Одним из направлений главного удара был Клин. И нашу дивизию, числившуюся в резерве командующего Калининским фронтом, перебросили туда».

Неудача октябрьского наступления на Калинин имеет много причин. Военные историки называют и весьма распространённую

в 1941 году практику введения в бой сил и огневых средств не единой мощной группировкой, согласованной по времени, а частями. Именно начальный период войны оставил в истории множество примеров того, когда даже крупные группировки, вводимые вдело «пачками», терпели поражение от противника, который уничтожал их так же последовательно, частями.

Ответный удар противник нанёс 2 и 3 ноября на стыке 29-й и 31-й армий, пытаясь вновь прорваться к райцентру Медному, захватить плацдарм на северном берегу реки Тверцы и оседлать участок Ленинградского шоссе, тем самым нарушив коммуникации обороны Калининского фронта. Немцев встретили сосредоточенным огнём на заранее подготовленных и укреплённых позициях. Два дня немецкие пехотные дивизии VI армейского корпуса генерала Фёрстера при поддержке авиации, танков, артиллерии, миномётов и штурмовых орудий безрезультатно пытались таранить советскую оборону. На третий день, опасаясь прорыва, Конев приказал всё же отвести войска на рубежи нижнего течения реки Тьмы. Это были тыловые позиции, которые в создавшихся обстоятельствах представляли наиболее выгодную оборону. Манёвр удался. Танки и пехота Фёрстера дальше не прошли ни на шаг. Следующую атаку немцы предприняли в районе Селижарова. Произошло это 6 ноября на участке 22-й армии генерала Вострухова[43]. Противнику удалось смять оборону 22-й армии, прорваться к Селижарову и захватить город. Но Конев сразу же ввёл в дело свой резерв: 54-ю дивизию полковника Есаулова и 8-ю танковую бригаду полковника Ротмистрова. Немцы были отброшены.

С командармами Коневу какое-то время не везло. К тому же командарм — это не штабной работник оперативного отдела или разведотдела, которого, в случае его явной профессиональной непригодности, можно заменить толковым офицером из нижестоящих штабов армий, дивизий и даже полков, а то и взять из окопов. Вот и приходилось Коневу, подавляя гнев, сквозь пальцы наблюдать за тем, как использует своё особое положение командарм 29-й, как робко, с замедлением, а порой и невпопад действует командарм 22-й. Ещё не укомплектован штаб фронта, с перебоями работает связь, нужных работников приходится выдёргивать буквально отовсюду, на ходу, и тут же вводить их в курс дел. А тут ещё выясняется, что профнепригодны некоторые командиры высокого ранга, которых лейтенантами из окопов и даже полковниками с академическим образованием не заменишь.

Генерал Вострухов недолго командовал 22-й армией. После ноябрьских боёв, когда фронт выдержал очередную попытку левого крыла группы армий «Центр» пробить оборону с целью

охвата наших войск, оборонявшихся севернее и южнее, Конев отправил Сталину телеграмму: «…Допущенный к исполнению должности командарма 22, генерал-майор В.И. Вострухов с обязанностями не справился. По опыту проведения Селижаровской операции выяснилось, что В.И. Вострухов нуждается в подсказывании решений в мелочах и требует держать его всё время на поводу. В сложной обстановке растеряется и не обеспечит управления армией. Конев, Леонов».

«На поводу» — в смысле «на поводке». Да, непросто было Коневу руководить фронтом: на одного вечно оглядывайся, чтобы не настрочил в Москву Берии очередной донос, чтобы не плёл за спиной козни и одновременно не путался под ногами, мешая руководить фронтом, другого води на поводке, натаскивай, чтобы действовал правильно и в трудный момент не подвёл весь фронт…

Ноябрь на Калининском фронте прошёл в серии взаимных ударов.

Седьмого ноября фон Бок в своём дневнике сделал такую запись: «Противник нарастил силы на юго-востоке от Калинина, ведёт себя активно, даже вызывающе, и чуть ли не ежедневно предпринимает атаки в районе дороги Латшино—Калинин. Наше наступление в том случае, если в нём будут задействованы недостаточно крупные силы, обречено на неудачу. В этой связи я направил телекс командованию танковой группы, потребовав задействовать в атаке больше подвижных соединений, нежели это было запланировано. <…> …добиться у командования танковой группы подключения к атаке сильных моторизованных соединений будет непросто. Прежде всего потому, что передвижение моторизованных частей или невозможно, или сопряжено с большими трудностями, а сражаться в пешем строю этим парням не улыбается. Так оно и случилось: в пришедшем сегодня из танковой армии послании в завуалированной форме высказывалось негативное отношение к использованию солдат моторизованных подразделений в качестве пехотинцев». 10 ноября: «Противник проводит атаки местного значения на фронте 4-й армии и значительно более мощные против левого крыла 9-й армии, где противнику удалось добиться ограниченного успеха».

Однажды во время боёв на Селижаровском направлении, в самый их пик, когда Конев бросил в дело резерв, во время одной из контратак, были захвачены пленные. Ещё до начала допроса и по одежде, и по снаряжению сразу заметили — к фронту прибыла свежая часть. Допрос пленных, а затем агентурные сведения подтвердили догадки: немцы начали переброску войск в район южнее Калинина — накапливают крупную группировку перед

фронтом 30-й армии.

Армия генерала Хоменко прикрывала Клинско-Солнечногорское направление, протяжённость её фронта составляла 70 километров. Боевой состав: стрелковая и мотострелковая дивизии, танковая бригада, моторизованный и запасный полки. Вторые эшелоны и резервы отсутствовали. Оборона носила очаговый характер, промежутки между опорными пунктами составляли три-четыре километра. Немецкая разведка, конечно же, перед наступлением тщательно исследовала местность, по которой 3-й танковой группе и частям 9-й полевой армии предстояло осуществить второй, завершающий этап наступления на Москву.

Справедливости ради, надо заметить, что командарм 30-й своим донесением предупреждал штаб Калининского фронта о том, что перед его фронтом в последние сутки противник ведёт переброску войск, в том числе крупных танковых соединений, что армия ослаблена предыдущими боями, нуждается в пополнении и усилении огневыми средствами, особенно противотанковой артиллерией. К сожалению, Конев не придал информации генерала Хоменко должного значения.

Немцы атаковали 15 ноября. По словам Конева, их наступление «развёртывалось в обычном для немцев стиле — атака пехоты и танков при массированной поддержке авиации».

Удар пришёлся на 30-ю армию Калининского фронта и на 16-ю — Западного. Противник таранил стык фронтов, обнаружив здесь самое слабое место в советской обороне и перспективное для развития удара с целью охвата Москвы с севера.

Одновременно, под Тулой и Алексином, группа армий «Центр» перешла в наступление, охватывая тульскую и серпуховскую группировку наших войск с целью замкнуть гигантское кольцо окружения южнее Москвы. Снова, как и в первых числах октября, на карту ставилось всё.

В первый день 5-я стрелковая дивизия, на которую пришёлся основной удар танкового клина, удержала позиции. Противник понёс большие потери в танках и живой силе. Но давление нарастало. Немцы подошли к Волге. Чтобы не подвергать 5-ю дивизию, стойко державшуюся на своём рубеже, угрозе охвата со стороны соседей, где наметился прорыв фронта, Конев приказал генералу Хоменко отвести дивизию за Волгу. Одновременно на угрожаемый участок начал переброску резервов.

Исследователи Московского сражения считают это решение комфронта «обоснованным, но запоздалым». Возможно. Но тем не менее 30-я армия в момент наивысшего накала боёв была усилена 185-й стрелковой, 46-й кавалерийской дивизиями, 8-й танковой

бригадой и отдельным мотоциклетным полком.

К исходу 16 ноября 5-я стрелковая дивизия заняла заранее подготовленный рубеж на левом берегу Волги и отразила все попытки противника форсировать реку на этом участке. 21-я танковая бригада, 2-й моторизованный и 20-й запасный стрелковый полки продолжали вести тяжёлые бои на рубеже Городня, Красная Горка, не допуская прорыва противника к мостам через Волжское (Иваньковское) водохранилище. Южнее водохранилища, у переправы через реку Ламу, дралась 107-я мотострелковая дивизия полковника Чанчибадзе[44] с приданными частями усиления. К вечеру противник увеличил напор, бросил в бой до 60 танков и штурмовых орудий, потеснил полки Чанчибадзе и форсировал Ламу, овладев опорными пунктами Дорино и Гришкино. Мосты через переправы во время отхода были взорваны. Но это не остановило немецкого наступления, а лишь задержало его.

Спустя сутки, 17 ноября к исходу дня, войска 30-й армии действовали уже в трёх расчленённых группировках: за Волгой — у Поддубья, Судимирок, Свердлова; на южном берегу Волжского водохранилища — в районе Ново-Завидовского и Завидова; восточнее реки Ламы — на участке Дмитрове, Гришкино. Брешь между группировками, действовавшими в районах Ново-Завидовского и Дмитрова, увеличилась до 20 километров.

«Для уяснения обстановки и оказания помощи командующему 30-й армией, — вспоминал Конев, — я направил в его штаб исполняющего обязанности начальника штаба фронта, генерал-майора Е.П. Журавлёва. Туда же прибыл и член Военного совета Западного фронта Д.А. Лестев. Гитлеровцы нажимали. Их авиация беспрерывно бомбила войска и тылы армии. В один из налётов фашистских стервятников бомба попала в избу в Завидове, где находились Хоменко, Журавлёв и Лестев. Был ранен Журавлёв и убит Лестев. Это была очень тяжёлая утрата — Лестев пользовался большим авторитетом, стойкий коммунист, душевный человек и мужественный воин.

К 17 ноября положение на фронте ещё более обострилось. Противник упорно теснил фланговые армии Калининского и Западного фронтов».

Семнадцатого ноября Ставка приняла решение передать 30-ю армию в состав Западного фронта. Жуков со свойственной ему решительностью отстранил генерала Хоменко от должности командарма и назначил на его место генерал-майора Д.Д. Лелюшенко[45].

Дмитрий Данилович Лелюшенко, талантливый командир, танкист, Герой Советского Союза, к тому времени только что

вернулся из госпиталя. В октябре в районе Можайска он был тяжело ранен. Жуков, обладавший феноменальной способностью из массы военачальников выбирать, а в критический момент буквально выхватывать нужных ему людей и расставлять их на нужные места, точно определил, кто сможет справиться с ситуацией в районе Волжского водохранилища.

Впоследствии генерал Лелюшенко будет успешно командовать 30-й армией в ходе многих операций на Ржевском и других направлениях в составе Калининского фронта. Затем война разведёт пути двух генералов, но в 1944-м снова сведёт на 1-м Украинском. Конев будет командовать фронтом, а Лелюшенко — 4-й танковой армией. Конева уже назовут в войсках *«Солдатским Маршалом»*. А Лелюшенко — *«Генерал “ВПЕРЁД!“»*. Но это будет нескоро…

А тогда, в середине ноября 1941-го, когда центр тяжести боёв сместился в полосу Западного фронта, Коневу было поручено действовать таким образом, чтобы противник не смог снять для усиления своей ударной группировки ни одной дивизии, ни одного танка.

Говорят, что именно в эти дни Конев завёл себе палку.

Ох уж эта палка! О ней порой говорят больше, чем о том, что действительно тогда решало судьбу фронта в районе Калинина и Торжка. Мол, генерал Конев был настолько неотёсан и груб, что выстругал себе специальную палку, чтобы бить ею проштрафившихся командиров. Что ж, давайте разберёмся и с палкой.

Слово — очевидцам.

Генерал Громов: «…мы дрались на Калининском фронте. В конце 1941-го, в начале 1942-го, трагическая, кошмарная обстановка была. Длина фронта — 580 километров. В одном месте “мешок” подозрительный. И танки лезут со всех сторон. Каждый день меня “расстреливал” Конев за то, что я танки не отражаю. Я Конева в душе уважаю. Он грубоватый, как топор, может врезать палкой, но довольно быстро отходил, иногда понимал, что не прав. Как он меня распекал! “Это что же вы делаете? Вы чем командуете? Вы знаете, что такое Ил-2? Да он если 'эрэсом' по танку даст, танк переворачивается!” — “Товарищ командующий, я просил всех командармов, кто какую новинку получит, особенно танки немецкие, доставлять мне на полигон, чтобы я мальчишек приучал, и мы сами бы понимали, что за штуковина и как её раскусить”. Как же он меня пушил: “Хоть ты и национальный герой, но я тебе спуску не дам!” У него было такое представление, что Ил-2 — идеальный самолёт, и как только появится, от его выстрелов, от “эрэсов” всё летит. Но ничего

подобного. Может гусеницу разорвать, если попадёт в слабое место, вмятину хорошую сделать. Вот когда на нём противотанковые бомбы появились, ПТАБы, другое дело…»

Свои мемуары бывший комбриг и командующий ВВС Калининского фронта написал очень откровенно, правдиво, особо не оглядываясь на авторитеты и высокое положение тех, с кем в годы войны был рядом и на равных. Палкой от Конева, видимо, попадало и ему. Но об этой пресловутой палке генерала он упомянул без обиды, без злобы. Притом отметил одну из замечательных черт характера своего бывшего командующего — незлопамятность, отходчивость. Однажды Конев, став свидетелем невыполнения одним из лётчиков-истребителей приказа, сразу же распорядился: «В расход!» Громов рассудил по-своему: понимая, что в воздухе в момент боя лётчиком может овладеть минутная слабость, объявил тому наряд вне очереди и ни в коем случае больше не попадаться командующему на глаза. Но через несколько дней Конев увидел того лётчика и спросил Громова, почему тот не выполнил его приказ. «Выполнил, — сказал Громов. — Вы приказали его *в расход,* вот он на кухню и пошёл…» Конев только головой покачал и больше к этой теме не возвращался.

Но вернёмся к палке. Потому как она всё же была. Главный маршал авиации А.Е. Голованов рассказывал писателю Феликсу Чуеву, что Конев был удивительно храбрым человеком. Командуя Калининским фронтом, он получил донесение, что одна из рот оставила свои позиции и отошла. Иван Степанович поехал туда и, лично руководя боем, восстановил положение. «Правда, — говорил Голованов, — я был свидетелем, как Сталин ругал его за такие поступки и выговаривал ему, что не дело командующего фронтом лично заниматься вопросами, которые должны решать, в лучшем случае, командиры полков, но храбрых людей Сталин очень уважал и ценил».

— Я тебе скажу следующее дело, — продолжал Голованов. — Конев иной раз бил палкой провинившихся. Когда я ему сказал об этом, он ответил: «Да я лучше морду ему набью, чем под трибунал отдавать, а там расстреляют!»

Сталин, конечно же, знал о палке Конева. Но ни разу ему не выговорил. Видимо, разделял его прямоту и желание решать некоторые проблемы, минуя трибунал.

Палка же, как рассказывала дочь маршала Наталия Ивановна, у Конева появилась по причине того, что в этот период у него обострились некоторые застарелые болезни. После Вяземской катастрофы открылась язва желудка. Вернулась боль в ноге, да такая, что иногда по нескольку дней хромал. Ещё до войны,

готовясь к какому-то смотру войск, он упал с коня и повредил ногу. Вот и завёл себе, как в народе говорят, третью ногу…

Сталин Конева растил как полководца. Многое ему прощал, особенно на первых порах. Он видел в нём будущего блестящего тактика, будущего победителя тех, кто пока был не по зубам Красной армии. Той же любовью он любил Жукова, Рокоссовского, точно так же будет формировать Черняховского и Голованова. Влияние Сталина на Конева было огромным. Хотя во время войны встречались они не так уж и часто. Можно предположить, что Конев постоянно чувствовал Верховного главнокомандующего рядом. Но эта тень его не угнетала, напротив, вселяла уверенность в собственные силы и решения.

Главный маршал авиации Голованов рассказывал: «Сталин сам не представлял масштабов своего влияния. Если бы он знал, что скажет — и человек разорвётся, а сделает, он бы много ещё хорошего сделал. Но в нём жила трагедия, что он не русский.

Сталин очень любил русских. Сколько раз Чкалов напивался у него до безобразия, а он всё ему прощал — в его понимании русский человек должен быть таким, как Чкалов. Сталин жалел, что не родился русским, говорил мне, что народ его не любит из-за того, что он грузин. Восточное происхождение сказывалось у него только в акценте и гостеприимстве. Я не встречал в своей жизни человека, который бы так болел за русский народ, как Сталин».

Возможно, это же мог бы рассказать о Сталине и Конев, если бы в своих воспоминаниях сумел быть более откровенным.

Однажды в кабинете Сталина появились два новых портрета — Суворова и Кутузова. В тот день Верховный проводил совещание, и участники совещания обратили внимание на портреты прославленных русских полководцев. Начался разговор. Сталин сам подбросил щепок в огонь, зная, что среди его генералов и маршалов нет единства. Между двумя фельдмаршалами действительно всегда существовало и доныне существует некое историческое соперничество. Одни, как вспоминают участники того памятного разговора, отдавали предпочтение Суворову, другие выше ценили мудрость и осторожность Кутузова. И тогда Сталин внимательно посмотрел на Конева, приглашая к разговору его. В то время Конев в сталинском кабинете был человеком редким, вёл себя сдержанно. Конев сразу назвал Суворова, отметил в нём такие полководческие качества, как быстроту и внезапность действий, сказал, что Суворов не проиграл ни одного сражения, разбивая всякого врага, с которым ему приходилось иметь дело. Верховному очень понравилось, с каким жаром и искренностью

отстаивал свою позицию Конев.

Сам Сталин своего предпочтения не высказал. Но когда появились полководческие ордена, высшим стал всё же орден Суворова. Конев будет награждён этим орденом дважды, оба 1-й степени: в августе 1943 года и в мае 1944-го.

В мае 1945 года Конев вручит этот орден командующему 12-й армейской американской группой генералу Омару Брэдли.

Дважды будет удостоен и ордена Кутузова 1-й степени.

Среди генералитета эти ордена подчас ценились выше «Золотой Звезды» Героя Советского Союза. Особенно в среде генералов и маршалов-фронтовиков.

Нет, не зря когда-то Уборевич, любуясь выучкой дивизии и выправкой молодого комдива, назвал его — «Суворов». Это накрепко засело в голове Конева, проникло глубоко в душу. Кто знает, возможно, именно эта оценка командира, данная, как говорят, на вырост, и стала тем постоянно действующим фактором, который заставил Конева всю жизнь, изо дня в день, работать, учиться, постигать, одолевать.

Сталин тоже почувствовал в Коневе не только рвение, но и талант. Ведь под Смоленском и Калинином будущий полководец только-только начинался. Трудно разглядеть во всходах урожай. Сталин разглядел.

Но первым, кто поверил в полководческий дар будущего маршала и поддержал его, был командарм 1-го ранга Уборевич. После расстрела Уборевича патроном Конева стал сам Сталин. Странное сочетание, не правда ли? Но явно видимый парадокс только подтверждает то, что Конев обладал незаурядными командирскими данными. А также умел их предъявить.

Сталин, внимательно наблюдая за тем, как его питомец мужает в боях и на равных дерётся с лучшими генералами и фельдмаршалами Гитлера, ревниво ограждал Конева от нападок со стороны, от всяческих неприятностей, которые могли помешать главному. Точно так же он относился и к другим своим любимцам — Рокоссовскому и Жукову. Он считал себя их создателем, творцом. Так оно и было. И когда несправедливо умаляли заслуги кого-то из них, воспринимал это как личное оскорбление.

Генерал армии С.М. Штеменко вспоминал: «Однажды во время нашего доклада в Ставке позвонил Конев и сообщил прямо Сталину об освобождении какого-то крупного населённого пункта. Было уже около 22 часов, но Верховный Главнокомандующий распорядился дать салют в тот же день. На все приготовления у нас оставалось не более часа. Я тут же написал “шапку” приказа. Она была утверждена. После этого из

соседней комнаты, где стояли телефоны, позвонил сначала Грызлову о немедленной передаче мне нумерации войск и фамилий командиров, затем на радио Пузину — о предстоящей передаче приказа и, наконец, коменданту города — о салюте. “Шапку” занёс машинисткам и сел монтировать остальную часть приказа, пользуясь своей рабочей картой и имевшимся у меня списком командиров. Примерно через полчаса мы с Грызловым сверили наши данные. Я опять пошёл в машбюро, продиктовал недостававшую часть текста, отослал приказ на радио и, вернувшись в кабинет Верховного, доложил, что всё готово, в 23 часа салют будет.

— Послушаем, — сказал Сталин и включил неказистый круглый динамик на своём письменном столе.

По радио приказ всегда читался с таким расчётом, чтобы не более чем через минуту по окончании чтения грохотал салют. Так было и на этот раз. Своим торжественным, неповторимым голосом Ю.Б. Левитан начал:

— Командующему 1-м Украинским фронтом! Войска 1-го Украинского фронта в результате…

В этот миг Сталин вдруг закричал:

— Почему Левитан пропустил фамилию Конева? Дайте мне текст!

В тексте фамилия Конева отсутствовала. И виноват в этом был я: когда готовил “шапку”, заголовок написал сокращенно: “Ком. 1 УФ”, упустив, что имею дело не с генштабовскими машинистками. У нас, в Генеральном штабе, они сами развёртывали заголовки. Сталин страшно рассердился.

— Почему пропустили фамилию командующего? — спросил он, в упор разглядывая меня. — Что это за безымённый приказ?.. Что у вас на плечах?

Я промолчал.

— Остановить передачу и прочитать всё заново! — приказал Верховный.

Я бросился к телефону. Предупредил КП не давать залпов по окончании чтения приказа. Потом позвонил на радиостудию, где Левитан уже кончил читать, и попросил, чтобы он повторил всё сначала, но обязательно назвал бы фамилию Конева. Левитан почти без паузы стал читать приказ вторично, а я опять позвонил на КП и распорядился, чтобы давали теперь салют, как полагается. Всё это происходило на глазах у Верховного Главнокомандующего. Он, казалось, следил за каждым моим движением и, когда мне удалось, наконец, исправить свою ошибку, сердито бросил:

— Можете идти».

Такие, как Конев, не стремятся к наградам и звёздам. Такие стремятся к победам. А ордена и звёзды на петлицы и на погоны приходили сами собой, с победами. Личная храбрость дополняла характер будущего полководца теми бесценными чертами, которые обычно завершают портрет героя. И если порой доклад можно было подсластить пилюлей и преувеличить значение скромной победы, представив её как нечто более значительное, чем отличались во время войны почти все штабы без исключения, то личную храбрость и умение держать себя в руках в самых скверных обстоятельствах имитировать было невозможно. Солдат знал, чем пахнет окоп и как ёкает селезёнка, когда надо подниматься в атаку или когда перед окопом появлялась «бронеединица» противника.

В ноябре под Калинином был момент, когда Конев поднял роту в контратаку, и положение на угрожаемом участке было восстановлено как раз благодаря этой неожиданной стойкости отступающего, наполовину разбитого и рассеянного подразделения.

Конев сам был храбр и умел ценить храбрость своих подчинённых. Он чувствовал солдатскую душу.

Вот что рассказывал бывший командир 916-го стрелкового полка 247-й стрелковой дивизии, которая не раз оказывалась на острие удара, генерал-майор В.С. Антонов: «Через много лет Агентство печати Новости проводило торжественное собрание, посвященное 20-летию образования ГДР. Был приглашён и я. На вечер приехал И.С. Конев. Я представился.

— О! — радостно воскликнул маршал, — 247-я стрелковая дивизия подполковника Тарасова! А помнишь рукопашный бой?

— Товарищ маршал, — сказал я, — за этот бой и за освобождение Старицы вы наградили меня тогда первым орденом Красного Знамени.

— Ну, тогда давай я хоть после войны тебя обниму». Ноябрьское наступление, проводимое немцами как второй

этап операции «Тайфун», так же, как и октябрьский бросок на Москву, своей цели не достиг. Противник был остановлен.

Красная армия накопила силы и готовилась к контрудару. Калининский фронт выполнил приказ Ставки.

Фельдмаршал фон Бок все эти дни не покидал своего передового командного пункта и лично руководил последним решающим броском на Москву. Как отметил в дневниковой записи за 22 ноября Гальдер, «со своей невероятной энергией он всеми силами гонит войска вперёд. Однако, как кажется, из наступления на южном фланге и в центре полосы 4-й армии и 3-й танковой группы ничего путного уже не получится. Войска здесь

выдохлись… Но на северном фланге 4-й армии и 3-й танковой группы возможности для успеха ещё имеются, и они используются до предела. Фон Бок сравнивает это сражение с битвой на Марне, когда всё решил последний брошенный в бой батальон. Враг и здесь подбросил новые силы. Фон Бок вводит в бой всё, что только может».

Последний батальон, который действительно мог решить судьбу Москвы, тем временем находился под Калинином. Но снять оттуда его фон Бок так и не осмелился. Этот батальон день и ночь не выходил из боя, его непрерывно атаковал батальон противника, принадлежащий одной из стрелковых дивизий Калининского фронта…

Командующий группой армий «Центр» начал получать из штабов своих армий и соединений тревожные донесения: его войска не могли больше продвигаться вперёд, а то, что в результате жесточайших боёв достигнуто, оплачено слишком большой кровью германских солдат. Переутомлённый и больной, фон Бок запросил главнокомандующего сухопутными войсками фельдмаршала фон Браухича об остановке операции. Браухич, зная, что Гитлер отреагирует на такое известие слишком нервно, ответил, что «не в его компетенции принимать такое решение». Бои продолжились. Фон Бок, видимо, чувствовал, что русские вот-вот предпримут нечто такое, что германским войскам ещё не доводилось испытывать во время похода на восток.

И фон Бок, и фон Браухич на своих постах продержатся недолго, вскоре они будут отстранены от командования войсками и отправлены — один в резерв, другой на излечение.

Глава восемнадцатая. БИТВА ЗА КАЛИНИН И МОСКВУ

В дни калининского «сидения» в жизни Конева произошло событие, которое впоследствии изменит всю его личную жизнь. Однако вначале он не придал этому событию особого значения.

Все эти дни, как вспоминал адъютант командующего Саломахин, они жили в просторной избе. Обед им готовила хозяйка. Саломахин приносил тушёнку, хлеб, и хозяйка варила им картофельное пюре, сдобренное тушёнкой. Тем немногочисленный штаб Калининского фронта и питался. Когда у Конева обострилась язва желудка, он попросил Саломахина найти опрятную женщину, которая умела бы хорошо и более разнообразно готовить и которая бы согласилась ещё и убираться в его комнате. Не мог он заставлять своих сослуживцев, будь это даже рядовой боец тыловой части, ухаживать за собой. Денщичество он возненавидел с 1916 года, когда в 212-м полку вынужден был терпеть власть глумливого фельдфебеля.

Саломахин отправился в расположение тыла 30-й армии. Разыскал заместителя по тылу, сказал: так, мол, и так, нужна скромная, работящая, чистоплотная женщина.

— Есть такая? — спросил он тыловика.

— Есть, — ответил тот. — Антонина Васильевна Петрова. Самая что ни на есть образцовая. Имеет благодарность по службе. Только ты сам с ней договаривайся. Если согласится, я отпущу.

— А где она, твоя Антонина Васильевна?

— Да вон она. — И офицер кивнул на буфетчицу.

Со слов Антонины Васильевны Коневой (Петровой) этот рассказ передаёт её дочь Наталия Ивановна Конева: «В штабе фронта, куда Антонину привёз адъютант Саломахин, была комната командующего. В ней стоял заваленный картами стол, деревянная скамья, узкая железная кровать, накрытая солдатским одеялом, а под кроватью тапочки. В комнате было пыльно, неуютно. Мама тут же начала наводить порядок и чистоту. Вошёл командующий — высокий, худой и очень усталый, как вспоминала мама. Он куда-то спешил и на ходу надевал шинель. Посмотрел на молоденькую девушку, растерянно стоявшую посреди прибранной комнаты, и сказал очень мягко, несмотря на суровый вид и привычку отдавать приказы: “Ну, будь хозяйкой”, — и почти сразу уехал.

Их близкие отношения начались спустя полгода после этой встречи.

Он к ней долго присматривался, расспрашивал о родных, о её жизни до войны. Она с самого начала понимала, что приглянулась командующему. Отец всё больше привязывался к этой милой, кроткой с виду, но с сильным характером девушке. Молоденькая Тоня обладала той женской преданностью и надёжностью, теплом и добротой, которых ему не хватало в другой жизни, с женщиной, что “не умела ждать”».

На первый взгляд типичная ситуация. Полевые жёны были и у Рокоссовского, и у Жукова, и даже у многих командармов. Война, какой бы долгой она ни была, в конце концов закончилась, и генералы вернулись в свои семьи, к законным жёнам.

Но для Конева фронтовая любовь стала судьбой.

Антонина Васильевна Петрова родилась на хуторе Мухино Торопецкого уезда Псковской губернии в многодетной крестьянской семье. Вот откуда и трудолюбие, и умение делать любую домашнюю работу. Тем не менее Антонина смогла окончить сперва начальную школу, а потом и среднюю. В шестнадцать лет с подругами уехала в Москву, на заработки. Устроилась в Наркомат леса, буфетчицей. На паях с подругой снимала комнату. Вскоре началась война. Подруги пошли в военкомат. Их направили в 31-ю армию. Во время Вяземского сражения 31 -я армия была сильно потрёпана и отошла в район Ржева. Когда началось отступление и паника, кто-то из штабных офицеров приказал весь женский персонал отправить на грузовиках в Москву. В военкомате девчат начали агитировать пойти работать на заводы. Но они снова попросились на фронт. Их направили под Калинин, в 30-ю армию.

Когда случались свободные минуты, Конев просил Антонину рассказать о своей родине. Она рассказывала, какой красивый край — окрестности Торопца — Жижицкое озеро, где сохранилось имение композитора Мусоргского, каменистые холмы, поля, засеянные льном, прозрачные, как небо, реки… Конев слушал её и представлял свою родину — засыпанные снегами леса, кондовые дома Лодейно, лица земляков. Эта простая псковская девушка подарила ему то, что, как ему казалось, он потерял уже навсегда.

Живому человеку на войне — не только война…

В ночь на 1 декабря 1941 года в Ставке решалась судьба не одного Калининского фронта, а Москвы. Как рассказывал маршал Жуков в своих мемуарах, после тщательного и всестороннего изучения характера и результатов боёв войск фронта Ставка пришла к выводу, что метод частных атак, предпринятых на различных направлениях 27—29 ноября, неэффективен.

16-я армия Рокоссовского удержалась на своих рубежах, хотя и была потеснена на отдельных участках. Линия фронта

изогнулась ещё круче и причудливей. Калининский фронт опасно навис над северным крылом немецкой группировки, все эти дни упорно атаковавшей на Клинском и Волоколамском направлениях. Ставка приказала Коневу в течение ближайших двух-трёх дней сосредоточить ударную группировку в составе не менее пяти-шести дивизий и, без всякой оперативной паузы, нанести удар на Тургиново с целью выхода в тыл противника.

Ещё накануне Коневу позвонил Сталин, поинтересовался обстановкой и сказал, что Калинин в ближайшие дни должен быть взят.

По замыслам Ставки и Генштаба предусматривалось одновременное нанесение ударов силами Западного, Калининского и правого крыла Юго-Западного фронтов с целью разгрома противника севернее и южнее Москвы с охватом всей западной группировки. Контрнаступление предполагало создание контрклещей, почти в зеркальном их виде.

«В соответствии с замыслом Ставки командующие фронтами приняли свои решения, — вспоминал Конев. — Жуков решил нанести главный удар на Клинском и Истринском направлениях, разбить основную группировку противника на правом крыле фронта, а ударом на Узловую, Богородицк — фланг и тыл группировки Гудериана на левом крыле фронта. На правом крыле удар в общем направлении на Клин наносили войска 30-й армии, 1-й ударной армии, 20-й, 16-й армий. Должен сказать, что Западный фронт был усилен 1-й ударной армией, 20-й армией, а на левом крыле 10-й армией.

Войска Калининского фронта, не имея, повторю, превосходства в силах и средствах над противостоящей им 9-й армией противника, вместе с тем занимали исключительно выгодное оперативное положение, глубоко охватывая с севера вражеские войска, наступавшие на Москву.

В результате активных действий наших войск в октябре-ноябре 1941 года 9-я немецкая армия развернулась, точнее, мы её заставили развернуться, фронтом на северо-восток. Войска Калининского фронта нависали над ней. Мы знали, что 9-я армия развёрнута на широком фронте в одну линию, все её войска втянуты в сражение и уже начали выдыхаться. Момент для начала контрнаступления был самый подходящий».

Маршал Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях» писал: «Командующий фронтом генерал И.С. Конев, получив приказ Ставки, доложил, что выполнить его не может из-за нехватки сил и отсутствия танков. Он предложил вместо глубокого и достаточно мощного удара, намеченного Верховным Главнокомандованием, провести частную операцию по овладению

Калининым.

Ставка совершенно справедливо заметила, что предложения командующего Калининским фронтом не только не соответствуют, а прямо противоречат общей цели — решительному контрнаступлению под Москвой. И.В. Сталин поручил заместителю начальника Генштаба генералу А.М. Василевскому, подписавшему вместе с ним упомянутую выше директиву о создании ударной группировки Калининского фронта, переговорить с генералом И.С. Коневым, разъяснить его ошибку и суть дела. Александр Михайлович прекрасно выполнил это поручение. Опираясь на детальное знание оперативной обстановки на фронте, его состава и возможностей, он сообщил 1 декабря И.С. Коневу по “Бодо”: “Сорвать наступление немцев на Москву и тем самым не только спасти Москву, но и положить начало серьёзному разгрому противника можно лишь активными действиями, с решительной целью. Если мы этого не сделаем в ближайшие дни, то будет поздно. Калининский фронт, занимая исключительно выгодное оперативное положение для этой цели, не может быть в стороне от этого. Вы обязаны собрать буквально всё для того, чтобы ударить по врагу, а он против вас слаб. И, поверьте, успех будет обеспечен”».

Затем А.М. Василевский подробно разобрал силы фронта, посоветовал, откуда снять дивизии, как усилить их артиллерией из ресурсов фронта.

«Дорог буквально каждый час, а поэтому надо принять все меры к тому, чтобы начать операцию не позднее утра четвёртого», — подчеркнул он.

Командующему фронтом осталось только признать справедливость расчёта Ставки и дать заверение, что он соберёт всё для удара.

«Иду на риск», — заметил И.С. Конев в заключение.

Возможно, Жуков хотел показать нерешительность Конева и то, что тот не был посвящен в главную суть операции, что вся махина войск, двинувшихся вперёд, попросту понесла в том же направлении и войска Калининского фронта… Не случайно упомянул и о советах Василевского, которые тот дал Коневу накануне наступления: откуда что снять и где что усилить…

Видимо, все эти размышления были связаны с тем, что первыми начали наступление всё же войска Калининского фронта. Не было у Ставки уверенности в том, что декабрьские удары перерастут в наступление всех трёх фронтов, прикрывавших Московское направление. Вот и решили: пусть начнёт Конев, а там посмотрим.

Сам Конев тоже понимал, что 5 декабря может превратиться в

14—16 ноября, когда пытались контратаковать и здесь, на севере, и под Серпуховом, в центре, но ничего не вышло, только израсходовали резервные дивизии. Вот почему вырвалось это: «Иду на риск».

Но Конев продолжал забрасывать Ставку и Генштаб просьбами о пополнении людьми и в особенности танками. Но все основные резервы к тому времени уже были переданы Жукову, и Калининскому фронту дать было попросту нечего.

Итак, войскам Калининского фронта суждено было начать контрнаступление под Москвой. Как впоследствии писал в своей книге «Битва за Москву» маршал Б.М. Шапошников: «5 декабря войска Калининского фронта форсировали Волгу и в результате боя захватили плацдарм юго-восточнее Калинина (в районе Эммаус, Семёновское) протяжением 5—6 км по фронту и около 3 км в глубину. Немцы подвели ближайшие резервы и контратаковали. 6 декабря наши войска в Калининском районе отражали контратаки противника…»

Фон Бок записал в дневнике 6 декабря: «Отмечаются мощные атаки превосходящих сил русских против Восточного и в особенности Северо-восточного фронта 3-й танковой группы».

А вот его запись от 7 декабря: «Трудный день. В течение ночи правое крыло 3-й танковой группы начало отход. Дают о себе знать неприятные вклинивания противника на северном крыле танковой группы. Противник также значительно усилил давление на правом крыле 9-й армии. Я отослал всё, что мне удалось собрать на скорую руку, в распоряжение 3-й танковой группы; полк 255-й дивизии направлен на грузовиках — по батальону за один рейс — в сторону Клина, куда первый батальон прибыл этим утром. Единственный резерв, какой только удалось наскрести 4-й танковой группе, представляет собой усиленную роту. Моторизованный инженерный батальон, который ранее предполагалось отправить в Германию, был остановлен и также направлен в распоряжение 3-й танковой группы. 9-й армии придётся полагаться исключительно на свои собственные силы».

Конева иногда упрекают в том, что он не смог окружить калининскую группировку немцев, что взял город штурмом, с большими потерями, что, мол, как начал наступление — не совсем удачно, — так и дальше пошло, и всё уткнулось во Ржев и дальше Ржева наступление не развивалось.

На первый взгляд так оно и было. Но при ближайшем рассмотрении проблемы причина топтания на месте наших войск, полукольцом охвативших Калинин, весьма банальна — не хватало сил. В отличие от Западного фронта, который перед контрударом получил из резерва несколько армий, танковых

бригад, артполков и дивизионов «катюш», Коневу передали всего одну стрелковую дивизию. Чуть позже, когда недостаток сил стал очевидной причиной неудач в ходе начавшегося наступления, сюда направили ещё два отдельных танковых батальона. Крохи! И только когда Ставка приказала Жукову вернуть 30-ю армию в состав Калининского фронта, у Конева появилась возможность более свободного и широкого манёвра.

Накануне, 12 декабря, Сталин позвонил Коневу.

— Действия вашей левой группы нас не удовлетворяют, — сказал Верховный. — Вместо того, чтобы навалиться всеми силами на противника и создать для себя решительный перевес, вы, как крохобор и кустарь, вводите в дело отдельные части, давая противнику изматывать их. Требуем от вас, чтобы крохоборскую тактику вы заменили тактикой действительного наступления.

В трубке наступила тишина. Надо было отвечать.

— Докладываю: всё, что у меня было собрано, брошено в бой. Группировка наших войск состоит из пяти стрелковых дивизий, одной мотобригады, превращенной в дивизию, одной кавалерийской в составе трёхсот активных сабель. Танковые батальоны удалось собрать только в составе лёгких танков к исходу 10 декабря. Дело осложнила оттепель. Через реку Волгу тяжёлых танков переправить не удаётся. Лично не удовлетворён командармом 31-й Юшкевичем. Приходится всё время толкать и нажимать, в ряде случаев принуждать под угрозой командиров дивизий. Две стрелковые дивизии направлены для усиления. Сегодня к исходу сосредоточилась одна. Требуется на приведение в порядок — раздачу оружия, освоение оружия — два-три дня. Вторая дивизия — разгрузилось два эшелона. Ваши указания поняты, приняты к исполнению. О противнике: противник, кроме обороняющихся 161-й и 162-й пехотных дивизий, подбросил частично 129-ю пехотную дивизию, один полк 110-й пехотной дивизии. Сегодня в Чуприяновке уничтожили два батальона дивизии неустановленной нумерации. Кроме того, вчера авиация отмечала движение от Пушкино на Калинин до восьмисот машин. Все эти силы противника значительно потрёпаны нашими действиями. Все контратаки врага успешно отбиваются. В боях захвачено пятьдесят орудий, из них восемь тяжёлых — калибр 150 миллиметров, 203 миллиметра, 305 миллиметров. Много другого имущества.

— Какая последняя у вас обстановка?

— Сегодня овладели Марьино, Чуприяново. Идёт бой за овладение Салыгино, Гришкино. В Гришкино ворвались наши танки. На участке Мозжарино, Гришкино до двух полков противника. В остальном без изменения.

— Больше вопросов нет. Я думаю, что вы поняли данные вам установки. Действуйте смело и энергично.

— Понял, всё ясно, принято к исполнению, нажимаю вовсю.

— До свидания.

Такие наставления, которые время от времени Верховный главнокомандующий делал своим командующим, как правило, действовали магически. Дальнейшие события к северу от Москвы свидетельствуют о том, что должное впечатление они произвели и на Конева.

Маршал Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях» действиям своего соседа справа посвятил немало строк. В частности: «В первый день наступления войска Калининского фронта вклинились в передний край обороны противника, но опрокинуть врага не смогли. Лишь после десятидневных упорных боёв и изменения тактики наступления войска фронта начали продвигаться вперёд. Это произошло после того, как правое крыло Западного фронта разгромило немецкую группировку в районе Рогачёво—Солнечногорск и обошло Клин».

Соперничество Жукова и Конева никогда не исчезало. И когда они воевали под Москвой, и когда подходили к Берлину, и спустя десятилетия, когда засели за мемуары. При этом Жуков не скупился на оценки. Конев оказался более сдержанным.

В ходе декабрьского контрудара фронт действовал двумя усиленными группировками. На северо-запад в полосе до сорока километров наступали 31-я и 30-я армии. На Старицу шли 22-я и 29-я армии. Бои, вспыхнувшие по фронту наступления, приняли характер исключительно упорных и жестоких. Это засвидетельствовали в своих воспоминаниях солдаты и младшие офицеры обеих сторон.

В самый разгар боёв из Ставки пришло сообщение: в распоряжение фронта передаётся вновь сформированная 39-я армия, её состав — шесть стрелковых и две кавалерийские дивизии, она должна быть сосредоточена в районе Торжка, сроки сосредоточения — с 14 по 24 декабря. В командование свежей резервной армией, сформированной генерал-лейтенантом Богдановым[46], вступил генерал Масленников. Армия была сформирована под Архангельском, какое-то время занималась строительством оборонительных рубежей по реке Шексне, а теперь перебрасывалась к фронту.

В кратчайший срок Конев провёл значительную перегруппировку войск. Все передвижения частей и соединений в районы сосредоточения производились ночью с соблюдением мер строжайшей секретности и маскировки. Противник, по-видимому, был настолько уверен в своих силах и слабости Калининского

фронта, что его разведка попросту просмотрела концентрацию советских войск на новом участке. Впоследствии пленные подтвердили, что атака Красной армии на калининском участке оказалась для чих полной неожиданностью.

Обещание, данное Верховному, надо было выполнять во что бы то ни стало. Перегруппировка позволила уплотнить боевые порядки в полосах наступления, здесь наши войска превосходили противника по численности пехоты в 1,5 раза, уступая ему в артиллерии и танках. Плотность артиллерии на главном направлении удара 31-й армии тоже была незначительной и составляла 45 стволов на один километр фронта. Артиллерии не хватало, и это беспокоило бывшего артиллериста более всего.

Оборона противника представляла собой довольно мощный рубеж. Вдоль Волги тянулись линии окопов и дзотов. В местах возможных переправ берег был круто срезан, полит водой, на склонах и подъёмах наморожен толстый слой льда. Наступающим батальонам предстояло карабкаться по этим ледяным склонам, простреливаемым фланкирующим огнём. Деревни по всему переднему краю и в глубине обороны противник превратил в опорные пункты. Каменные здания и фундаменты домов были переоборудованы в долговременные огневые точки с круговым обстрелом и автономным обеспечением. Промежутки между опорными пунктами прикрывались минными полями и проволочными заграждениями в два-три кола. Особенно тщательно была продумана и устроена оборона в самом Калинине. Она представляла собой сплошную линию окопов, дзотов и блиндажей.

Первый значительный успех наметился на южном участке фронта: 30-я армия генерала Лелюшенко ударом из района северо-восточнее Клина отбросила войска 3-й и 4-й танковых групп. Противник откатился на линию шоссе Клин—Солнечногорск и начал немедленную эвакуацию войск и тяжёлого вооружения в тыл. 20-я армия Западного фронта одновременно атаковала по своему фронту, левее. Армией командовал генерал Власов[47]. Войска 30-й армии хлынули вперёд и захватили район Клина. Задвигался весь фронт.

Шестнадцатого декабря в 11.00 по московскому времени части 29-й и 31-й армий вошли в Калинин. В составе многих подразделений были бойцы калининских истребительных батальонов, к тому времени зачисленные в полки 5-й и 256-й стрелковых дивизий в качестве рядовых красноармейцев, младших командиров, лейтенантов и политработников. Они дрались за родной город с особым азартом и ожесточением.

После освобождения города из Москвы приехал председатель

Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин. Состоялось собрание жителей города, Михаил Иванович произнёс перед земляками речь. В тот же день, который теперь в Твери отмечают ежегодно как день освобождения города от немецко-фашистских захватчиков, калининцы присвоили генералу Коневу звание «Почётный гражданин города Калинина».

Вечер Конев провёл с М.И. Калининым за чашкой чая. О той памятной встрече он оставил в своих мемуарах ещё одну строку: «Я не встречал более приятного собеседника и мудрого человека…»

В боях за город, в попытке отстоять этот выгодный для себя опорный пункт с хорошо развитой системой обороны, противник израсходовал последние свои резервы. Армии Калининского фронта продвигались вперёд, преследуя отступающего врага.

Однако это не был бег побеждённого противника. Немцы отходили. И только на отдельных участках удавалось окружать их разрозненные подразделения и уничтожать их в коротких ожесточённых схватках.

Из Калинина немцы эвакуировали основную часть тяжёлой техники и вооружения, остальное бросили, взорвали мосты и ушли. Охват не удался. Конев понимал, что в Ставке недовольны действиями его войск. Но он хорошо знал реальность. Для охвата калининской группировки сил у него не было.

Немцы отходили на заранее подготовленные позиции на линии Селижарово—Ржев—Погорелое Городище.

Конев заметил, что при отходе противник с целью задержки наступления частей Калининского фронта применяет следующий тактический приём: мобильная группа автоматчиков, усиленная несколькими пулемётами и миномётами на машинах и бронетранспортёрах, занимает более или менее крупное село непосредственно на пути движения, желательно с каменными постройками, и превращает его в опорный пункт, встречает наши колонны сосредоточенным мощным огнём, после чего части вынуждены разворачиваться в боевой порядок. Каждый дом, каждая постройка превращается немцами в неприступный дот. Эти доты к тому же имеют отопление. Немцы находятся в тепле. В то время как наши бойцы вынуждены наступать по глубокому снегу в тридцатиградусный мороз. Нехватка лыж и другого зимнего снаряжения затрудняет движение колонн в обход этих опорных пунктов. Зачастую командиры приказывают их штурмовать в лоб, что приводит к огромным неоправданным потерям. Противник, между тем, воспользовавшись паузой, быстро садится на машины и уходит к следующему промежуточному рубежу.

Конев категорически запретил командирам атаковать опорные пункты в лоб и велел обходить их по параллельным дорогам; при невозможности обойти действовать охватом и атаковать промежуточные опорные пункты с тыла и флангов, применяя для этого специальные отряды лыжников.

Средний темп продвижения войск вперёд в эти дни составил шесть километров в сутки. Для пехоты, более того, пешей пехоты, которая составляла основную массу войск Калининского фронта, такой темп был удовлетворительным. Жуков, с присущей ему энергией гнавший вперёд войска соседнего Западного фронта, имел примерно такой же темп марша на запад.

С продвижением войск вперёд сокращалась протяжённость фронта. В таких случаях боевые порядки уплотняются. Но этого не происходило. Армии таяли. Потери убитыми, ранеными, больными, пропавшими без вести росли.

В январе наступление фронтов начало постепенно замедляться. Ресурс дивизий иссякал. Армии Западного фронта упёрлись в юхновский и гжатский рубежи обороны противника. Войска генерала Конева какое-то время продолжали обтекать сильно укреплённый Ржев, но противник предпринял серию контратак, и армии остановились.

Пятого января 1942 года в Ставке состоялось заседание. Сталин выслушал своих наркомов, маршалов и генералов и настоял на продолжении наступления. Главный удар намечалось нанести силами двух фронтов, Западного и Калининского, с целью охвата и разгрома группы армий «Центр». Второй удар планировался на севере, где войскам Ленинградского и Волховского фронтов предстояло выполнить задачу снятия блокады Ленинграда.

Жуков и заместитель председателя Совнаркома СССР Н.А. Вознесенский выступили против плана январского наступления. Первый заявил, что наступающие войска уткнулись в мощную, заранее подготовленную оборону противника на выгодном для него рубеже, что разумнее сконцентрировать усилия на одном направлении, западном, передав ему, как командующему войсками Западного фронта, все имеющиеся резервы и средства. Второй — что «государство в данный момент не располагает материальными ресурсами для обеспечения одновременно всех девяти фронтов».

Но Верховный настоял на своём.

Встречался ли Конев со Сталиным в канун нового наступления или позже, об этом сведений в архивах не обнаружено. В журнале посещений кремлёвского кабинета Конев не значится. Для сравнения: фамилия Жукова только в феврале

фигурирует четырежды.

Одновременно с московским контрнаступлением крупные победы были одержаны на севере под Тихвином и на юге в районе Ростова. По выражению Жукова, у многих в те дни шапки были набекрень от удач, от хороших известий с фронтов, которые потоком шли в Ставку и Генштаб. Но, в отличие от многих штабных, высокопоставленных штатских и полувоенных, Жуков прекрасно понимал, что происходит на фронтах и что может произойти в ближайшее время. Многим казалось, что теперь Красную армию не остановить, а у вермахта исчерпан весь ресурс, что теперь немцы побегут до Берлина… Этим же настроениям был подвержен и Сталин. Попытка Жукова и Вознесенского просветлить туман наступательно-победной эйфории желаемого результата не дали.

Верховный заметил, что недостаток сил и огневых средств можно компенсировать «умелыми действиями войск», а именно: «…заменить в практике наших армий и фронтов действия отдельными дивизиями, расположенными цепочкой, действиями ударных групп, сосредоточенных в одном направлении… и заменить так называемую артиллерийскую подготовку артиллерийским наступлением».

Метод концентрации артиллерии на участке прорыва, а затем её наступления вместе с пехотой до тех пор, пока не будет взломана оборона противника на всю её глубину, Конев отрабатывал ещё до войны. Под Духовщиной, Ярцевом и Калинином неоднократно пытался применить его в ходе наступательных действий своих войск. Однако в полной мере сделать это было невозможно — у артиллеристов просто не было достаточного количества боеприпасов. Заводы, эвакуированные из Центральной России, ещё не наладили выпуск снарядов для пушек и мин для миномётов. Конечно, когда нечем стрелять, умелыми действиями делу не особенно поможешь. Но когда боеприпасы на огневые позиции всё же доставлялись, расходовать их нужно было с умом. Известно, что бывший фейерверкер отводил артиллерии особую роль в бою, а потому перед боем умел держать артиллеристов, что называется, в тонусе.

Заместителем по артиллерии на Калининском фронте у Конева был генерал Хлебников[48]. После войны он написал книгу мемуаров «Под грохот сотен батарей». В ней есть эпизод, который ярко характеризует героя нашей книги.

Однажды, когда Конев после очередной поездки на передовую вернулся в штаб, генерал Хлебников, накануне получивший задание приготовить артиллерию к бою, доложил командующему о готовности. Но Конев, выслушав доклад о том,

что артполки и артдивизионы готовы открыть прицельный огонь по обороне противника, неожиданно решил убедиться в этом сам.

«Поехали в 30-ю армию к командующему артиллерией полковнику Мазанову, — пишет Н.М. Хлебников. — Дело своё Мазанов знал, и я не сомневался, что проверку он выдержит. Когда приехали на его наблюдательный пункт, генерал Конев приказал мне для проверки поставить артиллеристам боевую задачу. Говорю Мазанову:

— Видите церковь? Справа от церкви высота с отдельным деревом.

— Вижу.

— Сосредоточьте по высоте огонь любых двух полков — по одному выстрелу от каждого дивизиона!

Поставив полковнику Мазанову эту задачу, я засёк время. Для сосредоточения внепланового огня артиллерийской группе требовалось по норме восемь минут. Мазанов поднял трубку телефона, передал задачу в штаб, оттуда — тоже быстро — её передали на огневые позиции.

Проходит пять, потом десять и пятнадцать минут, а доклада о готовности открыть огонь всё нет. Лишь двадцать минут спустя Мазанову доложили, что артполки готовы. Он подал команду, разрывы легли далеко от цели.

— В чём дело? — спрашивает Конев.

Мазанов несколько растерялся, потом взял себя в руки, проверил, кто и как передал его команду. Оказалось, что один из телефонистов перепутал целеуказание. Конев, сам артиллерист, понял, что готовности нет. И дело не только в телефонисте. Задержка на десять минут говорила об организационных слабостях в управлении артиллерией.

Прошу командующего фронтом поставить ещё одну задачу. Он согласился. На этот раз доклад о готовности поступил с огневых позиций на наблюдательный пункт через пять минут, разрывы легли в районе цели.

Все мы вздохнули с облегчением, но командующий, уезжая, сказал:

— Времени у вас — только до завтра. Смотрите, товарищи артиллеристы!»

Артиллерия противника действовала превосходно. Даже в дни глухой обороны по населённым пунктам и видимым целям немцы вдруг открывали огонь. Короткие шквальные налёты чередовались с вялым беспокоящим огнём одиночных кочующих орудий. Противник уже к началу января сократил коммуникации, произвёл перегруппировку, эвакуировал склады на новые базы, наладил подвоз. Проблем с боеприпасами у него не было.

Гитлер приказал: «9-й армии — ни шагу назад. Удерживать достигнутую 3 января линию обороны».

Глава девятнадцатая. РЖЕВ, ОЛЕНИНО, ВЯЗЬМА…

Командир 6-й немецкой пехотной дивизии 3-й танковой армии генерал пехоты Хорст Гроссман после войны написал книгу о боях подо Ржевом. Книга называется «Краеугольный камень Восточного фронта». Само название книги свидетельствует о степени важности, которую германское командование придавало обороне так называемого Ржевского выступа, образовавшегося в ходе зимних боёв 1942 года. Хорст Гроссман, дивизия которого дралась в районе Ржева, писал: «Шаг за шагом отходила с боями 9-я армия от Калинина на юго-запад в направлении Ржева, южнее — другие армии на запад. 3 января 1942 года четыре северные армии группы армий “Центр” встали на общую линию Юхнов—Медынь—Боровск—Лотошино—Алексино—Ельцы—Селижарово (южнее Осташкова). Но на правом крыле группы армий “Север” зияла брешь почти в 45 километров. Термометр показывал минус 40 градусов! Тяжёлые бои на всём фронте. И всё же измотанным и замерзающим войскам, несмотря на чудовищное напряжение от численно превосходящих, отлично подготовленных для зимней кампании и хорошо вооружённых сибирских дивизий, удавалось держать цельную, правда, слабую и тонкую, линию обороны. Только постепенно отступая, командование армии могло спасти фронт от его расчленения и уничтожения по частям. Только используя гибкую тактику, было возможно отбивать атаки и не допустить прорыва».

Седьмого января 1942 года штаб Калининского фронта получил новую директиву Ставки: охватывающими ударами по сходящимся направлениям из района северо-западнее Ржева на Сычёвку и Вязьму отсечь основные силы немецкой группы армий «Центр»; одновременно левое крыло Западного фронта, ведя позиционные бои в центре, наступает на Вязьму, срезает Юхновский выступ, перехватывает Варшавское, Гжатское и Вяземское шоссе. Планировался захват Ржева, Сычёвки, Гжатска. Наступающие группировки двух фронтов должны были соединиться в районе Минского шоссе северо-западнее Вязьмы. Директива Ставки была довольно амбициозным проектом 1942 года. В ней как в зеркале отразилось настроение, царившее в тот период в Кремле, в Ставке и в подземных казематах станции метро «Кировская», где размещался командный пункт Генерального штаба с узлом связи и другими службами.

В штабах Калининского и Западного фронтов, на которые ложилась вся тяжесть столь масштабной операции, картина предстоящего наступления виделась не такой радужной, как в Москве. Чем ближе к передовой, тем меньше энтузиазма. Это понятно. В снежных окопах первой линии бойцы думали о том, чтобы вовремя старшина доставил термосы с горячей кашей и патроны, да чтобы не молчала артиллерия и миномёты, когда ротный даст приказ наступать на ближайшую деревню…

Немцы тем временем усиленно укрепляли занятый рубеж. Войска были отведены на линию Юхнов—Гжатск—Ржев—Селижарово, вывезена техника и тяжёлое вооружение. Здесь шло строительство опорных пунктов, инженерных сооружений, коммуникаций. Расчищались дороги и ближние аэродромы. На пределе возможного работала железная дорога, день и ночь из тыла поступали необходимые войскам грузы, новое вооружение, горючее, продовольствие, медикаменты. Немцы руководствовались директивой месячной давности. Называлась она так: «Директива ОКХ относительно задач сухопутных войск на Востоке». В основной части она своей актуальности не потеряла: «Группа армий “Центр” после завершения операций в районе Москвы должна так эшелонировать свои войска, чтобы быть в состоянии отразить удары русских против участка фронта, выдвинутого в направлении Москвы, и против своего левого фланга. Для защиты растянутого фланга группа должна предусмотреть приведение в боевую готовность резервов в районе южнее Осташкова».

Как и в декабре, первым позиции противника атаковал Конев.

Для проведения операции в районе Старицы и севернее Ржева была сосредоточена ударная группировка в составе двух общевойсковых армий и кавалерийского корпуса, усиленная артиллерией и небольшим количеством танков.

Первой в наступление пошла свежая 39-я армия генерала Масленникова. Оборона противника была сразу же прорвана на всю её тактическую глубину. Авангарды, преодолевая незначительное сопротивление немецких гарнизонов и отдельных опорных пунктов, начали обходить ржевскую группировку с юга. Через две недели полки первого эшелона 39-й армии стояли уже под Сычёвкой, готовясь к штурму железнодорожного вокзала. Из Сычёвки в Вязьму срочно было эвакуировано полевое управление 9-й армии. Командующий армией генерал Штраус отдал своим войскам, оборонявшим район Сычёвки, приказ город ни при каких обстоятельствах не сдавать, так как именно через сычёвскую железнодорожную ветку шло снабжение 9-й армии. Сам он со своим штабом отбыл в Вязьму. Она тоже оказалась не

тыловым местом, к ней, охватывая город с запада, юга и юго-востока, приближалась ударная группировка Западного фронта: 1-й гвардейский кавалерийский корпус генерала Белова[49] и части 33-й армии генерала Ефремова.

После прорыва в образовавшуюся брешь Конев ввёл 11-й кавалерийский корпус полковника Горина и 2-ю армию генерала Швецова.

Наступление шло в тяжелейших условиях морозной и снежной зимы 1942 года. Леса, болота, реки, овраги, бездорожье. Орудия разбирали и везли на санях. Тяжёлая артиллерия отставала, и зачастую опорные пункты приходилось брать без достаточной огневой поддержки. Несмотря на всё это, ударная группировка Калининского фронта к 26 января 1942 года продвинулась вперёд на 110 километров и перехватила Минское шоссе западнее Вязьмы. Задача была выполнена. Кавалеристы, седлая автостраду, отрывали в снегу окопы, сооружали снежные валы, обливали их водой, устанавливали у дорог противотанковые орудия. Уже слышалась впереди, западнее Вязьмы, канонада. Там навстречу им шли ударные части Западного фронта. Казалось, кольцо вокруг сорока немецких дивизий вот-вот замкнётся и с самой мощной армейской группировкой противника будет покончено.

Тринадцатого января Гальдер сделал в дневнике очередную запись: «Наиболее тяжёлый день!

В районе Ржева крупные силы противника проникли на стыке между 6-м и 23-м армейскими корпусами в наше расположение и наступают на железную дорогу Ржев—Сычёвка. В Сычёвке идут бои за железнодорожную станцию. Таким образом, мы лишились единственной магистрали для снабжения 9-й и 3-й танковой армий.

Последствия этого невозможно предусмотреть».

В это время Жуков гнал вперёд свои армии, он буквально толкал в спину своих командармов и командиров дивизий. Успех правого соседа его подхлёстывал. Верховный, как бы между прочим, в телефонных переговорах ронял слово-другое: мол, как хорошо наступает Конев. Сталин был тонким психологом, хорошо знал характер своих генералов. Иному подчас и морали читать не надо, достаточно сказать об успехах соседа, и кровь его закипит.

33-я армия Западного фронта, воспользовавшись узким коридором, почти не занятым войсками противника, вошла в прорыв и вскоре оказалась на окраинах Вязьмы. «Нажимайте, — напутствовал Жуков Ефремова 21 января. — Можете отличиться на этом как никогда». Но в начале февраля короткими согласованными ударами под основание прорыва немцы отрезали

33-ю армию от тылов. Началась медленная агония окружённых, лишённых подвоза, эвакуации раненых, возможности свободного манёвра. Генерал Ефремов вместе со своим штабом тоже оказался в окружении. 33-я продержится до середины апреля. Ставка не давала разрешения на выход. Когда начнётся таяние снегов, сделав дороги непроходимыми, и вскроются реки, армии разрешат выход. Во время боя на прорыв неподалёку от села Климов Завод (ныне Калужская область) тяжело раненный генерал Ефремов[50] застрелится, чтобы не попасть в плен. Он вошёл в историю Великой Отечественной войны как храбрый генерал, не бросивший своих солдат перед лицом смерти и разделивший участь большинства из них.

Кавкорпус генерала Белова, с боем пробившийся в район Вязьмы через Варшавское шоссе, которое контролировал противник, тут же был отсечён. В прорыв не смогли войти стрелковые части, артиллерия и танки. Только кавалерия.

Соединиться с кавалеристами Калининского фронта ни группировка Ефремова, ни части Белова так и не смогли. Действовали они несогласованно, разрозненно, единого командования не имели.

В середине января, когда под ударами армий Калининского фронта трещал и распадался фронт 9-й армии, когда в окружении оказался XXIII корпус, генерал Штраус начал запрашивать штаб ОКХ о немедленном отходе. Тогда Гитлер отправил его в тыл «по причине болезни», а на его место назначил генерала танковых войск Моделя. Моделю было запрещено отступать. Более того, задачей нового командующего было восстановление того положения, которое было в начале января. Моделя в немецком Генштабе называли «гением обороны», а ещё «мастером отступлений». В боях подо Ржевом и Вязьмой он окончательно закрепил за собой обе легенды. Впоследствии, благодаря своей необыкновенной энергии, интуиции и точному расчёту в принятии мгновенных решений, а также бесстрашию, он приобретёт третью — «пожарный фюрера». Он покончит с собой в апреле 1945-го, запертый американцами в рурском «котле». Человек долга и чести, как о нём после войны скажет бывший его сослуживец, военный историк Вильгельм фон Меллентин, Модель будет выполнять свой долг до конца с присущей ему беспримерной дисциплинированностью. 15 апреля фельдмаршал, командующий группой армий «Б» — 21-я дивизия — отдаст приказ о прорыве самых боеспособных групп на восток, подальше от русских, 17 апреля издаст приказ по группе армий об увольнении из вооружённых сил младших и старших возрастов, а 18-го застрелится, перед этим приказав адъютанту похоронить

его там, где упадёт его тело…

Генералу Моделю только что исполнился 51 год. Русскую кампанию он начал командиром 3-й танковой дивизии, в октябре возглавил XXXI моторизованный корпус. В октябре 1941-го передовые части корпуса заняли Зубцов, Старицу, Погорелое Городище, а затем первыми ворвались в Калинин. Это его танки жгли артиллеристы 5-й стрелковой дивизии на Тверецком мосту в Калинине. Его танки гасили все контратаки 31-й и 29-й армий. Он не позволил Коневу сомкнуть вокруг «шверпункта» Калинин. А потом так и не отдал Ржев. Кроме высоких полководческих качеств, Модель обладал и другими — он был убеждённым нацистом. Именно 9-я армия первой начала массовые облавы на подростков и молодёжь на оккупированной территории для отправки их в рейх в качестве бесплатной рабочей силы. Вербовать бельгийских, французских и швейцарских рабочих для Германии было экономически невыгодно — тем нужно было платить, предоставлять хорошие бытовые условия для проживания. А русских можно было содержать в свинарниках и кормить баландой и заставлять работать под страхом смерти. Конев знал, как немцы обращаются с местными жителями. Насмотрелся и на сожженные деревни, наказанные немцами за то, что молодёжь, чтобы не быть угнанной, пряталась в лесу. Видел повешенных, пытавшихся бежать из вагонов на отправку.

Коневу и Моделю долго придётся стоять друг против друга на ржевском рубеже. Летом 1943-го, произведя искусный манёвр отхода, Модель со своей 9-й армией займёт исходные позиции на левом, северном крыле Курской дуги, а Конев расположит свой Степной фронт на южном фасе. На этот раз судьба разведёт их.

Основная тяжесть боёв за Ржев легла тоже на Калининский фронт. Ударные группировки великолепно выполнили свою задачу — прорвали оборону противника и охватили её группировки. Теперь предстояло завершить операцию — полностью блокировать район Ржев—Вязьма—Юхнов и добивать группу армий «Центр» в гигантском «котле». Но замысел такого масштаба невозможно было осуществить наполовину выбитыми, усталыми дивизиями. Ровно через год сталинградская история покажет, насколько это непросто и какая нужна подготовительная работа, чтобы состоялось более скромное окружение с последующим разгромом противника.

Однако проба сил, первая тренировка штабов и войск на охват крупных сил противника произошла именно здесь. Более того, практически непрекращающееся сражение на Ржевско-Вяземском выступе, как теперь стало совершенно очевидным, было частью Сталинградской битвы: немцы были связаны

постоянными атаками наших войск так, что не смогли перебросить на юг, в район Сталинграда, ни одного тактического соединения.

И если быть уверенным в том, что так оно и было, монолог героя стихотворения Александра Твардовского «Я убит подо Ржевом…» воспринимается не как завещание *безымянно* погибшего и не как своего рода завещание жертвы войны, бессмысленной бойни, как это трактовалось некоторыми литературоведами и публицистами, а как монолог героя, выполнившего свой солдатский долг до конца, по сути дела, победителя во имя будущей, более значительной, быть может, великой победы, но при этом не претендующего на славу победителя. Миссия Калининского фронта, а затем и части войск Западного была именно такой. Пока на юге не решилась судьба Сталинграда.

Пятнадцатого января с некоторым опозданием вперёд двинулась 22-я армия генерала Вострухова. Тем не менее она быстро развивала удар на юг и юго-восток, стремительно охватывая противника в районе Оленино. В окружении оказалось семь немецких дивизий.

В помощь войскам двух фронтов Ставка бросила в наступление правофланговые 3-ю и 4-ю ударные армии Северо-Западного фронта, подчинив их штабу Калининского фронта. Эти армии в январе 1942 года очистили от противника обширный район и углубились на запад на 250 километров. Они освободили города Торопец, Андреаполь, Западная Двина, уничтожили крупный опорный пункт немцев Пено и перехватили железнодорожный перегон Ржев—Великие Луки. 3-й ударной командовал генерал Пуркаев, а 4-й ударной — генерал Ерёменко, только что прибывший из отпуска.

Для Андрея Ивановича Ерёменко назначение на армию было понижением в должности. После командования Западным, Центральным, Брянским фронтами. Но там его хронически преследовали неудачи. У него были сильные противники, такие как генерал Гудериан. Ерёменко лично Сталину обещал разбить «подлеца Гудериана», но был им разбит сам, к тому же тяжело ранен. Сталин недолюбливал Ерёменко, и в первую очередь за склонность к вранью и лёгким обещаниям. Однако 4-й ударной армии в ходе Торопецко-Холмской операции, действовавшей совместно с 3-й ударной, удалось достигнуть, пожалуй, самого значительного успеха в этот период боёв. Ерёменко умело и энергично вёл свои войска, быстро очищая от противника озёрный и лесной край западнее Осташкова. Уже к концу января ударная группировка этих двух армий охватила с юга демянскую

группировку немцев и вышла к Витебску. Для сравнения: если бы так действовали армии Западного фронта, к примеру, на оси Варшавского шоссе, то они к этому времени стояли бы под Рославлем и Ярцевом у Смоленска.

Войска Конева и Жукова, несмотря на все трудности, граничившие с объективной невозможностью выполнить то, что приказывала Ставка, благодаря своему упорству поставили группу армий «Центр» и правое крыло группы армий «Север» в тупик.

Январь 1942 года стал пиком атак в районе дуги Вязьма-Ржев —Холм. Казалось, ещё чуть-чуть…

Но в конце января Модель предпринял ряд мер по деблокированию войск, окружённых в районе Оленино, и одновременно перехватил узкий коридор, по которому ударная группировка, пробившаяся к Вязьме (29-я, 39-я армии и 11-й кавалерийский корпус), осуществляла подвоз. В какой-то момент Конев понял, что новый командующий противостоящей его наступающим войскам 9-й армии переиграл его. Армии Западного фронта с выходом в заданные районы запаздывали. Пытаясь спасти ситуацию, Конев приказал генералу Лелюшенко срочно перебросить свои дивизии с левого фланга, где ситуация была более благополучной, на правый, чтобы предотвратить окружение глубоко ушедшей вперёд и растянувшей свои коммуникации ударной группировки. Но тут случилось то, чего комфронта никак не ожидал от одного из лучших своих командармов.

Генерал Лелюшенко вдруг отказался выполнить приказ, сославшись на то, что дивизии вымотаны боями и бесконечными маршами, что некоторые из них ещё в пути. 30-я армия, согласно приказу Конева, должна была выйти на правый фланг к исходу 23 января. Сроки были нереальными. Лелюшенко, видя непреклонность Конева, обратился напрямую в Ставку. К тому времени в 30-й армии осталось три дивизии. В некоторых полках — по 85—100—120 активных штыков. Армия только что вышла из жестоких боёв под Погорелым Городищем и представляла собой жалкие остатки того, что было брошено в бой полтора месяца назад. Он изложил все свои соображения, при этом отметив, что «ожидаемого тов. Коневым эффекта, при указанных обстоятельствах, армия дать не может».

Но Лелюшенко видел перед собой армию, Конев — фронт, у которого появились серьёзные проблемы, а Ставка — угрозу всей Ржевско-Вяземской операции, поэтому она приказала командарму 30-й следовать указаниям комфронта и немедля занять северный участок фронта.

Генерал Лелюшенко был опытным и храбрым командиром. Но то ли в нём взыграло что-то постороннее, характерное (Герой Советского Союза, получивший Золотую Звезду в 1940-м за удачный прорыв на «Линии Маннергейма», да и не Конев, а другой командующий, другого фронта поставил его на армию), то ли в действительности армия находилась в крайне плачевном состоянии, но факт есть факт — обратился за приказом через голову. Однако Конев сумел в себе подавить вспышку гнева, владеть собой он умел. Передал Лелюшенко две дивизии и направил на правый фланг выручать из беды 29-ю армию генерала Швецова.

Забегая вперёд, замечу, что с Лелюшенко Конев дойдёт до Берлина. Характеры их притрутся. Война постепенно отбирала лучших. К 1944 году окончательно отобрала. Рыбалко и Лелюшенко, два командующих танковыми армиями, как два свирепых ветра, послушные воле маршала, будут сметать всё на пути 1-го Украинского фронта. И Конев подпишет представление одному из лучших своих командармов ко второй звезде героя. Но это произойдёт нескоро

А тогда, в 1941-м, приходилось драться на пределе сил, отдавать невыполнимые приказы и исполнять их.

Модель замкнул кольцо окружения вокруг 29-й армии. Все попытки Лелюшенко пробиться к окружённым полного успеха не имели. Захватывали одну-две деревни, закреплялись там, потом противник отбивал одну из них. Потом снова возвращали её. Силы истощались.

Ставка требовала от командующих войсками Западного и Калининского фронтов продолжения наступления. Жуков топтался перед Юхновом и Сухиничами. Конев не мог взять Ржев. В начале февраля немцы в результате серии согласованных атак с применением танков, штурмовых орудий и авиации отбили ударные группировки Калининского и Западного фронтов от Вязьмы.

Стало очевидным, что положение на фронте изменилось. Противник, в результате мощного контрнаступления наших войск, отошёл на восток, занял заранее подготовленный рубеж обороны, произвёл перегруппировку сил, подтянул резервы и приступил к добросовестному выполнению приказа Гитлера, который гласил: ни шагу назад! Немцы зарывались в землю до весны, до нового наступления.

Но Модель не ждал ни весны, ни лета, он наступал. В феврале немецкие войска начали дробить на части «котёл», который к тому времени они сформировали вокруг 29-й армии.

Восьмого февраля в 5 часов 50 минут утра Коневу позвонили

из Генштаба. Командующий узнал голос Василевского.

— Как дела у Лелюшенко? Что у Швецова? — спросил Василевский.

— У Лелюшенко сегодня в течение всего дня и ночи идёт напряжённый бой. Противник оказывает упорное сопротивление, жертвуя силами, которые здесь находятся. Сегодня особенно активизировалась авиация противника по боевым порядкам Лелюшенко, Швецова и по тылам до Мологина. К исходу дня Лелюшенко окончательно очистил от противника Соломино. 359-я стрелковая дивизия ночью наступает на Лобзино. 363-я, 371-я и 375-я ведут бои за Ножкино, южнее Кокошкина, отбили неоднократные атаки противника силой до батальона с тремя-пятью танками. 174-я наступает на Тимонцево, Кокош, обеспечивая армию слева, и разворачивает проход.

— Что говорят пленные?

— По показаниям пленных, захваченных на разных участках наступления, перед фронтом армии Лелюшенко действуют 86-я, 216-я пехотные дивизии, полк СС, части 251-й пехотной дивизии. Пленные показывают, что главная позиция обороны немцев Соломино—Клепинино—Кокош—Большое Косачёво. Следовательно, эта главная позиция сломана, уничтожены основные узлы в Соломине и в Клепинине. До Швецова осталось три-четыре километра. Сегодня отдан приказ во что бы то ни стало преодолеть эти последние километры и соединиться со Швецовым.

— Как себя чувствует Швецов? Что там у них? Жмут?

— Жмут, товарищ Василевский. Несколько часов назад получил от него донесение. Его НП в Каменцах уничтожен. До двух полков пехоты с семью танками наступают на его опорные пункты Ступино, Звягино, Окороково. Пробивается навстречу Лелюшенко. Швецов слышит бой южнее Волги и видит разрывы снарядов артиллерии Лелюшенко в районе деревень Жуково и Бугрово. Я отдал приказ Швецову упорно драться в окружении до подхода Лелюшенко и частью сил пробиваться ему навстречу. Прошу доложить товарищу Сталину мою просьбу усилить Лелюшенко ещё тридцатью танками, из них двадцать Т-34 и десять КВ, причём КВ, лично убедился, могут быть использованы хорошо вдоль дорог.

Никаких танков для Лелюшенко, чтобы вызволить из окружения остатки 29-й армии Швецова, Конев не получил. Ставка делила свои усилия между Западным, Калининским и Северо-Западным фронтами, между желанием овладеть Юхновом и Вязьмой, Ржевом и Холмом. Желающий получить всё не получает ничего…

В середине февраля остатки 29-й армии оказались сдавленными в Мончаловских лесах западнее Ржева на территории размером менее двадцати квадратных километров. Немцы уже свободно простреливали расположение частей генерала Швецова из артиллерии и тяжёлых миномётов, поражая любые цели. Самолёты-разведчики непрерывно висели в воздухе, корректируя огонь наземных частей.

Ставка в это драматичное время приказала Коневу все резервы, прибывающие из тыла, бросать в направлении Холма, в помощь 3-й ударной армии генерала Пуркаева. Ещё 9 февраля Василевский Пуркаеву передал по телефону приказ Верховного: «Учитывая наличие сил в армии в данный момент, основными задачами на ближайший период поставить — срочно, прикрывшись со стороны г. Великие Луки, овладеть городом Холм и одновременно во взаимодействии с войсками Северо-Западного фронта окружить и уничтожить демянскую группировку противника. Повторяю — разгром демянской группировки противника и овладение Холмом при прочной обороне на великолукском направлении являются основными и единственными задачами армии на ближайший период».

Армиями командовали из Ставки и из Генштаба, порой даже не ставя в известность комфронта. Да что там армиями, дивизии, бригады выдёргивали из-под руки, чтобы перенаправить их удар в *нужном* направлении.

Ещё в начале февраля Ставка приняла решение объединить усилия двух фронтов, Западного и Калининского, с целью более тесной координации усилий и оперативного принятия необходимых решений для успешного проведения Ржевско-Вяземской операции. Было образовано ранее существовавшее Западное направление. Командование войсками общего направления Ставка возложила на Жукова.

Порой случалось так, что штаб Жукова отдавал один приказ, а Конев настаивал на своём. Так случилось и с выходом из окружения 29-й армии. Жуков приказал Швецову выходить в полосе 22-й армии, так как противник там держал слабую группировку. Но Конев настаивал на прежнем направлении, юго-западном. 17 февраля в помощь окружённым был выброшен батальон десантников и одновременно выслана ударная группа из состава 81-й танковой бригады — 10 танков и рота автоматчиков.

Выход остатков 29-й армии начался в ночь на 18 февраля. Несколько суток тянулись из лесов обозы с медсанбатами, шла усталая, измученная бессонницей, нескончаемыми стычками с противником, голодная пехота. Основной поток вышел на позиции обороны 39-й армии. Несколько групп пробилось к

боевым порядкам 30-й армии Лелюшенко.

По некоторым сведениям, вышли чуть более шести тысяч человек. Тяжёлое вооружение было выведено из строя и брошено, часть орудий закопана в землю. Последние дни солдаты кормились мясом убитых и павших от истощения и непомерных нагрузок лошадей.

Потери 29-й армии составили 14 тысяч человек — убитыми, пленными, ушедшими в партизаны, осевшими в деревнях.

Среди тех, кому посчастливилось выйти к своим, была группа писателей. Среди них Александр Фадеев и Борис Полевой. Фадеев о той кошмарной поездке на фронт не написал ни строчки. Да и вспоминать не любил. Насмотрелся. А Полевой оставил такую запись: «Всё здесь простреливается даже не из орудий, а из миномётов. Бьют по скоплению людей, бьют по кострам, по любому дымку. Не брезгуют и отдельным бойцом, если он зазевался на открытом месте.

Ходим только по лесу. Странный это лес. Он весь посечён и поломан снарядами и минами. По ночам на машинах с величайшей осторожностью, без огней, по дорогам, вьющимся по дну промерзших оврагов, подвозят боеприпасы. Продукты бросают с самолётов, но больше всё мимо. Выкапываем из-под снега лошадей кавалерийского корпуса, побитых здесь ещё осенью, пилим замёрзшую конину, строгаем её ножами на тонкие куски и, натерев чесноком, а на худой конец хвоей, чтобы отбить запах тления, откусываем и глотаем, стараясь не дать ей растаять во рту…

В полку по сотне, а то и по нескольку десятков активных штыков…»

Западный фронт понёс более серьёзные потери. В окружении оказался 1-й гвардейский кавалерийский корпус генерала Белова, части 4-го воздушно-десантного корпуса полковника Казанкина, Западная группировка 33-й армии. Корпуса долго будут скитаться по лесам, удерживать обширный район в партизанских лесах Смоленщины. Но 33-ю армию ждала горькая судьба. В апреле, когда, наконец, генерал Ефремов получил разрешение на выход, немцы сожмут «котёл», ударят по советским войскам на марше, рассеют выходящие колонны. Генерал Ефремов будет сражаться до последней возможности и, когда станет очевидной угроза пленения, застрелится.

Одновременно против 11-го кавалерийского корпуса немцы бросили две пехотные дивизии. Но генерал Соколов сумел вывести из-под удара своих конников. Вместе с частями 39-й армии они вели бои в полуокружении до лета.

Директивы, которые шли и шли из Ставки, заклинали войска

Калининского фронта: «…ликвидация ржевско-гжатско-вяземской группировки противника недопустимо затянулась», необходимо срочно уничтожить оленинскую группировку, захватить Ржев, овладеть Белым… Группировка войск Калининского фронта была усилена резервами: гвардейским стрелковым корпусом, семью стрелковыми дивизиями, четырьмя авиаполками. Казалось бы, мощь!

Но по ту сторону фронта тоже шла, кипела работа по укреплению передовых линий и тылов. Резервы для некоторых боевых участков доставлялись на самолётах прямо из Германии, Чехословакии и Франции.

Только что получивший звание генерал-полковника, Модель, казалось, дневал и ночевал на передовой, появляясь то на НП командира батальона, то в расположении истребителей танков, то на собрании офицеров дивизии. В этом неутомимом человеке было то, чего, пожалуй, в первый период войны были напрочь лишены советские военачальники.

Командир 6-й пехотной дивизии, стоявшей подо Ржевом, генерал Гроссман рассказывал такой случай. Гитлер имел обыкновение вмешиваться в дела командующих армиями и группами, перебрасывать дивизии и корпуса туда, куда считал нужным он. Вступив в командование 9-й армией, Модель решил покончить с этим раз и навсегда. Ему, как командующему наполовину проваленным направлением, необходима была полная свобода действий. Но Гитлер не изменял себе и однажды решил воспользоваться правом главнокомандующего и на участке действий 9-й армии. Начальник штаба группы армий «Центр» по телефону сообщил Моделю, что «Гитлера очень беспокоит советская угроза Вязьме, поэтому он решил не использовать XLVII танковый корпус, дивизию “Дас Рейх” и 5-ю танковую дивизию для наступления под Сычёвкой, а отвести их в резерв для использования в районе Гжатска». Обеспокоенный тем, что армию заставят наступать по двум расходящимся направлениям, Модель, кипя гневом, примчался 19 января в Вязьму из Ржева, а оттуда на самолёте вылетел в Восточную Пруссию. Модель добился личной встречи с Гитлером в обход фон Клюге, своего непосредственного начальника. Сначала он попытался изложить свои аргументы в спокойной и рассудительной манере Генерального штаба, но обнаружил, что логика на фюрера не действует. Модель чуть не пришёл в отчаяние, ему пришлось искать слова, которые дадут ему моральное превосходство над главнокомандующим германской армией. Уставившись на Гитлера сквозь монокль, Модель грубо потребовал ответа: «Мой фюрер, кто командует 9-й армией, я или вы?» Гитлер был потрясён столь открытым вызовом

новоиспечённого командующего армией. Он попытался прекратить спор, прямо приказав использовать войска фон Фитингофа в районе Гжатска. Модель покачал головой: «Это меня не устраивает». Растерявшийся Гитлер наконец ответил: «Хорошо, Модель. Поступайте, как знаете, но вы отвечаете своей головой».

Этот эпизод невольно заставляет подумать о том, а смог ли бы кто-либо из советских генералов подобным образом говорить со своим Верховным? Разве что Жуков. В период московского противостояния, в октябре 1941-го, когда в Ставке и в Генштабе царила всеобщая растерянность, Сталин как последний свой резерв вызвал из Ленинграда генерала Жукова, и тот, мгновенно овладев ситуацией, начал сращивать отдельные группировки, армии, дивизии и полки во фронтовое объединение.

Конев, имея твёрдый внутренний стержень, не всегда его демонстрировал. Но случалось, он был непреклонным и в разговоре со Сталиным. Так, зимой 1943 года на приказ Верховного наступать Конев ответит резким отказом, заявит о неготовности войск к полномасштабному наступлению, о том, что, наступая без основательной подготовки, армии понесут неоправданные потери, а достижения будут сомнительными… Так отвечать Сталину было нельзя. И через несколько дней Конев будет отстранён от командования войсками фронта. Но об этом речь пойдёт позднее.

Ржев и Холм, Вязьма, Сычёвка, Гжатск… Об эти бастионы ещё год будут разбиваться волны наступающих армий Калининского, Западного и Северо-Западного фронтов, омывать их солдатской кровью. Английский историк Лиддел Гарт, размышляя о неудачах советских фронтов в схватке с группой армий «Центр» и «Север» в 1942 году, отметил, что немцы очень правильно в этот период применили тактику удержания городов-бастионов: «Эти города-бастионы были мощными препятствиями с тактической точки зрения. В стратегическом отношении они также имели большое значение, поскольку представляли собой узловые пункты путей сообщения. Немецкие гарнизоны этих городов не могли воспрепятствовать проникновению русских войск в промежутки между ними, но, блокируя пути сообщения в этих пунктах, мешали русским развить успех прорыва. Таким образом, эти города-бастионы выполняли точно такую же функцию сдерживания, на которую были рассчитаны форты французской линии Мажино.

Во Франции эти укреплённые позиции смогли бы выполнить отведённую им роль, если бы цепь фортов вдоль французской границы не обрывалась на полпути, что дало немцам возможность обойти их с фланга.

Поскольку Красной Армии не удавалось подорвать оборону городов-бастионов в такой мере, чтобы вызвать их падение, глубокие клинья, вбитые советскими войсками в промежутки между ними, позже обернулись для Красной Армии недостатком. Естественно, оборонять эти клинья было труднее, чем города-бастионы, и поэтому для удержания их требовалось большое количество войск. Вклинившимся русским войскам постоянно грозило окружение в результате ударов во фланг из удерживаемых немцами бастионов.

К весне 1942 года линия фронта в России имела так много глубоких зубцов, что походила на изображение береговой линии Норвегии с её многочисленными фиордами, далеко проникающими вглубь суши. Тот факт, что немцам удавалось держаться на “полуостровах”, красноречиво говорил о возможностях современной обороны. Этот урок, как и оборона русских в 1941 году, опровергал поверхностные выводы о возможностях обороны, которые были сделаны на основе лёгких успехов наступающими при действиях против слабой обороны или исходя из тех случаев, когда наступающая сторона имела решающее превосходство в вооружении либо встречала плохо обученного и растерявшегося противника. Опыт зимней кампании 1941 года также подтверждал, что наибольшая опасность для обороняющихся кроется в начальной стадии боёв и с течением времени уменьшается, если обороняющиеся выдержат шок, вызванный угрозой уничтожения в условиях окружения, и не сдадут немедленно своих позиций.

При ретроспективном рассмотрении становится ясно, что запрет Гитлера на сколько-нибудь значительный отвод войск способствовал восстановлению у немцев веры в свои силы и, вероятно, спас их от крупного поражения, а его требование придерживаться круговой обороны дало им важные преимущества в начале кампании 1942 года».

Итак, все усилия сдвинуть немецкую оборону, все попытки вклиниться с целью раздробить, расслоить, изолировать опорные пункты противника с последующим их уничтожением наталкивались на упорную оборону 9-й армии.

На фронтах наступил период напряжённого противостояния. Частные операции с целью овладения тем или иным городом, будь то всё тот же Ржев или Холм, успеха, как правило, не имели. Они приносили лишь новые потери в живой силе и вооружении.

Обе стороны готовились к летней кампании.

Глава двадцатая. «ОЗВЕРЕВШИЕ СОКОЛЫ» КОНЕВА

Десятого мая 1942 года во исполнение приказа народного комиссара обороны СССР был издан приказ войскам Калининского фронта: «…в целях наращивания ударной силы авиации и успешного применения массированных ударов авиация Калининского фронта объединяется в единую воздушную армию с присвоением ей наименования “3-я воздушная армия”».

Командующим армией был назначен Герой Советского Союза генерал-майор авиации Громов. Срок для формирования 3-й воздушной армии отводился минимальный — пять суток. Вся ответственность за выполнение приказа НКО, в том числе и за сроки, возлагалась на генерала Громова.

Через пять дней Громов доложил Коневу о выполнении приказа.

Конев ликовал — теперь у него под рукой будет своя воздушная армия!

В состав 3-й воздушной армии входили: две штурмовые авиадивизии — семь полков, три истребительные — восемь полков, одна ближнебомбардировочная авиадивизия — четыре полка.

Кроме того, в мае 1942 года в 3-ю воздушную армию вошли шесть отдельных авиаполков и две отдельные корректировочные авиаэскадрильи.

В подчинении командующих общевойсковыми армиями оставалось по одному смешанному авиаполку. Они выполняли задачи в интересах армий. В основном это были задачи разведки и связи.

В оперативных сводках группы армий «Центр» с этого момента всё чаще стали появляться тревожные сообщения: «Положение в воздухе: на всём участке XLVII корпуса противник вёл крупные воздушные операции с многочисленными бомбардировками», «на участке V армейского корпуса железнодорожная линия восточнее станции Алфёрово разрушена бомбардировкой…»

В мае, когда противник перешёл в наступление в районе Великих Лук и Холма, Конев приказал Громову массированными ударами авиации действовать в интересах правофланговых 3-й и 4-й ударных армий.

В июне обострилась обстановка в районе Ржева, Белого и Оленина.

Однажды в штаб фронта приехал Громов. Ездил командующий 3-й воздушной армией по фронтовым дорогам на своём «кадиллаке», подаренном ему президентом США за героический перелёт через Северный полюс в Америку. Вошёл, поздоровался с Коневым и сказал: так, мол, и так, есть у меня друг, зовут Иваном, лётчик от Бога, но авантюрист и гусар, за что на днях, видимо, будет отправлен в штрафбат…

Только что вышел приказ № 227 от 28.07.42.: «Сформировать в пределах фронта от одного до трёх штрафных батальонов. В пределах каждой армии от 5 до 10 штрафных рот, чтобы в более трудных условиях искупили свою вину кровью».

— А что натворил твой Иван? — спросил Конев.

Лётчик-испытатель Иван Фёдоров[51] прибыл на фронт самовольно. Во время испытательных полётов, нарушая инструкцию, несколько раз нырнул под мост над Окой, надеясь, что за это его накажут увольнением из конструкторского бюро авиационного завода и высылкой на фронт. Но когда пролетал под мостом в очередной раз, увидел, что охрана открыла по машине огонь. Стреляли, видимо, из опасения, что он может повредить мост. И тогда Фёдоров решил лететь на запад. Где-то под Калинином, в районе Клина, базировался аэродром авиадивизии, которой командовал Михаил Громов. К нему и решил махнуть, ещё не зная, что его друг теперь командует воздушной армией. Но горючего хватало только до ближайшего аэродрома. Он сделал промежуточную посадку в Монине. 419 километров — без карты. Сел, огляделся. Моросил мелкий дождь. Погода явно нелётная. На аэродроме пусто. Только на дальней площадке возле двух бомбардировщиков стоит заправщик. Подрулил к нему. Солдат заправляет самолёты. Сказал ему: «Эй, друг, срочно надо лететь. Заправь, пожалуйста». Тот сослался на разрешение коменданта аэродрома. Фёдоров кивнул: есть, мол, разрешение коменданта… Вытащил пистолет, направил его на заправщика и сказал: «Ты в Бога веруешь?» Тот начал заправлять, но попросил, чтобы он оставил расписку. Фёдоров взлетал в последний момент, когда от КП по полю к заправке уже мчался «форд» охраны.

Над Клином Фёдоров сразу отыскал аэродром. Место знакомое. Осмотрелся, нет ли истребителей. Чужого могли сбить без предупреждения. Небо чистое. Чтобы привлечь внимание человека, который сейчас ему был нужен больше всего, начал выделывать фигуры высшего пилотажа. Генерал Громов как раз проводил совещание с командирами авиадивизий и авиаполков. Прибежал дежурный и доложил, что какой-то сумасшедший, явно «не из наших», закладывает над «взлёткой» немыслимые виражи.

Все вышли посмотреть. И невольно залюбовались. Самолёт был действительно чужой, новый ЛаГГ-3. Некоторое время они смотрели на него, он — на них. Потом сел. Доложил Громову: «Товарищ генерал! Лётчик-испытатель Фёдоров прибыл на фронт в ваше распоряжение!» В тот же день Громов послал на авиазавод телеграмму: «Лётчик-испытатель вашего завода майор Фёдоров с согласия народного комиссара временно переведён *для* выполнения спецзаданий по боевой работе в истребительную авиацию Калининского фронта». Конев выслушал Громова и сказал:

— Так-так… Значит, твой друг Иван дезертировал, так сказать, на фронт. А ты за наркома расписался. Так?

— Выходит, так.

— Но не с этим же ты ко мне пожаловал?

— И с этим тоже. У меня сейчас таких, как Иван, набралось человек двадцать. Кто спьяну стрельбу в расположении соседней части затеял, кто женщину не поделил, кто от боя уклонился. Отправлять их в штрафбат, в пехоту, чтобы они там в первом же бою, на сухопутье… как-то не по-хозяйски. Пусть в небе искупают свою вину. До первой крови. Есть такие полёты, такие задания, которые… Ну, сами знаете.

— Да кто же с такой ордой справится? Кто за них отвечать будет?

— Иван справится.

Конев задумался. Покачал головой: мол, всегда у тебя что-нибудь из ряда вон… Но идея Громова ему понравилась.

В тот же день он изложил её Сталину по телефону: пусть проштрафившиеся лётчики дерутся в составе своих воздушных армий, для отбытия наказания целесообразно не посылать специалистов лётного дела в пехоту, а создавать в ВВС свои собственные штрафные части и подразделения. Сталин слушал Конева примерно так же, как Конев — Громова. Выслушав, задал тот же вопрос:

— Кому можно поручить командование этими разгильдяями?

— Есть такой человек. Я считаю, первую эскадрилью можно поручить майору Фёдорову.

— Этому анархисту? Который бросил важный военный завод и дезертировал?

— Он дезертировал на фронт, товарищ Сталин.

— Да, да, знаю. Он храбрый человек. Думаете, справится? Одно дело — личная храбрость, а другое — командовать такими же, как он.

— Справится, товарищ Сталин.

Четвёртого августа 1942 года Верховный подписал приказ

Ставки ВГК о введении в воздушных армиях штрафных эскадрилий. Для многих проштрафившихся лётчиков, по разным причинам попавших под суд военного трибунала, это было спасением. А советские ВВС получили эскадрильи и целые авиаполки, способные выполнять приказы, которые до этого считались невыполнимыми.

Так майор Фёдоров стал командиром первой штрафной эскадрильи 3-й воздушной армии Калининского фронта. Через некоторое время эскадрилья выросла в смешанный авиаполк. В него входили бомбардировочные и штурмовые эскадрильи. Но основу составляли истребители. Фёдоров часто вылетал на задание сам. Позывной у него был — «Анархист».

Немцы знали о необычной эскадрилье. Не раз в бою видели их работу. Прозвали их «фалконтирами» — озверевшими соколами. В единоборство с ними вступали только опытные асы.

После войны Иван Евграфович Фёдоров любил рассказывать такую историю, связанную с «крёстным отцом» штрафной эскадрильи генералом Коневым: «Лётчиков-штрафников одели как простых красноармейцев и присвоили всем без исключения звание “рядовой”. Полномочия мне дали большие: за малейшую попытку неповиновения расстреливать на месте. Я, слава богу, этим правом не воспользовался ни разу.

Помню, командующий фронтом Иван Степанович Конев поставил перед Громовым задачу прикрыть с воздуха истребителями участок фронта в виде выступа, или “аппендикса”, километров восемнадцать.

Видимо, немецкое командование решило там создать плацдарм. Приказ Конева был такой: “Если хоть одна немецкая бомба упадёт на наших пехотинцев, приеду — отдам под трибунал…”

Составили очерёдность и стали летать “шестёрками”, барражируя над этим чёртовым “аппендиксом”[52]. Была облачность. Летали так: группа прилетает, когда у неё кончается горючее, её сменяет другая…

Вдруг звонит мне Громов:

— Кто у тебя летал в 9 часов утра?

— Ломейкин, Гришин… (мой друг). Они только что сели.

— Всю “шестерку” Конев приказал расстрелять и в 14.00 доложить об исполнении. Наши войска не были прикрыты с воздуха…

Я так думаю, что, возможно, из-за облачности пехотинцы не увидели наших истребителей. Дело принимало дурной оборот. И я говорю:

— С кем же воевать будем, если своих же под расстрел? Они

четыре дня назад сбили одиннадцать самолётов. Я против это го, тем более что лётчики не виноваты…

Скоро на аэродром приезжает сам Иван Степанович Конев на трофейном “опель-адмирале”. Кроме него в машине ещё какой-то подполковник. Конев злой, настроен на скорую расправу, кричит мне: “Знаешь, кто ты такой?” Отвечаю: “Знаю — сталинский сокол”. Конев опять: “Знаешь, кто ты такой?” Приехавший с ним подполковник торопится сорвать с меня ордена. У меня “маузер” с 25 патронами. Думаю: “Кажись, приходит время застрелиться…”

Между тем Конев приказал выделить взвод автоматчиков (“расстрельная команда”). Поодаль уже вырыты могилы, не в длину, а в глубину, чтоб предатель или штрафник лежал в земле, согнувшись в три погибели. Ритуал такой казни был хорошо отработан СМЕРШем.

Несмотря на такую нервную обстановку, я, стараясь быть спокойным, в кратком докладе всё же убедил Конева, что тщательная проверка показала, что лётчики район прикрывали, прикрывали за облаками и в расчётное время, и что их с земли или блиндажа могли не увидеть… Страха я тогда не испытывал. Конев посверкал глазами, успокоился и сказал: “В первый раз отменяю своё решение”.

Мои штрафники за всё время боёв в воздухе сбили около 400 самолётов, не считая сожжённых на земле, но эти победы им не засчитывали. Фотоконтроля тогда не велось… Так и воевали “за общую победу”. Сбитые штрафниками самолёты в штабе “раскладывали” по другим полкам, что было в порядке вещей, или вообще не засчитывали. Вот и получалось: “Каков пошёл, таков и воротился”».

Что было, то было.

В другой раз Конев поинтересовался у Громова, как воюют его «озверевшие соколы».

— Да вот, воюют. Остановить невозможно, — ответил Громов. — Иван девятку сколотил. Все — асы. Осмелели. Летают за линию фронта на «свободную охоту».

— Кто им это разрешил?

— Никто. Товарищ Сталин лично дал ему позывной. Анархист! Но дерётся мастерски. Благодаря им у нас потери в воздушных боях сократились почти вдвое.

И рассказал Громов командующему вот какую историю.

Разведка в авиаполках была поставлена хорошо, и лётчики прекрасно знали расположение немецких аэродромов. «Девятка» Фёдорова вылетела ближе к вечеру. Аэродром отыскали быстро. С высоты двадцати метров бросили вымпел — банку из-под тушёнки с шестерней для веса и куском белой материи. В банке

записка по-немецки: «Вызываем на бой по числу прилетевших. Не вздумайте шутить. Если запустите хоть на один двигатель больше — сожжём на земле». Немцы условие приняли. Первый «мессер» взлетел, второй. Иван кричит по рации: «Гришка, твой пошёл!» — «Есть мой!» — отвечает Гришка. Немец шасси убрал — наш уже рядом. Набрали высоту, разошлись — и бой начался. Иван первого сбил, бросился помогать товарищам.

Конев выслушал Громова молча. Рассказ ему понравился, но виду он не подал. Спросил:

— И что ты обо всём этом думаешь?

— Что думаю? Хорошо летать «девяткой». Отработали они этот метод ведения боя до совершенства.

Конев покачал головой и сказал:

— Всё же эти полёты, на ту сторону, запрети.

— Уже запретил, — с тоской ответил Громов.

Вскоре на базе штрафной эскадрильи начали формировать полк. Судимость с лётчиков снимали.

Конев вызвал в штаб майора и сказал ему:

— Пиши отчёт. Предлагай, что делать со штрафниками.

— Предлагаю всех немедленно отпустить по родным полкам. Это — первое. Второе: лучших представить к правительственным наградам. Четверых — к званию Героя Советского Союза.

— Вот и пиши представления. — И вдруг спросил: — Слыхал я, что и жена воюет?

— Да. Анна Артемьевна. Летать её учил сам, так что в бой отпускать не боюсь. На её счету три сбитых немца.

— Пиши и на Анну Артемьевну.

Летом началось новое наступление на Ржев и Зубцов. 3-я воздушная армия успешно действовала перед фронтом 29-й и 30-й армий. Задача для лётчиков была непростой: взламывание глубокоэшелонированной обороны противника перед фронтом нашей ударной группировки в полосе прорыва и на флангах на всю глубину. Решение этой задачи возлагалось на штурмовиков и бомбардировщиков. Истребители прикрывали их действия, а также действия наступавших наземных войск, в том числе танковых частей и артиллерии. Удары наносились большими группами, эшелон за эшелоном.

В первый день наступления шестёрка ЛаГГ-3 во главе с гвардии капитаном Лавейкиным, тем самым, которого Конев сгоряча чуть не расстрелял за уклонение от боя, вступила в схватку с восемнадцатью бомбардировщиками. Группу бомбардировщиков прикрывали двенадцать «мессершмиттов». Но они замешкались и не сразу бросились наперехват, оставив бомбардировщики без прикрытия. ЛаГГи воспользовались

заминкой, атаковали строй немецких «юнкерсов», сбили несколько машин. Остальные начали беспорядочно сбрасывать бомбы. Когда бомбардировщики повернули назад, завязался бой с истребителями противника. Капитан Лавейкин сбил одного «мессершмитта», другого поджёг молодой лётчик из недавно прибывшего пополнения.

Особые надежды в начавшемся наступлении Конев возлагал на штурмовые эскадрильи самолётов Ил-2, считая их универсальными и совершенными боевыми машинами для поддержки пехоты. В одном из штурмовых полков командиром звена служил Георгий Береговой[53], будущий космонавт СССР.

Группа «Илов» сделала несколько удачных заходов, поразила цели и взяла обратный курс. Уже на аэродроме обнаружилось, что среди вернувшихся нет машины лейтенанта Берегового. Где он, что с ним, никто не знал. Прошло трое суток, и Георгий вернулся целым и почти невредимым. Но — не на самолёте, а на грузовике одной из стрелковых дивизий.

А произошло вот что. После последнего бомбометания он израсходовал не весь боезапас. Делать ещё один заход на цель — внизу всё горело — бессмысленно. Отделился от группы, которая уже ложилась на обратный курс. Сделал «горку», и тут заметил эшелон, шедший к фронту из немецкого тыла. Развернулся и пошёл вдоль железной дороги, догнал эшелон. Атаковал. Развернулся и снова атаковал. Отметил прямое попадание серии бомб в паровоз. Паровоз сошёл с рельсов и потащил под откос состав. Надо было возвращаться. Вывел свой штурмовик в горизонтальный полёт, и тут почувствовал тряску. Мотор работал с перебоями. Была пробита система водяного охлаждения. Сразу начало падать давление масла. Мотор в любое мгновение мог заглохнуть, и тогда самолёт «клюнет» вниз. Земля — рядом, высоту набрать не успел. Выход один — садиться. Но внизу территория, занятая противником. Дотянуть хотя бы до нейтральной полосы, там заметят свои…

Но мотор заглох раньше. Машина заметно теряла скорость и пошла со снижением. Внизу лес. В школе военных лётчиков учили: на лес садиться так же, как на взлётную полосу. Плоскости уже рубили верхушки деревьев. Удар, другой, скрежет металла, треск дерева… Когда очнулся, увидел застрявший среди деревьев фюзеляж своего Ил-2, дымящийся мотор улетел далеко вперёд, кругом срубленные деревья…

Отстегнул лямки парашюта. Начал выбираться из кабины. Снизу тянуло едким дымом. Отдышался. А к обломкам машины уже бежали красноармейцы. Быстро вытащили стрелка старшину Ананьева. У старшины были обожжены ноги. Его положили на

санитарную подводу и отправили в лазарет. Лейтенант Береговой денёк погостил у пехоты. Лётчиков, а особенно штурмовиков, с кем вместе делили на поле боя солдатскую судьбу, в окопах принимали хорошо. На прощание пехотинцы выделили ему машину и отправили в полк.

В сущности, обычная история, какие на фронте происходили каждый час, каждую минуту. О таких происшествиях командующему войсками фронта не докладывали.

Глава двадцать первая. ЗАПАДНЫЙ И СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТЫ

В августе 1942 года Конева назначили командующим войсками Западного фронта. Жуков в должности заместителя Верховного главнокомандующего отбыл в Сталинград.

Центр тяжести боёв, основные свои усилия на Восточном фронте немецкое командование переместило туда, на юг, в низовья Волги. Но 70 дивизий, которые по-прежнему стояли на Центральном направлении и угрожали новым походом на Москву, заставляли Ставку держать здесь крупную группировку и, по возможности, постоянно усиливать её резервами и другими расходными ресурсами войны.

Как вспоминал маршал Конев, «в течение осени и зимы 1942-го и начала 1943 года Западный фронт в основном решал задачи обороны рубежей, достигнутых в начале 1942 года. Мы проводили частные операции, сковывая неприятельские силы, чтобы исключить возможность их переброски отсюда. В это время, как известно, развёртывались бои под Сталинградом. Должен заметить, что ни одной дивизии с Западного стратегического направления и, в частности, с участка, противостоявшего Западному фронту, немецко-фашистское командование на Сталинградское направление не перебросило. Враг рассчитывал, видимо, что после успешной операции под Сталинградом вновь создастся благоприятная обстановка для обхода Москвы с юга и нанесения фронтального удара крупной группировкой, которая находилась в обороне против войск Западного фронта. Советское Главнокомандование, со своей стороны, разработало и подготовило план, в соответствии с которым, в случае подхода противника, советские войска должны были стремительно перейти в наступление. Были созданы ударные группировки, были даны направления ударов, но мне, к сожалению, эту задачу выполнить уже не пришлось».

Лето подо Ржевом прошло в непрерывных боях. Очередное наступление Калининского и Западного фронтов с целью разгрома ржевско-вяземско-гжатской группировки противника натолкнулось на встречный удар. Немцы провели операцию по ликвидации юго-западнее и западнее Вязьмы группировок кавгруппы Белова и остатков десантного корпуса. Затем приступили к ликвидации Холм-Жирковского выступа. Выступ

занимали 39-я армия и 11-й кавалерийский корпус генерала Соколова. Они действовали в районе между Белым и Сычёвкой, образуя так называемый «второй фронт», который сильно досаждал противнику, не позволяя ему чувствовать себя здесь свободно. 9-я полевая армия приступила к проведению операции «Зейдлиц». В операции были задействованы двадцать три дивизии, а также авиация. Широко применялись спецподразделения, в том числе русские формирования — отдельные батальоны и роты из числа перебежчиков и военнопленных, согласившихся воевать на стороне Германии против Красной армии и большевизма.

Шестого июля 1942 года войска Моделя замкнули кольцо вокруг армии Масленникова и кавкорпуса Соколова. В окружении оказались также левофланговые подразделения 41-й армии и правое крыло 22-й армии. Выход окружённых какое-то время осуществлялся через коридор в районе Нелидова. Но спустя несколько дней нелидовский коридор был перехвачен. Начались отчаянные бои на прорыв. Конев приказал атаковать со стороны Нелидова навстречу прорывающимся из «котла». Разорвать немецкий «обруч», намертво сдавивший окружённых, не удалось. Когда все меры были исчерпаны, Конев приказал вывезти из окружения полевые управления на самолётах.

На спасение штабов вылетела эскадрилья У-2. Тщетно кружили они над лесными полянами, пытаясь сесть. Три самолёта из девяти разбились при посадке. Остальные всё же выполнили задачу, сели удачно. Как уже говорилось, генерал Масленников вылетел из «котла», поручив командование своему заместителю генералу Богданову. Во время боя на прорыв генерал Богданов был тяжело ранен.

Из окружения на разных участках фронта мелкие группы и одиночки выходили весь август. Всего вышло около 18 тысяч человек. В «котле» погибли, пропали без вести и оказались в плену более 40 тысяч человек. Среди погибших заместитель командующего 22-й армией генерал-майор А.Д. Березин, командир 18-й кавалерийской дивизии генерал-майор П.С. Иванов, начальник штаба 39-й армии генерал-майор П.П. Мирошниченко. Генерала Иванова немцы похоронили со всеми воинскими почестями. Существует две версии его гибели. Первая: командир дивизии погиб во время боя на прорыв. Вторая: получив ранение в бою на прорыв, застрелился на глазах у окруживших его немцев. Генерала Богданова, умершего от тяжёлого ранения в госпитале, похоронили в Калинине.

Это сейчас мы знаем, что генералы погибли смертью героев, восхитив последними своими действиями даже врага. А тогда,

когда Коневу докладывали о чудовищных потерях, у многих в голове билась мысль: а вдруг попали в плен… Плен — хуже смерти.

Войска уже облетела весть о гибели под Вязьмой генерала Ефремова. Он застрелился, чтобы не попасть в плен. Самые мужественные знали, как надо поступать в безвыходной ситуации.

Войска обоих фронтов вскоре были пополнены и приступили к выполнению очередной наступательной операции. Директива Ставки от 16 июля требовала от войск Калининского и Западного фронтов в срок с 28 июля по 5 августа 1942 года «очистить от противника территорию к северу от р. Волга в районе Ржев, Зубцов и территорию к востоку от р. Вазуза в районе Зубцова, Карамзино, Погорелого Городища, овладеть городами Ржев и Зубцов, выйти и прочно закрепиться на реках Волга и Вазуза, обеспечив за собой тет-де-поны в районе Ржева и Зубцова».

Ржев не отпускал Конева. Уже больше полгода держал в кровавых объятиях. Вцепился и он в него.

Артиллерия Калининского фронта взревела 30 июля. Генерал Н.М. Хлебников, в то время командующий артиллерией фронта, вспоминал: «Мощь огневого удара была столь велика, что немецкая артиллерия после некоторых неуверенных попыток ответить огнём замолчала. Две первые позиции главной полосы обороны противника были разрушены, войска, их занимавшие, — почти полностью уничтожены».

В самый разгар (Первой) Ржевско-Сычёвской наступательной операции Ставка приняла решение: возложить на генерала армии Жукова «руководство всеми операциями в районе Ржева».

Генерал пехоты вермахта, военный историк Курт фон Типпельскирх, подводя итог оборонительным мероприятиям августа 1942 года, писал: «Прорыв удалось предотвратить только тем, что три танковые и несколько пехотных дивизий, которые уже готовились к переброске на Южный фронт, были задержаны и введены сначала для локализации прорыва, а затем и для контрудара».

Основная тяжесть атак легла, как и прежде, на 30-ю армию генерала Лелюшенко.

Двадцать третьего августа войска Западного фронта совместно с левофланговыми дивизиями 29-й армии Калининского фронта, наконец, освободили Зубцов. Захватом Зубцова была завершена (Первая) Ржевско-Сычёвская операция. Но бои продолжались.

В этот же день в журнале боевых действий Калининского фронта появилась запись: «Командарм 30 решил перейти в

наступление с задачей во взаимодействии с 29 армией уничтожить ржевскую группировку противника и овладеть Ржевом».

Азартный Лелюшенко, наблюдая успех соседей — 29-я армия вышла к Волге между Ржевом и Зубцовом, — уже не мог остановиться. Вскоре его дивизии вышли к Волге, с ходу форсировали её и захватили плацдарм на правом берегу в пяти километрах западнее Ржева.

Когда Конев возглавит войсковые объединения Западного фронта, он настоит перед Верховным, чтобы ему — «для удобства управления войсками» — передали 29-ю и 30-ю армии, разумеется, вместе с ржевским участком фронта. Ржев на целый год стал его судьбой. Он так и не смог сломить Моделя и войти в город освободителем.

Вступив в новую должность, а по сути дела вернувшись на то направление, которое оставил в октябре 1941 года после катастрофы под Вязьмой, Конев обратился к Сталину с неожиданным предложением — остановить намеченную Гжатскую операцию, «накопить снаряды, привести войска в порядок, отремонтировать танки и самолёты и организовать заново удар 29-й и 31-й армиями с юго-востока и 30-й армией с северо-запада». Конечную цель, ставшую делом чести, Конев сформулировал так: «Сомкнуть кольцо южнее Ржева».

Сталин согласился с мнением Конева. На фронте наступило временное затишье.

Девятого сентября на рассвете 30-я армия после полуторачасовой артподготовки атаковала позиции противника в районе Ржева. На этот раз артиллерии удалось подавить огневые точки, и стрелковые части с ходу заняли несколько кварталов на северо-восточной окраине города. Уличный бой — бой особый. Противники зачастую сходятся вплотную. Между перестрелкой и рукопашной схваткой паузы в несколько секунд. Обе стороны дрались с ожесточением обречённых, и потому никто не хотел уступать. Командир 6-й пехотной дивизии, оборонявшей Ржев, впоследствии вспоминал об этом дне: «Из всех дней борьбы за Ржев этот был жесточайший… подразделения, действовавшие в месте прорыва, были так обескровлены, что дивизию приказано было сменить…»

Илья Эренбург, автор знаменитого лозунга «Убей немца!» в те дни написал: «Мне не удалось побывать у Сталинграда… Но Ржева я не забуду. Может быть, были наступления, стоившие больше человеческих жизней, но не было, кажется, другого, столь печального — неделями шли бои за пять-шесть обломанных деревьев, за стенку разбитого дома да за крохотный бугорок…»

Ветеран 52-й стрелковой дивизии 30-й армии бывший командир огневого взвода Пётр Алексеевич Михин вспоминал о схватке в немецкой траншее: «В траншее чуть ли не по колено в воде, под водой наши и немецкие трупы, что-то мягкое и скользкое ещё шевелится под ногами, а ты, балансируя на этом неровном дне окопа, увертываешься от смертельных ударов и изо всех сил наносишь их сам. Кто кого. На этот раз наша взяла. Немцы перебиты. Но и нас осталось мало. Не успели отдышаться, как свежими силами теперь уже немцы атакуют и выбивают нас из траншеи. Мы снова ползём через трупное поле назад в свои окопы. Немцы стреляют в спины, и трупное поле пополняется. В отличие от старых трупов тела убитых лежат, как живые, как будто заснули…»

В современной историографии множатся мнения и досужие домыслы о том, почему да как так случилось, что ни Жуков, ни Конев не смогли одолеть немцев на Ржевском выступе и взять город, что все операции были либо спланированы бездарно, либо так же бездарно исполнены, что генералы под руководством Сталина положили перед Ржевским выступом миллион, а то и полтора миллиона солдат, а результат оказался нулевым, и что Ржев по сути город воинской славы не Красной армии, а вермахта…

Перед Жуковым и Коневым стояли лучшие генералы Гитлера. В окопах сидели те, кто прошёл Францию, Польшу и Норвегию. Они прекрасно владели оружием, знали, что такое дисциплина и чувство товарищества, и готовы были умереть за Великую Германию. А богу войны угодно было найти такое поле, где неприятели могли бы сходиться многократно, чтобы состязаться в своей жестокости и свирепстве, в преданности родине и верности солдатскому долгу. И такое поле бог войны нашёл подо Ржевом.

К началу октября немцы не только не смогли что-то выкроить и перебросить из центра на юг, где Гитлер готовил решающий бросок с целью отрезать промышленные районы СССР от нефти, но и вынуждены были усилить свою группировку ещё двенадцатью дивизиями. Некоторые из них прибыли с юга. Генерал Гроссман писал, что 18-й гренадерский полк его 6-й пехотной дивизии в боях за Ржев потерял всех ветеранов, пришедших в Россию в 1941 году, а в целом в его дивизии только в августовских боях потери составили 3294 человека.

Немцы жертвовали богу войны под названием «Ржев» многое. Они отказались от запланированной операции под Сухиничами, от наступления на Юхнов. Они отдали Зубцов и плацдармы на Волге. Они уплотняли свои боевые порядки от Велижа до Гжатска. Мокли в окопах, болели малярией, терпели засилье

вшей и нашествие комаров. Мирились с тем, что партизаны в здешних лесах и деревнях — это неистребимо. И всё это ради одного — удержать в своих руках твердыню, святилище — Ржев.

Известно, что одновременно с операцией под кодовым названием «Уран» — наступление советских войск под Сталинградом — штабы спланировали операцию «Марс» — наступление с целью ликвидации немецкой группировки на Ржевско-Вяземском выступе.

Конфигурация фронта в низовьях Волги очень сильно напоминала дугу в её верховьях. Немцев магически влекла Волга. Как будто на левом её берегу их ожидало нечто, что, подобно копью судьбы, могло решить судьбу войны в их пользу.

Известно, что и та и другая операции планировались при участии заместителя Верховного главнокомандующего генерала армии Жукова. Масла в огонь, вокруг которого застыли в ритуальных позах наши историки, подлил американский историк Дэвид Гланц. Американец произвёл сложные расчёты и вывел: по уровню подготовки, по количеству дивизий и накопленных ресурсов (боеприпасы, вооружение, горючее, продовольствие, медикаменты) «Марс» выглядел внушительнее и мощнее «Урана». Во всяком случае, он называет эти операции «близнецами».

Но генерала Моделя не постигла судьба генерала Паулюса. Модель сумел отвратить рок, нависший над 9-й армией в виде армий Западного и Калининского фронтов с их амбициозными планами покончить с Ржевско-Вяземским выступом, угрожающим Москве.

В двадцатых числах октября 1942 года Жуков, занимаясь планированием операций-«близнецов», побывал на Калининском фронте. Заезжал ли он в штаб Западного фронта к Коневу, неизвестно. Но доподлинно известно другое: они в этот период не раз встречались у Верховного. Согласно журналу посещений кремлёвского кабинета Сталина, только в сентябре они встречались дважды: 28-го и 29-го числа. Оба раза к Сталину Конев входил вместе с командующим войсками Калининского фронта генералом Пуркаевым, а также своим начальником штаба генералом Соколовским и членом Военного совета фронта Булганиным. Всякий раз совещания проходили в присутствии не только Жукова, но и Василевского. В октябре в кабинете Сталина Конев не появлялся. А в ноябре — снова три встречи почти в том же составе.

Так получилось, что в военной историографии «Марс» — самая засекреченная операция. Многие архивы этого периода закрыты. До сих пор не опубликована директива Ставки ВГК о целях и задачах операции. Лишь в последние годы в печати

начали появляться некоторые исследования, проливающие свет на эту таинственную «планету». А ведь масштабы «Марса» действительно были колоссальными. Приготовления к Сталинградскому сражению выглядят куда скромнее.

Западный и Калининский фронты в черте Московской зоны обороны располагали следующей группировкой: 1 миллион 890 тысяч солдат и офицеров, 24 682 орудий и миномётов, 3375 танков и 1170 самолётов. Сталинградская группировка к середине ноября 1942 года располагала более скромным ресурсом: 1 миллион 103 тысячи солдат и офицеров, 15 501 орудий и миномётов, 1463 танков, 928 самолётов. Цифры взяты из советского издания «История Второй мировой войны» и, конечно же, приблизительны. Но тенденция очевидна. Справедливости ради, необходимо отметить, что и протяжённость фронта в районе проведения операции «Уран» была меньше и плотность обороны там была помощней. Во время операций такого рода воюет не весь фронт и не на каждом километре войска атакуют и обороняются. Войска концентрируются и уплотняются там, где это необходимо.

Фронтам Конева и Пуркаева противостояла группа армий «Центр» под командованием фельдмаршала фон Клюге: 79 дивизий. Ржевский выступ, как и прежде, держала 9-я полевая армия генерала танковых войск Моделя: 16 пехотных, пять танковых, две моторизованных и одна кавалерийская дивизия. Уже в ходе боёв сюда было переброшено из резервов и с других участков советско-германского фронта десять дивизий. Соотношение сил складывалось в нашу пользу.

Задачи новой Ржевско-Сычёвской операции были теми же, что и в начале года. Армии Западного и Калининского фронтов охватывающим ударом должны были прорвать фронт в двух местах, окружить 9-ю немецкую армию, разрезать её по частям и уничтожить.

Планировал операцию «Марс» Жуков. В своих мемуарах он недвусмысленно говорит об этом. Известно, что и в период боёв он бывал в войсках, в частности, на северном участке, в районе Великих Лук, где действовала 3-я ударная армия генерала Галицкого[54]. В этой операции армия Галицкого добилась значительного успеха — освободила город Великие Луки, захватила большие трофеи.

Наступление несколько раз откладывалось из-за плохой погоды. Началось оно 25 ноября. Артподготовка была проведена при плохой видимости и существенных результатов не дала. Пурга накрыла всё пространство. Пехота пошла в атаку и вскоре была встречена плотным огнём противника. 20-я армия всё же

смогла пробить брешь в обороне противника на глубину десять километров и ширину три-четыре километра. В прорыв были введены вторые эшелоны — стрелковый корпус и подвижная армейская группа в составе кавалерийского и танкового корпусов. Однако противник предпринял ряд контратак и закрыл брешь резервами. Часть войск оказалась в окружении и вырвалась оттуда лишь спустя несколько суток, потеряв много личного и конского состава, а также почти все танки.

Восьмого декабря 1942 года последовала новая директива Ставки войскам Западного и Калининского фронтов: к 1 января 1943 года разгромить группировку противника в районах Ржев, Сычёвка, Оленино, Белый.

Жуков находился в районе наступления в качестве представителя Ставки. Наблюдая неумелое руководство войсками некоторыми командующими, назначенными на свои должности совсем недавно, он сразу же произвёл их частичную замену. Полномочиями он обладал большими, характером крутым. Коснулись кадровые перестановки и Западного фронта. Командующий 20-й армией генерал Кирюхин был заменён на генерала Хозина. Кирюхин действительно не справился с управлением войсками во время атаки 25 ноября и в последующие дни. Но замена его на Хозина оказалась равноценной. Заменены были командиры танковых корпусов. А 41-й армией Калининского фронта Жуков в дни повторной, декабрьской атаки командовал сам.

Новые бои ничего, кроме новых потерь и разочарований, не принесли. Единственным утешением выжившим стало то, что они в эти зимние дни сковали здесь, на Ржевском выступе, 30 немецких дивизий.

Тем временем на юге, в районе Сталинграда, армии Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов трепали 6-ю немецкую армию и дивизии союзников Гитлера — румын, итальянцев, венгров.

9-я армия Моделя была измотана до крайней степени. Она так и не сможет восстановить свои силы и вскоре будет отведена с Ржевско-Вяземского выступа, отдав его практически без боя.

Страна праздновала победу под Сталинградом.

В сущности, если рассматривать проблему всего фронта от моря до моря, если видеть её исторически, то праздновать можно было и победу на Ржевском выступе. Но…

Подо Ржевом и Гжатском зализывали раны, проводили перегруппировку, исследовали причины неудач и провалов.

А в Ставке уже готовилась новая операция Западного, Калининского, Северо-Западного, Волховского и Ленинградского

фронтов на февраль 1943 года.

Из воспоминаний И.С. Конева: «Зимой 1943 года я был снят Сталиным с командования Западным фронтом в обстоятельствах, при которых я не мог считать это решение справедливым. Как командующий фронтом я получил целый ряд настороживших меня сведений о том, что немцы предполагали совершить отход с того выступа, который они тогда занимали перед Москвой.

Разумеется, я не мог пройти мимо этих сообщений, обязан был их проверить и быть готовым к тому, чтобы принять свои меры. На случай, если немцы действительно начнут отход с этого выступа. Было бы нелепо и обидно, если бы мы с опозданием узнали об их отходе, получив эти сведения тогда, когда уже ничего не смогли бы предпринять и отходящие немецкие части были бы уже в пятидесяти километрах от нас. А это вполне могло случиться, если не провести предварительной проверки полученных нами сведений.

Если бы проверка показала, что намерения немцев соответствуют нашим сведениям, мы могли бы впоследствии при достаточной бдительности и подготовленности ударить по войскам противника в самый невыгодный для них момент начавшегося отхода, преследовать их по пятам, наносить им потери, нарушив весь их план.

Проверяя полученные сведения, я предпринял на фронте частные операции. Сначала операция была проведена с 5-й армией, которой командовал тогда генерал Я.Т. Черевиченко[55]. Надо признать, что операция, проводившаяся армией Черевиченко, оказалась неудачной. Мы понесли неоправданные потери, и вообще она была плохо организована. Черевичен-ко плохо справился со своими обязанностями командующего армией, и я имею основания сказать, что он подвёл меня как командующего фронтом.

После этой неудачи у меня возник конфликт с Булганиным, который был в то время членом Военного совета Западного фронта. Хотя Черевиченко действительно плохо провёл операцию, часть ответственности за это, разумеется, легла и на командование фронтом, в первую очередь на меня. Но я, сказав Черевиченко всё, что считал необходимым, оценив его действия достаточно жёстко, тем не менее воспротивился намерению Булганина сделать Черевиченко этаким “козлом отпущения”, и такой ценой самортизировав возможные неприятности со стороны Ставки.

После неудачи с 5-й армией я уехал на южный участок фронта в армию И. Х. Баграмяна. Там разведывательно-наступательная операция прошла в целом удачно. Мы захватили

пленных, получили нужные нам сведения, заняли несколько узлов обороны. Однако развивать наступление дальше мы не могли. Да, собственно говоря, я с самого начала не считал возможным проводить крупную операцию с далеко идущими целями, поскольку для этого у нас не было сил и прежде всего техники, не только танков, но даже достаточного количества артиллерии и боеприпасов. При всём желании и старании я не мог сосредоточить даже на главном участке прорыва ста орудий на километр фронта.

И вот, когда эта частная, удачно закончившаяся операция была в основном завершена, на командном пункте Баграмяна, где я тогда находился, раздался звонок от Сталина. Сталин раздражённым тоном спросил меня, почему я не развиваю наступление. Я ответил ему, что у меня для этого нет необходимых сил и средств. Он стал настаивать. Я оставался при своём мнении. Он сказал:

— Смотрите, как действуют ваши соседи, как наступает Воронежский фронт! А вы!

Надо отдать должное Воронежскому фронту, он действовал в это время действительно весьма удачно, но справедливости ради следует отметить, что против войск этого фронта стояли в тот период не немецкие части, а войска немецких союзников, по целому комплексу причин в тот период куда менее боеспособные, чем немецкие части.

Отвечая на упрёк Сталина в адрес Западного фронта, я сказал ему, что там, перед Воронежским фронтом, один противник, а здесь перед нами — другой, полноценные немецкие дивизии, собранные в большой кулак.

Это было действительно так. Немцы к этому времени держали под Москвой большую силу, кулак, которым в любой выигрышный момент могли ударить по Москве, если бы мы предоставили им такую возможность. На Западном фронте противник сосредоточил против нас более тридцати полнокровных дивизий. Моё решение не развивать в глубину ту частную операцию, которую провела армия Баграмяна, в значительной степени объяснялось тем, что мы не вправе были рисковать на таком участке фронта, который отстоял ещё совсем недалеко от Москвы.

Когда я сказал, что перед нами другой противник, Сталин очень рассердился и резко сказал мне:

— Ну, конечно, вы не можете. Перед вами, конечно, особый противник.

Сказал и бросил трубку.

Через 24 часа после этого разговора, ещё находясь в армии

Баграмяна и “ползая” там по переднему краю, чтобы дополнительно уточнить некоторые интересовавшие меня вопросы, связанные с возможностью отхода немцев, — а надо сказать, что я вообще, пока был на Западном фронте, весь его “исползал” по переднему краю, — так вот именно там, — говорю об этом только потому, что это в какой-то мере усугубляло степень моей обиды, — я узнал, что пришло решение Ставки о снятии меня с командования Западным фронтом с формулировкой “как не справившегося с обязанностями командующего фронтом”.

Не буду говорить о том, насколько тяжело я это переживал, это и так понятно. Правда, не подать вида и сохранить выдержку мне, хотя с трудом, но удалось.

Баграмян переживал эту историю не меньше меня. Он присутствовал при моём предыдущем разговоре со Сталиным всего 24 часа назад и, узнав о моём неожиданном снятии, пытался душевно поддержать меня, совершенно открыто и прямо заявил, что считает принятое Ставкой решение неправильным и несправедливым.

Я немедленно выехал в штаб фронта, сдал фронт генералу Соколовскому, который был начальником штаба Западного фронта, и поехал в Москву.

У меня сложилось впечатление, что моё снятие с фронта не было прямым следствием разговора со Сталиным. Этот разговор и моё несогласие были, что называется, последней каплей. Очевидно, решение Сталина было результатом необъективных донесений и устных докладов со стороны Булганина, с которым у меня к тому времени сложились довольно трудные отношения. Сначала, когда я вступил в командование фронтом, он действовал в рамках обязанностей члена Военного совета, но последнее время пытался вмешиваться в непосредственное руководство операциями, недостаточно разбираясь для этого в военном деле. Я некоторое время терпел, проходил мимо попыток действовать подобным образом, но в конце концов у нас с ним произошёл крупный разговор, видимо, не оставшийся для меня без последствий.

Состояние у меня было тяжёлое, но чувства раскаяния я не испытывал. Я оставался при своём мнении, что правильно поступил, приостановив наступление. С нашими силами против той группировки немцев, которая была перед нами, в большом наступлении успехов мы иметь не могли. Могли занять кое-какие населённые пункты, для отчётности, и на взятии этих нескольких пунктов размотать силы фронта. Уложить людей недолго, наступление их быстро съедает. Ничего серьёзного не добившись,

фронт в итоге мог поставить себя под угрозу даже в обороне».

Сталин, к несчастью, имел весьма распространённую слабость, которой подвержено большинство диктаторов, — он любил подхалимов, позволял им опутывать себя паутиной своей тягучей липкой лести. А значит, в какой-то мере и управлять собой. Правда, эту паутину он умел быстро, в один мах, рвать и принимал совершенно независимое решение. Проклинал подхалимов. Но потом снова позволял им приближаться. Иногда сам приближал их к себе. Слишком сладкозвучны были их песни… Подхалимы и интриганы напевали Верховному и о Коневе.

Возможно, некоторую роль в отстранении Конева от командования войсками Западного фронта сыграла вспыльчивость Сталина. Вспыльчивость, импульсивность — одна из родовых черт характера диктатора. Кавказ!

После отстранения от командования фронтом Конев приехал в Москву и, как впоследствии вспоминал, «три дня не вылезал из дому, нигде не показывался». Но вскоре он пришёл в себя. Отправился в Генеральный штаб, отыскал генерала Бокова и узнал от него, что происходило на фронтах. Генерал-майор Ф.Е. Боков служил в Генштабе в качестве заместителя по оргвопросам. Так сложилось, что разработки Генштаба («канцелярии», по выражению Сталина) Верховному докладывал именно он. Маршал Шапошников часто болел, Василевский мотался по фронтам.

Неожиданно в кабинет Бокова вошли командующий войсками Волховского фронта генерал Мерецков[56] и член Военного совета фронта Мехлис. Они знали о смещении Конева с должности комфронта. Мехлис внешне ничем не выказывал своих эмоций, но внутренне, и это Конев сразу почувствовал, был удовлетворён произошедшим. Мерецков спросил:

-- Что ты тут делаешь? За назначением?

— Ничего не делаю. Свободен.

— Как свободен?

— Сам знаешь как… С фронта снят. Впереди — ничего определённого. Вот, зашёл узнать, как дела у моего преемника Соколовского.

— А какое-нибудь назначение получил?

— Пока нет. И это и угнетает, и раздражает больше всего. Пускай бы с понижением, в звании, в должности, но — лишь бы на фронт.

— А ко мне на армию пойдёшь? Конев усмехнулся:

— Суворов в лучшую свою пору, когда турок громил, корпусом командовал. А ты говоришь, пойду ли на армию…

Вошёл дежурный офицер и сказал, что товарищей Мерецкова и Мехлиса вызывают в Ставку.

— У нас сейчас встреча с товарищем Сталиным, — пояснил Мерецков. — Я ему напомню о тебе.

У Мерецкова одной из армий командовал заместитель, хороший штабист, но в практических делах человек неопытный. И он попросил Сталина утвердить на должность командарма Конева.

Сталин внимательно взглянул на Мерецкова. Сразу ничего не ответил. И вдруг спросил:

— А что Конев, в каком он настроении?

— Настроение у него… Рвётся на фронт. Сказал: приму хотя бы и корпус.

В тот же день на квартиру Конева прибыл офицер по особым поручениям и вручил листок с номером телефона, по которому он должен позвонить в ближайшие часы.

Конев понял, что судьба его решилась. Метнулся в Генеральный штаб. Из кабинета Бокова позвонил по номеру, который ему был вручён. Послышался знакомый глуховатый голос:

— Товарищ Конев, здравствуйте. Как ваше настроение?

— Плохое, товарищ Сталин.

— Почему плохое?

— Я — солдат, в такое время солдат не должен сидеть, он должен воевать.

— Подождите. Дайте мне три дня на то, чтобы разобраться. Мы вас пошлём вновь командовать фронтом.

— Товарищ Сталин, если вы считаете, что я не могу справиться с командованием фронта, то я готов ехать командовать армией. Надеюсь, что с этим я справлюсь.

— Я знаю, вы договорились с Мерецковым. Мерецков решил воспользоваться ситуацией… Нет, мы не можем себе этого позволить. Мы вас пошлём командовать фронтом. Подождите три дня, дайте мне срок разобраться. Желаю всего хорошего.

О дальнейших событиях И.С. Конев вспоминал так: «Через три дня я явился к Сталину и был назначен командующим Северо-Западным фронтом.

Направляя меня на фронт, Сталин резко и, я бы даже сказал, грубо отозвался об одном из моих предшественников на этом фронте, сказав, что тот “расстрелял веру своих солдат в победу”. Меня покоробило от этой категоричности суждений. Всего неделю назад я испытал это на себе».

Что же произошло в феврале 1943-го на Западном фронте? За что Сталин отстранил Конева от должности? Только ли

придворные интриги стали причиной отлучения Конева от командования войсками?

С 22 февраля по 23 марта 1943 года левое крыло Западного фронта проводило наступательную операцию против жиздринской группировки 9-й армии генерала Моделя. Целью операции было «развить успех, достигнутый на южном стратегическом направлении и не допустить переброски туда немецких сил с центрального участка фронта». Подобные операции в это время проводились соседними фронтами: Малоархангельская операция, Севская операция, Ржевско-Вяземская, Старорусская.

Жиздринская наступательная операция проводилась силами 16-й армии генерала Баграмяна. Задачи Баграмяну были поставлены серьёзные: прорвать фронт в восемнадцатикилометровой полосе в районе Запрудное, Высокая юго-западнее города Сухиничи и наступать на Жиздру, а затем на Брянск. Совместно с войсками Брянского фронта охватить и взять Брянск.

Армия имела в своём составе шесть стрелковых дивизий и одну стрелковую бригаду. Для усиления удара и развития успеха сюда же, во второй эшелон, прибыли 9-й танковый корпус и танковые бригады.

* * *

Приготовления наших войск, переброска достаточно крупных танковых резервов не прошли не замеченными противником. Немецкое командование спешно усилило свои войска в районе Жиздры и Сухиничей двумя пехотными дивизиями, а также перебросило на угрожаемый участок до 100 танков и штурмовых орудий, на предполагаемых местах прорыва сосредоточило противотанковую артиллерию.

Двадцать второго февраля 1943 года 16-я армия перешла в наступление. Сразу стало очевидным, что противник успел создать мощнейшую оборону. Везде, где войскам 16-й армии удавалось достигнуть каких-то успехов, сразу же следовала контратака с танками и при поддержке авиации. К 28 февраля наши подразделения смогли захватить ряд населённых пунктов и продвинуться в глубину на пять-шесть километров. Но Баграмян к этому времени ввёл в дело все свои дивизии и рассчитывал уже только на второй эшелон. Однако танковые части второго эшелона ему не подчинялись. Превратить вклинение в прорыв 16-я армия уже не могла — выдохлась.

Баграмян запросил резервов. Но Конев вводить в бой танковый корпус не решился. Что произошло, неизвестно. Скорее всего, Конев понял всю абсурдность проводимой операции и решил приостановить её на той стадии, когда в мясорубку под Жиздрой ещё не был брошен танковый корпус генерала Шамина. Вооружённый в основном ленд-лизовскими танками «валентайн» с лёгким бронированием и слабой 57-миллиметровой пушкой, а также ещё более уязвимыми для немецкой противотанковой артиллерии отечественными Т-60, корпус явно не годился на решающую роль в операции, но потери бы увеличил значительно. Немцы же усилили свою группировку 5-й танковой и двумя пехотными дивизиями, спешно переброшенными с Ржевско-Вяземского выступа. Позже, в марте, когда Конев будет проводить наступательную операцию под Старой Руссой, на севере, генерал Соколовский бросит 11-ю армию Баграмяна вперёд с той же целью, пытаясь развить успех на тех же направлениях, но результат окажется тем же, только более кровавым.

Сталин, однако, положительно оценил действия 11-й армии, и вскоре она стала именоваться 11-й гвардейской.

Сам Иван Христофорович Баграмян, вспоминая кровавые дни и ночи под Жиздрой, в своих мемуарах писал: «Должен признаться, что уже в то время я видел, что причина невыполнения армией поставленной задачи сводилась не только к нашим упущениям. Почти все наступательные действия на западном направлении весной 1943 года носили отпечаток торопливости, спешки. Тогда у всех нас были ещё свежи достигнутые под Сталинградом блестящие победы Красной Армии, положившие начало массовому изгнанию фашистских оккупантов с советской земли. В той обстановке многим казалось, что моральный дух врага надломлен и если не дать ему опомниться, непрерывно наносить удары на всё новых и новых направлениях, то он вскоре будет окончательно сокрушён. К сожалению, даже у некоторых командующих войсками фронтов появилось такое ошибочное убеждение и настойчивое желание поскорее добиться успехов, подобных сталинградскому триумфу».

Иван Христофорович был очень деликатный и осторожный человек. Он сказал что мог.

А вот чем так подвёл Конева командарм 5-й Черевиченко, остаётся тайной.

О Черевиченко Конев вспоминал со сдержанной неприязнью.

Генерал Черевиченко в годы войны прославился тем, что его 7-й стрелковый корпус успешно дрался в Берлине и брал Рейхстаг. Егоров и Кантария — из 7-го корпуса.

Что же было до Берлина? В начале войны самая мощная на

южном участке фронта 9-я армия оказывается разбитой и отступает. Её командующего генерала Черевиченко отстраняют от должности. Но вскоре он уже командует Южным фронтом. Доводит до катастрофы и фронт. И вот — на 5-й армии… С 5-й его убирают вместе с Коневым. В один день. Но если Конева вскоре возвращают, то Черевиченко в распоряжении Ставки находится до апреля 1943 года. Потом его всё же снова ставят на командную должность — заместителем командующего фронтом. Но… не растёт жито на камне. Какое-то время он состоит кем-то при Военных советах армий и фронтов. В 1944-м получает в управление Харьковский военный округ. И что же? В архивах хранится документ — приказ Сталина от 27 января 1944 года, в котором говорится о безобразном состоянии запасных частей округа: дезертирство среди бойцов, пьянство, воровство, мордобой среди офицеров; личный состав запасных частей голодает, бойцам не хватает даже хлеба, нет обуви, обмундирования… Этим же приказом Верховный отстраняет Черевиченко от должности командующего округом. Но Черевиченко — друг Жукова. Вместе когда-то служили в кавалерийской дивизии в Белорусском военном округе. И Жуков, командуя войсками 1-го Белорусского фронта, нацеленного на Берлин, берёт старого друга к себе. Назначение произошло 27 апреля 1945 года.

Но ирония судьбы заключается вот в чём: в апреле 1943-го генерал-полковника Черевиченко прислали Коневу в качестве заместителя.

«Конец истории с моим снятием с Западного фронта был такой, — вспоминал Конев. — Уже в 1943 году после взятия Харькова, когда я командовал Степным фронтом, в Москве проходило специальное совещание членов военных советов, на котором рассматривались вопросы, связанные со взаимоотношениями членов Военного совета с командованием.

Говоря об отдельных случаях неправильного отношения членов Военного совета к командующим фронтами, Сталин как пример привёл историю со мной и сказал:

— Вот в своё время с Коневым не разобрались, поторопились, сняли с фронта, а смотрите, как он сейчас воюет.

В такой форме им была признана несправедливость тогдашнего молниеносного решения о снятии меня с Западного фронта. Об этих словах Сталина на совещании мне доверительно рассказывал возвратившийся с совещания член Военного совета Степного фронта генерал И.З. Сусайков.

После того как мне удалось провести некоторые положительные, на мой взгляд, мероприятия на очень сложном и

очень неблагодарном для любого человека, оказавшегося там в роли командующего, Северо-Западном фронте, Сталин в июне месяце 1943 года вызвал меня и назначил командовать Резервным фронтом».

Взаимоотношения Конева и Булганина были действительно отвратительными. Булганин, как человек, понимающий политику партии несомненно глубже и правильней, всегда оставался ближе Сталину. Когда закончится война, это проявится особенно отчётливо. Маршалы, которых Сталин и любил, и опасался одновременно, будут отодвинуты на второй план. На первый выйдут партийцы. Любовь к военным в Кремле станет своего рода анахронизмом.

Но что же происходило на Северо-Западном фронте весной и в первой половине лета 1943 года?

Ещё в январе Ставка разработала план наступательной операции под кодовым названием «Полярная звезда», который заключался в следующем: полное окружение и уничтожение немецкой группировки (16-я полевая армия генерала Эрнста Буша группы армий «Север») на Демянском выступе; затем, без оперативной паузы, глубоким ударом в направлении на Старую Руссу прорвать оборону противника и выйти в тыл ленинградской и новгородской группировкам немцев. Общее руководство операцией осуществлял Жуков. Войсками Северо-Западного фронта руководил маршал Тимошенко. Демянскую группировку отрезать от тылов и уничтожить изолированно не удалось. Немцы удержали «Рамушевский коридор» и вывели группировку из выступа. 4 марта 1943 года начался второй этап операции «Полярная звезда», которая вошла в историю Великой Отечественной войны как Старорусская наступательная операция. Началась весенняя распутица. Лыжные бригады пошли в бой в пешем строю. Танки свободно маневрировать не могли. Болота и реки стали непроходимыми. Явно неудачным был и сам замысел операции — повторное наступление на тех же направлениях, да ещё без средств усиления. При этом отставала даже та артиллерия и тяжёлая техника, которую войска имели. Немцы же, видя перегруппировку наших войск, значительно усилили свои оборонительные рубежи, особенно под Старой Руссой. Продвинувшись вперёд на 10—15 километров, войска Северо-Западного фронта подошли к Старой Руссе. Здесь произошла вынужденная остановка. Ставка изымала из состава фронта и в срочном порядке перебрасывала на юг, под Харьков, 1-ю танковую армию генерала Катукова и другие части.

Маршал Тимошенко был отстранён от командования войсками фронта. Это по его адресу Сталин выражался резко и

грубо, посылая Конева туда, в северную грязь, в старорусские хляби поправлять положение.

В конце марта наступление окончательно выдохлось, и Конев приказал войскам зарываться в землю на достигнутых рубежах, как сообщалось в сводках Совинформбюро, «южнее озера Ильмень».

Закончилась жуткая бойня, продолжавшаяся с 4 по 19 марта. Исследователи этих событий говорят, что ежесуточно наша группировка теряла убитыми и пропавшими без вести по 6444 человека, что в истории Великой Отечественной войны уровень потерь был превышен только однажды — в ходе Белгородско-Харьковской наступательной операции, когда произошло встречное танковое сражение.

Глава двадцать вторая. РЕЗЕРВНЫЙ СТЕПНОЙ ФРОНТ

Жаркое лето 1943-го… На фронтах длилась оперативная пауза. С апреля обе стороны готовились к решающей схватке. Полем предстоящей битвы на этот раз выбрали так называемый Курский выступ — линию фронта от Думиничей на севере (ныне районный центр Калужской области) до Харькова на юге.

«Эта врезавшаяся в наш фронт дуга была для Красной Армии не просто неудобным обстоятельством, — вспоминал Конев. — Она удлиняла наш фронт почти на 500 км и требовала для его удержания значительных сил. Дуга прорезала железнодорожные пути и перегоны, перехватывала шоссейные дороги, которые вели из района группы “Центр” в направлении Харькова и представляли для наших войск важные коммуникации, расположенные, к сожалению, по ту сторону фронта. Наконец, эта дуга могла служить противнику исходным пунктом для наступления как на северном фланге группы армий “Юг”, так и на южном фланге группы армий “Центр”. Особую опасность она представляла на случай, если было бы решено нанести контрудар из района Харькова против советских сил, наступающих на участке ГА “Юг”… При одновременном наступлении с юга и севера можно было отрезать в ней сравнительно большие силы противника и высвободить потом значительные немецкие силы».

Собственно выступ, дуга проходила от Малоархангельска до Белгорода. Но, как всегда бывает во время стратегических операций, которые, по замыслу их авторов, образуют гигантскую центростремительную воронку, вбирающую, засасывающую в себя сотни и сотни километров окрестностей вместе с войсками, рубежами и коммуникациями, всё это пространство превратилось в колоссальное побоище. Курская битва происходила на землях нынешних Калужской, Орловской, Воронежской, Белгородской областей России и Сумской и Харьковской областей Украины.

Наступил новый период войны. Немцы почувствовали, что Восточный фронт может вот-вот превратиться, как говорят русские, в Тришкин кафтан, и, если это произойдёт, то латать его вскоре будет попросту нечем. Военный потенциал Германии оскудевал с каждым днём, с каждым боем. И чем интенсивней шли бои, тем потенциал вермахта изнашивался больше. Поэтому назрела необходимость некоего радикального решения. Именно на Восточном фронте. Ведь судьба войны решалась там. Гитлер хорошо понимал, что победа ему нужна не на Западе, не в Африке

и не над проливами, а именно на Востоке. Но риск казался настолько велик, что Гитлера порой охватывал ужас.

Генералы вермахта тоже считали, что необходимо сделать решительный шаг, который помог бы вернуть германским солдатам веру в себя, в своё превосходство, а германской политике широкую возможность действий. В этот спектр планов и надежд входил и так называемый «ничейный результат», предусматривавший переговоры со Сталиным с целью заключения сепаратного мира. Возможно, даже без участия Гитлера.

Гитлер же колебался.

Маршал Конев в своих «Записках командующего фронтом. 1943—1944», цитируя доклад тогдашнего заместителя Верховного главнокомандующего маршала Жукова о целесообразности изматывания противника «в нашей обороне» с целью дальнейшего перехода в наступление свежими резервами, рассуждал так: «Следовательно, оборона наших войск в битве под Курском была не вынужденной, а преднамеренной, имеющей целью создать выгодные условия для последующего перехода в наступление. А в случае отказа противника от наступления предусматривалась также возможность перехода советских войск к активным действиям первыми».

Гитлер ещё в марте 1943 года подписал оперативный приказ № 5. Документ содержал общие указания к ведению боевых действий на Восточном фронте на весенний период: «Следует ожидать, что русские после окончания зимы и весенней распутицы, создав запасы материальных средств и пополнив частично свои соединения людьми, возобновят наступление. Поэтому наша задача состоит в том, чтобы по возможности упредить их наступление в отдельных местах с целью навязать им, хотя бы на одном из участков фронта, свою волю, как это в настоящее время уже имеет место на фронте группы армий “Юг”. (Имеется в виду успех, достигнутый немцами в феврале—марте 1943 года, когда они смогли в очередной раз захватить Харьков и взять в результате мощного контрудара Белгород. — *С.М.)* На остальных участках фронта задача сводится к обескровливанию наступающего противника». Правда, потом Гитлер о предстоящем наступлении замолчал и постоянно откладывал начало операции, получившей в немецких штабах название «Цитадель». Но машина подготовки к масштабной операции, в которой решающая роль отводилась новой технике и вооружению, поступившими к тому времени в германскую армию, была уже запущена, и сроки ожидания неминуемо истекали.

Таким образом, битва приближалась с каждым днём и каждым часом. Каждый день и час были наполнены интенсивной

подготовкой к ней. Лето 1943-го должно было решить многое.

Немцы в своей обширной мемуарной литературе, размышляя о душевном состоянии фюрера накануне решающего сражения на Востоке, отмечали: «В первый раз за двадцать лет Гитлер молчал. У него не было идей… Даже в своём тесном кругу Гитлер мало говорил о большой стратегии, но подолгу распространялся о новом оружии, которое восстановит военное превосходство рейха. Он не мыслил никаких грандиозных задач для армии, кроме сохранения того, что было завоёвано…» Манштейн в этой связи сетовал: «…ему недоставало смелости или веры в своё искусство вождения войск, а также в искусство своих генералов».

Зато идеи были в Ставке в Москве. Судя по журналу посещений И.В. Сталина в его кремлёвском кабинете, в 1943 году Конева Верховный вызывал к себе четыре раза. И все четыре посещения состоялись накануне операции «Кутузов». Последняя беседа состоялась 24 июня. Началась она в 0.30, а закончилась в 2.35. Сидели долго. Десятью минутами раньше в кабинет к Сталину зашли Василевский, Антонов и Голиков. Его, командующего войсками Степного фронта, пригласили потом.

— Степной фронт, — сказал Сталин, обращаясь ко всем присутствующим, — должен сыграть важную роль в контрнаступлении. — Затем раскурил трубку и взглянул на Конева: — Вы понимаете, товарищ Конев, какое назначение вы получаете в связи с обстановкой, которая складывается на южном направлении? Противник, видимо, создаст очень сильные группировки для того, чтобы срезать Курский выступ. Ваш фронт, расположенный за Центральным и Воронежским фронтами, должен быть в готовности. Если противник прорвётся, вам необходимо отразить его удары и не допустить развития прорыва дальше на восток как на Орловском, так и на Белгородском направлениях. Поэтому полосу, занимаемую фронтом, надо хорошо подготовить в оборонительном отношении, а в тылу, по рекам Воронеж и Дон, подготовить государственный рубеж обороны. Вы готовы выполнить эту задачу, товарищ Конев?

— Готов, товарищ Сталин, — ответил Конев.

— Хорошо, мы надеемся на вас.

И той и другой стороне нужен был Курский выступ. И Ставка в Москве, и ОКХ[57] в Берлине связывали с удачным исходом дела на этом участке фронта свои дальнейшие планы ведения войны.

Биографы Конева рассказывают о подробностях разговора в кабинете Сталина несколько иначе. Сталин якобы рекомендовал Коневу побывать в первом эшелоне, на Воронежском фронте, «чтобы быть в курсе обстановки, знать направление возможных ударов противника…». Но перед тем, как приступить к

исполнению обязанностей командующего Степным округом, посоветовал слетать «к семье в Куйбышев».

К семье Конев, видимо, ездил. Скучал по детям. Да и на Анну хотелось посмотреть.

Анна Ефимовна Конева, несмотря на то что генеральская жена, работала в одном из военных госпиталей Куйбышева. Выполняла ту же работу, что и другие женщины из числа госпитальных служащих, — убирала, мыла, подавала, выносила, писала письма за безруких, перетаскивала безногих.

Впоследствии, по возвращении в Москву, Анна Ефимовна продолжила работать сестрой милосердия.

Об Анне Ефимовне Коневой рассказал мне каноник церкви Воскресения Христова, что в Тарусе на Оке, Николай Данилович Санкин. Его ранило в 1944-м. Осколок мины перерубил несколько рёбер и застрял под лопаткой. Санкина отправили ближайшим поездом в тыл. В Москве санитарный эшелон остановился. Начальник поезда приказал снять мёртвых и тех, кого дальше везти было бессмысленно. До станции назначения было ещё больше суток пути. А этим, по его расчётам, жить оставалось несколько часов. Сняли с поезда и Николая Даниловича. Привезли в ближайший госпиталь. Стали готовить к операции. «А от меня смрад идёт, как от мёртвого, — вспоминал Николай Данилович. — Меня ведь ранило в разведке. Ползли — грязные, потные, а тут ещё кровью всего залило. Ни одежды, ни белья мне не поменяли. Каким принесли с нейтральной полосы, таким в палату в том московском госпитале и занесли. Лежу. Умираю. А уже равнодушие на меня напало. Смирился, что скоро помру. Даже боль утихла. И тут приходит женщина. Средних годов. Красивая. Принесла таз и принялась мне в этом тазу мыть голову. Как мне после этого хорошо стало, господи! А потом принесла другую воду и помыла мне ноги. Лежу, а самому стыдно. Как же так, думаю, такая красивая женщина и обмывает меня. Когда ушла, унесла воду, мне сосед по палате и говорит: “А знаешь, кто тебя обмывал?” — “Нет”, — говорю. — “Это, братец ты мой, жена маршала Конева, Анна Ефимовна”. Когда мне сделали операцию, когда я очнулся и открыл глаза, первой, кого я увидел, была Анна Ефимовна. Я думал, что это ангел с небес спустился и смотрит на меня, живого. После войны я долго ей открытки посылал, поздравлял с праздниками и благодарил за её доброту. Редкой души человек. Теперь её нет. Молюсь за упокой её души».

В «Записках…» И.С. Конев отмечает: «Как известно, в битве под Курском советские войска создали мощную, глубоко эшелонированную, хорошо организованную оборону с выгодным для нас соотношением сил сторон, поскольку мы готовились к

преднамеренной обороне. И всё же противнику удалось на Обоянском направлении вклиниться в нашу оборону на глубину до 35 км. И лишь благодаря вводу в сражение двух армий Степного фронта — 5-й гвардейской танковой армии П.А. Ротмистрова и 5-й гвардейской армии А.С. Жадова — вражеское наступление было окончательно остановлено».

Основные задачи войскам нового Резервного фронта (кстати, в то время его так и называли), были сформулированы в директиве Ставки от 23 апреля 1943 года:

«На период доукомплектования войск Степного военного округа одновременно с задачами боевой подготовки возложить на войска округа следующие задачи:

а) на случай перехода противника в наступление ранее срока готовности округа иметь в виду прочно прикрыть направления:

1) Ливны, Елец, Раненбург;

2) Щигры, Касторное, Воронеж;

3) Валуйки, Алексеевка, Лиски;

4) Равеньки, Россошь, Павловск;

5) Старобельск, Кантемировка, Богучар и район Чертково, Миллерово.

Командующему войсками округа организовать в соответствии с группировкой войск тщательное изучение командирами соединений и частей и их штабами этих направлений и возможных для развёртывания рубежей».

Войска окапывались на огромном пространстве. Отрывали километры траншей. Пилили лес, перекрывали накатником блиндажи и землянки. Артиллеристы обустраивали огневые. Танкисты маскировали боевые машины. Рядом с солдатами работали тысячи жителей окрестных городов и деревень. Строили дороги, мосты.

Штаб Степного фронта разместился в Воронеже. Здесь Конев принял дела у генерал-полковника Рейтера, который отбыл в первый эшелон на Воронежский фронт на должность заместителя командующего фронтом. Начальником штаба с Коневым оставался генерал-лейтенант М.А. Захаров. В состав фронта в разное время входили: 27-я армия (9 июля — 20 июля 1943 года), 47-я (9 июля — 1 августа 1943 года), 53-я (весь период), 7-я гвардейская (18 июля — 16 октября 1943 года), 69-я (18 июля — 30 сентября 1943 года), 57-я (9 августа — 20 октября 1043 года), 4-я гвардейская армия (2 сентября — 16 октября 1943 года), 5-я гвардейская (7 сентября — 20 октября 1943 года), 37-я (7 сентября — 20 октября 1943 года), 46-я (11 сентября — 2 октября 1943 года) общевойсковые, 5-я гвардейская танковая и 5-я воздушная армии (весь период).

Армейское управление составляли командующий артиллерией генерал Н.С. Фомин; начальник связи генерал Н.С. Матвеев; материально-техническое обеспечение осуществляли генералы И.З. Сусайков и И.С. Грушецкий; начальник тыла генерал В.И. Вострухов.

Конев часто бывал на позициях. Смотрел, проверял, советовал, поправлял. Слушал разговоры солдат и командиров, их шутки, смех. Это были уже другие солдаты, другая армия. Вскоре об этом узнает противник. Над позициями иногда появлялась немецкая «рама», делала круги, снижалась. Всё шло так, как задумано: немцы должны быть уверены, что русские готовятся к обороне.

Десятого июля 1943 года Степной военный округ был переименован в Степной фронт. Ставка опередила его состав:

«Командующему Степным военным округом.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Включить в состав Степного фронта 5-ю гвардейскую, 27-ю армию с 4-м гв. танковым корпусом, 53-ю армию с 1-м мех. корпусом, 47-ю армию с 3-м гв. мех. корпусом, 4-ю гв. армию с 3-м гв. танковым корпусом, 52-ю армию, 5-ю гвардейскую танковую армию, 3-й, 5-й, 7-й гвардейские кавалерийские корпуса, 5-ю воздушную армию, все части усиления и тыловые части и учреждения Степного военного округа.

2. Армии фронта развернуть согласно устным указаниям, данным Генеральным штабом.

3. Передвижение войск совершать только ночью.

4. Командный пункт Степного фронта с 12 июля иметь в районе Горяиново.

5. О ходе перегруппировки доносить ежедневно шифром.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин

А. Антонов».

* * *

Из устных указаний, поступивших шифром, следовало: приказ поступит перед самым началом сражения; передвижение производить только под покровом темноты; приказы отдавать устно; управление фронта передислоцировать на несколько десятков километров западнее, то есть ближе к фронту.

Штаб расположился рядом с железнодорожной станцией Касторное. Если посмотреть на карту — то как раз в центре напротив Курского выступа. Если бы немцам удалось срезать

выступ, то танки армейских групп «Центр» и «Юг» сомкнули бы свои клещи в районе Касторной. Эта станция не раз упоминалась в боевых сводках обеих сторон в предшествующий период.

Как вспоминал Конев, при том, что приданная ему группировка выглядела внушительной, «эти объединения и соединения пришли с других фронтов», «были слабо укомплектованы личным составом и техникой, не имели запаса материальных средств и были утомлены в боях». Это место в мемуарах маршала подтверждают архивные данные: к примеру, 69-я армия, выйдя из продолжительных боёв за Северский Донец, сохранила всего 77 орудий и миномётов. В дивизии начало поступать пополнение. Артиллеристы получили новые орудия, тягачи. Истребители танков — более мощные противотанковые орудия. Особое внимание было уделено связи.

Конев признавался, что в оснащении войск Степного фронта новой техникой, вооружением и снаряжением большую роль сыграло его личное знакомство с членом ГКО А.И. Микояном, который отвечал за формирование и материальное обеспечение резервов. «Не стесняйтесь, звоните днём и ночью, всегда помогу», — сказал ему Анастас Иванович, когда Конев получил назначение. И комфронта звонил.

Побывал на Воронежском фронте. Ездил к генералу Ватутину, которому он со своими войсками стоял в затылок, и невольно вспоминал октябрь 41-го. Тогда ему в затылок стояли войска Резервного фронта под командованием маршала Будённого. Когда севернее Вязьмы в районе Соловьёвой переправы танки Гота прорвали оборону ополченческих дивизий, немцы должны были натолкнуться на мощную оборону кадровых дивизий 49-й армии. Но позади не оказалось никого. Судьба словно посылала ему для повторного испытания то же поле, но на сей раз вручала другую роль. Как он сыграет её?

«…Я неоднократно заезжал к генералу Н.Ф. Ватутину, — вспоминал Конев. — Несколько раз был в Курске, на Обоянском направлении, на стыке с Юго-Западным фронтом. Обстановка на Центральном и Воронежском фронтах и всё, что предпринималось фронтами в целях усиления обороны, были для меня ясны.

При организации обороны Центрального фронта (командующий генерал К.К. Рокоссовский) исключительно важное значение придавалось Орловскому выступу, нависавшему над правым крылом фронта с севера.

Против орловской группировки противника были развёрнуты соединения 48-й, 13-й и 70-й армий на фронте от Городища до Брянцева протяжённостью 132 км. Левее на 174-километровом

фронте занимали оборону войска 65-й (командующий генерал П.И. Батов) и 60-й (командующий генерал И.Д. Черняховский) армий; 2-я танковая армия, ослабленная в боях, была выведена во второй эшелон. В резерве находились 9-й и 19-й танковые корпуса, 11-я гвардейская танковая бригада, а также ряд артиллерийских и миномётных частей. С воздуха войска поддерживала 16-я воздушная армия.

На Воронежском фронте (командующий генерал Н.Ф. Ватутин) считалось наиболее вероятным, что главный удар противник нанесёт из района Белгорода на Корочу, а вспомогательный — из района западнее Волчанска на Новый Оскол. Поэтому основные силы сосредоточивались в центре и на левом крыле фронта. Оборону здесь в полосе 114 км занимали 6-я (командующий генерал И.М. Чистяков) и 7-я (командующий генерал М.С. Шумилов) гвардейские армии, 38-я (командующий генерал Н.Е. Чибисов) и 40-я (командующий генерал К.С. Москаленко) армии оборонялись на остальном участке фронта протяжённостью 130 км. Во втором эшелоне на направлении Обоянь, Курск располагалась 1-я танковая армия, а на направлениях Белгород, Короча и Волчанск, Новый Оскол — 69-я армия. В резерве находились 2-й и 5-й гвардейские танковые корпуса и 35-й гвардейский стрелковый корпус. Войска поддерживала 2-я воздушная армия.

Организация обороны в Курской битве явилась обобщением огромного опыта, накопленного в ходе войны. Оборона была глубоко эшелонированной, многополосной, с широко развитой противотанковой системой огня, со всеми типами инженерных укреплений и заграждений».

Согласно оперативному приказу № 6, подписанному Гитлером 15 апреля 1943 года, войска групп армий «Центр» и «Юг» должны были быть приведены в шестидневную готовность к 28 апреля. Таким образом, удар, назначенный на 3 мая, мог застать советские войска в состоянии неполной боевой готовности. Это была та «стадия слабости», о которой часто говорили в немецких штабах как о наиболее желаемом времени нанесения решающего удара по советской обороне. В оперативном приказе № 6 говорилось: «Этому наступлению придаётся решающее значение. Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом… В связи с этим все подготовительные мероприятия необходимо провести с величайшей тщательностью и энергией. На направлениях главных ударов должны быть использованы лучшие соединения, наилучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов. Каждый командир, каждый рядовой солдат обязан проникнуться

сознанием решающего значения этого наступления. Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира».

Суть операции «Цитадель» состояла в том, чтобы концентрическими ударами по сходящимся направлениям из районов Орла (9-я армия) и Белгорода (4-я танковая армия и Оперативная группа «Кемпф») окружить, запечатать в «котле» в районе Курска основные силы Центрального и Воронежского фронтов Красной армии. Первый этап, по замыслу немецких генералов, должен был завершиться к исходу четвёртых суток восточнее Курска встречей ударных сил двух группировок, замыкающих кольцо. Затем, без промедления, «Цитадель» перерастала в другую операцию под кодовым названием «Пантера». Планировалось нанести удар из района Курска на юго-восток и разгромить силы советского Юго-Западного фронта. Одновременно, и опять-таки в зависимости от результатов операции «Цитадель», намечалась такая же масштабная операция на севере — «Охота на медведя» — новое наступление на Ленинград.

Для обеспечения этих операций в январе 1943 года Гитлер провёл тотальную мобилизацию. Под ружьё поставили всех, кто до этого по разным причинам избежал призыва. В промышленности больше стали применять женский труд, «остарбайтеров» (военнопленных и вывезенных из оккупированных территорий), а также труд рабочих, завербованных в соседних странах — Швейцарии, Франции, Бельгии. В войска начали набирать поляков, чехов, словаков, французов, шведов. Германские идеологи в срочном порядке пересмотрели некоторые положения расовой теории и подправили многие пункты своих директив. Исчез из употребления термин «недочеловек».

Расширился список народов, составляющих семью арийских народов. Активизировал свою работу так называемый Смоленский комитет. Миллионными тиражами была отпечатана листовка, подписанная бывшим генералом РККА Власовым, который добровольно стал служить рейху и начал формировать Русскую освободительную армию в составе вермахта. В дивизии СС широким потоком, в том числе и из концлагерей, пошли латыши, эстонцы, литовцы, белорусы, украинцы, русские, татары, калмыки, чеченцы и т. д. В результате тотальных мер Гитлеру, по различным подсчётам, удалось направить на фронт 600 тысяч немцев и поставить под ружьё 450 тысяч «восточных войск». Пройдёт год, и Коневу придётся столкнуться с «русскими» частями С.С. Гитлеру необходимо было влить в воюющие армии около миллиона новобранцев. При том, что ему удалось

наскрести немногим больше половины требуемого, была заново сформирована 6-я полевая армия, первый состав которой погиб и был пленён под Сталинградом — полностью восстановлены 20 дивизий, в том числе и танковых, со «сталинградскими» номерами. В войска поступило новое вооружение. Модернизированный танк T-IV, а также новый T-V «пантера», T-VI «тигр», самоходные орудия новых типов. Истребители танков получили новую 75-миллиметровую противотанковую пушку Pak.40, которая с дистанции тысяча метров пробивала 120-миллиметровую броню, а следовательно, могла поражать любой советский танк. Люфтваффе получили модернизированный истребитель «Мессершмитг-109C-6», штурмовик «Хеншель-126B» и истребитель танков «Юнкерс-87G», оснащённый двумя 37-миллиметровыми пушками. Первую противотанковую эскадрилью пикировщиков Ю-87G накануне решающего наступления возглавил знаменитый ас Ганс-Ульрих Рудель.

Сокрушить «оборону Советов» должны были танковые клинья. Тактика, принёсшая череду побед в летних боях 1941 года, в 1942-м и совсем недавно, уже в 1943-м под Харьковом и Белгородом, отработанная до совершенства генералами и экипажами стальных машин, должна была принести победу и в этой битве.

В феврале 1943 года Гитлер приказал отыскать забытого после разгрома под Москвой генерала танковых войск Гудериана. Вскоре «быстроходный Гейнц» стал генерал-инспектором бронетанковых войск и с первых же дней своего назначения занялся их модернизацией.

В июле 1943-го основу танковых клиньев немецкой армии составили T-IV. Теперь самый массовый танк Второй мировой войны выглядел иначе. Вместо короткоствольной пушки («окурка») в массивную башню была встроена 75-миллиметровая пушка с длиной в 48 калибров и дульным тормозом. Толщина лобовой брони была увеличена с 50 до 80 миллиметров. Для сравнения: советская модернизированная «тридцатьчетверка» имела к тому времени лобовую броню в 52 миллиметра; 16-тонный английский «валентайн» — 60 миллиметров; 32-тонный американский «шерман» — 76 миллиметров. Новая «четвёрка» была оснащена противокумулятивной защитой в виде 5-миллиметровых экранов, надёжно прикрывавших ходовую часть танка. По замыслу конструкторов и «отца Панцерваффе» Гудериана эта машина должна была составить серьёзную конкуренцию советской «тридцатьчетверке» на поле боя. Если прибавить к этим замыслам более серьёзную подготовку немецких танковых экипажей, то расчёт Гудериана был более чем

верным. Очень скоро, уже в июле, под Прохоровкой и Змиевкой, стало очевидно, что немецкая «четвёрка» и советская «тридцатьчетверка» в бою дерутся примерно на равных. За полгода до Курского побоища с конвейеров немецких заводов сошли первые серийные образцы нового танка T-IV «пантера». В какой-то степени это была улучшенная копия советского Т-34. (Советские армии стояли ещё за сотни вёрст от границ Третьего рейха, а зловещая тень непобедимой «тридцатьчетверки» уже металась по Германии.) Толщина лобовой брони «пантеры» составляла 85 миллиметров. Борта и корму закрывала 40-миллиметровая броня. Вооружение «пантеры» состояло из мощной бронебойной 75-миллиметровой пушки с коническим каналом ствола длиной 70 калибров, оснащенной дульным тормозом. Ни один из советских танков, включая и ИС-2 со 120-миллиметровой лобовой бронёй, не мог выдержать выстрела бронебойного снаряда «пантеры» с расстояния тысячи метров. Экипаж мог производить 6—8 выстрелов в минуту. Кроме того, на борту имелись два пулемёта калибра 7,92. Эта машина по своим тактико-техническим данным превосходила все танки Второй мировой войны.

И, наконец, лучший танк Второй мировой войны — T-VI «тигр». Весил он 56 тонн. (Для сравнения: ИС-2 весил на десять тонн меньше, и на тонну больше, чем «пантера»; английский «Черчилль» — 40 тонн.) Экипаж — пять человек. Толщина лобовой брони 100 миллиметров, бортовой — 80 миллиметров, верха корпуса — 26 миллиметров. Самым эффективным истребителем советских танков была до сих пор 88-миллиметровая зенитка, «восемь-восемь», как её называли немецкие артиллеристы. Если цель появлялась в поле зрения расчёта «восемь-восемь», то хороший наводчик поражал её с расстояния в две тысячи метров первым же выстрелом. Так вот именно эту пушку получил «тигр». На борту имелись также два пулемёта.

«Тигр» был прост в управлении. Любой из членов экипажа при необходимости мог заменить механика-водителя. Чтобы не рассредоточивать сверхмощные танки по дивизиям и корпусам, было принято решение создать тяжёлые танковые батальоны как тактические единицы. Тяжёлые танковые батальоны имели три роты по 15 единиц каждая. Гитлер был в восторге от своего нового детища и говорил, что «один батальон… стоит целой нормальной танковой дивизии». Единственным серьёзным недостатком этого танка была его дороговизна, поэтому он не мог стать массовой боевой машиной вермахта. Танковые части, действовавшие под Белгородом, Харьковом и Орлом, получили

три батальона и четыре отдельные роты «тигров».

Истребитель танков «фердинанд» имел толщину лобовой брони 200 миллиметров, толщину кормовых листов — до 85 миллиметров; два двигателя «Майбах» по 265 лошадиных сил, каждый из которых «автономно приводил в движение одну из двух гусениц»; 88-миллиметровую пушку, которая на полтора километра свободно брала любой советский танк, даже в лоб. Весил этот стреляющий колосс 72 тонны. Скорость мог развивать до 30 километров в час. «Чудо инженерного искусства» — так называли его немцы. За всю войну заводы в Сент-Валентине в Австрии успели изготовить 90 таких машин. Из них 85 участвовали в операции «Цитадель». За 50 дней боёв, пока длилась битва, немцы потеряли 39 «фердинандов».

Гитлеру нужна была яркая и сокрушительная победа на Востоке. И ему казалось, что он готов её одержать.

В январе 1943 года в Касабланке (Марокко) состоялось заседание англо-американской конференции «Как победить в войне?», на которой обсуждалась стратегия союзных держав в совместных действиях против Германии и её сателлитов. В работе конференции приняли участие президент США Рузвельт и премьер-министр Англии Черчилль. Сталин, сославшись на занятость, прислал письмо, в котором напомнил и Рузвельту, и Черчиллю о прежней договорённости открытия второго фронта в Европе не позднее весны 1943 года. Союзники медлили. Это давало возможность Гитлеру лавировать, удерживать под рукой итальянские дивизии, продолжать разыгрывать турецкую карту. Нейтральная Турция, как тогда казалось, могла выступить либо на стороне Германии, либо на стороне США и Англии, а значит, и СССР. Но поскольку итоговые документы, принятые на конференции, требовали «полного уничтожения германской, японской и итальянской мощи», а также предполагали «безоговорочную капитуляцию Германии, Японии и Италии» и уничтожение «господствующей в этих странах идеологии, проповедующей агрессию и порабощение народов», у немцев не оставалось никаких шансов договориться либо с англичанами, либо с русскими, им оставалось одно — драться до конца. С таким настроением и пошли в бой солдаты групп армий «Центр» и «Юг».

50 дивизий изготовились для атаки, в их числе 12 танковых и семь моторизованных. Около десяти тысяч орудий и миномётов. 2758 танков и самоходных артиллерийских установок. 1800 самолётов. 900 тысяч солдат и офицеров.

Из данных, добытых разведкой, Конев знал, что перед ним и первым эшелоном, армиями Воронежского фронта, стоит его

давний соперник — генерал танковых войск Герман Гот и его 4-я танковая армия. Немцы готовились день и ночь. Вот что пишет в своих мемуарах генерал танковых войск Раус, который в тот период командовал XI танковым корпусом: «После того как части были реорганизованы и перевооружены (Раус, по всей вероятности, имеет в виду новую технику и вооружение, которое Гитлер направил в подразделения, предназначавшиеся для основных действий в ходе операции «Цитадель». — С. М.), армейская группа занялась интенсивной подготовкой войск к атаке (практически и теоретически). Особый упор делался на те виды действий, которые предстояли солдатам. Полевые учения велись с использованием боевых патронов и снарядов, Люфтваффе во время учений использовали настоящие бомбы. Всё это позволило довести боевую готовность войск до высочайшего уровня. Штабные учения, ориентирование на местности, проводились постоянно. Мы устраивали специальные тренировки по наведению мостов и снятию минных заграждений. Дивизии, размещённые в полосе атаки, отправили до двух третей состава в тыл, где шли круглосуточные тренировки. Солдаты проходили обкатку танками и пересекали русские минные заграждения».

Накануне наступления немецким солдатам был зачитан приказ их фюрера:

«Солдаты!

В этот день вам предстоит участвовать в наступлении такого значения, что всё будущее войны может зависеть от его исхода. Более чем что-либо ваша победа покажет миру, что сопротивление мощи германской армии безнадёжно… Могучий удар, который постигнет сегодняшним утром советские армии, должен потрясти их до основания. И вы должны знать, что от исхода этой битвы может зависеть всё…»

В русских окопах замполиты проводили политбеседы, командиры взводов и отделений снова и снова штудировали по специально отпечатанным листовкам-памяткам уязвимые места новых сверхмощных немецких танков и самоходок: «Бей по танку и в лоб и в затылок — бросай связку бутылок», «Из окопа метко и стойко бей по танку бронебойкой». То же самое происходило на позициях в районах Касторного, Боброва, Россоши и Острогожска, где изготовился к бою резервный Степной фронт. Были оборудованы учебные поля, на которых «тридцатьчетверки» утюжили учебные позиции, окопы и ходы сообщения, в которых лечили от «танкобоязни» пехотинцев. В войсках был зачитан приказ НКО СССР № 0387 от 24 июня 1943 года «О поощрении бойцов и командиров за боевую работу по уничтожению танков противника». Согласно этому приказу, например, расчёты

противотанковых ружей получали премию за каждый подбитый или подожжённый танк противника: наводчик — 500 рублей; второй номер ПТР — 250 рублей. Экипаж танка: механик-водитель и командир орудия (башни) — 500 рублей каждый; остальные члены экипажа —200 рублей каждый. Такую же премию получали огневые расчёты артиллерийских орудий. Каждый боец и командир за лично подбитый танк «при помощи индивидуальных средств борьбы» получал премию в 1000 рублей. Если в уничтожении вражеского танка, говорилось в приказе, участвовала группа бойцов—истребителей танков, то сумма премии поднималась до 1500 рублей и выплачивалась всем участникам группы равными долями. В Центральном архиве Министерства обороны РФ хранится подлинник этого документа, на котором рукой Сталина сделана поправка в пункте № 4, где сказано о премии для «группы бойцов—истребителей танков»: сумма в 1000 рублей зачёркнута и вписана фраза «поднять до 1500 руб.».

Для информации: один килограмм говядины тогда стоил 12 рублей; масла сливочного — 25 рублей; хлеба ржаного — 1 рубль; хлеба пшеничного — 1 рубль 70 копеек; колбасы полукопчёной «Краковской» — 23 рубля; бутылка водки 0,5 л — 11 рублей 50 копеек; папиросы «Казбек» — 3 рубля 15 копеек; духи «Красная Москва» — 28 рублей 50 копеек; ботинки мужские, хромовые — 140 рублей; костюм мужской — 367 рублей.

Степной фронт не зря сосредоточили именно здесь, от центра дуги к югу, так что он левым своим крылом закрывал белгородско-харьковское направление. Раны, полученные войсками Воронежского и Юго-Западного фронтов совсем недавно, кровоточили на теле Верховного главнокомандующего. Сталин так же, как и Гитлер, колебался. Его пугала неуязвимость новых немецких танков. Не выходили из головы слова начальника артиллерии маршала Н.Н. Воронова: «У нас нет пушек, способных бороться с этими танками». Слишком многое ставилось на карту. Слишком многое.

Конев старался больше бывать в войсках. Особенно часто заезжал к танкистам. Разговаривал с экипажами, наблюдал за их боевой учёбой. О стрельбе боевыми снарядами по движущимся целям, конечно же, и речи быть не могло, но обкатку механиков-водителей командиры подразделений проводили. Конев знал, что некоторые экипажи прибыли на фронт вместе с боевыми машинами. Иногда это были рабочие заводов, которые давно рвались на фронт, и вот их, наконец, отпустили. Технику они знали хорошо. Но некоторые механики-водители имели обкатку 4 —6 часов.

Генералы знали, что бой — инструктор хороший, но многих ли он выучит? Знали и то, что танкисты чувствовали себя перед новыми танками немцев почти беззащитными. Конечно, в бою лучшая защита от танка — манёвр, умение вовремя обнаружить противника, использовать рельеф местности, взаимодействие с артиллеристами. Но если механик-водитель находился в учебном танке всего 4—6 часов…

Конев читал секретный документ — экспертное заключение, сделанное по результатам полигонных испытаний трофейных танков T-VI «тигр»:

«Бортовая, кормовая и башенная броня толщиной 82 мм пробивается (при встрече снаряда с бронёй под прямым углом):

— подкалиберным снарядом 45-мм противотанковой пушки образца 1942 г. с дистанции 350 метров;

— подкалиберным снарядом 45-мм танковой пушки образца 1937 г. с дистанции 200 метров…

Обстрел 82-мм бортовой брони танка T-VI из 76-мм танковой пушки Ф-34 с дистанции 200 метров показал, что бронебойные снаряды этой пушки являются слабыми и при встрече с бронёй танка разрушаются, не пробивая брони.

Подкалиберные 76-мм снаряды также не пробивают 100-мм лобовой брони танка T-VI с дистанции 500 м.

Находящиеся на вооружении Красной Армии противотанковые ружья не пробивают брони танка T-VI…

Установленная на танке T-VI 88-мм танковая пушка пробивает бронебойным снарядом броню наших танков с дистанции:

наиболее прочную часть корпуса танка Т-34 — носовую балку (литая, толщина 140 мм), а также лобовую и башенную броню с 1500 метров;

наиболее прочную лобовую часть корпуса танка КВ-1 толщиной 105 мм с 1500 метров».

Помните фильм «Освобождение»? Режиссёр Юрий Озеров. По сценарию Юрия Бондарева. Автор романов «Горячий снег», «Берег», «Батальоны просят огня» сам стрелял по немецким танкам. Поэтому текст сценария писал со знанием дела. Так вот фильм начинается эпизодом полигонных испытаний немцами трофейного экземпляра советского танка Т-34, скорее всего, с новой 85-миллиметровой пушкой. Пушка пробивает лобовую броню нового немецкого танка, модернизированного T-IV. Гитлер возмущён. И откладывает начало операции «Цитадель» на неопределённое время, при этом приказывает вернуть на заводы всю партию новых танков для усиления брони. Судя по выше приведённому документу, нечто подобное происходило и на

нашем полигоне. Только выводы были иные. Танки усиливать не стали. Приняли решение возобновить производство 57-миллиметровой противотанковой пушки ЗИС-2 и танковой ЗИС-4М, которые были сняты с конвейера осенью 1941 года по причине высокой их сложности, дороговизны и «отсутствия на поле боя достойных целей». Оружие, тем более массовое, должно быть простым, дешёвым, но тут дороже оказалось другое… Весной, когда немцы наступали на Харьков и Белгород, имея в авангарде своих танковых клиньев неуязвимые «тигры», с заводов на фронт вновь пошли 57-миллиметровые противотанковые орудия. Правда, полностью обеспечить истребительно-противотанковую артиллерию этой эффективной системой не удалось. Однако на Центральный фронт всё же прибыло несколько полков, оснащённых мощной ЗИС-2. Именно здесь, в центре, Ставка ожидала основной удар немцев. Позже, примерно в конце июля, эти орудия получил Воронежский фронт. Лучше поздно, чем никогда. 57-миллиметровая противотанковая пушка сразу, в первых же схватках с танками противника, показала свои высокие качества.

Был в нашей армии к тому времени и ещё один укротитель «тигров» и «пантер» — ИСУ-152. Не зря фронтовики его сразу назвали «зверобоем». По рассказам фронтовиков, эта самоходка била так, что у «тигров» башни слетали. Кроме артиллерийских боеприпасов нового типа, штурмовая авиация получила кумулятивную авиационную бомбу ПТАБ 2,5—1,5 конструкции военного инженера И.А. Ларионова. Опытные пилоты подбивали по два-три танка за один вылет. Ил-2 мог брать на борт по 300 штук таких бомбочек. Во время штурмовки сбрасывали серию ПТАБов, одна или две обязательно попадали на верхнюю часть танка, прожигая броню толщиной 70 миллиметров. Однако, как ив 1941 году, войска предусмотрительно насытили проверенным противотанковым средством — бутылкой с К.С. Кстати, когда комиссия из Москвы исследовала итоги битвы, особое внимание уделяя танковой теме, выяснилось, что большой процент немецких танков, в том числе «тигров» и «фердинандов», был подожжён бутылками с КС с близкого расстояния, то есть пехотой.

Глава двадцать третья. «ПОЛКОВОДЕЦ РУМЯНЦЕВ»

Немецкой «Цитадели» советские штабы противопоставили сразу две наступательные операции: «Кутузов» — атака левого крыла Западного (генерал В.Д. Соколовский), Брянского (генерал М.М. Попов) и правого крыла Центрального (генерал К.К. Рокоссовский) фронтов; и «Полководец Румянцев» — атака Воронежского (генерал Н.Ф. Ватутин), правого крыла Юго-Западного (генерал Р.Я. Малиновский) и Степного (генерал И.С. Конев) фронтов.

Войска заняли исходные позиции. Но сперва нужно было пережить первый этап сражения. Красная армия оборонялась. Предстояло выстоять. Удержать свой фронт перед атакой лучших дивизий вермахта и СС, сконцентрированных на Восточном фронте.

Свои «Записки…» маршал Конев начинает как раз Курским сражением. Он пишет: «В период оборонительного сражения командование и штаб Степного фронта внимательно изучали те направления, откуда в большей степени грозила опасность прорыва немецко-фашистских войск».

За этой фразой стоит многое.

Из популярной литературы и из фильмов (и снова должен упомянуть здесь знаменитый фильм «Освобождение») известно, что наша разведка смогла определить дату и время начала немецкого наступления с точностью до минут. Противник начал делать проходы в минных полях и снимать заграждения. При этом разведчики захватили сапёра, который всё и рассказал. Для упреждения удара наша артиллерия провела контрподготовку. Она дала огромный эффект, особенно на некоторых участках. Но мало кто знает, что контрподготовку артиллеристы Воронежского и Центрального фронтов проводили дважды. А на некоторых участках и трижды. Ватутин был человеком импульсивным, горячим. Рокоссовский имел характер более спокойный. Воронежский фронт открыл артиллерийский огонь 4 июля. Артподготовка длилась всего пять минут. За ней наступила тишина. Ничего не последовало. Ни с той, ни с другой стороны. Можно себе представить, как были натянуты нервы солдат по ту и другую сторону нейтральной полосы. Фронтовики говорят, что на передовой человек худеет за сутки. Те пять минут артподготовки по степени нервного напряжения стоили суток боёв. 5 июля в 3.30 артиллерия Воронежского фронта вновь обрушила свой огонь на

позиции противника. К этому времени уже рассвело. В небо поднялись самолёты. Немцы начали артподготовку на час раньше. Но правее, на участке Центрального фронта, Рокоссовский сумел упредить противника и приказал своей артиллерии открыть огонь в 2.20. В 4.35 на Центральном фронте артподготовка была повторена. Оба раза — по 30 минут.

«Следует заметить, — пишет маршал Конев, — что на обоих фронтах первый мощный огневой удар был нанесён по главным средствам атаки. Однако сорвать наступление противника не удалось, хотя взаимодействие между основными силами и средствами первого эшелона врага было нарушено, а сила первоначального его удара значительно ослаблена.

С выходом противника к переднему краю главной полосы обороны 6-й гвардейской армии положение вражеских войск было определено более точно, и это потребовало повторной контрподготовки.

Конечно, эффект контрподготовки мог бы быть выше, если бы более точно были определены места сосредоточения пехоты и танков врага в исходном положении в ночь на 5 июля и если бы она была начата в тот момент, когда противник вышел из укрытий после ночного отдыха перед боем».

В эффективности контрартподготовки на своём участке фронта после войны сомневался бывший командующий 6-й гвардейской армией генерал Чистяков: «Когда отгремели орудия, у меня, да и у офицеров штаба возникло сомнение: принесёт ли эта контрподготовка ожидаемый эффект? Правда, вслух этого не говорили, но каждый так думал… И вторая думка: а не ударили ли мы по пустому месту? Они же могли увести войска… Уже 5 часов 50 минут, а противник не наступает. Волнуемся. Звонит ВЧ. Слышу знакомый спокойный голос командующего:

— Иван Михайлович, почему противник не наступает на вашем участке? Скоро шесть, а, по данным нашей разведки, он должен в пять… Не высыпали ли мы по пустому месту несколько вагонов боеприпасов?»

Маршал Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях» об этом эпизоде Курской битвы написал более конкретно: «Конечно, артиллерийская контрподготовка нанесла врагу большие потери и дезорганизовала управление наступлением войск, но мы всё же ждали от неё больших результатов. Наблюдая ход сражения и опрашивая пленных, я пришёл к выводу, что как Центральный, так и Воронежский фронты начали её слишком рано: немецкие солдаты ещё спали в окопах, блиндажах, оврагах, а танковые части были укрыты в выжидательных районах».

Севернее оборону Центрального фронта атаковали пехотные

дивизии 9-й полевой армии генерала Моделя. Наступление немецкой пехоты поддерживали танковые подразделения.

Здесь, на юге, на оборону Воронежского фронта ринулись танковые дивизии генералов Гота (4-я танковая армия) Кемпфа (оперативная группа «Кемпф»). В первые же часы атаки в полной мере проявила себя «школа Манштейна». Фельдмаршал фон Манштейн руководил наступлением на южном участке дуги. В отличие от Моделя, сделавшего ставку на пехотную атаку при поддержке танков, фон Манштейн пустил вперёд танковые клинья. «Это была его интерпретация боевого приказа Главного командования сухопутных сил Германии, — писал Пауль Карель, — посредством подавляющего превосходства во всех наступательных средствах на местах вклиниваться в оборону противника до соединения двух атакующих армий, затем ловушку захлопнуть. Более 1000 танков и 300 штурмовых орудий двинулись на русские оборонительные рубежи, чтобы осуществить прорыв, не задерживаясь, выйти на оперативный простор и соединиться с 9-й армией Моделя».

Основной удар пришёлся на оборону 6-й гвардейской армии генерала Чистякова и 7-й гвардейской армии генерала Шумилова. Оборону 6-й сокрушали танковые дивизии Гота, основную ударную мощь которых составлял II танковый корпус СС — дивизии «Адольф Гитлер», «Дас Рейх» и «Мёртвая голова». Левее вдоль шоссе на Обоянь, на северо-восток продвигался XLVIII танковый корпус и дивизия «Великая Германия». В дивизии «Великая Германия» было столько танков, что её можно было вполне именовать танковой. В том же направлении на Обоянь, прикрывая левый фланг танковых колонн, наступал LII корпус 4-й танковой армии Гота. Два корпуса оперативной группы «Кемпф» атаковали на восток вдоль шоссе Белгород—Короча, отжимая 7-ю гвардейскую армию и тем самым прикрывая танковый клин дивизий СС.

В своих мемуарах Конев как-то неясно говорит о том, где он находился в момент начала Курского сражения и в первые дни. Ясно только, что на своём командном пункте, то есть в штабе Степного фронта, его не было. Душа солдата не вытерпела тыла, и он выехал вперёд, на КП генерала Ватутина. В случае обострения ситуации и прорыва немцев именно отсюда ему лучше было управлять своими войсками. «В период оборонительного сражения командование и штаб Степного фронта внимательно изучали те направления, откуда в большей степени грозила опасность прорыва немецко-фашистских войск. Я побывал на правом крыле Воронежского фронта в районе Курска и в самом городе».

В первый день до наступления ночи немцы смогли преодолеть первую полосу обороны 71-й, 67-й, 52-й гвардейских стрелковых дивизий, продвинулись до восьми километров в глубину русской обороны, но вскоре наткнулись на 3-й механизированный корпус генерала Кривошеина, стоявший гвардейцам в затылок в качестве второго эшелона.

Донесения одно за другим поступали на командный пункт Воронежского фронта. Конев читал их вместе с Ватутиным, членом Военного совета Воронежского фронта Н.С. Хрущёвым и представителем Ставки маршалом Василевским. Когда наступила первая ночь и сражение немного утихло, остановившись на рубежах, достигнутых немцами в вечерние часы, генералы вздохнули с облегчением. Стало ясно, что противник начал вязнуть в обороне первого эшелона. С левого фланга, где наступали XI армейский и III танковый корпус оперативный группы «Кемпф», от генерала Шумилова (7-я гвардейская армия) пришло донесение, что противник смог переправиться через Северский Донец и создал несколько плацдармов, что он остановлен и спешно проводит перегруппировку сил для нового удара.

Конев с особым вниманием принял это сообщение. Направление удара оперативной группы «Кемпф», характер наступления, когда впереди шли танковые подразделения, а за ними в прорыв втягивалась основная часть войск, свидетельствовали о том, что противник экономит силы. Для чего? Вскоре стало понятно, что группа «Кемпф» должна обеспечить прикрытие всей операции на юге с восточного фланга. Если дать ей продвинуться вдоль Северского Донца через Корочу, немцы отрежут левое крыло Степного фронта от Воронежского и блокируют возможность участия первого в сражении.

Позже, когда стали подводить итоги битвы, и ещё позже, когда поля сражений распахали под озимые и яровые, а генералы и маршалы засели за мемуары, просочились сведения, которые объясняют некоторые неудачи и просчёты советской обороны. К примеру, командующий 6-й гвардейской армией генерал Чистяков, любивший хорошо покушать, в момент немецкой атаки решил позавтракать. В это время к нему на командный пункт прибыли командующий 1-й танковой армией генерал Катуков и член Военного совета Попель. Катуков с Попелем приехали, конечно же, не на яичницу с ветчиной, а чтобы в момент начала немецкого наступления быть поближе к передовой. Но хозяин передового КП, демонстрируя своё гостеприимство, а также спокойствие перед битвой, настаивал на завтраке под яблонями. Этакая шляпа с черешнями перед возможной пулей в лоб…

Попель вспоминал: «На столе была холодная говядина, яичница, графин с холодной, судя по запотевшему стеклу, водкой и, наконец, тонко нарезанный белый хлеб — командарм не изменял своему обыкновению».

И тут немецкая артиллерия начала пристрелку. Над яблонями, под которыми был накрыт стол, расплылось «пристрелочное облако шрапнели». Прибежал помощник начальника штаба и доложил, «торопливо и неуверенно», что немцы прорвали фронт и приближаются к командному пункту.

Можно с большой долей уверенности предполагать, что этот сюжет вскоре стал известен в штабе Воронежского фронта. В 1941-м таких генералов расстреливали. Если сравнить с «завтраком под яблонями» поведение во время прорыва немцев под Белостоком и Минском командующего 4-й армией генерала Коробкова, которого расстреляли вместе с командующим фронтом генералом Павловым, то можно прийти к выводу, что Коробкова казнили ни за что и что как офицер, командующий армией, Коробков был значительно выше и дисциплинированней Чистякова. Вот для таких командиров у Конева ещё год назад была вытесана палка… Невольно задумаешься о её нравственном оправдании, когда читаешь истории, подобные «завтраку под яблонями» на фоне «неожиданной» танковой атаки немцев. Но командующий 6-й гвардейской не был подчинённым Конева.

Особенно удручающими были сообщения о результатах налётов немецкой авиации.

«К сожалению, удары нашей авиации по аэродромам противника были малоэффективными, так как противник с рассветом 5 июля поднял свою авиацию в воздух, — пишет Конев. — Однако воздушные бои под Курском шли непрерывно. Только 5 июля произошло около 200 групповых и индивидуальных воздушных боёв, в результате которых наши лётчики сбили 260 самолётов противника. Наша авиация смогла завоевать господство в воздухе, что весьма положительно сказалось на выдвижении и вводе в сражение войск Степного фронта».

Конечно, командующий Степным фронтом мог оценить роль нашей авиации в небе над Курской дугой. Но оценивал эту роль он уже спустя годы, после Победы, частью которой была победа Воронежского, Юго-Западного и Степного фронта под Белгородом и Харьковом. За давностью лет позволительно стало опустить некоторые шероховатости и недочёты, неудачи и даже трагедии. Ведь они, когда была добыта великая победа, сразу потускнели и словно оказались в тылу… Не мог командующий видеть 260 сбитых немецких самолётов 5 июля. Эта цифра появилась уже из послевоенных справочников или документов Генштаба. К тому же

текст прошёл редактуру, где каждый абзац прочёсывали частым гребнем в несколько заходов. В этом смысле повезло мемуарам К.К. Рокоссовского: дочь и внуки сохранили рукопись черновиков и первую редакцию, которую теперь восстановили, и мы имеем возможность узнать, какие мысли закладывал автор, рассказывая о тех или иных событиях.

Но были и радостные сообщения, которые постепенно начали выстраиваться в общую картину, свидетельствующую о том, что наступление противника вязнет в глубоко эшелонированной и тщательно подготовленной обороне. Войска держатся. Оборона и тверда, и эластична одновременно. Истребители танков быстро нашли слабые места немецких «пантер» и «фердинандов». Пехота успешно противостоит самоходкам. Земляные сооружения, блиндажи и укрытия помогли пережить интенсивную артподготовку. О мощи артогня в полосе обороны 6-й гвардейской армии позже написал немецкий историк: «Подобной концентрации огня артиллерии и тяжёлого оружия на столь узком участке фронта в этой войне ещё не достигали. Между Белгородом и Герцовкой за пятьдесят минут было выпущено больше снарядов, чем за кампании против Польши и Франции вместе взятые». Поэтому беспокойство, выдержит ли первый эшелон, особенно пехота и противотанковые полки прямой наводки артиллерийское наступление немцев и налёты штурмовой авиации, было обоснованным. Гвардейцы устояли.

С «Фердинандами» тоже научились бороться. Часть из них осталась на минных полях. Несколько штук подбили истребители танков. Пехота перестала бояться этих колоссов. Дело в том, что бойцы быстро поняли: «фердинанд» не способен маневрировать с той же лёгкостью, как это, к примеру, делают немецкие танки и штурмовые орудия «штурмгешютце», кроме того, он не обладает противопехотным вооружением, у него нет ни одного пулемёта, а поэтому на близком расстоянии со своей жёстко закреплённой пушкой он безопасен, и его можно достать кумулятивной гранатой, подложить под гусеницы противотанковую мину или забросать бутылками с горючей смесью.

Сражение набирало силу. С каждым часом в него с обеих сторон волей командиров вовлекались новые и новые подразделения. Тысячи умирали под пулями и осколками, в огне и под взрывами бомб и снарядов, но десятки тысяч тут же сменяли их, продолжая нещадно истреблять друг друга. Немецкий историк Пауль Карель отметил: «Даже Сталинград, несмотря на его более апокалиптическую и трагическую ауру, не выдерживает сравнения с грандиозным сражением у Курска по количеству участвовавших в нём сил».

И вот, наконец, наступил кульминационный момент сражения на южном участке дуги. В районе Понырей 7 июля произошло встречное сражение. Противник остановился. 9 июля снова атаковал, теперь уже на Обоянском направлении на десятикилометровом участке фронта силами до 500 танков и самоходных орудий. Генерал Ватутин маневрировал резервами. Но таранный удар в районе Обояни остановить не удалось. Немцы углубились на 35 километров.

В районе Прохоровки немцы ввели в бой 4-ю танковую армию — 700 танков и штурмовых орудий. Гот, похоже, решил взять реванш за Сталинград. И у него на этот раз действительно получалось значительно лучше.

В какой-то момент произошло то, чего очень боялся Конев. Ставка начала растаскивать его группировку и бросать армии на угрожаемые участки. Годы спустя он с горечью напишет: «…ввод в сражение стратегических резервов по частям никогда не способствовал достижению крупных целей. Об этом говорит и история Первой мировой войны. Опыт наступления Юго-Западного фронта летом 1916…»

Двенадцатого июля на рассвете позвонили из Ставки. Генерал Антонов с тревогой сообщил: на Белгородском направлении противник силой до 200 танков при поддержке мотопехоты прорвал оборону 69-й армии и почти беспрепятственно продвигается в глубину. Коневу обстановка была известна, и он уже предполагал, что сейчас услышит от Антонова.

Его лучшие армии — 5-я гвардейская танковая и 5-я гвардейская общевойсковая передавались в распоряжение Ватутина. Им предстояло совершить трёхсоткилометровый марш и занять исходные позиции. 5-я гвардейская генерала Жадова[58] развёртывалась в полосе обороны от Обояни до Прохоровки. А Ротмистров сосредоточивался севернее Прохоровки.

О том, что произошло с 5-й гвардейской танковой армией, историки спорят до сих пор. Армия вскоре практически перестала существовать. Часть танков была уничтожена немецкой авиацией ещё на марше. Часть погибла в сражении под Прохоровкой. Сталин был взбешён, узнав о таких потерях, и назначил следствие. Генерал Ротмистров, ставший вскоре маршалом бронетанковых войск, обладал исключительной способностью выкручиваться из самых, казалось бы, висельных ситуаций. Удивительное дело: под началом Конева Ротмистров воевал хорошо и даже блестяще. Но как только оказывался далеко от палки командующего, дело у него буквально валилось из рук. В 1944-м он оказался на 3-м Белорусском фронте, и вот результат. Уже будучи маршалом бронетанковых войск, попал под горячую

руку молодого генерала Черняховского и был уволен с фронта в тыл до окончания войны.

Двенадцатого июля стало очевидным, что немцы на Курском направлении выдохлись.

Третьего августа после мощной артиллерийской подготовки, при поддержке авиации в наступление двинулись войска Воронежского и Степного фронтов. Направление — Белгород и Харьков.

Конев в это время имел под рукой следующие силы: 69-я армия, 53-я армия с 1-м механизированным корпусом, 47-я армия с 3-й гвардейским механизированным корпусом, 7-я гвардейская армия, 4-я гвардейская армия с 3-м гвардейским танковым корпусом. С разрешения Ставки в оперативное подчинение, в случае крайней необходимости, переходила 4-я гвардейская армия генерала Кулика.

Разжалованный, лишённый маршальских звёзд Кулик к этому времени дослужился до генерал-лейтенанта и успешно командовал одной из самых сильных армий, сосредоточенных на южном фасе Курской дуги.

В ходе начавшегося наступления в состав Степного фронта вернули 5-ю гвардейскую армию генерала Жадова и пополненную новой техникой, экипажами и вооружением 5-ю гвардейскую армию генерала Ротмистрова.

Накануне наступления на командный пункт Конева в Корочу приехали Жуков и Василевский. Оба к тому времени маршалы. Жуков получил маршальскую звезду в январе, Василевский в феврале, через несколько дней после присвоения звания генерал армии. Оба с новенькими орденами Суворова 1-й степени.

Воинская же слава Конева в те дни только начиналась.

В Короче Конев и прибывшие из Москвы маршалы обсудили итоги первого этапа сражения в районе Курска, а затем наметили план наступления войск Степного фронта. В ходе наступательной операции «Полководец Румянцев» должны были вводиться в дело основные стратегические резервы, накопленные и сохранённые Ставкой к началу августа.

Конев, понимая, что настаёт и его решающий час, который может стать часом славы и всего Степного фронта, и его личной, испытывал противоречивые чувства. С одной стороны — наконец-то и он переходит в наступление. Уже месяц томился в резерве, стоял в чистом поле, как Андрей Болконский со своим полком. Его армии и корпуса выдёргивали вперёд, бросали под танковые клинья и бомбы немецкой авиации, чтобы выправить критическое положение, создавшееся у Ватутина. А теперь… С кем ему наступать?

Но Жуков сразу успокоил, перечислил армии и соединения, танковые и механизированные корпуса и бригады, которые передавались Степному фронту. Итог совещания в Корочи Жуков подвёл так:

— Ваша задача, Иван Степанович, удар на смежном крыле Воронежского фронта в южном направлении. Прорвать оборону противника, рассечь его белгородско-харьковскую группировку и во взаимодействии с частями Юго-Западного фронта уничтожить противника в районе Харькова, очистить харьковский промышленный район. — Маршал скользнул карандашом по карте на запад. — А дальше — Днепр. Если дела пойдут хорошо — Полтава и Кременчуг.

Перед Коневым в районе Харькова и Белгорода стояла мощная группировка противника общей численностью до 300 тысяч человек, свыше трёх тысяч орудий и миномётов, до 600 танков и штурмовых орудий и более тысячи самолётов.

В июле—августе 1941-го танки Гота сокрушали оборону 19-й армии, терзали стрелковые корпуса и дивизии, не успевшие развернуться в боевой порядок и занять оборонительные рубежи. Маятник войны качнулся в обратном направлении. И теперь Готу нужно было выдержать натиск войск генерала Конева. Разница состояла лишь в том, что обороняющаяся сторона к моменту схватки была развёрнута и имела хорошо укреплённые, заблаговременно построенные рубежи.

И 4-я танковая армия, и оперативная группа «Кемпф» входили в группу армий «Юг» под командованием одного из лучших фельдмаршалов Германии Эриха фон Манштейна.

В 4-ю армию, в свою очередь, входили два корпуса: LII армейский корпус в составе трёх пехотных дивизий и II танковый корпус СС обергруппенфюрера СС Пауля Хауссера. С последним Коневу тоже довелось сталкиваться в подмосковных полях в 1941 году.

В оперативную армейскую группу «Кемпф» входили три танковые и одна пехотная дивизии. 7-я танковая преследовала Конева от Витебска до Ржева. Один из танков этой дивизии он сам подбил из «сорокапятки», брошенной артиллеристами на шоссе Смоленск—Витебск, когда немецкая колонна внезапно преградила путь штабному кортежу.

Первой атаковать противника должна была 57-я армия генерала Гагена[59]. На семикилометровом участке для обеспечения прорыва была сосредоточена основная ударная мощь артиллерии. Плотность превышала 300 орудий и миномётов на один километр фронта.

Рассекающий удар наносили две танковые армии Степного и

Воронежского фронтов.

Это была уже другая война. В 1941-м под Москвой одной дивизии, в которой едва насчитывалось по батальону активных штыков в каждом полку, приходилось удерживать участок фронта втрое и вчетверо превышающий тот, который занимала армия Гагена.

Противник держался прочно. Тактическая полоса состояла из главной и вспомогательной. Общая глубина — до 20 километров. Главная линия — двухполосная, глубиной шесть—восемь километров. Мощные опорные пункты были оснащены всеми видами вооружений, между собой соединены ходами сообщения полного профиля. Вторая линия имела глубину два—три километра. Между ними — промежуточные и отсечные позиции, инженерные заграждения, минные поля, противотанковые районы.

Артиллерийское наступление буквально сокрушило передовые оборонительные рубежи противника. Ветераны из стрелковых частей, которые первыми пошли в атаку, рассказывали, что пленные, которых они захватили в полуразрушенных окопах, находились в состоянии полной прострации. Некоторые так и не пришли в себя, навсегда потеряв рассудок. Такое Конев наблюдал в 1941-м в своих окопах. Теперь всё изменилось.

В конце дня, когда уже определился характер боя — прорыв произошёл, — Жуков докладывал Сталину: «Сегодня, 3.8.43. войска Чистякова, Жадова, Манагарова, Крюченкина в 5:00 начали контрнаступление, которое проводилось с полным учётом опыта Западного и Брянского фронтов и было построено так:

5 минут огневой налёт артиллерии, миномётов, “катюш” и огня пехоты по переднему краю и всей глубине обороны противника.

35 минут контроль прицела и пристрелки орудий тяжёлого калибра.

1 час 20 минут методическое подавление, разрушение целей и залпы “катюш”.

20 минут нарастающий до предельного режима артиллерийский и миномётный огонь.

45 минут заранее спланированный артогонь по узлам сопротивления в глубине обороны противника.

Пехота с танками прорыва и орудиями самоходной артиллерии в атаку была поднята в 7.55, то есть в момент открытия артиллерией нарастающего до предельного режима огня, и, прижимаясь к огневому валу, пехота с танками и орудиями самоходной артиллерии через 20 минут прорвалась на

передний край обороны противника.

Авиация в течение дня действовала по следующему плану.

Первый бомбовый удар был произведён по штабам, узлам и линиям связи для нарушения управления.

Второй, третий и четвёртый бомбардировочные удары последовательно производились по артиллерийским позициям в глубине обороны, по скоплениям противника и резервам противника.

Первый удар штурмовиков произведён в 7.55, то есть в момент подъёма пехоты в атаку, и продолжался беспрерывно в течение двух с половиной часов с огневой задачей подавления артиллерии, миномётов противника и огневых точек на обратных скатах…

Танковые армии Катукова и Ротмистрова, построенные в боевые порядки на выжидательных позициях, продвигали свои авангардные бригады непосредственно за пехотой, что обеспечило быстрый ввод главных сил танковых армий в прорыв после взлома тактической глубины, обороны противника».

Но уже на следующий день противник предпринял ряд контрмер, сопротивление усилилось. Гот начал перебрасывать резервы и пытаться закрывать ими прорывы, ликвидировать опасные вклинения. Однако напор был столь силён, что уже к утру 5 августа дивизии 7-й гвардейской армии генерала Шумилова[60] вышли к Белгороду и начали обтекать город, блокируя все дороги и направления. И.С. Конев вспоминал, что бои за Белгород имели ожесточённый характер. Немцы понимали, *что* они теряют с падением города, превращенного ими в твердыню.

Белгород переживал вторую оккупацию. Немцы вошли в город 24 октября 1941 года и стояли здесь до 9 февраля 1943 года, до своего сокрушительного поражения под Сталинградом. Но вскоре вновь отбили Белгород. Произошло это 18 марта 1943 года.

Конев торопил своих командармов первого эшелона. Вперёд! Вперёд! Ни в коем случае не сбавлять темпа наступления!

Пятого августа 7-я гвардейская армия и 69-я армия генерала Крюченкина штурмом преодолели укрепления по обводу Белгорода, ворвались в кварталы и быстро начали продвигаться к центру. К полудню стало окончательно ясно, что город взят.

В тот же день за сотни километров севернее по фронту, в деревне Хорошево близ Ржева, произошло вот какое событие.

Накануне Сталин решил выехать на фронт. Это была его первая и единственная поездка на передовую. Спецэшелон, на котором он отправился к месту назначения, был замаскирован

под обыкновенный товарняк с пиломатериалами и дровами. Сталин остановился в крестьянском доме. Вызвал к себе командующего Калининским фронтом генерала Ерёменко.

В мемуарах Ерёменко эпизод встречи его со Сталиным 5 августа 1943 года описан во всех подробностях. В самый разгар их беседы в дверь постучались, вошёл комиссар госбезопасности 2-го ранга, он же заместитель наркома внутренних дел Серов, и доложил:

— Нашими войсками взят Белгород.

Сталин сразу заметно оживился, настроение у него поднялось. И вдруг он начал рассуждать примерно в таком духе: в прежние времена, когда русские войска где-то одерживали победу, во всех церквах били в колокола, славили победу и победителей.

— Что вы думаете о том, чтобы дать салют в честь тех войск, которые взяли сегодня Орёл и Белгород?

Все ответили положительно. Тогда Сталин позвонил Молотову:

— Вячеслав, распорядись… — И так далее. При этом предупредил, чтобы салют не давали без него. И уехал в Москву.

Как только Левитан передал в эфир сообщение об освобождении городов Орла и Белгорода, в Москве, рассредоточившись по разным районам, чтобы выстрелы были слышны везде, 124 горных орудия отсалютовали двенадцатью залпами.

Отличившимся дивизиям и частям Верховный приказал присвоить почётные наименования «Орловская» и «Белгородская».

В штабах армий, корпусов и дивизий Степного фронта командиры писали реляции на награждения отличившихся.

В конце июня 1942 года Конев был награждён орденом Кутузова 1-й степени, а через месяц — орденом Суворова 1-й степени.

Результаты наступления Степного фронта были потрясающими, хотя И.С. Конев потом сожалел о многих упущенных возможностях из-за раздёргивания Ставкой стратегических резервов. Прорыв углубился до 60—80 километров. Танковые армии продвинулись до 100 километров. Ширина прорыва составляла до 120 километров.

Группа армий «Юг» оказалась разрезанной на части. Фельдмаршал Манштейн был в панике. Он срочно перебрасывал на Белгородско-Харьковское направление свой главный ударный резерв: мотопехотные и танковые дивизии СС «Райх», «Мёртвая голова», «Викинг», из района Донбасса перевёл 3-ю танковую дивизию, а также элитную дивизию «Великая Германия». Сюда же

по приказу Манштейна спешили и другие части усиления.

Вот как вспоминал атмосферу тех дней бывший помощник командующего фронтом генерал М.И. Казаков[61]: «В один из тех горячих июльских дней на КП командующего 53-й армией неожиданно появился Иван Степанович. Ничего особенного в этом приезде, конечно, не было: Конев вообще большую часть времени проводил в войсках — таков его стиль. А тут у нас ещё случилась какая-то заминка — темп наступления заметно снижался…

— Перед вами и немцев-то, наверное, давно нет, а вы топчетесь на месте, — недовольно заметил Иван Степанович, вы слушав командарма генерала И.М. Манагарова.

Мы хорошо знали обстановку, и я стал докладывать Коневу о состоянии наших войск, о противнике, об особенностях местности, на которой протекает сейчас бой…

— А ну, поехали в боевые порядки, там лучше во всём раз берёмся, — перебил меня Конев.

Фронтовые сборы недолги. Через несколько минут мы уже сидели в машине…

Хорошо помню неубранное пшеничное поле, на котором были остановлены наши войска. Впереди, километрах в двух, в самый горизонт упирался гребень высот. Там был противник…»

Дорога к Харькову не была для войск Степного фронта дорогой непрерывного марша вперёд. Бои, бои, бои…

И вот, наконец, подошли к Харькову. И.С. Конев в «Записках командующего фронтом» о немецкой обороне Харькова писал: «Оборона противника, по данным разведки и показаниям пленных, представляла собой систему дзотов с перекрытием в два-три наката и частично железобетонных сооружений. Широко применялся фланкирующий и косоприцельный огонь, все узлы сопротивления имели огневую связь, огневые точки были соединены ходами сообщения, передний край усилен инженерными сооружениями, проволочными и противотанковыми заграждениями, минными полями.

Все каменные строения на окраинах города были превращены в своеобразные долговременные огневые точки, нижние этажи домов использовались в качестве огневых позиций для артиллерии, верхние занимали автоматчики, пулемётчики и гранатомётчики.

Въезды в город и улицы на окраинах были заминированы и перекрыты баррикадами. Внутренние кварталы города также были подготовлены к обороне с системой противотанкового огня.

Для обороны Харькова немецкое командование сосредоточило сильную группировку в составе восьми пехотных,

двух танковых дивизий, артиллерийских частей, многих отрядов СС, полиции и других подразделений, сосредоточив их, в основном, на северном и восточном фасах внешнего оборонительного обвода при значительном эшелонировании войск в глубину. Гитлер приказал удержать Харьков любой ценой и потребовал от генералов широкого применения репрессий против солдат и офицеров, проявивших признаки трусости и нежелания драться. Он указывал Манштейну, что потеря Харькова создаст угрозу потери Донбасса.

Чтобы предотвратить возможность глубокого охвата харьковской группировки войск с юго-запада, гитлеровское командование ввело в бой против войск Воронежского фронта оперативные резервы — танковые и мотострелковые дивизии, переброшенные из Донбасса и с Орловского направления, которые нанесли сильные контрудары по нашим войскам на Богодуховском, а затем и на Ахтырском направлениях».

Усиливался и Степной фронт. Вернулась 5-я гвардейская танковая армия. Окончательно была передана из состава Юго-Западного фронта 57-я общевойсковая. Фронт получил 35 тысяч человек пополнения, 200 танков Т-34, 35 танков КВ, 100 танков Т-70, а также четыре полка самоходок, две инженерные бригады и 190 самолётов разных типов.

Шестого августа Верховный утвердил план Харьковской наступательной операции. Заходом операции следил представитель Ставки маршал Жуков. В ночь на 10 августа он получил из Москвы телеграмму следующего содержания: «Ставка Верховного Главнокомандования считает необходимым изолировать Харьков путём скорейшего перехвата основных железнодорожных и шоссейных путей сообщения в направлениях на Полтаву, Красноград, Лозовую и тем самым ускорить освобождение Харькова.

Для этой цели 1-й танковой армией Катукова перерезать основные пути в районе Ковяги, Валки, а 5-й гв. танковой армией Ротмистрова, обойдя Харьков с юго-запада, перерезать пути в районе Мерефа».

Жуков тотчас выехал к Коневу. В план операции были внесены срочные коррективы.

Танковые армии устремились к указанным рубежам. Пехота Степного фронта тем временем выходила к северному и восточному оборонительным обводам Харькова. Сюда же стягивалась артиллерия. На общем направлении, помогая танкам и стрелковым дивизиям, действовала авиация.

Манштейну необходимо было спасти 4-ю танковую армию Гота и оперативную группу «Кемпф», не допустить их

окончательного разгрома. И Манштейн нашёл выход.

Воронежский фронт наступал так же стремительно, сломя голову, зачастую не особенно заботясь о закреплении захваченной территории и обеспечении флангов. И Манштейн наказал Ватутина за неосмотрительность: 11 августа из района южнее Богодухова, а 18—20 августа — из района западнее Ахтырки немцы нанесли мощнейшие контрудары. Как вспоминал генерал Штеменко, в тот период начальник оперативного управления Генштаба, «всего в контрударах участвовало до одиннадцати вражеских дивизий, преимущественно танковых и моторизованных. Со стороны Ахтырки враг нацелился под самое основание нашего глубокого вклинения на главном направлении. В итоге ожесточённых боёв 17—20 августа войска Воронежского фронта понесли здесь чувствительные потери. Местами были потеснены к северу и обе наши танковые армии. Возможности выхода в тыл харьковской группировки противника ухудшились».

В ночь на 22 августа об этом доложили Сталину. Он отреагировал мгновенно:

— Садитесь и пишите директиву Ватутину, — приказал Верховный генералу Штеменко. — Копию пошлите товарищу Жукову. События последних дней показали, что вы не учли опыта прошлого и продолжаете повторять старые ошибки как при планировании, так и при проведении операций. Стремление к наступлению всюду и к овладению возможно большей территорией без закрепления успеха и прочного обеспечения флангов ударных группировок является наступлением огульного характера. Такое наступление приводит к распылению сил и средств и даёт возможность противнику наносить удары во фланг и тыл нашим далеко продвинувшимся вперёд и не обеспеченным с флангов группировкам.

В своих «Записках…» И.С. Конев впоследствии корректно заметит: «В мою задачу не входит разбирать причины неудач». И это ещё одна человеческая черта нашего героя.

Однажды Конев приехал на передовой НП генерала Шумилова.

— Ну что тут у вас, Михаил Степанович? По заводу лупите? — спросил он и наклонился к стереотрубе.

Одна из дивизий 7-й гвардейской армии вплотную подошла к Харьковскому тракторному заводу Видно было, как пехота окапывается, охватывая полукольцом заводские корпуса.

— Приказ мои люди знают. Приказ доведён, — сказал Шумилов. — Как видите, тяжёлую артиллерию не применяем. А жаль, Иван Степанович. Вот если бы развязать моим гвардейцам руки да усилить танками…

— Нельзя. Размолотят твои гвардейцы завод, а вместе с ним заодно и город в два счёта.

— Это так.

Харьков было приказано брать, не причиняя городу значительных разрушений. А это означало — пехотой, людьми. Класть перед немецкими дотами и окопами людей. Вот что было невыносимо. И оба генерала, стоя на передовом НП и наблюдая, как копошится впереди, у корпусов Харьковского тракторного завода пехота, это прекрасно понимали.

Но понимали они и то, что штурмуют свой город и отбивают у противника свой завод, где завтра будут ремонтироваться подбитые в бою «тридцатьчетверки» и К.В. Вот почему перед штурмом Харькова было принято решение: ни в коем случае не допустить, чтобы город переходил из рук в руки.

Впоследствии цеха Харьковского тракторного завода будут оперативно ремонтировать бронетехнику армий и танковых корпусов. Боевые машины, получившие в бою увечья различной степени, будут быстро возвращаться в строй именно благодаря тому, что ХТЗ смогли захватить, не допустив значительных разрушений.

Многострадальный Харьков. Ветераны, а потом и историки назовут его «проклятым местом Красной армии». Харьков до этого наши войска освобождали дважды: в 1942-м и 1943-м, в феврале. Но не удержали.

К концу дня Конев объехал все передовые НП своих войск и принял решение, что наиболее выгодное положение для штурма Харькова у 53-й армии генерала Манагарова[62]. К тому же для Ивана Мефодиевича Манагарова эти края родные.

Одиннадцатого августа общевойсковые армии начали наступление. В первые же часы продвинулись вперёд и завязали бои в траншеях. На некоторых участках это были схватки, переходящие в рукопашные.

7-я гвардейская прорвалась в город с северо-востока. 57-я форсировала реку Роганку и смяла немецкую оборону на внешнем обводе. 69-я подавила узлы сопротивления в районах Черкасское, Лозовое и Большая Даниловка, штурмовала северные кварталы Харькова. 53-я заняла выгодные рубежи на северо-западной окраине города. Тем временем 5-я гвардейская танковая армия охватила харьковскую группировку противника с запада и юго-запада.

Двадцать второго августа Манштейн понял, что Конева ему не остановить, что промедление чревато окружением харьковской группировки, и, вопреки требованию Гитлера Харькова не отдавать ни при каких обстоятельствах, принял решение отводить

войска в южном направлении.

Конев ждал этого момента, и, как только разведка сообщила, что противник снимается с позиций и отходит, приказал начать ночью штурм Харькова.

Рано утром 23 августа Конев проехал по улицам города, вернулся на КП и позвонил в Москву. Об успехах он всегда докладывал лично. Он знал, что Сталин после долгой ночной работы в эти часы обычно ещё спит. Позвонил Поскрёбышеву[63]. Тот ответил:

— Товарищ Сталин отдыхает. Я его беспокоить не буду.

— Да поймите же вы, наши войска освободили Харьков! — кричал в трубку Конев.

Но секретарь Верховного был непреклонен.

Тогда Конев решил позвонить по прямому телефону. Телефон долго не отвечал. Телефонистка, соединявшая его с кабинетом Сталина, начала волноваться.

— Звоните ещё, — настаивал он. — Звоните. За последствия отвечаю.

И вот в трубке послышался знакомый голос с хрипотцой:

— Слушаю.

— Звонит Конев. Докладываю, товарищ Сталин, войска Степного фронта сегодня освободили город Харьков.

— Поздравляю! — тут же ответил Верховный; в голосе его чувствовалась радость. — Салютовать будем по первому разряду.

Теперь Конев понимал, что заслужил не только доверие, но и любовь Верховного.

В день освобождения в Харькове на центральной площади у памятника Тарасу Шевченко состоялся праздничный митинг. Организовали и проводили его партийные работники Харьковского горкома КП(б)У. Главное слово произносил генерал Конев. На митинге присутствовал маршал Жуков.

Подводя итоги августовских 1943 года боёв на Белгородско-Харьковском направлении, И.С. Конев в своих «Записках…» размышлял: «…оборона под Курском была преднамеренной, и это наложило свой отпечаток на весь её характер. Известно, например, что наши войска под Курском были весьма насыщены артиллерией, позиции были хорошо оборудованы, боевые порядки глубоко эшелонированы. Оборона под Курском была не только более устойчивой, но и более активной, чем под Москвой и Сталинградом. Это выразилось прежде всего в проведении мощной артиллерийской и авиационной контрподготовки, в своевременном занятии подготовленных к обороне полос, в широком манёвре силами и средствами и проведении контрударов по войскам врага.

Глубокая, многополосная оборона под Курском строилась в первую очередь как противотанковая. Она отличалась большой устойчивостью, что достигалось правильным расположением противотанковых опорных пунктов и районов, тесным огневым взаимодействием между ними, широким применением инженерных заграждений, минных полей, увязанных с системой противотанкового огня, манёвром противотанковыми артиллерийскими резервами. Но победа в этой битве была одержана наступлением».

Победы, как известно, оплачивались солдатской кровью. Исследователи говорят, что ежесуточные потери Степного фронта в период с 11 по 23 августа составляли до пяти тысяч человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

Двадцать шестого августа 1943 года Коневу было присвоено воинское звание генерала армии. А на следующий день вышел указ о награждении его ещё одним орденом Суворова 1-й степени.

Глава двадцать четвёртая. БИТВА ЗА ДНЕПР

В середине сентября Гитлер приказал своим армиям отойти за Днепр. Он дал понять войскам, что дальше линии Вотан—Пантер отступления не будет. Гитлер считал правый берег Днепра неприступным, говорил о некоем «чудо оружии», которое будет применено именно здесь, чтобы защитить Европу от большевизма. Манштейн, который гордился тем, что удалось избежать окружения своих танковых частей под Белгородом и Харьковом, заявлял, что скорее Днепр потечёт в обратном направлении, чем его форсируют русские войска. Но именно он, наблюдая, как стремительно наступают войска генерала Конева, забеспокоился первым. Манштейн вдруг понял, что войска этого напористого генерала смогут выйти к Полтаве раньше, чем туда же, к налаженным днепровским переправам, будут отведены части его 8-й армии. Пока его 8-я продолжала контратаковать по линии рек Марефа, Мжа, Ворскла. Если это произойдёт, размышлял, глядя на карту, Манштейн, Конев, которому, по всей вероятности, дают и дают большие резервы, прижмёт его отходящие войска к Днепру.

Днепр, Днепр… О нём думали и в советских штабах.

Шестого сентября Ставка определила разграничительные линии, несколько изменив направления ударов фронтов. Киев оставался теперь правее. Он входил в полосу наступления Воронежского фронта. Перед ним были Полтава, Кременчуг. Для усиления ударной силы Ставка передавала Степному фронту из своего резерва 37-ю армию генерала Шарохина[64].

Войска Воронежского, Степного и Юго-Западного фронтов продолжали наступать без всякой оперативной паузы. Перед войсками Степного фронта отступали до двадцати немецких дивизий.

5-ю танковую армию генерала Ротмистрова, потерявшую много танков, пришлось временно вывести из боя на пополнение и доукомплектование. В корпусах и бригадах в строю тоже было мало танков. По приказу Конева командир 1-го механизированного корпуса генерал Соломатин[65] создал небольшой танковый отряд, который должен был прорваться к Днепру и захватить переправу севернее Днепропетровска. Впоследствии это сыграло значительную, возможно, даже решающую роль в успехе Днепровской операции.

Район среднего течения Днепра Конев знал лишь по книгам и

рассказам. Никаких военно-топографических описаний этого района в штабе фронта он не нашёл. Позвонил старому знакомому, генерал-лейтенанту инженерных войск М.П. Воробьёву. Попросил у него всё, что есть, по Днепру в среднем течении, и, зная начитанность Воробьёва и его страсть к истории, поинтересовался:

— Михаил Петрович, помнишь, как Карл Двенадцатый с Мазепой бежали после разгрома под Полтавой?

— Как же, помню, — засмеялся Воробьёв.

— А теперь вспомни, пожалуйста, где они переправлялись через Днепр?

— У Переволочной! — ответил генерал Воробьёв. — Севернее нынешнего Днепропетровска. Что, Иван Степанович, хотите догнать беглецов?

— Хочу. Ведь это как раз в полосе наступления моего фронта.

Разговор с генералом Воробьёвым имел и чисто практические последствия: вскоре инженерные части фронта получили срочно доставленные с Дальнего Востока тяжёлые понтоны для установки железнодорожных мостов, а также другое оборудование и снаряжение.

И всё же, как известно, солдатам пришлось перебираться через Днепр на подручных средствах. Штабы, конечно же, имели в резерве некоторое количество плавсредств, лодок, катеров, плавучих паромов. Но ветераны Днепра в основном рассказывают примерно такую историю.

Командир полка собрал комбатов и приказал: ночью, по сигналу — стук сапёрной лопатки — начинаем переправу, лодок нет, вязать плоты для переправы оружия и боеприпасов самим; кто не умеет плавать, пусть разберёт в ближайших деревнях сараи и деревянные дома и переправляется на брёвнах, остальные — вплавь.

Сколько народу забрал в те сентябрьские ночи Днепр, до сих пор не подсчитано. Реку форсировали все фронты, миллионы солдат. Сотни миллионов пуль, снарядов и мин летело в них с Восточного вала, с правого берега. А он был крутой, удобный для обзора и прекрасно оборудованный обороняющейся стороной для стрельбы по видимым и невидимым целям.

Степной фронт форсировал Днепр по всему фронту протяжённостью 130 километров. 7-й гвардейской было приказано выйти к реке в районе Переволочной, Бородаевки, Старого Орлика и с ходу захватить плацдармы на правом берегу. Южнее, параллельно с ней, наступала 57-я армия с задачей сделать то же на своём участке. Но до Днепра были бои на реке Ворскле и взятие Полтавы, ликвидация плацдармов на левом

берегу, в том числе крупной группировки противника в районе Кременчуга.

Наталия Ивановна Конева показала мне книгу из личной библиотеки маршала: Е.В. Тарле — «Северная война и шведское нашествие на Россию». В ней карандашом подчёркнуто то место, где Пётр I произносит свою известную фразу: «Мой брат Карл мечтает быть Александром Македонским, но он не найдёт во мне Дария». И далее: «В России “дариев” не было и нет — русский народ никогда за всю свою историю не вставал на колени перед иноземным завоевателем, он, как исполин, поднимался на смертный бой с врагом и побеждал его. Разумеется, нельзя сравнивать Карла XII с презренным негодяем Гитлером, который в 1941 году двинул немецкие орды на Россию. Но освобождение Украины, как и во времена нашествия Карла, является в полном смысле славным прологом гибели вторгшейся в Россию армии». И.С. Конев на полях пометил: «Важно».

За несколько дней до того, когда первые солдаты из его войска зашли по пояс в воду и опустили в Днепр бревно с вбитыми скобами, Конев и командующий 7-й гвардейской армией Шумилов в сопровождении разведчиков прошли вдоль берега. Они осматривали противоположную сторону, широкую, как море, гладь реки, о чём-то переговаривались.

— Ну вот, Михаил Степанович, — сказал Конев, — здесь и придётся твоим гвардейцам налаживать переправу. Оборона у них тут не сплошная. Если разведка ничего не путает. — И Конев посмотрел на офицера из разведотдела.

— Так точно, товарищ генерал армии, оборона на том берегу очаговая, — вытянулся перед генералами бравый майор. — Несколько наших групп сегодня ночью вернулись с той стороны. Небольшие, взвод-рота, гарнизоны в населённых пунктах. Ударные группы, до полка, находятся в глубине.

— Перемахнём, Иван Степанович, и эту речку, — сказал Шумилов, оторвавшись от бинокля. — Мои ребята ещё после Харькова начали собирать по плавням лодки и всякую речную посуду. Противотанковые орудия и пулемёты переправим на плотах в первом эшелоне.

— Начинайте немедля, пока они там не опомнились, — велел Конев.

Немцы не рассчитали своих сил, кинувшись на Восток, в глубину России. К сентябрю 1943-го, после кровавой бойни под Белгородом, Курском, Орлом и Брянском, их армии уже не имели той мощи и той возможности манёвра, какую демонстрировали в 1941-м под Смоленском и Киевом. Некоторые дивизии были сведены в дивизионные группы и фактически представляли собой

усиленные пехотные полки. Внутренняя Германия уже не могла в полной мере восполнять понесённые на Русском фронте потери. А они продолжали расти каждые сутки, каждый час. И тем не менее перед Степным и Воронежским фронтами стояли основные силы группы армий «Юг» под командованием Манштейна. Немцы успели перегруппировать свои части, окопать на высоком берегу Днепра боевую технику и тяжёлое вооружение и приготовились встретить атаку русских. Главной задачей Манштейна было не пустить Красную армию в Донбасс.

Переправа дивизий первого эшелона 7-й гвардейской армии началась 25 сентября. Той же ночью гвардейцы отбили плацдарм в районе села Домоткань между Днепропетровском и Кременчугом.

Вначале от Шумилова поступали обнадёживающие донесения: переправа идёт полным ходом, расширяем плацдарм, на правый берег переправлен 24-й гвардейский корпус… На вторые сутки ранним утром пришло тревожное сообщение: сильные контратаки танков противника в районе действий 24-го гвардейского корпуса у Домоткани, непрерывные удары авиации, войска несут большие потери, не выдерживают натиска врага, вынужден отвести корпус с плацдарма на левый берег…

Конев позвонил Шумилову: «Держись, Михаил Степанович! Выводить войска запрещаю. Сейчас же вылетаю к вам, вместе разберёмся и решим, что делать дальше».

Лёгкий По-2 поднялся с полевого аэродрома и взял курс на юго-запад. Вскоре блеснул синей лентой, окутанной дымом, Днепр. Иногда снаряды падали в реку, и тогда вода и дым поднимались вверх высокими белыми столбами. Над отбитым плацдармом роем кружили самолёты — это авиация противника бомбила позиции 24-го гвардейского корпуса.

При подлёте к площадке, приготовленной для посадки биплана командующего, с правого берега вдруг потянулись трассы эрликонов. Несколько серий снарядов, одна за другой, пронеслись мимо. Пилот мгновенно отреагировал: садиться на открытом поле нельзя, хотя площадка внизу удобная, нырнул за холм и посадил самолёт там, вне видимости с противоположного берега.

И картина, которую Конев успел охватить взглядом с высоты, и обстрел немецкими зенитными установками, и бездействие артиллерии и авиации с левого берега, конечно же, не поднимали настроения. Когда он увидел командиров авиационных корпусов, то в какой-то миг пожалел, что оставил в штабе свою фронтовую палку…

Начали разбираться.

В первую очередь Конев приказал командиру истребительного корпуса генералу Подгорному[66] организовать прикрытие с воздуха, перехватывать бомбардировщики противника на подлёте и не позволять им безнаказанно терзать гвардейский корпус, храбро оборонявшийся на плацдарме. Генералу Рязанову[67] — массированными ударами штурмовиков, волна за волной, засыпать немецкие танки противотанковыми кумулятивными бомбами.

Рязанов тут же наладил связь с корпусом, передал приказ, и его штурмовики вскоре начали действовать настолько активно и точно, что немецкие танки на некоторых участках попятились с плацдарма в глубину.

Конев приказал Шумилову, чтобы дивизионы гвардейских миномётов сделали несколько последовательных залпов по скоплению пехоты на том берегу.

Из «Записок командующего фронтом»: «Когда наша авиация стала действовать более организованно и ударили залпы сотни орудий и “катюш”, положение войск на плацдарме улучшилось. Неприятельские танковые атаки были приостановлены. Теперь войска и переправы с воздуха были прикрыты. Наши штурмовики непрерывно бомбили вражеские войска и его танки. Наступил перелом в обстановке. Бородаевский плацдарм был удержан.

Началось наведение постоянных переправ и мостов через Днепр и расширение плацдармов на той стороне.

Левее 7-й гвардейской армии и одновременно с войсками этой армии к форсированию Днепра на участке от устья Орели до Верхнеднепровска приступили войска 57-й армии генерала Н.А. Гагена. Здесь условия форсирования были несколько труднее: шире Днепр, не было близко островов. Сама подготовка к форсированию из-за опоздания переправочных средств проходила в замедленном темпе.

Правее армии М.С. Шумилова была введена в сражение 37-я армия генерала М.Н. Шарохина. Ввод 37-й армии — второго эшелона фронта — был вызван тем, что 69-я армия генерала В.Д. Крюченкина[68], наступавшая в центре полосы фронта, понесла большие потери ещё в боях под Белгородом и была значительно ослаблена. Она героически дралась в обороне, прошла большой путь в наступлении и сейчас нуждалась в отдыхе и пополнении. Поэтому на подходе к Днепру я решил сменить 69-ю армию, выдвинув из второго эшелона свежую 37-ю армию с тем, чтобы усилить центр фронта.

На 37-ю армию возлагались большие надежды. Она имела задачу с ходу форсировать Днепр и во взаимодействии с 7-й гвардейской армией захватить и расширить плацдарм в районе

Мишурина Рога, превратив его в большой плацдарм оперативного значения. Здесь одними из первых переправились через Днепр танкисты, которыми командовал Я.П. Вергун, ныне директор Пятихатской школы. Он вышел к Днепру, пройдя самостоятельно много километров и опередив войска. За этот подвиг ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Ввод свежей, хорошо укомплектованной 37-й армии имел большое оперативное значение. Я рассчитывал на успех не только при форсировании Днепра, но и при развитии наступления на правом берегу. В связи с этим все мои указания и расчёты штаба фронта исходили из жёстких сроков смены частей 69-й армии, быстрого выхода войск 37-й армии к реке и форсирования с ходу. Решение было правильное. Действия этой армии сулили большой успех всему фронту. Дело в том, что на направлении, где вводилась 37-я армия, у немцев отходили лишь остатки двух пехотных дивизий. Чтобы ускорить и облегчить ввод в бой войск 37-й армии, командарму 69-й армии было приказано до утра 27 сентября оставить все средства связи в распоряжении штаба 37-й армии, создав тем самым благоприятные условия для быстрого выполнения его боевой задачи».

А в это время севернее, в районе Киева, немцы кромсали наши части на плацдарме в районе Великого Букрина. Этот плацдарм вошёл в историю Великой Отечественной войны как Букринский и имеет печальную славу Захваченный войсками Воронежского фронта, он был жёстко контратакован дивизиями левого крыла 8-й немецкой армии. Манштейн сразу понял: основной удар русские наносят здесь, и перебросил сюда свои ударные резервы. Потери с обеих сторон были огромными. Наши части потеряли около 20 тысяч человек. Впоследствии Ставка перебросила основные силы Воронежского фронта на Лютежский плацдарм, наступление развивали отсюда. Вскоре Киев был взят.

Конев же действовал иначе. Армии Степного фронта с ходу перемахнули Днепр сразу в десятках мест. Захватили множество плацдармов и постепенно расширяли их. Противник был сбит с толку: где русские будут наносить основной удар?

Немцы давили на все плацдармы, стараясь сбросить русских в Днепр. Активно применяли танки и артиллерию. В небе постоянно висела авиация, бомбя переправы и всячески нарушая связь переправившихся с левым берегом. Возможности наших войск в таких обстоятельствах оказались ограниченными. Преимущество во всех отношениях было на стороне противника. Кроме одного — порыв перескочить через Днепр и очистить от неприятеля район Донбасса был настолько мощным, что сила духа русского солдата оказалась сильнее силы железа и пороха и

в этот раз.

Конев постоянно держал ситуацию в руках. Приказал перенести командные пункты командиров дивизий ближе к сражающимся войскам, а НП перебросить на правый берег Днепра, «не дальше 1—1,5 км от войск, в места, позволявшие вести наблюдение за полем боя», тем самым давая понять своим подчинённым, что впредь драться предстоит только за Днепром. Часто появлялся на передовых полевых наблюдательных пунктах сам.

Итак, основной удар Конев нанёс в районе Переволочной. Как и задумывал. 37-я армия генерала Шарохина и 7-я гвардейская генерала Шумилова выполнили свою задачу блестяще. Они переправились на правый берег, захватили плацдарм оперативного значения, разгромили четыре немецких дивизии, пытавшихся их контратаковать, нанесли ощутимый урон противнику в танках.

В период днепровских боёв к Коневу часто приезжал маршал Жуков. Шли консультации, изучались донесения командиров первых линий и разведки, тут же определялись тенденции. Внимательный анализ событий подсказывал дальнейшие решения, как говорят, по ходу пьесы. Азартный Жуков, блестя глазами, буквально в спину толкал вперёд Конева:

— Давай, давай! Вот она, твоя маршальская звезда! — И накрывал ладонью район Донбасса.

Конев прекрасно понимал: пока Манштейн латает дыры там и тут, пока держит часть танковых дивизий против Ватутина в районе Киева, надо непрерывно давить вперёд. Но понимал он и другое: каждый метр захваченной земли, каждая позиция, отбитая у противника, оплачивается солдатской кровью. Через много лет в разговоре с Константином Симоновым он скажет такие слова: «Уложить людей недолго, наступление их быстро съедает…»

Генерал Жадов в своих воспоминаниях о боях на Днепре и в районе Донбасса дал очень точную характеристику своему командующему: «Беседуя с командованием соединений, генерал Конев обращал их внимание в первую очередь на особо тщательную подготовку штурма, организацию и поддержание взаимодействия во всех звеньях… требовал от политработников активной работы по мобилизации личного состава на лучшее выполнение предстоящей боевой задачи».

С генералом Жадовым Конева связывала давняя дружба, учёба в Военной академии им. М.В. Фрунзе, совместная служба на Северном Кавказе, 1941 год, бои под Москвой. Дружбу они сохранят на всю жизнь.

В октябре 1943 года по плану, разработанному штабом

Степного фронта и согласованному с маршалом Жуковым, а затем утверждённому Ставкой, армии генерала Конева ринулись на Пятихатку и Апостолово. Главный удар наносила 5-я гвардейская армия генерала Жадова. Наступлению гвардейцев предшествовал непростой манёвр: 5-я снялась с плацдарма в районе Кременчуга, переправилась на левый берег, совершила стокилометровый марш на юго-восток вдоль фронта в район Куцеваловки, снова переправилась на правый берег и сосредоточилась на плацдарме, занятом 37-й армией генерала Шарохина. Сюда же после доукомплектования бронетехникой и экипажами из района Полтава—Харьков прибыла 5-я гвардейская танковая армия генерала Ротмистрова. Все передвижения войск производились скрытно. Манёвр, широкий и стремительный, — вот тот стиль, который Конев начал совершенствовать здесь, в битве за Днепр, и вскоре доведёт его до совершенства.

Противник перед ударной группировкой Степного фронта стоял опытный. Манштейн понимал, что Конев будет атаковать, а потому сосредоточил против него 24 дивизии и 700 самолётов 4-го воздушного флота.

Атака началась 15 октября. Противник встретил атакующие части четырёх общевойсковых и одной танковой армии огнём и контратаками. Почти двое суток эта махина ворочалась, вклинившись в оборону 8-й немецкой армии, усиленной танками и бронетехникой 1-й танковой армии, пока, наконец, не прорвала её на всю глубину. В прорыв Конев тут же бросил танковый и механизированный корпуса. Вместе с бомбардировщиками генерала Полбина[69] и штурмовыми полками генерала Рязанова танкисты уже 19 октября захватили крупный железнодорожный узел на правобережной Украине — станцию и посёлок Пятихатка. Здесь взяли богатые трофеи, в том числе склады с продовольствием и зерном. Урожай украинских полей немцы вывезти не успели.

Манштейн бросил навстречу Коневу резерв — две пехотные и две танковые дивизии. Все они только что прибыли из Италии. Но резервы сразу же были поглощены сражением и существенного влияния на его исход не оказали.

Впоследствии Манштейн сетовал: «В течение всего октября Степной фронт противника, командование которого было, вероятно, наиболее энергичным, перебрасывал всё новые и новые силы на плацдарм, захваченный им южнее Днепра на стыке между 1-й танковой и 8-й армиями. К концу октября он расположил здесь не менее пяти армий (в том числе одну танковую армию), в составе которых находились 61 стрелковая дивизия и 7 танковых и механизированных корпусов,

насчитывавших свыше 900 танков. Перед таким превосходством сил внутренние фланги обеих армий не могли устоять и начали отход соответственно на восток и запад. Между армиями образовался широкий проход. Перед противником был открыт путь в глубину Днепровской дуги на Кривой Рог и тем самым на Никополь, обладание которым Гитлер с военно-экономической точки зрения считал исключительно важным».

Кстати, Конев в своих «Записках…» отметил, что автор «Утерянных побед» «для оправдания своего поражения преувеличил численность советских войск», но в целом сказал правду.

Двадцатого октября все четыре фронта, действовавшие на южном фланге, были переименованы в «Украинские». Степной тоже стал «2-м Украинским».

В эти дни Сталин позвонил Коневу. Конев коротко доложил:

— Войска фронта находятся на подступах к Кривому Рогу.

— Как ведёт себя противник? — спросил Верховный.

— Противник, опасаясь окружения, начал эвакуацию тылов из Днепропетровска, оставил в районе города части прикрытия, а главные силы перебрасывает в район Кривого Рога против нашего фронта.

— Я понимаю, что у вас есть какое-то предложение. Что вы предлагаете, товарищ Конев?

— В этих условиях крайне необходимо начать наступление армиями правого крыла 3-го Украинского фронта для скорейшего разгрома днепропетровской группировки противника.

— Хорошо. Мы подумаем и сообщим вам о своём решении.

Двадцать третьего октября гвардейцы Жадова вышли к Кировограду, охватив город и район с северо-запада. В этот же день 5-я гвардейская танковая армия подобное положение создала в районе Кривого Рога. Правофланговые части 3-го Украинского фронта тут же воспользовались благоприятной ситуацией и вплотную подошли к городу.

Во время атаки Конев находился на наблюдательном пункте генерала Ротмистрова, откуда хорошо просматривалась окрестность и картина боя. Как всегда, командир штурмового корпуса генерал Рязанов со своими офицерами связи находился рядом. Рязанов корректировал действия своих штурмовых полков. Девятками «Илы» заходили на цель и пропахивали её бомбами, РСами и пулемётным огнём. Накрывали огневые точки и танки противника.

С НП Ротмистрова Конев поехал на командный пункт генерала Шарохина. 37-я армия стояла правее. Войдя в просторную землянку, уставленную телефонными аппаратами, с

порога сказал:

— Михаил Николаевич, готовь противотанкистов, сейчас на тебя полезут.

И действительно, через некоторое время противник ввёл в дело танковый резерв, пытаясь отсечь прорвавшуюся к Кривому Рогу советскую группировку именно на участке 37-й армии.

Все, кто воевал, или, как говорят военные, работал с Коневым, отмечают его собранность, умение владеть собой в самых сложных обстоятельствах, дар видеть картину всего фронта и предугадывать действия противника. Вот что разглядел в нём Верховный ещё в 1941-м, когда начал выдвигать и доверять. Хотя впоследствии протащил и через отстранения и недоверие. Таков был характер диктатора. Даже своих выдвиженцев и любимчиков он всегда держал в узде. Конев чувствовал эти поводья. Но, раз и навсегда указав членам Военного совета фронта их место и определив их должностные обязанности, сумел построить свою работу так, что эти поводья не натирали бока…

К началу ноября противник всё ещё удерживал Кривой Рог и район Никополя.

Восьмого ноября 1943 года Манштейн нанёс мощные контрудары по войскам 1-го Украинского фронта с целью восстановить оборону по Днепру. Своей цели он не достиг, но 1-й Украинский фронт вынужден был перейти к обороне и на этом рубеже простоял до конца года.

Тем временем Конев получил очередную директиву Ставки, в которой говорилось: «Прочно закрепившись на ныне занимаемом рубеже, нанести удар силами 37-й, 57-й и 5-й гв. танковой армий в общем направлении Лозоватка, Широкое, обходя Кривой Рог с запада, и во взаимодействии с 3-м Украинским фронтом разбить криворожскую группировку противника, овладеть Кривым Рогом и выйти на рубеж Петрово, Гуровка, (иск.) Широкое. Разгранлиния слева прежняя. Наступление начать не позже 12—14 ноября».

Наступление началось 14 ноября 1943 года. Но темп наступления с самого начала был невысоким. Сопротивление противника оказалось мощным. Потери с обеих сторон — огромными.

Двадцать третьего ноября Конев позвонил Верховному и доложил, что отбит большой стратегический плацдарм, что войска дерутся хорошо, дух высок, но чувствуется усталость, солдатам нужен отдых, а полкам пополнение. Лезть в глубину грудью на заранее подготовленную оборону было бессмысленно.

— Прошу разрешения прекратить наступление и перейти к обороне на занимаемых рубежах, — твёрдо сказал он.

— Хорошо, — после небольшой паузы ответил Сталин. — Ставка удовлетворена действиями войск Второго Украинского фронта и в ближайшее время примет решение о приостановке наступления на вашем участке. Скажите, товарищ Конев, а каковы дальнейшие планы Второго Украинского фронта?

Конев мгновенно понял, что Верховный не согласится с полной приостановкой наступательных действий, и, зная беспокойство Сталина по поводу намерений противника вновь восстановить оборону по Днепру, вынужден был доложить, что там, где дела идут успешно, фронт будет наступать с ограниченными целями: «…продолжит операцию по захвату Чигорина, Александрии, железнодорожного узла Знаменка, завершит освобождение Черкасс и отбросит противника от Днепра по всей полосе фронта».

Конев выполнил своё обещание. Все города, названные в докладе, были вскоре взяты.

Глава двадцать пятая. КОРСУНЬ-ШЕВЧЕНКОВСКИЙ ТРИУМФ

Ноябрьские и декабрьские бои, какими бы тяжелейшими они ни оказались, создали условия для успешного проведения Корсунь-Шевченковской наступательной операции 1944 года. Считается, что это одна из блестяще организованных и мастерски проведённых операций не только в истории Второй мировой войны, но и во всей истории войн.

Но до успеха в треугольнике Богуслав — Шендеровка — Корсунь-Шевченковский 2-й Украинский фронт провёл ещё одну операцию — Кировоградскую. И.С. Конев и в своих мемуарах, и в разговорах всегда очерчивал эту удачно проведённую операцию в рамках «боёв и сражений по расширению плацдармов» и созданию условий «для перехода в решительное наступление на Правобережной Украине». В ходе Кировоградской операции стремительным ударом по сходящимся направлениям 7-й гвардейской, 5-й гвардейской танковой армий, 5-й гвардейской при поддержке 5-го гвардейского и 7-го механизированных корпусов и 53-й армии были атакованы позиции 8-й полевой армии группы армий «Юг».

Основная роль отводилась подвижным войскам — 5-й гвардейской танковой армии генерала Ротмистрова и 7-му мехкорпусу генерала Каткова[70].

Ко 2 января 1944 года войска, соблюдая строжайшую тайну передвижений и переговоров по средствам связи, закончили перегруппировку и, отключив радиостанции, замерли в исходных районах.

Не имея общего превосходства над противником в живой силе и вооружении, Конев тем не менее сумел собрать на участках прорыва все танковые и механизированные части и больше половины всей артиллерии. В полосе действий 7-й гвардейской армии плотность артиллерийского огня составляла 120 стволов на километр. 5-я гвардейская армия на своём участке имела превосходство над противником: по пехоте 5:1, по артиллерийским орудиям 2:1, по миномётам 5:1.

Именно в эти дни произошло событие, в масштабах фронта незначительное, но согревшее душу Конева в самых затаённых её глубинах. Из тыла, с очередной партией нового вооружения, прибыл новенький КВ с надписью на башне: «Подосиновский

колхозник». Танк прислали земляки из Подосиновского района Кировской области. Собрали деньги и на них построили танк. Конева растрогало это до слёз. Он сразу же отписал землякам благодарственное письмо. После войны, не забыв коллективного подвига земляков, он отдарит их — к очередной посевной пришлёт новенький грузовик, а в библиотеку несколько посылок редких книг.

Ночью накануне наступления в полосе своей армии генерал Жадов по согласованию с Коневым провёл разведку боем силами батальон—рота. Артиллеристы в это время находились на передовых НП пехотных частей и во время атаки наносили огневые точки на карты. Утром 5 января началась артподготовка по заранее разведанным целям. Длилась она 50 минут.

Ещё во время артогня инженерные подразделения выдвинулись вперёд и приступили к разминированию и разграждению проходов для пехоты и танков. К исходу дня передовые подразделения правого крыла продвинулись вперёд до 24 километров, что означало — тактическая оборона противника на всю её глубину прорвана. На левом произошла заминка. Противник контратаковал. Бросал в бой большие силы — до 120 танков. К исходу второго дня левое крыло ударной группировки, усиленное танковыми частями, опрокинуло танковые подразделения немцев, врезалось в оборону противника глубиной до 70 километров и расширило брешь прорыва до 30 километров. Это был успех. Но Конев знал: успех нужно наращивать, потому что бой — среда живая, постоянно изменяющаяся, и процессом этих изменений необходимо владеть каждую минуту, влиять на него, если что-то пошло не так.

Манштейн приказал ввести в дело резервы. Но Конев наращивал удар, тоже последовательно вводя резервы.

В ночь на 7 января 1944 года танки 29-го корпуса генерала Кириченко[71] вышли к юго-восточным окраинам Кировограда, замкнули кольцо вокруг города и прилегающего района. В окружении оказались одна мотопехотная, одна пехотная и части двух танковых дивизий немцев.

Несколько суток войска 1-го и 2-го Украинского фронтов встречными ударами на Первомайск, что на Буге, пытались отрезать 8-ю полевую и 1-ю танковую армии противника. Манштейн предпринимал всё возможное, чтобы не допустить катастрофы.

Немецкий историк Пауль Карель события в районе Кировограда назвал «Зимней драмой на Среднем Днепре»: «Кировоград стал свидетелем всей трагедии, всех страданий большого сражения. Каждый десятый из воевавших в России знает

Кировоград. Это было одно из мест, где война шла особенно ожесточённо. Немцы настроились не сдаваться, а Конев не отступал. Большой замысел Ставки заставлял его быть непреклонным. Решающие причины состояли не только из стратегических, план Конева включал завоевание жизненно важного в экономическом отношении западно-украинского города Кировоград».

Немецкий историк далее говорит о том, что четыре дивизии, окружённые в районе Кировограда, всё же смогли прорваться из окружения.

В оперативной сводке за 11 января сообщалось: «По уточненным данным, в районе Кировограда за время боёв с 5 по 8 января включительно нашими войсками уничтожено: танков — 293, орудий разных — 296, самоходных орудий — 40, миномётов — 121, пулемётов — 445, бронемашин — 94, автомашин — 978.

Противник потерял только убитыми свыше 15 000 солдат и офицеров».

Известно, что из окружения удалось вырваться 3-й танковой дивизии, с которой в пробитую брешь успели выскочить отдельные части других дивизий.

В замысел операции по овладению Кировоградом штаб Конева заложил идею удара по сходящимся направлениям с целью отсечения значительной группировки противника, её окружения и последующего уничтожения. Удар осуществлялся двумя общевойсковыми армиями во взаимодействии с танковыми и механизированными частями. Блестящим, стремительным охватом механизированных и танковых частей город и прилегающие районы были окружены. Однако завершить дерзкий замысел до конца не удалось. Судьба словно намеренно откладывала дни триумфа войск 2-го Украинского фронта и их командующего. Удержать в кольце и полностью уничтожить кировоградскую группировку противника не удалось, «так как успех подвижных войск, вышедших на пути отхода противника, не был своевременно закреплён стрелковыми соединениями».

Но Кировоград стал прологом, кровавой репетицией перед Корсунь-Шевченковским. Рассматривая события января—февраля шире, можно сказать, что судьба словно играла с Манштейном и его группой армий. Над ними навис рок в те дни, когда 3-я танковая дивизия, бросая технику и снаряжение, с большими потерями вырывалась из Кировоградского «котла». Уклоняться от ударов Конева Манштейну было всё тяжелее. Слишком дорого приходилось платить немцам за отход на новые рубежи обороны.

Одновременно с Кировоградской операцией войска генерала Ватутина, севернее, успешно провели Житомирско-Бердичевскую

операцию и захватили богатые трофеи.

Однако самым большим результатом усилий группировок Конева и Ватутина стало то, что линия фронта образовала причудливую дугу, и её, эту тугую дугу, Украинские фронты к середине января 1944 года загнули так, что она поразительно стала напоминать сталинградскую…

Манштейн не смог удержать фланги, и под напором наступающих советских войск образовался глубокий выступ. Его обороняла крупная группировка, включавшая девять пехотных, одну танковую дивизию и моторизованную бригаду с многочисленными средствами усиления из состава 1-й танковой и 8-й полевой армий группы армий «Юг». Манштейн имел твёрдый приказ Гитлера — выступ не сдавать. На острие выступа, в районе Канева группировка удерживала оборону по Днепру.

Упорство немцев объяснялось тем, что они ещё не потеряли надежду вернуть свои позиции по линии Вотан—Пантер.

Замысел Ставки сводился к следующему: встречным ударом двух фронтов под основание выступа прорвать оборону противника и соединиться в районе городов Шпола, Звенигородка. К операции привлекались семь армий, в том числе две танковые, а также две воздушные армии и отдельные корпуса.

Конев атаковал 24 января силами 4-й гвардейской армии генерала Рыжова[72] и 53-й армии генерала Галанина[73]. Командармы сразу получили приказ на окружение: 4-я гвардейская образовывала внутренний фронт, а 53-я формировала внешний.

«Бог войны благоволил Коневу», — впоследствии напишет бывший министр информации Третьего рейха Пауль Шмидт, больше известный как германский историк и публицист Пауль Карель.

П. Карель основательно изучил историю «Черкасской трагедии», как немецкие историки называют Корсунь-Шевченковский «котёл», и преподнёс её более или менее объективно. Приведу несколько цитат из его книги «Выжженная земля»:

«26 января войска генерал-полковника Конева (бывший министр пропаганды Гитлера ошибочно называет генерала армии Конева генерал-полковником. — С. М), командующего 2-м Украинским фронтом, прорвали немецкую оборону в Капитоновке. Войска 1-го Украинского фронта: три советские армии, включая 6-ю танковую армию генерала Кравченко, от Киева через Белую Церковь на юго-восток, подавили оборонительный рубеж VII корпуса на западной стороне немецкого выступа в секторе 1-й танковой армии, смяв немецкие

дивизии. Во фронте образовалась широкая брешь, не встречая сопротивления, советские подразделения двинулись на юго-восток, на соединение с войсками генерала Конева, действовавшего в северо-западном направлении. Лишь сто километров разделяли эти два авангарда — совсем не расстояние для танковых соединений. Если они соединятся, ловушка захлопнет на Каневском выступе два немецких корпуса.

И они соединились. Танковые экипажи Кравченко и Ротмистрова встретились у Звенигородки 28 января. Надвигалось сражение у Черкасс. Двойным окружением русские отрезали немецкий Каневский выступ, простирающийся на восток к Днепру. В мешке оказались XXXXII и XI немецкие корпуса с шестью дивизиями и отдельной бригадой. Немецкий фронт был прорван на участке в девяносто пять километров. Через эту широкую брешь советские части теперь могли устремляться к Румынии, потому что восточнее румынской границы препятствий больше не осталось. Гитлер даже после этого запретил корпусам отступать».

«…советские части атаковали два окружённых немецких корпуса огромным количеством войск, главными силами двух фронтов. Руководил операцией генерал армии Конев, командующий 2-м Украинским фронтом, хотя трудно было ожидать, что на Днепре остались немецкие дивизии. Гораздо разумнее было бы им развернуться и попытаться соединиться с 47-м танковым корпусом. Однако Гитлер остановил логичный ход событий, издав новый приказ “держаться”. Либу и Штеммерману, двум командирам окружённых корпусов, было приказано любой ценой держать всю свою линию в триста двадцать километров сильно поредевшими шестью дивизиями и, более того, прикрыть свой тыл, установив там новый рубеж. Сформируйте круговую оборону и не уступайте! Указание Гитлера в Сталинграде! Как тогда он не хотел разрешить уходить с Волги, так и теперь он неумолимо держался за последний участок Днепра. Центром окружения являлся город Корсунь-Шевченковский с его передовым аэродромом. Именно за Корсунь происходило сражение в течение первых двенадцати дней».

«К тому времени русские уже ясно представляли себе, что происходит, и, как только немцы выходили в район западнее Комаровки, они сразу же подвергались интенсивному огню пулемётов, миномётов и артиллерии. Немецкие солдаты пытались прятаться от огня противника в ложбинах и оврагах. Части полностью смешались, каждый думал лишь о том, чтобы выйти из-под огня в безопасное место. Поскольку самый мощный огонь советские войска вели из района Журженцев и высоты

239.0, практически весь поток отступающих, за исключением отдельных незначительных групп солдат, которые направились к северной окраине Лысянки, повернул на юг, к излучине реки Гнилой Тикич. Всего из окружения вышло 30 тыс. немецких солдат и офицеров, в боях здесь было убито 82 тыс. немцев, в плен взято в “котле” 18,2 тыс.».

Наши войска потеряли свыше 24 тысяч убитыми и 56 тысяч ранеными.

Семнадцатого февраля Э. Манштейн понял, что ему придётся направить выживших в Польшу для отдыха и восстановления. Командование 1-й танковой армии докладывало: «Необходимо признать, что, поскольку с 28 января войска находились в окружении, они сознательно или подсознательно видели перед глазами судьбу осаждённых под Сталинградом». За исключением добровольческой штурмовой бригады «Валлония», соединения, вышедшие из Корсуньского «мешка», были больше не способны к боевым действиям. Кроме этого, шесть с половиной немецких дивизий потеряли всё своё вооружение.

Ещё более ужасной оказалась судьба группы Штеммермана и самого генерала. Над ними, как пишет П. Карель, «поднимался призрак Сталинграда».

Восьмого февраля окружённым был предъявлен ультиматум. Вот его текст:

«Ультиматум.

Командующему 42-м армейским корпусом.

Командующему 11-м армейским корпусом.

Командирам 112-й, 88-й, 72-й, 167-й, 168-й, 82-й, 57-й и 332-й пехотных дивизий, 213-й охранной дивизии, танковой дивизии СС “Викинг”, мотобригады “Валлония”.

Всему офицерскому составу немецких войск, окружённых в районе Корсунь-Шевченковский.

42-й и 11-й армейские корпуса немецкой армии находятся в полном окружении.

Войска Красной Армии железным кольцом окружили эту группировку. Кольцо окружения всё больше сжимается. Все ваши надежды на спасение напрасны…

Попытки помочь вам боеприпасами и горючим посредством транспортных самолётов провалились. Только за два дня, 3 и 4 февраля, наземными и воздушными силами Красной Армии сбито более 100 самолётов Ю-52.

Вы, как командиры и офицеры окружённых частей, отлично понимаете, что не имеется никаких реальных возможностей прорвать кольцо окружения.

Ваше положение безнадёжно и дальнейшее сопротивление

бессмысленно. Оно приведёт только к огромным жертвам среди немецких солдат и офицеров.

Во избежание ненужного кровопролития мы предлагаем принять следующие условия капитуляции:

1. Все окружённые немецкие войска во главе с вами и с вашими штабами немедленно прекращают боевые действия.

2. Вы передаете нам весь личный состав, оружие, всё боевое снаряжение, транспортные средства и всю технику неповрежденной.

Мы гарантируем всем офицерам и солдатам, прекратившим сопротивление, жизнь и безопасность, а после окончания войны — возвращение в Германию или в любую другую страну по личному желанию военнопленных.

Всему личному составу сдавшихся частей будут сохранены: военная форма, знаки различия и ордена, личная собственность и ценности, а старшему офицерскому составу, кроме того, будет сохранено и холодное оружие.

Всем раненым и больным будет оказана медицинская помощь.

Всем сдавшимся офицерам, унтер-офицерам и солдатам будет немедленно обеспечено питание.

Ваш ответ ожидается к 11 часам утра 9 февраля 1944 г. по московскому времени в письменной форме через ваших личных представителей, которым надлежит ехать легковой машиной с белым флагом по дороге, идущей от Корсунь-Шевченковский через Стеблёв на Хировка.

Ваш представитель будет встречен уполномоченным русским офицером в районе восточной окраины Хировка 9 февраля 1944 г. в 11 часов по московскому времени.

Если вы отклоните наше предложение сложить оружие, то войска Красной Армии и воздушный флот начнут действия по уничтожению окружённых ваших войск, и ответственность за их уничтожение понесёте Вы.

Зам. Верховного Главнокомандующего

Маршал Советского Союза Г. Жуков.

Командующий войсками Первого Украинского фронта

генерал армии Н. Ватутин.

Командующий войсками Второго Украинского фронта

генерал армии И. Конев».

Ультиматум окружённые отклонили.

«Канны на Днепре», «Украинский Сталинград», «Корсунь-Шевченковское побоище»… У этого сражения много немецких имён. Такие события, как правило, рождают много эмоций и ассоциаций.

Бои развернулись в исторических местах, на родина Великого Кобзаря. Кровь русских и немецких солдат лилась в Моринцах и в месте вечного покоя Тараса Шевченко Каневе. Этот край называют «Меккой украинского народа». Удивительная и редкая по красоте местность. Холмы, от которых буквально исходит вековая музыка былин, и глубокие тенистые овраги с выходами гранитных скал. Поэтичный ландшафт, напоминающий карпатские предгорья. Стремительные и чистые реки Тикич и Рось, текущие то по равнине, то среди порогов, напоминающих скалы. В урочище Горохова Диброва в 1648 году Богдан Хмельницкий, возглавляя казацко-татарское войско в битве при Корсуне, наголову разбил двадцатитысячное королевское войско коронного гетмана Потоцкого.

Конев знал, по каким дорогам ведёт свои войска. Триста лет назад надменная шляхта бежала от казацких сабель, а теперь он гнал элитные дивизии Гитлера, в том числе «Викинг», «Лейбштандарт», моторизованную бригаду «Валлония». Испытанная гвардия рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, осыпанная Рыцарскими и Железными крестами за подвиги в России, отступала и, в конце концов, оказалась в окружении его войск.

Одиннадцатого февраля Манштейн предпринял отчаянную попытку силами ударной группировки группы армий «Юг» разорвать внешний фронт «котла» и вызволить из окружения обречённые на гибель корпуса. Последнее решающее наступление. На этот раз роль Гота должен был сыграть командующий 1-й танковой армией генерал Хубе. Восемь его дивизий, выстроившись могучей фалангой с восемьюдесятью «тиграми» и «пантерами» на острие, двинулись на позиции советских подразделений в районе Лисянки. Штеммерману, возлавлявшему группировку в окружении, генерал телеграфировал: «Я вас выручу. Хубе». В первые часы боя танковый клин потеснил наши войска. Одновременно генерал Штеммерман организовал встречный удар изнутри. Собрав все силы и бросив их в бой, он прорвался к селу Шендеровка. Между Хубе и Штеммерманом осталось всего ничего, каких-то 10—20 километров.

Как это напоминало Коневу 1942 год, когда он, командуя Калининским фронтом, пытался вызволить из окружения одну из своих армий в районе Ржева!

В какой-то момент немцы наконец отыскали слабое место на стыке фронтов, которое прикрывала 27-я армия соседнего 1-го Украинского фронта. В Ставке сразу заволновались. Но именно туда накануне, на свой страх и риск, Конев развернул казачий

корпус и танки Ротмистрова. Просчитывая все варианты, он вдруг интуитивно понял, что вырываться немцы будут именно в этом месте.

В полдень 12 февраля по ВЧ позвонил Верховный. Конев доложил обстановку: враг окружён, все попытки вырваться отбиты, войска действуют на уничтожение окружённой группировки. Но после первых же слов, произнесённых Сталиным, сразу понял, что тот недоволен тем, что группировка вытекает из «котла» через брешь, появившуюся у соседа.

— Товарищ Конев, вот мы уже огласили на весь мир, что в районе Корсунь-Шевченковского окружили крупную группировку противника. А в Ставке есть данные, что окружённая группировка прорвала фронт Двадцать седьмой армии и уходит к своим. Что вы знаете об обстановке на фронте у соседа?

— Не беспокойтесь, товарищ Сталин, — ответил Конев. — Окружённый противник не уйдёт. Наш фронт принял меры. Для обеспечения стыка с Первым Украинским фронтом и для того, чтобы загнать противника обратно в «котёл», мною в район образовавшегося прорыва врага были выдвинуты войска пятой гвардейской танковой армии и Пятый кавалерийский корпус. Задачу они выполняют успешно.

— Вы это сделали по своей инициативе? Ведь это за разграничительной линией.

— Да, по своей, товарищ Сталин.

— Это очень хорошо. Мы посоветуемся в Ставке, и я вам позвоню.

Через 15 минут телефон снова зазвонил. Верховный сказал:

— Нельзя ли, товарищ Конев, все войска, действующие против окружённой группировки, в том числе и Первого Украинского фронта, я имею в виду Двадцать седьмую армию, подчинить вам и возложить на вас руководство уничтожением окружённой группировки?

Это неожиданное решение Сталина прозвучало как гром среди ясного неба.

— Товарищ Сталин, сейчас очень трудно провести переподчинение Двадцать седьмой армии Первого Украинского фронта мне, — ответил Конев. — Двадцать седьмая армия действует с обратной стороны кольца окружения, с другого операционного направления. Весь тыл армии и связи её со штабом Первого Украинского фронта идут через Белую Церковь и Киев. Поэтому управлять армией мне будет очень трудно, сложно вести связь по окружности всего кольца через Кременчуг, Киев, Белую Церковь. Пока в коридоре идёт бой, напрямую установить связь с Двадцать седьмой армией невозможно. Армия очень

слабая, растянута на широком фронте. Она не сможет удержать окружённого противника. Тем более, что на её правом фланге создаётся серьёзная угроза танкового удара противника с внешнего фронта окружения в направлении Лисянки.

— Ставка позаботится о связи. Все ваши приказы и распоряжения будут передаваться в штаб Двадцать седьмой армии без промедления. Чтобы ничего не нарушать, снабжение будет осуществлять Первый Украинский фронт.

— Товарищ Сталин, в такой непростой обстановке, когда многое решают даже не часы, а минуты, необходима связь накоротке и личное общение. Все мои распоряжения будут идти с запозданием.

— Хорошо, мы ещё посоветуемся в Ставке и с Генеральным штабом и тогда решим. — И Верховный положил трубку

Конев в своих «Записках…» так комментировал создавшуюся ситуацию: «Я настойчиво уклонялся от подчинения мне 27-й армии ещё и потому, что, когда план взаимодействия между фронтами нарушен, переподчинение войск серьёзно осложняется. Я искренне беспокоился за исход сражения. Ведь передача армии мне не увеличивала её силы».

Далее Иван Степанович деликатно посетовал на то, что маршал Г.К. Жуков «не совсем точно осветил этот вопрос» в своих мемуарах. По версии Г.К. Жукова, Конев будто бы сам предложил Сталину «передать ему руководство войсками по ликвидации корсунь-шевченковской группы противника, а руководство войсками на внешнем фронте сосредоточить в руках Ватутина».

Ну что тут можно сказать? Если Георгию Константиновичу хотелось изобразить Ивана Степановича таким уж тщеславным и расчётливым, не желавшим делиться славой с соседом справа, то тут явная нестыковка по времени. Прорыв на фронте 27-й армии произошёл значительно раньше телефонного разговора Сталина и Конева. Зачем Коневу добровольно брать на себя грех соседа? А вот за прорыв ответственность нёс и маршал Жуков. И Сталин указал ему на его просчёт телеграммой:

«Тов. Юрьеву.

Прорыв корсуньской группировки противника из района Стеблёв в направлении Шандеровки произошёл потому что:

слабая по своему составу 27-я армия не была своевременно усилена;

не было принято решительных мер к выполнению моих указаний об уничтожении в первую очередь Стеблёвского выступа противника, откуда вероятнее всего можно было ожидать попыток его прорыва… Сил и средств на левом крыле 1-го Украинского фронта и на правом крыле 2-го Украинского фронта достаточно,

чтобы ликвидировать прорыв противника и уничтожить корсуньскую его группировку…

12 февраля 1944 г.

16 часов 45 минут.

И. Сталин

Антонов.

Телеграмма с выговором маршалу поступила к адресату на несколько часов позже телефонного разговора Конева со Сталиным.

Мемуары — это далеко не то, что было в действительности, а, скорее, то, что автор их хотел бы знать о своём прошлом. Отчасти это касается и нашего героя.

Конев, между тем, меры принял. В коридор, пробитый противником, ввёл снятую с внешнего обвода 5-ю гвардейскую танковую армию. Произошло это ещё до разговора с Верховным, 10 февраля.

Группе немецких танков всё же удалось, пользуясь сумятицей первых часов боя, вырваться из окружения. Вместе с ними вышли и бронетранспортёры, на которых находились старшие офицеры и полевые управления штабов. Вышли также небольшие группы солдат и одиночки. Сплошной линии фронта не было, и те, кто владел собой, смогли выскользнуть из «котла».

Германская армия повторяла печальную судьбу Красной армии 1941 года.

Хубе был остановлен на внешнем обводе «котла». Его «тигры» и «пантеры» хорошо горели от точного огня противотанковой артиллерии и массированных ударов авиации наших штурмовых полков. Теперь Штеммерману целиком была вручена судьба его солдат. Шедшие на помощь были остановлены. Ещё недавно он с волнением читал телекс Гитлера и верил в него: «Можете положиться на меня, как на каменную стену. Вы будете освобождены из котла, а пока держитесь до последнего патрона».

Последняя попытка немцев выйти из окружения состоялась 17 февраля. В первом эшелоне шли три колонны: 5-я танковая дивизия СС «Викинг», 72-я пехотная дивизия в центре и корпусная группа «Б» на правом фланге. В арьергарде — 57-я и 88-я пехотные дивизии. Таранный удар пришёлся на 5-ю гвардейскую воздушно-десантную, 180-ю и 202-ю стрелковые дивизии на внутреннем кольце и на 41-ю гвардейскую стрелковую на внешнем. Немцам пришлось переправляться через реку Гнилой Тикич. Переправ не было. Артиллерия, по приказу Конева сконцентрированная на этом участке, сделала своё дело.

Но до прорыва у немцев была ночь в захваченной Шендеровке. Воспоминания жителей села, а также мемуары

немецких солдат и офицеров, выживших в этой мясорубке и прошедших советский плен, рисуют картину, весьма похожую на исход армии Наполеона из Смоленска. Оголодавшие солдаты грабили местных жителей, выводили из хлевов скот, забивали прямо на улице и здесь же, вырезая куски мяса, жарили их на штыках. Ночью на «шашлык» прилетели эскадрильи ночных бомбардировщиков У-2. Скопление войск в Шендеровке было огромным. Такие же огромные потери тут же последовали от каждой сброшенной советской бомбы.

При выходе из Шендеровки немецкие колонны сразу же попали под сокрушительный огонь нашей артиллерии.

Конев, наблюдая за движением колонн Штеммермана, принял решение вначале придержать резервы, давая противнику втянуться в горловину призрачного коридора. Потом это станет его «коньком» — добивать окружённого противника не на его позициях в обороне, а в горловине «коридора» на выходе, на марше.

27-я общевойсковая армия генерала Трофименко[74] была передана в оперативное подчинение штабу 2-го Украинского фронта.

Конев, вспоминая о том, как вводили в дело корпус генерала Селиванова[75], упомянул, что «донские казаки в этой сложной операции не посрамили свою былую славу “донцов-молодцов”».

В конце 1980-х годов в одной из смоленских деревень я отыскал бывшего командира стрелкового взвода 5-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, той самой, которая не выпустила группу Штеммермана в последний момент и дралась всю ночь 17 февраля и весь день 18-го. Иван Петрович Зеленков вспоминал, как их рота вышла на холм. Они остановились и наблюдали, как внизу по полю несколько «тридцатьчетверок» гоняли немцев. «Догонят — дав!..» — рассказывал Иван Петрович. А потом, к вечеру они остановились на опушке, где несколько часов назад проскакал кавалерийский эскадрон. Конев в своих «Записках…» упоминает о том, что кавалеристы корпуса генерала Селиванова «часто пытались решить боевую задачу, не слезая с коня». Немцы выходили из окружения небольшими группами. На одну из таких групп набрёл взвод лейтенанта Зеленкова. «Их, видать, кавалеристы наши прихватили. Казаки. Мы их видели, когда входили в прорыв. Шли поэскадронно, красиво, на хороших лошадях. От таких не убежишь и хорошо поевши. А тут, видать, прихватили их на опушке. Человек двенадцать лежали. У кого плечо разрублено, у кого голова пополам… Страшно глянуть. Саблями рубили».

Ставка, возложив на Конева всю ответственность за исход

Корсунь-Шевченковской операции, передала ему большие резервы, в том числе и 4-ю гвардейскую армию генерала Смирнова[76].

4-я гвардейская находилась в «коридоре». Туда же вводилась переданная в состав 2-го Украинского уже упомянутая мною 27-я, которую спешно пополнили людьми и вооружением. Конев решил лететь в «коридор» и на месте принимать необходимые решения по координации действий частей, которыми был усилен этот участок фронта. Но генерал Смирнов телеграфировал, что самолёт принять не может — подходящих площадок нет, а полевой аэродром окончательно развезло.

Но Конев твёрдо решил лететь. Кто-то из штабных офицеров предложил воспользоваться танком. Т-34 при штабе у него был, дежурил постоянно, и на нём Конев частенько выезжал в войска. На машине было уже не пробраться — грязь, разливы, непролазные дороги, разбитые немецкими и нашими танками и грузовиками. На танке хоть и надёжно, но — долго. От штаба фронта до села Толстое, где находился КП 4-й гвардейской, 70 километров пути. И он приказал Смирнову застелить соломой площадку поровней, прямо возле хат, где грунт потвёрже. Конев с адъютантом вылетели на двух По-2. При подлёте к «коридору», когда до Толстого оставалось несколько километров, их атаковали «мессеры». Второй биплан задымил тонкой струйкой, потерял скорость и пошёл на снижение. Пара «мессеров» увлеклась подбитым самолётом и прекратила преследование самолёта, в котором летел командующий войсками фронта. Потом выяснилось, что второй самолёт благополучно приземлился на лугу, никто не пострадал, ни адъютант Саломахин, ни пилот.

При подлёте к Толстому показался выстланный соломой прямоугольник. Пилот помотал головой, крикнул: «Слишком короткая!» Конев, видя его нерешительность, крикнул: «Приказываю садиться!» Пилот оказался человеком опытным и храбрым. Облетел «взлётную полосу», будто примериваясь, и пошёл на посадку. Самолёт затормозил на последнем метре. Колёса съехали с соломы в грязь и утонули по ступицы. Ещё бы метр — и биплан, как говорят лётчики, сделал бы «козла», скапотировал и перевернулся.

Со стороны дворов к самолёту неслась машина командарма.

«Моё прибытие на КП командующего 4-й гвардейской армией, — вспоминал Конев, — позволило принять ряд неотложных мер, необходимых для завершения операции.

Все мы понимали, что немцы будут лезть из кожи вон, чтобы выручить окружённую группировку. Командующий 1-й танковой

немецкой армией генерал Хубе теперь уже открытым текстом по радио передавал Штеммерману, чтобы он держался, что он лично сам руководит наступлением танковой группировки и скоро выручит его.

Я не стану скрывать своего волнения в связи с создавшейся ситуацией. Меня всё время беспокоило положение 27-й армии. Первым делом, как только я прибыл на НП генерала И.К. Смирнова, я вызвал начальника связи армии и представителя связи штаба фронта, которым приказал принять срочные меры и проложить связь напрямую по коридору прорыва на НП командующего 27-й армией генерала С.Г. Трофименко, находившегося в то время в деревне Джурженцы.

В сложившейся обстановке мною были поставлены следующие задачи армиям: 52-я армия генерала Коротеева. Основная задача — не выталкивать противника, а выходить на его пути и отрезать по частям, сковывать его силы и не давать ему возможность маневрировать.

Коротеев понял задачу, но в связи с трудностями манёвра, из-за грязи, он всё больше выжимал противника и отбрасывал в районы действий армий Трофименко и Смирнова.

27-я армия генерала Трофименко. Стойко оборонять занимаемые позиции с хорошо организованной системой огня. Эта армия должна крепко держать запертого противника.

4-я гвардейская армия генерала Смирнова. Наступать с юга на север, рассекать противника на части и пленить его. Иметь на внешнем фронте заслон от наступающей танковой группировки противника со стороны Лисянки, а также иметь манёвренный резерв. Если где-либо противнику удастся нарушить кольцо окружения, немедленно ликвидировать прорыв и не выпускать врага. Коротко, если можно так выразиться, задача армии заключалась в том, чтобы вбивать клинья в боевое расположение окружённой группировки врага и брать его основные опорные пункты каждый в отдельности.

5-я гвардейская танковая армия генерала Ротмистрова. Первая задача — помогать 4-й гвардейской армии дробить окружённую группировку противника на части, вторая — выполнять роль ударной манёвренной группы в случае прорыва противника из кольца или с внешнего фронта окружения. Для укрепления положения 27-й армии выдвинуть в район Джурженцы 18-й гвардейский танковый корпус.

Задача 5-й гвардейской танковой армии, связанная с манёвром на новое направление, была довольно трудной. Непролазная грязь сковывала движение танков. Однако этот манёвр нужно было во что бы то ни стало осуществить. И он был

осуществлён успешно. Выход танковой армии в предназначенные для неё районы предопределил разгром окружённых дивизий, исключал всякую возможность прорыва группировки генерала Штеммермана к войскам генерала Хубе, действующим с внешнего фронта. Последующие события подтвердили это.

5-й гвардейский кавалерийский корпус был выведен во фронтовой резерв. Он находился в центре коридора в готовности лихой атакой крушить противника в случае его прорыва из кольца.

53-я армия генерала Галанина. Создать жёсткую противотанковую оборону занимаемого рубежа на внешнем фронте. Отражать атаки танковой группировки противника. В обороне проявлять стойкость и не допустить прорыва танков противника навстречу окружённой группировке.

5-я, 7-я и 57-я армии обороняли занимаемые рубежи на левом крыле фронта, им было приказано иметь резервы на случай манёвра как в районах окружённой группировки, так и для перехода в наступление по общему плану фронта.

5-я воздушная армия под командованием генерала Горюнова. Наносить удары по танковым частям противника, парализовать действия вражеской авиации, стремившейся оказать помощь окружённым дивизиям. Вместе с тем советские лётчики должны были надёжно прикрывать свои войска с воздуха. Следует при этом отметить, что наши авиаторы, несмотря на исключительно неблагоприятные метеорологические условия, выполнили свои задачи блестяще.

Запомнился эпизод ночной бомбардировки врага, имевший место позже, в ночь на 17 февраля. Мне доложили, что в районе Шандеровки наблюдается большое скопление машин и танков, а также движение пехоты.

Требовалось срочно сбросить на скопление гитлеровцев осветительные и зажигательные бомбы, тем самым выгнать врага в открытое поле и бить артиллерией.

Я понимал, что выполнение задачи ночью, в метель, когда ветер сбивает с ног человека, будет, конечно, сопряжено с риском. В разговоре по телефону командующий 5-й воздушной армией генерал-лейтенант Горюнов объяснил мне трудности полётов при такой погоде. Я предложил ему обратиться к лётчикам и выявить добровольцев вылететь на выполнение этого боевого задания. На этот призыв 18 экипажей самолётов 392-го авиационного полка 312-й авиационной дивизии доложили о готовности немедленно вылететь на бомбёжку.

Первым поднялся в воздух самолёт капитана В.А. Заевского и штурмана младшего лейтенанта В.П. Локотоша. Они удачно

сбросили зажигательные бомбы по району скопления боевой техники и живой силы врага. Загорелись машины и повозки. Так же удачно произвели бомбометание и остальные экипажи.

Используя очаги пожаров в качестве ориентиров, по врагу ударила наша артиллерия.

Вылететь ночью, в пургу и при сильном ветре на такой лёгкой машине, как По-2, — немалый подвиг. В. Заевскому и В. Локотошу было присвоено звание Героя Советского Союза.

Итак, все армии фронта в соответствии с вышеизложенными задачами были нацелены на активные стремительные действия с целью рассечь, уничтожить или пленить врага. Кроме того, мною было приказано усилить противотанковую оборону всего коридора, создав там противотанковые районы с постановкой мин и устройством других инженерных заграждений. Противотанковые районы создавались на всех важных узлах дорог, в населённых пунктах и на высотах. Начальниками противотанковых районов были назначены командиры артиллерийских полков или командиры противотанковых артиллерийских бригад. Следует подчеркнуть, что противотанковые бригады в Великой Отечественной войне показали себя исключительно хорошо. Направляя их на танкоопасные направления, мы были всегда уверены, что эти бригады, специально предназначенные для борьбы с танками врага, имея большой боевой опыт и хорошо подобранный личный состав, способны были героически оборонять занимаемые районы и наносить противнику большой урон. Одновременно были приняты меры по усилению войск, действовавших и на внешнем фронте, на направлении Лисянки, и установлено тесное взаимодействие с войсками 1-го Украинского фронта.

К рассвету 13 февраля мне доложили, что связисты 4-й гвардейской армии и штаба фронта установили напрямую по коридору между внешним и внутренним фронтами окружения, где шли бои, надёжную связь с 27-й армией генерала Трофименко.

Я тотчас же вызвал к телефону командарма. С генералом Трофименко мы встречались, когда он воевал на Степном фронте во время Курской битвы. Я знал его с положительной стороны и учитывал его особую чувствительность к замечаниям со стороны старших начальников. Я понимал, что переподчинение в такой обстановке психологически действует на командира. Спокойно выслушав доклад Трофименко об обстановке, о состоянии и укомплектовании войск армии личным составом и техникой, я уловил в его голосе тревогу и сказал:

— Вашу армию переподчинили мне не случайно. Я знал её

раньше как боевую, поэтому уверен, что при соответствующей поддержке войсками нашего фронта она справится с задачей. И я уже кое-что сделал ещё до приказа Ставки, чтобы помочь вам отбить атаки противника из Стеблёва на Шандеровку.

Затем я сказал командарму, что в районе Ново-Буды и Комаровки находятся части 29-го танкового корпуса 5-й гвардейской танковой армии, 5-й кавалерийский Донской корпус и что в Джурженцы выйдет 18-й танковый корпус 5-й танковой армии, а потом вся 5-я гвардейская танковая армия и два стрелковых корпуса 4-й гвардейской армии. 5-й кавалерийский корпус будет действовать в “коридоре” с задачей не выпустить окружённую группировку противника. Я также выразил уверенность, что 27-я армия выполнит задачи успешно, и пообещал, если потребуется, прийти на помощь.

Большую роль сыграла тогда хорошая связь с армией. Она работала безотказно, и нам не было надобности держать связь вкруговую, через 1-й Украинский фронт, как это было предусмотрено директивой Ставки. С момента подчинения армии фронту лично я был доволен её действиями.

К утру 13 февраля наше положение было довольно устойчивым и на внешнем, и на внутреннем фронтах. Войска продолжали действовать активно, сжимали и дробили окружённую группировку противника и отбивали многочисленные и ожесточённые атаки на внешнем фронте».

Немцы метались вдоль нашей обороны, пытаясь отыскать лазейки и избежать встречи с танками и кавалерией. Некоторые, потеряв надежду выбраться, сдавались в плен. Другие, даже перед лицом явной гибели, дрались до последнего. В конце концов вся недобитая масса солдат обеих колонн сбилась на открытом пространстве между Комаровкой и Хильками на так называемом Бойковом поле. Как вспоминали участники последних боёв в затухающем «котле», «пленных было мало»…

После войны Конев рассказывал Константину Симонову, какое жуткое зрелище представляла собой картина после боя на истребление немецкого «котла». Отдельным эпизодом эта история вошла в посмертную книгу маршала «Сорок пятый»: «…какая страшная картина представилась мне зимним утром 1944 года после завершения Корсунь-Шевченковской операции. Такого большого количества трупов на сравнительно небольшом участке мне не пришлось видеть на войне ни до, ни после этого. Немцы предприняли там безнадёжную попытку прорваться ночью из “котла”, и стоило это им страшных потерь. Кровопролитие не входило в наши планы: я отдал приказ пленить окружённую группировку. Но в связи с тем, что командовавший ею генерал

Штеммерман в свою очередь отдал приказ пробиться во что бы то ни стало, мы вынуждены были противопоставить силе силу. Немцы шли ночью напролом в густых боевых колоннах. Мы остановили их огнём и танками, которые давили на этом страшном зимнем поле напирающую и, я бы добавил, плохо управляемую в ночных условиях толпу.

И танкисты тут неповинны: танк, как известно, плохо видит ночью. Всё это происходило в кромешной темноте, в буран. Под утро буран прекратился, и я проехал через поле боя на санях, потому что ни на чём другом передвигаться было невозможно. Несмотря на нашу победу, зрелище было такое тяжёлое, что не хочется вспоминать его во всех подробностях».

Именно там погиб командир корпуса генерал артиллерии Штеммерман. Труп Штеммермана был найден у села Журжинцы. Редкий случай, когда немцы оставляли тело своего генерала. Это обстоятельство послужило поводом для появления легенды о том, что Штеммермана, не выполнившего волю Гитлера держаться, застрелили фанатичные эсэсовцы, имевшие приказ расправляться со всеми трусами и паникёрами. В Шендеровке в ночь накануне прорыва «валлонцы» и «викинги» действительно расстреляли многих истинных арийцев, потерявших волю к сопротивлению.

В 5-й танковой дивизии СС специального назначения «Викинг» служили добровольцы из «расово приемлемых народов». В полку «Вестланд» — голландцы и фламандцы. В полку «Нордланд» — норвежцы и шведы. Батальон «Нордост» целиком состоял из финнов. Батальон «Нарва» — из эстонцев. Из черкасского «котла», как немцы называли корсунь-шевченковское окружение, «викинги» выскочили чудом. К примеру, штурмовая бригада «Валлония» этой дивизии потеряла своего командира. Был тяжело ранен заместитель командира бригады. Из окружения вырвалось 632 человека. Так жёстко прижали их расово неприемлемые, что осенью 1944-го дивизию пришлось пополнять украинскими добровольцами.

Когда Коневу доложили о том, что на поле боя рядом с разбитой прямым попаданием штабной машиной найдено тело генерала, что пленные опознали в нём командира корсунь-шевченковской группировки Штеммермана, он приказал разрешить немецким военнопленным похоронить «своего генерала с надлежащими почестями по законам военного времени». Приказ командующего был исполнен: тело Штеммермана похоронили в гробу, рядом, завернув в палатки, положили тело адъютанта и других офицеров и солдат, которые выполняли свой долг до конца.

Официальная статистика потерь немцев в Корсуньском

«котле» показывает следующее: 55 тысяч солдат и офицеров убиты и ранены, свыше 18 тысяч взято в плен. При том, что в кольце первоначально находилось около 80 тысяч человек, нескольким тысячам окружённых удалось ускользнуть, прорваться, выйти по не контролируемой советскими войсками

местности к своим. Что ж, это обычная картина окружения и разгрома. Кому-то в последний момент судьба улыбается, позволяя избежать гибели, плена, позора.

Немецкие историки, конечно же, всячески преуменьшают число потерь. Что и понятно. Тень Сталинграда ужасом висела над вермахтом и всей Германией. Как сказать немецкому народу, что потери на Украине столь огромны? Сказанное однажды потом своеобразной правдой вошло в исторические хроники и мемуарные тексты свидетелей и действующих лиц. К примеру, Манштейн в своих мемуарах утверждал, что ему удалось вызволить из Корсунь-Шевченковского «котла» 30 тысяч человек. Вряд ли. Уж больно круглая цифра. Махнул пером — и ладно, пусть будет 30 тысяч… Пауль Карель махнул пером ещё выше — 40 тысяч с лишним. Тяжело было признать, что русские в это время воевали блестяще, превосходя их во всём.

Войсками 2-го Украинского фронта были захвачены: 41 самолёт, 167 танков и самоходных орудий, 618 полевых орудий разного калибра, 267 миномётов, 789 пулемётов, 10 тысяч автомашин, 7 паровозов, 415 вагонов и цистерн, 127 тягачей и другие трофеи.

Впрочем, наши потери для нас важнее. Они были такими: 24 286 человек убитыми, умершими от ран и пропавшими без вести. Санитарные — в два раза больше.

Разгромом корсунь-шевченковской группировки Манштейна наши войска открывали для себя Заднепровье. Широкий манёвр вплоть до румынской и польской границ.

Конев доложил Сталину о выполнении операции и трофеях.

— Поздравляю с успехом, — сказал Верховный. — У правительства есть мнение присвоить вам звание Маршала Советского Союза. Как вы на это смотрите, не возражаете? Можно вас поздравить?

Конев сдержанно ответил:

— Благодарю, товарищ Сталин.

— Представьте отличившихся командиров к наградам. У нас также есть соображение ввести новое воинское звание маршала бронетанковых войск. Каково ваше мнение на этот счёт?

— Положительно, товарищ Сталин. Позвольте представить к этому новому званию маршала бронетанковых войск Павла Алексеевича Ротмистрова. Он отличился в этой операции.

— Я — за, — сказал Верховный. — И думаю, что мы ещё присвоим такое звание товарищу Федоренко, начальнику бронетанковых войск.

Указы в те дни писались мгновенно. Указ о присвоении ему маршальского звания Конев услышал в тот же день в Моренцах в штабе Ротмистрова. А произошло это так.

Конев приехал к Ромистрову, рассказал ему о новостях. Надо было отметить. Но решили подождать указа. Оба после многодневного напряжения чувствовали безмерную усталость. Конев сказал, что хотел бы прилечь, поспать часок-другой. Дело было сделано, можно и поспать. Ротмистров распорядился. Глядя, как быстро уснул командующий, прилёг и сам. Но через некоторое время их разбудил голос Левитана. Связисты включили радио на всю громкость. Как же, их командующим присваивались маршальские звания!

Ротмистров вскочил первым. Где-то раздобыл портвейн. На столе появилась закуска. Пир горой! Поздравления!

На следующий день, как вспоминал Конев, к нему прилетел маршал Жуков. Он сиял. Георгий Константинович понимал, что присутствует на триумфе Конева. Радость его казалась искренней. Он чувствовал, что победа под Корсунем и его победа. Правда, никакой награды за «Сталинград на Днепре» он не получил. Обойдён наградой был и генерал Ватутин. Вся эта интрига происходила, конечно же, волей самого гениального режиссёра тех времён — Сталина.

Жуков же, несмотря ни на что, привёз Коневу незабываемый подарок, который вошёл в историю Великой Отечественной войны отдельным эпизодом, символом офицерской доблести и дружбы, — маршальские погоны. Говорят, Конев был растроган до слёз.

К этой истории можно отнестись как к легенде, коих война и поэтическая душа нашего народа сотворила превеликое множество. Кстати, такой же легендой стало якобы спасение Конева Жуковым в октябре 1941-го после гибели фронтов под Вязьмой. Но этого мы уже касались и повторяться не будем.

Возможно, великий режиссёр действительно послал Жукова к Коневу с маршальскими погонами, новую пару которых быстро вышить золотом было просто невозможно. Поезжай, мол, поздравь победителя, который с честью выправил загубленную Жуковым и Ватутиным ситуацию… Не зря ведь Жуков и Ватутин не попали в указ о награждении отличившихся в Корсунь-Шевченковской стратегической наступательной операции.

А возможно, Жуков к Коневу и вовсе не летал. Существует же версия, что Жуков *прислал* Коневу погоны оказией — пилотом

самолёта связи У-2.

Конев, однако, вспоминал, что 18 февраля 1944 года Жуков действительно прилетал к нему. «Мы встретились с ним на командном пункте 27-й армии генерала С. Г Трофименко в Джурженцах», — писал он в своих «Записках…». В Джурженцы прибыл также командующий войсками 1-го Украинского фронта генерал Ватутин. Жуков привёз директиву Ставки на предстоящую операцию.

Дочь маршала Наталия Ивановна Конева в одном из газетных интервью поведала свою версию истории с маршальскими погонами. И она кажется более правдоподобной:

— Вышивались маршальские погоны вручную, одной тонкой золоченой нитью и довольно долго. Заранее их не делали. Сталин же хотел, чтобы Конев как можно быстрее надел эту заслуженную награду. И тогда погоны, которые хранил у себя маршал Жуков, он отправил Коневу на Украину самолётом из Москвы. Этим же самолётом прилетел и мешок сушек. Сталин позвонил отцу, чтобы поздравить с присвоением маршальского звания, и спросил, а что ему отправить в подарок? Отец попросил мешок сушек. Он мучился от своей язвы. И этому мешку сушек, кажется, был больше рад, чем маршальским погонам.

В 1946 году, когда арестовали Главкома ВВС Главного маршала авиации А.А. Новикова, в протоколах допросов среди прочего появилось и такое откровение: «После окончания Корсунь-Шевченковской операции командующий… 2-м Украинским фронтом Конев получил звание маршала. Этим решением правительства Жуков был очень недоволен и в беседе со мной говорил, что эта операция была разработана лично им — Жуковым, а награды и звания за неё даются другим людям… Жуков высказывал мне обиды, что он, являясь представителем Ставки, провёл большинство операций, а награды и похвалы получают командующие фронтами».

Показания А.А. Новиков давал следователям, умевшим получать нужные сведения. Но в тот момент из подследственного вышибали компромат на маршала Жукова. Маршал Конев был фигурой посторонней. А потому то, что касалось его, Конева, выглядит вовсе не вынужденными признаниями, а абсолютными откровениями А.А. Новикова.

Некоторые биографы Маршала Победы пишут, что Жуков не считал маршальское звание Конева вполне заслуженным.

Но всё это — тлен и суета. Большой историей, достойной восхищения, стали не обиды маршалов, а их совместные победы.

Конев в своих «Записках…» подытожил события февраля 1944-го так: «Своеобразие Корсунь-Шевченковской операции

заключается в том, что она развивалась необычайно манёвренно. В ходе операции широко практиковалась перегруппировка войск. Ударные группировки непрерывно усиливались за счёт войск, действовавших на менее активных участках фронта. Корпуса, дивизии 6-й, 7-й гвардейских и 57-й армий перебрасывались на более важные участки. Из других армий также было переброшено большое число танковых, артиллерийских и инженерных частей. Манёвр войсками сыграл, несомненно, положительную роль в успешном проведении операции на окружение и уничтожение противника и подтвердил необходимость в условиях такой операции иметь всегда в виду манёвр резервами для парирования всякого рода неожиданностей.

…Корсунь-Шевченковская операция убедительно показала, что Красная Армия полностью овладела высшей формой оперативного искусства — искусством окружать и уничтожать противника. Она свидетельствовала о том, что наступательные действия советских войск проходят на высоком уровне, а мы, советские воины, с возрастающим мастерством бьём немецко-фашистские войска».

Глава двадцать шестая. ЧЕРЕЗ ЮЖНЫЙ БУГ И ДНЕСТР

После небольшой оперативной паузы, которой войскам хватило разве что на то, чтобы заштопать дыры на шинелях, почистить сапоги да хорошенько отоспаться в тепле, армии снова пошли вперёд.

Накануне наступления Конев провёл совещание с командармами, членами военных советов и заместителями по артиллерии и тылу. Он хорошо понимал своих ближайших подчинённых, знал, что это люди с разными характерами, но было у них нечто общее, что объединяло и почти уравнивало — боевой опыт. То есть то, что обеспечивало выполнение поставленных задач практически любой сложности. Конев избегал излишнего контроля. Но всё же иногда просил доложить о готовности артиллерии, о составе подразделений первого эшелона, о том, как налажена санитарная служба. Иногда прерывал командармов кратким: «знаю», «мне известно». Те, привыкнув к его манере и дорожа общим временем, принимали эти реплики как должное. Они знали: командующему можно сказать о любых недостатках и просчётах, чтобы устранить их общими усилиями. Правду командующий терпел в любом виде. Не терпел вранья, «…потому что за всякую ложь приходилось расплачиваться кровью солдат», — спустя годы напишет он в своих «Записках…».

В этот раз он особое беспокойство проявил по поводу готовности артиллерии. Погода стояла ненастная, самолёты дремали на своих базах, и их участие в прорыве, по всей вероятности, исключалось.

На рассвете 5 марта мощной артподготовкой из нескольких тысяч орудий и миномётов началась Уманско-Ботошанская наступательная операция.

Конев назвал её «самой трудной», так как она проводилась «в условиях полного бездорожья и весеннего разлива рек». Когда нет дорог, а вернее, когда по разбитым дорогам нет пути, маневрировать крупными массами войск и бронетехники весьма затруднительно. Но в той войне зачастую потому и побеждали, что действовали вопреки всему, в том числе и здравому смыслу.

Военные историки часто повторяют такую байку. Когда Гитлер спросил начальника Генерального штаба сухопутных сил генерала Цейтцлера, что в ближайшее время, в обстоятельствах полной распутицы и разлива рек, могут предпринять русские, тот

ответил вопросом: «Мой фюрер, представьте, что вы русский, что бы вы сделали сейчас?» Цейтцлер ожидал, что Гитлер скажет: «Пошёл бы в наступление». Но Гитлер, всё ещё переживая поражение под Корсунем, ответил: «Ничего».

Этот разговор произошёл после того, как полковник Генштаба начальник разведотдела «Иностранные армии Востока» Рейнхард Гелен доложил неприятную информацию, полученную из разведдонесений, от пленных и в результате анализа данных агентурной разведки: «Русские готовы осуществить операцию на окружение немецкого южного фланга. С этой целью в ближайшее время 1-й Украинский фронт предпримет крупномасштабное наступление против нашего 59-го корпуса южнее Припятских болот, чтобы ударить в направлении на Польшу. Одновременно они повернут на юг к Днестру, чтобы обойти немецкий южный фланг. 2-й Украинский фронт Конева будет наступать из района Звенигородки с целью прорвать ослабленную 8-ю армию, ударить в направлении Румынии и совместно с 1-м Украинским фронтом окружить силы наших 1-й и 4-й танковых армий, которые ещё находятся восточнее Днестра».

Гелен, которого после войны назовут шпионом века, на этот раз был поразительно точен в своих прогнозах и выводах.

Утром 4 марта 1944 года в наступление ринулись войска 1-го Украинского фронта. Ими командовал маршал Жуков.

Спустя сутки, на рассвете 5-го числа, атаковал Конев.

Ставка планировала добить противника, который всё ещё удерживал некоторые районы Правобережной Украины.

Левее наступали армии и корпуса 3-го Украинского фронта генерала Малиновского[77].

3-й Украинский продвигался на Одессу. 2-й Украинский — на Умань и далее к Днестру.

Как всегда бывало перед наступлением, Конев с офицерами штаба объездил, обошёл и облазил всю передовую в поисках наиболее выгодного места для предстоящего прорыва. Наконец оно было найдено между сёлами Русаловка и Стёбное. Определена ширина наступления — 25 километров.

Перед Коневым вновь стояли части 8-й немецкой армии, а также подразделения 6-й армии. 400 тысяч солдат и офицеров, около 3500 орудий и миномётов, 450 танков и штурмовых орудий и около 500 самолётов. Разведка определила уязвимое место в порядках войск противника — оборона неглубокая, местами около 6—8 километров. Две-три позиции траншейного типа.

2-й Украинский фронт к моменту наступления имел 480 тысяч активных штыков, 8890 орудий и миномётов, 670 танков, 551 самолёт. Слабым местом оставались малокомплектные

дивизии, многие из которых после недавних боёв имели половинный состав.

Наступали двумя ударами. Главный из района Черемисское, Ольховец на Умань и далее к Днестру и Яссам. Вспомогательный удар — силами левого крыла на Ново-Украинку. Оперативное построение — в два эшелона.

За первые три дня наступления войска основной группировки прорвали немецкую оборону и начали развивать удар силами подвижных частей. Прорыв был сделан на глубину до 50 километров, и до 80 километров были свёрнуты оголённые фланги противника.

Через три дня удар нанесла вспомогательная ударная группа левого крыла. В первый же день и здесь был достигнут успех.

Но главные события происходили под Уманью. Здесь наши танковые части столкнулись с 11-й, 13-й и 14-й танковыми дивизиями противника. В районе станции Поташ произошло встречное танковое сражение. Немцы потеряли в нём почти всю свою бронетехнику. Трофейные команды насчитали в полях, на дорогах и в балках около 500 немецких танков. Некоторые были брошены экипажами после того, как моторы выработали всё горючее, а в зарядных ящиках не осталось снарядов. По воспоминаниям участников сражения под Уманью, несколько трофейных танков были заправлены горючим, укомплектованы экипажами и вступили в бой в составе наших танковых бригад и корпусов.

К исходу 9 марта командующий 40-й армии генерал Жмаченко[78] шифром сообщил: вышли на рубеж Сарны, наступление продолжаю.

27-я армия генерала Трофименко, продвигаясь слева уступом, тем временем достигла рубежа Христиановки.

Как всегда, темп задавали танкисты. Это был уже не 1941 год. 6-я армия генерала Кравченко[79] обходным манёвром глубоко продвинулась вперёд и ворвалась в Христиановку.

52-я армия 9 марта вела бои за Умань.

2-я танковая армия к утру 10 марта при поддержке частей 5-й гвардейской танковой и 52-й армии полностью овладела Уманью.

Только на второй день Конев догнал свои передовые части. Его машина въехала в Умань. Он помнил этот южный городок довоенным, с прекрасным Софиевским парком, где было много сирени. Теперь кругом дыбились щербатые руины домов, улицы загромождали подбитые танки и самоходки, валялись трупы немецких солдат.

Из штаба 53-й армии сообщали: по фронту наступления армии наблюдаем общий отход противника. Та же картина была и

на других участках. Началось оперативное преследование отступающих немецких войск.

Впереди был Южный Буг. И Конев бросил вперёд подвижные отряды с целью захвата мостов, бродов и переправ.

Отход немцев местами превращался в бег. Извечный спутник такого отступления — паника. Она пронизывала войска со скоростью бронебойного снаряда и уничтожала боевой дух и волю к сопротивлению. Группы «тридцатьчетверок» 2-й и 5-й гвардейской танковых армий настигали бегущих. Тех, кто поднимал руки, отправляли в тыл. Остальных накрывала грохочущая лавина до блеска отшлифованных траков. Следом за танками к переправам спешили отряды преследования: пехота на подводах, лёгкая артиллерия на конной тяге, сапёры, миномётчики. Вот что собой представляли передовые отряды.

Уже к вечеру авангарды вышли к Южному Бугу, захватили переправы и с ходу переправились на южный берег, заняли крупные опорные пункты противника — районные центры Джулинка и Гайворон.

Порой на переправах вспыхивали короткие кровавые схватки. Стремительные «тридцатьчетверки» настигали отходящего противника прямо на понтонах и мостах. Иногда группы немецкой пехоты и танки выходили к переправам, уже занятым нашими войсками. Случалось, немцы взрывали мосты в тот момент, когда на них выскакивали русские танки и отряды преследования. Инженерные части, тоже продвигавшиеся вперёд, тут же приступали к разминированию местности и ремонту переправ.

Особенно отличились во время боёв за переправы и при захвате плацдармов на южном берегу реки танкисты 2-й танковой армии генерала Богданова[80].

На некоторых участках захваченные плацдармы были расширены и углублены до 10—12 километров.

Конев с оперативной группой передвигался вперёд вслед за войсками. На переправе близ станции Поташ штабной кортеж попал под авианалёт. Погода по-прежнему была нелётной, но ночные немецкие бомбардировщики летали. Один из таких ночных охотников и наткнулся на их колонну в нескольких километрах от переправы. Немец всё рассчитал. Переправу охраняли зенитки. А тут, на дороге, безраздельно царствовал он.

Конев вспоминает, что из-за того, что впереди ехавший «виллис» и замыкавший бронетранспортёр охраны двигались плотно, газуя в вязкой дорожной грязи, звука мотора самолёта никто не услышал. Вдруг всё вокруг озарилось яркой вспышкой. Машины осыпало осколками и кусками земли. Конев находился в

«эмке» в середине колонны. Одна из бомб разорвалась совсем близко. Остановились. Заглушили моторы. Конев приказал водителю выключить свет. Но во время бомбёжки «эмка» наскочила на «виллис», фары повредило, провода замкнули, и свет не выключался. Шофёр накинул на фары свою куртку и какое-то тряпьё и возился с проводкой.

«Проходит минута, две, — вспоминал Конев. — Мы слышим второй заход самолёта, и новая серия бомб рассыпалась возле наших машин. Наконец свет фар погас. Все четыре машины остановились. Самолётов в ночном небе уже не было слышно. Осмотрев машины, мы увидели, что у моей “эмки” пробиты мелкими осколками оба ветровых стекла.

В крыше тоже несколько пробоин, одна значительных размеров. “На память” в кузове машины оказался большой осколок бомбы около 500 г, который ударился о подушку и одеяло и застрял. Подушка и одеяло спасли меня от осколка, который мог бы угодить в позвоночник. Все уцелели. Конечно, случайно. К рассвету мы приехали на новый командный пункт. Нас встретил начальник штаба генерал-полковник М.В. Захаров и удивился, что машины изрешечены, а мы живы. Всякое бывает на войне».

Темп наступления в эти дни составлял 15—25 километров в сутки.

17 марта авангарды вышли к Днестру

Тем временем левая группировка сломила сопротивление на своём участке фронта и начала такое же энергичное преследование врага. На её участке действовали танковые дивизия СС «Мёртвая голова», 10-я мотодивизия, дивизия «Великая Германия» и шесть пехотных дивизий. 5-я и 7-я гвардейские армии рассекли их оборону, расширив фронт до 120 километров и углубившись на 70 километров. Гвардейцы сообщали о 10 тысячах пленных, захваченных в ходе прорыва.

Пленные немцы всегда радовали Конева. В цифрах войны он понимал и то, что каждый пленный немец — это несколько сохранённых жизней своих родных славян. Уже слышался в ротных и батальонных колоннах, в батареях и экипажах этот внезапно родившийся в войсках клич: «Эй, славяне!»

Пахло весенним Днестром и победой. Но до великой Победы был ещё год и два месяца боёв. Десятки и сотни больших и малых рек. Потери, потери, потери…

Днестр войска перескочили с ходу. Начали обустраиваться на отбитых плацдармах. Ремонтировали взорванные, строили новые мосты и переправы.

Группа немецких армий «Юг» оказалась разрезанной на две

части. Правый фланг 1-й танковой армии генерала танковых войск Ханса Хубе был раздроблен и отходил на северо-запад. Левый фланг 8-й армии генерала пехоты Отто Вёлера пятился к югу.

Днестр был захвачен на восьмидесятикилометровом участке. Велась переправа. Авангарды тем временем расширяли плацдармы. Действуя решительно и дерзко, на некоторых направлениях они углубились до 40 километров. На правом берегу Днестра был создан простор для дальнейшего оперативного манёвра.

Двадцать второго марта 1941 года Конев получил директиву Ставки: войска 3-го Украинского фронта отстают, скованы сильным сопротивлением противника в нижнем течении Южного Буга, в целях окружения вражеской группировки, действующей там, и недопущения отхода её за Днестр, войска левого крыла повернуть на юг по восточному берегу Днестра и овладеть районами Бендеры, Тирасполь. Расчёт Ставки был понятен: прижать 6-ю армию генерала артиллерии де Ангелиса к побережью и добить её изолированно между Днестровским лиманом и Чёрным морем.

Перегруппировку пришлось делать на марше.

Вечером позвонил Сталин:

— Каковы ваши дальнейшие планы, товарищ Конев? — спросил Верховный, выслушав доклад о положении фронта,

— Согласно директивам, товарищ Сталин, основной удар планируем нанести на Бельцы и Яссы, а затем две общевойсковые и две танковые армии из центра фронта резко повернём вдоль обоих берегов Днестра. Считаю, необходимо поддержать войска 3-го Украинского фронта.

— Да, Малиновский, к сожалению, значительно отстаёт. А что вы думаете относительно Одессы? Ваше положение очень выгодное. Может быть, вы сумеете, по крайней мере, с захватом станции Раздельная, часть сил повернуть прямо на юг, на Одессу?

— Товарищ Сталин, перегруппировать часть подвижных войск на левый фланг не смогу. К тому же из-за тяжёлых условий местности и непролазной грязи из строя выбыло много танков. Командующему 7-й гвардейской армией генералу Шумилову мною уже даны указания как можно быстрее форсировать Южный Буг, овладеть районом станции Раздельная и узлом железных дорог. Сделать ему это будет трудно, так как, кроме пехоты, никаких манёвренных средств у него нет.

Верховный проверял возможности фронта. Конев это понял и потому настаивал на продолжении операции на Днестре и за Днестром. Именно здесь создалась благоприятная обстановка с

перспективой нанесения удара по южной группировке Манштейна, который, искусно маневрируя и нанося короткие контрудары на флангах, постоянно уклонялся от решающего сражения. Конев же понимал, что схватиться с немецкой группировкой нужно как можно раньше, скорее, сейчас, пока наступательный ресурс армий ещё позволяет навязывать противнику свою игру и драться с самыми сильными его группировками не просто на равных, а с уверенностью, имея явное превосходство.

Двадцать пятого марта, на двадцатые сутки наступления на Уманском направлении, передовые отряды 40-й, 27-й и 52-й армий вышли к реке Прут, на государственную границу СССР, и с ходу форсировали её. За Прутом начиналась Румыния.

Здесь произошёл курьёзный случай с капитаном Андреем Жариковым из 52-й армии, будущим детским писателем и литературным консультантом второй книги мемуаров Конева. Историю эту рассказывали потом до самого Берлина. Она обросла домыслами и красочными деталями, на которые не скупится устное народное творчество, и превратилась в армейский анекдот.

А случилось вот что.

52-я армия генерала Коротеева[81] шла в первом эшелоне, в составе авангарда 2-го Украинского фронта, с ходу перемахнула Прут и вела бои на западном берегу. Артиллеристам на плацдарме нужны были огнеприпасы. Их доставляли из тыловых складов грузовики. На одном из «студебеккеров» вёз снаряды своим артиллеристам капитан Жариков. Спешил. Ночь застала его в пути, при подъезде к Пруту. Похоже, заблудился. Вдруг водитель увидел впереди паром, на который грузились солдаты. Посигналил, чтобы подождали, поддал газку. Машина сильная — вездеход. Водитель тоже хороший — ловко зарулил на паром, когда солдаты по приказу капитана Жарикова положили сходни. Паром отчалил. И уже на середине реки капитан и водитель обратили внимание на то, что солдаты как-то странно себя ведут. Сгрудились, молчат. Присмотрелся: мать честная! Румыны! С винтовками, с подсумками. Около сорока человек. Делать нечего, надо и дальше держать взятый тон. Вышел из машины и спросил:

— Молдаване есть среди вас? Нашлись и молдаване, трое.

— Вот что, ребята. Вы должны помочь мне сгрузить бое припасы и пригнать паром обратно, на левый берег. Всем румынам передайте, что я отпускаю их по домам, если они не хотят попасть в плен… Оружие сложить на пароме.

Румыны в то время уже воевали вяло, многие дезертировали. Возможно, на одну из таких групп дезертиров и наткнулся

капитан Жариков на переправе. Сам же Жариков после войны любил рассказывать эту историю, прибавляя к ней следующую подробность: обнаружив, что солдаты на пароме — румыны и что настроены они далеко не дружелюбно, прежде чем окликнуть молдаван, взял в руки две гранаты и выдернул чеки. После этого они стали более сообразительными и приказ выполнили в точности.

Выход наших войск к государственной границе был отмечен особым приказом Верховного главнокомандующего.

Москва салютовала бойцам и командирам 2-го Украинского фронта 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий. Дивизии и полки, отличившиеся в боях при форсировании Днестра и выходе на государственную границу, получили почётные наименования «Днестровских» и «Прутских».

Любопытный факт: участок государственной границы по Пруту, очищенный от противника войсками маршала Конева, взял под охрану 24-й пограничный полк подполковника пограничных войск НКВД С.Е. Капустина. В 1941-м именно здесь подразделения погранотряда С.Е. Капустина приняли первый бой.

Начался освободительный поход Красной армии в Европу Войска ликовали. Радовалась освобождению родной земли вся страна.

Но кровь русских солдат продолжала литься. Фашизм надо было добивать. Таковы были и условия союзников, стран антигитлеровской коалиции.

Наркомат иностранных дел СССР в эти дни опубликовал заявление, в котором говорилось: «Советское правительство доводит до сведения, что наступающие части Красной Армии, преследуя германские армии и союзные с ними румынские войска, перешли на нескольких участках реку Прут и вступили на румынскую территорию. Верховным Главнокомандованием Красной Армии дан приказ советским наступающим частям преследовать врага вплоть до его разгрома и капитуляции.

Вместе с тем Советское правительство заявляет, что оно не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии и что вступление советских войск в пределы Румынии диктуется исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением войск противника».

В начале апреля Ставка потребовала от Конева повернуть войска на юг, на Кишинёв.

Глава двадцать седьмая. ПОБЕДИВШИЙ МАНШТЕЙНА

В эти дни командующий группой армий «Юг» фельдмаршал Манштейн позвонил начальнику Генерального штаба сухопутных сил генералу Цейтцлеру и сказал, что его 1-я танковая армия (генерал Хубе) находится в критическом положении, что она зажата в ловушке между Бугом и Днестром и больше не может держать фронт с прежней надёжностью. Вскоре Манштейна вызвали к Гитлеру. Из Львова самолёт вылетел на северо-запад и приземлился на аэродроме в окрестностях заснеженных гор в Бергхофе. Гитлер принял Манштейна в своей резиденции «Орлиное гнездо».

Доклад Манштейна был краток и довольно суров: 1-я танковая армия истощена непрерывными атаками русских, у Хубе осталось мало танков, русские вышли на армейские коммуникации. Необходимо в помощь 1-й танковой, которая будет наступать в западном направлении, ударить силами 4-й танковой армии генерала Рауса. Однако для обеспечения этого манёвра необходимо пополнить ударную группировку хотя бы одним танковым корпусом.

Гитлер слушал своего лучшего фельдмаршала молча. Но как только Манштейн умолк, взорвался:

— У меня нет дивизий для осуществления вашего плана! Вы предлагаете мне снять танковые дивизии из Франции и отдать вам? Накануне вторжения противника на западе? Я не могу снять оттуда ни одного батальона. Посмотрите на карту, Манштейн! В случае отвода 1-й танковой армии ломается весь наш фронт на Востоке! И мы неминуемо теряем весь юг! Вы не очень-то умело распоряжались теми пополнениями, которые вам постоянно посылались.

— Но, мой фюрер, пополнения всегда давались частями, и в самый последний момент, когда их тут же приходилось бросать в бой.

Гитлер уже кипел:

— Вы всегда хотели заниматься только боевым маневрированием. Осенью вы говорили, что Днепр будет удержан. После того как Днепр вы не удержали и я, скрепя сердце, дал согласие отступить за реку и закрепиться на ней, вы тут же стали доказывать, что надо отступать дальше. Вы сдали Киев и сдали потом всю Правобережную Украину!

— Но так и должно было случиться. По вашему указанию мы

удерживали Донбасс, а позже Днепровский район, в то время как все эти силы могли бы использовать для удержания именно «Восточного вала».

— Воздушная разведка зафиксировала: некоторые ваши части отступали перед отдельными танками противника, бежали от них целыми полками! Манштейн, вместо того чтобы стоять насмерть и держать фронт, вы всё время говорили о необходимости отхода на новые позиции. И в результате постоянно отступаете всё дальше и дальше.

Манштейн побагровел и холодным тоном произнёс:

— Вы, мой фюрер, и только вы виноваты в том, что произошло на Восточном фронте. Восемь месяцев вы ставите нашим войскам на южном фланге одну стратегически невыполнимую задачу задругой. Чтобы справиться с ними, не предоставляете ни необходимых резервов, ни свободы действий.

Говорят, Гитлер не нашёл в себе сил дальше слушать монолог одного из лучших своих фельдмаршалов и покинул заседание со словами: «Я не могу согласиться с вами».

Через несколько дней Манштейн был смещён. Гитлер вручил ему Мечи к Рыцарскому кресту с дубовыми листьями и объявил: «Я решил расстаться с вами… Время операций закончилось. Теперь мне нужны люди, которые могут твёрдо держаться».

Вместе с Манштейном Гитлер сместил и командующего группой армий «А» фельдмаршала Клейста.

В это время в приёмной уже стояли их преемники: генералы Модель и Шёрнер. Моделю тут же было присвоено звание генерал-фельдмаршала и вручена группа армий «Юг», которая с этого времени стала именоваться «Северная Украина». Шёрнера назначили на правофланговую группу армий «Южная Украина».

Судьба возвращала Коневу старого его знакомого по Ржеву и Вязьме.

Манштейн уходил с поля боя навсегда. Конев больше с ним не встретится. В 1971 году в предисловии к одной из книг, адресованной в том числе и советскому читателю, Манштейн напишет: «Для меня очевидно, что стратегия, накопленная за время войны, — наша совместная стратегия с русскими. И это несмотря на то, что и мы, и они всегда стремились нанести друг другу как можно больший урон. Это как сложнейшая и многоходовая партия, которую играют великие игроки. Скажу больше — жаль, что эта война поставила наши государства по разные стороны баррикад…»

Манштейн прав: не удержалась бы Англия, если бы вермахт и Красная армия каким-либо образом избежали военного столкновения, и если бы у них, вопреки сложным международным

интригам и манипуляциям, в начале 1940-х годов образовался союз. Но это всё из области: если бы да кабы…

В начале апреля Конев позвонил Сталину Звонил он с командного пункта 5-й гвардейской танковой армии, находившегося уже в Румынии. Он доложил, что войска 2-го Украинского фронта выполнили все задачи в более короткие сроки, чем это предусматривали директивы Ставки, что прошли с боями до четырёхсот километров «по сплошному бездорожью в невероятно трудных условиях», что «дальше активно выполнять задачи они не могут — устали, тылы растянулись; кроме того, сосед слева очень сильно отстаёт, а противник всё, что имеет перед его фронтом, перебрасывает против войск 2-го Украинского фронта», что войскам необходима передышка.

— Что вы предлагаете? — спросил Верховный.

— Предлагаю перейти к обороне.

— Правильно, — ответил Верховный, словно ждал этого предложения. — Перейдите к обороне и приводите войска в порядок. О дальнейших задачах будут даны указания особо.

Дело было сделано. Уманско-Ботошанская операция проведена успешно, в кратчайшие сроки. Правобережная Украина очищена от немцев и румын. Противник прижат к предгорьям Карпат. Группировка его рассечена на две части и лишена манёвра на взаимодействие.

Можно было отдохнуть. Но у Конева отдых оказался коротким. В начале мая 1944 года он получил новое назначение — принять командование войсками 1-го Украинского фронта. Забегая вперёд, скажу, что с ними он закончит войну в Берлине и Праге.

Маршал Жуков был отозван в распоряжение Ставки. На 2-й Украинский назначили маршала Малиновского, на 3-й — маршала Толбухина.

Расставаться с боевыми товарищами, с которыми прошёл трудный и прекрасный путь побед от Белгорода до Румынии, Коневу было нелегко. Особенно сожалел о том, что расстаётся с начальником штаба фронта генералом Захаровым. С Матвеем Васильевичем Конев успел не просто сработаться, а подружиться. Они вместе были под Москвой, управляя войсками Калининского фронта. Потом Степной фронт повели в атаку и дошли до Молдавии. Конев ценил в Захарове высокую штабную культуру и офицерскую, человеческую надёжность. А ещё у них была общая тема для внеслужебных бесед — русская история. Но, как говорят солдаты: труба зовёт…

К месту нового назначения Конев решил ехать на машине.

Стояла весна, на благодатных землях Молдавии и Украины

цвели сады. Деревни пахли сиренью. Путь лежал через Бельцы, Могилёв-Подольский, Каменец-Подольский, Ярмолинцы, Проскуров, Волочиск. Уже подсохло. Войска наладили дороги, разминировали обочины. Но поля в местах сражений всё ещё были заминированы и там работали команды сапёров. Следом за сапёрами, буквально по пятам, шли жители окрестных сёл и деревень, колхозники — распахивали землю, сеяли хлеб и кукурузу. Земля возвращала себе своё исконное предназначение, превращаясь из поля боя в поле надежд на лучшую жизнь людей, которые любили эту землю и умирали за неё.

Штаб 1-го Украинского фронта расположился в селе Токи под Волочиском. В штабе Конева встретили маршал Жуков и начальник штаба генерал Соколовский. Не заладилась у Василия Даниловича командная работа. После отстранения Конева от командования войсками Западного фронта генерал Соколовский, сменивший его, провёл несколько неудачных операций на Оршанском и Витебском направлениях, загубил массу войск и был сменён генералом Черняховским.

Началась подготовка к новому наступлению.

Противник, как известно, ждал основной удар Красной армии именно отсюда. К югу от Припяти немцы сосредоточили основные свои силы. Почти все танковые дивизии (18 из 23) находились здесь. Перед 1-м Украинским фронтом действовали десять танковых дивизий.

Конев от Жукова принял следующее хозяйство: 440 километров фронта от Луцка на севере до Коломыи на юге, семь общевойсковых, три танковые армии, две конно-механизированные группы, 1-й Чехословацкий армейский корпус, всего 80 стрелковых и кавалерийских дивизий, десять танковых и механизированных корпусов и четыре отдельные танковые бригады. 1 200 000 человек, 13 900 орудий и миномётов, 2200 танков и самоходных артиллерийских установок, 2806 самолётов различных типов 2-й воздушной армии.

Группа армий «Северная Украина» включала 1-ю и 4-ю танковые армии, 17-ю полевую армию, 1-ю венгерскую армию, 24-й танковый корпус, а также 11 пехотных, две танковые дивизии. Дивизию СС «Галичина», в основном состоявшую из добровольцев, выходцев из Западной Украины. С воздуха войска генерала Гарпе прикрывали и поддерживали на поле боя 700 самолётов 4-го воздушного флота.

По группе армий «Центр» 22—23 июня 1944 года ударили 1-й, 2-й, 3-й Белорусские и 1-й Прибалтийский фронты. Началась операция «Багратион».

Наступающие войска Красной армии дробили немецкую

группировку и уничтожали её по частям. По замыслу Ставки прорыв обороны группы армий «Центр» должен был осуществляться на шести направлениях.

В связи с тяжёлым положением Гитлер срочно вызвал своего «пожарного» фельдмаршала и поставил его во главе распадающихся войск группы армий «Центр». Так Модель оказался севернее и в момент наступления 1-го Украинского фронта не смог испытать силы удара своего старого соперника маршала Конева, чтобы понять, насколько возросло его оперативное мастерство. Моделя заменил генерал-полковник танковых войск Йозеф Гарпе. Он был на десять лет старше Конева. В 1941-м, командуя 12-й танковой дивизией, участвовал в Смоленском сражении, затем в Вяземском, наступал на Калинин. Затем отражал атаки войск Конева подо Ржевом. Часто замещал генерала Моделя на посту командующего 9-й полевой армией. И теперь, в разгар нового наступления Красной армии, он возглавил группу армий «Северная Украина». По словам Гудериана, «Гарпе был смелым офицером танкистом, спокойным, уверенным в себе, обладающим трезвым умом, холодным рассудком, решительностью и личной храбростью». Если иметь в виду, что в своих мемуарах Гудериан в основном говорит только о себе и собственных победах, то такая характеристика весит не меньше Рыцарского креста.

Гитлер накануне летней кампании на Востоке на одном из совещаний, где собрались генералы Восточного фронта, обронил такую фразу: если этим летом и придётся где-то отступать, то, возможно, на севере, но уж никак не на юге…

Тринадцатого июля вперёд пошли войска Конева.

Львовско-Сандомирская наступательная операция проводилась силами 1-го Украинского и левого крыла 1-го Белорусского фронтов.

Рокоссовский, войска которого к тому времени успели продвинуться далеко вперёд и разгромить основную группировку противника, стал маршалом. Через две недели он получит звание Героя Советского Союза. Указ на присвоение звания Героя маршалу Коневу выйдет на день раньше. К 11 июля северный сосед Конева взял дотоле невиданное количество пленных — 105 тысяч! Мир не верил. Тогда Сталин, очень трепетно относившийся к реакции Запада на свои победы, приказал провести пленных немцев по улицам Москвы. С этого момента Сталин стал называть К.К. Рокоссовского по имени и отчеству, такого обращения до этого удостаивался лишь маршал Б.М. Шапошников.

Успехи Рокоссовского подстёгивали Конева.

План действий 1-го Украинского фронта в ходе Львовско-Сандомирской операции был написан от руки начальником штаба генералом Соколовским. Существовал он в единственном экземпляре. Начальник оперативного управления фронта генерал В.И. Костылёв нанес на карты схему расположения и передвижения войск. И Конев отправился в Москву. План был утверждён. Ставка согласилась со всеми намерениями и доводами маршала. Его авторитет, который укреплялся новыми и новыми успехами и победами, рос стремительно.

Согласно плану новой наступательной операции на участках прорыва создавались сильные ударные группировки. На одну дивизию, без учёта оперативных резервов, приходилось 1,1 километра фронта. Для поддержки пехоты непосредственно в войска первого эшелона было выделено 349 танков и самоходных артиллерийских установок. Такой плотности сил Конев мог добиться впервые. Оперативное построение — в два эшелона. Тем не менее на некоторых участках фронта противник всё же имел превосходство, и это представляло для наступавших определённый риск.

Снова особая роль отводилась артиллерии. Большая её часть сосредоточивалась на участках прорыва.

«Таким образом, в количественном отношении артиллерия фронта была способна обеспечить прорыв обороны противника, а также выполнить поставленные перед ней задачи в ходе операции, — писал Конев. — Тем более, что погода благоприятствовала полному использованию всей мощи артиллерийского огня.

Важно было правильно нацелить всю эту массу артиллерии, особенно централизованно использовать её в период артиллерийской подготовки и боя в тактической глубине.

Наличие сплошных траншей и многочисленных ходов сообщения в главной полосе обороны противника, значительная насыщенность её огневыми средствами, хорошо развитая система огня требовали серьёзной огневой обработки главной полосы обороны противника. Поэтому я поставил артиллерии задачу уничтожить живую силу и технику противника во второй и третьей траншеях, разрушить опорные пункты в ближайшей глубине обороны и подавить на позициях миномёты и артиллерию противника, для чего в один из периодов артиллерийской подготовки привлечь всю массу нашей артиллерии и миномётов. При этом я потребовал, чтобы артиллеристы обратили особое внимание на подавление и разрушение системы управления войсками противника, его наблюдательных и командных пунктов, без чего нельзя было

рассчитывать на успех прорыва.

На участках прорыва армий плотность орудий и миномётов составляла 236—255 единиц на 1 км фронта».

Итак, 13 июля пошёл огневой вал. Артиллерия обеспечивала его в течение дня, израсходовав несколько боекомплектов — около 10 тысяч вагонов. Вот какие времена наступили: снаряды считали вагонами!

Наступление развивалось на двух основных направлениях: северном — Рава-Русском, и южном — Львовском.

В первый же день на северном участке войска 3-й гвардейской и 13-й армий сделали прорыв, в который вошла конно-механизированная группа и 1-я гвардейская танковая армия генерала Катукова[82]. Танки Катукова с ходу форсировали Западный Буг и продолжили наступление уже по территории Польши. Одновременно 13-я армия генерала Пухова[83] охватом с севера и северо-запада способствовала окружению крупной немецкой группировки под Бродами. С юга и юго-востока бродскую группировку окружали войска 60-й общевойсковой и 3-й гвардейской танковой армий. К исходу дня 22 июля с окружёнными в треугольнике Броды—Деревляны—Белый Камень было покончено. 38 тысяч немцев было уничтожено, 17 тысяч взято в плен. Среди пленных оказались несколько генералов из XIII армейского корпуса, в том числе генералы Линдеман и Недтвиг. Командир корпуса генерал Хауффе и командир 340-й пехотной дивизии генерал Бойтлер были убиты.

Судьба распорядилась так, что XIII армейский корпус под Бродами встал на пути 13-й советской армии генерала Пухова и был разбит. А ещё одним любопытным совпадением было то, что в октябре 1941-го именно этот корпус вошёл в Калугу и хозяйничал в родной деревне генерала Пухова Гришово. За блестяще проведённую операцию маршал Конев представит своего командарма к ордену Суворова 1-й степени.

Пленных доставили на командный пункт 13-й армии, где в это время был Конев.

— Скажите, почему вы не отдали приказ своим войскам отходить? — спросил маршал генерала Недтвига.

— Мы не предполагали перед собой такой сильной группировки, — ответил пленный. — Ваши танки оказались за нашей спиной в первый же день. Мы уже не могли ничего предпринять.

Там же, под Бродами, была уничтожена 14-я гренадерская дивизия СС «Галичина», укомплектованная украинскими добровольцами, присягнувшими Гитлеру. Вот фрагмент клятвы, которую давали добровольцы, вступая в дивизию:

«Я присягаю перед Богом этой святой клятвой, что в борьбе против большевизма буду беспрекословно подчиняться высшему руководителю немецких войск, Адольфу Гитлеру, и хочу как отважный солдат посвятить свою жизнь выполнению этой клятвы…»

Во Львове местные активисты из числа украинских националистов недавно установили памятник солдатам этой дивизии. Памятник добротный. Но на нём не хватает одной надписи — кто эту дивизию победил, когда и где. История должна быть полной.

Штаб фронта оперативно реагировал на каждое изменение в обстановке. Конев получал донесения каждые полчаса и сразу же делал необходимые распоряжения. Он обладал удивительной способностью видеть всю гигантскую картину боя его армий и подвижных групп одновременно. Когда к исходу 18 июля под давлением южной группировки противник оголил фланг, Конев отреагировал мгновенным приказом 3-й гвардейской танковой армии генерала Рыбалко[84] и 4-й гвардейской танковой армии генерала Лелюшенко: «Обстановка для стремительных действий вашей армии сложилась благоприятно. В районе Львова у противника резервов нет.

Приказываю: 1. Командарму 3-й танковой не позднее утра 20.7 обходным манёвром с севера и с северо-запада овладеть Львовом. Группе генерала Баранова приказываю овладеть Жолкев.

2. Командарму 4-й танковой стремительным ударом в обход Львова с юга во взаимодействии с 3-й танковой овладеть Львовом. Обеспечить операцию с юга с направлений Перемышляны, Миколаюв. 93 тбр оставить в районе Колтув до ликвидации противника.

3. Отданных распоряжений, исполнении донести».

С этой поры 3-я и 4-я гвардейские танковые армии станут огненным стальным мечом в руке командующего. Он будет направлять свой меч в самые проблемные места сражений, рубить самые твёрдые узлы сопротивления противника, рассекать его порядки в глубину, крошить на куски и уничтожать по частям, а главное, широко и оперативно маневрировать.

Настало время манёвренной войны.

Львов немцы превратили в крепость. Сюда из района Станислава перебросили крупные резервы — три дивизии. Танковые армии охватили львовскую группировку, отрезали пути отхода.

Изучая документы периода боёв за Львов, замечаешь: Конев по-прежнему решителен и напорист, его действия непредсказуемы для противника, манёвр стремителен, широк.

Приказы, которые уходят к командармам, жёстки, но всегда обоснованны, а потому заставляют генералов действовать в полную мощь.

Двадцать четвертого июля командующему 60-й армией генералу Курочкину был отдан приказ: «Тов. Курочкину Вы стоите перед слабым и потрёпанным противником. Все пути отхода противника, кроме на Самбор, отрезаны. С запада на Львов наступает Рыбалко. Большую половину города захватил Лелюшенко. Приказываю: к исходу 24.7.44 г. овладеть Львовом. Донесите причину задержки. Предупреждаю Вас, что Вы плохо держите связь. От Вас лично нет непрерывных донесений, а обстановка этого требует».

Сражение за Львов вступало в решающую фазу.

Конев пишет: «24 июля развернулось концентрическое наступление на Львов. С востока и северо-востока наступали войска 60-й армии. 10-й гвардейский танковый корпус вёл бой в городе. Западнее Львова в район Яворова вышел 6-й гвардейский танковый корпус 3-й гвардейской танковой армии.

У немцев оставался лишь один путь отхода на юго-запад — на Самбор. Учитывая это, я приказал генералу В.К. Баранову:

“С целью отрезать львовскую группировку противника от переправ через р. Сан приказываю: в ночь на 24.7 форсировать р. Сан севернее Родымно и стремительными действиями вывести главные силы группы западнее Перемышль, в район Кросно. Сильными отрядами с артиллерией и танками (из танковых полков, дивизий) захватить переправы через р. Сан у Дубецко, Дынув, Вара, Санок, где занять оборону фронтом на восток и не допустить отхода львовскои группировки противника через Сан на запад.

Для обеспечения группы с запада овладеть Ясло. За р. Сан установить взаимодействие с 4-й танковой армией и 60 А.

Получение подтвердить. Исполнение донести”».

Только ночью 26 июля танковые бригады 4-го гвардейского корпуса генерала Полубоярова[85], действуя вдоль шоссе Миклашув—Львов, ворвались на восточную окраину города и соединились с 10-м гвардейским корпусом танковой армии Лелюшенко.

В эту ночь, когда на улицах Львова шли жесточайшие схватки за каждый дом и подвал, в штаб фронта поступило разведдонесение о том, что немцы решили уходить из города на юго-запад, что город заминирован и при отходе будет взорван.

Львов — шедевр градостроительства, созданный на пограничье западной и восточной культур. Сотни архитектурных памятников и ансамблей. И всё это было приготовлено к

тотальному уничтожению. Немцы педантично следовали тактике «выжженной земли». Гитлер полностью развязал руки солдатам и офицерам Восточного фронта: «Делайте что хотите». Единственным условием в обмен на это было — держаться на занимаемых позициях.

Танкисты генералов Рыбалко и Лелюшенко спасли город от уничтожения. В ночь на 27 июля ночным штурмом город был взят и очищен от противника.

В порыве искренней благодарности жители Львова назвали одну из улиц города именем генерала Рыбалко и установили мемориальную доску. В 2001 году мемориальная доска была демонтирована, а улица переименована и стала носить имя Симона Петлюры. Память горожан оказалась короткой.

Армии правого крыла продвигались на Сандомир, к Висле.

Сандомирская операция проводилась в тесном взаимодействии с армиями левого крыла 1-го Белорусского фронта.

Двадцать девятого июля, не теряя темпа наступления, главные силы фронта — 1-я и 3-я гвардейские танковые и 13-я общевойсковая, 3-я гвардейская и 5-я гвардейская армии, конно-механизированная группа генерала С.В. Соколова — вышли к Висле и начали форсирование реки.

Левое крыло тем временем продолжало наступление юго-западнее Львова, прижимало противника к Карпатам, перекрывая ему свободный выход северо-западнее от Перемышля. 3-я гвардейская армия генерала Гордова[86] во взаимодействии с конно-механизированной группой генерала Соколова с ходу захватила несколько плацдармов в районе Аннополя. Противник попытался сбить части Гордова и Соколова с плацдармов. Частично ему это удалось. Но вскоре подошли 1 -я гвардейская танковая и 13-я общевойсковая армии, и ситуация на Висле сразу изменилась. Плацдарм к югу от Сандомира был значительно расширен. Инженерные части приступили к постройке мостов и наведению переправ.

Противник перебросил сюда резервы и начал контратаковать. Но на плацдарм к тому времени была переброшена артиллерия и миномёты. Каждая атака немцев заканчивалась большими потерями с их стороны. Однако, несмотря на неудачи первых атак, немцы продолжали стягивать сюда силы 17-й полевой и 4-й танковой армий.

Конев понял, что Сандомирский плацдарм немцы решили ликвидировать во что бы то ни стало. Он стал для них примерно тем же, чем был для войск Калининского и Западного фронтов в 1942 и 1943 годах район Ржева.

Всё это время Конев терпеливо приберегал свой резерв — 5-ю гвардейскую армию генерала Жадова. Он ввёл её в бой в самый критический момент, когда противник таранными ударами крупных группировок, усиленных танками и самоходками, решительным штурмом попытался сбросить войска плацдарма.

Командующий 13-й армией генерал Н.П. Пухов вспоминал: «Сандомирский плацдарм достиг тридцати километров в ширину и двадцати пяти в глубину. Но невдалеке от переправ на восточном берегу Вислы всё ещё шли ожесточённые бои. Противник пытался ударом с севера и юга отрезать группу наших войск, прорвавшуюся за реку.

Большое количество вражеской пехоты и танков атаковало нас из районов Кольшубова, Грембува и Тарнобжега. Однако все эти попытки были тщетны. Ничто уже не могло больше удерживать нашего стремительного движения за Вислу. На Сандомирском плацдарме закрепились стрелковые части Черокманова, Онуприенко, Пузикова, Вехина, Панкратова, Краснова, Муратова, Гладкова. Туда вышли войска Жадова, танкисты Рыбалко, Лелюшенко и Катукова, артиллеристы Хусиды. Плацдарм надёжно прикрывался с воздуха авиачастями генерала Красовского.

В эти дни на моём наблюдательном пункте в районе Иваниско почти всё время находился И.С. Конев. Обзор отсюда был замечательный. Простым глазом мы наблюдали за происходившими внизу тяжёлыми боями с танками противника и ставили перед войсками огневые задачи. Иван Степанович — большой знаток артиллерийского дела; он хорошо помогал нам своими указаниями».

По приказу Конева сюда с более спокойных южных участков были срочно переброшены артиллерийские части 60-й и 38-й армий. Как впоследствии отмечал автор «Записок…», «это повысило устойчивость обороны».

На плацдарме часто вспыхивали встречные танковые схватки.

Однажды немцы ввели в бой батальон новых сверхтяжёлых танков T-VIB — «королевский тигр». Это — очень большой зверь. Вес — 68,9 тонны. Лобовая броня — 150 сантиметров. Длина с пушкой — 10 метров 29 сантиметров. Высота — 3 метра. Пушка — калибром 88 миллиметров. На 2500 метров пробивал броню любого нашего танка, в том числе и тяжёлого ИС-2. Три пулемёта и 26-миллиметровая мортирка для борьбы с пехотой противника. Экипаж пять человек. Телескопический прицел. Наклонная броня. Внешне танк чем-то напоминал T-V — «пантеру».

Бой с «королевскими тиграми» на Сандомирском плацдарме стал первым применением танков этой конструкции на

Восточном фронте.

Батальон «королевских» выгрузился на одной из станций в немецком тылу и маршем выдвинулся в сторону фронта.

Тяжёлый танковый батальон имел, как правило, три роты. Роты, в свою очередь, состояли из трёх взводов по четыре машины в каждом. Рота насчитывала 14 танков, из них два командирских.

Как утверждают некоторые исследователи, из сорока боевых машин до передовой докатились только девять. Куда подевались остальные, неизвестно. Существуют версии об их технических неисправностях, которые якобы возникали в дороге, во что верится с трудом. За такой брак Гитлер взыскал бы с виновных по самой высшей мере.

Так что, видимо, придётся согласиться с тем, что «королевских» уничтожили наши танкисты, артиллеристы и «летающие танки» Ил-2.

Первый бой с батальоном танков «Тигр-II» произошёл утром 13 августа на плацдарме в секторе ответственности 3-й гвардейской танковой армии.

Вспоминает командир 53-й гвардейской танковой бригады В.С. Архипов[87]: «Перед нашим левым флангом (батальон Коробова) вся местность на виду. Зато на правом фланге (батальон Мазурина) есть глубокая и широкая лощина, по которой из Оглендува к Сташуву, пересекая передний край, тянется полевая дорога. За лощиной, где занимала оборону стрелковая часть, танки не пройдут — там болото. Значит, надо плотно прикрыть огнём выход из лощины. Решили поставить несколько танков в засаду. Есть неофициальный термин: “заигрывающий танк”. Его задача — заставить вражеские танки развернуться так, чтобы они подставили борта под огневой удар главных сил обороны. Эту роль мы поручили группе танков из батальона Мазурина. Возглавил группу — два средних танка и один лёгкий — заместитель комбата старший лейтенант П.Т. Ивушкин.

Туман мало-помалу рассеивался, тянулся уже клочьями. Ивушкин доложил: “Танки пошли. Не вижу, но слышу. Идут лощиной”. Да я и сам слышал этот низкий, приглушённый откосами лощины гул. Приближался он очень медленно, нервы напряглись, чувствую, как капли пота катятся по лицу. Каково же им там, впереди?! Но копны были недвижимы.

Глаза были прикованы к выходу из лощины. Чудовищных размеров танк выбирался из неё. Он полз на подъём рывками, буксуя в песке.

Радировал с левого фланга и майор Коробов: “Идут. Те самые, неопознанные”. Отвечаю: “Не спешить. Как уговорились:

бить с четырёхсот метров”. Между тем из лощины выползла вторая такая же громадина, потом показалась и третья. Появлялись они со значительными промежутками. То ли это дистанция у них уставная, то ли слабый грунт их задерживал, но пока вышел из лощины третий, первый уже миновал засаду Ивушкина. “Бить?” — спросил он. “Бей!” Вижу, как слегка шевельнулся бок копны, где стоит танк младшего лейтенанта Оськина. Скатился вниз сноп, стал виден пушечный ствол. Он дёрнулся, потом ещё и ещё. Оськин вёл огонь. В правых бортах вражеских танков, ясно различимые в бинокль, появлялись чёрные пробоины. Вот и дымок показался, и пламя вспыхнуло. Третий танк развернулся было фронтом к Оськину, но, прокатившись на раздробленной гусенице, встал и был добит. А из лощины выбирались всё новые и новые танки, они тоже разворачивались в сторону засады, подставляя уже левые борта под пушки Погребного и самоходчиков тяжёлого полка. Передаю по радио: “307—305”. Сигнал общий. Ударило прямой наводкой сразу десятка три стволов. Да и гаубичные дивизионы накрыли лощину навесным огнём, и она на всём протяжении от Оглендува скрылась в тучах дыма и песчаной пыли.

Громадные танки горели уже и справа от неё, и слева. Над ними низко прошли штурмовики “Илы” и тоже добавили огня. Несколько вражеских машин уползло обратно в лощину, другие тоже пытались уйти, но были подбиты с тыла, вдогон. Появились “юнкерсы” и “мессершмитты”, почти одновременно и наши истребители, закипел бой в воздухе. Сколько всё это длилось, сказать трудно — не до того было. Но вот гул моторов стих, как-то вдруг опустело и небо. Только дымок струился над горящими танками, да изредка ухал взрыв — рвались внутри боевых машин боеприпасы. Майор Коробов доложил, что около двадцати больших танков наступало в стыке его батальона с 51-й гвардейской танковой бригадой.

Всего в этом утреннем бою мы подбили 24 танка. Александр Петрович Оськин был удостоен звания Героя Советского Союза, Абубакир Мерхайдаров — ордена Ленина, наградами были отмечены и все члены экипажа.

Часа два над полем боя стояла относительная тишина. Разведчики Васильева побывали в лощине. Доложили, что там, ближе к Оглендуву, стоят два целых и невредимых танка. Завязли в песке при развороте. Ближе к левому флангу, к коробовскому батальону, обнаружили ещё один неповреждённый танк. Он как залез в заболоченный пруд, так в нём и остался…

…Атаку мы отбили с очень большими для противника потерями. Но напряжённый боевой день ещё не закончился.

Когда я доложил в штаб корпуса об итогах боя, генерал Новиков сказал: “16-я немецкая танковая и 72-я пехотная дивизии понесли очень тяжёлые потери. Командарм требует использовать этот момент. Ваша бригада должна отбить Оглендув. Подумайте и доложите решение”. Люди, конечно, были очень утомлены почти непрерывным, с утра до вечера, боем с батальоном “королевских тигров” и 16-й танковой дивизией. Но противник утомлён ещё больше. Да и морально надломлен неудачей и потерями. Если уж переходить в контратаку, то сразу же, сегодня, не давая ему передышки. Мы решили нанести удар на Оглендув с наступлением темноты. Около полуночи бригада без артподготовки атаковала Оглендув. Этот населённый пункт находился в нескольких стах метрах от нашей передовой, противник не успел организовать оборону. В коротком бою Оглендув был очищен, гитлеровцы бежали в панике.

Несмотря на ночную темноту, мы поняли, что в Оглендуве и западнее кто-то крепко поработал во вражеских тылах ещё до нашего появления. Этот участок был завален разбитой техникой. Автомашины, тягачи, танки и бронетранспортёры, орудия разных калибров, разбитые или сгоревшие, загромождали окрестности. Пленные показали, что вечером их разбомбила русская авиация. А на ремонтной базе среди нескольких “пантер” мы увидели “королевского тигра”. Около него мелькнула тень, я строго окликнул бегущего, и фашистский солдат, подняв руки, подошёл к нашему танку. Он оказался ремонтником и поведал нам историю, которая показалась сначала выдумкой. Пленный рассказал, что прибыл с 501-м тяжёлым танковым батальоном из города Герлиц, что с ними приехал и конструктор “королевских тигров” герр доктор Порше. Ехали под охраной эсэсовцев, никому не разрешали покидать эшелон даже на крупных станциях. Минувшим утром доктор Порше сказал перед строем батальона короткую речь о своих танках как новом и грозном оружии, против которого бессильны лучшие образцы русской артиллерии. Добавил, что фюрер надеется на 501-й танковый батальон и в личной с ним, Порше, беседе выразил уверенность, что “королевские тигры” уничтожат переправившихся через Вислу русских. Из боя не вернулся ни один танк из тридцати девяти. Только этот остался — он не ходил в атаку из-за неисправного двигателя».

Вот такая история.

Правда, И.С. Конев в своих «Записках…», не жалея «бусурман», пишет, что «захваченные в бою 10 танков целыми были отправлены в Москву».

Сейчас один из этих бронированных монстров находится в

музее бронетехники в Кубинке. Два были «отстреляны» на испытаниях тогда же, в 1944-м. Инженерам и конструкторам необходимо было испытать чудо-оружие Гитлера своими боеприпасами из своих стволов. Заключение было таким: «Тигр-II» является улучшенной модификацией «пантеры».

Когда Коневу доложили об удачной засаде на батальон «королевских тигров» и о том, что этот батальон танкисты Рыбалко, а также артиллеристы и эскадрилья штурмовиков, как говорят на фронте, «пропололи дочиста», он тут же приказал написать представления к наградам на всех отличившихся.

В конце августа, увязнув в немецкой обороне, войска 1-го Украинского фронта перешли к обороне.

Официальные результаты, закреплённые итоговыми донесениями, затем вошли в статистику Великой Отечественной войны. «Львовско-Сандомирская операция имела большое военно-политическое значение, — отметил в своих «Записках…» Конев. — В ходе её были разбиты 32 вражеские дивизии и 8 дивизий полностью уничтожены. Группа армий “Северная Украина” была разгромлена наголову. Только с 14 по 31 июля противник потерял убитыми, ранеными и пленными около 200 тыс. солдат и офицеров. При этом войска фронта захватили огромные трофеи: свыше 2200 орудий разных калибров, 500 танков, 10 тыс. автомашин, 666 железнодорожных вагонов, 12 тыс. лошадей и до 150 различных складов.

Было освобождено много крупных городов, среди них: Львов, Владимир-Волынский, Рава-Русская, Станислав, Стрый, Перемышль, Жешув, Сандомир и др. Войска 1-го Украинского фронта, успешно выполнив задачу, завершили полное освобождение западных районов Украины от гитлеровских захватчиков, образовали мощный Сандомирский плацдарм на западном берегу Вислы и тем самым создали благоприятные условия для проведения последующих наступательных операций в Южной Польше и Чехословакии.

Понесённые противником в этой операции тяжёлые потери вынудили его перебросить в полосу 1-го Украинского фронта из группы армий “Южная Украина” до восьми дивизий, что облегчило войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов разгром вражеских сил в районе Ясс и Кишинёва.

С точки зрения военного искусства, Львовско-Сандомирская операция характерна большим размахом, разнообразием боевых действий и широким применением самых различных форм оперативного манёвра.

При окружении бродской группировки противника манёвр осуществлялся танковыми войсками, артиллерией,

общевойсковыми соединениями, конницей, инженерными войсками. В разгроме львовской группировки крупную роль сыграл глубокий обход Львова 3-й гвардейской танковой армией П.С. Рыбалко, напористые действия 4-й танковой армии Д.Д. Лелюшенко и особенно 10-го танкового добровольческого Уральского корпуса под командованием генерала Е.Е. Белова. Глубокий выход 1-й гвардейской танковой армии на реку Сан и обход Перемышля не позволили врагу закрепиться на этом рубеже.

Исключительное значение для захвата и удержания Сандомирского плацдарма имел манёвр трёх танковых и 13-й армий. Особенно важен был ввод в сражение 5-й гвардейской армии А.С. Жадова, которая укрепила наше положение на сандомирском плацдарме и способствовала разгрому группировок противника, наносивших удары по флангам Сандомирского плацдарма, кроме того, войска 5-й гвардейской армии способствовали расширению плацдарма.

Недостаток вторых эшелонов и резервов у наступающих войск при выходе их в глубокий оперативный тыл противника, как правило, ограничивал глубину стратегических наступательных операций. Ввод в сражение 5-й гвардейской армии в Львовско-Сандомирской операции является исключением из этого правила, поскольку она была введена в сражение, когда войска фронта достигли Вислы и продвинулись на глубину 250 км от исходного положения.

Быстрый манёвр позволял войскам фронта занимать более выгодное положение по отношению к противнику, создавать необходимое превосходство над его силами и средствами, ломал все планы немецко-фашистского командования, стремящегося во что бы то ни стало удержать занимаемые рубежи».

Мастер быстрого манёвра — именно такая слава закрепилась за Коневым после удачно проведённых операций 1944 года. При этом бывший командир 53-й гвардейской танковой бригады В.С. Архипов в своей мемуарной книге «Время танковых атак» отмечает «твёрдую руку и железную целеустремлённость командующего войсками 1-го Украинского фронта». И все, кто воевал тогда в составе фронта, подчёркивают, что Конев призывал действовать охватом, запрещал лобовые атаки, как правило, приносившие много крови и минимальные результаты.

За проведение Львовской операции, в результате которой был нанесён большой урон немецким войскам и захвачены большие трофеи, Коневу присвоили звание Героя Советского Союза. Это была его первая Золотая Звезда.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И.

Калинин прислал награду прямо на фронт.

«Посылаю Вам орден Ленина, медаль “Золотая Звезда”, а также грамоту о присвоении звания Героя Советского Союза и крепко жму Вашу руку», — говорилось в его письме.

Тогда для вручения наград не дожидались торжеств и случаев. Солдатам вручали медали и ордена прямо в окопах, генералам на передовых КП.

Глава двадцать восьмая. ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ТРАНСИЛЬВАНСКИЕ АЛЬПЫ

Лето 1944-го для Красной армии было победным — наконец-то полностью очистили от немецких, румынских, венгерских, финских и иных оккупантов все области СССР. Войска перешли границу и начали свой освободительный поход вглубь Европы. Сандомирский плацдарм за Вислой открывал путь на Берлин.

Однако войска 1-го Украинского фронта были утомлены боями. Дивизии нуждались в пополнении, танковые корпуса — в ремонте боевых машин, экипажи — в отдыхе. На фронтах наступила оперативная пауза.

Солдаты отдыхали. Но в штабах кипела работа — планировались новые операции. Маршалы и генералы видели впереди Берлин, Кенигсберг, Вену, Будапешт. А политики уже просчитывали: что будет здесь, на земле, освобождённой «славянами», после того как умолкнут последние залпы.

Перед фронтом армий маршала Конева дыбились Карпаты, за ними — Словакия.

В марте 1939 года Словакия под давлением Гитлера провозгласила свою независимость от Праги под патронатом Третьего рейха. На следующий день в Чехию вошли немецкие войска. Когда началось вторжение в СССР, словаки приняли активное участие в «крестовом походе против большевизма» и послали на Восток Словацкий армейский корпус. Затем в район Ростова и Краснодара прибыли две элитные мобильные словацкие дивизии, которые, по отзывам немецких офицеров, «превосходно дрались бок о бок с немецкими частями». Вооружены они были в основном оружием чехословацкой армии. В 1944 году, когда Красная армия подошла к восточным склонам Карпат, в Словакии были сформированы ещё две дивизии для отправки на Восточный фронт. Но в конце августа в Словакии вспыхнуло восстание. И немцы ввели туда свои войска. Красная армия начала операцию по переброске в Словакию оружия, военного снаряжения и специалистов по организации партизанского движения. К лету 1944 года в Словакии действовало большое количество партизанских отрядов, руководили ими коммунисты. Они были подчинены командованию двух крупных соединений — «Чапаев» и «Пугачёв». Партизаны должны были выступить в нужный для Красной армии момент, когда она подойдёт к Карпатам. Но

словакам, как и полякам, помешала излишняя самонадеянность. Они выступили раньше времени, рассчитывая на то, что немцам не до них, а когда Красная армия подойдёт, они уже распорядятся властью так, как посчитают нужным. С большевиками власть делить не хотели ни словаки, ни поляки, ни чехи.

Немцы, хорошо понимая опасность восстания за своей спиной, перекрыли Дуклинский перевал. Именно через этот перевал могли прийти в Словакию войска Красной армии. Других дорог с востока не было. На западе Словакии началось разоружение повстанцев. Но на востоке партизанское движение усиливалось. Части словацкой армии стали переходить на сторону повстанцев.

Коммунисты быстро перехватили инициативу, и 1 сентября Словацкий национальный совет объявил о взятии власти в свои руки. В Совет вошёл коммунист Густав Гусак и его соратники. Совет объявил мобилизацию. На освобождённой территории возникла повстанческая армия.

Тридцать первого августа к Коневу прилетел командир восточнословацкого корпуса полковник Вильям Тальский и сказал, что корпус готов выступить навстречу Красной армии сразу, как только она начнёт наступление.

Штаб 1-го Украинского фронта разработал операцию наступления силами 38-й общевойсковой армии генерала Москаленко[88], артиллерийской дивизии прорыва, двух танковых бригад, кавалерийского корпуса, 1-го Чехословацкого корпуса, двух полков и двух бригад РС М-13.

Участок Карпат в районе Дукли с древних времён назывался Трансильванскими Альпами.

Конев с оперативной группой пошёл вместе со штабом Москаленко. И этот его переход в авангарде наступающих войск имел, конечно же, не столько оперативное, сколько моральное значение. Своё присутствие в гуще наступающих войск Конев впоследствии пояснял так: «Учитывая особенность, политическую важность и большой масштаб армейской операции, Ставка нашла необходимым поручить её проведение лично командующему фронтом. В связи с этим мне пришлось почти неотлучно находиться в войсках 38-й армии, держать связь с партизанами и штабом повстанцев, помогать решать срочные оперативные задачи, усиливая армию фронтовыми средствами».

Поход обеспечивался ресурсами всего фронта. «Состав 38-й армии, — вспоминал Конев, — далеко превзошёл обычный состав общевойсковых армий. Таких танковых сил, которыми располагала 38-я армия в ходе операции, не имели даже некоторые фронты».

Славянский поход начинался мощно.

Надо заметить, Сталин вовремя ввёл полководческие ордена для высшего и младшего командного состава. Теперь каждый генерал, каждый маршал, каждый командир дивизии или полка, ведя вперёд свои войска, чувствовал себя Суворовым и Кутузовым, Богданом Хмельницким и Александром Невским. К тому же, что немаловажно, за ордена тогда платили. Деньги зачислялись на личные счета военнослужащих в полевых сберкассах. Их можно было переслать домой. Ведь семьям в тылу жилось несладко. Страна туго затянула пояса и натужно тащила гигантскую повозку с лозунгом: «Всё для фронта! Всё для победы!»

Именно в этот период в войсках началось новое поветрие — бойцы и особенно командиры стали, обращаясь к своим подчинённым или друг к другу, говорить: «Эй, славяне!» И не важно было, что звучал этот возглас в среде самой пёстрой и интернациональной. На *славян* с одинаковой гордостью откликались и русские, и мордва, и украинцы, и казахи, и белорусы, и армяне, и татары, и евреи. Началось это *славянское* поветрие именно здесь, в войсках 1-го Украинского. Потому что первой начала свой освободительный поход по славянским странам 38-я армия.

Вспоминалось суворовское: «А что, ребятушки! Махнём через эти горы! Вот они там ох….!» И махнули.

Войскам Конева противостояла армейская группа «Хейнрицы» — десять немецких и восемь венгерских дивизий, а также отдельные венгерские горнострелковые бригады. Всего 300 тысяч человек при 3250 орудиях и миномётах, 100 танках и штурмовых орудий и 450 самолётах.

Конев понимал, что, если начать переход через Трансильванские Альпы в одном месте, вся эта армада кинется на войска Москаленко, растянутые по горным дорогам и тропам, сметёт их, и попытка перехода будет пресечена в самом начале. Поэтому штаб фронта разработал план, который предусматривал наступление по нескольким направлениям одновременно. Также предполагалось, что после быстрого прорыва в предгорьях Карпат с запада навстречу атакующим войскам генерала Москаленко начнут наступление 1-я и 2-я словацкие дивизии и партизанские отряды. Их задачей был захват перевалов и расчистка проходов для продвижения наших войск.

Направление главного удара проходило вдоль шоссе Дукля— Дуклинский перевал — по кратчайшему пути в Словакию.

Утром 8 сентября 1944 года после артподготовки войска двинулись вперёд. Обе полосы обороны оказались прорваны,

авангарды углубились до 14 километров. Вперёд пошли танки. Авиация крушила оборону опорных пунктов в горах. В ночь на 9 сентября в бой был введён 1-й Чехословацкий армейский корпус. Командир корпуса генерал Кратохвил не справился с управлением своих войск, и, видя замешательство и угрозу контрудара, Конев отстранил его от командования и назначил на его место командира 1-й бригады энергичного и честолюбивого бригадного генерала Свободу. Однако кадровую рокировку пришлось согласовывать лично со Сталиным. Верховный утвердил новое назначение. Солдаты 1-го Чехословацкого корпуса в этом походе показали себя мужественными и храбрыми воинами. Им было за что умирать, они освобождали свою родину.

Генерал Хейнрицы, старый знакомый Конева, неприятель ещё по боям подо Ржевом и Вязьмой, непрерывно контратаковал. Но движение 38-й армии в глубину Восточных Карпат продолжалось. Трансильванские Альпы с их перевалами, казавшимися неприступными бастионами, ложились к ногам наступающих войск маршала Конева.

Немцы вынуждены были снимать части с Венского и Берлинского направлений, чтобы прекратить внезапный марш через Карпаты и выход русских на фланги и в тыл. Тем самым они ослабляли эти направления и создавали перспективу ударов Красной армии именно по Берлину и Вене. Таким образом, бросок Конева через Трансильванские Альпы имел важное стратегическое значение на завершающем этапе войны.

Дивизии восточнословацкого корпуса и партизанские отряды, к сожалению, существенной помощи оказать не смогли. Партизаны дрались в глубине гор. А дивизии сложили оружие ещё 2 сентября, когда немцы усилили их блокаду. Словаки оказались ненадёжными союзниками и слабыми вояками. Но слабость этих подразделений с честью компенсировал 1-й Чехословацкий корпус генерала Свободы.

Одновременно Конев поставил задачу командиру 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генералу Баранову: прорваться вперёд, выйти на оперативный простор и соединиться с партизанами, активизировать их действия и совместными усилиями попытаться сделать то, что не выполнили дивизии восточнословацкого корпуса.

— При встрече с повстанцами и партизанами, — приказал Конев командиру кавкорпуса, — объявляйте себя смело красным атаманом — командующим советскими войсками на территории Словакии!

Вначале кавалеристы действовали успешно. Пересекли польско-чехословацкую границу, вступили на территорию

Словакии. Но вскоре немцы определили силы, прорвавшиеся в их тыл, и отсекли кавкорпус генерала Баранова. Генерал Хейнрицы помнил подобные прорывы и под Вязьмой, и подо Ржевом и знал, как их ликвидировать. Манёвренность корпуса с каждым днём слабела. К 16 сентября продовольствие и боеприпасы кавалеристам доставлялись только авиацией. 24 сентября корпус вырвался из окружения. Задачу свою не выполнил. Но боевого духа не потерял.

О тогдашнем состоянии гвардейского кавкорпуса Конев вспоминал с некоторой иронией. Проезжая по тыловым деревням, где расположились эскадроны, он наблюдал такую картину: личный состав, «радуясь выходу из тыла врага, уже распевал лихие казачьи песни…» В одной из деревень в окружении офицеров штаба гулял и генерал Баранов. «Так закончились боевые действия 1-го гвардейского кавалерийского корпуса в этой операции», — подытожил Конев.

Немцы наращивали силы, непрерывно контратакуя авангарды и фланги 38-й армии.

Генерал Москаленко маневрировал ударными группировками, наносил удары то на левом фланге, то на правом. 18 сентября немецкая оборона была прорвана. 19 сентября советские танки вошли в Пулавы. Дуклинский перевал был прёодолён. Конев телеграфировал в Ставку: «Операция 38-й армии принимает напряжённый характер. Перед армией действует свыше пяти пехотных дивизий, три танковые дивизии с общим количеством до 200 танков и самоходных орудий. Действия нашей авиации ограничены из-за отсутствия горючего. Отпущенный лимит 20 тыс. тонн полностью израсходован. В связи с этим прошу отпустить фронту 30 тыс. тонн дополнительно».

Шестого октября стрелковый и танковый корпуса авангарда совместно с частями Чехословацкого корпуса вышли к границе Чехословакии. Чешские офицеры на пограничном столбе прикрепили государственный герб и национальный флаг. На полотнище флага была сделана надпись на чешском и русском языках: «Чехословакия приветствует и благодарит своих освободителей! Да здравствует вечная дружба народов СССР и Чехословакии!» Тогда, осенью 1944-го, чехословацкие офицеры сделали эту надпись от чистого сердца. В те дни слова на знамёнах писались кровью, потому что их писали солдаты.

Пройдут годы, и освобождённый народ потребует убрать со своей земли памятники и могилы своих освободителей. Чувство благодарности окажется недолгим. Впрочем, новой Чехией управляли уже не солдаты, а политики.

Шестого октября 1944 года Конев стоял на первом плацдарме чехословацкой земли, только что отбитой у неприятеля, и смотрел на ликование солдат генерала Свободы, на то, как они становились на колени и целовали родную землю.

Спустя двое суток Конев приостановил наступление и приказал войскам занимать оборону. Перевалы Главного Карпатского хребта были захвачены, путь в Чехословакию открыт.

Переход через Трансильванские Альпы завершился успешно. 38-я армия и части усиления захватили большие трофеи: 31 360 пленных, 912 орудий и миномётов, 40 танков и штурмовых орудий.

Глава двадцать девятая. ПРОРЫВ НА ВИСЛЕ

В Ставке и в войсках только и говорили что о наступлении на Берлин. Красная армия была сильна как никогда. Слово «Берлин» произносилось редко. Столицу фашистского рейха называли «логовом».

Сама возможность штурмовать «логово» считалась честью. В Ставке решали, кому оказать эту честь. В Москве, да и в армейских и фронтовых штабах, понимали: тот, кто возьмёт Берлин, навсегда будет отмечен великой славой победителя и его имя в истории будут произносить вместе со словом «Победа».

Непосредственно на Берлинском направлении стояли войска 1-го Белорусского фронта маршала Рокоссовского. Немного левее, и тоже перед «логовом», на Сандомирском плацдарме, изготовились к последнему броску правофланговые армии 1-го Украинского фронта.

Но фронтам предстояло ещё пройти сотни километров, преодолеть укреплённые линии. И эти километры и линии находились уже на чужой земле. Немцы, прижатые к границам рейха, тоже готовились к решающим боям. Предстояла жестокая схватка.

Перед войсками Конева лежал Силезский промышленный район. Шахты, постройки промышленного типа, коммуникации, карьеры. Словом, местность абсолютно неподходящая для «манёвренных действий войск при наступлении», как впоследствии охарактеризует открывшийся перед его армиями ландшафт маршал в своих мемуарах.

В конце ноября 1944 года Конева вызвали в Ставку. В Москву он вёз план предстоящей операции.

После доклада Сталин долго рассматривал карту. Домбровско-Силезский промышленный район и на карте выглядел внушительно. Сталин задал несколько вопросов. Конев подробно отвечал. Наконец Верховный обвёл пальцем район и сказал:

— Золото.

Для командующего войсками, которым предстояло крушить оборону противника в промышленном районе, это означало, что здесь противника придётся не просто бить всеми средствами, а прежде всего думать о том, как спасти предприятия и сооружения от возможных разрушений.

По плану удар предполагалось нанести севернее и южнее по

сходящимся направлениям. Ставку и Верховного это устраивало. План был одобрен.

В Москве Конев повидался с семьёй. Дочь и сын стали уже совсем взрослыми. Анна Ефимовна работала в одном из госпиталей. Выполняла самую простую работу санитарки. Прежнего чувства между ними уже не было. Иван Степанович обнял детей, поцеловал руки Анны Ефимовны, и та поняла, что теперь между ними легла ещё и война, в которую вместилась целая жизнь. И ещё она поняла, что в жизни того, кто все эти годы преданно любил её, возможно, произошло нечто, что изменит их ближайшее будущее.

Конев прибыл в свой штаб и принялся за работу.

Основной удар решено было наносить с Сандомирского плацдарма. Общее направление — на Бреслау (Вроцлав). Стрелы предстоящих ударов лежали через Кельце, Радомско, Крайцбург. Часть группировки нацеливалась южнее, на Краков. Цель: уничтожение сильной кельце-радомской группировки противника. Центр немецкой группировки приходился на стык 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов. Поэтому в ходе проведения операции требовалось прежде всего чёткое взаимодействие.

Накануне Висло-Одерской наступательной операции оба командующие войсками фронтов главного направления, Конев и Жуков, встречались не раз. Часто разговаривали по телефону.

Висло-Одерская стратегическая наступательная операция началась 12 января 1945 года. Её Конев вспоминал всю жизнь. Вот это была атака! Вот это был прорыв!

В книге «Сорок пятый» он впоследствии написал: «К этому времени у нас насчитывалось около одного миллиона двухсот тысяч личного состава, три тысячи шестьсот шестьдесят танков и самоходок, более семнадцати тысяч орудий и миномётов, две тысячи пятьсот восемьдесят самолётов. Мощь была большая…»

Сандомирский плацдарм перед началом операции был буквально забит войсками.

Для противника не было секретом, откуда ждать очередного удара. Конев в своих построениях учёл и это обстоятельство: «Мы предвидели жесточайшее сопротивление неприятеля и, чтобы сразу избежать возможности двустороннего фланкирования огнём и нашей ударной группировки, и тех соединений, которые потом будут вводиться для развития успеха, решили прорывать оборону врага на широком фронте.

Дальше предусмотрели такое построение ударной группировки, чтобы сила нашего первоначального удара была максимальной и обеспечила стремительный прорыв обороны уже

в первый день. Иначе говоря, мы хотели распахнуть ворота, через которые сразу можно будет ввести танковые армии.

С их помощью тактический успех перерастёт в оперативный, который мы будем всё больше и больше развивать, выводя танковые армии на оперативный простор и развёртывая прорыв как в глубину, так и в стороны флангов».

Противник отреагировал на приготовления войск 1-го Украинского фронта следующим образом: к Сандомирскому плацдарму срочно были подтянуты и размещены в тактической зоне обороны основные резервы, которыми он обладал на этом участке фронта, — 16-я и 17-я танковые, 10-я и 20-я моторизованные дивизии. Конечно, с нашей группировкой, если учесть ещё и левое крыло соседнего 1-го Белорусского фронта, немецкую группировку сравнить было нельзя. Конев и Жуков имели под рукой такую силу, остановить которую немцы уже не могли.

Миллион двести тысяч штыков… Такими армиями завоёвывались целые земли. И походы таких армий входили в историю великих битв.

Как потом вспоминал Конев, штаб фронта предусмотрел «такое построение ударной группировки, чтобы сила нашего первоначального удара была максимальной и обеспечила стремительный прорыв обороны уже в первый день. Иначе говоря, мы хотели распахнуть ворота, через которые сразу можно будет ввести танковые армии».

При подготовке прорыва особая роль отводилась артиллерии. «Огнём вместо штыка…» — эту заповедь маршал будет нести как заклинание до самого победного дня. Он, прошедший через ад 1941-го и кровавое противостояние 1942 года, хорошо усвоил: основательно подготовленное и правильно проведённое артиллерийское наступление — это тысячи сбережённых жизней солдат и офицеров. Тысячи отцов, братьев, сыновей, которых ждут на освобождённой земле. Тысячи жизней для новой жизни.

Подготовка к операции такого масштаба — это огромная работа не только миллиона двухсот тысяч человек, непосредственно находящихся в армиях фронта, корпусах, бригадах и частях, а и напряжение всей страны, стоящей за спиной войск. И каждый день такой работы делал намеченные планы более реальными, сокращал будущие потери.

Наступление было назначено на 20 января 1945 года. Но у союзников в Арденнах случилась серьёзная неувязка. 16 декабря 1944 года немецкие войска на юго-западе Бельгии в Арденнах начали крупную наступательную операцию с целью разгрома англо-американских армий, изменения обстановки на Западном

фронте и раскола союзнической коалиции. К концу декабря наступление выдохлось. Союзники перешли к активным действиям по охвату немецких дивизий, вклинившихся в их порядки и местами продвинувшихся в глубину до 90 километров. Однако сильно опасались того, что Гитлер прикажет перебросить часть сил с Восточного фронта и снова атакует их порядки. 6 января 1945 года премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль обратился к Сталину: «На Западе идут очень тяжёлые бои… Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января…»

Девятого января Коневу по ВЧ позвонил исполняющий обязанности начальника Генштаба А.И. Антонов и приказал начинать 12-го. Позже Конев вспоминал, что Антонов говорил от имени Сталина. Никаких изменений в ходе намеченной операции, кроме сроков, не произошло.

Конев согласился, потому что не согласиться было нельзя. Сразу собрал свой штаб. Выяснилось: программу обучения личного состава действиям в наступлении в условиях, максимально приближённых к реальной обстановке, необходимо сокращать, нелётная погода начала второй декады января полностью исключает действия авиации, а это означало, что проламывать немецкую оборону предстоит одной артиллерией.

Сталин был верен союзническим обязательствам. Своим приказом наступать раньше намеченного срока он, конечно же, спас сотни и тысячи американских, британских, французских и канадских солдат. Вместо того чтобы с востока перебрасывать на запад, немцы вынуждены были с запада снять 6-ю танковую армию СС, а затем и ещё 16 дивизий и перебросить их на русский фронт.

Английский историк Лиддел Гарт очень точно заметил, характеризуя обстоятельства, в которые попали немцы: «Командиры, которым было поручено вести наступление, вскоре, к своему разочарованию, узнали, что они не получат части обещанных сил вследствие угрожающих ударов коммунистов на Востоке».

Бывают на войне времена, когда всё решают генералы и их солдаты. Они вершат судьбы политики. А бывают и другие, когда политика решает, как поступить с теми или иными генералами, и даже маршалами, и их солдатами. Солдаты зачастую и вовсе не знали, не чувствовали и не понимали всех тайных рычагов, которыми политики управляли своей гигантской машиной. Они шли туда, куда их посылали, и умирали, если надо было умереть. Генералы и маршалы понимали. Но тоже выполняли приказы и

тоже умирали, если выпадала судьба умереть. Буквально через месяц осколок снаряда унесёт жизнь командующего войсками 3-го Белорусского фронта генерала армии И.Д. Черняховского.

В ночь на 12-е Конев выехал на передний край, в район прорыва. На плацдарме стояла тишина. Все приготовления были закончены.

«Это был небольшой фольварк, расположенный на опушке леса, в непосредственной близости к переднему краю, — вспоминал Конев. — В одной из комнат окно выходило прямо на запад, откуда можно было наблюдать. Кроме того, рядом оказалась небольшая высотка, на которой мы установили систему наблюдения и управления. Туда можно было перебраться в случае обстрела. Но стояла зима, сидеть непрерывно на наблюдательном пункте в траншее не было никакой нужды, тем более что с самого фольварка открывался хороший обзор <…>

Артподготовка началась ровно в 5.00. Короткая, но мощная. Батальоны поднялись и пошли вперёд. Заняли первую траншею. Из второй начался сильный огонь. Стало ясно, что немцы не ушли. И тогда по второй траншее и дальше, в глубину, начали бить основные силы артиллерии. На этот раз обработка позиций противника длилась один час сорок минут. Взятые пленные показывали, что им казалось, что советская артиллерия вела огонь целый день, что теперь уже вечер…

К началу операции фронт имел 12 440 орудий и миномётов от 76-мм и выше (без зенитной артиллерии), 516 пусковых установок стационарного типа и 526 боевых машин реактивной артиллерии “катюша”».

Артиллерия ошеломила противника. Те, кто выжил в первых линиях, по воспоминаниям Конева, «уже не могли совладать с собой».

И всё-таки в этой огромной группировке подчинённых ему войск маршалу Коневу очень не хватало одного человека.

Генерал-полковник С.С. Варенцов, получивший тяжёлое ранение в сентябре 1944-го во время Карпатско-Дуклинской операции, всё ещё находился в госпитале. Как он был нужен Коневу именно теперь, когда артиллерия решала судьбу прорыва! Именно Варенцов, с его гибким и нешаблонным мышлением великолепного тактика. Должность командующего артиллерией фронта Конев приказал держать вакантной — до его возвращения в строй. Варенцов оснастил надёжной связью артиллерийские части, которые наступали вместе с пехотой в Карпатах, выделил в состав пехотных групп опытных офицеров-артиллеристов, имевших хорошие навыки корректировки огня. Всё это исключило нелепые случаи ведения огня по своим, а также помогало пехоте

и танковым частям быстро и без потерь сбивать с перевалов противотанковые заслоны, действовать в обход, не опасаясь своего огня. Но вот нелепость: «виллис» Варенцова угодил под свой танк. «Тридцатьчетверки» выходили на рубеж атаки, люки были уже задраены, в триплексы много не увидишь. Танк смял «виллис». Все, сидевшие в нём, успели выпрыгнуть. Варенцов не успел, и гусеница прошла буквально по нему.

Утро 12-го января, вопреки прогнозам метеорологов, выдалось ясным. Взлетела штурмовая и бомбардировочная авиация и нанесла серию точечных ударов по командным пунктам 4-й танковой армии противника.

Под огнём артиллерии и авиации оказались и оперативные резервы немцев, в том числе «Группа Неринг», которой так опасался Конев. В состав этой группы, которой командовал генерал танковых войск Неринг, входили 24-й танковый корпус, остатки 32-го армейского корпуса и элитный танковый корпус «Великая Германия».

Ещё шла артподготовка, когда разведка донесла: противник, оказавшись под огнём артиллерии и авиации, несёт большие потери и начал отходить на вторую линию обороны.

«Часа через два после окончания артиллерийской подготовки, когда пехота вместе с танками сопровождения рванулась вперёд, — вспоминал Конев, — я объехал участок прорыва. Всё кругом было буквально перепахано, особенно на направлении главного удара армий Жадова, Коротеева и Пухова. Всё завалено, засыпано, перевёрнуто. Шутка сказать, здесь на один километр фронта, не считая пушек и миномётов мелких калибров, по противнику били двести пятьдесят—двести восемьдесят, а кое-где и триста орудий. “Моща!” — как говорят солдаты».

Армии генералов Пухова, Коротеева и Жадова в первый же день наступления продвинулись на 20 километров и успешно свёртывали фланги противника, обеспечив к исходу дня коридор шириной до 60 километров. В образовавшуюся брешь тут же хлынули танковые армии генералов Рыбалко и Лелюшенко.

В этой операции Конев предусмотрел всё. Противник располагал крупными танковыми и моторизованными резервами. Конев понимал, что в создавшихся обстоятельствах они попытаются остановить наступление. Для этого ударят по первому эшелону в момент развития наступления пехотных частей и танков сопровождения. Чтобы этого не произошло, он ввёл в дело танковые армии.

Танки Рыбалко и Лелюшенко появились на флангах и перед позициями моторизованных частей 4-й танковой армии генерала Грезера в тот момент, когда те только выходили на исходные. Их

судьба была уже предрешена.

Примерно так летом 1941-го в приграничных сражениях гибли наши механизированные корпуса и танковые дивизии. Маятник войны качнулся в другую сторону…

Немецкий генерал и историк Второй мировой войны Курт Типпельскирх о прорыве на Висле в январе 1945-го впоследствии написал: «Удар был столь сильным, что опрокинул не только дивизии первого эшелона, но и довольно крупные подвижные резервы, подтянутые по категорическому приказу Гитлера совсем близко к фронту. Последние понесли потери уже от артиллерийской подготовки русских, а в дальнейшем в результате общего отступления их вообще не удалось использовать согласно плану. Глубокие вклинения в немецкий фронт были столь многочисленны, что ликвидировать их или хотя бы ограничить оказалось невозможным. Фронт 4-й танковой армии был разорван на части, и уже не оставалось никакой возможности сдержать наступление русских войск. Последние немедленно ввели в пробитые бреши свои танковые соединения, которые главными силами начали продвигаться к реке Нида, предприняв в то же время северным крылом охватывающий манёвр на Кельце».

Глава тридцатая. СПАСЁННЫЙ КРАКОВ

Висло-Одерская операция ураганом неслась в центр Польши.

Левое крыло 1-го Украинского фронта — 59-я и 60-я армии генералов Коровникова и Курочкина приближались к Кракову. Этот древний польский город, прославившийся историческими и архитектурными памятниками, этот поистине город-шедевр, оказался ключевым пунктом немецкой обороны на пути к Берлину. Ключом к Силезскому промышленному району.

Армии правого крыла, действовавшие в районе Ченстохова, уже нависали над краковской группировкой противника. Левее соседи из 4-го Украинского фронта начали охват 17-й немецкой армии с юга. Однако Краков и прилегающий район немцы сдавать не собирались. Заводы Силезии, без которых трудно продолжать войну, нужны были вермахту как порох. Тем более, что вторую кузницу оружия — Рур — в это время атаковали союзники.

Краковский крепостной район. Здесь войска 1-го Украинского фронта натолкнулись на жесточайшее сопротивление. Похоже, немецкие войска готовы были на второй Сталинград. Но ни шагу назад.

Когда в штаб фронта приводили очередного «языка», командующий пристально всматривался в черты лица пленного, внимательно следил за его жестами и интонацией голоса. Нет, ничего не менялось, немецкий солдат был по-прежнему самоуверен и храбр, а своё плачевное положение — пленение — воспринимал как нелепую случайность, о которой искренне сожалел. Наступление в Арденнах, о котором знал каждый немецкий солдат, воспринимая его как перелом в войне, окрыляло, поднимало дух.

«Закат третьей империи ещё далеко не все немцы видели, — писал Конев, — и тяжёлая обстановка пока не вносила почти никаких поправок в характер действий гитлеровского солдата на поле боя: он продолжал драться так же, как дрался раньше, отличаясь, особенно в обороне, стойкостью, порой доходившей до фанатизма. Организация армии оставалась на высоте, дивизии были укомплектованы, вооружены и снабжены всем или почти всем, что им полагалось по штату.

Говорить о моральной сломленности гитлеровской армии пока тоже не приходилось. Можно добавить к этому и такие немаловажные факторы: с одной стороны, геббельсовская пропаганда пугала солдат, уверяя их, что русские не оставят от

Германии камня на камне и угонят в Сибирь всё немецкое население, а с другой стороны, на тех же солдат обрушились жестокие репрессии, усилившиеся к концу войны».

Тем временем севернее войска 1-го Белорусского фронта нанесли мощные удары с Магнушевского плацдарма на Познань и одновременно с Пулавского плацдарма на Радом. 18 января 1945 года крупная группировка противника была окружена западнее Варшавы. 19-го очистили от немцев промышленный центр город Лодзь. Жуков торопил свои войска к Одеру.

Конев следил за продвижением соседей и особенно за тем, как действуют армии ближайшего соседа справа.

Девятнадцатого января он выехал в 59-ю армию генерала Коровникова[89]. Армия уже заняла исходные позиции, готовилась к штурму Кракова.

С наблюдательного пункта командарма 59-й хорошо были видны окраины старинного города, полосы немецких окопов, проволочных заграждений.

Коровников доложил обстановку, и Конев предложил неожиданный вариант: направить приданный армии танковый корпус генерала Полубоярова в обход Кракова с запада.

Задумались. 60-я армия в это время подступала к юго-восточным и южным окраинам города. Кольцо замыкалось.

— Только наша стремительность, Иван Терентьевич, может спасти город от излишних разрушений. Сбережём и солдат, — сказал Конев. — Напомни своим — меньше разрушений.

Он наставлял своего подчинённого, который всё прекрасно понимал и без его слов. А сам думал вот о чём: ведь ещё вчера настаивал совершенно на другом — перед тем как пустить вперёд танки и пехоту, хорошенько обработать рубеж тяжёлой артиллерией, подавить все огневые точки с дистанции пушечного огня. Убеждал: каждый удачно выпущенный снаряд по заранее разведанным целям — сбережённая человеческая жизнь. Теперь в военное дело вмешивалась политика. Как непросто сопрягать эти две категории на поле боя…

Артиллерия в тот день всё же вела огонь, и довольно сильный. Обстрелу подверглись окраины Кракова и районы, прилегающие к окраинам, где немцы разместили свои оборонительные линии.

После артподготовки Конев и Коровников выехали в корпус Полубоярова. Позже Конев рассказывал Константину Симонову, что сразу было заметно: противник сломлен, танки Полубоярова и пехота передовых частей 59-й армии ворвались в город и быстро продвигались вперёд.

А дальше произошло вот что. Корпус Полубоярова вышел к

шоссе, которое уходило из Кракова на запад, и остановился. Теперь по этому поводу историки спорят: что это было? Неуверенность Конева в том, что окружённый краковский гарнизон они смогут быстро придушить? Или всё-таки то, о чём говорил сам маршал?

«Мы не ставили себе задачи перерезать последний путь отхода гитлеровцев, — писал Конев. — Если бы это сделали, нам бы потом долго пришлось выкорчёвывать их оттуда и мы, несомненно, разрушили бы город».

Эти слова могли бы иметь в истории оттенок некой двусмысленности, лукавства, если бы история краковского гарнизона не имела продолжения и финала.

Известно, что основную часть колонны войск, покидавших заминированный и обречённый на гибель Краков, расстреляли на марше советские штурмовики и бомбардировщики. Часть попала под массированный артиллерийский огонь. Часть действительно выбралась из полуокружения и соединилась с группой армий «А».

Но гораздо важнее другое. Краков, старинный Краков, некогда считавшийся красивейшим городом континента, был спасён от разрушения.

В Кракове и окрестностях действовали несколько партизанских отрядов, местных подпольных и советских разведывательных групп. Последние подчинялись непосредственно ГРУ и разведотделам армий 1-го Украинского фронта. Некоторые из них были переброшены в район Кракова ещё в 1944 году. Когда наши войска подошли к Кракову, через фронт было переправлено ещё несколько разведывательных и диверсионных групп. Задания они имели разные. Но в конце концов пришлось выполнять одно, самое важное — спасать город от тотального разрушения.

Одной из разведывательно-диверсионных групп командовал «лейтенант Алёша» — Алексей Ботян. Ещё в августе 1944-го его группа была заброшена в соседнее с Краковским Радомское воеводство. Леса, болота. Край партизанский, весьма напоминающий нашу Брянщину. Здесь действовали польские отряды Армии крайова и Армии людова. Рядом с их базами дислоцировались отряды и группы, целиком состоявшие из бежавших из немецких концлагерей советских солдат и офицеров. Задачу группа Ботяна получила совершенно определённую: не допустить взрывов железнодорожных и шоссейных мостов. Мосты Красная армия должна была получить целыми и невредимыми. Но произошло другое. На плечи разведчиков легла более тяжёлая миссия. А мосты, правда, лишь немногие, немцы всё же успели взорвать.

Разведчики узнали, что в один из замков, оборудованный под склад, в соседнем с Краковом городе Новы-Сонч немцы свозят большое количество взрывчатки. Запасы постоянно пополнялись. Разведчики сообщили об этом в Москву. Оттуда поступил приказ: сосредоточить внимание на этом объекте. Помог случай: во время одной из операций, проводимой совместно с поляками, был захвачен инженер-картограф из штаба инженерных войск вермахта, при нём оказалась папка с документами — карты и схемы оборонительных сооружений района Кракова и Новы-Сонч с указанием объектов, которые, в случае прорыва Красной армии, подлежали полному уничтожению. На схемах значились почти все исторические здания Кракова и Новы-Сонч.

С этого момента группа «лейтенанта Алёши» действовала по указаниям штаба 1-го Украинского фронта. Конев имел всю информацию и руководил действиями разведчиков через разведотдел фронта.

Десятого января 1945 года разведчики подорвали немецкую штабную машину. В портфеле убитого офицера обнаружили приказ об уничтожении памятников архитектуры в Кракове и Новы-Сонч в час икс.

Вскоре старинный замок — склад взрывчатки — взлетел на воздух. Акцию провёл поляк, завербованный Ботяном. Но города были спасены.

Другой группой руководил капитан Евгений Березняк. Выпускник Специальной школы Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии, украинец по национальности, он хорошо знал польский язык. Его позывной был: «Голос». Березняк и его товарищи, заброшенные в район Кракова в середине августа 1944 года, имели задание штаба 1-го Украинского фронта «разведать краковский гарнизон противника, установить количество и нумерацию немецких войск, сосредоточенных в районе этого города; вести наблюдение за воинскими перевозками по железным и шоссейным дорогам, проходящим через Краков; установить, какую и в каком количестве боевую технику противник сосредоточивает на западном берегу Вислы. В числе главных задач группы были выявление и установление точного расположения штабов, узлов связи, аэродромов и складов противника в городе Краков и его окрестностях».

Березняк и его группа действовали совместно с партизанами Армии крайова и подпольщиками-поляками. Часто бывали в отряде, созданном бывшими советскими военнопленными, бежавшими из концлагерей.

Однажды они захватили в плен немецкого офицера, который

на допросе рассказал о готовящейся операции по взрыву Кракова в тот момент, когда в него войдут части Красной армии.

Березняк заставил пленного офицера нарисовать схему минирования города по памяти. Затем передал её в разведотдел штаба 1-го Украинского фронта.

Дальнейшая судьба Березняка и его группы сложилась более чем драматично. Достаточно сказать, что День Победы все они встретили в Подольском проверочно-фильтрационном лагере НКВД № 174. Правда, вскоре оттуда были выпущены и награждены боевыми орденами СССР.

В 1994 году Краков отмечал 50-летие освобождения от немецкой оккупации. Одна из общественных организаций Польши пригласила в гости бывшего разведчика Евгения Степановича Березняка. Человек, которого с пристрастием допрашивали в краковском гестапо в 1944-м, прочитал в местной газете «Голос Кракова»: «18 января 1945 года в Краков ворвались полураздетые, пьяные солдаты Конева. Начались грабежи и издевательства… В связи с 50-летием “освобождения” завтра, 18 января, левые силы собираются возле памятника благодарности Красной Армии… Тот, кто почтит оккупантов своей земли, добровольно вычеркнет себя из списков поляков…»

Вот как вспоминал то, что произошло дальше, сам Е.С. Березняк: «А на следующий день было большое собрание краковской интеллигенции в Ягеллонском университете. Мне предоставили слово, и я прочитал эти слова из газеты. Сказал, что мне известно, что в зале есть люди, готовые подписаться под этой публикацией: “Так вот я к вам, господа, обращаюсь. Ответьте, на каком основании вы меня называете оккупантом? Я летел к вам тогда, когда в нашей стране уже не было немцев. Я летел к вам, зная, что 75 процентов десантников погибает. Почему вы называете оккупантом мою радистку, которой не было 18 лет? А вы знаете, что, если бы не войска маршала Конева, не было бы этого университета? Был бы уничтожен театр им. Юлиуша Словацкого, историческая память Кракова — Вавель”. Тишина стояла гробовая, а когда я закончил — взрыв аплодисментов, весь зал поднялся, овация была минут пять. Так меня встретили при Валенсе».

Двадцатого января, когда войска ушли уже далеко вперёд, Конев прибыл в Краков. Везде виднелись таблички: «Очищено от мин», «Мин нет», «Разминировано». Ещё работали сапёры, стаскивая в кучи к дорогам связки противотанковых мин и ящики со взрывчаткой.

Кто-то из офицеров штаба предложил:

— Товарищ маршал, а не устроить ли нам хотя бы краткую

экскурсию по Кракову? Действительно, красивый город.

— После войны, — сухо ответил Конев.

После войны он вновь побывал здесь. В 1955 году его пригласили на 10-летие освобождения. Поляки тогда ещё всё помнили, в том числе и то, кто в действительности спас их город от уничтожения, и не лгали ни себе, ни другим.

Вот тогда, десять лет спустя, он с удовольствием и благодарностью осмотрел город. Побывал в Новой Гуте — промышленном районе, построенном уже после войны. В 1945-м на месте новостроек был пустырь, полигон, предполье, по которому танки Полубоярова и пехота Коровникова ворвались в Краков.

В 1987 году граждане Кракова установили в своём городе памятник Коневу. Но в 1991 году его демонтировали. Власть в Польше поменялась, и поляки начали срочно менять свою историю. Статую вывезли в Советский Союз.

Наталия Ивановна Конева вспоминала пережитые ею неприятные мгновения, когда по телевидению увидела кадры демонтажа памятника: «Фигуру отца с верёвкой на шее стаскивали с пьедестала. Повешенный за преступления? — только такая ассоциация возникала тогда».

В 1995 году памятник, вывезенный из Польши, установили в Кирове, на площади Конева.

Поляки пишут для себя странную историю. В путеводителях по Кракову, к примеру, путешественник не найдёт информации о том, что Красная армия освобождала Краковское воеводство от немецкой оккупации, а Краков от полного разрушения. Даже об Освенциме, который находится неподалёку, пишут, что «немецкая армия ушла из Освенцима…»

Представьте себе такую фразу: «Немецкая армия ушла из Восточной Пруссии…».

В 1963 году в «Красной звезде» появилась статья о действиях советских разведчиков в районе Кракова. В том же году правительство Польской Народной Республики наградило советского военного разведчика Евгения Березняка высшим польским орденом «Виртути Милитари» и Золотым крестом партизанской славы. Юлиан Семёнов заинтересовался этой историей и поехал в Краков, чтобы, как говорится, на месте событий разобраться в том, что же там действительно произошло, а что — легенда. Но Семёнов ничего толком не услышал от «участников» и «героев» спасения Кракова: дело в том, что они, действительные участники и герои, жили тогда кто в Белоруссии, кто на Украине, кто в России. Пользуясь связями, обратился к начальнику Главного разведывательного управления генерал-

полковнику П.И. Ивашутину, и тот передал писателю для ознакомления папку с документами о деятельности разведгруппы «Голос» в августе 1944-го — январе 1945 года на территории Краковского воеводства и непосредственно в Кракове.

Спустя год страна читала увлекательный новый роман Юлиана Семёнова под названием «Майор Вихрь». Потом появился художественный фильм. Древний Краков знает, кто его спас. Кто, рискуя жизнью, добывал схемы минирования зданий, а потом, под сплошной сетью пеленгаторов, переправлял данные в разведотдел фронта. Кто рубил кабели, тянувшиеся от контейнеров с динамитом к замыкателям. Кто отдал приказ не применять тяжёлую артиллерию во время штурма города.

Глава тридцать первая. ОДЕР И НЕЙСЕ

Потрёпанные в боях немецкие дивизии отошли на линию Силезского промышленного бассейна и вновь изготовились к бою. Зачастую это были уже не дивизии, а полки, сведённые в боевые группы и усиленные артиллерией и танками. Ими командовали опытные командиры, и эти боевые группы носили их имена.

Наступление продолжалось. Конев маневрировал танковыми соединениями, и вскоре Силезский промышленный район оказался в полуокружении. Осталось закрыть одно направление, сдвинуть клещи плотнее и зажать стоящие перед авангардами 10—12 дивизий противника, а потом добивать их в «котле».

Но война многому научила. Конев помнил, чем закончилось для группы армий «Центр» формирование «котлов» с последующей их ликвидацией — пришли к Москве без танков и горючего, с огромными потерями в личном составе, с растянутыми коммуникациями… Правее полным ходом наступали войска 1-го Белорусского фронта. Жуков спешил, выжимал из войск всё что можно. Впереди была Германия, Берлин. Ещё не было полной определённости, кому, чьим войскам придётся брать «логово». Если завязнуть здесь, в этом лабиринте промышленных предприятий и городков, где каждое строение превращено в крепость для круговой обороны, то время будет упущено…

Да, уже началось соревнование двух тяжеловесов.

Конев ехал на КП генерала Рыбалко. Через несколько минут предстояло принять окончательное решение: то ли поворачивать бригады 3-й гвардейской танковой армии и запирать ими коридор, то ли всё же вытолкнуть силезскую группировку из укрепрайона и добивать её испытанным методом — на выходе из горловины, на марше.

С Павлом Семёновичем Рыбалко у Конева всегда были очень доверительные отношения, постепенно переросшие в крепкую дружбу. Командующий 3-й гвардейской танковой уже ждал его. Развернули карту. Поговорили. Конев сказал о своём решении. Рыбалко поморщился: 3-я гвардейская танковая армия только что выполнила сложнейший манёвр — повернула на юг.

— Ничего, Павел Семёнович, — успокоил его Конев, — вам не привыкать. Ваша армия только что совершила блестящий поворот. Давайте сделаем ещё один доворот. Кстати, у вас целый корпус ещё не развёрнут, идёт во втором эшелоне. Давай те его

сразу и введём на Ратиборское направление, а два корпуса застопорим, тем более что связь по радио у вас со всеми корпусами отличная.

Рыбалко согласился.

Командный пункт Рыбалко находился на высотке. Видимость на запад отличная. Там, в стороне города Глейвиц, маневрировали наступающие танки. Хорошо просматривалась линия немецкой обороны. Левее видны порядки наступающей пехоты 21-й армии генерала Гусева[90]. На его КП Конев заехал по пути в 3-ю гвардейскую танковую. Приказ генералу Гусеву был уже отдан: атаковать непрерывно и теснить противника в направлении коридора — на юго-запад.

И теперь Конев наблюдал результаты своего приказа. На некоторых участках пехота уже захватила переднюю линию, танки поддержки утюжили окопы и огневые точки немцев. Противник толпами отходил в тыл. Один из штабных офицеров доложил о первых результатах атаки:

— Товарищ маршал, из штаба двадцать первой сообщили: первая линия окопов противника занята, передовые батальоны вклинились во вторую…

— Вот что, капитан, — выслушав доклад, сказал Конев, — передайте генералу Гусеву: всех, отличившихся в этой атаке, представить к медалям «За отвагу», командиров батальонов, рот и взводов — к орденам.

К 29 января 1945 года Силезский промышленный район был очищен от противника.

Когда солдаты Конева ворвались на территорию промышленной зоны, обнаружили: многие предприятия работают в обычном режиме, выпускают продукцию. Впоследствии они продолжили свою работу, только по новым заказам для другой армии.

На выходе из силезского укрепрайона, когда войска 17-й армии и армейской группы «Хейнрицы» вытянулись в оставленном им коридоре, танки Рыбалко и дивизии 60-й армии Курочкина их уничтожили.

А из первых эшелонов, которые ушли к границе Третьего рейха, уже сообщали: 5-я гвардейская армия генерала Жадова, «используя благоприятную обстановку, созданную поворотом армии Рыбалко, захватила плацдармы» за Одером, правее 4-я танковая армия Лелюшенко тоже форсировала Одер и вышла в район Штейнау. Но потом пришли тревожные вести: 3-я гвардейская армия Гордова и 13-я армия Пухова завязли перед 24-м танковым и 42-м армейским корпусами противника. На их правый фланг, с севера, давят резервы 9-й полевой армии. Ещё

несколько дней назад эти немецкие части стояли перед войсками Жукова, а теперь сместились южнее и нависли над правым флангом 1-го Украинского фронта.

Накануне позвонил Верховный. Выслушал его доклад. И вдруг предостерёг:

— Смотрите, немцы не смирились с потерей Силезии и мо гут её у вас отобрать.

В эти дни Конев был в войсках. Связь работала бесперебойно. Офицеры штаба постоянно докладывали обстановку, и он сразу же отдавал распоряжения. Это был штаб на колёсах. Как не хватало этого летом 1941-го и позже, в 1942-м, подо Ржевом…

Конев велел связаться со штабом 4-й танковой.

— Четвёртая танковая на связи, — тут же ответили ему.

— Спросите, где Лелюшенко?

— Лелюшенко на новом капэ за Одером.

— Быстро к нему, — приказал он и подумал: какой молодец… Теснимые наступающими авангардами 1-го Белорусского

фронта немецкие войска нажимали на дивизии Гордова. Создавалась опасная ситуация, при которой немцы могли смять порядки 3-й гвардейской армии и хлынуть в тыл всей группировке, выдвинувшейся к Одеру и опасно растянувшей свои коммуникации. Для того чтобы этого не допустить, он приказал Лелюшенко нанести удар в северо-западном направлении. Танки Лелюшенко наступали по обоим берегам Одера. Положение 3-й гвардейской несколько улучшилось. Но немцы разгадали этот манёвр и отвернули севернее. Удар Лелюшенко не достиг намеченной цели. И всё же в районе Лисса 4-й танковой и 3-й гвардейской удалось остановить и окружить противника. В «котёл» угодили несколько дивизий. Около 15 тысяч были уничтожены и пленены. Остальным удалось вырваться.

Изношенные сапоги и ботинки русских пехотинцев вслед за танками прошли по междуречью Вислы и Одера. К началу февраля тульские гармошки и трофейные аккордеоны играли «барыню» и разливали «саратовские страдания» уже на Одере и на плацдармах за немецкой рекой.

Висло-Одерская операция завершилась. Вот как её впоследствии прокомментировал бывший начальник штаба 48-го танкового корпуса, а затем 4-й танковой армии генерал фон Меллентин: «Русское наступление развивалось с невиданной силой и стремительностью. Было ясно, что Верховное Главнокомандование полностью овладело техникой организации наступления огромных механизированных армий… Невозможно описать всего, что произошло между Вислой и Одером в первые

месяцы 1945 года. Европа не знала ничего подобного со времени гибели Римской империи». Немного пафосно. Но исторически довольно точно.

Итогом Висло-Одерской операции для войск маршала Конева стало освобождение Южной Польши, древней польской столицы Кракова и всего Силезского промышленного бассейна, заводы которого теперь работали на нужды освобождённой Польши… и Красной армии.

Во время боёв было уничтожено около 150 тысяч солдат и офицеров противника, 43 тысячи взяты в плен. Трофеи исчислялись десятками тысяч орудий и миномётов, сотнями танков, самолётов и другой техники.

За Одером были захвачены выгодные плацдармы для предстоящих ударов на Дрезденском и Берлинском направлениях.

В оперативном отношении Дрезденское направление, обеспеченное группировкой левого крыла фронта, было более перспективным. Войска здесь стояли надёжно. Правая группировка оказалась в несколько сложном положении. Она натолкнулась на мощнейшую оборону противника — Померанский вал — и тоже вынуждена была остановиться. Но перед ней лежал прямой путь на Берлин. Жукову оставалось до него 60—80 километров.

После войны, деля лавры, маршалы и генералы не раз будут спорить и напрямую, и через своих посредников, военных историков и публицистов, почему не получилось взять Берлин на два месяца раньше.

Маршал Жуков в конце января 1945 года докладывал Сталину, что намерен «с утра 1—2 февраля 45 г. продолжать наступление всеми силами фронта с ближайшей задачей с ходу форсировать Одер, а в дальнейшем развивать стремительный удар на Берлин, направляя главные усилия в обход Берлина с северо-востока, севера и северо-запада». Но Померанский вал застопорил движение. Немцы были сильны до самого конца. Группа армий «Висла», которую возглавил рейхсфюрер СС Гиммлер, используя растянутость 1-го и 2-го Белорусских фронтов и образовавшийся разрыв между их флангами, готовились нанести удар с выходом на их тылы. Жуков вовремя выставил заслон. Таким образом резервы были отвлечены от основного направления.

Тридцать первого января 1945 года Жуков доносил Сталину:

«1. В связи с резким отставанием левого фланга 2-го Белорусского фронта от правого фланга 1-го Белорусского фронта ширина фронта к исходу 31 января достигла 500 км.

Если левый фланг К.К. Рокоссовского будет продолжать

стоять на месте, противник, безусловно, предпримет активные действия против растянувшегося правого фланга 1-го Белорусского фронта.

Прошу указать К.К. Рокоссовскому немедленно наступать 70-й армией в западном направлении, хотя бы на уступе за правым флангом 1-го Белорусского фронта.

2. И.С. Конева прошу обязать быстрее выйти на р. Одер».

Читая этот документ, невольно приходишь к мысли о том, что мышление маршала Жукова было всё-таки шире командующего войсками фронта, даже такого мощного, как 1-й Белорусский. Сидеть бы ему в Генеральном штабе и командовать всеми фронтами. Но кто бы тогда стал Маршалом Победы?

На просьбу Жукова повернуть войска Рокоссовского и Конева Верховный ему так и не ответил.

С померанской группировкой Жуков и Рокоссовский в конце концов справились. Перемололи гусеницами своих танковых корпусов и 11-ю армию генерала Грассера, пытавшуюся контратаковать, и группу армий «Висла» рейхсфюрера СС Гиммлера. Но в какой-то момент войска, нацеленные на Берлин, пришлось отвести и развернуть по другим направлениям. К примеру, из-за Одера была отозвана 1-я гвардейская армия генерала Катукова, которая ещё в начале февраля готова была броситься с Кюстринского плацдарма на «логово». Но вовремя поняли — рано и слишком опасно.

1-й Украинский фронт тоже замешкался. Конев впоследствии признал, что его войска выполнили только часть своей задачи, что «для дальнейшего наступления требовалась пауза».

«Мы наступали непрерывно сорок четыре дня (с 12 января по 24 февраля), — вспоминал Конев, — и прошли с боями от пятисот до семисот километров. В среднем за каждые сутки войска продвигались на шестнадцать километров. За такие итоги краснеть не приходится. Но они не освобождают меня от необходимости объяснить, почему всё же Нижне-Силезская операция планировалась нами на одну глубину, а на практике осуществлена на другую, значительно меньшую.

Отбрасывая в сторону ряд менее существенных обстоятельств, я должен назвать здесь три основные причины.

Во-первых, в конце января, планируя эту операцию, мы считали, что наше дальнейшее наступление на запад будет проходить одновременно с продолжающимся наступлением войск 1-го Белорусского и 4-го Украинского фронтов. Однако в действительности получилось иначе.

Как раз в период между утверждением плана нашего наступления и его началом перед 1-м Белорусским фронтом

возникла неотложная задача — ликвидировать угрожавшую ему восточно-померанскую группировку немецко-фашистских войск. В связи с этим по указанию Ставки он был вынужден отказаться от дальнейшего наступления на Берлинском направлении и после выхода на Одер закрепиться на достигнутых рубежах, одновременно подготавливая удар в Померании.

Осложнилось положение и у нашего левого соседа, 4-го Украинского фронта, нацеленного на Чехословакию. Он столкнулся с упорнейшим сопротивлением противника и почти не продвигался.

Во-вторых, уже в ходе операции нам пришлось убедиться, что в конце января мы недооценили возможностей противника по восстановлению боеспособности своих частей и соединений, разгромленных нами на Висле и Одере. Он делал это гораздо быстрее и решительнее, чем мы могли предполагать.

И наконец, в-третьих, наступление в задуманных первоначально масштабах очень затруднялось громадной растяжкой наших коммуникаций».

Сравнивая, как говорят профессионалы, показания, приходишь к выводу, что Жуков в этот период войны буквально пылал желанием как можно скорее добраться до Берлина и прихлопнуть там последнюю немецкую группировку.

С запада к «логову» приближались союзники. Политический расклад всё более очевидно становился таким: кто возьмёт Берлин, тому и достанется венец победителя. Но немцы по-прежнему были сильны. Они перебрасывали с Западного фронта новые и новые силы — корпуса, дивизии, отдельные батальоны — и лихорадочно латали дыры, создавали ударные группировки и контратаковали при каждом удобном случае. Любую оплошность наших маршалов и генералов они омывали кровью наших солдат.

В книге «Солдатский долг» командующий войсками 2-го Белорусского фронта маршал К.К. Рокоссовский рассказывает о февральских боях в Померании так: «А положение у нас на левом крыле создавалось тревожное. По мере продвижения войск к северу всё больше оголялся наш левый фланг: ведь наш сосед — 1-й Белорусский фронт оставался на месте. Противник стал всё чаще наносить удары во фланги и тылы нашим наступающим частям. С опаской мы поглядывали на Ной-Штеттин. Этот город, остававшийся западнее разграничительной линии нашего фронта, был полон гитлеровскими войсками, которые в любой момент могли ринуться на наш открытый фланг. Я сообщил об этом в Ставку. Вскоре меня вызвал к ВЧ Верховный Главнокомандующий. Я доложил ему обстановку на нашем фронте и положение, складывающееся на левом крыле. Сталин спросил:

— Что, Жуков хитрит?

— Не думаю, — ответил я, — чтобы он хитрил, но что его войска не наступают и этим создаётся угроза на обнажённом нашем фланге, я могу подтвердить. Для обеспечения фланга у нас сейчас сил нет, резерв весь исчерпан. Поэтому прошу усилить фронт войсками или обязать 1-й Белорусский быстрее перейти в наступление».

Как видим, Верховному, чтобы поторопить соседа, звонили все. Кроме Конева. Он прекрасно видел ситуацию, полностью владел ею и знал, что надо делать сейчас, что завтра. Помощи не просил. Сил хватало. К Берлину сломя голову не ломился. Хотя понимал, что лавровый венок у победы, которая уже сияла впереди, всего один. Но он знал и другое: жизнь у солдата тоже одна…

Не хочу и пытаться идеализировать нашего героя. Полководцу такого уровня, каким был Конев, трудно быть, а тем более слыть человеколюбом. Как и все полевые командиры высокого ранга, он шёл к своей победе по рекам крови и горам убитых своих и чужих солдат. Чтобы победить врага и защитить свою родину, надо посылать солдата в пекло, на смерть.

И всё же в 1945-м, когда уже финал был предрешён, маршалы воевали по-разному.

В своей итоговой книге «Сорок пятый» в главе о боях между Вислой и Одером маршал написал: «Я стремился хладнокровно взвесить все плюсы и минусы.

Ну хорошо, мы окружим гитлеровцев в Силезском промышленном бассейне. Их примерно сто тысяч. Половина из них будет уничтожена в боях, а половина взята в плен. Вот, собственно говоря, и все плюсы. Пусть немалые, но все.

А минусы? Замкнув кольцо в результате операции, мы вынуждены будем разрушить весь этот район, нанести огромный ущерб крупнейшему промышленному комплексу, который должен стать достоянием новой Польши.

Кроме того, и наши войска понесут тяжёлые потери, потому что драться здесь — значит штурмовать завод за заводом, рудник за рудником, здание за зданием. Даже если имеешь преимущество в технике, в таких боях за город, где берёшь дом за домом, приходится платить дорогой ценой, жизнью за жизнь.

А между тем людских потерь у нас за четыре года войны и так достаточно. Перспектива же победоносного окончания войны недалека. И всюду, где это возможно, так хочется сохранить людей, дойти с ними, с живыми, до победы».

В мемуарах, конечно же, можно написать всё что угодно. И таких мемуаров, которые не сделали чести отечественной

словесности и внесли изрядную путаницу в историографию, в нашей литературе предостаточно. Этим же словам хочется верить, потому что они не раз подтверждались делом их автора.

Конев не штурмовал укрепрайоны, такие как Силезский, не бросал полки на штурм городов-крепостей, таких как Бреслау (Вроцлав). Бреслау был окружён плотным кольцом и оставлен по его приказу в тылу. Его почти пятидесятитысячный гарнизон дрался до тех пор, пока не пришла весть, что Германия капитулировала. Кварталы Бреслау очищали от немцев специально сформированные и обученные для действия в городских условиях штурмовые сапёрные батальоны, имевшие на вооружении огнемёты, спецтехнику и даже специальную экипировку, в том числе и стальные кирасы, защищавшие тело от осколков и пуль. Точно так же был блокирован и постепенно частично уничтожен, а частично пленён гарнизон города-крепости Глогау.

К середине февраля коневцы вышли на реку Бобёр, заняли несколько крупных населённых пунктов в Нижней Силезии и провинции Бранденбург.

Сосед слева 4-й Украинский фронт в это время был остановлен и вёл тяжёлые оборонительные бои. Сосед справа, 1-й Белорусский фронт, левым своим флангом тоже остановился в стыке с войсками Конева по Одеру и перешёл к обороне. Все резервы, имевшиеся на этом участке Восточного фронта, противник перебрасывал туда, где создавалось угрожающее положение. Угрозу прорыва создавали войска Конева, потому что они наступали.

К концу февраля 1945 года войска маршала Конева вышли к реке Нейсе. Правое крыло 1-го Украинского фронта сомкнулось с левым крылом 1-го Белорусского.

Во время боёв между Вислой и Одером произошло важное событие, в котором наш герой сыграл одну из главных ролей. Ярко проявилась ещё одна черта его характера.

52-я армия генерала Коротеева захватила городок Бунцлау, в котором весной 1813 года во время Заграничного похода русской армии скончался фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов. Конев хорошо знал историю и приказал офицерам штаба разыскать могилу, где, по преданию, похоронено сердце главнокомандующего русской армией. Могилу нашли. На плите была выбита надпись: «До сих мест довёл князь Кутузов-Смоленский победоносные российские войска. Но здесь положила смерть предел славным дням его. Он спас Отечество своё. Он открыл путь к избавлению народов. Да будет благословенна память героя».

Когда Конев осматривал могилу и плиту с надписью, кто-то из офицеров произнёс:

— Пушкин сказал о Кутузове: имя его не только священно для нас, но не должны ли мы ещё радоваться, мы, русские, что оно звучит русским звуком!

Тут же выяснилось, что немцы демонтировали памятник, установленный на могиле вскоре после смерти Кутузова. Конев приказал найти его. Чугунный обелиск отыскали, реставрировали и установили на пьедестал.

В тот же день Конев отдал приказ:

«В ознаменование светлой памяти фельдмаршала Кутузова приказываю:

1. Коменданту города Бунцлау учредить почётный караул у памятника фельдмаршалу Кутузову.

2. Всем войсковым частям и отдельным военнослужащим при прохождении мимо памятника фельдмаршалу Кутузову отдавать воинские почести.

3. Приказ прочесть во всех ротах, батареях, эскадронах, эскадрильях, командах».

Кроме того, по решению Военного совета 1-го Украинского фронта на старом деревенском кладбище по проекту архитектора, капитана Красной армии Г.И. Кевхишвили, был сооружён мемориал. Центром его стал памятник генерал-фельдмаршалу А вокруг похоронили погибших героев 1945-го — тела 141 офицера, в том числе сорока двух Героев Советского Союза.

В те дни офицерское кладбище близ Тиллендорфа стало местом паломничества местных жителей, частых митингов, салютов, экскурсий воинов Красной армии и Польской народной армии. 28 апреля 1945 года, в годовщину кончины полководца, у могилы Кутузова почётный караул несли 136 Героев Советского Союза 1-го Украинского фронта. Солдаты установили мраморную доску с надписью:

«Великому патриоту земли Русской Фельдмаршалу Михаилу Илларионовичу Голенищеву-Кутузову в день 132-й годовщины его смерти 28 апреля 1945 года.

Среди чужих равнин, ведя на подвиг правый
Суровый строй полков своих,
Ты памятник бессмертный русской славы
На сердце собственном воздвиг.
Но не умолкло сердце полководца,
И в грозный час оно зовёт на бой,
Оно живёт и мужественно бьётся
В сынах Отечества, спасённого тобой!

И ныне, проходя по боевому следу
Твоих знамён, пронесшихся в дыму,
Знамёна собственной победы
Мы клоним к сердцу твоему!

От воинов Красной Армии, 12 февраля 1945 года вступивших в город Бунцлау».

Признайте, дорогой читатель, очевидное: такого эпизода вы не найдёте ни у одного полководца Великой Отечественной войны.

Было в Коневе нечто такое, что он получил от своих вятско-вологодских предков и что великий Пушкин назвал любовью к отеческим гробам. Нет, не прошли даром, не провалились сквозь сито времён уроки кузнеца Алёши Артамонова из родного Лодейно, наставления учителя земского училища Ильи Михайловича, байки ветерана Шипки Алёши Турки.

После войны Конев снова побывал в этих местах. Приезжал поклониться сердцу главнокомандующего русской армией Михаилу Илларионовичу Кутузову и своим героям-молодцам. Привозил сюда свою семью.

Глава тридцать вторая. БЕРЛИН. ВЕСНА 1945-го

Генерал армии С.М. Штеменко[91] в своих мемуарах писал: «26 января 1945 года Генштаб получил решение командующего 1-м Белорусским фронтом о безостановочном наступлении на Берлин. Днём позже поступило аналогичное решение командующего 1-м Украинским фронтом. Генштаб беспокоила лишь одна деталь: разграничительная линия между фронтами, установленная по рекомендации маршала Жукова, фактически оттирала 1-й Украинский фронт к югу от Берлина, не оставляя ему никакого окна для удара по германской столице. Получалась явная несуразица: с одной стороны, утвердили решение Конева — правым крылом наступать на Берлин, а с другой — разграничительную линию, которая не позволяла это сделать. Маршал Конев очень разволновался по этому поводу… Эта проклятая разграничительная линия не давала нам покоя больше двух месяцев».

Штеменко верить можно. Хотя бы потому, что прослужил он свои годы честно, не вилял перед вождями, но верой и правдой служа одному из них. За что трижды из генерал-полковника понижался в звании до генерал-лейтенанта. Таким образом, имел редкое в Красной армии звание — трижды генерал армии.

Но мы, кроме мемуаров, заглянем ещё и в документы. Посмотрим факты.

Драма под названием «Великая Отечественная война» подходила к своему финалу. Оперативная пауза перед решающим штурмом длилась с конца февраля до середины апреля 1945 года. Она оказалась достаточно продолжительной.

Однако для северного крыла 1-го Украинского фронта эта пауза была относительной. С 15 по 31 марта 1941 года армии правого крыла провели Верхне-Силезскую наступательную операцию. В первый же день войска столкнулись с сильной группировкой противника, которая, как впоследствии выяснилось, готовилась к удару на Бреслау с целью выручить блокированный в крепости пятидесятитысячный гарнизон. В этих боях особенно пострадали корпуса генерала Лелюшенко. Танкисты впервые подверглись атаке немецких фаустников. Как всегда, активно работала противотанковая артиллерия противника. Некоторые бригады потеряли до трети своих боевых машин.

В районе Оппельна армии генералов Гусева и Коровникова

при поддержке танков генерала Лелюшенко отрезали от основных сил и блокировали плотным кольцом крупную группировку противника — 20-ю пехотную и часть 18-й моторизованной дивизий СС, а также 168-ю и 344-ю пехотные дивизии, несколько отдельных полков и батальонов.

На этот раз Конев приказал уничтожить «котёл»: «Комбатам, комполкам, комдивам 225, 285. 229 и 120-й дивизий 21-й армии. Окружённый противник пытается прорваться в направлении Штейнау. Враг деморализован, прорывается отдельными группами, без техники. Приказываю.

1. До ночи выходящие группы противника уничтожить, пленить. Всем сержантам и офицерам дерзко и смело атаковать врага. Не опозорить войска 21-й армии, 4-й гвардейской танковой и не выпустить врага из окружения.

2. Приказ довести до всех рядовых, сержантов, офицеров всех родов войск».

Немцы бросили на выручку окружённых танковую дивизию «Герман Геринг». На следующий день усилили её 20-й танковой и 45-й пехотной. Все контратаки были отбиты. 21-я армия к исходу дня 20 марта покончила с окружённой группировкой. Около 30 тысяч человек было убито, 15 тысяч пленено. Затем была уничтожена группировка в районе Ратибора и Рыбника.

Союзникам немецкие войска в эти дни так яростно не сопротивлялись.

Полутораметровые стены каменных домов, превращенных в крепости, артиллеристы 60-й армии генерала Курочкина пробивали с открытых позиций. В дело были брошены батареи тяжёлого калибра, в том числе и 203-миллиметровые гаубицы большой мощности. В проломы шли ударные сапёрные части и пехота.

Немцы перебросили с других направлений и ввели в бой 17-ю и 8-ю танковые дивизии. Это были старые знакомые Конева, с которыми он имел дело ещё во время летних боёв 1941-го. Но и он, чувствуя напор, тоже вводил в бой свои резервы. Резервы были. Но их надо было и беречь для решающего штурма.

С ратиборской и рыбницкой группировками врага было покончено 31 марта. На этот раз стояла хорошая погода, и авиация, особенно штурмовая, буквально ползала на пузе по переднему краю, уничтожая немецкую бронетехнику, подавляя артиллерию и пулемёты. Тогда же, 31 марта, наступила пауза.

В конце марта 1945 года Конева вызвали в Ставку.

Он уже знал, что Берлин будет брать сосед справа, а его войскам отведена роль щита с юга с дальнейшей задачей выйти к Эльбе и встретить там союзников. Союзники, в особенности

англичане, тоже рвались к Берлину. Черчилль вдруг спохватился: «Русские армии, несомненно, захватят всю Австрию и войдут в Вену. Если они захватят также Берлин, то не создастся ли у них слишком преувеличенное представление о том, будто они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу, и не может ли это привести их к такому умонастроению, которое вызовет серьёзные и весьма значительные трудности в будущем? Поэтому я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на восток и что в этом случае, если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы, несомненно, должны его взять. Это кажется разумным и с военной точки зрения».

Сталин почувствовал, что союзники при виде близкой добычи не прочь нарушить соглашения, достигнутые в Ялте в феврале 1945 года о разделе Германии. А это означало, что Англия и США уже начали репетировать новый акт — вытеснение войск Советского Союза из освобождённой Европы. Сталин внимательно следил за всеми изменениями в настроениях и намерениях союзников.

Коневу приказано было встретить их на южных подступах к Берлину. Встретить — означало остановить на линии соприкосновения.

Но ему хотелось войти в Берлин. Война уже заканчивалась, и маршал прекрасно понимал, что в краткий её курс войдут три-четыре, быть может, пять основных, наиболее ярких операций. Столько же имён. Взятие Берлина — это апофеоз. Пик общенародной мечты, выжившей на руинах страданий и надежд. Берлинские бои в памяти народа останутся обязательно. И герой берлинской эпопеи станет народным героем и любимцем. С его именем будет ассоциироваться победа. На его главу будет возложен венец победителя. Все остальные, пусть и не менее достойные, и осыпанные орденами и почестями, будут рядом или вокруг.

Конев весьма точен в своих мемуарах. Но, должно быть, память изменяла и ему. В мемуарной книге «Сорок пятый» он пишет: «Первого апреля 1945 года в Москву в Ставку Верховного Главнокомандования были вызваны командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Г.К. Жуков и я».

Мы ещё вернёмся и к этому фрагменту мемуаров, и к самой встрече в Ставке маршалов и Верховного.

А теперь вчитаемся в мемуары генерала армии Штеменко: «… как только обнаружились первые симптомы поползновений союзников на Берлин, последовал немедленный вызов в Москву Г.К. Жукова и И.С. Конева.

31 марта Генеральный штаб рассмотрел совместно с ними замысел дальнейших действий фронтов. Маршал Конев очень разволновался при этом по поводу разграничительной линии с 1 - м Белорусским фронтом, ведь она не давала ему возможности для удара по Берлину. Никто, однако, в Генштабе не смог снять это препятствие.

На следующий день, 1 апреля 1945 года, план Берлинской операции обсуждался в Ставке. Было подробно доложено об обстановке на фронтах, о действиях союзников, их замыслов. Сталин сделал отсюда вывод, что Берлин мы должны взять в кратчайший срок; начинать операцию нужно не позже 16 апреля и всё закончить в течение 12—15 дней. Командующие фронтами с этим согласились и заверили Ставку, что войска будут готовы вовремя».

Напомню, генерал Штеменко в то время возглавлял оперативное управление Генштаба. Владел полной информацией. Она и легла потом в основу его мемуаров.

Штеменко пишет, что в Генштабе они вместе с двумя маршалами обсуждали берлинскую тему 31 марта.

Значит, всё же 31 марта…

Итак, маршалы вошли в большой кабинет Сталина. За столом под портретами Суворова и Кутузова сидели члены Государственного Комитета Обороны, а также начальник Генерального штаба А.И. Антонов и начальник Главного оперативного управления С.М. Штеменко.

Сталин попросил генерала Штеменко зачитать телеграмму, суть которой сводилась к следующему: союзники стягивают на Берлинское направление дополнительные силы, создаются группировки, таким образом, план взятия Берлина союзными войсками нужно рассматривать как реальность.

Когда Штеменко дочитал телеграмму, Верховный обратился к обоим маршалам:

— Так кто же будет брать Берлин, мы или союзники? Конев в мемуарах пишет: «Так вышло: первому на этот вопрос пришлось отвечать мне, и я ответил:

— Берлин будем брать мы, и возьмём его раньше союзников.

— Вон какой вы, — слегка усмехнувшись, сказал Сталин и сразу в упор задал мне вопрос по существу: — А как вы сумеете создать для этого группировку? У вас главные силы для этого находятся на вашем южном фланге, и вам, по-видимому, придётся производить большую перегруппировку.

Я ответил на это:

— Товарищ Сталин, можете быть спокойны: фронт про ведёт все необходимые мероприятия, и группировка для наступления

на Берлинском направлении будет создана нами своевременно.

Вторым отвечал Жуков. Он доложил, что войска готовы взять Берлин. 1-й Белорусский фронт, густо насыщенный войсками и техникой, был к тому времени прямо нацелен на Берлин, и притом с кратчайшего расстояния».

Верховный остался доволен их докладом и решимостью выполнить приказ. Он поручил маршалам подготовить прямо здесь, в Москве, в Генштабе, свои планы, согласовать вопросы взаимодействия и доложить ему не позднее чем через сутки-двое.

Работали Конев и Жуков в отдельных комнатах. Но иногда собирались в кабинете у Антонова или Штеменко, чтобы увязать некоторые принципиальные вопросы.

«Работа Генштаба по планированию завершающих ударов крайне осложнилась категоричным решением Сталина об особой роли 1-го Белорусского фронта, — вспоминал Штеменко. — Овладеть столь крупным городом, как Берлин, заблаговременно подготовленным к обороне, одному фронту, даже такому мощному, как 1-й Белорусский, было не под силу. Обстановка настоятельно требовала нацелить на Берлин по крайней мере ещё и 1-й Украинский фронт. Причём, конечно, нужно было как-то избежать малоэффективного лобового удара главными силами».

Второго апреля маршалы вновь были у Верховного. Докладывал Антонов. Потом командующие фронтов. Сталин никаких существенных замечаний не высказал. Он доверял им.

Когда Конев закончил свой доклад, Верховный сказал:

— В связи с тем, что в Прибалтике и в Восточной Пруссии фронты начинают сокращаться, могу вам выделить две армии за счёт прибалтийских фронтов: двадцать восьмую и тридцать первую.

Обе армии были знакомы Коневу по боям 1941 и 1942 годов под Смоленском и Ржевом.

В директивах фронтам Берлинского направления было сформулировано: Берлин атакуют войска 1-го Белорусского фронта; армии 1-го Украинского должны тем временем разгромить противника в районе Котбуса и южнее Берлина с выходом к десятому дню операции на рубежи юго-западнее Берлина, к реке Эльбе.

Конев неожиданно заявил, что войска 1-го Украинского фронта тоже полны решимости штурмовать Берлин. При этом начальник Генштаба ещё раз обратил внимание Верховного на то, что существующая разграничительная линия фактически исключает участие войск Конева в штурме Берлина. Конев стоял на своём: при существующей конфигурации фронта и расположении группировок целесообразно «нацелить часть сил 1-

го Украинского фронта, особенно танковые армии, на юго-западную окраину Берлина».

«Сталин пошёл на компромисс: он не отказался полностью от своей идеи, но и не отверг начисто соображений И.С. Конева, поддержанных Генштабом, — пишет Штеменко. — На карте, отражавшей замысел операции, Верховный молча зачеркнул ту часть разгранлинии, которая отрезала 1-й Украинский фронт от Берлина, довёл её до населённого пункта Люббен (в 60 километрах к юго-востоку от столицы) и оборвал.

— Кто первый ворвётся, тот пусть и берёт Берлин, — заявил он нам потом».

Из-за этой проклятой разгранлинии, которую, как предусматривает устав, перед началом операции не провели чётко и определённо, Жуков уложил тысячи солдат на Зееловских высотах и при штурме в лоб обводов города, а Конев потерял большое количество танков и экипажей, сгоревших на тесных улочках от фауст-патронов и противотанковых орудий, выставленных на прямую наводку. И тот и другой спешили отличиться. Войти в историю. Полководческая мудрость отступила на второй план перед страстью стать первым. Впрочем, не нам их судить.

Планы планами, а реальный бой, а тем более сражение такого масштаба, как битва за Берлин, зачастую пишет свой сюжет. Как говорят в народе: брань дело кажет.

Подступы к «логову» изобиловали болотами, каналами, лесами, реками, озёрами. Глубокоэшелонированная оборона была построена основательно, по всем правилам инженерного дела: непосредственно перед городом — два внешних обвода оборонительных линий, всё густо занято войсками, некоторые части и целые дивизии срочно переброшены с Западного фронта, минные поля, танковые ловушки, ПТО. Солдаты и фольксштурм готовы были умереть за Германию, за фюрера в последнем бою, но не пропустить большевиков дальше своих позиций.

При таком построении обороны берлинской группировки противника разумнее выглядел один из резервных планов Генштаба, который предполагал не лобовой штурм города через Зееловские высоты, а охват района Берлина силами двух фронтов — с севера (2-й Белорусский), с северо-запада (1-й Белорусский), с юга и юго-запада (1-й Украинский). Войска фронтов, согласно плану, должны были соединиться в районе Бранденбурга и Потсдама и одновременно отсечь любое «поползновение» к Берлину союзников.

Но лавровый венок у Сталина был один…

Конева, впрочем, ситуация, которая сложилась к началу

операции, вполне устраивала. Он понимал, что возможность войти в Берлин у него есть, и очень даже реальная. Не зря он пестовал и закалял в боях свои танковые армии. Рыбалко и Лелюшенко преодолевали марши, подобные тому, который предстоял, не раз.

В ночь на 16 апреля правее боевых порядков Конева небо осветилось дальним заревом. Вскоре донеслась канонада. Это начал 1-й Белорусский фронт. Жуков решил опередить всех.

В ту ночь Конев только что вернулся из района Бреслау Там 6-я армия генерала Глуздовского[92] продолжала удерживать в блокаде крупную группировку противника, не желающего сдаваться.

Переданные из состава 3-го Белорусского фронта 28-я и 31-я армии были ещё на марше. Конев решил не дожидаться их подхода.

На передовом НП генерала Пухова было тесновато. Блиндаж был отрыт и тщательно замаскирован на опушке соснового бора. Внизу обрыв. Под обрывом — Нейсе. За рекой пологий берег. Он хорошо просматривался на многие километры вперёд, вправо и влево. Уже светало, и в стереотрубу было хорошо видно, что происходило на той стороне, у немцев.

Артподготовка проводилась в три этапа, всего 145 минут: 40 минут — прикрытие выхода пехоты к реке: 60 минут — форсирование; 45 минут — обеспечение атаки на том берегу. После того как противоположный берег Нейсе потонул в чёрном смраде разрывов, передовые батальоны начали форсирование.

Под прикрытием огня и дымовой завесы на подручных плавсредствах батальоны переправлялись на противоположный берег. Через несколько минут сапёрные части уже навели десантные переправы, и по ним пошла пехота. За ними начали переправляться полковые артиллерийские группы. Всё шло строго по графику.

Однако левый берег начал огрызаться — не все огневые точки оказались подавленными артиллерией.

И тут произошло то, что впоследствии описал в своих мемуарах командующий 13-й армией генерал Пухов. Пуля щёлкнула по креплению стереотрубы и с воем ушла в сторону. Пухов признался, что почувствовал себя неважно. Конев же, тоже на мгновение отвлёкшись от стереотрубы, сделал вид, что ничего не произошло, и молча продолжил наблюдение.

Чтобы облегчить форсирование Нейсе, обеспечить успех в начале атаки и уменьшить потери, Конев приказал установить дымовую завесу на левом берегу реки. «Мастерски это сделали лётчики-штурмовики! Стремительно пройдя на бреющем, они не

“пронесли” её, а поставили точно на рубеже Нейсе», — писал он.

Дымы поставили на ширине фронта в 390 километров и тем самым отчасти ввели противника в заблуждение по поводу направления главного удара. Утро выдал ось тихое, безветренное. Дымы медленно сносило на запад, накрывая немецкие окопы на левом берегу. Наступали же на 90-километровом отрезке, где сосредоточилась ударная группировка. Кропотливая подготовка войск, дни и ночи неустанного труда штабов и солдат дали свой результат.

Ещё в январе 1945 года к своим обязанностям приступил вернувшийся из госпиталя командующий артиллерией фронта генерал Варенцов. Блестящая организация артиллерийского наступления; точная работа расчётов по огневым точкам противника, которые были разведаны накануне артиллерийской разведкой и нанесена на таблицы стрельбы. Контрартиллерийский огонь; способность артподразделений и отдельных расчётов выполнить практически любую профильную задачу в быстро изменяющихся обстоятельствах — всё это результат огромной работы генерала Варенцова. Как бывший артиллерист, Конев высоко ценил своего заместителя по артиллерии и радовался тому, что теперь, в дни решающей битвы, он был рядом.

Чтобы облегчить задачу авангардов 13-й армии, которая должна была выполнить первоначальную задачу берлинского наступления 1-го Украинского фронта — прорвать оборону противника на всю её глубину, — по предложению Варенцова при каждом стрелковом полку была создана пушечно-артиллерийская группа (ПАГ). К примеру, 117-му стрелковому полку 333-й дивизии был придан ПАГ, укомплектованный 142 орудиями и миномётами; 4-й гвардейский стрелковый полк 6-й гвардейской стрелковой дивизии — 182 орудия и миномёта. Кроме того, в 13-й армии сформировали сильную армейскую артиллерийскую группу в составе четырёх бригад и двух полков — всего 224 орудия.

Чтобы понять, какое значение имела хорошо поставленная работа артиллерии во время Берлинской наступательной операции фронта, приведу один пример.

На второй день наступления, 17 апреля, когда немцы пришли в себя и начали контратаковать, в полосе наступления 3-й гвардейской армии произошло следующее. 21-й гвардейский стрелковый корпус уткнулся в крупный узел сопротивления город Зерген. Генерал Гордов попросил помощи. Маршал Конев приказал Варенцову немедленно оказать помощь залёгшему на подступах к Зергену 21-му гвардейскому корпусу. На угрожаемый

участок было направлено пять бригад из состава 1-й гвардейской артиллерийской дивизии прорыва — 220 орудий и тяжёлых миномётов. Налёт, организованный Баренцевым, длился всего пять минут. Но это был такой огненный шквал, после которого пехота пошла ко второму рубежу обороны по крошке, по щебню, оставшемуся от зданий, и телам их защитников.

Войскам Конева противостояли 4-я танковая армия и многочисленные отдельные батальоны и отряды фольксштурма. 4-я танковая — старый противник Конева. С ней он сражался летом 1943-го на южном участке Орловско-Курской дуги, затем дрался на Украине и в Силезии. И вот наступила последняя битва. В результате первого удара 4-я танковая армия была рассечена на три части. С этого момента они оборонялись изолированно и постепенно были полностью уничтожены. Часть солдат и офицеров сдались в плен. В первый же день четыре дивизии, стоявшие в обороне вдоль Нейсе, были буквально стёрты, засыпаны в окопах, размётаны по окрестным лесам и балкам. Уцелевших сгоняли в колонны и отправляли в тыл. Эта судьба постигла 342-ю, 545-ю пехотные, 615-ю особого назначения и моторизованную дивизию «Бранденбург».

На второй день авангарды вышли к Шпрее. К исходу дня батальоны 3-й гвардейской армии на некоторых участках под огнём противника переправились на другой берег и захватили плацдармы.

На третий день битвы немцы, наконец, поняв манёвр Конева — направленный удар на охват Берлина с юга, — бросили против него резервы. На второй и третьей линиях обороны наши наступающие части встретили шесть танковых, одна моторизованная и пять пехотных дивизий. Начались контратаки. Противник бросал в бой до шестидесяти танков и пехоту.

Во второй линии схватились во встречном бою танки. Пока действовали бригады поддержки пехоты. Главную свою броневую силу — танковые армии Рыбалко и Лелюшенко — Конев придерживал во втором эшелоне. Но резервы всё же вводил.

Под рукой у него были несколько стрелковых и механизированных корпусов. Вот ими комфронта и маневрировал в самые тяжёлые часы сражения.

Вперёд! Вперёд! Нельзя было сбавлять темпа наступления. Вперёд!

Он прекрасно чувствовал пульс сражения, чувствовал, как живую, материю битвы. Немцы выдыхаются. Уже слабее их контрудары. Пленные, которых приводили к нему из только что захваченных окопов и подбитых танков, выглядели отчаявшимися. Это были солдаты уже разбитой, побеждённой

армии.

Штурмовые полки генерала Красовского рыскали над горящими лесами по передовой и в ближнем тылу противника, разыскивали колонны, в том числе танковые, бросались на них, как соколы на притаившихся лисиц, рвали на куски, загоняли в болота и балки, жгли прямо на дорогах в организованных «пробках». Погода стояла прекрасная. Авиация работала без устали. Истребители отгоняли немецкие «мессершмитты» и «фокке-вульфы». Немцы к тому времени уже давно потеряли главенство в небе. Над районом Берлина царили советские самолёты. Они помогали пехоте и танкам, делали то, что не успевала или не могла сделать артиллерия генерала Варенцова.

Семнадцатого апреля Конев и генералы Рыбалко и Лелюшенко стояли на высоком берегу Шпрее. Внизу танки 4-й гвардейской армии переправлялись через брод по мелководью. Чуть ниже начали переправу бригады одного из корпусов 3-й гвардейской танковой армии.

Наконец, настал черёд основным силам фронта — танковым армиям. Они вводились в прорыв.

— Смелее вперёд, в оперативную глубину, — говорил Конев своим танковым командирам. — Не оглядывайтесь назад. Не ведите с противником боёв за их опорные пункты. Ни в коем случае не берите их в лоб, если обойти нельзя. Маневрируйте, берегите машины, они нам нужны будут для выполнения главной задачи.

Слово «Берлин», или «логово», никто из них не произнёс ни разу. Но оно буквально гудело в их ушах колоколами.

Неподалёку от переправы в старом замке был оборудован передовой оперативный командный пункт. Работала связь. На столах разложены карты. Операторы занимались своим привычным делом. Полученные донесения тут же превращались в отметки на картах и новые распоряжения.

Конев приказал связаться с танкистами. Корпуса уже шли на запад от Шпрее и переправ. Пехотные командиры тоже сообщали о благополучном продвижении вперёд. Пора было докладывать Верховному.

ВЧ действовала бесперебойно. Сталин тут же ответил. Конев коротко доложил: войска наступают, танковые армии переправились через Шпрее и начали отрываться от общевойсковых и выдвигаются в оперативную глубину в северо-западном направлении…

Верховный вдруг прервал:

— А дела у Жукова идут пока трудно. До сих пор прорывает оборону.

«Сказав это, Сталин замолчал, — вспоминал Конев. — Я тоже молчал и ждал, что будет дальше. Вдруг Сталин спросил:

— Нельзя ли, перебросив подвижные войска Жукова, пустить их через образовавшийся прорыв на участке вашего фронта на Берлин?

Выслушав вопрос Сталина, я доложил своё мнение:

— Товарищ Сталин, это займёт много времени и внесёт большое замешательство. Перебрасывать в осуществлённый нами прорыв танковые войска Первого Белорусского фронта нет необходимости. События у нас развиваются благоприятно, сил достаточно, и мы в состоянии повернуть обе наши танковые армии на Берлин».

Маршал понял: вот он, его звёздный час! Пропускать через свои порядки ударные силы соседа… Зачем? Мы и сами с усами! Танковые армии свежие. На броне порядочный запас горючего. Полный боекомплект в «чемоданах»[93]. Так что — вперёд, орлы!

А орлы и впрямь летели вперёд почти без помех. Две общевойсковые армии на грузовиках, бронетранспортёрах, на гужевом транспорте и на броне танков и самоходок шли следом. Впереди был Берлин.

Верховный спросил, куда Конев думает повернуть свои ударные части?

— Ориентир — Цоссен. Двадцать километров южнее Берлина, — ответил тот.

— Вы по какой карте докладываете?

— По двухсоттысячной.

Последовала пауза — Верховный искал на карте Цоссен. Вскоре ответил:

— Очень хорошо. Я согласен. Поверните танковые армии на Берлин.

Этот диалог я воспроизвёл по мемуарам маршала Конева. Некоторые историки, отстаивающие исключительную роль в Берлинской операции маршала Жукова, ставят под сомнение сам факт этого разговора либо его главный смысл. Вообще-то маршал Конев во лжи и неточностях такого рода не замечен.

Книгу «Сорок пятый» Жуков прочитал внимательно. Говорят, возмущался. Но чем неизвестно. Возмущался в кругу семьи. Может, домашние впоследствии не совсем точно передали его эмоциональную реакцию. Во всяком случае, нигде в печати Жуков ни сразу по прочтении, ни потом о мемуарных неточностях Конева не упомянул. В «Воспоминаниях и размышлениях» подтвердил точность памяти своего боевого товарища: «Существуют неверные представления о том, что 3-я и 4-я гвардейские танковые армии были введены в сражение за Берлин

якобы не решением И.В. Сталина, а по инициативе командующего 1-м Украинским фронтом. В целях восстановления истины приведу слова маршала И.С. Конева по этому вопросу, сказанные им на сборе высшего командного состава центральной группы войск 18 февраля 1946 года, когда всё было ещё так свежо в памяти. “Когда около 24 часов 16 апреля я доложил, что дело наступления идёт успешно, товарищ Сталин дал следующее указание: 'У Жукова идёт туго, поверните Рыбалко и Лелюшенко на Целендорф, помните, как договорились в Ставке'“.

Поэтому манёвр, который совершили Рыбалко и Лелюшенко, является прямым указанием товарища Сталина.

Следовательно, всякие измышления по этому вопросу должны быть исключены из нашей литературы».

Письменные приказы командующие танковыми армиями получили уже в пути.

«Во исполнение приказа Верховного Главнокомандования приказываю командарму 3 гв. ТА:

1. В течение ночи с 17 на 18.4.45 г. форсировать р. Шпрее и развивать стремительное наступление в общем направлении Фетшау, Гольсен, Барут, Тельтов, южн. окраина Берлин.

Задача армии в ночь с 20 на 21.4.45 г. ворваться в город Берлин с юга.

2. Командарму 4 гв. ТА в течение ночи с 17 на 18.4.45 г. форсировать р. Шпрее севернее Шпремберг и развивать стреми тельное наступление в общем направлении Дребкау, Калау, Даме, Лукенвальде.

Задача армии к исходу 20.4.45 г. овладеть районом Беелитц, Тройенбритцен, Лукенвальде.

В ночь с 20 на 21.4.45 г. овладеть Потсдам и юго-западной частью Берлин.

При повороте армии на Потсдам, район Тройенбритцен обеспечить 5 мк. Вести разведку в направлении: Зенфтенберг, Финстервальде, Герцберг.

3. На главном направлении танковым кулаком смелее и решительнее пробиваться вперёд.

Города и крупные населённые пункты обходить и не ввязываться в затяжные фронтальные бои.

Требую твёрдо понять, что успех танковых армий зависит от смелого манёвра и стремительности в действиях.

Пункт 3 приказа довести до сознания командиров корпусов, бригад».

В ночь с 17 на 18 апреля танковые армии 1-го Украинского фронта произвели свой «доворот» на Берлин.

И успех был. Коневцы едва ли не раньше передовых частей 1-

го Белорусского фронта ворвались в Берлин.

Но вначале был марш танковых колонн на север.

Вечером 20 апреля Конев отдал очередной приказ своим танковым командирам: «Войска маршала Жукова в 10 км от восточной окраины Берлина. Приказываю обязательно сегодня ночью ворваться в Берлин первыми.

Исполнение донести.

Конев. Крайнюков».

Приказ этот на военный не похож ни с какой стороны. Он и не мог быть таковым.

Почти в эти же часы севернее другой маршал писал подобный приказ своим танковым генералам: «2-й гвардейской танковой армии поручается историческая задача: первой ворваться в Берлин и водрузить знамя Победы. Мною Вам поручено исполнение.

Пошлите от каждого корпуса по одной лучшей бригаде в Берлин и поставьте им задачу: не позднее 4 часов утра 21 апреля любой ценой прорваться на окраину Берлина и немедля донести для доклада т. Сталину и объявления в прессе.

Жуков. Телегин».

Что ж, всё верно, в Берлине маршалы решали уже не военные, а исторические задачи. Но солдатам суждено было умирать и за это. Чьи-то семьи не дождались сына, брата, мужа, отца…

Кто думал об этом, когда решалась судьба Европы и всего мира? Чья-то маленькая жизнь, растерзанная пулемётной очередью на берлинских камнях… Солдаты лучших бригад перепрыгивали через тела своих товарищей и шли дальше, неся в глубину горящего города зачехлённые знамёна победы. Судьба же осенит только одно.

У нас есть возможность сравнить оба исторических приказа маршалов. У Конева более строгий, приближённый к обычному стилю военных документов. У Жукова более пафосный.

И тот и другой уже тогда, в ночь с 20-го на 21-е, когда их танки почти одновременно достигли внешнего Берлинского оборонительного обвода, почувствовали, что сияющая тень Победы легла на их плечи и их наступающие войска.

Но пока ещё и тот и другой продвигались вперёд с трудом. Жуков лез напролом через Зееловские высоты. Конев вынужден был вести напряжённые бои сразу с тремя группировками немцев. На севере продолжались бои в районе Котбуса. На юге, на Дрезденском направлении, противник контратаковал, и даже был момент, когда его танки с пехотой вышли на тылы 52-й армии генерала Коротеева и потеснили порядки 2-й армии Войска польского[94]. Конев тут же направил туда начальника штаба

генерала Петрова[95]. Положение вскоре выправили. В центре добивали остатки группировки, пытавшейся удержаться в районе Шпремберга. Бои с центральной группировкой задержали продвижение танковых армий на Берлин почти на сутки. Для 1-го Украинского фронта и лично для Конева эти сутки оказались роковыми.

Всячески подстёгивая генерала Рыбалко, Конев 20 апреля во второй половине дня отдал ему распоряжение: «Опять двигаешься кишкой. Одна бригада дерётся, вся армия стоит. Приказываю: рубеж Барут, Лукенвальде через болото переходить по нескольким маршрутам развёрнутым боевым порядком. Смелее манёвр по преодолению рубежа Барут. Исполнение донести».

Каналы. Взорванные мосты. Противотанковые орудия и одиночные танки в засадах вдоль дорог. Зенитки, поставленные на прямую наводку. Минные поля. Фаустники, бьющие в упор из каждого полуподвального окна. Всё это, конечно же, замедляло движение. Вдобавок ко всему резервы, перебрасываемые противником уже из самого Берлина, сразу же шли в контратаку.

Двадцать второго апреля танки Рыбалко ускорили темп продвижения. Выведенный из второго эшелона 9-й механизированный корпус генерала Сухова[96] стремительно вырвался вперёд, перерезал круговую Берлинскую автостраду и на широком фронте вышел к Тельтов-каналу. Это был уже по существу юго-запад Берлина. Попытка с ходу форсировать канал не удалась. Но вскоре корпус усилили 61-й стрелковой дивизией 28-й армии. И утром 24 апреля танки и пехота с боем перелезли через канал, прорвали оборону по его периметру и вклинились в юго-западные кварталы Берлина. 25 апреля генерал Рыбалко докладывал Коневу: «Войска армии, форсировав канал Тельтов, развернулись на фронте 10 км, охватывая Берлин с юго-запада, там, где противник менее всего ожидал наше наступление и менее всего был подготовлен к обороне. Выходом во фланг обороне противника в Штеглиц была решена участь этого района».

Этим манёвром войска Конева блокировали 9-ю армию, которая стремилась прорваться в Берлин и усилить гарнизон. В бой были брошены остальные дивизии 28-й армии генерала Лучинского[97]. Правда, после боёв под Кенигсбергом в полках этой дивизии едва насчитывалось по батальону активных штыков. Но, как говорят, за битого двух небитых дают. Лучинский развернул свои части фронтом на восток, чтобы прикрыть Берлинское и Цоссенское направления и не пустить 9-ю армию на усиление гарнизона.

Двадцать третьего апреля наступило временное затишье.

Войска проводили перегруппировку. Отдыхали после длительного марша. Танковые корпуса и бригады получали пехотный десант, так как двигаться в глубину города по узким улочкам, где за каждым углом, в каждой щели и полуподвале сидел фаустник, было невозможно.

Командиры подсчитывали потери.

С 10 по 20 апреля армии 1-го Украинского фронта, включая 6-ю, которая по-прежнему удерживала периметр вокруг города-крепости Бреслау, составили:

убитыми — 6024 человека;

ранеными — 25 204 человека;

пропавшими без вести — 310 человек;

заболело (с эвакуацией в госпиталь) — 2442 человека;

небоевые потери — 467 человек.

Итого: 34 447 человек.

Потери бронетехники в начальный период Берлинской операции составили: 179 танков и 85 САУ всех типов.

Для сравнения стоит заглянуть в статические подсчёты потерь 1-го Белорусского фронта. Только одна 8-я гвардейская армия генерала Чуйкова — героя штурма Берлина — потеряла около 13 тысяч человек убитыми и ранеными. С 16 по 22 апреля сгорели, были подбиты и вышли из строя по другим причинам 1156 танков и САУ

Дорого маршал Жуков оплатил преодоление Зееловских высот и «позицию Вотан».

Двадцать четвёртого апреля 12-я армия генерала Венка, на которого Гитлер, запертый в подземном бункере рейхсканцелярии, возлагал последние надежды, атаковала позиции 5-го гвардейского механизированного корпуса генерала Ермакова[98] и 13-й армии. Отчаянные атаки прорывающихся в центр города немцев были отбиты.

В полдень 24 апреля авангарды 4-й гвардейской танковой армии и пехота 28-й армии встретились с частями 8-й гвардейской армии 1-го Белорусского фронта.

Конев вздохнул с облегчением: 9-я армия Буссе была полностью блокирована от берлинской группировки, и теперь её оставалось дожать в полной изоляции. Для того чтобы с окружёнными покончить как можно быстрее, Конев поручил генералу Варенцову помочь Лучинскому и Сухову тяжёлой артиллерией. Здесь, на земле заклятого врага, который до самой Москвы разрушил города и выжег деревни, тяжёлых снарядов для артиллерии большой мощности он приказал не жалеть. Но вначале обработать наглухо замкнутый «котёл» он приказал командиру штурмового авиационного корпуса генералу

Рязанову[99], которого знал ещё по Степному фронту.

Все эти дни Конев находился на КП командующего 13-й армией генерала Пухова.

Генерал Жадов, командир 5-й гвардейской армии, доложил: его корпуса, 34-й и 32-й, и танки 4-го гвардейского корпуса Полубоярова достигли Эльбы. Ждут союзников.

Лелюшенко вскоре доложил, что 6-й механизированный корпус форсировал Хавель юго-восточнее Потсдама и соединился с частями 328-й стрелковой дивизии 47-й армии генерала Перхоровича из 1-го Белорусского фронта.

Всё, Берлин охвачен. Оставалось добить берлинскую группировку, потому что сдаваться немцы не хотели.

Командующий 6-й армией В.А. Глуздовский снова просил разрешения на штурм Бреслау Его армия была гораздо меньше группировки, окружённой в городе. Правда, у 6-й, к счастью, было достаточно артиллерии. А также некоторое количество танков и самоходок, которыми Глуздовский постоянно маневрировал, создавая видимость, что, в случае попытки прорыва, противника за стенами ждёт гибель. Танков немцы боялись. Но ультиматум о сдаче снова отвергли. Атаку, о которой вот уже несколько дней подряд настойчиво запрашивал командарм 6-й, Конев не разрешил.

Бои на улицах Берлина требовали особой тактики.

«Жестокая борьба, в которой один штурм сменялся другим, потребовала от нас создания специальной боевой организации — штурмовых отрядов, — писал Конев. — В каждый такой отряд во время боёв за Берлин входило от взвода до роты пехоты, три-четыре танка, две-три самоходки, две-три установки тяжёлой реактивной артиллерии, группа сапёров с мощными подрывными средствами (а они, надо сказать, играли во время боёв в Берлине особенно большую роль) и несколько орудий артиллерии сопровождения для работы прямой наводкой — 85- и 122-миллиметровые пушки, а также 152- и 203-миллиметровые пушки-гаубицы.

Чем дальше, тем всё крепче и органичнее соединяли мы танкистов с пехотой. Танк в условиях городских боёв поставлен в трудное положение. У него ограниченная видимость, особенно на узких улицах, в густонаселённых кварталах. А пехота видит шире, и во многих случаях она выручала танкистов. При всём мужестве танкисты сами по себе не в состоянии были добиться решительного успеха в уличных боях».

Двадцать пятого апреля в Берлине шли уличные бои. Они отличались особой жестокостью и особым упорством. Очень часто схватки перерастали в рукопашные. 8-я гвардейская армия

Чуйкова прорвалась в юго-восточную часть центра города. 3-я гвардейская Рыбалко штурмовала кварталы Мариендорфа. Усиленные десантом стрелковых дивизий Лучинского, танковые бригады Рыбалко продвигались навстречу 2-й танковой армии генерала Богданова 1-го Белорусского фронта.

В этот и последующие дни встречи войск соседних фронтов происходили часто. Армии, корпуса, дивизии, полки и батальоны фронтов шли бок о бок, иногда перемешивались. Чаще они помогали друг другу, но иногда и лупили по своим.

К сожалению, командующие фронтами и их штабы вовремя не смогли предусмотреть такой вариант действий. Наконец, Верховный, понимая, что «соревнование» маршалов и их войск может привести к тяжёлым последствиям в финальной битве, принял решение определить разграничительную линию:

«Директива Ставки ВГК № 11077 командующим войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов об изменении разграничительной линии

28 апреля 1945 г. 21.20

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает: 1. Ч 24.00 28.04.1945 г. установить следующую разграничительную линию в Берлине между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами: до Мариендорфа прежняя, затем ст. Темпельхоф, Виктор-Луизе плац, ст. Савиньи, далее по железной дороге на ст. Шарлоттенбург, ст. Весткройц, ст. Рулебен (все пункты для 1-го Украинского фронта включительно). 2. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин

А. Антонов».

Как жаль было танкистам Рыбалко поворачивать от Тиргартена и сдавать свои позиции частям 1-го Белорусского фронта, когда до Рейхстага оставалось всего ничего — несколько сотен метров.

«Каждый, кто воевал, поймёт, как психологически трудно было Павлу Семёновичу выводить своих танкистов за установленную линию, — писал Конев. — И в самом деле: они первыми вошли в прорыв, первыми повернули к Берлину, захватили Цоссен, форсировали Тельтов-канал, с окраин Берлина после жесточайших и кровопролитных боёв прорвались к его центру и вдруг в разгаре последней битвы получили приказ сдать свой участок соседу. Легко ли пережить это?

Конечно, приказ есть приказ, и его, разумеется, необходимо безоговорочно выполнить. Он и был выполнен, но далось это нелегко».

Спустя многие годы после битвы за Берлин маршал признается: «Войска 1-го Белорусского фронта к этому моменту уже не нуждались ни в чьём содействии для выполнения поставленных задач». Солдат в нём уже уступал позиции дипломату. Понял: не судьба. И смирился. Побед и орденов ему хватало. Но в его признании — о, как он ценил подтекст! — сквозит: был *момент,* когда Жуков очень даже *нуждался в содействии* соседа слева в выполнении поставленных задач. Детальные исследования Берлинской операции подтверждают — 1-й Белорусский фронт действительно неудачно начал операцию и замешкался на исходных, имел большие потери в живой силе и технике, кратковременная — всего 30 минут — артподготовка обернулась сверхусилиями и сверхпотерями для пехоты и танковых частей. И помощь 1-го Украинского фронта во многом решила исход всего сражения за Берлин.

Когда войска 1-го Белорусского фронта прорвались через Зееловские высоты, миновали линию внешних обводов и начали успешно углубляться в городские кварталы, нужды в помощи не стало. Тут Жуков начал нервничать, забрасывать Ставку телексами с требованием отвести войска соседа слева и не мешать ему брать Берлин. Что ж, всё верно, на его месте точно так же поступил бы любой другой маршал. Правда, прибегая к сослагательному наклонению, надо иметь в виду, что *на его месте* мог быть только тот, кого хотел видеть Маршалом Победы Верховный. Война превращается в политику очень скоро.

Двадцать пятого апреля произошло ещё одно событие, которое история тоже поставила в ряд символов Второй мировой, — встреча с союзными войсками на реке Эльбе.

34-й гвардейский корпус генерала Бакланова[100] встретил вышедшие на западный берег американские войска.

Позже состоялась торжественная встреча. Но пока войскам Конева необходимо было покончить с франкфуртско-губенской группировкой противника.

9-я армия генерала Буссе — 200 тысяч солдат и офицеров — пыталась прорваться и соединиться с 12-й армией Венка. Немцы дрались до последнего. Погибали на ступеньках рейхсканцелярии и Рейхстага. Затем, когда всё уже начало рушиться, оборона рвалась и распадалась, самые упорные решили уйти из осаждённого города, чтобы сдаться союзникам или раствориться в западных предместьях Берлина. И снова армии Конева начали испытывать давление немцев. Он выполнил и эту задачу: группировка генерала Вейдлинга так и не вышла из «логова». Просочиться через боевые порядки наших войск удалось лишь мелким группам и одиночкам. Удача всегда сопутствует самым

отчаянным и храбрым.

Бои в Берлине продолжались с той же ожесточённостью ещё несколько дней. Город сокрушали три армии 1-го Белорусского и две 1-го Украинского фронтов.

Глава тридцать третья. ПРАГА. ПОСЛЕДНИЕ ЗАЛПЫ

Двадцать восьмого апреля Сталин позвонил Коневу и спросил:

— Как вы думаете, кто будет брать Прагу?

Конева этот вопрос застал врасплох. Но маршал мгновенно всё понял и ответил:

— Исходя из положения основных группировок и конфигурации фронта, Прагу, товарищ Сталин, видимо, придётся брать войскам Первого Украинского.

Конев чувствовал свои силы, знал, что войска фронта способны выполнить и этот манёвр.

Через несколько дней, на допросе, командующий берлинского гарнизона генерал Вейдлинг, характеризуя действия советских войск скажет: «Исключительно манёвренное руководство войсками…»

Коневу пришлось маневрировать в эти жаркие дни и ночи Берлинского сражения особенно энергично и широко. Такой задачи, с несколькими неизвестными (контрудары со стороны внешнего обвода и изнутри, а также ввод в бой резервных армий), не решал тогда, пожалуй, ни один из командующих фронтами. Вначале — успешный прорыв за артиллерийским валом, потом свёртывание флангов 4-й танковой армии противника, затем — ввод танковых армий, как тогда говорили, «в игольное ушко», и выход их на оперативный простор с «до-воротом» на север, к Берлину, чтобы помочь замешкавшимся перед внешним обводом войскам соседа справа; рассечение немецкой группировки на три части с последующим уничтожением их; охват Берлина с юга и юго-запада и соединение с войсками 1-го Белорусского фронта. Эпопея!

И теперь предстояло схватиться с группировкой генерала Шёрнера, стоявшей против войск 2-го и 4-го Украинских фронтов.

Штаб фронта под руководством генерала Петрова приступил к разработке Пражской операции.

Первого мая из штаба 1-го Белорусского фронта пришло известие: Гитлер покончил с собой. В своих мемуарах Конев об этом написал так: «Прошёл слух об исчезновении Гитлера и его самоубийстве. До нас эти сведения дошли 1 мая из информации, полученной от 1-го Белорусского фронта».

Далее Конев пишет: «Преемники Гитлера направили для переговоров в войска 1-го Белорусского фронта начальника штаба

сухопутных войск генерала Кребса. Все вопросы, связанные с переговорами, прекращением военных действий в Берлине и последующей капитуляцией немецко-фашистских войск, по указанию Ставки решались командующим 1-м Белорусским фронтом Маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым. Командование и штаб 1-го Украинского фронта в проведении и завершении этих переговоров не участвовали, а только получали о них необходимую информацию. Хотя переговоры начались, тем не менее продолжались ожесточённые бои.

В полосе 1-го Украинского фронта армии Рыбалко и Лучинского в течение всего 1 мая очищали от противника районы Вильмерсдорфа и Халензее и заняли за этот день девяносто кварталов. 10-й гвардейский танковый корпус армии Лелюшенко и 350-я дивизия армии Пухова покончили с вражеской группировкой на острове Ванзее. Шесть тысяч неприятельских солдат и офицеров, переправившихся в ночь на 1 мая с острова на материк, были по частям уничтожены или пленены в расположении различных частей армии Лелюшенко».

И снова в подтексте: мы так храбро сражались, в том числе и в берлинских кварталах, а представителя нашего фронта в штабе Жукова во время переговоров о капитуляции берлинского гарнизона не было, так что свои дальнейшие действия мы должны были согласовывать с той текущей информацией, которая поступала из штаба 1-го Белорусского фронта… И ещё можно прочитать в подтексте мемуаров: штаб Жукова принимал парламентёров и вёл разговоры о капитуляции, а мы в это время дрались, чтобы немецкая сторона в этих переговорах была более сговорчивой и расторопной в своём решении о сложении оружия…

Переговоры не принесли желаемых результатов. Немцы продолжили сопротивление. Войска фронтов снова двинулись навстречу друг другу. В ночь на 2 мая в районе станции Савиньи танки генерала Рыбалко с пехотой сопровождения 28-й армии генерала Лучинского соединились с частями 2-й гвардейской танковой армии генерала Богданова 1-го Белорусского фронта. Одновременно, в ту же ночь, была проведена мощнейшая артподготовка по позициям немецкой обороны. Генерал Варенцов ввёл в дело орудия большой мощности. Они пробивали полутораметровые стены домов, разрушали всё, что в эту ночь оказалось на пути наших войск.

И немцы не выдержали. Они ждали атаки. И поспешили предупредить её.

Конев пишет: «2 мая в два часа пятьдесят минут по московскому времени радиостанция 79-й гвардейской дивизии 8-

й гвардейской армии 1-го Белорусского фронта приняла радиограмму от немцев на русском языке: “Алло, алло, говорит пятьдесят шестой танковый корпус. Просим прекратить огонь. К 12 часам 50 минутам ночи по берлинскому времени высылаем парламентёров на Потсдамский мост. Опознавательный знак: белый флаг на фоне красного цвета. Ждём ответа”.

На рассвете началась массовая капитуляция вражеских войск, а в шесть часов утра 2 мая перешёл линию фронта и сдался в плен командующий обороной Берлина генерал Вейдлинг».

Вот и всё. Берлин взят. Война завершена. Штабы уже писали представления на Золотые Звёзды, на ордена и медали. Не обойдён был наградами и маршал Конев.

Но та разграничительная линия, которую так загадочно, в несколько приёмов, проводил Верховный, нарезая полосу наступления для фронтов, глубоко, до самого сердца, прорезала и судьбы маршалов. И об этом мы ещё расскажем.

А войска 1-го Украинского фронта, как ту лошадку, которая везёт, ждал ещё один манёвр. Прага.

Пред тем как бросить войска на юг, Конев отправил в Ставку последнее донесение с берлинских позиций: «Войска фронта сегодня, 2 мая 1945 года, после девятидневных уличных боёв, полностью овладели юго-западными и центральными районами города Берлин (в пределах установленной для фронта разграничительной линии) и совместно с войсками Первого Белорусского фронта овладели городом Берлин».

В этот же день коневцы начали сдавать свои участки войскам 1-го Белорусского фронта и выдвигаться к южным дорогам. Теперь все их дороги лежали в сторону чехословацкой границы.

Войска уже пошли. А у Конева 5 мая 1945 года произошла важная встреча, которая и в его личной судьбе, и в судьбе страны будет иметь некоторые последствия.

На его командный пункт, находившийся в сорока километрах северо-восточнее Торгау, прибыл командующий 12-й армейской группой союзников генерал Бредли в сопровождении офицеров своего штаба и полевых генералов, а также большой свиты репортёров.

Конев тоже оказался не в одиночестве. Но лишних людей не было. Командующий 5-й армией генерал Жадов, командир 34-го гвардейского стрелкового корпуса генерал Бакланов, офицеры штаба. Были и корреспонденты центральных и армейских газет. Приехал Константин Симонов. Однако компания пишущей и фотографирующей братии с нашей стороны выглядела куда скромнее.

После войны маршал заметит, что «мы с Бредли были не

дипломатами, а солдатами…» Быть может, именно поэтому и та встреча близ реки Эльбы, и другая, которая состоялась вскоре, в качестве ответного визита, оказались тёплыми, почти трогательными.

Разговаривали о последних событиях в Берлине. О дислокации своих войск. Бредли достал свою карту с нанесёнными отметками о положении его главных группировок. Условленная линия выхода войск обеих союзных сторон была соблюдена. Бредли вдруг спросил:

— Как вы намерены брать Прагу? — И, не дожидаясь ответа, добавил: — Ваши танковые и пехотные части измотаны и, видимо, имеют серьёзные потери. Не следует ли Пражскую операцию провести совместно?

— Сил у нас вполне достаточно, — ответил Конев через переводчика. — Необходимости в такой помощи нет. Тем более, вы должны понимать, что любое продвижение американских войск дальше к востоку от ранее обусловленной демаркационной линии может внести только путаницу, вызвать перемешивание войск. А это нежелательно.

— Да, — сказал Бредли, — подчинённые мне войска и впредь будут соблюдать установленную ранее линию соприкосновения.

Они поняли друг друга. Потом поговорили о чём-то незначительном. И Бредли снова спросил:

— Как вы намерены брать Прагу? Там ведь Шёрнер. Конев не собирался обсуждать план Пражской операции

даже в общих чертах. Понял, что американцам, видимо, тоже хочется войти в Прагу. Ищут лазейку? Конев отшутился. Больше на эту тему не заговаривали.

Начался торжественный обед, во время которого Конев выразил соболезнование по поводу кончины американского президента Франклина Рузвельта. В ответном слове Бредли сказал о мужестве солдат и офицеров 1-го Украинского фронта, примеру которых следуют американские солдаты, офицеры и генералы.

Последующие тосты, а их оказалось много, были переведены в неофициальное русло. А потом вино потекло рекой. Омар Бредли впоследствии вспоминал: «Русские офицеры встретили нас шумно и весело. Русская водка и тосты за победу…»

После обеда состоялся концерт. Выступал ансамбль песни и пляски 1-го Украинского фронта. Он был создан ещё в 1943-м, в Киеве, тогда только что освобождённом, замечательной балериной и балетмейстером Лидией Чернышёвой. Ансамбль исполнил гимн Соединённых Штатов. Американцев это растрогало. Они встали и начали подпевать. Потом был исполнен

гимн Советского Союза. Теперь громче пели «славяне». Публика ликовала, когда артисты на сцене пустились в русский пляс и украинский гопак. Концерт получился на славу.

Бредли наклонился к Коневу и сказал:

— Какой великолепный ансамбль! Откуда они здесь, на фронте?

— Все артисты — это наши солдаты, — ответил Конев. — Все они прошли с войсками путь от Днепра до Эльбы.

Состав ансамбля действительно на 90 процентов состоял из военнослужащих 1-го Украинского фронта. Но Бредли не поверил. Выслушал перевод, усмехнулся, но ничего не сказал.

После концерта Бредли от имени президента США вручил Коневу орден «Легион Почёта» степени Командующего. Поздравил и обнял. Конев вручил американцу красное знамя — символ дружбы. Бредли подарок принял. Но, видимо, не знал, что с ним делать. Подарки продолжались.

Бредли подарил Коневу «виллис» с надписью: «Командующему Первой Украинской группы армий от солдат американских войск 12-й группы армий». Маршал его сохранил. «Виллис» потом долго стоял в его гараже на даче. Конев на нём не ездил. Машина стояла, пока не подросла младшая дочь Наташа. Она быстро освоила импортную машину и лихо гоняла на ней по дачному посёлку.

Конев подарил Бредли своего строевого коня. Вот этому подарку американский генерал обрадовался. Конь был дорог Коневу. Завёл он его ещё в 1943-м, на Степном фронте. Выезжал редко. Болело колено после давней травмы. «Это был красивый, хорошо выезженный донской жеребец. Я подарил его со всей экипировкой…» — писал Конев.

Бредли расчувствовался, польщённый таким роскошным подарком, и вручил Коневу карабин «Манлихер». С карабином Конев после войны будет частенько выезжать на охоту. Маршал в свою очередь подарил Бредли пистолет, украшенный резьбой.

Во время ответного визита в Висбадене Конев вручил генералу Бредли орден Суворова 1-й степени.

О русском полководце, не знавшем поражений, Александре Васильевиче Суворове американец ничего не слышал. Конев рассказал о Суворове. Упомянул и о том, что орден Суворова — высший полководческий орден в Красной армии. Рассказывая о своём славном соотечественнике, Конев особо остановился на Швейцарском походе и Итальянской кампании.

После обеда снова состоялся концерт. На этот раз русский маршал и американский генерал слушали скрипачей. Играли они превосходно. Оба были одеты в форму солдат американской

армии. Но маршал, старый солдат, сразу заметил, что форма на них сидит как-то мешковато.

Восхищаясь игрой скрипачей, он спросил:

— Кто они? Так прекрасно играют!

— Ничего особенного, — ответил Бредли и усмехнулся. — Они — простые американские солдаты.

Бредли был убеждён, что вернул своему русскому коллеге его шутку.

О войне и войсках больше не говорили. О Праге тоже.

Конев внимательно присматривался к американцу. Думал: неужели он будет моим врагом на поле боя? В штабах ходили разные разговоры. Вспомнил: американские солдаты очень любили своего генерала и называли его «генерал джи-ай» — «солдатский генерал». Нечто подобное от своих солдат и офицеров он слышал о себе.

Конева в этой поездке поразило вот что. От Лейпцига до Касселя летели на личном самолёте командующего 12-й армейской группой. Его «СИ-47» сопровождали истребители ВВС США. Две эскадрильи. Хотя для сопровождения достаточно было и одной. Вышколенные пилоты мастерски перестраивались в воздухе, демонстрируя высший класс пилотажа. Когда «СИ-47» приземлился и пассажиры вышли на газон аэродрома, обе эскадрильи эффектно, на разных высотах, ушли за горизонт.

Говорят, английский премьер Уинстон Черчилль в эти дни настаивал на авиационном ударе американцев по передовым частям Красной армии. Атака должна была состояться именно в этот период, когда советские войска только-только захватили Берлин и готовились к походу на Прагу. Но американцы тогда не разделяли агрессивности англичан и старались придерживаться союзнических обязательств. И всё же атмосфера уже менялась.

В нынешней прессе нет-нет да и появляются публикации о том, что в начале мая 1945-го над линией соприкосновения порой возникали воздушные схватки советских и американских истребителей. Иван Кожедуб сбил двух «мустангов», когда один из них по ошибке открыл по его машине заградительный огонь. Один из сбитых пилотов выбросился с парашютом. Самолёт другого, к сожалению, взорвался в воздухе, лётчик погиб.

Уже когда вернулись в штаб, водитель обнаружил, что багажник «виллиса» битком набит американскими сигаретами. Это было кстати, Конев много курил. Американские сигареты были, конечно, послабей «Герцеговины флор», но ничего, годились и они. Большую часть он тут же раздал офицерам и солдатам.

Подарки подарками, а в голове тем временем билась одна

мысль: «Прага…»

В Чехословакии войска трёх Украинских фронтов зажали в клещи почти полуторамиллионную группировку генерал-фельдмаршала Шёрнера. Для сравнения: блокированная и пленённая союзными армиями в Рурском промышленном районе немецкая группировка насчитывала 325 тысяч человек. О ней принято писать как о масштабной и весьма удачной операции союзнических войск во Второй мировой войне. О Пражской же операции обычно говорят, как о марше армий 1-го Украинского фронта по шоссейным дорогам в сторону столицы Чехословакии…

На некоторых участках глубина обороны противника составляла 18 и более километров.

Для того чтобы с ходу пробить эту стену, Конев создал ударную группировку, в которую вошли три общевойсковые армии и две танковые — лучшие части.

По пути к Праге разделали немецкую группировку, которая всё ещё сидела в Дрездене и прилегающем районе. Об этом — в следующей главе.

Пражский манёвр был выполнен Коневым блестяще. Но в самой Пражской наступательной операции есть некая тайна, которая открывается очень медленно.

Танки генералов Рыбалко и Лелюшенко неслись к столице Чехословакии, «золотой» Праге, на всех скоростях. Десять танковых корпусов — 1600 боевых машин — сотрясали землю, крошили покрытие дорог, сокрушали оборону, вставшую на пути, оставляя в тылу немецкие гарнизоны, которые находились в стороне от главных дорог. Они были заботой вторых эшелонов.

Кейтель подписал капитуляцию. Произошло это в штабе Верховного главнокомандующего экспедиционными силами союзников в Западной Европе генерала армии Эйзенхауэра. Подписав акт о капитуляции Германии, Кейтель направил соответствующий приказ генерал-фельдмаршалу Шёрнеру в группу армий «Центр». Но Шёрнер приказа не выполнил и оружие не сложил.

Бои продолжались. Немцы начали отходить на запад, к союзникам. «Не дай бог попасть в плен к русским!» — сказал немецкий генерал-фельдмаршал Модель[101]. Он выразил чувства всех остальных.

Восьмого мая на рассвете танки 5-го гвардейского механизированного корпуса генерала Ермакова (4-я гвардейская танковая армия) застигли на дороге близ Жатеца колонну немецких машин и бронетехники. С ходу её уничтожили и двинулись дальше. Это был штаб фельдмаршала Шёрнера.

Танкисты этого даже не знали. Только спустя некоторое время выяснилось, что они, в сущности, решили судьбу группировки и исход боёв. Управление окружёнными войсками прекратилось. Сам Шёрнер, оставшись без штаба, переоделся в штатское и ушёл в горы.

Девятого мая, когда все праздновали Победу, танки Конева подошли к Праге. Там, как ему доложили, вовсю бушевало восстание.

Конев, очень осторожный в высказываниях и оценках, однако зашифровал в подтексте нечто, что нужно читать через особую линзу: «У восставших были свои особенности и противоречия; в нём участвовали различные социальные силы. Восстание усугубило и без того критическое положение немцев в Чехословакии. <…> Весь этот сложный узел был разрублен нашими танкистами, ворвавшимися в три часа утра 9 мая на улицы Праги».

Толстой однажды сказал: «Ясность — удовольствие ума». Мемуары маршала Конева ясны и потому хороши. Но конечно же, всю правду бывший командующий войсками 1-го Украинского фронта написать не мог. Но намекнул. Все страницы мемуарной книги «Сорок пятый» написаны с солдатской прямотой и ясностью. Но в главе о Пражской наступательной операции целый абзац, касающийся пражского восстания, этой привычной для автора ясности начисто лишён.

Всё дело в том, что до танков Рыбалко и Лелюшенко в Прагу, по просьбе восставших, вошла 1-я дивизия Русской освободительной армии (РОА) полковника Буняченко[102]. Она вступила в бой с подразделениями СС, которые уже дожимали восставших чехов. Русские батальоны заняли пражские кварталы Зличин, Петршин, Рузыне, а также аэродром, где ими были захвачены несколько самолётов. Шли бои в Страшницах, Панкраце.

Буняченко ввёл свои полки в Прагу 6 мая, а уже 7-го числа на заседании Временного чешского правительства, когда стало известно, что к городу приближаются советские войска, настроение восставших резко изменилось. Генералу Буняченко, пришедшему на переговоры с правительством новой Чехословакии, сказали: «Зачем вы пришли в Прагу? Штаб восстания — это не чешский народ… Уходите. Вы для нас такие же враги, как и немцы».

Дивизия РОА — русских коллаборационистов, которых в народе обычно называют более понятным словом — предатели родины, — вынуждена была покинуть Прагу. И в город снова начали входить части СС генерала Туссена. Но — ненадолго. Уже

8 мая 1945 года генерал Туссен подписал капитуляцию перед войсками 1-го Украинского фронта.

Прага встречала Красную армию.

Стояла весна. Вовсю цвела сирень. И букетами свежей сирени восторженные пражане буквально заваливали солдат и офицеров 1-го Украинского фронта.

Чехи праздновали *свою* победу. В это время они начали массовое изгнание со своих земель судетских и силезских немцев. Всё это сопровождалось мародёрством, насилием, унижением человеческого достоинства и убийствами. Как всегда, в таких случаях страдают ни в чём не повинные и совершенно беззащитные люди. Такова человеческая природа.

Вот строки из донесения политотдела 4-й танковой армии начальнику Политуправления 1-го Украинского фронта генерал-майору Яшечкину от 18 мая 1945 года «Об отношении чехословацкого населения к немцам»: «За время пребывания в Чехословакии бойцы и офицеры наших частей были неоднократно очевидцами того, как местное население свою злобу и ненависть к немцам выражало в самых разнообразных, подчас довольно странных, необычных для нас формах. Всё это объясняется огромной злобой и жаждой мести, которое питает чехословацкий народ к немцам за все совершённые преступления. Злоба и ненависть к немцам настолько велики, что нередко нашим офицерам и бойцам приходится сдерживать чехословацкое население от самочинных расправ над гитлеровцами».

После войны в ФРГ была создана Научная комиссия Федерального собрания правительства ФРГ по сбору материалов о геноциде немцев в 1945 и 1946 годах со стороны местного населения Польши, Чехословакии, СССР в так называемых «районах изгнания». В документах комиссии среди прочих есть свидетельские показания Вильгельма Миттага, выселенного из Судетской области. Миттаг работал вместе с немецкими военнопленными, многие из которых тоже были судетскими немцами. Вот запись его наблюдения за нравами чехов: «Один пленный достал из посеребрённого портсигара сигарету. С дороги это увидел чех, подскочил к военнопленному, отобрал у него портсигар, кулаком несколько раз ударил его по лицу и обругал пленного. Русский часовой заметил это, подошёл с автоматом наперевес к чеху и заставил его вернуть портсигар пленному. Потом он дал чеху пинка ногой и сказал: “Это — немецкий солдат, а ты — скотина!”»

«Славяне», конечно же, не были святыми. И Конев это отлично знал. А потому перед вступлением на немецкие земли 27 января 1945 года издал приказ, повторив приказ Верховного,

поступивший в штаб фронта неделей раньше, который назывался «О поведении на территории Германии». Приказ гласил: «Офицеры и красноармейцы! Мы идём в страну противника. Каждый должен хранить самообладание, каждый должен быть храбрым… Оставшееся население на завоёванных областях, независимо от того, немец ли, чех ли, поляк ли, не должно подвергаться насилию. Виновные будут наказаны по законам военного времени. На завоёванной территории не позволяются половые связи с женским полом. За насилие и изнасилования виновные будут расстреляны».

В ротах и частях приказ Конева зачитали в дни окончания жестоких боёв в Силезии. Фронтовики рассказывали, что там, где командиры проявляли строгость и держали «славян» в узде, случаи *потери самообладания* были единичными и не выходили за пределы обычной статистики.

Когда штабной кортеж командующего мчался по шоссе к Праге, навстречу нескончаемой колонной двигались пленные немецкие солдаты и офицеры — то, что ещё несколько часов назад было «армией Шёрнера». Вместе с ними, в той же колонне, на тележках везли свой скарб и детей судетские и силезские немцы. Начинался исход ещё одного народа. Горе побеждённым…

Прага ликовала и благоухала запахом сирени.

Конев пережил в эти дни тот восторг, который, как ему казалось, свойствен юности, когда человек мечтает о личном счастье. Рядом с ним в машине ехала Антонина Васильевна, Тоня. Он был влюблён и знал, что она отвечает ему тем же искренним чувством. Знал он и то, что это не фронтовая любовь, а — навсегда. А в мемуарах об этом дне в Праге Иван Степанович написал: «И скажу честно, одним из первых и самых сильных желаний этого дня было желание выспаться, и мысль, что наконец это, видимо, будет возможно, если не сегодня, то хотя бы вскоре».

Конев назначил коменданта города. Отдал распоряжение: кормить людей — на площадях, на улицах, у дорог. Кормить из солдатского котла всех, в том числе пленных.

В один из этих дней ему доложили, что захвачен генерал Власов, но никакого интереса к бывшему генералу Красной армии Конев не проявил. Власова отправили в Москву.

С 5 по 9 мая 1945 года во время пражских боёв погибло около 1500 чехов из числа повстанцев. Около тысячи немцев, около 300 бойцов РОА и 500 солдат и офицеров из войск маршала Конева. Похоронили советских солдат на Ольшанском кладбище.

После войны маршал приезжал сюда не раз. И всегда заходил на Ольшанское кладбище, чтобы поклониться своим чудо-богатырям из ударной пражской группировки.

Глава тридцать четвёртая. ШЕДЕВРЫ ДРЕЗДЕНСКОЙ ГАЛЕРЕИ

Дрезден был взят по пути к Праге.

Шестого мая в 18.10 по московскому времени командующий 5-й гвардейской армией генерал Жадов получил приказ Конева: «Светлого времени не терять, начать наступление немедленно. Исходное положение для наступления занимать с ходу».

Дрезден — это прежде всего Цвингер. Цвингером в старину именовали пространство между внешней и внутренней крепостными стенами города. Именно там и были построены здания, ставшие знаменитой Дрезденской галереей. В ней хранились шедевры старых мастеров, гордость Европы. Всего около 750 полотен. Среди них «Спящая Венера» Джорджоне, «Портрет молодого человека» Дюрера, «Динарий кесаря» Тициана, «Охота на вепря» Рубенса, «Блудный сын в таверне» Рембрандта, «Девушка, читающая письмо у открытого окна» Вермеера. И шедевр шедевров — «Сикстинская мадонна» Рафаэля. Кроме того, в галерее находились уникальные нумизматические коллекции, собрания фарфора, древней скульптуры.

Перед атакой Конев предупредил Жадова, чтобы, по мере приближения к Дрездену, поменьше воли давал артиллеристам, а орудия большой мощности вообще не выводил на огневые.

Дрезден, как известно, основательно пострадал во время массированного налёта авиации союзников в ночь на 14 февраля 1945 года. Тогда две тысячи английских и американских бомбардировщиков практически стёрли с лица земли «город искусств», Северную Флоренцию, вместе с его жителями. Дрезден считался открытым городом. По международному праву, его не должны были бомбить. Поэтому именно в Дрезден со всей Германии свозили детей. Руины, как вспоминали чудом выжившие, горели ещё пять суток. А смрад, исходивший от десятков тысяч тел под развалинами, стоял до середины лета.

Жадов сразу же отдал приказание своим командирам корпусов генералам Родимцеву[103] и Бакланову сделать всё возможное, чтобы уберечь город от новых бессмысленных разрушений.

По приказу генерала Родимцева в город пошли три офицера-парламентёра с белым флагом — Собко, Артёменко, Обуховский. Несколько раз их обстреляли. Но — для острастки. Одной очередью перебили древко белого флага. Офицеры вернулись невредимыми, но и переговоров не получилось. Немецкий

офицер, встретивший их, сказал, что комендант города Дрездена убыл в неизвестном направлении, и ультиматум не принял. Стало ясно, что капитулировать немцы не хотят.

Не хотят, так не хотят…

Впоследствии генерал Жадов в своих мемуарах напишет: «Артиллерия и миномёты вели огонь только по наблюдаемым целям…» Это правда. Приказы Конева в войсках исполнялись точно и беспрекословно.

Старая парковая часть города — Цвингер — была очищена от немцев 8 мая. Жадов доложил Коневу:

— Остатки гарнизона сдаются в плен. Отдельные очаги сопротивления блокируются и уничтожаются без применения артиллерии.

— Что с Дрезденской галереей? — спросил Конев.

— Пока ничего определенного доложить не могу, — ответил Жадов. — Район Цвингера разрушен. Немцы страшно напуганы и ничего пока рассказать не могут или не хотят. Есть предположение, что художественные ценности вывезены из города.

— Немедленно организуйте поиски сокровищ Дрезденской галереи, — последовал приказ маршала.

Старую штольню, где хранились полотна Тициана и Веронезе, обнаружили сапёры 164-го отдельного батальона майора Перевозчикова. С ними работал капитан Орехов из штаба дивизии. Он знал толк в живописи, разбирался в ней. С Вислы носил в своей полевой сумке путеводитель по Дрездену и его музеям. И вот трофей, подобранный им где-то по пути сюда, пригодился.

В штольне сапёры майора Перевозчикова нашли ящики. В них — старинные статуэтки, переложенные брусками взрывчатки, картотека, снова музейные предметы, и снова тол.

Один из участников поисков сокровищ Дрезденской галереи впоследствии вспоминал: «Мы открываем дверь. Прямо против двери — плоский некрашеный ящик, уходящий под самую крышу. Справа у стены тускло блеснуло золото массивной лепной рамы. Это был знаменитый “Автопортрет с Саскией” Рембрандта. Там же находился другой холст Рембрандта — “Похищение Ганимеда”, “Спящая Венера” Джорджоне, “Святая Инесса” испанского художника Риберы, “Возвращение Дианы с охоты” Рубенса».

Некоторые картины стояли и лежали навалом. В штольне было сыро, и многие холсты уже напитались влагой. К тому же не работала вентиляция.

Поскольку действовал приказ по розыску и возвращению на

родину похищенных во время оккупации территории Советского Союза культурных и художественных ценностей, вслед за войсками двигались специалисты, художники и искусствоведы.

Вот что писал очевидец о том, как была обнаружена «Мадонна»: «Опустив ящик на пол, мы сняли крышку, войлочные амортизаторы, в которую была зажата картина по периметру. Поднимаем холст. Перед нами босоногая женщина, легко идущая по клубящимся облакам. Это была одна из величайших картин, когда-либо созданных человеком, — “Сикстинская мадонна” Рафаэля».

У «Мадонны» была выставлена особая охрана. Но вначале солдатам разрешили вдоволь полюбоваться ею. Разговоров об этой картине ходило много. Нашли её не сразу. И всем было интересно, что же это за мадонна такая, что её разыскивают целый батальон и почти взвод офицеров и специалистов из Москвы.

По поводу того, как «Мадонну» отправляли в Москву на реставрацию, существует легенда. В неё можно верить. Она немного комична, но и правдива одновременно.

В Дрезден прилетела известный искусствовед Н. Соколова. Когда решали проблему транспортировки «Сикстинской мадонны» в Москву, она сильно забеспокоилась о сохранности шедевра.

— Я готов предоставить вам свой самолёт, — сказал Конев.

— Иван Степанович, это же страшно! — всплеснула руками Соколова.

— Почему страшно?

— А вдруг с ним что-нибудь случится?

— Самолёт надёжный. Я сам на нём летаю.

— Ну, Иван Степанович, вы же маршал, а это — «Мадонна». Конев рассмеялся. И распорядился отправить «Мадонну» в Москву поездом.

С тех пор на фронте, при всякой сколько-нибудь похожей ситуации, любили шутить: «Но вы же не Мадонна…»

Наталия Ивановна Конева рассказала мне, что спустя годы она с отцом ездила в Дрезден: «Отцу очень хотелось увидеть именно эту картину. В подлиннике. Он очень любил “Сикстинскую мадонну”. А знаете почему? Потому что её лицо отцу напоминало лицо мамы».

А теперь настало время рассказать другую легенду.

Говорят, однажды подо Ржевом после боя на КП батальона первого эшелона принесли документы погибших солдат. Разложили на столе. И в это время в землянку вошёл генерал Конев, в то время командующий войсками Калининского фронта,

в сопровождении командира дивизии. Он обратил внимание на ворох красноармейских книжек. Взял одну из них, раскрыл, чтобы прочитать фамилию убитого, и в это время из неё выпал вчетверо сложенный листок. Это была репродукция, вырезанная из какого-то журнала, которую все, в том числе и Конев, вначале приняли за икону. Такое на фронте встречалось часто: среди немногочисленных личных вещей погибшего обнаруживалась то небольшая иконка-складень, то нательный крестик, то бумажка с молитвой. «Сикстинская мадонна», — сказал кто-то из стоявших рядом. Конев не отрывал от репродукции глаз: лицо Марии было поразительно похоже на лицо той, которая теперь часто была рядом с ним.

Когда в 1945-м его войска вышли в район Дрездена и атакой овладели городом, он уже знал, что «Сикстинская мадонна» здесь. Узнав, что Мадонну нашли, Конев сразу же приехал посмотреть на картину. И понял, что это — судьба.

Глава тридцать пятая. ПОСЛЕ БИТВ

Двадцать четвёртое июня 1945 года. Маршал вынул из ножен парадную саблю, мельком взглянул на клинок, сиявший даже в этот пасмурный день, и подал команду. За шеренгой генералов, которые чётко, словно вымуштрованные солдаты, повторили его движение, колыхнулся штандарт 1-го Украинского фронта. Щека маршала дрогнула. Он пытался сосредоточиться на главном, о чём сейчас следовало думать. Но память, как киноплёнка, внезапно начавшая обратное движение, мгновенно перенесла его на четыре года назад, в 1941-й, на дорогу Витебск—Смоленск, где он, командующий 19-й армией, вдвоём с артиллеристом, имени которого даже не успел узнать, выкатывал противотанковую пушку на открытую позицию для стрельбы прямой наводкой. Танки шли по дороге и до них оставалось метров сто…

Оркестр грянул марш. Две тысячи ног ударили по мокрой мостовой, не жалея ни подошв, ни камней, отшлифованных столетиями самой истории. А он снова увидел себя не здесь, а на той прокалённой солнцем дороге на Смоленск, куда немцев нельзя было пускать ни при каких обстоятельствах, но куда они уже прорвались танковыми авангардами, один из которых сейчас раздавит их пушку.

…Кресты на броне головного танка были видны отчётливо. И он, опытный артиллерист, встав к орудию за наводчика, в последний раз выверил прицел и скомандовал напряжённо и испуганно ожидавшему его приказания заряжающему: «Огонь!» Заряжающий до последнего не верил, что генерал умеет стрелять из его пушки…

Никто не мог знать, что происходило в его душе. Но маршал, переживая свою войну снова и снова, понимал, что то же, что и он, должно быть, переживают сейчас и его генералы, и офицеры, и солдаты. Вся тысяча, набранная из многих тысяч его победоносного войска, выстроилась сейчас за его спиной ровными стройными «коробками». Она сияла знамёнами прославленных полков и соединений, золотом и серебром боевых орденов и медалей.

Снова хлынул дождь и мгновенно перешёл в обвальный ливень. Но через минуту-другую так же резко утих. Мундир промок, прилип к телу. Дождевые капли с подбородка падали на орден Победы. Маршал не ощущал того ликования, которого ожидал. Им овладевало то состояние полного удовлетворения и

покоя, какое его охватывало порой после удачно проведённой операции, когда из штабов армий и корпусов докладывали, что его приказ выполнен, противник разбит, рассеян или окружён и захвачено такое-то количество пленных и трофеев, что начато преследование и что к исходу дня дивизии первого эшелона выйдут на рубеж реки такой-то, а в прорыв вводятся танки…

Когда с фашизмом в Европе было покончено, Верховный собрал своих маршалов на Военный совет. Он гордился своими полководцами. Заговорил и о Параде Победы. Верховный вдруг предложил командовать парадом ему. Предложение прозвучало неожиданно. Следуя врождённой скромности и тому внутреннему уставу, который выработался в нём с годами и битвами, маршал отказался, сославшись на то, что давно не ездил верхом, что когда-то имел травму при падении с коня, что он не кавалерист и хотел бы идти по площади во главе войск своего фронта. Верховный по-кавказски вспылил, сказал, что маршал зазнался и что командование парадом будет поручено другому, не менее талантливому и заслуженному.

Что ж, теперь думал он без сожаления, идти во главе своего фронта не менее почётно. Всю жизнь он был рядом со своими солдатами. Он был с ними в окопах. С ними отступал. С ними наступал.

Когда сводный оркестр грянул «Славься…», маршал почувствовал, как разом, повинуясь некой, будто с небес прозвучавшей команде, вскинули головы его генералы, офицеры и солдаты. И сам он вдруг показался себе выше ростом, стройнее, а телом завладела та необычная лёгкость, которая всегда охватывала его в бою. Дождь немного утих. Парадный мундир плотно облегал тело. Причудливая, почти метафизическая смесь дождя, как природного потока, струящегося с неба, и звуков военного марша, в котором преобладали торжественные, победные звуки, казалось, слились воедино, и из этого необычного слияния неожиданно родился запах сирени. Перед глазами поплыли дворы Лодейно… потом другая весна… женщина, которую он безмерно любит… брусчатка старого города и сотни людей вдоль дороги — все с цветами, и все подбегают к его открытой машине и бросают букеты ему… Букеты в полёте рассыпаются, и ворох цветов с лёгким шорохом осыпается на капот машины, на лобовое стекло, на спинки сидений, на плечи водителя и адъютанта… Прага… Май…

И вот сводный полк 1-го Украинского фронта проходит мимо трибуны мавзолея. Маршал вскинул голову и увидел своего Верховного. Верховный тоже смотрел на него, и маршалу показалось, что в его лице уже не было и тени того, что омрачило

их последнюю встречу.

Маршал шёл во главе «коробки» своего фронта. Ветер колыхал багровое полотнище штандарта. Лучшие солдаты 1-го Украинского фронта шли за его спиной. Все они были молоды, красивы и счастливы. Вся Красная площадь была переполнена счастьем людей, победивших в долгой и жестокой войне.

Маршал знал, что сейчас на него и его генералов, офицеров, старшин, сержантов и рядовых смотрят тысячи глаз. И среди них глаза того, кого он искренне боготворил, кому был безмерно благодарен за всё, чего достиг и что смог сделать для своего Отечества и своих солдат.

Так ли было на самом деле? Вероятнее всего — да.

Из книги Наталии Коневой «Маршал Конев — мой отец»: «Когда я была маленькая, я расспрашивала отца, почему за одним командующим идут 4—5 генералов, а за другими 10—12. Отец дал мне краткое объяснение: их столько, сколько армий входило в тот или иной фронт, а это в свою очередь зависело от масштаба стратегических задач, которые приходилось решать тому или иному фронту. Самыми многочисленными в конце войны были 2-й Белорусский фронт под командованием К.К. Рокоссовского, 1-й Белорусский фронт под командованием Г.К. Жукова и 1-й Украинский фронт. На Параде Победы впереди сводного полка шли Герои Советского Союза со штандартом фронта и знаменами прославленных соединений и частей. Шеренгу Героев 1-го Украинского возглавлял трижды Герой Советского Союза Александр Покрышкин, знаменитый на весь мир лётчик и близкий друг моего отца. Во время прохождения полка 1-го Украинского фронта по Красной площади военный оркестр под руководством генерала А. Чернецкого исполнял старинный военный марш, под звуки которого маршировали в своё время в честь победы русского оружия полки царской армии. Традиция не прервалась, и это было сделано вполне осознанно».

Двадцать четвёртого июня 1945 года Правительство СССР устроило торжественный приём в честь победителей — командующих войсками и соединениями. К 20.00 в Георгиевский зал Большого Кремлёвского дворца прибыли маршалы и генералы, конструкторы-оружейники, люди, которые внесли значительный вклад в гигантскую работу страны, принёсшую Победу. Георгиевский зал был выбран не случайно, он — «один из орденских залов, где воплощена идея памяти о многих поколениях людей, служивших России и отличившихся в сражениях за неё». Сталин произнёс тост, который поразил многих: «Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него

имеется ясный ум, стойкий характер и терпение». В.М. Молотов, который управлял торжеством, произнёс тост за командующих войсками. Первым прозвучало имя маршала Жукова. Вторым — Конева. «За маршала Конева — героя боёв на Украине, освободителя Праги, полководца, войска которого вместе с войсками Жукова ворвались в Берлин…» Затем прозвучали имена Рокоссовского, Говорова, Малиновского, Толбухина, Василевского, Баграмяна, Мерецкова, Ерёменко.

Конев и Жуков. Жуков и Конев. Их всегда называют и ставят вместе, в один ряд. И этот ряд — их слава и их крест.

А с запада на восток, через Польшу, Чехословакию, Восточную Пруссию, Румынию тем временем ехали поезда с победителями. Вчерашние бойцы: пехотинцы, миномётчики, артиллеристы, сапёры, танкисты… под трофейные аккордеоны и русские гармошки, с которыми прошли всю войну, пели: «Давно мы дома не были…» Песня была написана поэтом Алексеем Фатьяновым и композитором Василием Соловьёвым-Седым в мае в Берлине. В ней, в первой редакции, непричёсанной, авторской, кстати, были такие слова:

Зачем им зорьки ранние,
Коль парни на войне
В Германии, в Германии,
В *проклятой* стороне.

Последняя строчка, согласно дружественной политике по отношению к германскому народу, была вскоре исправлена: «…в далёкой стороне».

Что ж, время шло, ветра менялись и требовали не только новых песен, но и редактирования старых.

Из Москвы после торжеств Конев сразу же отправился в Вену.

Во время подготовки к Параду Победы он неоднократно встречался с маршалом Толбухиным[104], войска которого в это время стояли в Австрии, но уже начали передислокацию в Болгарию и Румынию. Их казармы должны были занять части 1-го Украинского фронта. 10 июня 1945 года, за две недели до парада, Конев получил официальное назначение на должность главнокомандующего Центральной группой войск и Верховного комиссара по Австрии.

Именно в Австрии в те дни неожиданно возник клубок противоречий новой Европы. Разведка донесла Сталину, что британский премьер Черчилль агрессивно настроен к СССР и приказал не уничтожать немецкие самолёты, танки и другую военную технику, а складировать её и консервировать.

Концлагеря союзников были переполнены немецкими солдатами и офицерами. В них сохранялась воинская дисциплина и порядок. Солдаты были сведены в роты. Черчилль разослал телеграммы Эйзенхауэру и Монтгомери с соответствующими указаниями. Свои настроения этого периода он сформулировал так: «В моих глазах советская угроза уже заменила нацистского врага».

Союзников, и в первую очередь Черчилля, пугали советские дивизии, стоявшие по линии соприкосновения, а в некоторых местах и глубже на запад. Сталин не торопился их отводить.

12 мая. Черчилль — Трумэну:

«1. Я глубоко обеспокоен положением в Европе. Мне стало известно, что половина американских военно-воздушных сил в Европе уже начала переброску на Тихоокеанский театр военных действий. Газеты полны сообщений о крупных перебросках американских армий из Европы. Согласно прежним решениям наши армии, по-видимому, также заметно сократятся. Канадская армия наверняка будет отозвана. Французы слабы, и с ними трудно иметь дело. Каждый может понять, что через очень короткий промежуток времени наша вооружённая мощь на континенте исчезнет, не считая умеренных сил, необходимых для сдерживания Германии.

2. А тем временем как насчёт России? Я всегда стремился к дружбе с Россией, но так же, как и у Вас, у меня вызывает глубокую тревогу неправильное истолкование русскими ялтинских решений, их позиция в отношении Польши, их подавляющее влияние на Балканах, исключая Грецию, трудности, чинимые ими в вопросе о Вене, сочетание русской мощи и территорий, находящихся под их контролем или оккупацией, с коммунистическими методами в столь многих других странах, а самое главное — их способность сохранить на фронте в течение длительного времени весьма крупные армии. Каково будет положение через год или два, когда английские и американские армии растают и исчезнут, а французская ещё не будет сформирована в сколько-нибудь крупных масштабах, когда у нас, возможно, будет лишь горстка дивизий, в основном французских, тогда как Россия, возможно, решит сохранить на действительной службе 200—300 дивизий?

3. Железный занавес опускается над их фронтом. Мы не знаем, что делается позади него. Можно почти не сомневаться в том, что весь район восточнее линии Любек, Триест, Корфу будет в скором времени полностью в их руках. К этому нужно добавить простирающийся дальше огромный район, завоёванный американскими армиями между Эйзенахом и Эльбой, который, как я полагаю, будет через несколько недель — когда американцы

отступят — оккупирован русскими силами».

Черчилль чувствовал коварство «дядюшки Джо», как он называл Сталина. Сталин, в свою очередь, чувствовал коварство Черчилля. Война закончилась. Победители жадно делили трофеи. Стороны смотрели друг на друга через демаркационную линию в бинокли, как ещё вчера смотрели на позиции вермахта и СС.

Тогда же, 12 мая 1945 года, союзниками был утверждён план под кодовым названием «Немыслимое»: атака советских войск по всей тактический линии; 47 американских и английских дивизий, десять германских, воздушные армады готовы были продолжить войну, имея перед собой уже другого противника. Но план был забракован как неосуществимый. Англичане побоялись начинать эту войну, потому что имели перед собой Красную армию, которая была значительно сильнее, и, по расчётам их штабов, результаты новой войны могли быть непредсказуемыми.

По всей вероятности, союзники, верстая «Немыслимое», одновременно испытывали тот же ужас, что и перед высадкой в Нормандии.

Сталину стало ясно, что армии в Европе придётся держать ещё долго. А это означало, что война для советского народа закончилась только на фронтах, тяготы тыла продолжались. Войска надо было обеспечивать, содержать.

Правда, рабочий день был сокращён с 11 до 8 часов. Отменены обязательные сверхурочные. И ещё: пройдя через фильтрационные лагеря, вернулись из плена 1 миллион 836 тысяч 552 человека (из четырёх миллионов 560 тысяч). Около миллиона из них были направлены в армию, 600 тысяч — на работу в промышленность в составе рабочих батальонов, 233 тысячи 400 человек — в лагеря НКВД.

Конев получил назначение в Австрию.

Вену наши войска взяли 13 апреля 1945 года. Союзники в боях на территории Австрии не участвовали. Однако подвергли сильной бомбардировке восточную часть города, уничтожив много памятников архитектуры. Согласно договорённостям глав государств-победителей, Вена, как и Берлин, делилась на оккупационные зоны. Их было четыре: советская, американская, английская и французская.

Говорят, когда Кейтель подписывал акт о капитуляции Германии, увидев среди офицеров армий-победительниц французов в парадных мундирах, воскликнул: «Как!? И этим мы проиграли?!»

Итак, Коневу предстояло ехать в Вену.

Но перед отъездом ему предстояло решить очень важную проблему — определить свои дальнейшие взаимоотношения с

женой Анной Ефимовной.

Они встретились. Состоялся разговор. И Конев понял окончательно, что никакого будущего у их отношений нет и быть не может. Решение было обоюдным. Не было ни вздохов, ни слёз, ни заламывания рук. Анна Ефимовна давно уже жила своей жизнью.

Когда он уходил, Анна Ефимовна спросила:

— Куда ты теперь?

— В Вену. Сколько пробуду там, не знаю.

Она попросила разрешения приехать к нему. Он согласился. Но сразу же уточнил, чтобы приезжала с детьми и что никаких отношений, в связи с этим приездом, у них быть не может. Она согласилась.

Уже из Вены он прислал ей письмо. Это письмо сохранилось в архиве Анны Ефимовны:

«Здравствуй, Нюра! Каждая встреча с тобой крепко взвинчивает мои нервы и бередит старые раны. Сейчас моя язва начинает понемногу подживать. Доктора настаивали на том, чтобы отправить меня в Москву, но в связи с улучшением пока воздержусь. Я не возражаю против твоего приезда с ребятами ко мне, но учти моё состояние. Я жду тебя как хорошего друга, но не как жену, тут у нас всё кончено. До конца жизни постараемся не вспоминать старое… Не беспокойся насчёт своей жизни: как она была обеспеченной, так будет обеспеченной и дальше. Будь благоразумна.

30 июля 1945 года».

Конев поехал в Австрию не один. Антонина Васильевна была, как и все эти годы, рядом. Штаб Центральной группы войск находился в Бадене, курортном городе юго-западнее Вены.

Наталия Ивановна Конева рассказывала: «Мама была вместе с отцом в Бадене. Для неё этот период был наполнен ожиданием счастья. Бомбёжки, лишения, вечный страх потерять близкого человека, который был почти всегда в боевых порядках своих войск или на КП в районе боевых действий, — наконец позади. Всё вокруг казалось праздником — красивый старинный город с кружевными башенками готического собора. Практически все сослуживцы отца побывали на экскурсиях в Вене. Остался снимок на память — мама в шляпке и плащике по европейской моде на крыше знаменитого собора Св. Стефана. Могла ли она подумать зимой сорок второго, когда впервые увидела отца в запущенной и неуютной избе под Калинином, что в сорок пятом окажется рядом с ним в самом сердце Европы? Она вспоминала, как поразили её австрийские женщины — только что стихли звуки бомбёжек, а они уже принарядились, с аккуратными причёсками, в

хорошеньких шляпках, туфельках демонстрировали свою женственность. Так непривычно для наших женщин, прошагавших в сапогах и военной форме дорогами войны. В венских кафе играла музыка, на площадях и улицах люди танцевали польки и вальсы знаменитого Штрауса. Маме очень хотелось приобщиться к этой жизни, в мечтах она видела себя в вечернем платье и с крошечной сумочкой, элегантной и, главное, любимой Тосей, Тонюсей, как он нередко её называл. Ей хотелось пройтись с ним, таким знаменитым, под руку».

Работа, которую выполнял Конев в Вене, сильно отличалась от того, к чему он привык за минувшие годы.

Ему удалось быстро найти общий язык с представителями союзного командования генералами Кларком (США), Макрири (Великобритания) и Бетуром (Франция). Конечно, какое-то время помогали его военные заслуги, мощные дивизии, сосредоточенные в советской оккупационной зоне. Но вскоре появились и дипломатические навыки. Генералы — люди одной касты, даже если они генералы разных армий. Договаривались, находили компромиссы, хорошо понимая, что их положение — дело обязательное, хотя и временное.

Официальные встречи, консультации с Москвой, переговоры, решения спорных вопросов, проблемы с созданием Межсоюзной комендатуры, приглашения на вечера, концерты, торжественные ужины, обмен культурными программами.

Конев даже заказал себе фрак с крахмальной манишкой и галстуком-бабочкой. Пошил фрачную пару один из самых лучших венских портных. Когда фрак был готов, Конев надел его и подошёл к зеркалу… Через полчаса он уже ехал на приём — в своём привычном маршальском мундире…

Однажды позвонил Сталин. Конев, как обычно, доложил обстановку.

— Есть ли какие просьбы, товарищ Конев? — спросил Сталин.

— Да, товарищ Сталин, просьба вот какая: нельзя ли прислать сюда бригаду артистов, которые бы продемонстрировали своё профессиональное мастерство и поддержали бы своей музыкой освобождённых от оккупации австрийцев?

— Артистов пришлём, — ответил Сталин и положил трубку.

И вскоре в Вене встречали прославленную балерину Галину Уланову, баритона Большого театра Алексея Иванова, пианиста Льва Оборина и других знаменитых артистов. Начались концерты.

Правду сказать, дело было не в поддержке «освобождённых австрийцев». В Австрии находилось 700 тысяч советских солдат и офицеров. Огромный контингент. Самый большой из

находящихся в Европе. Почти вдвое больше того, который дислоцировался в Берлине и всей Германии. Жизнь в Австрии, пострадавшей от войны несравнимо меньше соседней Германии, быстро стала налаживаться. Глядя на то, как живут, отдыхают и развлекаются местные буржуа, наши солдаты и офицеры тоже потянулись к «жизненным соблазнам», при этом вели себя не всегда «подобающим образом». Такие выражения появились вскоре в приказе Конева, который историки назовут приказом «О запрете мародёрства». Приказ пресекал нелегальную, то есть самовольную конфискацию австрийской собственности, торговлю в любой форме на чёрном рынке, а также вводил запрет на посещение народных праздников, ночных заведений, кафе, закусочных, где продавался алкоголь.

У Конева неожиданно начала прогрессировать старая болезнь — закровоточила язва. Врачи из группы войск посоветовали срочно лететь в Москву, ложиться на операцию. Но потом кто-то порекомендовал доктора из местных, крупного специалиста, успешно практикующего лечение подобных заболеваний.

Доктору не сказали, кто будет его пациентом, видимо, сомневаясь, что тот согласится лечить главнокомандующего оккупационными войсками, да ещё русского. Врач, увидев в прихожей маршальскую шинель, мгновенно всё понял, но виду не подал. Изучил историю болезни и сказал:

— Я, господин фельдмаршал, член партии национал-социалистов и работал на Гитлера. Наши специалисты никогда не довели бы своего пациента до такого состояния, будь он даже простым солдатом. У вас плохие врачи!

— Господин доктор, — ответил Конев, — если вы можете помочь, помогите. Я позвал вас не как партийца, а как врача.

Доктор осмотрел Конева и сказал:

— Не вижу необходимости в операции.

— Вы так считаете?

— Да. Вставайте. Поезжайте на рыбалку. На охоту. Куда угодно, только на природу. Подальше от дел. И не думайте о своей болезни.

Позже, действительно позабыв о своей болезни, Конев узнал, что врач, осматривавший его, осуждён Нюрнбергским судом как военный преступник, делавший бесчеловечные медицинские эксперименты на людях в концлагере для военнопленных.

Слухи о болезни главнокомандующего самой крупной группировкой в Европе дошли до Кремля. Сталин на одном из заседаний упрекнул Микояна:

— Анастас, что-то наши полководцы, я слышал, прибаливать стали. Что же ты их не отправишь отдыхать?

Вскоре из Москвы пришло распоряжение: предоставить главнокомандующему Центральной группой войск Маршалу Советского Союза Коневу трёхмесячный отпуск для лечения.

Тремя месяцами отпуска Конев, конечно же, не воспользовался — «барство». Но всё же в Карлсбаде, на знаменитом курорте целебных вод, он побывал.

Маршал поехал в Карлсбад с Антониной Васильевной. Всё у них было уже решено.

Дни, проведённые в Карлсбаде, как рассказала дочь маршала Наталия Ивановна со слов её мамы, Антонины Васильевны, были самыми счастливыми в их жизни. Весна, цветение садов. Сказочные виды окрестностей Карлсбада. Хороший уход.

Но сказка прервалась совершенно неожиданно.

Глава тридцать шестая. КОНЕВ — ЖУКОВ

В среде военных уже давно обсуждали одну тему: война закончилась, дело сделано, Хозяину мы больше не нужны, будет приближать и держать возле себя самых послушных и угодливых, остальных…

И вот Коневу позвонил заместитель министра Вооружённых сил СССР Булганин и сообщил, что надо срочно вылетать в Москву на заседание Высшего военного совета. С Булганиным у Конева отношения всегда были сложные, а потому от этого звонка ничего хорошего он не ждал.

Знал ли Конев повестку дня заседания Высшего военного совета, неизвестно. Видимо, вскоре узнал. И консультации среди маршалов тоже, как можно предположить, состоялись. Иначе невозможно объяснить их довольно прочный фронт, который они выстроили во время попытки партийных чиновников уничтожить Маршала Победы Жукова.

Как известно, 31 мая 1946 года, за несколько часов до начала чрезвычайного заседания, состоялся обыск на даче Жукова. Об этом событии существуют противоречивые сведения. Некоторые биографы Маршала Победы говорят, что обыск был проведён негласно, что вещи не изымались, а лишь фиксировались в списке, который затем был подшит в «Дело Жукова». Для негласного обыска, как вы понимаете, ордер не выписывался, потому что проводился он не с ведома прокурора, а с ведома, скорее всего, товарища Абакумова по «просьбе» товарища Сталина. Сам же Жуков в своих «Воспоминаниях…» рассказал совершенно другую историю: обыск не состоялся, потому что он пригрозил оружием и выпроводил со своей дачи «троих молодцов» и т. д.

Но вернёмся к нашему герою.

Конев срочно вылетел в Москву. 2 июня 1946 года Антонина Васильевна, оставшаяся на курорте одна в тревожном ожидании, получила письмо:

«Тонюсенька, милая! Вчера состоялось решение, и меня назначили вместо Жукова. Хозяин предложил остаться в Москве и приступить к работе. В связи с этим тебе, моя детка, нужно тоже прекратить лечение, всё собрать, расплатиться и выехать на машине в Баден. Там, в Бадене, погрузить все ценные вещи в самолёт и самой вылететь в Москву.

В самолёт обязательно возьми мой сейф с документами,

чемодан с парадным мундиром, чемодан с гражданскими костюмами и моими кителями, шинель. Много у тебя будет хлопот, но что делать, так нужно. Передай мою благодарность всему медперсоналу, который нас лечил и обслуживал. Я, видимо, в Баден не приеду, а если и прилечу, то заранее тебе позвоню. Ну, моя родная, будь осмотрительна и строга во всём. Соскучился по тебе. Буду ждать тебя с нетерпением.

Целую тебя крепко, твой Ваня».

А в Москве, между тем, произошло событие, которое вот уже почти семь десятков лет волнует военных историков и толкователей советской политики второй половины 1940-х годов.

Послевоенная политика страны не предполагала слишком большого влияния военных. Война осталась позади. Сталину уже не так нужны были маршалы и генералы, особенно те, кто умел на себя брать много ответственности и действовать самостоятельно, кто почувствовал вкус этой самостоятельности, власти. Более того, Сталин почувствовал исходившую от них опасность. Особенно опасно вёл себя тот, кого он так возвышал и щедро при этом осыпал наградами, — маршал Жуков. Георгий Победоносец, как его иногда называло окружение. Об этом вождю тоже доносили.

Сталин сам вёл заседание Высшего военного совета. Он попросил секретаря совета генерала Штеменко, в то время начальника Главного оперативного управления, зачитать материалы допроса Главного маршала авиации Новикова, который был арестован ещё в апреле и вовсю давал показания следователям МГБ. О его «признаниях» бывший шеф СМЕРШа, а теперь министр МГБ генерал Абакумов ежедневно докладывал Хозяину

Когда в докладе Штеменко прозвучали слова не только о бонапартизме Жукова, но и о том, что тот якобы готовил военный заговор, маршалы поняли, что настал и их час. Сегодня — Жуков. Завтра — они.

После генерала Штеменко выступил Сталин. Он сказал, что Жуков присваивает себе все победы Красной армии, что, выступая в Берлине на пресс-конференции, давая интервью для советской и зарубежной печати, «Жуков неоднократно заявлял, что все главнейшие операции в Великой Отечественной войне успешно проводились благодаря тому, что основные идеи были заложены им».

Сталин указал пальцем на бывших членов Ставки Верховного главнокомандования и членов ГКО, представлявших теперь Политбюро и Высший военный совет, и сказал:

— Так что, все мы были дураки? Только один товарищ Жуков

был умным, гениальным в планировании всех стратегических операций во время Великой Отечественной войны?

Сталин закончил своё выступление этим полуриторическим вопросом, приглашая всех присутствующих, в том числе маршалов, высказаться по поводу Жукова, чтобы «решить, как с ним поступить».

Все присутствующие понимали, что отвертеться от выступления не удастся. Надо говорить. А говорить — значит, высказать свою позицию.

Вот тут-то и наступил момент истины.

Выступления были разными по духу и смыслу. Некоторые заняли твёрдую позицию и, критикуя личные человеческие и деловые качества Жукова, всё же признавали его военные заслуги и верность партии, правительству и лично товарищу Сталину.

В большинстве публикаций об этом заседании говорится, что, мол, военные не отдали Маршала Победы на растерзание и что якобы спасительное слово произнёс первый заместитель командующего бронетанковыми и механизированными войсками маршал Рыбалко. Верно то, что Павел Семёнович Рыбалко решительно высказался за политическую честность Жукова, за признание многих его военных заслуг. Но тон задал всё же выступавший первым — маршал Конев. И тут надо быть исторически точным. А что значит на таком собрании молвить первое слово поперёк слова Хозяина, вряд ли нужно пояснять.

В Приложении публикуется полный текст (расшифровка уникальной диктофонной записи) воспоминаний маршала Конева о заседании Высшего военного совета. Никто пока не опроверг точность переданной Коневым атмосферы, царившей в зале заседаний, и сути сказанного им.

Конев сказал, что характер у Жукова непростой, «неуживчивый, трудный». Назвал и недостатки в работе Жукова, а затем подытожил:

— Но если бы Жуков был человеком непорядочным, он вряд ли стал бы с такой настойчивостью, рискуя жизнью, выполнять приказы Ставки, выезжать на самые опасные участки фронта, ползать на брюхе по передовой, наблюдая за действия ми войск, чтобы на месте оценить обстановку и помочь командованию в принятии тех или иных решений. Нечестный человек, тем боле нечестный в политическом отношении, не будет себя так держать!

Сталин вдруг понял, что ситуация ускользает из его рук. Но выдержал и ждал конца выступлений, никого не перебивая. И только когда ответное покаянное слово дали Жукову, Сталин перебил его и сказал, указывая пальцем на Конева:

— Товарищ Конев, он присвоил даже авторство и вашей

Корсунь-Шевченковской операции!

Бросая эту реплику, Сталин, конечно же, понимал, что сам многое отнял у него, чтобы отдать другому, и когда припекло, когда понял, что его расчёт на то, что обнесённые берлинским триумфом маршалы Рокоссовский и Конев оказались выше его надежд, по-кавказски взвился: «Он присвоил!..»

Но Сталин и на этот раз оказался мудрее своей врождённой ярости, он уступил военным. Уступил, хорошо понимая, что именно этой своей уступкой он окончательно пресёк вольницу маршалов, что они теперь у него в кулаке.

Но и маршалы почувствовали свою силу и то, что война не закончилась и надо держать порох сухим.

Константин Симонов, о долгих беседах которого с нашим героем мы ещё расскажем, интересовался и тем заседанием. Осталась запись Симонова — ответ маршала Конева на его вопрос: «…После всех выступлений выступал Сталин. Он опять говорил резко, но уже несколько по-другому. Видимо, поначалу у него был план ареста Жукова после этого Военного совета. Но, почувствовав наше внутреннее, да и не только внутреннее, сопротивление, почувствовав известную солидарность военных по отношению к Жукову и оценке его деятельности, он, видимо, сориентировался и отступил от первоначального намерения. Так мне показалось».

В защиту Жукова в том же тоне, что и Конев, выступили маршалы Рыбалко, Рокоссовский, генерал армии Хрулёв.

Девятого июня 1946 года Сталин издал приказ № 009, которым он, по всей вероятности, хотел принизить авторитет Маршала Победы ещё и в войсках. В приказе, кроме всего прочего, были и такие слова: «Было установлено далее, что ликвидация корсунь-шевченковской группы немецких войск была спланирована и проведена не маршалом Жуковым, как он заявлял об этом, а маршалом Коневым, а Киев был освобождён не ударом с юга с Букринского плацдарма, как предлагал Жуков, а ударом с севера, ибо Ставка считала Букринский плацдарм непригодным для такой большой операции.

Было, наконец, установлено, что, признавая заслуги маршала Жукова при взятии Берлина, нельзя отрицать, как это делает маршал Жуков, что без удара с юга войск маршала Конева и удара с севера войск маршала Рокоссовского Берлин не был бы окружён и взят в тот срок, в какой он был взят».

Маршалов Жукова, Конева и Рокоссовского, действительно наиболее ярких и талантливых полководцев Великой Отечественной и в целом Второй мировой войны, часто называют тремя русскими богатырями. Справедливости ради, надо

заметить, что одним из русских маршалов-богатырей был поляк. Но суть не в этом. Все трое прославили русское оружие, возвысили дух русского солдата и принесли победу русскому народу, который олицетворял тогда все народы СССР А ведь и они, былинные богатыри — Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович — не всегда ладили друг с другом.

Но хуже у них всё же складывались взаимоотношения с князьями…

В 1947 году, в самый канун своего 50-летия, Конев получил из Подосиновца письмо: земляки в Лодейно, в доме деда, Ивана Степановича Конева, решили устроить музей маршала, просили его, так сказать, благословения. Конев ответил землякам тёплым письмом. Послал подарки: семь коробок с книгами для сельской библиотеки. А весной, к посевной, в порядке депутатской помощи, — новенький грузовик. В устройстве же музея землякам отказал. Тогда он ещё страстно хотел служить, видел впереди перспективы, чувствовал свои силы. А музей на родине… Дошло бы до Сталина. Да и в Политбюро люди разные… Не надо.

Хрущёв тоже столкнёт Конева с Жуковым. И это столкновение будет более жестоким и иметь для обоих маршалов очень болезненные последствия.

1957 год. Популярность Жукова вновь возросла. Хрущёв, в своё время спасённый Жуковым от поражения в борьбе за власть с группой Маленкова—Молотова, решил ослабить влияние военных. Ведь в случае нового обострения борьбы за власть они могли принять и не его сторону… Хрущёв, чтобы сокрушить всех маршалов и генералов единым махом, ударил по главному из них — Жукову.

Коневу в этой партийной драчке не повезло больше всех.

После пленума ЦК КПСС, когда маршалы, включая и Рокоссовского, и Захарова, и Чуйкова, и Ерёменко, и Соколовского, дружно осудили Жукова как «зарвавшегося бонапартиста», на долю Конева выпала «честь» подписать заготовленную в ЦК статью. Называлась она «Сила Советской Армии и Флота—в руководстве партии, в неразрывной связи с народом». В ней говорилось о бонапартизме Жукова, о его ошибках в работе и в первую очередь о недооценке роли партии в армии.

Конечно, и тогда, и теперь, не важно, кто эту статью писал. Важно — кто подписал. Конев на этот раз уступил. Как это ни парадоксально, но как политик Хрущёв в схожей ситуации оказался посильнее своего предшественника Сталина. Он повёл интригу так, что газета со статьёй против бонапартизма маршала Жукова вышла в газете «Правда» за подписью его вчерашнего

заместителя, самого надёжного подчинённого.

Когда текст статьи курьер доставил из ЦК, Конев просидел над ней всю ночь. Правил, согласовывал по телефону. Пытался смягчить. Затягивал сроки сдачи. Хрущёву постоянно докладывали об «авторских муках» Конева. Никита Сергеевич злорадствовал: «Старайся, не старайся, всё равно статья пойдёт за твоей подписью».

Прочитав подписанный Коневым вариант статьи, Хрущёв сразу ему позвонил:

— Завтра в «Правде» читай свою статью. И без фокусов. Понял?

Жуков был смертельно обижен. Конев тоже чувствовал вину. Оба понимали, что политики сильнее их. Разделяй и властвуй… Но чувство обиды какое-то время оказалось непреодолимым.

Однажды они встретились на улице. Разговорились. Жуков сказал:

— Иван Степанович, напиши опровержение.

— Георгий Константинович, ты же понимаешь, что это никто не напечатает. Это решение партии, а в нашей стране это закон.

Но есть и другая версия этой истории. Некоторые исследователи допускают, что Жуков и Конев действительно готовили переворот в стране. Их поддерживали не только Штеменко и Москаленко, но и многие военные. В том числе в войсковых частях, в округах. Говорят, когда Хрущёв, тогда ещё благоволивший к Жукову, благодарный ему за спасение во время кремлёвской интриги, пожаловался, что, дескать, вот бы теперь в МВД порядок навести, да нет подходящего человека, Жуков неожиданно, с солдатской прямотой доложил: «Есть такой человек». — «Кто?» — «Мой заместитель — Конев». Вот тут-то зачесалась у Хрущёва лысина, он понял, что эти двое его спихнут в два счёта… Хрущёв, обладавший чутьём на заговоры и сам искушённый заговорщик, и здесь перехитрил своих действительных и потенциальных противников. И Конев, подписывая статью, в этих обстоятельствах выбирал между жизнью и смертью. В самом буквальном смысле. Он хорошо помнил, как Хрущёв расправился с Берией, Меркуловым, Кобуловым и другими. Он знал, за что в дурдоме сидит генерал Судоплатов. Так что для него решалось: расстреляют или не расстреляют. Как американо-германо-японского шпиона. Дурачком-то, как Судоплатов, он прикидываться не станет. А голову на плаху класть не хотелось.

Но письмо Конева Жукову всё же, говорят, было. Текст его пока нигде не публиковался. Возможно, оно когда-нибудь станет частью истории взаимоотношений этих двух полководцев.

Окончательное же их примирение произошло на 70-летии Конева, в квартире на улице Грановского (ныне Романов переулок), когда поздравить маршала пришли все его боевые товарищи и друзья.

Как вспоминает Наталия Ивановна Конева, в тот вечер у них в доме царила атмосфера военного братства. Жуков один из первых пришёл поздравить Конева с днём рождения. И они обнялись. Все внимательно следили за их движениями, за выражением лиц, за репликами. И все вздохнули с облегчением.

Константин Симонов, тоже сидевший за праздничным столом, написал потом о Жукове: «Его приглашение в этот день, в этот дом, его приход туда имели особое значение. Судьба сложилась так, что Жукова и хозяина дома на долгие годы отдалили друг от друга обстоятельства, носившие драматический характер для обоих, для каждого по-своему».

Глава тридцать седьмая. ДРУГАЯ ЭПОХА

После смерти Сталина его ближайшие сподвижники бросились делить наследство. Хрущёв оказался самым энергичным из всех претендентов на осиротевший советский трон. И первым делом он устранил своего главного и самого опасного конкурента — Лаврентия Берию.

Десятого июля 1953 года газеты опубликовали сообщение: «На днях состоялся Пленум ЦК КПСС, который, заслушав и обсудив доклад Президиума ЦК — тов. Маленкова Г.М. о преступных антипартийных действиях Л.П. Берии, направленных на подрыв Советского государства в интересах иностранного капитала и выразившихся в вероломных попытках поставить Министерство внутренних дел СССР над Правительством и Коммунистической партией Советского Союза, принял решение — вывести Л.П. Берию из состава ЦК КПСС и исключить его из рядов Коммунистической партии Советского Союза как врага Коммунистической партии и советского народа».

В это же время были также арестованы: бывший министр госбезопасности СССР, а к моменту ареста министр Госконтроля СССР В.Н. Меркулов, бывший начальник одного из управлений НКВД, а затем министр внутренних дел Грузинской ССР

В.Г. Деканозов, бывший заместитель министра госбезопасности, затем заместитель министра внутренних дел СССР Б.З. Кобулов, бывший нарком внутренних дел Грузинской ССР, к моменту ареста начальник одного из управлений МВД СССР

С.А. Гоглидзе, министр внутренних дел Украинской ССР П.Я. Мешик, бывший начальник следственной части по особо важным делам МВД СССР Л.Е. Влодзимирский.

Как о том повествует официальная версия, все, в том числе и Л.П. Берия, после следствия и приговора суда были казнены. Председательствовал в Специальном судебном присутствии Верховного суда СССР по делу Берии маршал Конев.

Давно стало очевидным: не всё в порядке в нашей истории, в том числе и недавней. Вот и так называемое «Дело Берии» неожиданно начало расползаться на множество версий.

Конев ни в своих мемуарах, ни в других документах, ни в беседах с близкими и писателями о своей миссии в Верховном суде даже не упоминает. Наталия Ивановна Конева по поводу этой истории сказала следующее: «Самое жестокое разочарование

в послевоенный период пришло к нему во время суда над Берией, где маршал Конев был председателем. Разбирая документы, ему пришлось прочитать множество доносов на себя от людей, которых он считал своими ближайшими соратниками и друзьями…»

Склонен предположить, что это правда. Поскольку других, более сильных впечатлений он испытывать в дни суда над Берией уже не мог. Ведь Берия, скорее всего, был уже мёртв.

По версии сына Берии Серго, отец был убит при аресте у себя дома на даче ещё 26 июня в полдень.

Сцену ареста во время заседания Президиума Верховного Совета СССР в своих мемуарах описывают лишь двое: Хрущёв и Жуков. Участников же того «ареста» было много. Никто из них впоследствии ничего подобного не вспоминал. Даже тогдашний командующий войсками Московского военного округа генерал Москаленко. А ведь он играл одну из главных ролей, если не главную, в той версии, которую изложили в своих мемуарах Хрущёв и Жуков.

Итак, версий ареста и казни Берии много. Материалы же следствия (допросы свидетелей и самого Берии, документы, изобличающие преступную деятельность арестованного, свидетельства потерпевших, заключения экспертов и прочее) должны быть собраны в одно дело. Так вот этого дела — «Дела Берии» — никто из исследователей пока не видел. Существуют какие-то мифы. Кое-кто даже публиковал цитаты из этого «Дела». Но все эти публикации не сопровождаются ссылками на номера папок и листов. Липа?

Темны воды нашей истории…

Согласно документам о казни приговорённых, Конев в итоговой, так сказать, процедуре участия не принимал.

Вот документ, который можно считать подлинным, так как к «Делу Берии» он имеет лишь косвенное отношение:

«АКТ

23 декабря 1953 года зам. министра внутренних дел СССР тов. Лунев, зам. Главного военного прокурора т. Китаев в присутствии генерал-полковника тов. Гетмана, генерал-лейтенанта Бакеева и генерал-майора тов. Сопильника привели в исполнение приговор Специального Судебного Присутствия Верховного суда СССР от 23 декабря 1953 года над осужденными:

1) Кобуловым Богданом Захарьевичем, 1904 года рождения,

2) Меркуловым Всеволодом Николаевичем, 1895 года

рождения,

3) Деканозовым Владимиром Георгиевичем, 1898 года рождения,

4) Мешиком Павлом Яковлевичем, 1910 года рождения,

5) Влодзимирским Львом Емельяновичем, 1902 года рождения,

6) Гоглидзе Сергеем Арсентьевичем, 1901 года рождения, к высшей мере наказания — расстрелу.

23 декабря 1953 года в 21 час. 20 минут вышеуказанные осужденные расстреляны.

Смерть констатировал — врач (роспись)».

Смотреть на это Конев не пожелал.

Приговор, вынесенный судом Берии, по официальной версии, был приведён в исполнение в тот же день 23 декабря 1953 года в бункере штаба ПВО, где тот содержался после ареста. Некоторые историки утверждают, что в бункере во время расстрела находились «достойные всякого доверия маршал Конев, командующий Московским военным округом генерал Москаленко, первый заместитель командующего войсками ПВО Батицкий, подполковник Юферев, начальник Политуправления Московского военного округа полковник Зуб и ряд других военных…».

В акте же о расстреле Берии ни о Коневе, ни о Юфереве, ни о Зубе, ни о Гетмане, ни о других, «достойных всякого доверия», не упоминается.

«Сего числа в 19 часов 50 минут на основании предписания председателя специального судебного присутствия Верховного суда СССР от 23 декабря 1953 года № 003 мною, комендантом специального судебного присутствия генералом-полковником Батицким П.Ф. в присутствии Генерального прокурора СССР, действительного государственного советника юстиции Руденко Р.А. и генерала армии Москаленко К.С. приведён в исполнение приговор специального судебного присутствия по отношению к осужденному к высшей мере наказания — Берии Лаврентию Павловичу».

Суд над Берией был «процессом века». Однако до сих пор материалы «Дела Берии» не опубликованы. Создаётся впечатление, что кто-то будто намеренно покрывает эту историю тайной, чтобы из её сумерек время от времени выползали разного рода мистификации наподобие «Дневников Берии» и прочего, что в скором времени, возможно, тоже станет частью нашей истории…

После того как Жуков был отправлен в ссылку в Одессу и возглавил Одесский военный округ, Конев принял от него дела.

В 1950 году его назначили Главным инспектором Советской армии с сохранением должности заместителя министра Вооружённых сил.

* * *

С 1951 по 1955 год Конев командовал войсками Прикарпатского военного округа. Округ был беспокойный. Время непростое. В состав округа входили армии, корпуса и дивизии, с которыми он шёл с боями по белгородской земле, форсировал Днепр, а потом освобождал Европу Треть частей были гвардейскими. Бывая в войсках, Иван Степанович встречал знакомые лица офицеров и солдат. Он вернулся в родную стихию. Это ему нравилось. Хотя формально новое назначение выглядело понижением в должности.

Сталин разбросал победителей по округам. Чтобы меньше общались друг с другом. Чтобы не было соблазнов, чтобы не строили каких-либо иллюзий. Рокоссовский находился в Польше. Жадов — в Москве руководил Военной академией им. М.В. Фрунзе. Рыбалко уже не было в живых. Третий год минул со дня его похорон. Только что был расстрелян генерал Гордов, бывший командующий 3-й армией. До 1946 года он командовал Приволжским военным округом, потом был уволен в отставку, а через год арестован вместе с генералом Куликом и бывшим своим начштаба по службе в округе генералом Рыбальченко. Расстреляны все трое. Формулировка приговора какая-то мутная. Никто из военных не верит в её правдивость. Но все боятся. Притихли.

Хозяин ещё в феврале 1947-го попросился в отставку с поста министра Вооружённых сил: «Очень перегружен я. Товарищи, прошу не возражать. К тому же и возраст сказывается». И будто в насмешку над маршалами министром военного ведомства был назначен Булганин. Вскоре ему присвоили маршальское звание. Правда, новые погоны проносит он недолго. У Сталина люди долго на одном месте не засиживались. Особенно если появлялись сомнения в их профессиональной пригодности.

Но Хозяин старел. Из Москвы доходили слухи о придворной возне вокруг стареющего вождя и его преемниках. Вначале называлось имя Берии, потом Маленкова, потом Жданова и снова Маленкова…

А у Конева под рукой был один из самых насыщенных войсками округов. К тому же западные области кишели бандами «бандеровцев», «мельниковцев» и других, более мелких

формирований, люто ненавидевших «проклятых москалей». На границе с Польшей продолжали действовать отряды Армии Крайовой, а в районах, прилегающих к Венгрии, местное население терроризировали «нилашисты» и «салашисты».

К середине 1952 года общими усилиями всех спецслужб в результате серии удачно проведённых операций, к которым привлекались войсковые подразделения, с бандами в Западной Украине было покончено. ЦК Компартии Украины 10 ноября 1952 года отчитывался в ЦК ВКП(б): «Продолжавшие антисоветский террор оуновцы и примыкающие к ним группы начинают в массовом порядке сдаваться представителям органов Советской власти…»

Осенью 1953 года в округе прошли учения, в ходе которых была осуществлена имитация ядерного взрыва. Задачу для войск поставили необычную: действия в условиях применения противником оружия массового поражения. В подготовке и проведении учений приняли участие заместитель министра обороны СССР маршал Жуков, к тому времени снова призванный в высшие командные структуры Советской армии, генералы Генштаба, академик И.В. Курчатов, конструктор С.П. Королёв.

Молва приписывала этим учениям дурную славу: дескать, на них испытывали ядерное оружие на людях. В действительности ничего подобного не было. Хотя накануне шли консультации министра среднего машиностроения В.А. Малышева с его подчинёнными и специалистами-ядерщиками о возможности сброса серийной бомбы малой мощности РДС-4 с самолёта Ил-28. Но дальше консультаций дело не пошло.

Полковник Генштаба Андрей Жариков, помогавший маршалу Коневу работать над его мемуарами, рассказывал, что однажды спросил Ивана Степановича, бывал ли он на ядерном полигоне. Имелся в виду Тоцкий полигон в Оренбургской степи, где осенью 1954 года взорвали ядерную бомбу, а 45 тысяч солдат выгнали на учения. Тот ответил: «Мне там делать нечего, это дело Курчатова и Сахарова. Но запомните: когда-нибудь люди проклянут всех, кто изобретал и испытывал атомное оружие на целине. Там же хлеб! Но им-то что? Берия с Малышевым, ответственные за взрывы, на чистеньких перинах с бабами спали в Москве. А каждый взрыв бомбы — это не только распространение заразы на целине, но и вред всей планете. Вы думаете, почему участились землетрясения, ураганы, наводнения, не говоря уже о том, что люди мрут, как мухи? Я предлагал в своё время: практикуйтесь на макетах, испытывайте конструкцию бомбы при обычном взрывчатом веществе. А когда потребуется, в чём я сомневаюсь, можно и атомный заряд заложить… А вы там спектакли на весь

мир устраиваете. Страх нагоняете. Кто придумал учение войск с применением атомной бомбы? Без ЧП не обошлось. Вы знаете, что там некоторые генералы и офицеры подзаразились, гражданские люди пострадали? А толк? Уже нет в армии тех солдат, которые принимали участие в учении, и генералов нет. Одни уволены, другие поумирали. Кому же этот опыт нужен? Тогда давайте каждый год проводить такие учения».

В 1997 году А. Жариков выпустил книгу «Полигон смерти». Книга имела шумный успех. В неё включён и этот эпизод.

Ещё в 1945 году на Потсдамской конференции американский президент Трумэн в разговоре со Сталиным как бы между прочим заявил, что США имеют ядерное оружие. В 1949 году успешное испытание ядерной бомбы произвёл СССР. Паритет снова был достигнут. Но для того, чтобы подавить у Америки желание атаковать советские города новым оружием огромной разрушительной силы, Сталин приказал держать в Европе и на западных границах огромный контингент войск — армии, которые ещё вчера сокрушали последние рубежи немецкой обороны. Пока советские учёные в шарашках и на полигонах создавали первую советскую атомную бомбу, сдерживающим фактором могли быть только люди, миллионы людей в военной форме и танки, армады танков, готовых к маршу в любой момент.

В мае—июле 1948 года в нескольких сотнях километров западнее, откуда эти армии три года назад вернулись, Объединённый комитет начальников штабов провёл штабную игру под кодовым названием «Пэдрон». В ходе игры бывшие союзники проанализировали возможный сценарий военного столкновения, а точнее сказать, войны между США и СССР, при том, что американская армия атакует советские города с применением того запаса ядерных бомб, который к тому времени был накоплен на складах. Выводы американских военных оказались неутешительными: советские войска в первые же две недели военных действий захватывают Берлин и Вену, почти беспрепятственно выходят к Рейну…

Сталин это тоже знал, и его до поры до времени устраивала гигантская армия, которую надо было кормить, одевать, вооружать. Но после 1949 года, когда появилась бомба не хуже американской, армию можно было значительно сократить. И её сокращали. Вот почему некоторые маршалы командовали военными округами, а генералы, закончившие войну командармами, оказались командирами корпусов и даже дивизий. Некоторые же, такие как Гордов, и вовсе были уволены в запас.

Поэтому своё назначение на округ Конев вряд ли

воспринимал как ссылку, подобную той, в которую угодил маршал Жуков. Во-первых, Конев не был столь амбициозен, как его бывший сосед справа по штурму Берлина. Во-вторых, он попал в родную стихию, в войска, которые любил. В-третьих, он понимал, что эпоха блестящих побед, боевых наград и стремительных повышений в званиях и чинах миновала.

Штаб округа находился во Львове, который войска Конева совсем недавно брали штурмом. Места знакомые, но сильно изменившиеся с той фронтовой поры.

Конев привёз сюда свою новую семью: жену Антонину Васильевну, с которой официально зарегистрировался. На этот раз — никакого гражданского брака. В том же 1947-м родилась дочь Наталия.

Вот что вспоминает о львовских годах Наталия Ивановна Конева: «Помню прекрасный особняк в старой части Львова: с эркером, фруктовым садом, цветником; гостиную с пианино и даже кладовую: настоящая, как в каких-то кинофильмах о старой, дореволюционной жизни, с домашними колбасками и окороком на крючке, соленьями и вареньями. Солдат-охранник (тоже примета эпохи) должен был везде сопровождать нас с мамой. Он был человеком творческим: из каких-то катушек и ниток соорудил кукольный театр, всё начинало двигаться, и он на разные голоса рассказывал мне истории — незабываемое впечатление.

Мама старалась воспитывать из меня барышню: водила в студию танцевать, сшила пачку из марли, а в качестве отделки наклеила на неё серебряных бабочек из конфетной фольги. В доме появилась учительница музыки Людмила Францевна, полька по национальности. Память зафиксировала осколки впечатлений: мелодии полонезов и мазурок, которые она наигрывала, милые польские словечки “пшепроше”, “подарунчик” за хорошее поведение. Я уже понимала, что оказалась в лоне какой-то другой культуры. Скажем, на Пасху совсем не по-русски, многодельно красили яйца, из костёла доносились звуки органа, а девочки из хороших семей носили шляпки и перчатки.

Маме хотелось, чтобы дочка командующего тоже выглядела достойно. В её представлении — это платье-матроска, а сверху белое пальтишко и берет, которые она собственноручно изготовила. В этой одежде я и появилась с мамой на параде войск Львовского гарнизона.

Папа возвращался домой поздно, когда я уже спала, он работал ночами, как это было принято при Сталине.

Дома они с мамой беседовали за огромным столом. Она всегда ждала его возвращения. Иногда уезжали куда-то вместе.

Помню сборы на праздничные приёмы. Отец, как военный человек, собирался быстро, мундир в орденах, начищенные парадные сапоги, фуражка в руке, а мама, хотя и шустрая по натуре, ещё прихорашивалась и в последнюю минуту спешила подкрасить губы и подушиться духами “Каменный цветок”, привезёнными папой из Москвы. Коробочка, которая так симпатично раскрывалась, как малахитовый цветок, была моей вожделенной игрушкой, я уже знала сказку Бажова про малахитовую шкатулку.

Собираясь куда-либо с отцом, мама усаживала меня на диван с вязаными подушками — я и теперь храню их, хотя моя дочь Даша уговаривает их выбросить, — но это мой образ детства во Львове — уютный дом, диван, вязаные подушки и руки вокруг маминой шеи. А ещё один памятный образ — папа в военном мундире, который, приехав со службы, буквально взлетает на второй этаж особняка и бережно берёт на руки, носит, прижав к груди, долго-долго, всю ночь: я тяжело болела корью.

Когда я поправилась, папа сделал мне подарок: маленький медальон в форме сердца, внутри которого два овала для фотографий, а на крышке, как капелька крови, крохотный рубин. Теперь там хранятся две фотографии — моих молодых родителей.

Из Львова папа поехал в Москву на похороны Сталина, а вслед за ним засобирались и мы с мамой».

После смерти Сталина наступила новая эпоха.

В 1955 году Конева назначили главнокомандующим сухопутными войсками.

В том же году в Варшаве главы государств «социалистического лагеря» подписали военный союз «по обеспечению мира и безопасности в Европе». В союз стран — участниц Варшавского договора первоначально вошли: Албания, Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, СССР и Чехословакия. Это был ответ военному блоку НАТО на присоединение к нему Западной Германии.

Первым командующим Варшавского военного блока стал маршал Конев, он занимал эту должность до 1960 года. Штаб-квартира находилась в Москве. Одновременно за ним сохранялся пост первого заместителя министра обороны СССР. Министром был Жуков.

В 1956 году, когда в Венгрии вспыхнуло восстание, подавлять его направили Конева.

Это была, пожалуй, первая попытка оранжевой революции по сценарию из-за кулис. Новый президент США, бывший главнокомандующий экспедиционным корпусом союзнических

войск Дуайт Эйзенхауэр объявил краеугольным камнем своей внешней политики «освобождение всех захваченных народов». На выступлении перед студентами Колумбийского университета Эйзенхауэр заявил: «На Соединённые Штаты Америки возложена миссия руководства миром. Вашему поколению предоставлена замечательная возможность внести свой вклад в то, чтобы это руководство стало моральной, интеллектуальной и материальной моделью на вечные времена».

Насколько последовательны американцы в выполнении заветов своего 34-го президента, мы видим и теперь.

А тогда в западных штабах операция по захвату власти в Венгрии получила кодовое название «Фокус». Началась она с информационной атаки: тысячи воздушных шаров понесли в Венгрию миллионы листовок с призывом к неповиновению новым властям: «Долой коммунистов!» и так далее. Тот, кто планировал эту операцию и писал тексты листовок, хорошо понимал, что их слова лягут на благодатную почву: Венгрия была самым верным и последовательным союзником фашистской Германии во Второй мировой войне. Венгерские солдаты стреляли в наших воинов даже тогда, когда всё уже было кончено и сами немцы сдавались дивизиями. В каждой венгерской семье был погибший на Русском фронте, искалеченный русской пулей, обмороженный в русском поле под Сталинградом. Желающих снова пострелять в русских солдат, бросить в распахнутый люк «тридцатьчетверки» или бэтээра бутылку с горючей смесью было достаточно.

Венгерское восстание началось 23 октября 1956 года. Люди громили здания милиции, компартии, спецслужб. Убивали коммунистов и милиционеров. По степени жестокости, с которой борцы за свободу лишали жизни своих же соотечественников, а потом измывались над их телами, это напоминало Средневековье и немецкие концлагеря.

Западные газеты тотчас вышли с заголовками вроде этого: «С заходом солнца Венгерская Народная Республика перестанет существовать».

С заходом солнца в Будапешт вошли советские войска. Произошли столкновения. Были убиты советские военнослужащие. Войска открыли ответный огонь. Город заполыхал. 29 октября войска, наведя относительный порядок, получили приказ выйти из города. Но после того как танки покинули Будапешт, вновь начались массовые казни коммунистов. Уход войск создал у путчистов ощущение победы, и они начали тотальную зачистку сторонников советского режима.

И тогда в Венгрию вошёл Особый корпус под командованием маршала Конева. Началась операция «Вихрь».

Походу корпуса на Будапешт предшествовал Пленум ЦК КПСС, на котором возобладало мнение о радикальном решении венгерской проблемы. 31 октября, давая санкцию на проведение операции «Вихрь», Хрущёв сказал: «Если мы уйдём из Венгрии, это подбодрит американцев, англичан и французов, империалистов. Они поймут это как нашу слабость и будут наступать. Нас не поймёт наша партия. К Египту тогда прибавим Венгрию. Выбора у нас другого нет».

Напомню о сложности ситуации: в это время на Ближнем Востоке шла война (Суэцкая, Синайская или, как её ещё называли, Вторая арабо-израильская) между Египтом и Израилем. Израиль в союзе с Англией и Францией воевал с Египтом за Суэцкий канал и прилегающие к нему территории.

Советский Союз поддерживал египетскую армию. Из арсеналов стран Варшавского договора через Чехословакию в Египет переправлялось новейшее вооружение: реактивные истребители МиГ-15бис и МиГ-17Ф, бомбардировщики Ил-28, танки Т-34. События в районе Суэцкого канала развивались с переменным успехом.

Четвёртого ноября 1956 года 38-я общевойсковая армия и 8-я механизированная армия, усиленные десантными дивизиями и артиллерийскими частями, поставили точку в венгерских беспорядках (или восстании, как вам угодно).

Это была полномасштабная армейская операция. С точки зрения военной Конев провёл её блестяще. Войска были разделены на три ударные группировки. Всем им были даны указания: войти в Будапешт и захватить особо важные объекты. И войска вошли, ломая незначительное сопротивление вооружённых путчистов.

Некоторые историки и публицисты причисляют маршала к списку душителей свободы. Но если вглядеться в историю пристальней и попытаться понять, что именно так, после воздушных шаров и разноцветных ленточек, начинаются гражданские войны, то можно утверждать обратное: Конев силой Особого корпуса предотвратил гражданскую войну в Венгрии. И она, получив многие свободы, стала, по шутливому, но точному определению одного политика-острослова «самым весёлым бараком соцлагеря». Не зря в прежние времена самыми дорогими турпутевками в соцстраны были путёвки именно в Венгрию — оттуда можно было больше привезти.

Советские войска за два захода, если верить некоторым данным, потеряли в 1956 году в Венгрии 669 человек убитыми, 1540 ранеными и 51 пропавшим без вести.

После венгерского похода в Москве состоялась закрытая

партконференция, на которой был заслушан отчёт Конева. Он отчитывался не только как командир Особого корпуса, но и как заместитель министра обороны СССР. Доклад был выдержан в мажорных тонах, что вполне соответствовало действительности. Подразделения проявили высокую дисциплинированность, выдержку, боевую выучку. Конев вновь видел перед собой армию-победительницу. Хотя в экипажах танков, в орудийных расчётах и в батальонах служили уже солдаты 1934—1936 годов рождения.

Доклад был принят более чем сдержанно.

Пока заместитель министра воевал, над министром вновь сгустились тучи.

Впереди был Пленум ЦК 1957 года и злополучная статья в «Правде».

Многое бы наш герой отдал за то, чтобы вычистить этот эпизод из своей биографии. Об этом свидетельствуют факты, в том числе рассказы близких. Но — что было, то было…

С новым первым секретарём ЦК КПСС Н.С. Хрущёвым у Конева отношения не сложились. Причиной тому могли быть не очень приязненные взаимоотношения командующего войсками 1-го Украинского фронта маршала Конева и члена Военного совета фронта генерал-лейтенанта Хрущёва.

Однажды летом 1944 года в разгар Львовско-Сандомирской операции, когда немцы опасно контратаковали и необходимо было срочно выправлять положение, Никита Сергеевич со свойственной ему энергией попытался взять бразды правления, а точнее, управления войсками в свои руки. На что тут же получил пренебрежительную реплику маршала: «Не мешайте, Никита Сергеевич, сами разберёмся!» Сказано это было вежливо, но жёстко.

Хрущёв запомнил.

После шумной отставки Жукова министром обороны Хрущёв назначил преданного Р.Я. Малиновского.

Хрущёв сокращал армию, увольнял в отставку боевых офицеров, руками своего военного министра расформировывал воинские части. Конев протестовал. Настаивал на том, что нельзя огульно сокращать общевойсковые части, что не всегда и не везде человека с винтовкой может заменить техника и новое вооружение, что грядущие войны не обязательно будут ядерными. Однажды, во время очередного спора по поводу будущего вооружённых сил, Конев твёрдо занял свою позицию и не уступал ни Малиновскому, ни Хрущёву. Согласие же Конева было необходимо, первый заместитель должен был поставить свою подпись под неким важнейшим документом. Маршал подпись ставить не хотел. Кто знает, возможно, он вспомнил историю

трёхлетней давности, когда в угоду Хрущёву проявил слабость и поставил подпись под заготовленной статьёй. Видя, что Конева на этот раз не взять, Хрущёв начал нервничать, сыпать угрозами, махать кулаками: «Я тебя поставлю на колени!»

Эту фразу маршал запомнил на всю жизнь. Возможно, именно тогда он понял, что надо уходить.

Но перед окончательным уходом из войск в «райскую группу», как в министерстве называли Группу генеральных инспекторов, выполнил ещё одно задание партии. А вернее — Хрущёва. Потому что тот, посмотрев по сторонам, вдруг не обнаружил рядом никого, кто мог бы решить берлинскую проблему оперативно и решительно.

Хрущёв всё больше и больше окружал себя подхалимами и людьми во всех смыслах удобными. Но когда нужно было выполнить серьёзное и ответственное задание, исполнителя выдёргивал из шеренги непокладистых и непокорных, которых придерживал в сторонке.

Летом 1961 года в Берлине разразился кризис. Послевоенная жизнь налаживалась. В западной оккупационной зоне, которую контролировали американцы, социальные проблемы решались более энергично. И берлинцы потянулись туда. Миграционные процессы стали угрожающими, народ уходил на запад. К осени 1961 года из ГДР ушло на Запад два миллиона человек. Кроме всего прочего, берлинский сектор стал шпионским гнездом для спецслужб вчерашних союзников, а ныне противостоящих сторон. Из этого уютного и благоустроенного гнезда птенцы ГРУ, «штази», ЦРУ и КГБ свободно разлетались во все стороны. В Берлине заработали западные радиостанции, свободно вещавшие на восточный сектор Германии. Начались эксцессы на пограничных КПП.

Войны, как известно, начинаются после мелких конфликтов. Но когда бензин разлит, достаточно одной спички или щелчка зажигалки. О последней мы ещё поговорим…

А в Берлине произошло следующее. На КПП пограничники ГДР не пропустили группу американских солдат в восточный сектор на экскурсию. Те возмутились, доложили начальству. Дело в том, что восточный и западный секторы были открыты для въезда и выезда представителей армий, контролирующих эти зоны ответственности. Запрет касался только жителей двух Германий. Американцы, возмущённые запретом вопреки существовавшим договорённостям, вывели на Фридрихштрассе десять танков. Через несколько минут десять советских танков рычали моторами, выстраиваясь в затылок друг другу со стороны Восточного Берлина на той же Фридрихштрассе. Их разделяли сто

шагов и хлипкая будка КПП с перепуганными часовыми обеих армий. Танки стояли «дуло в дуло». В «чемоданах» лежал полный боекомплект. Экипажи не покидали боевых машин. Бензин был разлит с обеих сторон…

Москва торжественно чествовала своего космонавта № 2. Герман Титов только что вернулся из полёта. В Кремле Хрущёв устраивал пышный приём. На торжество пригласили и Конева. И неспроста.

Когда закончилась официальная часть приёма, Хрущёв подошёл к Коневу и заговорил о сложной ситуации, возникшей в Берлине. Конев понял, что в нём вновь нуждаются. Ещё бы, американскими войсками в Берлине командовал генерал Кларк. Конев с ним был хорошо знаком, успешно сотрудничал, находясь в Вене в 1946-м. Другого такого маршала или генерала, на сто процентов соответствующего сложившимся обстоятельствам, у Хрущёва не было. Конева же американцы знали по Эльбе, Вене. Он у них из-под носа выхватил Прагу. Словом, лучшей кандидатуры не найти.

— Нужно сделать ход конём, — каламбурил Хрущёв. Конев молчал. Ждал.

— Так что, Иван Степанович, собирайтесь, надо лететь в Берлин.

— Когда нужно ехать? — спросил Конев.

— Как можно быстрее. Либо сегодня вечером, либо завтра утром.

Накануне этого разговора состоялась беседа Хрущёва с первым секретарём СЕПГ и руководителем ГДР Вальтером Ульбрихтом. Тот рассказал о тяжёлой обстановке, сложившейся в Берлине, сгустил краски, чтобы подвигнуть Москву к более радикальным действиям на Западе. Ульбрихт хорошо понимал, что именно теперь, когда атмосфера настолько накалена, можно закрыть своим соотечественникам дорогу на Запад. Затем он сообщил о последних разведдонесениях «штази»: в Бонне готовят восстание в ГДР. Хрущёв испугался. Только этого не хватало. Германия — не Венгрия, а Берлин — не Будапешт…

— Надо прекратить эти переходы, — сказал Хрущёв. — Мы даём вам две недели, чтобы подготовиться в политическом и экономическом плане.

— Есть улицы, одна сторона которых относится к ГДР, а другая уходит в Западный Берлин. Мы замуруем ходы, где можно так, по-чёрному, перейти, — заверил его Ульбрихт.

Хрущёв кивнул:

— Я вижу, мы правильно понимаем друг друга в этих вопросах.

Решать берлинские *вопросы* послали старого солдата Конева. Берлин его помнил хорошо, во всех смыслах. Ещё не все дома, продырявленные его гаубицами Б-4, были отремонтированы.

Конев по-солдатски ответил: «Есть» и прямо из Кремля уехал на аэродром. Там его ждал личный самолёт Хрущёва.

Перед отъездом позвонил домой и сказал жене, что срочно вылетает в Германию и что за вещами заедет адъютант.

На следующий день Конев встретился с главнокомандующим сухопутными войсками США в Европе генералом Кларком. Узнав о приезде Конева в Берлин, Кларк понял, что перед этим маршалом демонстрировать манёвры своих танковых частей бессмысленно. Один раз русские под командованием этого маршала Берлин уже брали…

Переговоры увенчались успехом. Танки, выстроившиеся на Фридрихштрассе, сделали разворот на 180 градусов и ушли в ангары.

Но на этом миссия маршала в Берлине не закончилась. В ночь с 12 на 13 августа 1961 года на линии соприкосновения на берлинских улицах и площадях, рассекая их на две половины, появилась сплошная стена — деревянные щиты с колючей проволокой вверху. В пределах города длина стены составляла 32 километра и 500 метров. Так появилась знаменитая Берлинская стена. Вначале она была деревянно-щитовой. Бетонные блоки появились позже.

Чтобы утром жители Западного Берлина и американские солдаты, обнаружив на улицах деревянно-проволочные заграждения, не снесли их, Конев отдал приказ: 20-й армии, дислоцированной в окрестностях Берлина, — полная боевая готовность; на линии соприкосновения от стены и в глубину оборону занять в три эшелона. Первый эшелон составляли пограничники ГДР и боевые дружины рабочих, второй — подразделения национальной армии ГДР, третий — части 20-й армии.

Впоследствии маршал, вспоминая Берлин 1961-го, говорил, что обстановка была настолько накалена, что «если бы кто-нибудь случайно пальнул из пушки, могла бы начаться новая война».

Стену строили добровольцы из боевых рабочих дружин и рабочие из Болгарии.

Конева назначили главнокомандующим Объединёнными вооружёнными силами стран—участниц Варшавского договора.

Жил он в служебном особняке в Вюнсдорфе в нескольких километрах от Берлина. Семью к себе не вызывал. Опасался. Но потом, когда всё более или менее утихло, к нему приехала Антонина Васильевна. Дочь осталась учиться в Москве. Но на

зимние каникулы прилетела к родителям. Особняк в Вюнсдорфе ожил и наполнился счастьем.

Год пролетел быстро. Бетонную стену в Берлине и окрестностях опутали колючей проволокой. Кое-где даже устроили контрольно-следовые полосы. Дело было сделано. И Конева отозвали в Москву.

Когда маршал покидал Берлин, генерал Кларк прислал ему личный подарок: настольную зажигалку фирмы «Ронсон» в деревянном корпусе с дарственной надписью. Подарок имел свой подтекст. Во-первых, Конев был страстным курильщиком. Во-вторых, никто из них не бросил спичку, не чиркнул зажигалкой, хотя бензин был уже разлит…

В Москве его ждала «райская группа», общественная работа, военно-спортивные игры школьников, походы с молодёжью по местам боевой славы, работа над мемуарами, которую он постоянно откладывал.

Ему было шестьдесят пять. Ещё послужил бы. Но родина больше не призывала.

Глава тридцать восьмая. МЕМУАРЫ

Наталия Ивановна Конева в интервью еженедельнику «Собеседник» в июне 2006 года сказала: «Однажды Симонов предложил ему написать к 20-летию Победы книгу мемуаров. Сначала отец отказался: “Я не писатель, я солдат”. Но Симонов был настойчив, предложил надиктовать воспоминания, распечатать текст и сделать правку. В итоге Конев согласился. Мемуары опубликовал “Новый мир” Твардовского, которого он чрезвычайно уважал. Потом мемуары вышли отдельной книгой — “Сорок пятый”. Там были и воспоминания о юности».

С Александром Трифоновичем Твардовским у Конева завязалась дружба. Когда поэт узнал, что маршал, тогда ещё генерал-лейтенант, воевал на его родной Смоленщине, под Ярцевом и Духовщиной, он проникся к нему огромным уважением. А Конев любил «Василия Тёркина» Твардовского. С некоторых пор в его кабинете на даче в Архангельском появилась вышитая шёлком копия с картины Непринцева «Отдых после боя»: боец-весельчак на привале в лесу что-то азартно «заливает» своим боевым товарищам, и те в восторге…. Твардовский присылал Коневу свои новые книги. В одной из них, в очередном издании «Книги про бойца», сделал такую надпись: «Прославленному полководцу, национальному герою Родины с признательностью за доброе слове об этой книге». Наталия Ивановна рассказала, что до сих пор в книге лежит закладка, оставленная отцом. Заложил старый артиллерист страницу, где Василий Тёркин размышлял об артиллерии:

Не расскажешь, не опишешь,
Что за жизнь, когда в бою
За чужим огнём расслышишь
Артиллерию свою.

У нас в стране многое делается к датам, юбилеям. Именно к круглой дате — 20-летию Победы — Конев надиктовал на магнитофон Симонова первую книгу своих мемуаров. И эта книга, конечно же, была посвящена победному периоду Великой Отечественной войны, завершающему — Берлинской операции и тому, что ей предшествовало. Штурм Берлина до сих пор в сознании наших соотечественников является своего рода

апофеозом войны. И только потом появились «Записки командующего фронтом». Но — без 1941-го и 1942-го.

Однако в 1991 году в новом издании «Записок…» были опубликованы воспоминания, надиктованные Коневым для Гостелерадио в 1972 году. В новое издание они вошли отдельным разделом под названием «В Смоленском сражении». Они охватывают период с января по сентябрь 1941 года, когда Конев формировал 19-ю армию и командовал ею под Витебском, Смоленском, Ярцевом и Духовщиной. Вспоминая июль—август 1941-го, маршал сказал: «В эти дни наши войска дрались буквально за каждую выгодную позицию».

Конева любили писатели. Часто бывали у него в гостях. Потому что и он любил писателей. Засиживался с ними допоздна. Он был благодарен своей родине, своему роду и книгам. Родина вырастила его, вскормила, дала начальное образование. А книги, чтение, общение с мудростью веков, историей воспитывали душу, укрепляли её.

Борис Полевой все четыре года войны вёл дневники. Записывал все свои поездки на фронт, впечатления, беседы с людьми, рядовыми бойцами и командирами. На основе этих бесед и родилась его послевоенная повесть о маршале Коневе. Хотя композиционно она выстроена так.

В декабре 1941-го войска Калининского фронта освобождают родной город писателя Калинин. Полевой едет в командировку, встречается с командующим войсками фронта генерал-полковником Коневым. Предлагает генералу написать о нём книгу. Тот отказывается, откладывает на будущее, «когда Красная Армия Берлин возьмёт». И вот Берлин пал. Писатель разыскивает своего героя в замке в Южной Саксонии, где разместился его штаб. Теперь он маршал, командующий войсками 1-го Украинского фронта. И — началась беседа. Маршал частично рассказывает о себе. Частично повествование ведётся от автора. В самом начале повести рассказ о том, как писалась корреспонденция об освобождении Калинина. И этот рассказ раскрывает, как мне думается, тот метод, которым и было создано то, что сейчас мы называем мемуарами маршала Конева.

Полевой долго не мог попасть к командующему фронтом. Генерал был занят. Наконец член Военного совета фронта корпусной комиссар Д.С. Леонов сказал, что генерал назначил беседу на 4 часа утра. И Полевой, опасаясь, что и эта встреча может не состояться или быть очень короткой, и он, как корреспондент, прибывший за материалом для свежего номера, снова останется ни с чем, предложил, как это часто практиковалось, «сделать предварительную заготовку, проект

статьи».

— Никаких проектов и заготовок, если не хотите, чтобы он выставил вас вон, — предупредил член Военного совета. — С одним из ваших коллег, пожелавшим таким образом «облегчить» труд автора, такое уже случилось. От вас требуется только приготовить бумагу и очинить карандаш — диктовать будет. Он, между прочим, хорошо диктует.

Точно так же Конев диктовал и свои приказы. Конечно, в штабе их обрабатывали. Но основу он надиктовывал сразу.

Отличие мемуаров Конева от мемуаров, к примеру, Рокоссовского в том, что Константин Константинович писал их сам. Что-то затем, из черновиков, убрал внутренний редактор мемуариста, а что-то товарищи из других инстанций, где рукопись, прежде чем пойти в печать, визировалась. Но для таких рукописей, где многое остаётся в черновиках и среди купюр цензоров, наступают другие времена, когда утраченное можно восстановить. После Симонова восстанавливать мог бы сам Конев. Но теперь это невозможно.

Правда, Конев оставил богатейший архив. Различные записи, конспекты, письма. Архив бережно хранит дочь маршала. И год за годом кропотливо разбирает его. Кое-что публикует.

Наталия Ивановна рассказала, что в последние годы Конев не выпускал из рук книгу мемуаров Манштейна «Утерянные победы». Он читал её и перечитывал, словно снова и снова переживая ту войну, операции, в ходе которых пытался загнать фельдмаршала и его танковые дивизии и корпуса в ловушку. Мгновенно определял, где немец недоговаривал и почему. В «Сорок пятом» и «Записках…» он время от времени цитирует своего бывшего неприятеля.

Книгу Манштейна «Утерянные победы» у нас в России сейчас издают часто. В год — несколько изданий. Недавно выпустили дорогой фолиант альбомного типа, насыщенный фотографиями, особенно немецкими. А того, кто бил его, от Белгорода и дальше, до Румынии, — ни одного нового издания. Что социализм наиздавал, то и хранится в библиотеках.

Такова степень нашего патриотизма и нашей гражданственности.

«Записки командующего фронтом» написаны всё же комиссаром. Всё в них имеет оттенок партийно-государственного понимания и осознания событий, о которых идёт речь. Они академичны, а потому порой скучноваты. Понятно, что над ними поработало ещё и Главное политуправление, что, видимо, ещё сильнее, с одной стороны, выхолостило рукопись, а с другой — перегрузило её правильными идеологическими выводами.

Удивительное дело, в «Записках…» Конев очень подробен. Говорят, это раздражало некоторых читателей из его окружения. Даже те, кто воевал рядом с ним, командовал армиями и корпусами, замечали: мол, слишком много места уделено деталям, трудно читать, теряешься в подробностях и мелочах…

Для него на войне не было мелочей. Бой состоял именно из частностей. Расстановка сил, стремительный манёвр…

Читая «Записки…» и «Сорок пятый», невольно замечаешь, что главы, посвященные подготовке к операциям, зачастую более пространные, чем описание собственно операции. Именно так было заведено в его манере воевать: подготовка к операции требовала не меньших усилий, чем её проведение. Этого он требовал и от своего штаба, от командармов и их штабов, от командиров корпусов, дивизий и бригад.

Мемуары Конева написаны хорошо. Особенно «Сорок пятый». Иногда, явно увлекаясь, автор уходит в теорию. Но можно себе представить, какие картины перед ним развёртывались, когда он надиктовывал, к примеру, такие монологи:

«Прорыв — искусство, а не просто результат арифметических выкладок. Из опыта войны мы знаем немало примеров, как иногда трудно удавался прорыв. Как правило, основным содержанием оперативного прорыва были разгром главных сил противника в тактической зоне и создание условий для ввода в прорыв подвижных сил — танковых армий или вторых эшелонов фронта…»

Когда была закончена работа над второй книгой мемуаров, Конев задумался: как командующий фронтом, он постоянно связывался не только со Ставкой, но и лично со Сталиным, и многие решения и действия его войск были результатом этих совместных консультаций. И он пришёл к выводу, что нужна отдельная глава о Сталине. Ему хотелось подробнее рассказать о Верховном, о непростых взаимоотношениях с ним, о его достоинствах и недостатках, как видел их он, командующий войсками фронта. Посовещался с редактором, с боевыми товарищами генералами Жадовым и Покрышкиным. Пришли к выводу, что публикация такой главы невозможна без согласования с ЦК. Написал записку с просьбой — разрешить. Вскоре из ЦК позвонили: «Пока подождите, Иван Степанович. Не время…»

Оно, время полной правды, так и не наступило…

* * *

С окончанием строительства своего дома в Архангельском в дачном посёлке на берегу речушки Вороний Брод, Конев наконец-то обрёл пристанище, где мог, после всех битв и тревог, сесть у окна и просто смотреть в сад, посаженный своими руками. Дом он построил в 1947-м, а в 1962-м, после строительства Берлинской стены, поселился здесь с семьёй уже основательно.

Там же, в окрестностях Архангельского, жили многие маршалы и генералы. Семьи Москаленко, Жадовых, Рокоссовских, Говоровых.

В Архангельском с некоторых пор стал часто бывать Константин Симонов. Жил он в доме Жадовых. Константин Михайлович был женат на дочери Алексея Семёновича Жадова Ларисе, с которой познакомился в 1956 году. Это был его третий брак, последний. Лариса Алексеевна вышла за Симонова вторым браком. Первый муж, поэт Семён Гудзенко, от которого у неё была дочь, умер.

Симонов стал навещать Конева. В те годы он был увлечён записями фронтовиков. Симонов записывал на диктофон рассказы маршала. Рассказчиком, как мы знаем, он был великолепным. Память и ясность ума сохранил до последних дней.

Многие из записей впоследствии вошли в книгу Симонова «Глазами человека моего поколения». Взаимоотношения со Сталиным. Их встречи и разговоры. Именно после бесед с Коневым Симонов, размышляя на тему «Сталин и война», напишет: «По отношению к командующим фронтами Сталин был не только руководитель государства, партии, то есть человек, в этой ипостаси своей находившийся на много ступеней от них, отделённый от них целой иерархией — партийной, государственной. В должности главнокомандующего Сталин был их непосредственным начальником. Это были его прямые подчинённые. И это отражалось на его отношении к ним. Это было временно, на время войны, его собственное ведомство. Его люди, его подчинённые, его самые близкие, непосредственные подчинённые.

В каком-то смысле между ним и этими подчинёнными были посредники в качестве представителя Ставки, или заместителя главнокомандующего, или начальника Генерального штаба, но это в одних случаях было, а в других не было. Во многих случаях никакого средостения не было. Был командующий фронтом и над ним Сталин. Сталин и под ним командующий фронтом.

Главнокомандование во время войны для него было новым видом деятельности, и успехи в этом новом виде деятельности, так же как и неудачи, были для него особенно чувствительны. И

он гордился своими успехами в этом новом для него виде деятельности и гордился успехами своих подчинённых. Прямых подчинённых, людей, с которыми он повседневно имел дело.

Вот, между прочим, секрет того положения, которое по отношению к командующим занимали члены военных советов. Сталин в конфликтах, возникавших в этих случаях, чаще становился на сторону командующих. Эти четырнадцать или пятнадцать человек были его непосредственные подчинённые как Верховного главнокомандующего».

Наталия Ивановна Конева рассказывает, что в те дни Симонов ходил к ним как на работу. Коневу перед этим кто-то из его боевых друзей подарил диктофон — по тем временам вещь редкую и дорогую. Конев вёл параллельную запись. Теперь эти плёнки хранятся у дочери.

В книгу «Глазами человека моего поколения» «Беседы с маршалом Коневым» вошли отдельной главой.

Иногда маршал и писатель просто рыбачили. Варили уху. Иногда подолгу разговаривали о какой-нибудь прочитанной книге.

Конев много читал. Всю войну возил по фронтам несколько любимых книг: «Науку побеждать» Суворова, «Войну и мир» Толстого, том Пушкина. «Полтаву» знал наизусть. Любил читать какие-то куски из неё.

Симонов, по-корреспондентски скрупулёзно, переносил записанное на плёнку на бумагу, комментировал монологи маршала своими размышлениями и наблюдениями. «Коневский» раздел в книге Симонова «Глазами человека моего поколения» один из самых сильных.

Что влекло Симонова к Коневу? Только ли «богатый военный опыт» маршала? Конечно, и это. В Иване Степановиче Коневе было то человеческое обаяние и колорит сильной личности, которая не потеряла себя даже тогда, когда всё, казалось, прожито и оставлено в прошлом.

Симонов умел видеть человека глубоко. И Конев умел видеть глубоко и быть откровенным, когда от тебя ждут откровения.

Глава тридцать девятая. СИРЕНЬ МАРШАЛА КОНЕВА

Однажды, когда Коневы жили ещё в московской квартире в доме на улице Грановского, Ивану Степановичу в день рождения маршал Рокоссовский преподнёс удивительный подарок, которым всё семейство Коневых потом любовалось каждую весну, — куст белой сирени. Раздался звонок, открыли, а на пороге высокая фигура Рокоссовского с саженцем в кадке. За окнами зима, мороз, снег искрится, а улыбающийся Рокоссовский стоит в дверях с кустом живой цветущей сирени…

Сирень весной высадили в саду в Архангельском.

Сад в Архангельском — это последнее, после мемуаров, творение маршала Конева. Сажать сад ему помогал тесть Василий Петрович Петров.

Яблони привезли из Мичуринска, самые лучшие сорта — Антоновку, Пепин шафранный, Штрифель. Сажали со знанием дела и с любовью. А потому яблони заплодоносили очень скоро.

Каждую новую весну Иван Степанович встречал с восторгом и благодарностью. На праздник Победы всегда куда-нибудь уезжал — приглашали. После встреч с боевыми товарищами возвращался в своё цветущее царство, подолгу ходил по саду, рассматривал плодовые деревья, любовался сиренью. Мир, который он сотворил по зову своего крестьянского, мужицкого начала и который теперь цвёл, благоухал и плодоносил, существовал уже сам по себе, и его творец был счастлив чувствовать себя частью этого мира. Французского лётчика и писателя Антуана де Сент-Экзюпери спросили однажды: «Кем бы вы хотели стать, если бы не были писателем?» — «Садовником», — не задумываясь ответил он. Так вот, должно быть, и Конев ответил бы так же, когда на склоне лет занялся садом и погрузил руки в землю.

Сирень на даче Коневых цвела так, как не цвела, кажется, нигде в округе. Её здесь было множество сортов. И множество расцветок. Белая, нежно-сиреневая с небесно-голубым отливом, сиренево-фиолетовая, бордовая, тёмная, как майские сумерки. Она здесь не цвела, а бушевала. Как когда-то в мае 1945-го в освобождённой Праге…

После работы в саду Иван Степанович возвращался в кабинет, брал с полки книгу, открывал наугад:

Тёркин, Тёркин, в самом деле,
Час настал, войне отбой.

И как будто устарели
Тотчас оба мы с тобой…

Что ж, и устарели, и постарели. Как верно, насколько трогательно глубоко и беспощадно точно выразил поэт состояние солдата, который уже выбыл из строя и в котором уже не нуждается никто — ни командир, ни родина.

А ещё Иван Степанович любил слушать грампластинку с записью Фёдора Ивановича Шаляпина. Этот мощный бас был для него воплощением «русскости» и в то же время, как заметила Наталия Ивановна Конева, «какого-то надлома, душевного смятения, предопределённого драматическими поворотами нашей истории».

Как рассказывает дочь, стариком Конев никогда не выглядел. Даже когда тяжело заболел. Одет всегда был опрятно. В сад, собираясь работать, одевался, как на прогулку.

Не потерял и свою врождённую осанку. Правда, немного раздобрел.

У него был прекрасный садовый инструмент, подаренный к 60-летию кем-то из фронтовых товарищей. Ходил, осматривал деревья и кустарники, делал необходимую обрезку, удаляя сухие и больные ветки. Ухаживал за картошкой.

Сад, его запахи и звуки в тишине, должно быть, принесли в уходящую жизнь этого человека то, что он оставил, потерял в погоне за другим ещё в юности, когда уехал из Никольска, когда сбежал от тяжких комиссарских обязанностей на неведомую Гражданскую войну. Сад вернул ему ощущение родины.

Второй праздник в саду, второе торжество наступало осенью, в самом её начале, когда созревали яблоки.

Выбирали ясный, погожий день. Бывают такие дни в середине сентября, на исходе бабьего лета, когда всё пространство заполнено ясным прозрачным светом последнего тепла, когда струятся, поблескивая, невесомые паутины и хочется, чтобы такое состояние длилось долго-долго. Конев выносил плащ-палатку, расстилал её на лужайке. Приезжала старшая дочь Майя с мужем Василием и внучкой Аней. Невестка Ирина привозила другую внучку — Лену. Но особенно радовалась этому дню младшая — Наташа. Антонина Васильевна выходила с корзиной. И начинался сбор плодов.

Кто хотя бы раз участвовал в сборе яблок, кто пережил эти сдержанные, но глубокие эмоции от ощущения полноты жизни, наполненной созревшими плодами, тот поймёт радость моих героев.

Яблоки ссыпали на офицерскую плащ-палатку Как вспоминает Наталия Ивановна, «это была мозаика — зелёная, с жёлтым отливом Антоновка, ярко-малиновый Пепин шафранный, розово-полосатый Штрифель…»

День сбора плодов был для Конева и днём сбора семьи, и днём радости от общения с детьми и внучками. Сторонник и ревнитель семейного консерватизма и домостроя, он любил, когда за большим столом собиралась вся семья. В такие дни на радостях мог позволить себе рюмочку-другую.

Часто в своём кабинете засиживался со старшей дочерью Майей.

Майя с успехом окончила МГУ, переводила польских писателей на русский язык, была великолепным стилистом и специалистом по польской литературе. Конев, страстный книгочей, частенько получал из ЦК книги по закрытому «спецсписку». Каждую очередную связку «запрещённых» книг, как правило, первой перебирала Майя. Но иногда приносила такую же связку книг отцу Она общалась с людьми из диссидентствующей и полудиссидентствующей среды. 1960-е годы — время вольных ветров в советском обществе. Конев, прекрасно понимавший, что происходит в стране и мире, видел, что эти ветра всерьёз захватили старшую дочь. Не всегда и не во всём разделяя её увлечение и взгляды, он всё же относился к этому терпимо.

Майя какое-то время жила с первым мужем в Америке. Вернулась усталая. Первый её брак распался. Во втором браке была счастлива. Ей муж Василий Архипов был заместителем Главного конструктора КБ Микояна.

Так получилось, что старшие дети разделились: сын, Гелий, больше тянулся к матери. Майя была привязана к отцу.

Однажды Майя принесла очередную «связку»: книгу Н.А. Соколова «Убийство царской семьи», роман «Доктор Живаго» Б. Пастернака, «В круге первом» А.И. Солженицына.

Конев книги прочитал. К их содержанию и позиции авторов отнёсся по-разному. Книга Соколова ему понравилась. К «Доктору Живаго» он отнёсся нейтрально. Стиль романа ему не понравился, а идея показалась неясной, рыхлой и слишком глубоко запрятанной, чтобы зажечь читателя. По этому поводу он процитировал Майе своего любимого Льва Толстого:

— Ясность — удовольствие ума! А здесь этого нет.

«А вот по поводу Солженицына, — вспоминает Наталия Ивановна, — у них с Майей были страшные споры, которые заканчивались на повышенных тонах».

Надо полагать, что разговор о Солженицыне был не

единичным эпизодом интеллектуальных бесед отца и дочери.

Младшая Наташа, в то время школьница, 11-классница, старалась не пропустить разговоров отца и старшей сестры о литературе, о прочитанных книгах. Она уже полюбила мир книг и мечтала связать будущее с языком и литературой.

Так и случится. Отец ей желал медицинского поприща. А она ушла в любимую с детства русскую словесность. Надо заметить, что, как это часто происходит в крепких здоровых семьях, на младшую большое влияние оказала старшая сестра.

— Я благодарна сестре за то, — рассказывала Наталия Ивановна, — что она помогла мне полюбить поэзию, воспринимаемую тогда моими ровесниками очень остро, поскольку в литературу вошло новое поколение, оценивавшее в поэтической форме свою эпоху, нередко с критической точки зрения. Они делали это талантливо, экспрессивно и публично — на поэтические вечера Рождественского, Евтушенко, Ахмадулиной в Политехническом музее собиралась масса народа. Сестра Майя сумела научить меня радоваться слову, «вкусности» фразы. Ей очень хотелось, чтобы я смогла почувствовать, какой талантливый, не ходульный, не агитпроповский поэт Маяковский, которого мы «проходили» в школе. Был извлечен из папиной библиотеки редкий однотомник Маяковского. Майя помнила наизусть многие строчки из «Живаго»: «Свеча горела на столе, свеча горела». После этого мне захотелось прочитать и весь роман. Но главной книгой, с которой нам всем удалось познакомиться в иностранном издании, было «Собачье сердце» Булгакова. Меня, школьницу 11-го класса, книга потрясла. С отцом мы её не обсуждали, мне показалось, что он не хотел делиться со мной возникшими после её прочтения мыслями, но ни спорить, ни возмущаться не стал».

В это время Конев, конечно не без участия дочерей, начал собирать новую библиотеку. Первая его библиотека, собранная в 1920-е и 1930-е годы, осталась в оккупированном Ростове. После войны он пытался наводить справки, но поиски никаких результатов не дали. Библиотека пропала. То ли сгорела, то ли растащили.

Для нового собрания Конев приобретал то, что любил или что хотел прочитать в прежние годы, но не мог по разным причинам. А теперь, наконец, настала пора сбора урожая. Можно было позволить себе несколько часов кряду, а то и день напролёт просидеть за книгой.

В библиотеке было много книг из академической серии «Литературные памятники». Конев всегда ценил основательность. Часто делал на полях пометки карандашом, словно намеревался к

этой мысли ещё вернуться. Выписывал и читал военно-технические и военно-исторические журналы, периодику. В доме всегда были свежие «толстые» литературно-художественные журналы: «Новый мир», «Иностранная литература», «Октябрь». Любил листать «Рыболов-спортсмен», «Здоровье», «Огонёк».

Конечно же, политика, интерес к тому, что происходит в мире, в стране, в Кремле и на Старой площади, не оставляли его. И с некоторых пор он пристрастился слушать «голоса». Наталия Ивановна рассказывает, что отец включал свой старый ламповый радиоприёмник «Сименс» и слушал новости по «Голосу Америки», «Радио “Свобода”», «Би-би-си», иногда по «Немецкой волне».

Сын Гелий жил своей жизнью. По выходным он тоже приезжал на дачу в Архангельское. Высокий, стройный, своей мужской статью словно повторявший юность отца, он женился на такой же красавице из ансамбля народного танца под руководством Игоря Моисеева Ирине Алексеевне Чагодаевой. Окончил военное училище, стал офицером. Но с сыном была беда — пристрастился к спиртному. Друзья, весёлые компании.

Гелий оказался весьма одарённым человеком. После школы поступил в Военный институт на факультет иностранных языков, но не окончил его, перевёлся в Военно-дипломатическую академию Министерства обороны СССР. Учился на отлично, в совершенстве овладел английским и готовился к карьере военного атташе за рубежом. Но вскоре последовало указание — детей высокопоставленных чиновников и военных на работу за рубежом не брать. Гелий окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. Служил в ГРУ. Но артистическая натура, унаследованная от матери, выталкивала его из среды, подчинённой строжайшим правилам. Прекрасный музыкант, импровизатор, он не раз покорял своей виртуозной игрой на рояле Хачатуряна и Цфасмана. Цфасман приглашал его к себе в джаз-банд. Но — не судьба. А тут ещё одна неприятность: дело полковника ГРУ Олега Пеньковского, работавшего на британскую Ми-5 и ЦРУ. А с Пеньковским Гелий был хорошо знаком — учились вместе в академии, а потом служили в ГРУ. Осталась одна дорога — в войска. Вскоре он уже командовал полком в Печенге под Мурманском. Затем поступил в Академию Генерального штаба. Москва, старые забавы и снова — срыв. Отец, разозлённый его поведением, делал всё, чтобы сына загнали как можно дальше от Москвы. Гелий оказался в Нахичевани на должности заместителя командира стрелковой дивизии. Но пьянствовать не перестал. Из армии его комиссовали в начале 1970-х годов. Вернулся в Москву. Жил на пенсию, подрабатывал в какой-то конторе начальником отдела кадров. Несколько раз женился. Детей больше не было.

Продолжал пить. Сестру Майю, которую он очень любил, пережил всего на полгода.

Гелий женился на Ирине Алексеевне Чагодаевой в 1948 году. Развелись они в 1965-м. С разводом связана вот какая история.

Конев не знал о том, что с его сыном случилась «русская болезнь». Домашние и Анна Ефимовна скрывали от него всё, что было связано с запоями и «барством» Гелия. Правда открылась после того, как начался бракоразводный процесс. Сын приехал на дачу и объявил о разводе с Ириной. Отец вскипел, выгнал Гелия из дому и сказал, чтобы ни в отцовском доме, ни в Москве не появлялся до тех пор, пока он это не позволит. Так и произошло.

Но отцовское сердце отходчиво. Он дал Гелию ещё один шанс — сын поступил в Академию Генштаба…

Это была трагедия и сына, и отца. Гелию надо было идти на сцену, а не в казарму.

Жена Гелия, Ирина Алексеевна, урождённая Чагодаева, была из некогда известного и славного дворянского рода. Её отец князь Алексей Дмитриевич Чагодаев-Саканский был учредителем Царскосельского Аэроавтомобильного спортивного общества, страстным автомобилистом. Развивал автомобильное дело в России и видел в нём большие перспективы. Участник Первой мировой войны. Также, как и Конев, воевал в тяжёлом артиллерийском дивизионе. Награждён офицерским Георгиевским крестом 4-й степени за бой под Молодечно. После революции, стараясь затеряться, скрыть своё происхождение, перевёз семью из Петербурга в Москву. Будучи прекрасным специалистом-автомехаником, работал в автомобильном хозяйстве ВСНХ, затем на различных должностях на автозаводе им. Сталина. Но в 1937 году его арестовали и расстреляли как «врага народа» на Бутовском полигоне. В 1962 году реабилитировали.

Как рассказывает дочь Гелия и Ирины Елена Гелиевна Конева, «дед это знал, но никогда не говорил об этом». Только недавно, разбирая архив маршала, они нашли записи Конева о расстреле Алексея Дмитриевича Чагодаева. Сейчас это известная история.

Да, зная то время и те нравы, царившие в обществе, взять в свой дом дочь врага народа — это взвалить на свои плечи тяжёлый крест. Невестка Конева осталась сиротой — после расстрела отца мать прожила недолго, оставив пятерых детей, Ирина — младшая.

Она была очень талантлива. Танцевала с раннего детства, потом во Дворце пионеров, в группе своих сверстниц, а затем случилось чудо. Всю группу приняли в хореографическое

училище Большого театра по личному распоряжению Сталина. Училище Ирина окончила перед самой войной. Поступила в Государственный ансамбль народного танца. С ним выступала перед бойцами и в госпиталях на Дальнем Востоке и в Монголии. Получила Сталинскую премию 1-й степени — за концертную деятельность. Стала заслуженной артисткой РСФСР.

— Дед всегда очень гордился моей мамой, — рассказывает Елена Гелиевна. — Говорил, что она никогда не доставляла ему неприятных секунд, а только с честью несёт его фамилию по всему миру. До конца своих дней считал её невесткой, на своём 70-летии поднял за неё тост. Мама сидела рядом с Рокоссовским и его женой. Юля, жена Рокоссовского, сказала ей: «Ирочка, ведь вы уже не замужем за Геликом, почему он называет вас своей невесткой?» Мама ответила: «Значит, в наших с ним отношениях ничего не изменилось, а таким званием, как невестка Конева, я только горжусь. У них была какая-то особенная приязнь друг к другу». Как-то мы приехали в Москву с дачи… Дед маме позвонил, и они гуляли по бульвару, разговаривали. Дед ей рассказывал про свою жизнь, и, как я понимаю, не про победы на фронте, а о самом личном. Рассказывал очень откровенно, о чём редко говорят, особенно мужчины. Думаю, что, зная суперпорядочность моей матери, он понимал, что об этом никто никогда не узнает, и потому так был откровенен. Разговор, видимо, касался моей бабушки Анны Ефимовны. Ещё до свадьбы мама стала жить у Анны Ефимовны и дала деду обещание её не бросать. С бабушкой мы прожили до 1969 года. Хотя характер у бабушки был не сахар. Уехали мы от неё только тогда, когда Майе надо было помогать с дочерью Аней. В 1974 году мама вышла замуж за Игоря Александровича Моисеева — сейчас она его вдова, днями ей будет 87 лет. Она до сих пор работает в Государственном Академическом ансамбле народного танца имени И.А. Моисеева. Теперь она педагог-репетитор.

Дочь Гелия Ивановича и Ирины Алексеевны Елена Гелиевна окончила переводческий факультет Московского государственного педагогического института иностранных языков им. Мориса Тореза. Работала в Гостелерадио, затем старшим искусствоведом во Всесоюзном художественном комбинате им. Е. Вучетича Министерства культуры СССР Занималась проведением художественных выставок в Москве. В 1990-е годы работала с Ансамблем Моисеева, организовывала гастроли, объехала с коллективом полмира. Сейчас занимается проблемами Холокоста.

Карьера Майи сложилась благополучно. Прекрасная переводчица с польского, она открыла русскому читателю многих

польских писателей. Работая в издательстве «Иностранная литература», издавала Теодора Парницкого, Владислава Терлецкого, Яна Пиларжа. Перевела детективы Иоанны Хмелевской. В моей библиотеке есть старая книга — сборник «Современная польская повесть. 70-е годы». В ней три повести трёх польских писателей: Вацлава Билинского, Юлиана Кавальца, Владислава Терлецкого. Составитель — Майя Конева.

Круг её знакомств и дружеского общения, связанного, конечно же, с литературой, был очень широк: Анна Ахматова, вдова Михаила Булгакова Елена Сергеевна Булгакова, поэты Юрий Левитанский, Булат Окуджава, Давид Самойлов, литературовед Святослав Бэлза, которого мы сейчас больше знаем как телеведущего, писатели Фазиль Искандер, Виктор Ерофеев.

В те годы писательская молодёжь одного из направлений в советской литературе, которое жило и творило в атмосфере очарования Западом и его ценностями, часто собиралась в небольшом подмосковном городке Тарусе на Оке у К.Г. Паустовского. Вскоре именно здесь родился самый, пожалуй, известный литературный сборник XX века «Тарусские страницы». Почти все авторы сборника — друзья или хорошие знакомые Майи Коневой. Здесь, в Тарусе, в «диссидентском гнезде», жили тогда Александр Гинзбург, Иосиф Бродский, Лариса Богораз. Сюда приезжал больной и смертельно уставший от Колымы Варлам Шаламов. Здесь бывала вдова Осипа Мандельштама Надежда Яковлевна Мандельштам и ещё многие, многие…

Как рассказала дочь Майи Ивановны и Василия Анатольевича Архипова Анна Васильевна Конева, родители часто ездили на Оку, в Поленово, гостили у внука художника В.Д. Поленова Фёдора Дмитриевича. Перебирались и в Тарусу. Таруса от Поленова — через реку. В Тарусе останавливались у поэтов Музы Павловой и Владимира Бурича. Муза Павлова писала свои абсурдистские пьесы, которые никто не ставил, и переводила с польского современных поэтов. А Владимир Бурич писал прекрасные верлибры и тоже переводил — с польского и сербского. Переводы печатались в «Иностранной литературе».

В 1968 году разразился очередной кризис в нашем «социалистическом лагере», на этот раз в Чехословакии. В Прагу вошли советские танки. Конев хорошо знал, что это такое, по 1956 году, по Венгрии.

В эти дни он особенно внимательно читал газеты и слушал по своему «Сименсу», что передают в эфир «вражеские голоса». Советские газеты надо было читать между строк. К тому времени Коневу уже не присылали информационный бюллетень ТАСС, который курьерской почтой доставлялся ограниченному кругу

лиц. Кое-что он узнавал из общения с бывшими фронтовиками, кто ещё служил, занимал различные должности в Министерстве обороны СССР и в войсках. Благо Кирилл Семёнович Москаленко, заместитель министра обороны, жил по соседству.

Со всего Архангельского, как вспоминает Наталия Ивановна Конева, в гостеприимный дом Москаленко сходилась генеральская молодёжь «крутить кино». Молодёжь «крутила кино», а они, старики, запирались в кабинете и, под чаёк, разговаривали о том, что происходило на Западе, где они двадцать три года назад громили немецких генералов и фельдмаршалов.

Во время очередного приезда на дачу старшей дочери состоялся разговор и с ней. Майя с присущей ей прямотой назвала ввод войск в Чехословакию агрессией, защищала и оправдывала акцию на Красной площади, где семь человек вышли с плакатом «За вашу и нашу свободу!» и тут же были арестованы милицией и сотрудниками КГБ. Среди арестованных оказалась и Лариса Богораз, с которой у Майи были дружеские отношения. Тот разговор между отцом и дочерью снова окончился «на повышенных тонах». Но их родственных чувств он не затронул.

Антонина Васильевна в эти беседы не вмешивалась. Она относилась к Майе дружески тепло. Майя платила тем же.

Когда после войны Конев приехал в Москву с новой женой, он собрал за семейным столом своих старших детей, представил им Антонину Васильевну и сказал:

— Вот хозяйка, живите вместе с нами, я буду только рад, уважайте её. Если вас что-то не устраивает — уходите.

Майя осталась жить с отцом. Потом жила в родительской квартире с мужем.

Дочь Майи Ивановны и Василия Анатольевича Архипова Анна Васильевна окончила Военный институт по специальности «военный переводчик». До 1992 года служила в Центральной группе войск в Чехословакии. Сейчас — директор турагентства. Живёт, как и все Коневы, в Москве.

Коневу очень хотелось, чтобы кто-то из их, коневского, рода пошёл по военной стезе. С сыном ничего не вышло. И вот из Лодейно пришло письмо от сестры Марии: просила похлопотать за её сына, Александра, пристроить его в Суворовское училище. Иван Степанович задумался. Посоветовавшись с домашними, отписал сестре: «Маша, не надо портить парню детство, пусть растёт дома, запомнит родительскую ласку, семейную жизнь с братьями и сестрой. Окончит десятилетку, а там посмотрим».

Посмотрел на вложенную в конверт фотокарточку племянника. И будто его русоволосое и светлоглазое детство

оглянулось на него издалека. Вспомнилось сиротство. Без отца тяжело, а без матери…

Когда племянник окончил школу, Конев помог ему подготовиться к экзаменам в Академию бронетанковых войск. Александр учился прилежно, с огромным желанием стать офицером. Успешно окончил инженерно-танковый факультет и лейтенантом отправился служить в войска. Прошли годы. Служил и в Афганистане, и в Группе советских войск в Германии. В запас вышел в звании генерал-лейтенанта.

Генерал Александр Головкин с благодарностью вспоминает своего дядю:

— Когда я получил лейтенантские погоны и первое назначение, дядя мне сказал: «Ты только начинаешь службу, всё у тебя впереди. Служи добросовестно и честно, никогда не ври, заботься о подчинённых и будь к ним справедлив».

Наталия Ивановна, младшая дочь Конева, более тридцати лет преподаёт зарубежную литературу в Московском военном университете. Профессор кафедры языкознания и литературы, редкий специалист по творчеству Киплинга. Возглавляет Фонд памяти полководцев Победы. Ведёт большую работу с молодёжью по патриотическому воспитанию. Подготовила к печати несколько книг. Автор прекрасно написанной и великолепно изданной книги «Маршал Конев — мой отец». Книга Наталии Ивановны — это дочерний поклон и своему отцу, и замечательному полководцу Великой Отечественной войны, и дань уважения и памяти многим маршалам и генералам, которые вместе с И.С. Коневым шли к Победе. Хранительница богатейшего архива отца, который потихоньку разбирает и публикует. Многие ранее неизвестные факты и документы из этого архива растворены и в настоящей книге.

Дочь Наталии Ивановны Дария Бажанова воспитывает троих правнуков маршала: дочь Майю-младшую, Таисию и сына Ивана. Так что в семействе Коневых снова есть Иван!

Наталия Ивановна не только хранительница памяти отца и его архива, она — центр коневского семейства. А семейство это очень дружное. В своё время, после смерти маршала, Антонина Васильевна смогла так распорядиться наследством мужа и отца, что все только тесней сплотились вокруг неё. Сейчас эту миссию несёт Наталия Ивановна. Раз в год семейство собирается на Красной площади у могилы отца, деда и прадеда, а потом все идут в маленькое кафе напротив. Пьют кофе с пирогами и вспоминают всех ушедших.

* * *

Умирал Иван Степанович мужественно, зная, что жить ему осталось совсем немного.

В больнице у его постели постоянно дежурил кто-нибудь из родных.

Часто его навещал тогдашний председатель Совета министров СССР Алексей Николаевич Косыгин.

Вспоминая последние мгновения жизни отца, Наталия Ивановна рассказала: «Я хорошо помню момент его прощания со мной. Он знал, что умирает, у него был рак. Так получилось, что я пришла в больницу, когда у него случился приступ, после которого он уже не смог оправиться. У него резко открылось кровотечение. И вот, пока прибежала дежурная медсестра, пока его перекладывали на носилки, он всё это время смотрел на меня. Он не сказал ни слова, он хорошо знал, что это наша последняя встреча. Это был просто долгий прощальный взгляд. Его прощальный взгляд был совершенно ясный».

Это произошло 21 мая 1973 года.

Он мечтал поехать летом в Лодейно, в родные вятско-вологодские края. Видимо, чувствовал, что срок его пребывания на земле иссякает.

* * *

Недавно московский агроном-селекционер С.А. Аладин вывел новый сорт сирени и назвал его «Маршал Конев». Один из первых саженцев он подарил семейству Коневых.

ПРИЛОЖЕНИЕ.
НА ВЫСШЕМ ВОЕННОМ СОВЕТЕ.
Воспоминания маршала И.С. Конева о «Деле Жукова»

(Архив дочери маршала Н.И. Коневой. Расшифровка диктофонной записи.)

Я присутствовал на заседании Главного военного совета летом 1946 года, оно было посвящено разбору дела Маршала Советского Союза Г.К. Жукова.

Незадолго до этого я был назначен первым заместителем главнокомандующего сухопутными войсками. Сдав должность главкома Центральной группы войск и Верховного комиссара по Австрии генералу В.В. Курасову, я получил разрешение на полуторамесячный отпуск и решил провести его в Карловых Варах.

Вскоре туда мне позвонил Н.А. Булганин и попросил срочно выехать в Москву. На второй день после моего приезда состоялось заседание Главного военного совета в Кремле.

Началось заседание с того, что Сталин попросил секретаря Главного военного совета генерала С.М. Штеменко (он был начальником Главного оперативного управления) зачитать материалы допроса Главного маршала авиации А.А. Новикова, к тому времени арестованного органами госбезопасности.

Из его показаний следовало, что Жуков, встречаясь с Новиковым, когда тот приезжал к нему на фронт, в дружеской беседе обсуждали деятельность Ставки, правительства, маршал Жуков в ряде случаев нелестно отзывался о Сталине.

Трудно сейчас воспроизвести полностью всё, что было зачитано Штеменко. Суть показаний А.А. Новикова сводилась к тому, что маршал Жуков человек политически неблагонадёжный, недоброжелательно относится к Центральному комитету КПСС, к правительству, ставилась под сомнение его партийность.

После того как Штеменко закончил чтение, выступил Сталин. Он заявил, что Жуков присваивает все победы Советской армии себе. Выступая на пресс-конференциях в Берлине, в печати, Жуков неоднократно заявлял, что все главнейшие операции в Великой

Отечественной войне успешно проводились благодаря тому, что основные идеи были заложены им, маршалом Жуковым, что он в большинстве случаев является автором замыслов Ставки, что именно он, участвуя активно в работе Ставки, обеспечил основные успехи Советских вооруженных сил.

Сталин добавил, что окружение Жукова тоже старалось и не в меру хвалило Жукова за его заслуги в разгроме немецко-фашистской Германии. Они подчёркивали роль Жукова как основного деятеля и наиболее активного участника в планировании проводимых операций. Жуков против этого не возражал и, судя по всему, сам разделял подобного рода суждения.

Что же выходит, продолжал Сталин, Ставка Верховного главнокомандования, Государственный Комитет Обороны, — и он указал на присутствующих на заседании членов Ставки и членов ГКО, — все мы были дураки? Только один товарищ Жуков был умным, гениальным в планировании и проведении всех стратегических операций во время Великой Отечественной войны? Поведение Жукова, сказал Сталин, является нетерпимым, и следует вопрос о нём очень обстоятельно разобрать на данном совете и решить, как с ним поступить.

Закончив выступление, Сталин обвёл взглядом всех присутствующих, давая понять, что он желал бы выслушать мнение военных. На этом совете присутствовали маршалы Г.К. Жуков, И.С. Конев, генерал армии В.Д. Соколовский, маршал бронетанковых войск П.С. Рыбалко, генерал армии А.В. Хрулёв, генерал-полковник Ф.И. Голиков, маршал К.К. Рокоссовский. Маршала А.М. Василевского и всех остальных маршалов на этом заседании не было. И, как я уже говорил, присутствовали все члены Главного военного совета, члены Политбюро.

Первым взял слово я. В своём выступлении вначале я отметил, что характер у Жукова неуживчивый, трудный. Действительно, характер у Г.К. Жукова такой, что с ним работать очень трудно, не только находясь в его подчинении, но и будучи соседом по фронту. Привёл в качестве примера наши споры по Берлинской операции. Но, однако, заявил, что категорически отвергаю предъявленные Жукову обвинения в политической нечестности, в неуважении к ЦК. Сказал, что считаю Жукова человеком, преданным партии, правительству и лично Сталину, честным коммунистом. Бывая на фронтах как представитель Ставки, Жуков настойчиво и со всей ответственностью выполнял приказы и решения Ставки. Если бы Жуков был человеком непорядочным, он вряд ли стал бы с такой настойчивостью, рискуя жизнью, выполнять приказы Ставки, выезжать на самые

опасные участки фронта, ползать на брюхе по передовой, наблюдая за действиями войск, чтобы на месте оценить обстановку и помочь командованию в принятии тех или иных решений. Нечестный человек, тем более нечестный в политическом отношении, не будет себя так держать.

На этом я закончил своё выступление.

Конечно, я сейчас пересказываю очень кратко, поскольку с тех пор прошло уже много времени.

Сразу после меня выступил маршал бронетанковых войск Павел Семёнович Рыбалко. Он тоже подтвердил, что характер у Жукова очень тяжёлый, но при выполнении обязанностей координатора Ставки и как командующий фронтом он отдавал весь свой опыт и знания делу выполнения поставленных перед войсками того или иного фронта или нескольких фронтов задач. Словом, Рыбалко подтвердил целиком сказанное мною.

Затем выступил генерал армии Василий Данилович Соколовский, который построил своё выступление в более обтекаемой форме, но принципиально подтвердил, что Жуков честный человек, честно выполнял приказы, и показал его роль в защите Москвы. Правда, и Соколовский заметил, что работать с Жуковым из-за неуживчивого характера действительно нелегко.

Выступил и Константин Константинович Рокоссовский. Очень дипломатично он отметил, что никак не разделяет обвинения в адрес Жукова в том, что он политически опасный человек, нечестный коммунист.

Генерал армии А.В. Хрулёв, выступавший после маршала Рокоссовского, произнёс яркую речь в защиту Жукова. И тоже подчеркнул, что характер у Жукова, как отмечали все другие ораторы до него, не из легких.

Затем выступил генерал Ф.И. Голиков, тогда он был начальником Главного управления кадров. Он читал своё выступление, держа перед собой блокнот, и вылил на голову Жукова много, я бы сказал, грязи, всякого рода бытовых подробностей. Мне трудно судить о том, что было правдой, а что нет. Во всяком случае, выступление Голикова было заранее подготовлено, оно должно было подтвердить неблагонадёжность Жукова, подробно перечислялись существующие и несуществующие его недостатки.

После военных выступили члены Политбюро Маленков, Молотов, Берия и другие, все они в один голос твердили, что Жуков зазнался, приписывает себе все победы Советских вооруженных сил, что он человек политически незрелый, непартийный и что суть характера Жукова не только в том, что он тяжёлый и неуживчивый, но, скорее, опасный, ибо у него есть

бонапартистские замашки.

Обвинения были тяжёлые. Жуков сидел, повесив голову, и очень тяжело переживал: то бледнел, то заливался краской. Наконец ему предоставили слово. Жуков сказал, что совершенно отвергает заявление А.А. Новикова, что характер у него не ангельский, это правильно, но он категорически не согласен с обвинениями в нечестности и непартийности, он коммунист, который ответственно выполнял всё порученное ему партией; что он действительно признаёт себя виновным только в том, что преувеличил свою роль в организации победы над врагом.

Во время речи Жукова Сталин бросил реплику:

— Товарищ Конев, он присвоил даже авторство и вашей Корсунь-Шевченковской операции!

Я с места ответил:

— Товарищ Сталин, история на этот счёт всегда даст правильный ответ, потому что факты — упрямая вещь.

Словом, Жуков был морально подавлен, просил прощения, признал свою вину в зазнайстве, хвастовстве своими успехами и заявил, что на практической работе постарается изжить все те недостатки, на которые ему указали на Главном военном совете.

После обсуждения и после выступления Г К. Жукова Сталин, вновь обводя зал глазами, задал вопрос:

— Что же будем делать с Жуковым?

Из зала со стороны нескольких членов Главного военного совета последовало предложение снять Жукова с должности главнокомандующего сухопутными войсками. Мнение было единодушное: Жукова надо освободить от должности главкома сухопутных войск.

Возник вопрос — кого назначить вместо Жукова. Сталин взял слово:

— У нас есть первый заместитель главнокомандующего — маршал Конев, и вот маршала Конева и предлагаю назначить главнокомандующим сухопутными войсками.

Решение по этому вопросу было принято единогласно.

Сталин опять задал вопрос: как быть с Жуковым?

В ходе обсуждения на Главном военном совете складывалось впечатление, что Сталин, видимо, хотел более жёстких решений в отношении Жукова, потому что после выступления членов Политбюро обстановка была предельно напряжённой. Невольно у каждого сидящего возникало такое ощущение, что против Жукова готовятся чуть ли не репрессивные меры. Думается, что выступления военных, которые все дружно отметили недостатки Жукова, но в то же время защитили его, показали его деятельность на посту командующего фронтом, на посту

координатора, сыграли свою роль. После этого у Сталина, по всей видимости, возникли соображения, что так решать вопрос с Жуковым — просто полностью отстранить, а тем более репрессировать — нельзя, это будет встречено неодобрительно не только руководящими кругами армии, но и в стране, потому что авторитет Г.К. Жукова среди широких слоев народа и армии был, бесспорно, высок. Поэтому кто-то из членов Политбюро и сам Сталин предложили назначить его командующим войсками небольшого военного округа. И тут же назвали — Одесский.

Это решение было одобрено Главным военным советом. Причём срок для сдачи дел был определён в одни сутки. Жуков сдал мне дела и тотчас выехал к месту новой службы. А мне приказано было вступить в командование сухопутными войсками и не возвращаться больше на лечение и отдых в Карловы Вары.

Вот так в 1946 году решался вопрос о маршале Жукове, о снятии его с должности главнокомандующего сухопутными войсками и назначении командующим войсками Одесского военного округа.

После окончания войны Жуков был назначен на пост главнокомандующего Группой войск в Германии и находился в Берлине до марта 1946 года.

Во время пребывания в Берлине, об этом я узнал позже совершенно случайно, Жуков довольно часто рассказывал о своей роли в проведении операций, о своих успехах, причём не всегда был точен и объективен. Он много и часто встречался с Д. Эйзенхауэром; между ними сложилась действительно хорошая боевая дружба, они, бывая друг у друга, делились, несомненно, итогами прошедшей войны. И, видимо, Эйзенхауэр, как это принято у американцев, постарался, чтобы об этом знали журналисты и корреспонденты США, те получали интервью, которые маршал Жуков охотно им давал, Жуков провёл ряд пресс-конференций.

Об одной из таких пресс-конференций мне рассказал американский журналист Троян, который был в Москве в середине 60-х годов. Он задал мне довольно странный, с моей точки зрения, вопрос:

— Верно ли, господин маршал, что Берлинская операция проводилась по единому плану, выработанному маршалом Жуковым?

Я его спросил:

— Откуда возник у вас этот вопрос?

Он ответил, что это высказывание маршала Жукова на пресс-конференции, которую давал маршал в Берлине иностранным корреспондентам, и что его заявление широко известно в США и

на Западе и довольно часто приводится иностранными журналистами при описании Берлинской операции.

Я заявил Трояну, что мне неизвестно об этой пресс-конференции. Он подтвердил, что да, действительно, она у нас не публиковалась.

Всё, что говорил маршал Жуков, сказал я, на этой пресс-конференции, останется на его совести.

Что касается проведения Берлинской операции по единому плану и под руководством маршала Жукова, то приведу только такой факт. Как известно, маршал Жуков как командующий 1-м Белорусским фронтом спланировал артиллерийское наступление провести ночью, ослепить противника большим количеством прожекторов.

Что касается плана 1-го Украинского фронта, которым я командовал, моего плана артиллерийского наступления, то он в корне отличался от плана Жукова. Мне нужно было, чтобы как можно более длительное время продолжалось тёмное время. Поэтому артиллерийская подготовка у меня планировалась в два этапа. Она была более продолжительной, потому что, помимо прорыва обороны противника, нужно было ещё форсировать реку Нейсе. Поэтому, чтобы прикрыть возведение переправ через реку Нейсе и саму переправу войск, я спланировал, а лётчики фронта осуществили постановку дымовой завесы на фронте протяжённостью 390 километров. То есть была дана мощная дымовая завеса для того, чтобы прикрыть действия войск, форсировавших Нейсе, и действия войск, когда они будут прорывать оборону противника на противоположном берегу.

— Как вы полагаете, — обратился я к американскому журналисту, — являются ли эти методы едиными методами планирования прорыва в Берлинской наступательной операции?

— Господин маршал, у меня вопросов больше нет, — ответил Троян.

Так что действительно Жуков не всегда был точен в своих рассказах. Всё то, что он говорил о своей роли в разгроме фашистской Германии, безусловно, было известно Сталину. Зарубежные публикации с выступлениями Жукова, кстати сказать, лежали на председательском столе во время заседания Главного военного совета. Факты — упрямая вещь. Жуков и сам этого не отрицал в своём выступлении на Главном военном совете.

За период войны нам с маршалом Жуковым не раз приходилось иметь дело и совместно выполнять ряд задач, возлагаемых на фронты. К концу войны стык наших фронтов как соседей был особенно насыщен всякого рода недоразумениями,

которые преимущественно возникали по его вине.

Известно, что Жуков не хотел и слышать, чтобы кто-либо, кроме войск 1-го Белорусского фронта, участвовал во взятии Берлина. К сожалению, надо прямо сказать, что даже тогда, когда войска 1-го Украинского фронта — 3-я и 4-я танковые армии и 28-я армия — вели бои в Берлине, — это вызвало ярость и негодование Жукова. Жуков был крайне раздражён, что воины 1-го Украинского фронта 22 апреля появились в Берлине. Он приказал генералу Чуйкову следить, куда продвигаются наши войска. По ВЧ Жуков связался с командармом 3-й танковой армии Рыбалко и ругал его за появление со своими войсками в Берлине, рассматривая это как незаконную форму действий, проявленную со стороны 1-го Украинского фронта.

Когда войска 3-й танковой армии и корпус Батицкого 27-й армии подошли на расстояние трехсот метров к Рейхстагу, Жуков кричал на Рыбалко: «Зачем вы тут появились?»

Вспоминая это время, должен сказать, что наши отношения с Георгием Константиновичем Жуковым в то время из-за Берлина были крайне обострены. Обострены до предела, и Сталину не раз приходилось нас мирить. Об этом свидетельствует и то, что Ставка неоднократно изменяла разграничительную линию между нашими фронтами в битве за Берлин, она всё время отклонялась к западу, с тем чтобы большая часть Берлина вошла в зону действия 1-го Белорусского фронта.

Много лет спустя я решил записать для себя события тех далёких лет, чтобы правдиво, на основе фактов, оценить роль и деятельность маршала Жукова в период Великой Отечественной войны, отдать ему должное в той работе, которую он выполнял, и отметить те ошибки, которые им были допущены в период пребывания главнокомандующим Группой войск в Германии. В тот вечер в одном из московских домов встретились люди, главным образом военные и уже немолодые, чтобы за торжественном столом отметить круглую дату жизни и военной деятельности хозяина дома.

Среди приглашённых и пришедших на эту встречу был Жуков. И его приглашение в этот день, в этот дом, и его приход туда имели особое значение. Судьба сложилась так, что Жукова и хозяина дома на долгие годы отдалили друг от друга обстоятельства, носившие драматический характер для них обоих, для каждого по-своему. А если заглянуть ещё дальше, в войну, то и там жизнь, случалось, сталкивала их в достаточно драматической обстановке. Однако при всём том в народной памяти о войне их два имени чаще, чем чьи-нибудь другие, стояли рядом, и в этом всё-таки и состояло самое главное, а всё

остальное было второстепенным.

И когда на вечере, о котором я вспоминаю, после обращенной к хозяину дома короткой и полной глубокого уважения речи Жукова оба эти человека обнялись, должно быть, впервые за многие годы, то на наших глазах главное снова стало главным, а второстепенное — второстепенным с такой очевидностью, которой нельзя было не порадоваться.

А потом на этом же вечере один из присутствующих[105], считая, что он исполняет при этом свою, как видно, непосильно высокую для него должность, вдруг произнёс длиннейшую речь поучительного характера.

Стремясь подчеркнуть свою причастность к военной профессии, он стал разъяснять, что такое военачальник, в чём состоит его роль на войне и, в частности, что должны и чего не должны делать на войне командующие фронтами. В общей форме его мысль сводилась к тому, что доблесть командующего фронтом состоит в управлении войсками, а не в том, чтобы рисковать жизнью и ползать по передовой на животе, чего он не должен и не имеет права делать.

Оратор повторял эту полюбившуюся ему и, в общем-то, в основе здравую мысль долго, на разные лады, но всякий раз в категорической форме. С высоты своего служебного положения он поучал сидевших за столом бывших командующих фронтами тому, как они должны были себя вести тогда, на войне.

Стол был праздничным, а оратор был гостем за этим столом. В бесконечно отодвигавшемся конце своей речи он, очевидно, намерен был сказать тост за хозяина. Поэтому его не прерывали и, как это водится в таких неловких случаях, молчали, глядя в тарелки. Но где-то уже почти в конце речи при очередном упоминании о ползании на животе Жуков всё-таки не выдержал.

— А я вот, будучи командующим фронтом, — медленно и громко сказал он, — неоднократно ползал на животе, когда этого требовала обстановка и особенно когда перед наступлением своего фронта в интересах дела желал составить себе личное представление о переднем крае противника на участке будущего прорыва. Так что вот, признаюсь, было дело — ползал! — повторил он и развёл руками, словно иронически извиняясь перед оратором в том, что он, Жуков, увы, действовал тогда вопреки этим застольным инструкциям. Сказал и уткнулся в свою тарелку среди общего молчания, впрочем, прерванного всё тем же оратором, теперь перескочившим на другую тему.

Даже сам не знаю почему, мне так запомнился этот мелкий штрих в поведении Жукова в тот вечер. Скорей всего потому, что в его сердитой иронии было что-то глубоко солдатское,

практическое, неискоренимо враждебное всякому суесловию о войне, и особенно суесловию людей, неосновательно считающих себя военными.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ МАРШАЛА И.С. КОНЕВА

1897, 28 декабря — родился в деревне Лодейно (Лодейной) Щёткинской волости Никольского уезда на Вологодчине, в те годы Северо-Двинской губернии, ныне Подосиновского района Кировской области.

1906 — окончил с отличием трёхклассную церковно-приходскую школу в деревне Яковлевская Гора Щёткинской волости Никольского уезда.

1910 — окончил с отличием Пушемско-Никольское земское четырёхклассное училище в селе Щёткине Никольского уезда.

1916, май — призван в армию. Окончил курсы в учебной команде и направлен младшим унтер-офицером артиллерийского дивизиона на Юго-Западный фронт.

1918, январь — демобилизован из армии. Вернулся на родину.

Март — избран членом Никольского уездного исполкома Вологодской губернии, назначен уездным комиссаром.

Май — вступил в РКП(б).

Июль — участие в подавлении мятежа «левых» эсеров в Москве.

1918—1920 — командир отряда Красной гвардии на Восточном фронте, комиссар бронепоезда, затем стрелковой бригады и дивизии в Сибири и Забайкалье.

1920 — встреча с Анной Ефимовной Волошиной, которая вскоре становится его гражданской женой.

1921, февраль — участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа.

1921—1922 — комиссар штаба Народно-революционной армии Дальневосточной республики.

1923 — комиссар 17-го Приморского стрелкового корпуса.

1 мая — рождение дочери Майи (Тамары).

1924 — комиссар и начальник политотдела 17-й стрелковой (Нижегородской) дивизии.

1925 — слушатель Курсов усовершенствования высшего начальствующего состава при Военной академии им. М.В. Фрунзе.

1926—1931 — командир и военком 72-го стрелкового полка Самаро-Ульяновской Железной дивизии. Затем 50-го краснознамённого стрелкового полка им. К.Е. Ворошилова. Затем 17-й Нижегородской стрелковой дивизии.

1928, 10 июля — рождение сына Гелия.

1932—1934— слушатель Военной академии им. М.В. Фрунзе.

1934—1937 — командир стрелковой дивизии, а затем корпуса в Белорусском военном округе. Комдив.

1936, 16 августа — первая правительственная награда — орден Красной Звезды.

1937/38, зима — командующий особой группой советских войск в Монгольской Народной Республике.

1938, 22 февраля — награждён орденом Красного Знамени.

Июль — получает очередное воинское звание — комкор.

22 февраля — награждён медалью «XX лет РККА».

1938—1940 — командующий 2-й Отдельной краснознамённой Дальневосточной армией.

1939, март — получает звание командарма 2-го ранга.

Март — избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б).

1940, май — командующий войсками Забайкальского военного округа. *Июнь* — аттестован в звании генерал-лейтенанта.

1941, январь — назначен командующим войсками Северо-Кавказского военного округа.

Июнь — назначен командующим 19-й армией.

11 сентября — назначен командующим войсками Западного фронта.

19 сентября — присвоено очередное воинское звание генерал-полковника.

10 октября — назначен первым заместителем командующего войсками объединённого Западного фронта, ответственным за Калининское направление.

17 октября — назначен командующим войсками вновь образованного Калининского фронта.

1942, 26 августа — назначен командующим войсками Западного фронта.

1943, 14 марта — командующий войсками Северо-Западного фронта.

9 апреля — награждён орденом Кутузова 1-й степени.

Июль — командующий войсками Степного военного округа (с 9 июля 1943 года — фронта).

28 июля — награждён орденом Кутузова 1-й степени.

26 августа — присвоено звание генерала армии.

27 августа — награждён орденом Суворова 1-й степени.

Старшая дочь Майя поступает в МГУ на отделение славянской филологии филологического факультета.

Октябрь — командующий войсками 2-го Украинского фронта.

1944, 20 февраля — присвоено звание Маршала Советского

Союза.

Май — командующий войсками 1-го Украинского фронта.

1 мая — награждён медалью «За оборону Москвы».

17 мая — награждён орденом Суворова 1-й степени.

29 июля — присвоено звание Герой Советского Союза.

3 ноября — награждён орденом Красного Знамени.

1945, 21 февраля — награждён орденом Ленина.

30 марта — награждён орденом «Победа».

9 мая — награждён медалью «За победу над Германией».

1 июня — присвоено звание Героя Советского Союза с вручением второй золотой звезды и ордена Ленина.

9 июня — награждён медалью «За взятие Берлина».

9 июня — награждён медалью «За освобождение Праги».

1945—1946 — главнокомандующий Центральной группой войск на территории Австрии и Верховный комиссар по Австрии.

1946—1950 — главнокомандующий сухопутными войсками, заместитель министра Вооружённых сил СССР.

1947, 21 сентября — награждён медалью «В память 800-летия Москвы».

27 декабря — награждён орденом Ленина.

Завершил строительство дома в Архангельском и посадил сад.

1948, 22 февраля — награждён медалью «XXX лет Советской Армии и Флота».

1949, 20 июня — награждён орденом Красного Знамени.

1950—1951 — главный инспектор Советской армии и заместитель министра ВС СССР.

1951—1955— командующий войсками Прикарпатского военного округа.

1952, октябрь — избран членом ЦК КПСС.

1955, май — 1960, апрель — главнокомандующий Объединёнными вооружёнными силами стран — участниц Варшавского договора.

1956, март — первый заместитель министра обороны СССР.

18 декабря — награждён орденом Ленина.

1957, 27 декабря — награждён орденом Ленина.

1958, 17 февраля — награждён медалью «40 лет Вооружённых Сил СССР».

1960—1961 — генеральный инспектор Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

1961—1962 — главнокомандующий Группой советских войск в Германии.

1962 — генеральный инспектор Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

1965 — награждён медалью «XX лет Победы в Великой Отечественной войне». Начало работы над мемуарами.

1967, 27 декабря — награждён орденом Ленина.

1968, 22 февраля — награждён орденом Октябрьской Революции. Награждён медалью «50 лет Вооружённых Сил СССР».

1970 — присвоено звание Героя Чехословацкой Социалистической Республики.

11 апреля — награждён медалью «За военную доблесть».

1971 — присвоено звание Героя Монгольской Народной Республики.

1972, 28 декабря — награждён орденом Ленина.

В издательстве «Наука» выходит вторая книга мемуаров «Записки командующего фронтом. 1943— 1944».

1973, 21 мая — скончался Маршал Советского Союза Иван Степанович Конев. Похоронен у Кремлёвской стены.

БИБЛИОГРАФИЯ

Баграмян И. Х. Так начиналась война. М.: Голос, 2000.

Безыменский Л.А. Укрощение «Тайфуна». Смоленск: Русич, 2001.

Бешанов В.В. Год 1943 — «переломный». М.: Яуза-ЭКСМО, 2008.

Блюментрит Г. Роковые решения вермахта. Ростов н/Д., 1999.

Бок Фёдор фон. «Я стоял у ворот Москвы». Дневник командующего группой армий «Центр». М.: Яуза-ЭКСМО, 2009.

Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

Верт А. Россия в войне 1941 — 1946. М.: Прогресс, 1965.

Гальдер Ф. Военный дневник. 1941 — 1942. М.: АСТ, 2003.

Герасимова С. Горбачевский Б. Гроссман Хорст. Ржевское побоище. М.: ЭКСМО, 2010.

Гелен Р. Война разведок. М.: Центрполиграф, 1999.

Гудериан Г Воспоминания солдата. Смоленск: Русич, 2003.

Ерёменко А.И. В начале войны. М.: Наука, 1965.

Жариков А.Д. Полигон смерти. М., 1997.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1990.

Исаев А. Битва за Берлин. М.: ЭКСМО, 2010.

Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. Гитлер идёт на Восток. 1941—1943. М.: ИЗОГРАФУС-ЭКСМО, 2003.

Кершоу Р. 1941 год глазами немцев. Берёзовые кресты вместо железных. М.: Яуза, 2010.

Комаров Д.Е. Вяземская земля в годы Великой Отечественной войны. Смоленск: Смядынь, 2004.

Конев И.С. Записки командующего фронтом. 1943—1944. М.: Наука, 1972.

Конев И.С. Сорок пятый. 2-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 1970.

Конева Н.И. Маршал Конев — мой отец. М. 2007.

Лопуховский Л.Н. Вяземская катастрофа 41-го года. М.: Яуза-ЭКСМО, 2006.

Мелленти́н Ф. Танковые сражения: Боевое применение танков во Второй мировой войне. М.: АСТ, 2003.

Мухин Ю.И. Если бы не генералы! М.: Яуза-ПРЕСС, 2010.

Невзоров Б.И. Московская битва: феномен Второй мировой. М.: Си-Д и Пресс, 2001.

Полевой Б.И. Полководец (маршал Конев). М.: Детская литература, 1982.

Португальский Р.М. Маршал Конев. Мастер окружений. М.:

Яуза-ЭКСМО, 2007.

Рипенко Ю. Маршал Варенцов. М.: Центрполиграф, 2011.

Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1968.

Соколов Б.В. Георгий Жуков. Триумфы и падения. М.: АСТ-пресс КНИГА, 2003.

Соколов Б.В. Рокоссовский. М.: Молодая гвардия, 2010.

Хаупт В. Битва за Москву. Первое решающее сражение Второй мировой. 1941-1942. М.: Центрполиграф, 2010.

Хлебников Н.М. Под грохот сотен батарей. М.: Воениздат, 1979.

Шапошников Б.М. Битва за Москву. Решающее сражение Великой Отечественной. М.: Яуза-ЭКСМО, 2009.

Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1975.

Эндрюс Г. Вальтер Модель — мастер отступлений. М.: Яуза-ЭКСМО, 2007.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Отец маршала — Степан Иванович Конев, крестьянин деревни Лодейно

Дом Коневых в деревне Лодейно

Унтер-офицер Иван Конев. 1916 г.

Иван Конев — солдат-большевик. 1917 г.

Военком города Никольска И.С. Конев (в первом ряду четвёртый слева) с сотрудниками военкомата. 1919 г.

И.С. Конев — военный комиссар города Никольска. 1918 г.

Участники корпусных манёвров (среди них И.С. Конев и К.К. Рокоссовский). Никольск-Уссурийск, 1923 г.

Командир 50-го стрелкового полка И.С. Конев (в первом ряду в центре) с

сослуживцами. Нижний Новгород, 1926 г.

И.С. Конев (в первом ряду третий слева) и В.К. Блюхер (в первом ряду третий справа) с соратниками. Дальний Восток

И.С. Конев — командир 50-го стрелкового полка. Середина 1930-х гг.

Анна Ефимовна Волошина, первая жена И.С. Конева. 1920-е гг.

Анна Ефимовна Конева с дочерью Майей и сыном Гелием. 1930-е гг.

Командарм 2-го ранга И.С. Конев на учениях 2-й Отдельной Краснознамённой армии. Хабаровск, 1939 г.

И.С. Конев — командующий Калининским фронтом. 1941 г.

С бойцами Калининского фронта. 1941 г.

Слева направо: командующий 19-й армией И. Конев, М. Шолохов, А. Фадеев, Е.

Петров. 1941 г.

Антонина Васильевна Васильева. 1941 г.

А.В. Васильева (Конева) (первая слева) с боевыми друзьями. 1942 г.

И.С. Конев — командующий 2-м Украинским фронтом. 1943 г.

И.С. Конев и начальник штаба М.В. Захаров. 1944 г.

Конев на фронте. 1944 г.

А.И. Соломахин, М.С. Шумилов и И.С. Конев. 1944 г.

Конев под Корсунь-Шевченковским. 1944 г.

П.А. Ротмистров и И.С. Конев. 1944 г.

Н.С. Хрущёв и И.С. Конев в период проведения Львовской операции. 1944 г.

И.С. Конев — командующий 1-м Украинским фронтом. 1944 г.

И.С. Конев во время подготовки Берлинской операции. 1945 г.

И.С. Конев на Сандомирском плацдарме вручает награды воинам. 1945 г.

И.С. Конев и О. Бредли во время встречи на Эльбе. 1945 г.

И.С. Конев и К.В. Крайнюков в замке Кенигштайн на Эльбе. 1945 г.

Представители союзного командования: маршал Конев, генерал Бетуар (Франция), генерал Кларк (США) и генерал Маккрири (Великобритания)

Парад союзных войск в Вене. 1945 г.

И.С. Конев и командующий 1-м Чехословацким армейским корпусом Л. Свобода. 1945 г.

И.С. Конев на Параде Победы на Красной площади в Москве. 24 июня 1945 г.

И.С. Конев в Вене. 1946 г.

А.В. Конева в Вене. 1945 г.

Дом в Бадене, в котором жил И.С. Конев в 1945—1946 годах

Иван Степанович и Антонина Васильевна Коневы на отдыхе в Карловых Варах. 1946 г.

И.В. Сталин и маршалы Советского Союза на трибуне мавзолея. Начало 1950-х гг.

И.С. Конев — командующий Прикарпатским военным округом. Начало 1950-х гг.

И.С. Конев, Г.К. Жуков и К.К. Рокоссовский на аэродроме в Варшаве. 1955 г.

Первый заместитель министра обороны И.С. Конев в рабочем кабинете. Конец 1950-х гг.

Г.К. Жуков, М. Ф.Лукин, К.К. Рокоссовский и И.С. Конев на премьере фильма о московской битве Конец 1960-х гг.

И.С. Конев (справа) у обелиска М.И. Кутузову в Польше. 1960-е гг.

И.С. Конев на даче. Начало 1960-х гг.

И.С. Конев с женой и дочерью на зимней рыбалке в Бадзарове. 1962 г.

Государственная дача И.С. Конева в посёлке Архангельское

Семья И.С. Конева (слева направо): дочь Наталия, внучка Анна и жена Антонина Васильевна. 1960-е гг.

К.М. Симонов и И.С. Конев на рыбалке в Подмосковье. 1970-е гг.

Б.Н. Полевой и И.С. Конев на праздновании 25-летия освобождения города Калинина. 1967 г.

А.И. Покрышкин и А.С. Жадов с И.С. Коневым вдень его 75-летия. 1972 г.

Маршал Иван Степанович Конев

ISBN 978-5-235-03616-1

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

notes

Примечания

1

Казёнка — государственная винная лавка, где продавали хлебную водку, которая носила то же название — «Казёнка». До 1917 года эта водка являлась монополией Российского государства.

2

По всей вероятности, Конев имеет в виду публикации в связи со смертью старца Григория Распутина. В то время популярность Григория Ефимовича Распутинановых была необыкновенной. Фигура Распутина часто упоминалась в связи с царской фамилией и в весьма скандальном контексте, в котором религиозность, целительство и сексуальная озабоченность «старца» составляли одно целое. В России было смутно. Неудачи на Германском фронте эхом отдавались по всей стране. Накалялись антинемецкие настроения. Распускались слухи, что Российской империей руководит «святой чёрт» Гришка Распутин, немка-царица Александра Фёдоровна и их сводница Вырубова. Говорили о магической власти «старца» на царскую семью, благодаря чему он оказывает влияние на назначение на государственные посты тех или иных людей. Газета «Русское слово» 21 декабря 1916 года писала: «Самая малейшая его просьба немедленно удовлетворялась. Если происходила почему-то задержка, то Распутин по телефону, не стесняясь присутствием посторонних лиц, в резкой форме требовал от председателя Совета министров исполнения его просьбы». И далее: «Представьте себе покровителя, которому со второй встречи можно говорить “ты”, к которому не нужны длинные подходы, не нужны сложные интриги и который может “сварганить” дело за небольшое денежное вознаграждение или за “женское продовольствие”. Согласитесь, что в мире пройдох, интриганов, пролаз и политических жуликов это был не человек, а клад». Известно также, что в марте 1916 года, то есть примерно за год до отправки унтер-офицера Конева на фронт, германские цеппелины разбрасывали над русскими позициями в большом количестве «карикатуру, изображавшую Вильгельма, опиравшегося на германский народ, и Николая Романова, опиравшегося на половой орган Распутина». Листовку использовали агитаторы от различных революционных, антимонархически настроенных партий, распространяя их в окопах, в госпиталях, на батареях и даже в штабах.

З

Спиридонова Мария Александровна (1884—1941) — революционерка, одна из руководителей партии левых эсеров. Будучи членом боевой дружины партии, в январе 1906 года смертельно ранила советника тамбовского губернатора Луженовского, выпустив в него из револьвера пять пуль. Была приговорена к смертной казни, но затем казнь заменили бессрочной каторгой на Нерчинских рудниках. После Октября 1917 года вернулась в Москву и сразу же заняла видное место в руководстве партии левых эсеров. Сотрудничала в газетах, редактировала журнал «Наш путь». На III Всероссийском съезде Советов призвала депутатов принять Закон о социализации земли, по которому отменялась частная собственность на землю и земля переходила в руки тех, кто её обрабатывает, то есть крестьян. 6 июля 1918 года в числе других руководителей левых эсеров была арестована и отправлена в Кремль на гауптвахту. 27 ноября 1918 года Верховный трибунал при ВЦИК рассмотрел дело о заговоре ЦК партии левых эсеров против советской власти и революции и приговорил Спиридонову к одному году тюрьмы, но, приняв во внимание «особые заслуги перед революцией», амнистировал и освободил её. Через год ЧК снова арестовала Спиридонову. На этот раз приговором трибунала она была «изолирована от политической и общественной жизни» и помещена в кремлёвскую больницу. Из больницы бежала. Затем жила в подмосковной Малаховке. Последовали новые аресты неистовой эсеровки. Всё это продолжалось до 1937 года, когда Спиридонова, служащая Башкирской конторы Сбербанка, была арестована сотрудниками НКВД. Получила 25 лет. Содержалась в Ярославской и Орловской тюрьмах. 11 сентября 1941 года была расстреляна конвойной командой НКВД в Медведском лесу близ Орла вместе со 153 политзаключёнными, среди которых были сестра Троцкого О.Д. Каменева и его соратники и последователи Х. Г. Раковский (настоящая фамилия — Станчев), В.Н. Яковлева. Последняя в 1918 году была председателем Петроградской ВЧК, а затем работала в Наркомпросе и других совучреждениях.

4

Комсомольской площадь названа в честь комсомольцев — строителей Московского метрополитена в 1932 году. До 1932 года — Каланчёвская. С 2003 года либеральная пресса называет её площадью Трёх вокзалов.

5

Каландаришвили Нестор Александрович (1876—1922) — революционер, анархист, один из организаторов партизанского движения в Забайкалье и Восточной Сибири в годы Гражданской войны. Окончил Тифлисскую учительскую семинарию. Состоял в партии эсеров. Партийные клички — Дед, Нестор. В 1907 году был арестован и отправлен в заключение в Сибирь. В 1917 году примкнул к партии анархистов-коммунистов. В Иркутске создал эскадрон анархистов. В 1918 году командовал отрядами революционных войск Центросибири. В 1919 году большевики предложили ему сотрудничество. Он какое-то время не соглашался. Затем участвовал со своим отрядом в операциях, проводимых красногвардейцами. Действовал в основном вдоль железной дороги. В Дальневосточной республике получил должность командира корейских отрядов. В 1921 году вступил в партию большевиков. В январе 1922 года при ликвидации белогвардейской банды попал в засаду близ Якутска и был убит в перестрелке. Существует легенда, что засаду устроили большевики. В 1973 году киностудия «Грузия-фильм» сняла полнометражную художественную киноленту о Каландаришвили — «Сибирский дед».

6

Фадеев Александр Александрович (1901 — 1956) — русский и советский писатель и общественный деятель. Лауреат Сталинской премии 1-й степени (1946 год). Награждён двумя орденами Ленина. Член РКП(б) с 1918 года. В 1919—1921 годах участвовал в боевых действиях проfив колчаковцев и японцев, комиссар партизанской бригады. Участник по давления мятежа в Кронштадте. В 1927 году вышел в свет его роман «Разгром», который стал одним из лучших произведений мировой литературы о Гражданской войне в России. Генеральный секретарь и председатель правления Союза писателей СССР Главный редактор «Литературной газеты». Организатор и член редколлегии литературного журнала «Октябрь». В годы Великой Отечественной войны военный корреспондент «Правды» и Совинформбюро. Автор романа «Молодая гвардия». В годы репрессий, как мог, помогал гонимым литераторам Борису Пастернаку. Николаю Заболоцкому, Андрею Платонову. Не принял хрущёвской «оттепели» и всего того, что с ней хлынуло. После XX съезда КПСС отношения Фадеева с властью обострились до крайности. В 1956 году на даче в Переделкине он застрелился из револьвера. Оставил посмертное письмо в адрес ЦК КПСС, которое было изъято органами КГБ и обнародовано лишь в 1990 году. В нём были такие строки: «Жизнь моя, как писателя, теряет всякий смысл, и я с превеликой радостью, как избавление от этого гнусного существования, где на тебя обрушивается подлость, ложь и клевета, ухожу из жизни…»

7

Не напрасно японский военный атташе в Москве капитан Коотани в своём секретном докладе 1937 года написал о Блюхере: «…в нынешнем положении он царёк Дальнего Востока». Нарком внутренних дел Ежов тут же представил текст доклада Коотани Сталину. Тот внимательно его прочитал и сделал карандашные пометки там, где атташе писал о командующем Особой краснознамённой Дальневосточной армией. Вообще Конев в своих характеристиках, которые он давал тому или иному персонажу нашей истории из числа тех, с кем сводила его жизнь, служба и войны, был довольно комплиментарен. Об отрицательных сторонах характера и о поступках — осторожные намёки для посвященных, и только. Что ж, порой и этого достаточно.

8

Верховский Александр Иванович (1886—1938) — русский и советский военный деятель. Генерал-майор (1917). Комбриг (1936). Выходец из старинного дворянского рода. Учился в Пажеском корпусе. После расстрела демонстрации в 1905 году заявил свой протест: «Позорно употреблять оружие против безоружной толпы». Был исключён из корпуса, лишён звания камер-пажа и отправлен «вольноопределяющимся унтер-офицерского звания» на фронт Русско-японской войны. Отличился в деле и был награждён солдатским Георгиевским крестом IV степени. Произведён в подпоручики. Участник Первой мировой войны. Награждён офицерским Георгиевским крестом. После излечения занимался штабной работой. После революции вступил в партию эсеров. Командовал войсками Московского военного округа (май, июнь 1917 года). Выступил против Корниловского восстания. Военный министр Временного правительства. В июне 1918 года был арестован и находился в петроградской тюрьме «Кресты». Был освобождён и поступил на службу в Красную армию. Через год снова арестован. И снова освобождён. Приступил к преподавательской работе в военно-учебных заведениях РККА. С июня 1922 года главный руководитель Военной академии РККА. Профессор (1927), автор многих теоретических статей. В 1931 году в очередной раз был арестован по делу «Весна» (по которому проходили бывшие царские офицеры, «военспецы»). Отказался подписать сфабрикованные показания и был приговорён к расстрелу. Приговор заменили десятью годами тюрьмы. В заключении написал труды: «О военно-научной работе», «О глубокой тактике». Его статью «Выводы на опыте Русско-японской войны 1904—1905 годов с точки зрения нашей борьбы против японского империализма в 1934 году» нарком обороны К.Е. Ворошилов направил Сталину с предложением освободить автора. После выхода из заключения обратился к Ворошилову с письмом о незаконных методах следствия и содержания подследственных и осуждённых в советских тюрьмах. С 1935 года преподавал на курсах «Выстрел» в Военной академии им. М.В. Фрунзе. С 1936 года — старший руководитель кафедры тактики Военной академии Генерального штаба. В марте 1938 года опять был арестован. Расстрелян 19 августа 1938 года и похоронен на спецобъекте «Коммунарка».

9

Свечин Александр Андреевич (1878—1938) — русский и советский военачальник, выдающийся военный публицист, педагог и теоретик, автор классического труда «Стратегия». Комдив. Родился в семье генерала Русской армии. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Последнее воинское звание в царской армии — генерал-майор (1916). С 1918 года на стороне большевиков. Военный руководитель Смоленского района Западной завесы, затем начальник Всероссийского главного штаба. С октября 1918 года работал в Академии Генштаба, занимал пост главного руководителя военных академий РККА по истории военного искусства и по стратегии. Был арестован в 1930 году по делу «Национального центра», затем отпущен. В 1931 году снова был арестован — по делу «Весна». Осуждён на пять лет лагерей. Через год освобождён и возвращён на службу в РККА. Последнее воинское звание — комдив. В декабре 1937 года вновь был арестован, приговорён к смертной казни за «участие в контрреволюционной организации и подготовке террористов». Расстрелян в июле 1938 года и похоронен на спецобъекте «Коммунарка». Реабилитирован в 1956 году. Его старший брат Борис Андреевич Свечин — генерал-майор, участник Русско-японской и Первой мировой войн во время Гражданской войны воевал на стороне Белой гвардии. Эмигрировал. Умер в эмиграции в 1969 году.

10

Булин Антон Степанович (1894—1938) — армейский комиссар 2-го ранга (1935). Член РСДРП(б) с 1914 года. В годы Гражданской войны — политработник. В 1928 году был одним из руководителей «внутрипартийной оппозиции», которая выступала против «недостаточной активности партийных и политических органов армии, против фактов искажения партийной линии в содержании военно-политического воспитания». С 1928 года заместитель начальника Главного политического управления РККА. С 1930 года кандидат в члены ЦК ВКЛ(б). До 1937 года начальник Политуправления Белорусского военного округа. С 1937 года начальник Управления по комначсоставу РККА. 5 ноября 1937 года был арестован. На суде отказался признать предъявленные ему обвинения. В июле 1938 года приговорён к смертной казни. Расстрелян. В 1955 году реабилитирован и восстановлен в партии.

11

Заместитель заведующего политико-административным отделом ЦК ВКП(б).

12

Краснознамённый Дальневосточный фронт.

13

Исследователи событий «конфликта на озере Хасан» называют следующие цифры потерь. РККА: убито — 717 человек; ранено, контужено, обожжено — 2752, из них умерли — 93 человека. Япония (по японским источникам): убито — 500 человек; ранено — 900 человек. Судя по округлённым цифрам, потери японской стороны значительно занижены. См.: Гриф секретности снят: Потери Вооружённых Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. (Под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева.) М.: Воениздат, 1993.

14

Бирюков Николай Иванович. Известно, что летом 1941 года в звании армейского комиссара 2-го ранга он был членом Военного совета 3-й армии. Попал в окружение под Белостоком. Вместе с командующим 3-й армией генералом В.И. Кузнецовым из окружения вышел, вывел остатки 108-й и 64-й стрелковых дивизий. В качестве положительного примера, как надо драться в полном окружении, упомянут в первой части знаменитого Приказа № 270 от 16 августа 1941 года. В августе 1941-го назначен военным комиссаром Главного автобронетанкового управления Красной армии. Всю войну служил на этой должности. Вёл дневник. В 2005 г. дневник издан под заголовком «Танки — фронту! Дневник генерала».

15

Мельник Константин Семёнович (1900—1971) — в Красной армии с 1919 года, участник Гражданской войны. В Великую Отечественную войну командир кавалерийской дивизии, затем корпуса. С 1942 года — командующий 44-й, 58-й и 56-й армиями Кавказского фронта. С 1945 года — командующий войсками Таврического военного округа.

16

Городнянский Авксентий Михайлович (1896—1942) — полководец, генерал-лейтенант. В русской армии с 1915 года. Участник Первой мировой войны, старший унтер-офицер. С 1918 года в Красной армии. Участник Гражданской войны. С 1938 года командир 101-й стрелковой дивизии 2-й Отдельной Дальневосточной краснознамённой армии. Комбриг. В июне 1940 года переаттестован со званием генерал-майор. Во время Великой Отечественной войны командир 129-й стрелковой дивизии, командующий 13-й армией, командующий 6-й армией. В ходе Харьковской операции 6-я армия прорвала немецкую оборону и продвинулась вглубь до 50 километров, но вскоре, в результате просчётов командования Юго-Западного фронта, оказалась в окружении. Городнянский погиб при попытке выйти из окружения в ходе рукопашного боя. Похоронен немцами со всеми воинскими почестями на хуторе Орлиноярск Петровского района Харьковской области. После освобождения Харьковской области перезахоронен в Харькове на Пушкинском кладбище.

17

Люшков Генрих Самуилович (1900-1945) — деятель ЧК-ГПУ-НКВД. С 1917 года в Красной гвардии. С 1918 года — в органах Одесской Ч К. Затем политрук Ударной отдельной бригады 14-й армии. В 1920 году — заместитель председателя Тираспольской ЧК. В 1924 году — начальник Проскуровского окружного отдела ОГПУ. В конце 1920-х занимался промышленным шпионажем в Германии. В 1931 году назначен руководителем секретного политического отдела ГПУ Украины. В декабре 1934 года участвовал в расследовании убийства Кирова. В 1936—1937 годы — начальник УНКВД по Азово-Черноморскому краю. Руководил развёртыванием Большого террора в Черноморье. В это время он отвечает за охрану мест отдыха Сталина. В 1937—1938 годы — полпред НКВД на Дальнем Востоке. Организатор депортации корейцев с Дальнего Востока. Автор «дальневосточной право-троцкистской шпионской диверсионно-вредительскои организации» на Дальнем Востоке. В июне 1938 года перебежал к японцам. Его побег совпал с приездом на Дальний Восток Фриновского и Мехлиса. Выдал японцам всю секретную информацию, которой владел, в том числе о дислокации войск, строительстве оборонительных сооружений, крепостях и укреплениях и т. д. Участвовал в разработке и осуществлении операции, целью которой должно было быть убийство Сталина во время его отдыха в Сочи: Люшков, как никто другой, знал систему охраны, расположение постов, план помещений и мест отдыха и пребывания Сталина. Операция провалилась. В 1945 году, ещё до краха Квантунской армии, он был застрелен японцами.

18

Ремезов Фёдор Никитич (1896—1990) — советский военачальник, полководец. В Красной армии с 1918 года. Участник Гражданской войны. В годы Великой Отечественной войны командовал 13-й армией, войсками Северо-Кавказского военного округа. С апреля 1942-го — командующий 45-й армией Закавказского фронта.

19

Лукин Михаил Фёдорович (1892—1970) — советский военачальник, полководец. Генерал-лейтенант (1940). В русской армии с 1913 года. Участник Первой мировой войны. Во время Великой Отечественной войны — командующий 16-й армией, командующий 20-й армией. Командуя 19-й армией Западного фронта, в октябре 1941 года под Вязьмой попал в окружение, затем в плен. Во время последних боёв ранен. В плену ему ампутировали ногу. В мае 1945-го был освобождён из плена и возвращён в СССР, арестован. В 1946 году освобождён из-под стражи. В 1988 году Исполком Смоленского совета народных депутатов присвоил генерал-лейтенанту Лукину звание «Почётный гражданин города-героя Смоленска» (посмертно). В 1993 году посмертно присвоено звание Героя России. В Первую мировую войну имел следующие боевые награды: орден Святой Анны 4-й степени; орден Святого Владимира 4-й степени; орден Святого Станислава 3-й степени. В Красной армии: пять орденов Красного Знамени, орден Трудового Красного Знамени, орден Красной Звезды.

20

Куронкин Павел Алексеевич (1900—1989) — советский военачальник, полководец. Герой Советского Союза (1945). В Красной гвардии с 1917 года. Участник Гражданской и Советско-финляндской войны. В самый канун войны был назначен командующим войсками Орловского военного округа. На базе Орловского округа сформировал 20-ю армию и с ней вступил в бой в период Смоленского сражения. С августа 1941 года командовал 43-й армией. Затем был представителем Ставки на Северо-Западном фронте, командующим войсками Северо-Западного фронта. В этот период войска его фронта окружают немцев под Демянском и успешно обороняются на Холмском направлении. За неудачи под Демянском (деблокада немцами Демянского «котла») генерала Курочкина понижают в должности. В ноябре 1942 года — назначен командующим 11-й армией, а в марте 1943-го — 34-й армией Северо-Западного фронта. С июня 1943 года — вновь командующий Северо-Западным фронтом. В декабре 1943 года назначен заместителем командующего 1-м Украинским фронтом. Участвовал в разработке и осуществлении Корсунь-Шевченковской операции. С февраля 1944 года командовал войсками 2-го Белорусского фронта. В апреле, передав дела маршалу К.К. Рокоссовскому, назначен командующим 60-й армией 1-го Украинского фронта.

21

Белобородов Афанасий Павлантьевич (1903—1990) — генерал армии. Дважды Герой Советского Союза. В 1919—1920 годах — в красном партизанском отряде на Дальнем Востоке. В Красной армии с 1923 года. В Великую Отечественную войну — командир стрелковой дивизии и корпуса, с 1944 года — командующий 43-й армией в составе 1-го Прибалтийского фронта. В августе 1945 года командовал 1-й краснознамённой армией 1-го Дальневосточного фронта.

22

Рейтер Макс Андреевич (1886—1950) — советский военачальник, полководец. Генерал-полковник (1943). Из семьи латышских крестьян. В русской армии с 1906 года. Участник Первой мировой войны, командовал ротой, батальоном. Состоял при штабе армии Западного фронта офицером для поручений. Полковник. В феврале 1918 года попал в немецкий плен. Был освобождён в марте 1919 года. Вернувшись из плена, вступил в РККА. Участвовал в Гражданской войне, в подавлении восстания в Кронштадте. В 1941 году — заместитель командующего Северо-Кавказским военным округом. С марта по сентябрь 1942-го — командующий 20-й армией. Затем командующий Брянским фронтом и заместитель командующего Воронежским фронтом. В 1943 году был отправлен в один из внутренних округов — Южно-Уральский и в боевых действиях больше участия не принимал.

23

Хлебников Николай Михайлович (1895—1981) — советский военачальник, генерал-полковник артиллерии. Герой Советского Союза (1943). Участник Первой мировой войны. В Красной армии с 1918 года. В Гражданскую войну начальник артиллерии дивизии. В годы Великой Отечественной войны командовал артиллерией армии. С 1942 года — командующий артиллерией Калининского, затем 1-го Прибалтийского фронтов.

24

Пуркаев Максим Алексеевич (1894—1953). В Красной армии с 1918 года. В Гражданскую войну командовал полком. В период Великой Отечественной войны — начальник штаба Юго-Западного фронта, а с ноября 1941 года — командующий 60-й армией. В 1942 году — командующий войсками Калининского фронта. С апреля 1943-го — командующий Дальневосточным фронтом. Во время войны с Японией в 1945 году командовал войсками 2-го Дальневосточного фронта. Награждён двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Суворова 1-й степени, Кутузова 1-й степени, медалями.

25

Камера Иван Павлович (1897—1952). В период Витебского и Вяземского сражений — командующий артиллерией 19-й армии. Затем командующий артиллерией Западного фронта. В феврале—марте 1943 года, уже в звании генерал-полковник, был представителем ставки ВГК в штабе артиллерии Калининского фронта, которым в тот период командовал Конев.

26

Белостокско-Минский «котёл» — советские армии, находившиеся в Белостоке ком выступе, вступили в бой в первый же день нападения Германии на СССР. Белостокский выступ имел форму бутылки, горлышком обращенной на восток, и опирался на единственную коммуникацию — дорогу Белосток—Слоним. К 25 июня стало очевидным, что охват выступа грозит окружением нескольких советских армий. Начался отход. Но уже 1 июля части 4-й и 9-й полевых армий вермахта сомкнулись, завершив полное окружение. Почти в тот же период части 2-й и 3-й танковых групп группы армий «Центр» в районе Налибокской пущи и Минска окружили остатки отошедших от Белостока 3-й и 10-й армий, а также дивизии 13-й и 4-й армий. К 8 июля бои в Минском «котле» были завершены полным разгромом советских войск. Уничтожены 11 стрелковых, две кавалерийские, шесть танковых и четыре механизированные дивизии. Погибли три командира корпусов, два командира дивизий, попали в плен два командира корпусов, шесть командиров дивизий; один командир корпуса и два командира дивизий пропали без вести. В двух «котлах» противник пленил около 324 тысяч человек. РККА потеряла 3332 танка, 1809 орудий.

27

Хоруженко Никифор Гордеевич (1896—1966) — генерал-лейтенант. Участник Первой мировой войны. В Красной армии с 1918 года. Участник Гражданской войны. Во время Великой Отечественной — командир 220-й стрелковой дивизии 26-го мехкорпуса 19-й армии, заместитель командующего 30-й армией по тылу, командовал 15-м гвардейским стрелковым корпусом. Награждён орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 2-й степени, орденом Кутузова 2-й степени.

28

Горбатов Александр Васильевич (1891—1973) — Герой Советского Союза (1945). Генерал армии (1955). В Первую мировую войну служил в гусарском полку, отличился в боях, имел два Георгиевских креста и две медали «За храбрость». В Гражданскую войну командовал полком и отдельной кавалерийской бригадой. В 1938 году был арестован НКВД за то, что перед строем дивизии позволил заступиться за арестованного комкора П.П. Григорьева. Во время следствия заявил: «Лучше умру, чем оклевещу себя, тем более других». Осуждён на 15 лет лагерей плюс пять лет поражения в правах. Отбывал наказание на Колыме. В 1941 году был освобождён. Во время Великой Отечественной войны служил комбригом, заместителем командира 25-го стрелкового корпуса, командиром 226-й стрелковой дивизии, инспектором кавалерии Юго-Западного, затем Сталинградского фронтов, заместителем командующего 24-й армией, командовал 20-м стрелковым корпусом. В июне 1943 года, в самый канун Курской битвы, принял командование 3-й общевойсковой армией и с ней дошёл до Победы. Первый военный комендант Берлина. Награждён многими орденами и медалями, в том числе четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-й степени и орденом Суворова 2-й степени, а также орденами Кутузова 1-й и 2-й степени. Вскоре после публикации книга Горбатова «Годы и войны» была изъята из армейских библиотек. Второе и последующие её издания вышли лишь спустя двадцать лет, когда их автора уже не было в живых.

29

Пятого апреля 1941 года были введены новые штаты военного времени, согласно которым стрелковая дивизия должна иметь 14 483 человека личного состава, 132 различных орудия, 66 миномётов, восемь зенитных пушек, 16 лёгких танков, 166 станковых и 393 ручных пулемёта.

30

В справке начальника штаба генерала Рубцова речь идёт об огневых позициях, которые артиллерия 19-й армии занимала под Киевом.

31

Именно так в оперативных документах и на картах 41-го года именовался населённый пункт Холм-Жирковский.

«Севастопольские рассказы».

33

Лебеденко Никита Федотович (1899—1956) — генерал-лейтенант, Герой Советского Союза. В Красной армии с 1919 года. Участник Гражданской и Советско-финляндской войны. Во время Великой Отечественной войны командовал 31-й стрелковой дивизией в составе 19-й армии, 50-й стрелковой дивизией, 33-м гвардейским стрелковым корпусом в составе 5-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта. С мая 1945 года — военный комендант Дрездена. С октября 1945-го по март 1948 года — военный комендант Вены. Награждён двумя орденами Ленина, шестью орденами Красного Знамени, орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени, двумя орденами Суворова 2-й степени.

34

Телков Пётр Сергеевич (1900—?) — генерал-майор. В Красной армии с 1919 года. Великую Отечественную войну встретил командиром 190-го стрелкового полка 5-й стрелковой дивизии. Затем командовал 5-й стрелковой дивизией, 51-й стрелковой дивизией, 120-й гвардейской Рогачёвской краснознамённой орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизией. Удостоен многих правительственных наград, в том числе ордена Красного Знамени.

35

Юшкевич Василий Александрович (1897—1951) — генерал-полковник (1945). Участник Первой мировой войны. В Красной армии с 1919 года. Участник Гражданской войны. В 1936—1939 годах добровольцем воевал в Испании, под Мадридом. По возвращении был репрессирован и больше года провёл в лагерях. В ноябре 1939-го был освобождён и награждён орденом Ленина — за выполнение боевого задания в Испании. С 1941 года — командир 44-го стрелкового корпуса. Войну встретил в звании комдива. За освобождение Ярцева в ходе Смоленского сражения ему было присвоено звание генерал-майор. С августа 1941 года командовал 22-й армией Западного фронта, затем 31-й армией, снова 22-й армией. С апреля 1944 года — командовал 3-й ударной армией. В августе 1944 года по болезни был освобождён от занимаемой должности и направлен командующим Одесским военным округом. Награждён двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Красной Звезды, медалями.

36

Горячев Сергей Георгиевич (1897—1983) — генерал-лейтенант (1943). Участник Первой мировой войны. В Красной армии с ноября 1919 года. Участник Гражданской войны, Польского похода 1920 года. В 1921 году участвовал в подавлении Кронштадтского восстания. Во время Великой Отечественной войны командовал 23-й стрелковой дивизией 11-й армии Северо-Западного фронта, строительством Валдайского укрепрайона, 256-й стрелковой дивизией 31-й армии Калининского фронта, 185-й стрелковой дивизией 29-й армии, 7-м стрелковым корпусом, находившимся сначала в резерве Ставки ВГК, а затем в составе 64-й армии Сталинградского фронта. В январе 1943 года корпус под его командованием отличился в ходе ликвидации окружённой под Сталинградом группировки немецко-фашистских войск, за что был преобразован в 35-й гвардейский (64-я армия в апреле 1943 года — в 7-ю гвардейскую). Корпус участвовал в Курской битве, в освобождении городов Белгорода и Харькова. С.Г. Горячев награждён тремя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 2-й степени и медалями.

37

Масленников Иван Иванович (1900—1954) — генерал армии. Герой Советского Союза. Участник Гражданской войны. С 1936 года — на штабной работе в войсках НКВД. С 1937-го по 1939 год — начальник войск НКВД в Белоруссии, затем первый заместитель наркома внутренних дел Белоруссии. В 1939 году его приблизил к себе Берия. Активно участвовал в «чистке» Красной армии от «ежовщины». Один из создателей специальной структуры НКВД для контроля за войсками. На должность командующего 29-й армией был назначен с подачи наркома НКВД Берии, когда войска начали «усиливать» лучшими кадрами этого всесильного наркомата. В период проведения немцами операции «Тайфун» 29-я армия прикрывала Ржевское направление. Армия постепенно отходила к Волге, а затем за Волгу. Армия без боя сдала Ржев, после чего противник овладел Калинином. Командующий 29-й армией продолжал оставаться замнаркома НКВД и на фронте вёл себя соответственно. Неудачи подо Ржевом были списаны на Военный совет соседней 31-й армии и её командующего генерала В.Н. Далматова. По предложению Масленникова Далматов и его офицеры были арестованы и отданы под суд. С декабря Масленников командовал 39-й армией Калининского фронта. Участвовал в Ржевеко-Вяземской наступательной операции 1942 года. Попал в окружение. Из окружения вылетел на самолёте, поручив командовать войсками, шедшими на прорыв, своему заместителю генералу Богданову. При выходе из окружения Богданов погиб. С января 1943 года Масленников командовал Северо-Кавказским фронтом в звании генерал-полковника, сохраняя за собой должность заместителя наркома НКВД. В мае 1943 года его перевели на должность ниже: до декабря того же года он служил попеременно заместителем командующего войсками Волжского, Юго-Западного и 3-го Украинского фронтов. В декабре 1943 года командовал 42-й армией. Затем был заместителем командующего войсками Ленинградского фронта. В апреле 1944 года стал командующим войсками 3-го Прибалтийского фронта. После войны командовал войсками Бакинского и Закавказского военных округов, а 10 июня 1948 года Берия вернул его к себе в МВД, на должность заместителя министра по войскам. Осенью 1953 года Берию арестовали. Масленникова пока «не брали», но 11 марта 1953 года уволили из МВД. Видя, что комиссии «берут» его старых сослуживцев по делу Берии, 16 марта 1954 года Масленников застрелился.

38

Долматов Василий Никитич (1898—1977) — генерал-майор (1940). Из крестьян. В Красной армии с 1919 года. Начальник погранотряда. С мая 1939-го по июль 1941 года — начальник Управления пограничных войск НКВД Карело-Финской ССР. Участник Советско-финляндской войны, командовал спецотрядом пограничников. С 15 июля по 13 октября 1941 года — командующий 31-й армией. За неудачи подо Ржевом был отдан под суд. Но разбирательство не выявило личной вины Далматова, и он был направлен с понижением в звании на должность заместителя командующего войсками Московской зоны обороны. В 1942 году командовал 134-й стрелковой дивизией второго формирования. В 1942 году был отстранён от должности «за неумелое руководство боевыми операциями, вследствие чего дивизия понесла большие потери в людском составе и технике». Руководил боевой подготовкой 41-й армии Калининского фронта. С 1944 года — командовал 362-й стрелковой дивизией, затем — 307-й стрелковой дивизией. Участвовал в штурме Кенигсберга. После войны вернулся на службу в войска МВД—МГБ СССР. Награждён одиннадцатью орденами Ленина, шестью — Красного Знамени, Суворова 2-й степени, двумя — Отечественной войны 1-й степени, Кутузова 2-й степени, медалями.

39

Швецов Василий Иванович (1898—1958) — генерал-полковник (1954). В Красной армии с 1919 года. Участник Гражданской войны. Во время Великой Отечественной войны командовал 133-й стрелковой дивизией в составе 24-й армии, 29-й армией Калининского фронта. За допущенные просчёты и неспособность руководить войсками в районе Гридинского выступа был отстранён от командования. С сентября 1942 года исполнял обязанности заместителя командующего 3-й ударной армией Калининского фронта. Затем командовал 4-й ударной армией, 21-й и 23-й армиями. Награждён двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени, орденом Отечественной Войны 1-й степени.

40

Ротмистров Павел Алексеевич (1901 — 1982) — Главный маршал бронетанковых войск (1962). В Красной армии с 1919 года. Участвовал в Гражданской войне (отличился при подавлении Кронштадтского восстания) и Советско-финляндской войне. Во время Великой Отечественной войны командовал 3-м механизированным корпусом, 8-й танковой бригадой 11-й армии Северо-Западного фронта (впоследствии бригада была преобразована в 3-ю гвардейскую танковую), 7-м танковым корпусом, сформированным в марте 1942 года на базе 3-й гвардейской танковой бригады. Корпус успешно действовал в районе Ельца и вошёл в состав 5-й танковой армии генерала А.И. Лизюкова. С августа 1942 года корпус воевал в составе 1-й гвардейской танковой армии на Сталинградском фронте, в сентябре в первом же бою потерпел катастрофу: за три дня боёв из 180 танков в строю осталось только 15. После пополнения корпус брошен под Котельниково и в заключительной фазе Сталинградского сражения блестяще показал себя. В феврале 1943 года Ротмистров получил звание генерал-лейтенант танковых войск, орден Суворова 2-й степени и новое назначение — командующий вновь создаваемой 5-й гвардейской танковой армией. Летом 1943 года армия участвовала в Курском сражении и за один день боя против двух танковых дивизий противника потеряла больше половины своих боевых машин. Сталин потребовал расследования и наказания виновных.

Спасло Ротмистрова только то, что армию быстро вновь пополнили и тут же бросили в бой. Затем была битва за Днепр, Кривой Рог, Кировоградская и Корсунь-Шевченковская операции. За образцовое выполнение заданий командования в ходе Корсунь-Шевченковской операции Ротмистрову было присвоено звание маршала бронетанковых войск. В 1944 году армия была переброшена в район действия 3-го Украинского фронта. В ходе операции «Багратион» действовала на Минском и Вильнюсском направлениях. Действия армии вызывали постоянное недовольство Ставки и командования фронта. После взятия Вильнюса по требованию генерала Черняховского Ротмистров был отстранён от должности командарма. В августе 1944 года его назначили заместителем командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной армии, и до конца войны в боевых действиях он не участвовал. С 1958 по 1964 год Ротмистров возглавлял Военную академию. В 1962 году Ротмистрову было присвоено звание Главного маршала

бронетанковых войск. В 1965 году — звание Героя Советского Союза — «за умелое руководство войсками, личное мужество и отвагу, проявленные в боях с немецкими захватчиками». Награждён шестью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Суворова 2-й степени, орденом Красной Звезды, медалями. Почётный гражданин города Селижарово и города Калинина (Тверь).

41

Громов Михаил Михайлович (1899—1985) — советский лётчик и военачальник, генерал-полковник авиации. В 1934 году участвовал в длительном беспосадочном перелёте по замкнутому кругу, за что удостоен звания Героя Советского Союза. Участник перелёта Москва—Северный полюс—Сан-Джасинто (США). Во время войны командовал ВВС Калининского фронта, 3-й воздушной армией, 1-й воздушной армией. С 1944 года — начальник Главного управления боевой подготовки фронтовой авиации ВВС. После войны — заместитель командующего дальней авиацией, начальник Управления лётной службы МАП. Председатель ассоциации тяжёлой атлетики СССР. Награждён четырьмя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 2-й степени, орденом Отечественной войны 1-й степени, тремя орденами Красной Звезды.

42

Флёров Василий Сергеевич (1922—1991) — профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой отечественной истории Ярославского государственного университета (1972—1991). В 1968 году принимал участие в подготовке и издании многотомной «Истории Сибири», удостоенной Государственной премии СССР. Награждён орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Москвы», «За оборону Ленинграда», «За трудовую доблесть».

43

Вострухов Владимир Иванович (1895—1971) — генерал-полковник (1945). Участник Первой мировой войны. В Красной армии с 1919 года. Участник Гражданской войны. В 1940 году ему было присвоено звание генерал-майора. В начале войны занимал должность заместителя командующего 22-й армией по тылу. С октября 1941 года — командующий 22-й армией. С февраля 1942 года — в распоряжении ГУК. С марта по апрель 1942 года — командующий 31-й армией Калининского фронта. С апреля 1942 года — начальник тыла, заместитель командующего по тылу Калининского фронта, заместитель командующего по тылу 30-й армии Западного фронта. С апреля 1943 года — заместитель командующего по тылу Степного военного округа. С 1945 года — на той же должности в Забайкальском военном округе. С 1946 года — начальник Военной академии тыла и снабжения им. В.М. Молотова. С 1949 по 1953 год — начальник тыла ВВС СССР. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени, орденом Отечественной войны 1-й степени.

44

Чанчибадзе Порфирий Георгиевич (1901 — 1950) — советский военачальник, Герой Советского Союза, генерал-полковник. В Красной армии с 1921 года. Начало Великой Отечественной войны встретил в должности командира 120-го стрелкового полка, переброшенного в июле 1941 года на фронт с Дальнего Востока. В июле 1941 года был назначен командиром 107-й мотострелковой дивизии в составе 30-й армии. В ноябре 1942 года генерал-майор Чанчибадзе был назначен командиром 13-го гвардейского стрелкового корпуса. В июне 1944 года — командующим 2-й гвардейской армией. Награждён двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени, орденом Суворова 2-й степени, орденом Кутузова 2-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 2-й степени, орденом Красной Звезды.

45

Лелюшенко Дмитрий Данилович (1901 — 1987) — советский военачальник, генерал армии (1959), дважды Герой Советского Союза, герой ЧССР (1970). В 1918 году партизанил в отряде Б.К. Думенко. С 1919 года в Красной армии в составе 1-й Конной армии. Участвовал в Гражданской и Советско-финляндской войнах. Во время Великой Отечественной войны командовал механизированным и стрелковым корпусами, с октября 1941-го — 5-й, 30-й, 1-й и 3-й гвардейскими армиями, с марта 1944-го — 4-й гвардейской танковой армией. С 1956 года командовал войсками Забайкальского, с 1958 года — Уральского военных округов. В 1960—1964 годы — председатель ЦК ДОСААФ, с 1964 года — военный инспектор — советник Министерства обороны. Депутат Верховного Совета СССР 1-го, 5-го и 6-го созывов. Награждён четырьмя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова и двумя орденами Кутузова 1-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени и медалями, пятью иностранными орденами.

46

Богданов Иван Александрович (1897—1942) — генерал-лейтенант. Участник Первой мировой войны. С 1918 года — доброволец в отряде при Тамбовской губчека. Участник Гражданской войны. В июне 1941 года был назначен командующим резервными армиями (впоследствии Резервный фронт), затем заместителем командующего войсками Резервного фронта. В декабре 1941 года — заместитель командующего 39-й армией, участник прорыва «Линии Штрауса». В начале 1942 года оказался в полуокружении, а затем в окружении северо-западнее Вязьмы. В июле 1942 года после вылета на самолёте из окружения командующего армией генерала Масленникова принял командование войсками. Был тяжело ранен во время прорыва из окружения и через три дня скончался. Награждён орденом Ленина (посмертно), орденом Красного Знамени, орденом Красной Звезды.

47

Власов Андрей Андреевич (1901—1946) — генерал. Участник Гражданской войны. Воевал против Врангеля, Махно, Каменюка и Попова. В конце 1930-х годов находился в секретной правительственной командировке — был военным атташе в Китае при Чан Кайши. В 1939 году — комдив в Киевском особом военном округе. В августе 1941 года — командующий 37-й армией. Под Киевом его армия и ряд других (5-я, 21-я, 26-я) попали в окружение. Власов сумел вывести часть своих войск из окружения. Был назначен командующим 20-й армией Западного фронта. 28 января 1942 года ему присвоили звание генерал-лейтенанта. В 1942 году — направлен на спасение 2-й Ударной армии вместо раненого генерала Клыкова, поскольку имел опыт выведения войск из окружения (он вывел 37-ю армию из-под Киева). В июле 1942 года сдался в плен. В плену согласился на сотрудничество с германской армией. Гитлер пренебрежительно относился к Власову: «Перебежавшая свинья и дурак». Власов несколько раз пытался встретиться с Гитлером, но тот его так и не принял. Организатор РОА на базе «русских батальонов». Подразделения РОА зверствовали на территории Могилёвской и Минской, Смоленской и Сумской областей, а также в Белоруссии и Польше. Встречался с находившимися в немецком плену советскими генералами Понеделиным, Снеговым, Лукиным. Но те наотрез отказались служить немцам и занимать какие-либо должности в его армии. Власов был захвачен танкистами 25-го танкового корпуса 13-й армии 1-го Украинского фронта в районе города Плзень в Чехословакии при попытке перейти в западную зону оккупации. В 1946 году по приговору суда лишён наград, звания и повешен как изменник родины. Награды, полученные в РККА: орден Ленина, два ордена Красной Звезды, медаль «XX лет РККА».

48

Хлебников Николай Михайлович (1895—1981) — генерал-полковник (1944). Участник Первой мировой войны. В Красной армии с 1918 года. В Гражданскую войну был начальником артиллерии знаменитой 25-й стрелковой Чапаевской дивизии. Участник Советско-польской войны 1920 года. В Великую Отечественную войну — командующий артиллерией 27-й и 4-й ударной армии, командующий артиллерией Калининского, затем 1-го Прибалтийского фронтов. В 1945 году удостоился звания Героя Советского Союза. Награждён тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-й степени, орденом Суворова 2-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями.

49

Белов Павел Алексеевич (1897—1962) — генерал-полковник (1944). Участник Первой мировой войны. В Красной армии с 1919 года. Участник Гражданской войны. Командовал кавалерийским взводом, эскадроном, был помощником командира полка. После войны командир эскадрона, кавалерийского полка, затем командир дивизии. В 1927 году окончил Курсы усовершенствования старшего комсостава, в 1933 году — Военную академию им. М.В. Фрунзе, в 1949 году — Военные академические курсы при Военной академии. Участник похода в Западную Украину в 1939 году. В Великую Отечественную войну — командир 2-го кавалерийского корпуса (1-го гвардейского кавалерийского корпуса), командующий 61-й армией. Награждён «Золотой Звездой» Героя Советского Союза (январь 1944 года), пятью орденами Ленина, тремя орденами Суворова 1-й степени, тремя орденами Красного Знамени, орденом Кутузова 1-й степени, медалями.

50

Ефремов Михаил Григорьевич (1897—1942) — генерал-лейтенант. Участвовал в Первой мировой войне. В Красной армии с 1918 года. Участвовал в Гражданской войне. В начале Великой Отечественной войны командовал 21-й армией, Центральным фронтом, затем занимался формированием 10-й армии. Был заместителем командующего войсками Брянского фронта (август—сентябрь 1941 года). С октября 1941 года — командующий 33-й армией Западного фронта. Участвовал в Смоленском сражении, Московской битве 1941 — 1942 годов и в Вяземской наступательной операции. 19 апреля 1942 года в бою около деревни Жары был тяжело ранен и, не желая попасть в плен, застрелился. Похоронен немцами со всеми воинскими почестями, под оружейный салют в селе Слободка, а после освобождения этих мест советскими войсками его прах был торжественно перенесён в город Вязьму на Екатерининское кладбище. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами Красного Знамени Азербайджанской ССР (1920, 1921) и медалью «XX лет РККА». Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 1996 года № 1792 «за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 годов» генерал-лейтенанту Ефремову Михаилу Григорьевичу посмертно присвоено звание Героя Российской Федерации.

51

Фёдоров Иван Евграфович (род. в 1914 году) — лётчик-испытатель. С мая 1937-го по январь 1938 года воевал в Испании, затем — на фронтах Великой Отечественной войны, участник Корейской войны. Во всех войнах одержал 134 воздушных победы. В числе первых начал испытывать отечественные реактивные истребители. За испытание и освоение новой военной техники и проявленные при этом мужество и героизм 5 марта 1948 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Живёт в Москве. Награждён орденом Ленина, орденом Александра Невского, четырьмя орденами Отечественной войны 1-й степени, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 2-й степени, орденом «Знак Почёта», орденом Красной Звезды, орденом «Лавры Мадрида» (Испания), медалями.

Речь идёт о Ржевско-Сычёвском выступе.

53

Береговой Георгий Тимофеевич (1921 — 1995) — генерал-лейтенант, лётчик-космонавт СССР № 12. За героизм, мужество и отвагу, проявленные в воздушных боях Великой Отечественной войны, 26 октября 1944 года был удостоен звания Героя Советского Союза. В 1948—1964 годы работал лётчиком-испытателем. В 1956 году окончил Военно-воздушную академию (с 1968 года — имени Ю.А. Гагарина). 14 апреля 1961 года был удостоен звания «Заслуженный лётчик-испытатель СССР». В 1963 году зачислен в отряд космонавтов — Группа ВВС № 2 (дополнительный набор). 26—30 октября 1968 года совершил полёт на космическом корабле Союз-3. В полёте была первая в истории попытка стыковки с беспилотным кораблём Союз-2 в тени Земли. Полёт продолжался трое суток 22 часа 50 минут 45 секунд. 1 ноября 1968 года награждён второй медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза. 22 января 1969 года в Кремле во время торжественной встречи космонавтов офицер Виктор Ильин обстрелял автомашину, в которой ехал Береговой, приняв её за автомобиль Брежнева (ошибке способствовало и лёгкое внешнее сходство Берегового с Брежневым). Сидевший рядом с Береговым шофёр был смертельно ранен; сам Береговой был легко ранен осколками лобового стекла. В 1972—1987 годы — начальник Центра подготовки космонавтов. Награды: два ордена Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Александра Невского, орден Богдана Хмельницкого 3-й степени, два ордена Красной Звезды, два ордена Отечественной войны 1-й степени, медали.

54

Галицкий Кузьма Никитович (1897—1973) — генерал-полковник. В Красной армии с 1918 года. Участник Гражданской, Советско-финляндской войн. Во время Великой Отечественной войны был командиром дивизии, корпуса, затем заместителем командующего армией. В 1942 году командовал 3-й ударной армией. С 1943 года — 11-й гвардейской армией. В 1945 году удостоен звания Героя Советского Союза. Награждён четырьмя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Суворова 1-й степени, Кутузова 1-й степени, Богдана Хмельницкого 1-й степени, Красной Звезды, медалями, польским орденом.

55

Черевиченко Яков Тимофеевич (1894—1976) — генерал-полковник. В Красной армии с 1918 года. Участник Первой мировой и Гражданской войн. С 1940 года командовал Одесским военным округом. Во время Великой Отечественной войны командовал 9-й, 21-й, 5-й армиями, войсками Южного и Брянского фронтов, был заместителем командующего Северо-Западным, Крымским и Северо-Кавказским фронтами, командующим Черноморской группой войск и войсками Харьковского военного округа. В 1945 году был командиром 7-го стрелкового корпуса, с которым штурмовал Берлин. Награждён двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 2-й степени, орденом Красной Звезды.

56

Мерецков Кирилл Афанасьевич (1897—1968) — советский военачальник. В Красной армии с 1918 года. Участник Гражданской войны. В сентябре 1936-го — мае 1937 года под псевдонимом «генерал Павлович» воевал в Испании. Во время Советско-финляндской войны командовал 7-й армией Северо-Западного фронта, в задачу которого входил прорыв «линии Маннергейма». За умелое руководство войсками ему было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 242). С августа 1940 года по 14 января 1941 года — начальник Генерального штаба РККА. С 14 января до 24 сентября 1941 года — заместитель народного комиссара обороны СССР по боевой подготовке. 23 июня 1941 года был арестован и находился в заключении по подозрению в «участии в антисоветском заговоре». 6 сентября 1941 года освобождён. Следственное дело № 9811697 в отношении К.А. Мерецкова было уничтожено 25 января 1955 года на основании указания ЦК КПСС и распоряжения председателя КГБ при Совете министров СССР И.А. Серова, вследствие чего большинство подробностей дела неизвестны. Во время Великой Отечественной войны командовал 7-й, затем 4-й армиями, войсками Волховского фронта, был заместителем командующего Западным направлением, командовал 33-й армией, Волховским фронтом, Карельским фронтом. С 15 апреля 1945 года — командующий Приморской группой войск Дальневосточного фронта, с 5 августа 1945 года — командующий войсками 1-го Дальневосточного фронта, участвовавшего в разгроме японских войск в Маньчжурии и Северной Корее. Награждён семью орденами Ленина, орденом «Победа» (№ 18), орденом Октябрьской Революции, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени.

57

ОКХ — Верховное командование сухопутных сил вермахта с 1936 по 1945 год. Находилось в Вюнсдорфе под Цоссеном. В течение почти всей Второй мировой войны формально не подчинялось ОКВ — Верховному главнокомандованию вермахта. ОКХ под руководством Гитлера фактически являлось командованием Восточноевропейского театра военных действий. ОКВ командовало Западноевропейским театром.

58

Жадов (до 1942 г. — Жидов) *Алексей Семёнович* (1901 — 1977) — генерал-полковник. В Красной армии с 1919 года. Участник Гражданской войны. За несколько дней до Великой Отечественной войны был назначен командиром 4-го воздушно-десантного корпуса. С августа 1941 года — начальник штаба 3-й армии (Центральный и Брянский фронты); участвовал в битве под Москвой. С мая 1942-го командовал 8-м кавалерийским корпусом (Брянский фронт). С октября 1942-го — командующий 66-й армией Донского фронта, участник Сталинградского сражения. 66-я армия была преобразована в 5-ю гвардейскую армию. Генерал А.С. Жадов бессменно командовал ею до Победы. 6 апреля 1945 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза, 8 августа 1955 года — звание генерала армии. Награждён тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, пятью орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Красной Звезды.

59

Гаген Николай Александрович (1895—1969) — генерал-лейтенант. Участник Первой мировой войны. В Красной армии с 1919 года. Участник Гражданской войны. Принимал участие в подавлении Петропавловского восстания белоказаков в 1921 году. В июле 1940 года был назначен командиром 153-й стрелковой дивизии (в сентябре 1941-го она была преобразована в 3-ю гвардейскую стрелковую дивизию), с которой вступил в Великую Отечественную войну. Генерал-майор с ноября 1941-го. С января 1942-го по апрель 1943 года — командир 4-го стрелкового корпуса, с мая 1943-го по октябрь 1944-го — командующий 57-й армией, с января 1945-го — 26-й армией. Участник Сталинградской и Курской битв, боёв на Левобережной и Правобережной Украине, освобождения Болгарии. Его войска отличились в Ясско-Кишинёвской, Белградской, Будапештской, Балатонской и Венской операциях. Награждён двумя орденами Ленина, пятью орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени, двумя орденами Кутузова 1-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени, орденом Суворова 2-й степени, медалями.

60

Шумилов Михаил Степанович (1895—1975) — генерал-полковник. Участник Первой мировой войны. В Красной армии с 1918 года. Участвовал в Гражданской войне, в боевых действиях в Испании, в Советско-финляндской войне. На фронтах Великой Отечественной войны с июня 1941-го — командир 11-го стрелкового корпуса. С января 1942 года — заместитель командующего 21-й армией на Юго-Западном фронте, участвовал в трагических сражениях лета 1942 года на Харьковском направлении и на Дону. С августа 1942-го и до конца войны — командующий 64-й (с 16 апреля 1943 года преобразованной в 7-ю гвардейскую) армией, которая участвовала в Сталинградской и Курской битвах, в форсировании Днепра, в Кировоградской, Уманско-Ботошанской, Ясско-Кишинёвской, Дебреценской, Будапештской, Братиславско-Брновской, Пражской операциях, освобождала Румынию, Венгрию, Чехословакию. Шумилову было присвоено звание генерал-полковника. 26 октября 1943-го за форсирование Днепра присвоено звание Героя Советского Союза. Награждён тремя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Красной Звезды.

61

Казаков Михаил Ильич (1901 — 1979) — генерал армии (1955), Герой Советского Союза (1978). В Красной армии с 1920 года. Участник Гражданской войны. Во время Великой Отечественной войны — начальник штаба Брянского (январь—июль 1942-го), Воронежского (июль 1942-го — февраль 1943-го) фронтов, командующий 69-й армией (февраль—март 1943-го), помощник командующего войсками Резервного и Степного фронтов, заместитель командующего войсками Брянского и 2-го Прибалтийского фронтов (апрель—декабрь 1943-го). С января 1944 года и до конца войны командовал 10-й гвардейской армией. Автор книг «Над картой былых сражений», «А мы с тобой, брат, из пехоты…» и др. Награждён тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й и 2-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями.

62

Манагаров Иван Мефодиевич (1898—1981) — генерал-полковник. В Красной армии с 1918 года. Участвовал в Октябрьской революции 1917 года и в Гражданской войне. В Великую Отечественную войну командовал кавдивизией, с 1942 года — стрелковым корпусом, затем 41-й армией, воевавшей в составе 2-го Украинского фронта. В 1943 году Манагарову было присвоено звание Героя Советского Союза. Награждён тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени, орденом Красной Звезды, медалями.

63

Поскрёбышев Александр Николаевич (1891 — 1965) — с 1928 по 1952 год 1-й заведующий особым сектором ЦК (секретариат Сталина). Обладал феноменальной памятью и широчайшей эрудицией. В 1953 году в результате тонко продуманной интриги был отстранён от должности Лаврентием Берией. После смерти Сталина, которая последовала в том же году, отправлен на пенсию. Спас многих деятелей культуры и искусства от репрессий, ходатайствуя за них лично перед Сталиным. Награждён четырьмя орденами Ленина, медалью «За Победу над Германией в Отечественной войне 1941 — 1945 гг.», медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг.».

64

Шарохин Михаил Николаевич (1898—1974) — в 1917 году в Красной гвардии. В Красной армии с 1918 года. Участник Гражданской войны. В Великую Отечественную войну — заместитель начальника оперативного управления Генерального штаба, затем заместитель начальника Генерального штаба. С 1942 года — начальник штаба 3-й Ударной армии. С августа 1942-го — начальник штаба Северо-Западного, а затем Волховского фронта. С 1943-го — командующий 37-й, затем 57-й армией. В битве за Днепр и Ясско-Кишинёвской операции проявил организаторские способности полководца и личную храбрость, за что был удостоен звания Героя Советского Союза. Награждён тремя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени, орденом Кутузова 2-й степени, орденом Красной Звезды.

65

Соломатин Михаил Дмитриевич (1894—1986) — генерал-полковник танковых войск (1944). Участник Первой мировой войны. В Красной армии с 1918 года. Участник Гражданской войны. В 1937 году — командир-комиссар 59-й стрелковой дивизии. Был арестован, отбывал срок в лагере. Освобождён. Во время Великой Отечественной войны командовал 45-й танковой дивизией, 145-й танковой бригадой (группа генерала П.А. Белова), 8-м танковым корпусом, 1-м Красноградским мехкорпусом, 5-й гвардейской танковой армией. Награждён орденом Ленина, орденом Суворова 2-й степени, орденами Кутузова 1-й и 2-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 2-й степени, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Октябрьской Революции.

66

Подгорный Иван Дмитриевич (1914—1996) — генерал-полковник авиации (1956). В Красной армии с 1931 года. В 1939 году командовал истребительной авиаэскадрильей, которая в составе ВВС 1-й армейской группы участвовала в боях на реке Халхин-Гол. Лично совершил 83 боевых вылета, за что был награждён орденом Красного Знамени и медалью «За отвагу». В годы Великой Отечественной войны командовал 46-м истребительным авиаполком, который участвовал в боях на Юго-Западном, Ленинградском и Волховском фронтах, 235-й истребительной авиадивизией в составе 8-й воздушной армии, участвовал в Сталинградской битве. Лично совершил 97 боевых вылетов. Затем командовал 4-м истребительным авиационным корпусом в составе 2-й воздушной армии Воронежского фронта и 5-й воздушной армии Степного (с октября 1943 года — 2-го Украинского) фронта. 30 ноября 1944 года 4-й истребительный авиационный корпус был преобразован в 3-й гвардейский; в 1945-м авиакорпус содействовал наземным войскам в освобождении Румынии, Венгрии, Австрии и Чехословакии. Награждён орденом Ленина, орденом Октябрьской Революции, шестью орденами Красного Знамени, орденом Трудового Красного Знамени, орденом Суворова 2-й степени, орденом Кутузова 2-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 2-й степени, орденом Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды.

67

Рязанов Василий Георгиевич (1901 — 1951) — генерал-лейтенант авиации. Участник Советско-финляндской войны 1939—1940 годов. Во время Великой Отечественной войны — заместитель командующего ВВС 5-й армии, командир 76-й авиадивизии, командующий группой ВВС Юго-Западного фронта и 2-й истребительной авиационной армии, командир 1-го штурмового авиационного корпуса. За успешные действия в районе Днепра в 1943 году ему было присвоено звание Героя Советского Союза. За отличия в боях на рубеже реки Висле и при разгроме ченстоховско-радомской группировки противника в январе 1945 года был удостоен второй медали «Золотая Звезда». Также награждён двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени, Суворова 2-й степени, орденом Красной Звезды, медалями.

68

Крюченкин (Крючёнкин) *Василий Дмитриевич* (1894—1976) — генерал-лейтенант. Участник Первой мировой войны. В 1917 году вступил в Красную гвардию, в 1918-м — в Красную армию. Участник Гражданской войны. В начале Великой Отечественной войны участвовал в боях на Юго-Западном фронте, затем командовал 5-м (с декабря 1941-го — 3-м гвардейским) кавкорпусом, 28-й армией, 69-й армией (участник Курской битвы), 10-й армией, 33-й армией 2-го Белорусского фронта (участник битвы за Днепр). В течение войны четыре раза отстранялся от командования армией как не обладавший необходимой военной подготовкой. С января 1945 года — заместитель командующего 61-й армией, затем заместитель командующего войсками 1-го Белорусского фронта. Награждён четырьмя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Бухарской Звезды 1-й степени, медалями.

69

Полбин Иван Семёнович (1905—1945) — гвардии генерал-майор авиации. В Великую Отечественную войну сражался на Западном, Сталинградском, Брянском, Воронежском, 1-м и 2-м Украинских фронтах. Командовал 150-м скоростным бомбардировочным авиационным полком, затем 301-й бомбардировочной авиационной дивизией, 1-м (2-м гвардейским, 6-м гвардейским) авиакорпусом. Совершил 157 боевых вылетов. Разработал и внедрил в практику боевых действий схему группового удара бомбардировщиков с пикирования («вертушка»). Награждён многими орденами и медалями. Зачислен навечно в списки гвардейского бомбардировочного авиационного полка, в котором служил. Звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» командиру 150-го скоростного бомбардировочного авиационного полка (Сталинградский фронт) было присвоено 23 ноября 1942 года. Второй медали «Золотая Звезда» командир 6-го гвардейского бомбардировочного авиационного корпуса (1-й Украинский фронт) был удостоен 6 апреля 1945 года посмертно. Гвардии генерал-майор авиации И.С. Полбин погиб смертью храбрых 11 февраля 1945 года в воздушном бою под Бреслау, совершая свой последний вылет. Награждён двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 2-й степени, Богдана Хмельницкого 1-й степени, Отечественной войны 1-й степени, орденом Красной Звезды, медалями. Имя И.С. Полбина присвоено Оренбургскому высшему авиационному училищу. Существует другая версия гибели генерала Полбина: во время полёта был сбит, захвачен в плен и убит в концлагере.

70

Катков Фёдор Григорьевич (1901—1992) — генерал-лейтенант танковых войск (1945). В Красную армию призван в 1920 году. Участник Гражданской войны на Дальнем Востоке. Во время Великой Отечественной войны командовал 12-й танковой дивизией 6-й армии Юго-Западного фронта. Был дважды тяжело ранен под Днепропетровском. После выздоровления преподавал в Военной академии механизации и моторизации РККА им. И.В. Сталина. Вернулся на фронт заместителем командира 3-го гвардейского мехкорпуса на Степном и Воронежском фронтах. Затем командовал 7-м мехкорпусом. После войны 7-й танковый корпус был переброшен на Дальний Восток и участвовал в Советско-японской войне 1945 года. 8 сентября 1945 года Каткову за умелое командование механизированным корпусом было присвоено звание Героя Советского Союза. Награждён двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Кутузова 1-й степени, тремя орденами Суворова 2-й степени, орденом Отечественной войны 1-й степени, медалями.

71

Кириченко Иван Фёдорович (1902—1981) — генерал-лейтенант танковых войск (1944). В Красной армии с 1919 года. Участник Гражданской войны. В 1939 году участвовал в боях на реке Халхин-Гол. С июля 1940 года — заместитель командира 22-го танкового полка 11-й танковой дивизии 2-го мехкорпуса. На фронтах Великой Отечественной войны воевал в составе 9-й и 12-й армий Южного фронта, вышел из Уманского «котла», где корпус погиб. Командовал 9-й танковой бригадой, 29-м танковым корпусом. Участник Сталинградской и Курской битв, Белгородско-Харьковской наступательной операции. С июня 1944 года — заместитель командующего 5-й гвардейской танковой армией. С января 1945-го — командир 9-го танкового корпуса. Герой Советского Союза (6 апреля 1945 года). Награждён четырьмя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 2-й степени, орденом Отечественной войны 1-й степени, медалями.

72

Рыжов Александр Иванович (1895—1950) — генерал-лейтенант (1944). Участник Первой мировой войны. В Красной армии с 1918 года. Участвовал в Гражданской войне. В Великую Отечественную войну — командир стрелковой дивизии, затем командир стрелкового корпуса, командующий 56-й, 18-й, 46-й и 47-й армиями, заместитель командующего 4-й гвардейской армией, командующий 70-й армией. После ранения и лечения в госпиталях командовал гвардейским корпусом. Герой Советского Союза (1944). Награждён четырьмя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 2-й степени, медалями.

73

Галанин Иван Васильевич (1899—1958) — генерал-лейтенант (1943). В Красной армии с 1919 года. Участник Гражданской войны. В Великую Отечественную войну — командир 18-го стрелкового корпуса, командующий 12-й армией, 59-й армией, армейской группой 16-й армии Западного фронта, заместитель командующего Воронежским фронтом, командующий 24-й армией, с которой участвовал в Сталинградской битве (армия преобразована в 4-ю гвардейскую), командующий 70-й армией, которая отразила наступление 9-й армии генерала Моделя на Курской дуге в районе Орла, а затем успешно наступала. С 1944 года — командующий 53-й армией, затем 4-й гвардейской армией. Награждён двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Кутузова 1-й степени (в том числе орденом Кутузова 1-й степени № 1), орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени, медалями.

Трофименко Сергей Григорьевич (1899-1953) — генерал-полковник (1944). В Красной армии с 1919 года. Участник Гражданской и Советско-финляндской войн. В Великую Отечественную войну командовал оперативной группой войск, 32-й, 7-й, 27-й армиями. В 1944 году был удостоен звания Героя Советского Союза. Награждён четырьмя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени, медалями.

75

Селиванов Алексей Гордеевич (1900—1949) — генерал-лейтенант (1944). В Красной армии с 1918 года. Участник Гражданской войны. Великую Отечественную войну встретил начальником штаба 24-й кавдивизии. Затем был назначен командиром 23-й кавдивизии. С мая 1942-го — начальник оперативного отдела штаба Закавказского фронта. Командовал 44-й и 9-й армиями, 5-м гвардейским Донским кавкорпусом. В апреле 1944-го заболел туберкулёзом и убыл с фронта на лечение в Крым. Награждён орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 2-й степени, орденом Кутузова 2-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 2-й степени, медалями.

76

Смирнов Илья Корнилович (1887—1964) — генерал-лейтенант (1940). В 1908 году призван в русскую армию. Участвовал в Первой мировой войне. В Красной армии с 1918 года. Участник Гражданской войны. Во время Великой Отечественной войны был начальником тыла Южного фронта, командующим 18-й, 24-й армиями. Служил в тыловых частях, находился в резерве. С 3 февраля по 22 февраля 1944-го исполнял должность командующего 4-й гвардейской армией. С мая 1944-го командовал войсками Львовского военного округа. Награждён орденом Ленина, пятью орденами Красного Знамени, орденом Кутузова 1-й степени, медалями.

77

Малиновский Родион Яковлевич (1898—1967) — Маршал Советского Союза (1944). Участвовал в Первой мировой войне. В 1919 году вступил в Красную армию. Участник Гражданской войны. В 1937 году (полковник) был направлен в качестве военного советника в Испанию, участвовал в военных действиях под псевдонимом «Малино». После возвращения преподавал в Военной академии им. М.В. Фрунзе, командовал 48-м стрелковым корпусом. Великую Отечественную войну встретил со своим корпусом на реке Прут. Корпус попал в окружение, но вышел. Командовал 6-й, 66-й армиями, был заместителем командующего Воронежским фронтом, командовал 2-й гвардейской армией, с которой участвовал в Сталинградской битве. С февраля 1943 года — командовал войсками Южного фронта, который впоследствии был реорганизован в 3-й Украинский. С мая 1944-го — командовал войсками 2-го Украинского фронта. Провёл ряд крупных наступательных операций. С июня 1945-го — командовал войсками Забайкальского фронта, наносившего главный удар в Маньчжурской стратегической операции, которая завершилась полным разгромом и капитуляцией почти миллионной японской Квантунской армии. Удостоен звания Героя Советского Союза дважды. После войны командовал рядом военных округов. С октября 1957 года — министр обороны СССР, сменил на этом посту маршала Г.К. Жукова. Участник переворота, в результате которого был смещён Н.С. Хрущёв и к власти приведён Л.И. Брежнев. По некоторым источникам, отдал приказ на вооружённое подавление выступления рабочих в Новочеркасске в 1962 году. Награждён орденом «Победа», пятью орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени.

78

Жмаченко Филипп Федосеевич (1885—1966) — генерал-полковник (1945). Участник Первой мировой войны. В Красной армии с 1918 года. Участник Гражданской войны. В Великую Отечественную войну — командующий 3-й, 47-й и 40-й армиями. Участвовал в битве под Москвой, в операциях на Северном Кавказе, на Курской дуге и в битве за Днепр, в освобождении Киева, в Ясско-Кишинёвской, Будапештской и Пражской операциях. За освобождение Киева удостоен звания Героя Советского Союза. Награждён двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 1-й и 2-й степени.

79

Кравченко Андрей Григорьевич (1899—1968) — генерал-полковник танковых войск (1944). Дважды Герой Советского Союза. В Красной армии с 1918 года. Участник Гражданской и Советско-финляндской войн. Во время Великой Отечественной войны командовал танковой бригадой. В Сталинградской битве — 4-м танковым корпусом. Корпус отличился в битве на Курской дуге и получил наименование — 5-й гвардейский, участвовал в освобождении Киева. С января 1944 года Кравченко командовал 6-й танковой армией, в 1945-м участвовал в Советско-японской войне. Награждён двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-й степени, Богдана Хмельницкого 1-й степени, орденом Суворова 2-й степени, орденом Кутузова 2-й степени, медалями.

80

Богданов Семён Ильич (1894—1960) — маршал бронетанковых войск (1945). Дважды Герой Советского Союза. В Красной армии с 1918 года. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В 1938 году был арестован, до октября 1939-го находился под следствием, был осуждён на два года, но вскоре амнистирован. Во время Великой Отечественной войны командовал танковой дивизией, был заместителем командующего армией, командиром танкового корпуса, командующим 2-й гвардейской танковой армией. Отличился во время Курской битвы и в контрнаступлении на Орёл. Награждён двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Суворова 1-й и 2-й степени, медалями.

81

Коротеев Константин Аполлонович (1901 — 1953) — генерал-полковник. Герой Советского Союза (1945). На военной службе с 1916 года, в Красной армии с 1918-го. Участник Гражданской войны. Участвовал в походе в Западную Белоруссию (1939), в Советско-финляндской войне 1939—1940 годов. В Великую Отечественную войну командовал 55-м стрелковым корпусом, затем 12-й армией, был помощником командующего Южным фронтом, командиром 11-го гвардейского стрелкового корпуса, командующим 9-й, 18-й, 37-й и 52-й армиями. Награждён тремя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени, тремя орденами Кутузова 1-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени и медалями.

82

Катуков Михаил Ефимович (1900—1976) — маршал бронетанковых войск (1959). Дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). Участник октябрьского восстания в Петрограде. В Красной армии с 1919 года. Участник Гражданской войны. Во время Великой Отечественной войны — командир танковой бригады, танкового корпуса, командующий 1-й танковой армией (с 1944 года — 1-я гвардейская танковая армия). Награждён четырьмя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени, орденом Кутузова 2-й степени, орденом Красной Звезды, медалями.

83

Пухов Николай Павлович (1895—1958) — генерал-полковник (1944). Герой Советского Союза. В Русской армии с 1916 года. В Красной армии с 1918 года. Участник Гражданской войны. Во время Великой Отечественной войны командовал стрелковой дивизией, с 1942 года — 13-й армией. Автор мемуаров «Годы испытаний». Награждён четырьмя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, тремя орденами Суворова 1-й степени, двумя орденами Кутузова 1-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени, медалями.

84

Рыбалко Павел Семёнович (1894—1948) — маршал бронетанковых войск (1945). Дважды Герой Советского Союза. Участник Первой мировой войны. В Красной армии с 1919 года. Участник Гражданской и Советско-польской войн. Во время Великой Отечественной войны заместитель командующего 5-й танковой армией, с июля 1942 года — командующий этой армией, затем вступил в командование 3-й гвардейской танковой армией. Награждён двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, тремя орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени, медалями.

85

Полубояров Павел Павлович (1901—1984) — маршал бронетанковых войск (1962). Герой Советского Союза (1945). В Красной армии с 1919 года. Участник боёв на реке Халхин-Гол в 1939 году. Во время Великой Отечественной войны командовал автобронетанковыми войсками Северо-Западного и Калининского фронтов. В августе 1942-го по личной просьбе был назначен командиром 17-го танкового корпуса. 27 января 1943 года корпус был переименован в 4-й гвардейский Кантемировский танковый (ныне Кантемировская дивизия). С июля 1943-го воевал в составе 27-й армии Степного фронта, с декабря 1943-го по 14 января 1944-го — в составе 60-й армии 1-го Украинского фронта. Награждён четырьмя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, пятью орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 2-й степени, двумя орденами Кутузова 2-й степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями.

86

Гордов Василий Николаевич (1896—1950) — генерал-полковник (1943). Герой Советского Союза (1945). Участник Первой мировой войны. В Красной армии с 1918 года. Участник Гражданской войны. Во время Великой Отечественной войны командовал 21-й армией. Допустил ряд ошибок и от должности был отстранён. С октября 1942-го — командующий 33-й армией. В апреле 1944 года был назначен командующим 3-й гвардейской армией. С ноября 1946-го в отставке. 12 января 1947 года был арестован и осуждён по обвинению в вынашивании террористических планов в отношении членов советского правительства. 24 августа 1950 года военной коллегией Верховного суда СССР приговорён к высшей мере наказания. Приговор был приведён в исполнение в тот же день в Лефортовской тюрьме в Москве. Реабилитирован 11 апреля 1956 года. Награждён двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, тремя орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Красной Звезды, медалями.

87

Архипов Василий Сергеевич (1906—1990) — генерал-полковник танковых войск (1963). В Красной армии с 1928 года. Участник Советско-финляндской войны 1939—1940 годов. В Великую Отечественную войну — командир танкового батальона, полка, бригады, корпуса. Звание Героя Советского Союза присвоено за отличия при прорыве укреплённой полосы «Линии Маннергейма» во время Советско-финляндской войны и за успешное форсирование Вислы в 1944 году. Награждён тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, пятью орденами Красного Знамени, орденом Кутузова 2-й степени, орденом Отечественной войны 1-й степени, орденом Красной Звезды, медалями.

88

Москаленко Кирилл Семёнович (1902—1985) — Маршал Советского Союза (1955). Дважды Герой Советского Союза. В Красной армии с 1920 года. Боец 1-й Конной армии. Участник Советско-финляндской войны (1939—1940). В годы Великой Отечественной войны командовал бригадой, корпусами, армиями на Юго-Западном направлении: 1-й танковой, 1-й гвардейской отдельной, 40-й и 38-й. Автор мемуаров «На Юго-Западном направлении». Награждён семью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, пятью орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-й степени, двумя орденами Кутузова 1-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени, орденом Отечественной войны 1-й степени, медалями.

89

Коровников Иван Терентьевич (1902—1976) — генерал-полковник (1955). В Красной армии с 1919 года. Участник Гражданской войны. Во время Великой Отечественной войны — заместитель командира 2-й танковой дивизии, командир оперативной группы 2-й ударной армии, командующий 59-й армией. Награждён орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 2-й степени, двумя орденами Красной Звезды.

90

Гусев Дмитрий Николаевич (1894—1957) — генерал-полковник (1944). Герой Советского Союза (1945). Участник Первой мировой войны, прапорщик. В Красной армии с 1918 года. Участник Гражданской и Советско-финляндской войн. Во время Великой Отечественной войны — начальник штаба 48-й армии, начальник штаба Ленинградского фронта, командующий 21-й армией. Награждён четырьмя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Красной Звезды.

91

Штеменко Сергей Матвеевич (1907—1976) — генерал армии (1948, 1956,1968). В Красной армии с 1926 года. Участник похода в Западную Украину в 1939 году. Во время Советско-финляндской войны работал в оперативном отделе Генштаба. С начала войны до 1945 года — в том же отделе Генштаба. Участник Тегеранской конференции 1943 года. В 1948 году — генерал армии. После ареста Л.П. Берии в 1953 году понижен в звании до генерал-лейтенанта. Г.К. Жуков возвратил Штеменко в Москву. С августа 1956 года — начальник Главного разведуправления Генштаба, с присвоением звания генерала армии. В 1957 году, когда Г.К. Жуков попал в опалу, вновь был разжалован. В 1962 году — начальник Главного штаба сухопутных войск. В 1968 году разработал план вторжения в Чехословакию. В том же году в третий раз ему было возвращено звание генерала армии. Автор ряда книг по военной теории и мемуаров. Награждён орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Суворова 2-й степени, орденом Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды.

92

Глуздовский Владимир Алексеевич (1903—1967) — генерал-лейтенант. В Красной армии с 1919 года. Участник Гражданской войны. Во время Великой Отечественной войны — заместитель командира 1-й Московской стрелковой дивизии, начальник оперативного отдела 26-й армии, начальник штаба 31-й армии, командующий 31-й, 7-й, 6-й армиями. Награждён орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени.

93

Ниши для боеукладки, место для хранения унитарных снарядов в танках.

94

2-я армия Войска польского была сформирована в конце 1944 года. В начале 1945 года введена в состав 1-го Украинского фронта. Боевой состав: четыре пехотные дивизии и танковый корпус. Командовал армией генерал-лейтенант Кароль Сверчевский.

95

Петров Иван Ефимович (1896—1958) — генерал армии. В Красной армии с 1919 года. Участник Гражданской войны. Во время Великой Отечественной войны командовал Приморской армией, 44-й армией, Приморской группой войск Закавказского фронта, Северо-Кавказским фронтом, 33-й армией, 2-м Белорусским, 4-м Украинским фронтами. Был снят с должности командующего 4-м Украинским фронтом. Назначен начальником штаба 1-го Украинского фронта в марте 1945 года. Удачно спланировал и провёл Берлинскую наступательную операцию 1-го Украинского фронта, за что был удостоен звания Героя Советского Союза. Награждён пятью орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Красной Звезды, орденом Трудового Красного Знамени.

96

Сухов Иван Прокофьевич (1895—1962) — генерал-полковник, генерал-лейтенант Польши. Герой Советского Союза (1945). Участник Первой мировой и Гражданской войн. В 1938 году был арестован органами НКВД и уволен из РККА. В 1939-м освобождён и восстановлен в армии. В начале Великой Отечественной войны — на преподавательской работе. С 1943-го — заместитель командующего 3-й танковой армией и одновременно командир 6-го гвардейского танкового корпуса. С 1944-го — командир 9-го мехкорпуса. Награждён двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 2-й степени, орденом Кутузова 2-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 2-й степени, орденом Красной Звезды.

97

Лунинский Александр Александрович (1900—1990) — генерал армии. Герой Советского Союза (1945). В 1919 году призван в Красную армию. Участник Гражданской войны. В 1937—1938 годах в составе китайской армии участвовал в боевых действиях против японцев. В 1940 году — командир 83-й стрелковой дивизии, с которой встретил Великую Отечественную войну. С 1943 года — командир 3-го горнострелкового корпуса. С 1944-го — командующий 28-й армией. В 1945 году участвовал в войне с Японией. Награждён тремя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, тремя орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Суворова 2-й степени, орденом Трудового Красного Знамени Узбекской ССР, орденом Красной Звезды.

98

Ермаков Иван Прохорович (1900—1964) — генерал-майор танковых войск (1943). В Красной армии с 1918 года. Участник Гражданской войны. Во время Великой Отечественной войны — командир 91-го танкового полка 21-го мехкорпуса, командир 22-й танковой бригады 16-й армии Западного фронта, заместитель командующего 31-й, затем 1-й гвардейской, 3-й гвардейской армией по танковым войскам, заместитель командира, а затем командир 5-го гвардейского танкового корпуса 4-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта. Награждён орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 2-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 2-й степени, орденом Красной Звезды.

99

Рязанов Василий Георгиевич (1901 — 1951) — генерал-лейтенант авиации, дважды Герой Советского Союза. В 1920 году был призван в армию. Участник Советско-финляндской войны. Во время войны — заместитель командующего ВВС 5-й армии, командир 76-й авиаэскадрильи, командир манёвренной группы ВВС Юго-Западного фронта, командующий 2-й истребительной авиационной армией, командир 1-го штурмового авиакорпуса. Награждён двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени, орденом Суворова 2-й степени, орденом Красной Звезды.

100

Бакланов Глеб Владимирович (1910—1976) — генерал-полковник, Герой Советского Союза (1945). В Красной армии с 1932 года. В 1939 году был уволен в запас, затем снова призван и назначен начальником штаба полка. Участник Советско-финляндской войны. В начале Великой Отечественной войны — начальник штаба одного из стрелковых полков 1-й Московской пролетарской дивизии. Затем — командир 175-го стрелкового полка, командир батальона курсантов Омского пехотного училища, направлен на фронт командиром 157-й стрелковой бригады. С 1942 года — командир 299-й стрелковой дивизии. Участник Сталинградской, Курской битв и битвы за Днепр. Затем — командир 32-го стрелкового корпуса. В 1944-м назначен командиром 34-го стрелкового корпуса. Автор мемуаров «Ветер военных лет». Награждён орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Суворова 2-й степени, орденом Кутузова 2-й степени, орденом Александра Невского, орденом Красной Звезды.

101

Генерал-фельдмаршал Вальтер Модель командовал группой армий «В», которая была разгромлена и пленена в Рурском «котле» в апреле 1945 года. Сам командующий застрелился. Перед смертью он постоянно высказывал опасение быть захваченным в плен русскими. Его пугало стремительное наступление войск 2-го Белорусского фронта маршала К.К. Рокоссовского.

102

Буняченко Сергей Кузьмич (1902-1945) — полковник РККА, генерал-майор РОА. В Красной армии с 1918 года. Участник Гражданской войны. В 1937 году за критику курса на коллективизацию был исключён из ВКП(б), но вскоре восстановлен. Участник боёв у озера Хасан в 1938 году. Во время Великой Отечественной войны — начальник штаба 26-го стрелкового корпуса, командир 389-й стрелковой дивизии. 5 сентября 1942 года военным трибуналом был приговорён к расстрелу за преждевременное разрушение участка железной дороги, что препятствовало проходу бронепоезда. Приговор отменили. Буняченко был понижен в должности и направлен на фронт. Командовал 59-й отдельной стрелковой бригадой. 16 декабря 1942 года был взят в плен неподалёку от своего КП румынской разведкой. Содержался в концлагерях в районе Херсона. В мае 1943 года вступил в РОА, входившую в состав вермахта. Воевал на Западном фронте, участвовал в отражении высадки союзных войск (операция «Оверлорд») в Северной Франции. Был награждён Железным крестом 2-го класса. В ноябре 1944 года был назначен командиром 1-й дивизии РОА — 600-й пехотной гренадерской дивизии вермахта. В феврале 1945 года произведён в генерал-майоры ВС КОНР. Дивизия выступила на оборону Берлина, понесла большие потери и отступила. Вскоре оставила фронт и двинулась в Чехословакию. По просьбе восставших Буняченко ввёл части дивизии в Прагу. 8 мая 1945 года распустил дивизию (ок. 20 тысяч человек). Сдался американцам. Выдан американской стороной советским войскам. Переправлен в Москву. Осуждён и приговорён к смертной казни. Во время следствия вину свою признал.

103

Родимцев Александр Ильич (1905—1977) — генерал-полковник (1961), дважды Герой Советского Союза (1937, 1945). В Красной армии с 1927 года. Участник войны в Испании и Советско-финляндской войны. Во время Великой Отечественной войны — командир 5-й бригады 3-го воздушно-десантного корпуса; после переформирования корпуса в 87-ю стрелковую дивизию был назначен её командиром. Дивизия вошла в состав 62-й армии и участвовала в Сталинградской битве. С 1943 года — командир 32-го стрелкового корпуса. Награждён тремя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 2-й степени, орденом Кутузова 2-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени, орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Красной Звезды.

104

Толбухин Фёдор Иванович (1894—1949) — Маршал Советского Союза (1944), Герой Советского Союза (1965, посмертно). В 1914 году был призван в русскую армию — солдатом-мотоциклистом. Направлен в школу прапорщиков. С 1915 года — вновь на фронте: командир роты, батальона на Юго-Западном фронте. За отвагу и умелое управление боем был награждён орденами Святой Анны и Святого Станислава. Штабс-капитан. В РККА с 1918 года. Участник Гражданской войны. В 1921 году участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа, затем в боях против белофиннов в Карелии. В 1938—1941 годы — начштаба Закавказского военного округа. До 1942 года начштаба Закавказского, Кавказского, а затем и Крымского фронтов. Отстранён от должности по представлению Мехлиса в марте 1942 года. С мая 1942-го по март 1943-го — заместитель командующего войсками Сталинградского военного округа. Командующий 57-й, затем 68-й армиями. С марта 1943-го — командующий войсками Южного, затем 4-го Украинского фронтов. Награждён двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Красной Звезды. Село Давыдково на Ярославщине переименовано в Толбухино.

105

Этим «присутствующим» человеком был А.А. Епишев — советский партийный и военный деятель, как пишут в энциклопедиях, генерал армии, начальник Главного политуправления. Именно он душил мемуары фронтовиков: «Кому нужна ваша правда, если она мешает нам жить?» И он был прав. Правда о войне и сейчас кому-то мешает жить…

comments

Ссылки

1

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 3038. Д. 16. Л. 24.

2

Ф. 208. Оп. 2454сс. Д. 29. Л. 76.

3

Ф. 208. Оп. 10169сс. Д. 4. Л. 232-234.

4

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 3038сс. Д. 36. Л. 27-36. 136

5

ЦАМО. Ф. 913. Оп. 11309. Д. 70. Л. 160-165.

6

Смоленская область в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов. М., 1977. С. 64.

7

ЦАМО. Ф. 372. Оп. 5629. С. 93.